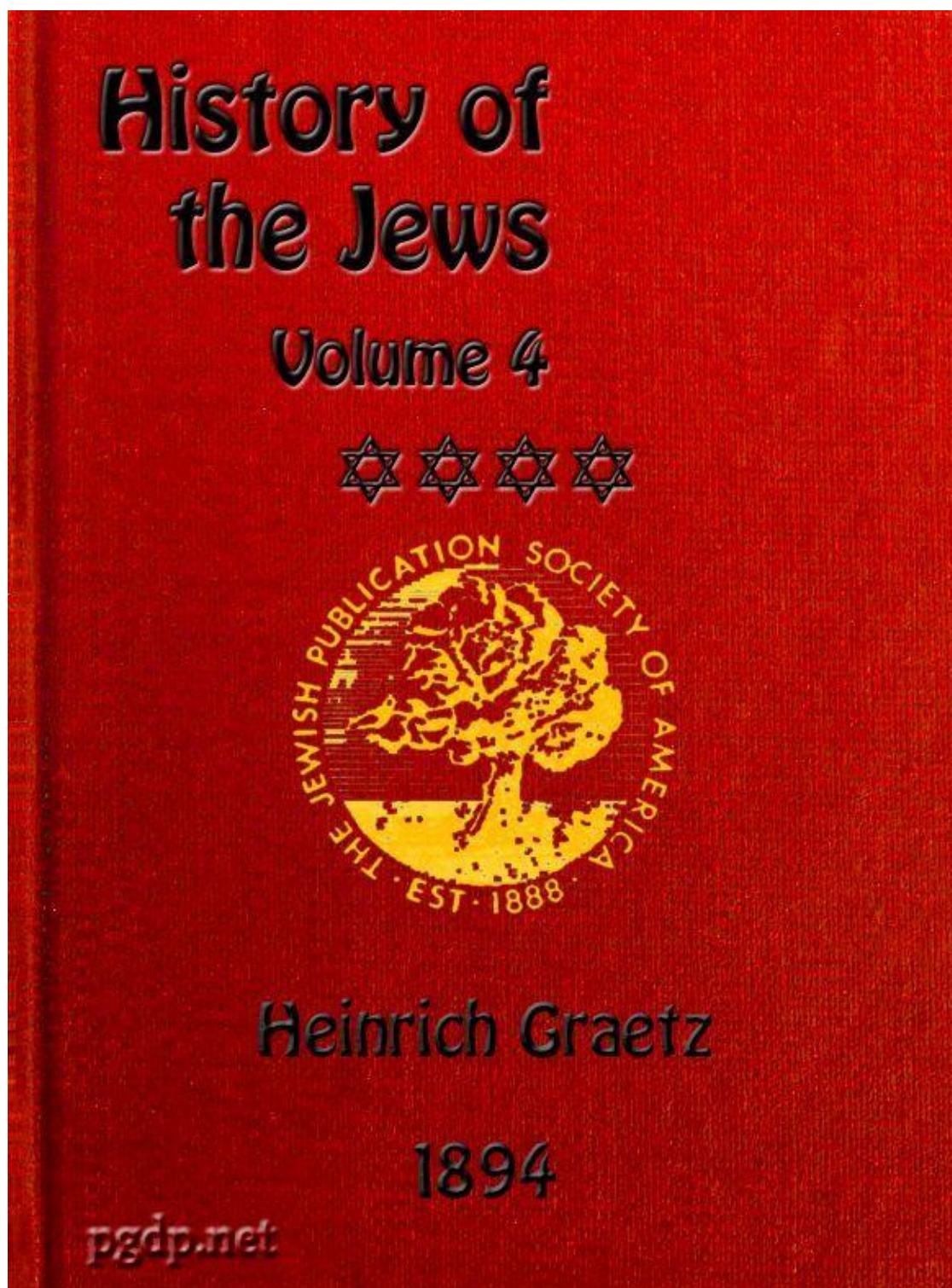

История евреев, Том 4 (из 6)

Генрих Грец

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории евреев, том 4 (из 6)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История евреев, Том 4 (из 6)

Author: Генрих Грец

Дата выхода: 6 октября 2013 г. [Электронная книга № 43900]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ", ТОМ 4 (ИЗ 6) ***

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

BY

ГЕНРИХ ГРЕЦ

ТОМ IV

От возникновения Каббалы (1270 г. н. э.) до Постоянного поселения марранов в Голландии (1618 г. н. э.)

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Еврейское издательское общество Америки
5717-1956

Авторское право, 1894,
Еврейским издательским обществом Америки.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения издателя, за исключением рецензента, который может процитировать краткие отрывки из рецензии для публикации в журнале или газете.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Содержание.

ГЛАВА I.

страница

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ КАББАЛЫ И ЗАПРЕЩЕНИЕ НАУКИ.

Прогресс каббалы—Тодрос Халеви и его сыновья—Исаак Аллатиф и его каббалистические доктрины—Авантюрная карьера Авраама Абулафии—Он принимает облик Мессии—Оппозиция Бен Адрета—Пророк из Авилы—Джозеф Джикатилла и его каббалистические лабиринты—Самозванец Моисей де Леон—Подделки каббалистов—Происхождение Зоара—Его Доктрины и влияние—Шем-Тоб Фалакера—Исаак Альбалаг—Леви из Вильфранша—Самуэль Сулами и Преувеличенное рвение Мейри—Абба-Мари—Якоб бен Махир Профатиус и споры относительно изучения науки—Ашери—Поэт Едайя Бедареси

1

1270-1328 гг. н.э.

ГЛАВА II.

ПЕРВОЕ ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ФРАНЦИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

Филипп ле Бель — Разграбленные и изгнанные евреи Франции—Эстори Парчи; Аарон Коэн; Плач Бедареси—Елеазар Шинонский, мученик—Возвращение евреев во Францию; их шаткое положение—Ход спора относительно изучения философии—Абба Мари и Ашери—Смерть Бен Адрета—Раввинское возрождение в Испании—Исаак Израэль II—Самуил и королева Мария Молина—Дон Хуан Эмануэль и Иуда Ибн—Вакар-Евреи Рима—Роберт Неаполитанский и евреи—Опасность о евреях в Риме—Калонимус бен Калонимус, его сатиры—Эммануил и Данте—Поэт Иуда Сицилиано—Леоне Романо и король Роберт—Шемарья Икрити—Позиция караизма—Аарон Старший и молитвенник караимов

46

1306-1328 гг. н.э.

ГЛАВА III.

ЭПОХА АШЕРИДОВ И ГЕРСОНИДОВ.

Положение Палестины—Паломники и иммигранты—Шем Тоб Ибн-Гаон—
Благоприятное положение евреев в Кастилии при Альфонсо XI—Преследования в
Наварре—Джозеф де Экия и Самуэль Ибн-Вакар—Рост антиеврейских настроений—
Абнер—Альфонсо Бургосский, обращенный в христианство и преследователь
евреев—Гонсало Мартинес—Падение Мартинеса и освобождение евреев—Упадок
изучения науки—Изучение Талмуда преследуется с новой силой—Иаков и Иуда
Ашери—Исаак Пулгар, Давид Ибн—Альбилла—Провансальские философы Ибн—
Каспи, Леон де Баньольс и Видаль Нарбони—Упадок изучения Талмуда в Германии—
Император Людовик Баварский и евреи—Преследования "Кожаных доспехов"

1328-1350 гг.н.э.

ГЛАВА IV.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Рост ложных обвинений против евреев в отравлении колодцев—Массовые убийства
на юге Франции и в Каталонии—Дружественная булла папы Климента VI—Ужасные
массовые убийства во всех частях Германии—Признания, вырванные у евреев на
дыбе—Флагелланты как бич для евреев—Король Польши Казимир—Преследования
в Брюсселе—Черная смерть в Испании—Дон Педро Жестокий и евреи—Сантоб де
Каррион и Самуэль Абулафия—Падение Дона Педро и его последствия для
евреев—Возвращение евреев во Францию и Германию—"Золотая булла" —
Манессье де Везуль—Мататия Меир Халеви—Синод в Майнце,

1348-1380 гг. н.э.,

ГЛАВА V.

ЭПОХА ЧАСДАЯ КРЕСКАСА И ИСААКА БЕН ШЕШЕТА.

Евреи Испании после гражданской войны—Джозеф Пишон и Самуэль
Абрабанель—Отступники: Иоанн Вальядолидский—Менахем бен Зерах, Часдай
Крескас и Исаак бен Шешет—Хаим Галлипапа и его нововведения—Прево Обрио и
евреи Парижа—Французский раввинат—Возрождение еврейского влияния в
Испании—Евреи Португалии—Еврейские государственные деятели Давид и Иуда
Негро—Раввины и духовенство—Преследования в Германии и Испании—Первые
зародыши инквизиции—Второй Изгнание евреев из Франции — Новообращенный
Пессах-Петер—Липман из Мюльхаузена

1369-1380 гг.н.э.

ГЛАВА VI.

ЕВРЕЙСКИЕ ОТСТУПНИКИ И ДИСПУТ В ТОРТОЗЕ.

Марраны—Сатирики—Перо Феррус из Алькалы, Диего де Валенсия и
Вильясандино—Аструк Раймух и Соломон Бонфед—Поль де Санта Мария и его
ревностная кампания против евреев—Джошуа Ибн-Вивес—Профиат Дюран
(Эфоди)—Меир Альгуадес—Философия Крескаса—Смерть Генриха III Кастильского
и неблагоприятные изменения в положении евреев—Мессианские мечты
каббалистов—Евреи ищут убежища в Северной Африке—Симон Дюран—
Джеронимо де Санта—Фе, Винсент Феррер и Бенедикт XIII—Антиеврейский эдикт
Хуана II—Специальный еврейский костюм—Обращение евреев из—за

73

100

136

179

насилованных действий Феррера—Диспут в Тортосе—Представители евреев на Конференции—Инциденты на Встрече—Джеронимо инициирует публикацию Буллы о сожжении Талмуда—Папа Мартин V оказывает поддержку евреям

1391-1420 гг.н.э.

ГЛАВА VII.

ГУСИТЫ. ПРОГРЕСС ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Гуситская ересь —Последствия для евреев, вовлеченных в Борьбу—Якоб Мелин— Авраам Бенвенист и Джозеф Ибн-Шем Тоб на службе кастильского двора—Исаак Кампантон, поэт Соломон Дафьера—Моисей да Риети—Антихристианская полемическая литература—Хаим Ибн—Муса-Симон Дюран и его сын Соломон— Джозеф Альбо как религиозный философ—Еврейские философские системы— Эдикт Базельского собора против евреев—Вспышки фанатизма на Майорке—Астру Сибилли и его обращение в христианство Христианство

221

1420-1442 гг. н.э.

ГЛАВА VIII.

КАПИСТРАНО И ЕГО ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ.

Папа Евгений IV под влиянием Альфонсо де Картахена меняет свое отношение к евреям—Его Булла против испанских и итальянских евреев в 1442 году—Дон Хуан II защищает евреев—Враждебность папы Николая V—Людовик Баварский—Философ Николай Кузанский и его отношение к иудаизму—Иоанн Капистрано—Его влияние на народ обращено против евреев—Капистрано в Баварии и Вюрцбурге—Изгнание общины Бреслау—Изгнание евреев из Брунна и Ольмюца—Евреи Польши под властью Казимир IV—Захват Константинополя Магометом II—Евреи находят убежище в Турции—Караимы—Моисей Капсали—Исаак Зарфати—Положение евреев Испании—Преследования Альфонсо де Спина—Состояние Марранов

248

1442-1474 гг.н.э.

ГЛАВА IX.

ЕВРЕИ В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ ПЕРЕД ИЗГНАНИЕМ ИЗ ИСПАНИИ.

Позиция евреев Италии—Еврейские банкиры—Иехиэль Пизанский — Его отношения с доном Исааком Абрабанелем—Еврейские врачи, Гульельмо ди Порталеоне—Возрождение образования среди итальянских евреев—Мессер Леон и Элиас дель Медиги—Пико ди Мирандола, ученик Медиги—Пристрастие христиан к каббале—Йоханан Алеман—Религиозные взгляды Дель Медиги—Немецкие раввины иммигрируют в Италию—Джозеф Колон, его характер и вражда с Мессером Леоном—Иуда Менц , антагонист Дель Медиги—Бернардинус из Фельтре—Евреи, изгнанные из Трента по ложному обвинению в детоубийстве— Венецианский дож и папа Сикст IV подружались с евреями—Страдания евреев Ратисбона—Израэль Бруна—Синод в Нюрнберге—Император Фридрих III

285

1474-1492 гг.н.э.

ГЛАВА X.

ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ.

Еврейская кровь в жилах испанской знати—Марраны цепляются за иудаизм и

308

проявляют непобедимую антипатию к христианству—Фердинанд и Изабелла—Доминиканцы, Альфонсо де Охеда, Диего де Мерло и Педро де Солис—Катехизис Марранов—Полемический труд против католической церкви и деспотизма дает мощный импульс инквизиции—Трибунал учрежден в 1480 году—Мигель Морильо и Хуан де Сан Мартин — первые инквизиторы—Инквизиция в Севилье— " Эдикт милости"-Процессия и аутодафе-Количество обвиняемых и осужденных—Папа Сикст IV и его нерешительная политика в отношении инквизиции—Инквизиция под руководством первого генерального инквизитора Томаса де Торквемады; ее Конституции—Марраны Арагона—Они обвиняются в смерти инквизитора Арбуэса—Преследования и жертвы—Судебное разбирательство против двух епископов, благосклонных к евреям, Де Авилы и Де Аранды —

1474-1483 гг.н.э.

ГЛАВА XI.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ИСПАНИИ.

Дружба Маррано и евреев—Торквемада требует от раввинов Толедо разоблачения Маррано—Иуда Ибн-Верга—Еврейские придворные при Фердинанде и Изабелле—Исаак Абрабанель: его история и труды—Евреи Португалии при Альфонсо V—Братья Ибн-Яхья—Бегство Абрабанеля из Португалии в Испанию—Евреи Гранады: Исаак Хамон—Эдикт об изгнании, обнародованный Фердинандом и Изабеллой—Его последствия—Отъезд из Испании—Количество изгнанников—Снижение благосостояния Испании Испания после изгнания евреев—Преобразование синагог и школ в церкви и монастыри—Инквизиция и Марранос—Деза, преемник Торквемады

334

1483-1492 гг.н.э.

ГЛАВА XII.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ НАВАРРЫ И ПОРТУГАЛИИ.

Изгнанники из Наварры—Миграция в Неаполь—Король Неаполя Фердинанд I и Абрабанель—Леон Абрабанель—Несчастья евреев в Фесе, Генуе, Риме и на островах Греции—Султан Баязет—Мозес Капсали—Испанские евреи в Португалии—Еврейские астрономы Абрахам Закуто и Хосе Весиньо—Еврейские путешественники Абрахам де Бейя и Джозеф Сапатеиро—Вспышка чумы среди испанских евреев в Португалии—Страдания португальских изгнанников—Джуда Чайят и его товарищи по несчастью—Жестокость евреев в Португалии. Жуан II—Доброе обращение Манозеля сменилось жестокостью после его женитьбы—Насильственное крещение еврейских детей—Леви бен Шабиб и Исаак Каро—Папа Александр VI—Усилия Манозеля в защиту португальских марранов—Смерть Симона Майми и Авраама Сабы

357

1492-1498 гг.н.э.

ГЛАВА XIII.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗГНАНИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ. ОБЩИЙ ВИД.

Широко распространенные последствия изгнания—Изгнанники—Судьба семьи Абрабанель—Леон Медиго—Исаак Акриш—Преобладание евреев испанского происхождения-Североафриканские государства: Самуэль Алваленси, Якоб Бераб,

382

Симон Дюран II—Евреи Алжира, Триполи и Туниса—Авраам Закуто и Моисей Алашкар—Египет: Исаак Шалал, Давид Ибн—Аби Зимра —Евреи Каира—Селим I—Прекращение полномочий Нагида—Иерусалим—Обадья ди Бертиноро—Сафет и Джозеф Сарагосси —Евреи Турции—Константинополь—Элиас Мизрахи: караимы—Общины Салоник и Адрианополя—Евреи Греции—Элиас Капсали—Евреи Италии и папы: Бонет де Латес—Гетто в Венеции—Самуэль Абрабанель и Бенвенида Абрабанела—Абрахам Фариссол—Евреи Германии и их печали—Изгнание евреев из разных городов—Евреи Богемии—Якоб Полак и его школа—Евреи Польши

1496-1525 гг. н.э.

ГЛАВА XIV.

РЕЙХЛИН И ТАЛМУД.

Предшественники новообращенного Джона Пфефферкорна—Пфефферкорн и доминиканцы Кельна—Хогстратен, Ортуинус Грациус и Арнольд Тонгернский—Виктор фон Карбен—Нападки на Талмуд и конфискация экземпляров во Франкфурте—Труды Рейхлина по ивриту и каббалистике—Споры о Талмуде—Активность обеих сторон—Общественное волнение—Полная победа усилий Рейхлина в защиту еврейской литературы—Ульрих фон Хаттен—Лютер—Возрождение изучения иврита

422

1500-1520 гг. н.э.

ГЛАВА XV.

КАББАЛА И МЕССИАНСКИЙ ФАНАТИЗМ. МАРРАНЫ И ИНКВИЗИЦИЯ.

Внутреннее состояние иудаизма—Разделение в общинах—Отсутствие интереса к поэзии—Исторические исследования—"Диалоги любви" Леона Медиго—Превосходство каббалы—Мессианские надежды—Марраны и инквизиция—Энрике Нуньес—Путешественник Давид Рубени в Риме—Соломон Молчо —Его отношения с Давидом Рубени—Джозеф Каро и его "Маггид"—Климент VII—Молчо в Анконе и Риме—Его расположение кардиналов—Смерть Молчо—Восторженное отношение, которым он пользовался — Дуарте де Пас—Павел III—Карл V и евреи—Эмануэль да Коста

477

1500-1538 гг.н.э.

ГЛАВА XVI.

СТРЕМЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЕВРЕЕВ К ЕДИНСТВУ. СТРАДАНИЯ На ЗАПАДЕ.

Усилия к единству—Якоб Бераб предлагает восстановить раввинский сан в Палестине—Успешное противодействие Леви бен Хабибу—Джозеф Каро —Его связь с Соломоном Молчо и его мессианские видения—Религиозный кодекс Каро—Обращение в иудаизм в эпоху Реформации—Изгнание евреев из Неаполя и Праги—Их возвращение в последний город—Доктор Экк—Мартин Лютер и евреи—Мозес Хамон—Еврейские истории Джозефа Коэна, Ибн—Вергаса и Самуэля Уска—Элегия о Самуэле Уске—Реакция в католической церкви; Лойола учреждает орден иезуитов—Цензура книг—Элиано Романо и Витторио Элиано—Новые нападки на Талмуд—Павел IV и его антиеврейские буллы—Преследование маррано инквизицией в Анконе—Джозеф Насси—Левантийские евреи—Изгнание евреев из Австрии и Богемии—Отношения пап Пия IV и V к евреям

529

1538-1566 гг. н.э.

ГЛАВА XVII.

ЕВРЕИ В ТУРЦИИ. ДОН ДЖОЗЕФ НАССИ.

Благосклонность Джозефа Насси к султану Солиману—Его дружба с принцем Селимом—Враждебность Венеции и Франции к Насси—Джозеф Насси восстанавливает Тверию и становится герцогом Наксоса—Визирь Магомет Соколли—Турки по наущению Насси завоевывают Кипр—Восстание против Филиппа II в Нидерландах—Соломон Ашкенази—Избрание Генриха Анжуйского королем Польши—Ашкенази ведет переговоры о мире между Венецией и Турцией—Гедаля Ибн-Яхья и еврейская литература в Турции—Джозеф Каро составляет "Шулхан Арух"—Азарья деи Росси—Исаак Лурья—Еврейский "Темный век"—Распространение каббалы—Ученик Лурьи, Хаим Виталь Калабрезе—Смерть Джозефа Насси—Эстер Кира и влияние еврейских женщин в Турции

593

1566-1600 гг.н.э.

ГЛАВА XVIII.

ЕВРЕИ В ПОЛЬШЕ.

Состояние Польши—Благоприятное положение евреев в этой стране—Антиеврейская партия в Польше—Еврейские общины—Поляки—иудаизаторы—Изучение евреев—Талмуд в Польше—Соломон Лурья—Моисей Иссерлес—Историк Дэвид Ганс—"Цемах Давид"—Верховенство польских властей в раввинских вопросах—Еврейские семинарии в Польше—Диспуты на ярмарках—Хиддушим и Чиллуким—Стефан Батори—Его доброта по отношению к своим еврейским подданным—Сигизмунд III—Ограничение на раввинство Возведение синагог—Еврейские синоды—Ваад Арба Аразот—Мордехай Яфа—Христианские секты в Польше—Социнианцы или унитарии—Симон Будный—Реформаторы и евреи—Исаак Троки—"Укрепление веры"

631

1566-1600 гг.н.э.

ГЛАВА XIX.

ПОСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ГОЛЛАНДИИ. СЛАБЫЕ ПОПЫТКИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ.

Возрождение католицизма—Упадок европейской культуры—Жестокое обращение с евреями в Берлине—Австрийский император Рудольф II—Уменьшение числа итальянских евреев—Папа Григорий XIII—Конфискация экземпляров Талмуда—Энергичные попытки обращения евреев—Папа Сикст V—Еврейский врач Давид де Помис—Возобновление преследований Климентом VIII—Изгнание из различных итальянских государств—Цензоры и Талмуд—Евреи в Ферраре—Поселение евреев в Голландии—Самуэль Паллаче—Якоб Тирадо и Маррано в Амстердаме—Терпимое обращение—Поэт Давид Джесурун—Мозес Ури—Типография на иврите в Амстердаме

650

1593-1618 гг.н.э.

ГЛАВА XX.

ГОЛЛАНДЦЫ ИЕРУСАЛИМ И ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.

Еврейская община Амстердама — Ее богатство, культура и почетное положение— 676
Закуто Лузитано—Внутренние разногласия—Школа Талмуд-Торы—Сол Мортейра,
Исаак Абоаб и Манассия бен Израэль—Португальская община в Гамбурге—Первая
синагога-Лютеранская нетерпимость—Джон Миллер-Еврейская колония в
Бразилии—Главные общины Германии—Преследования во Франкфурте—На-
Майне-Доктор Хемниц—Венская конгрегация—Липман Хеллер—Рвение
Фердинанда II к обращению евреев—Влияние Тридцатилетней войны на судьбы
евреев
1618-1648 гг.н.э.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ГЛАВА I. КУЛЬТИВИРОВАНИЕ КАББАЛЫ И ЗАПРЕЩЕНИЕ НАУКИ.

Прогресс каббалы—Тодрос Халеви и его сыновья—Исаак Аллатиф и его каббалистические
доктрины—Авантюрная карьера Авраама Абулафии—Он принимает облик Мессии—
Оппозиция Бен Адрета—Пророк из Авилы—Джозеф Джикатилла и его каббалистические
лабиринты—Самозванец Моисей де Леон—Подделки каббалистов—Происхождение
Зоара—Его Доктрины и влияние—Шем-Тоб Фалакера—Исаак Альбалаг—Леви из
Вильфранша—Самуэль Сулами и Мейри—Преувеличенное рвение Абба-Мари—Якоб бен
Махир Профатиус и споры относительно изучения науки—Ашери—Поэт Йедаия Бедареси.

1270–1328 С.Е.

Тайная наука Каббала, которая до сих пор принимала скромный вид и носила безобидный характер, начала разжигать раздор во времена Бен Адрета, заманивать в ловушку разум и вводить в заблуждение слабых. То, чего ей не хватало в присущей ей истине и силе убеждения, она пыталась восполнить самонадеянностью. Она уже распространилась из Хероны, своего первоначального центра, и с севера Испании через Сеговию на юг Испании, вплоть до кастильской столицы Толедо, еврейская община которой ранее яростно выступала против мракобесия. В городе Толедо Каббала завоевала приверженность, среди прочих, одного человека, который своим благородным происхождением, королевским положением, высоким положением, богатством и ученостью придавал ей большой вес. Этим человеком, влияние которого даже сейчас не до конца признано, был Тодрос бен Джозеф Халеви из благородной толедской семьи Абулафия (родился в 1234 году, умер после 1304 года). Он был племянником того меира Абулафии, который был таким упорным противником Маймуни и рационалистической мысли. Тодрос Абулафия взял за образец своего дядю, который в преклонном возрасте возложил руки ему на голову и благословил его. Повзрослев, он обратился к Талмуду и тайным знаниям; но, должно быть, он был и деловым человеком, поскольку получил почетное положение при дворе Санчо IV и пользовался особым расположением мудрой королевы Марии де Молина как врач и финансист. Евреи почитали его как своего принца (Наси). Когда король и королева Испании провели встречу в Байонне с

королем Франции Филиппом Красивым, чтобы урегулировать их взаимную вражду (1290), Тодрос Абулафия был в свите первого и получил самое лестное почтение от евреев южной Франции. Тодрос, как и его дядя, был решительным противником философии и ее приверженцев. У него не нашлось достаточно резких слов против мнимых мудрецов, которые считают невероятным и невозможным все, что кажется несовместимым с логикой. Даже Маймуни, которого он очень уважал, он порицал за то, что тот настолько недооценивал важность жертвоприношений, что объяснял их просто уступкой языческим склонностям народа, и за то, что называл подношение благовоний средством очищения воздуха. Он вел яростную войну против философии, отрицающей существование злых духов, что для него было равносильно сомнению в существовании ангелов. Будучи посвященным в тайную науку одним из самых ранних каббалистов, возможно, Якобом из Сеговии, который основал свою собственную школу, Тодрос ценил ее как божественную мудрость, раскрывать завесу которой для непрофессионалов было сопряжено с опасностью. Признание тайной доктрины человеком столь высокого положения не могло не произвести определенного эффекта. Его сыновья, Левий и Джозеф, также с головой погрузились в ее изучение. Двое из четырех каббалистов его времени, которые развивали каббалу и распространяли ее влияние, встали под знамя Тодроса Абулафии и посвятили ему свои сочинения. Этими четверьмя каббалистами первого ранга, которые с большим или меньшим успехом создали новые теории, были Исаак Ибн Латиф, Абрахам Абулафия, Джозеф Джикатилла и Мозес де Леон, все испанцы. Они затемнили ментальный свет, которым интеллектуальные люди, от Саадии до Маймуни, озаряли иудаизм, и заменили утонченную религиозную веру фантастическими и даже богохульными химерами. Интеллектуальная деградация евреев в последующие столетия в значительной степени является их работой. Они ввели в заблуждение как свое время, так и потомство посредством преднамеренного или непреднамеренного навязывания, и ущерб, который они нанесли иудаизму, ощущается даже в наши дни.

Наименее вредным из этих четверых был Исаак бен Авраам Ибн Латиф или Аллатиф (родился около 1220 года, умер около 1290 года). Своим происхождением он, без сомнения, был обязан югу Испании, поскольку был знаком с арабским языком. О его истории ничего не известно, кроме того факта, что он был в дружеских отношениях с Тодросом Абулафией, которому он посвятил одну из своих работ. Его труды, как сказал один из тех, кто пришел после него, кажется, "стоят одной ногой на философии, а другой - на каббале". Но Аллатиф только забавлялся философскими формулами, их смысл, похоже, не стал ему известен. Он не был вдумчивой натурой и не обогатил Каббалу, хотя и пытался создать видимость следования оригинальным методам и избегал обычных каббалистических выражений. Аллатиф начал с мысли, что философский взгляд на иудаизм не был "правильной дорогой к святилищу", и что, следовательно, необходимо искать более высокую концепцию, но вместо того, чтобы прояснить путь, он скрыл его пустыми намеками и ничего не значащими фразами. Аллатиф придавал большее значение, чем его предшественники, тесной связи между духовным и материальным миром - между Богом и Его творением. Ибо Божество пребывает во всем, и все пребывает в нем. В молитвах, вдохновляющих душу, человеческий дух возносится к мировому духу (Сечель ха-Поэль), с которым он соединяется "в поцелуе" и, воздействуя таким образом на Божество, ниспосылает благословения в подлунный мир. Но не каждый смертный способен на такую духовную и действенную молитву; поэтому пророки, самые совершенные люди, были обязаны молиться за людей, ибо они одни знали силу молитвы. Раскрытие Божества в мире духов, сфер и тел было объяснено Исааком Аллатифом в математических формулах. Исаака Аллатифа следует,

однако, считать ясным мыслителем по сравнению с его восторженным современником Абрахамом Абулафией, который пытался установить новый порядок вещей с помощью каббалистических софизмов.

Авраам бен Самуэль Абулафия (родился в 1240 году в Сарагосе, умер в 1291 году) был эксцентричной личностью, полной капризов и любящей приключения. Наделенный живым умом и более чем умеренным объемом знаний, он отказался от здравого смысла, чтобы броситься в объятия энтузиазма. Вся его жизнь с момента взросления была чередой приключений. Его отец, который обучал его Библии и Талмуду, умер, когда его сыну было восемнадцать лет, и два года спустя Авраам предпринял полное приключений путешествие, как он рассказывает, чтобы открыть мифическую реку Саббатсион или Самбатсион и познакомиться с предполагаемыми израильскими племенами, живущими на ее берегах, без сомнения, с мессианской целью. Его разум пребывал в постоянном смятении. Он боролся за ясность, новее глубже погружался в лабиринты и иллюзии. Одно, однако, стало для него очевидным: философия, которой он много занимался, не давала уверенности и, следовательно, не приносила удовлетворения религиозному уму, жаждущему истины. Даже общепринятая банальная Каббала с ее учением о Сфирот не удовлетворяла его душу, поскольку и то, и другое лишь питало гордыню знания. Он, каббалист, так сурово и правильно критиковал несостоятельность этой мистической теории, что удивительно, что у него возникли еще более безумные идеи. Авраам Абулафия стремился к чему-то высшему, к пророческому вдохновению, которое само по себе открывает источник истины, не проходя кропотливого пути систематического применения.

В конце концов Абулафия поверил, что нашел то, к чему стремилась его душа, и что благодаря божественному вдохновению он пришел к высшей Каббале, по отношению к которой низшие мистические доктрины и философия были всего лишь служанками. Он утверждал, что только эта Каббала предлагает средства для вступления в духовное общение с Божеством и получения пророческого прозрения. Это средство было далеко не новым, но твердая убежденность в его эффективности и умение его применять свойственны Абулафии. Разложение слов Священного Писания, особенно всесвятого имени Божьего, использование букв как независимых понятий (Нотарикон), или перестановка составных частей слова во всех возможных вариантах, чтобы образовать из них слова (Цируф), или, наконец, использование букв как чисел (Гематрия), являются средствами обеспечения общения с миром духов. Но одного этого недостаточно. Тот, кто желает сделать себя достойным пророческого откровения, должен принять аскетический образ жизни, должен удалиться от мирской суеты, затвориться в тихой комнате, избавить свою душу от земных забот, облачиться в белые одежды, обвязаться талитами и Филактериями и благочестиво подготовить свою душу, как бы к встрече с Божеством. Кроме того, он должен произносить буквы имени Бога через определенные промежутки времени, с модуляциями голоса, или записывать их в определенном порядке, в то же время совершая энергичные движения, извиваясь и наклоняясь вперед, пока ум не затуманится, а сердце не наполнится сиянием. Тогда тело будет застигнуто сном врасплох, и возникнет ощущение, как будто душа освободилась от тела. В этом состоянии, если оно становится длительным благодаря практике, божественная благодать изливается в душу человека, соединяясь с ней в поцелуе, и пророческое откровение следует совершенно естественно. Этот способ довести себя до состояния экстаза Абулафия, несомненно, практиковал, возбуждая свою разгоряченную фантазию до бреда. Он считал свою Каббалу пророческим вдохновением, с помощью которого он один мог проникнуть в тайны Торы. Ибо ясный смысл этих слов и простое выполнение

религиозных предписаний были предназначены только для непосвященных, как молоко для детей. Эксперты, с другой стороны, находят высшую мудрость в числовом значении букв и в многообразных изменениях слов.

Таким образом, он изложил свою Каббалу в противовес поверхностной или низменной Каббале, которая занимается Сфирот и, как он насмешливо сказал, возводит своего рода единство вместо христианской Троицы. Он читал лекции по своей каббале в Барселоне, Бургосе и Медина-Чели. Общий интеллект был настолько низок, что этот полубезумный энтузиаст находил старых и молодых, чтобы слушать его. Двое из его учеников, Джозеф Джикатилла и Самуил, считавшиеся пророками, оба из Медина-Чели, провозгласили себя пророками и творцами чудес. Тем не менее, Абулафия, по-видимому, вызвал противодействие в Испании или, по крайней мере, не встретил никакого реального сочувствия; он во второй раз покинул свою родную страну, снова отправившись в Италию, где рассчитывал на более сильную поддержку. В Урбино он впервые представил пророческие труды и утверждал, что Бог говорил с ним. Наконец ему пришла в голову безумная идея обратить папу римского в иудаизм (канун субботы 1281 года). Эта попытка дорого ему обошлась. Он был арестован двумя днями позже в Риме, двадцать восемь дней томился в тюрьме и избежал костра только благодаря тому обстоятельству, что Бог, как он выразился, вырастил у него двойной рот (или язык?). Возможно, он сказал папе, что он тоже проповедовал учение о Троице. После этого ему разрешили свободно разгуливать по Риму. Оттуда Абулафия направился на остров Сицилия, и в Мессине он встретил благосклонный прием, приобретя шестерых приверженцев. Здесь он, наконец, провозгласил, что он не только пророк, но и Мессия, и изложил свои претензии в письменном виде (ноябрь 1284 г.). Бог, по его словам, открыл ему Свои тайны и объявил ему об окончании изгнания и начале мессианского искупления. Благодатное событие должно было произойти в 1290 году. Мистицизм всегда был почвой, на которой процветали мессианские фантазии.

Благодаря строгому моральному поведению, аскетической жизни и откровениям, скрытым в неясных формулах, возможно, также благодаря своей обаятельной личности и смелости, Авраам Абулафия нашел многих на Сицилии, кто поверил в него, и начал готовиться к возвращению в Святую Землю. Но интеллигентная часть сицилийской паствы не решалась присоединиться к нему без проведения расследования. Они обратились к Соломону бен Адрету, чтобы получить от него информацию об Аврааме Абулафии. Раввин Барселоны, который был знаком с более ранней карьерой Абулафии, направил серьезное письмо общине Палермо, в котором он сурово осудил самопровозглашенного Мессию как неграмотного и опасного. Естественно, Абулафия не позволил этому нападению остаться без ответа, но продолжил защищаться от доноса. В письме он оправдывал свою пророческую Каббалу и отвергал оскорбления Бен Адрета в столь недостойных выражениях, что многие сочли письмо не подлинным.

Но его оскорбительный ответ не возымел действия, поскольку другие общины и раввины, которые, возможно, опасались, что преследование может быть следствием его фантастических доктрин, также высказались против Абулафии. На Сицилии его так сильно преследовали, что ему пришлось покинуть остров и поселиться на крошечном острове Комино, недалеко от Мальты (около 1288 года). Здесь он продолжал публиковать мистические сочинения и утверждать, что принесет освобождение Израилю. Преследования озлобили его. Он выдвинул обвинения против своих братьев по вере, которые в своем упрямстве не хотели слушать его: "В то время как христиане верят в мои слова, евреи сторонятся их и категорически отказываются

что-либо знать о исчислении имени Божьего, но предпочитают исчислять свои деньги". О тех, кто занимался исключительно Талмудом, Абулафия сказал, что они были охвачены неизлечимой болезнью и что они намного уступали тем, кто был сведущ в высшей каббале. Авраам Абулафия, помимо двадцати шести работ на другие темы, написал по меньшей мере двадцать два так называемых пророческих произведения, которые, хотя и были продуктом больного мозга, использовались более поздними каббалистами. Что в конце концов стало с пророческим и мессианским энтузиастом и авантюристом, неизвестно.

Его экстравагантное поведение не преминуло привести к пагубным последствиям даже в его время и было заразительным, как эпидемия. Примерно в то же время в Испании возникли два энтузиаста, один из которых, вероятно, был учеником Абрахама Абулафии. Один из них появился в небольшом городке Айллон (в округе Сеговия), другой - в большой конгрегации Авилы. Оба провозгласили себя пророками и возвестили мистическим языком о наступлении мессианского царства. Оба нашли последователей. Приверженцы пророка из Авилы рассказывали, что в юности он был невежественным и не умел ни читать, ни писать; что ангел, который являлся ему во сне, а иногда также в моменты бодрствования, внезапно наделил его благодаря высшему вдохновению силой написать всеобъемлющее произведение, полное мистических идей и пространных комментариев (без которых в то время нельзя было представить ни одну достаточно респектабельную книгу). Когда жители Авилы и отдаленных общин слышали об этом, они очень удивились. История вызвала необычайный интерес, и представители конгрегации Авилы проконсультировались с Соломоном бен Адретом, последним высшим авторитетом того времени, относительно того, следует ли им принять это новое пророчество.

Сам будучи приверженцем тайной науки, подписываясь только на библейские и талмудические чудеса, раввин Барселоны ответил, что он счел бы дело пророка из Авилы откровенным мошенничеством, если бы заслуживающие доверия люди не засвидетельствовали его истинность. И все же он никак не мог признать его пророком, поскольку у него отсутствовали основные условия, которые Талмуд называет необходимыми для пророчества: за пределами Палестины пророчество совершенно невозможно; возраст не подходит для пророческого откровения, и пророческий дух не может почивать на совершенно невежественном человеке. Невероятно, чтобы человек ложился спать идиотом, а просыпался пророком. История требовала самого кропотливого и беспристрастного расследования.

Несмотря на предупреждение самого уважаемого раввина того времени, пророк из Авилы продолжил свой путь и установил последний день четвертого месяца (1295 г.) как начало мессианского искупления. Легко поддающаяся влиянию и невежественная толпа готовилась к его пришествию, постилась и щедро тратила деньги на милостыню, чтобы их сочли приемлемыми в мессианском царстве и позволили вкушать его блаженства. В назначенный день введенные в заблуждение люди, одетые как в День Искупления, поспешили в синагоги и ждали там трубных звуков, возвещающих пришествие Мессии. Но ожидаемый Мессия не показывался, и от него не было никаких признаков присутствия. Вместо этого, как говорят, они заметили на своей одежде маленькие крестики, к которым они были совершенно не готовы и которые отчасти отрезвили, а отчасти напугали их. Возможно, что некоторые из недоверчивых прихожан тайно прикрепили кресты к своей одежде, либо чтобы подшутить над своими легковверными братьями, либо чтобы указать, к какому концу их должно было привести мессианское шарлатанство, и таким образом излечить их от заблуждения. Говорят, что некоторые из

последователей самозванца перешли в христианство вследствие этого инцидента; другие погрузились в меланхолию, потому что не могли объяснить наличие крестов. О том, что стало с пророками, или обманутыми обманщиками, Айллона и Авилы, не сообщается. Подобно Абрахаму Абулафии, они были упущены из виду и имеют значение только как наросты болезненного состояния. Возможно, что другой ученик Абулафии, Джозеф Джикатилла, который также считался творцом чудес и жил недалеко от Айллона, сыграл свою роль в безумных или лживых проделках пророков Айллона и Авилы. Джозеф бен Абрахам Джикатилла (родился в Медина-Чели, умер в Пенджафизле после 1305 года) в возрасте двадцати лет услышал изложение сбивающей с толку тайной доктрины Абулафии, и, пока последний все еще находился в Испании, он сочинил собственную каббалистическую книгу, в которой проявляет те же странности, что и его учитель. Он тоже занимался мистицизмом букв и цифр, а также перестановкой букв. Труды Джозефа Джикатиллы на самом деле являются лишь отголоском фантазий Абрахама Абулафии; одно и то же заблуждение очевидно в обоих. Но гораздо более влиятельным и пагубным, чем эти три каббалиста, Аллатиф, Абулафия и Джикатилла, был Моисей де Леон, чье влияние ощущали как его современники, так и потомки. Хотя современник и коллега-специалист разоблачил его действия, Мозесу де Леону удалось внедрить в еврейскую литературу и мышление книгу, которая дала каббале прочную основу и широкое распространение, короче говоря, подняла ее на вершину могущества. Вопрос о Моисее бен Шем Тоб де Леоне (родился в Леоне около 1250 года, умер в Аревало в 1305 году) заключается только в том, был ли он эгоистичным или благочестивым самозванцем. Его намерением, несомненно, было обмануть и сбить с пути истинного, и в этом отношении он выглядит гораздо более подлым, чем Абулафия, который, во всяком случае, был искренен и наивен в своем заблуждении. Ученый, не овладевший досконально ни Талмудом, ни каким-либо другим предметом, Моисей обладал умением ловко использовать то немногое, что он знал, писать легко и бегло, находить связь между самыми отдаленными вещами и стихами Священного Писания, накопленными в хранилище его памяти, и сочетать их с игривым остроумием. Даже Каббала не была представлена ему как система; он знал только ее формы и технические термины и умело пользовался ими.

Беспечный расточитель Мозес де Леон растратил все, что у него было, не задумываясь о том, что останется на завтра; он воспользовался каббалой, вошедшей в моду, чтобы обеспечить себе богатый источник дохода. Он вел бродячий образ жизни, долгое время жил в Гвадалаксаре, затем в Виверро, в Вальядолиде и, наконец, в Авиле. Сначала он публиковал свои интеллектуальные произведения под своим именем (около 1285 г.). Однако его труды не были достаточно замечены и принесли ему мало славы и денег. Затем Мозес де Леон нашел гораздо более эффективное средство для открытия сердец и кошельков. Он начал составлять книги под вымышленными, но уважаемыми именами. Если бы он вложил доктрины Каббалы, конечно, изрядно потрепанные, в уста более древнего, высоко почитаемого авторитета, какого—нибудь внушительного имени из ослепительного прошлого, — позаботившись, конечно, об архаичности колорита и метода изложения, - разве такое сочинение не было бы с жадностью проглочено? Разве он не был бы щедро вознагражден, если бы намекнул, что владеет таким дорогим сокровищем? Мозес де Леон хорошо знал доверчивость тех, кто с большей или менее серьезностью посвящал себя изучению Каббалы; как они жадно искали каждое слово, которое, как им внушали, возникло из древних времен. Ибо с тех пор, как тайная наука была обнародована и добивалась признания, доктрины, которые звучали как каббалистические, были основаны на старых и прославленных именах и, таким образом, нашли

признание. Но Мозес де Леон делал свою работу гораздо умнее, чем большинство фальсификаторов. Он нашел наиболее вероятного автора "Тайной доктрины", против которого могло быть мало возражений или их вообще не могло быть, в лице танаита Симона бар Йохая, который, как говорят, провел тринадцать лет в пещере, уединенный и погруженный в глубокие размышления, и которого древний мистицизм представлял как получающего откровения. Симон бар Йохай, несомненно, был настоящим авторитетом в области Каббалы. Но ему нельзя разрешать писать или говорить на иврите, потому что в этом языке каббалисты распознали бы эхо своих собственных голосов. Он должен изъясняться по-халдейски, на наполовину непонятном языке, особенно подходящем для тайн и звучащем как будто из другого мира. И так в мир пришла книга, книга Зоар (сияние), которая на протяжении многих веков считалась евреями небесным откровением и частично даже сейчас рассматривается христианами как старая традиция. Но редко кому удавалась столь известная подделка с таким тщательным успехом. Мозес де Леон хорошо знал, как произвести должное впечатление на доверчивых читателей. Он заставил Саймона бар Йохая появиться в великолепии, окруженного ореолом, в книге "Зоар" и передать свое откровение кругу избранных учеников (иногда двенадцати, иногда шести), "ученых, которые сияют небесным светом". "Когда они собрались, чтобы составить Зоар, пророку Илии, всем членам небесного конклава, всем ангелам, духам и высшим душам было дано разрешение действовать в согласии с ними, и на десять духовных субстанций (Сфирот) была возложена обязанность раскрыть им глубоко скрытые тайны, приберегаемые для времен Мессии". Или в другой версии: Симон бар Йохай созвал своих последователей на великий совет и услышал хлопанье крыльев небесного воинства, которое также собралось послушать раскрытие тайн, до тех пор неизвестных даже ангелам. Зоар чрезмерно прославляет своего автора. Он называет его святым светом, который стоит выше величайшего пророка Моисея, "верным пастырем". "Клянусь святыми небесами и святой землей", - Зоар заставляет Симона бар Йохая воскликнуть, - "что я вижу сейчас то, чего не видел ни один смертный с тех пор, как Моисей взойшел на Синай во второй раз, да, даже больше, чем он. Моисей не знал, что его лицо сияет; я, однако, знаю, что мое лицо сияет". Благодаря любви Бога к автору книги Зоар, его поколение заслужило откровение до тех пор скрытых истин. Пока жив тот, кто озаряет все сущее, открываются источники мира и раскрываются все тайны. "Горе поколению, оставленному Симоном бар Йохаем". В "Зоаре" он почти обожествлен. Однажды его ученики разразились восторженной хвалой за то, что он поднялся по ступеням небесной мудрости, чего не делал никто из его предшественников; и о нем написано в Священном Писании: "Все люди должны предстать перед Господом", *то есть*, перед Симоном бар Йохаем. Это экстравагантное прославление и самообожествление, достаточное для того, чтобы распознать подделку, не лишено замысла. Им пришлось столкнуться с возражением, как Каббала, столь долго неизвестная и хранимая в секрете благоразумными каббалистами — поскольку они не решались изложить что—либо из этого письменно, - как вся эта таинственная мудрость могла внезапно выйти на свет и быть открыта для всеобщего сведения. Зоар часто использует следующее оправдание: поскольку время, в которое жил Симон бар Йохай, было особенно достойным и богатым благодатью, и поскольку приближался мессианский период, завеса, которая так долго скрывала книгу, теперь может быть отдернута.

Безусловно, существует очень мало сочинений, которые оказали бы такое большое влияние, как "Зоар", или которые можно сравнить с ним по замечательному характеру его содержания и формы. Это книга без начала и конца, о которой неизвестно, составляла ли она когда-то часть целого, принадлежали ли ей первоначально сохранившиеся части или были добавлены позже,

или в более ранний период существовало больше ее частей. Он состоит из трех основных частей с приложениями и пояснительными комментариями. Отсутствие формы в этом фарраго позволило имитировать некоторые части. Так легко и заманчиво имитировать его дикий, хотя и звучный стиль. Таким образом, подделка была подделана в обратном порядке. Нет полной уверенности в том, следует ли рассматривать "Зоар" как краткий комментарий к Пятикнижию, как теософское руководство или как сборник каббалистических проповедей. И его содержание столь же любопытно, запутанно и хаотично, как и его форма и внешний вид. Зоар со своими дополнениями никоим образом не развивает каббалистическую систему, подобную Азриэлю, и не раскрывает идею, подобную Аврааму Абулафии, но играет с каббалистическими формами как со счетчиками - с Эн-Соф, с числом Сфирот, с точками и штрихами, с гласными, ударениями, с именами Бога и перестановкой их букв, а также с библейскими стихами и агадическими высказываниями — приводит их к вечному повторению и таким образом порождает явный абсурд. Иногда это дает слабый намек на идею, но вмиг улетучивается в лихорадочных фантазиях или растворяется в детской глупости.

Основополагающий принцип Зоара (если мы можем говорить о принципах применительно к этой книге) заключается в том, что исторические повествования и религиозные предписания Библии никогда не предназначались для понимания в простом смысле, но что они содержат нечто высшее, таинственное, сверхъестественное. "Возможно ли, - "Зоар" заставляет одного из окружения Симона бар Йохая воскликнуть, - что у Бога не было более святых тем для общения, чем эти обычные вещи об Исаве и Агари, Лаване и Иакове, Валаамовой ослице, ревности Валака к Израилю и распутстве Зимри? Заслуживает ли собрание таких историй, взятых в их обычном смысле, названия Торы? И можно ли сказать о таком откровении, что оно выражает чистую правду?" "Если это все, что содержит Тора, - замечает Симон бар Йохай (или Мозес де Леон), - то в наше время мы можем создать книгу не хуже этой, да, возможно, и лучше. Нет, нет! высший, мистический смысл Торы - это ее истинный смысл. Библейские повествования напоминают красивое платье, которое так очаровывает глупцов, что они не заглядывают под него. Это одеяние, однако, покрывает тело, *то есть* предписания Закона, а это опять же душа, высшая душа. Горе виновным, которые утверждают, что Тора содержит только простые истории, и поэтому смотрят только на одежду. Блаженны праведники, которые ищут истинный смысл Закона. Кувшин - это не вино, поэтому истории не составляют Тору ". Таким образом, тайное знание Мозеса де Леона, естественно, имеет полную свободу действий, чтобы извратить все и вся, придать этому печать возвышенности и таким образом распространить ложную доктрину, не только абсурдную, иногда даже богохульную и аморальную. Все законы Торы следует рассматривать как части и составные части высшего мира; они раскрываются в тайнах мужского и женского начала (положительного и отрицательного). Только когда обе части встречаются, возникает высшее единство. Следовательно, всякий раз, когда кто-либо нарушает один из законов, он затемняет сияющий образ высшего мира.

Почти невозможно дать представление о злоупотреблениях, которые Зоар или Моисей де Леон практикуют при толковании Священного Писания, и о том, как он искажает смысл слов. Предполагается, что в стихе "Поднимите глаза ваши к небу и посмотрите, кто сотворил это" содержится глубокая тайна, которую пророк Илия узнал в небесной школе и открыл Симону бар Йохая; а именно, что Бог был неизвестен и неясен до сотворения мира, каким-то образом существовал и все еще не существует. Он был "Тем, Кто" (неизвестный субъект). Творение - часть Его самораскрытия. Именно посредством творения Он впервые провозгласил Себя Богом.

Зоар особенно посвящен той стороне человека, которая является вечной загадкой для человека, — душе, ее происхождению и концу. Подобно старшим каббалистам, Зоар предполагал предсуществование душ в сверкающем мире Сфирот. Они там, облаченные в духовные одежды, и очарованы созерцанием Божьего света. Когда души собираются войти в этот мир, они надевают земное одеяние, тело; но как только они должны покинуть землю, ангел смерти лишает их этого земного одеяния. Если душа живет благочестиво и нравственно здесь, на земле, она получает свое прежнее небесное одеяние и может еще раз насладиться блаженным экстазом Божьего присутствия; если нет, особенно если она уходит из мира нераскаянной, она бродит обнаженной и пристыженной, пока не очистится в аду. Нагота души, рай и ад, изображенные в фантастических, барочных и ужасных образах, — темы, к которым Зоар часто и с удовольствием делает отступления. То, что происходит с душой во время сна, и тени жизни — грех, нечистота в малом и великом — также являются излюбленными темами для обсуждения в Зоаре, к которым он часто возвращается, представляя их в величайшем разнообразии обликов и повторений. Один из старших каббалистов пришел к мысли, что высшему миру, миру света, святости и ангелов, существует резкая противоположность — мир тьмы, нечестия, сатаны, короче говоря, принцип зла, который также был развит в десять степеней (сфирот) при сотворении мира. Несмотря на свои противоположные характеры, два мира имеют одно происхождение, образуя противоположные полюса, и находятся в таком же отношении друг к другу, как правая сторона к левой. Соответственно, зло называется на языке каббалистов левой или иной стороной. Каббалисты дали другое представление о сатанинской империи. На границе мира света расположен мир тьмы, который охватывает его, как скорлупа окружает ядро плода. Следовательно, Зоар метафорически обозначает зло, или грех, с его десятью степенями, как оболочку (келифа). Эта сторона — любимая тема Зоара, ибо здесь он может применить свое своеобразное изложение Священных Писаний. Десять сфирот левой стороны, Сатанинского царства, перечислены и обозначены именами, отдающими варварством. Имена звучат как имена князей демонов в книге Еноха и, возможно, заимствованы оттуда: Самаэль или Самиэль, Азаэль, Ангизель, Саризель, Картиэль. Зоар отождествляет всех богохульников и нечестивых людей со злым принципом "оболочек" (Келифот) — первого змея, Каина, Исава, фараона и империи Исава, Рима, а также гражданской и духовной власти христианского мира в Средние века, которая покоилась на насилии и несправедливости. Израиль и праведные люди, с другой стороны, принадлежат к миру света, правильным Сфирот. "Тот, кто следует левой стороне (греху) и оскверняет свои поступки, привлекает к себе нечистых духов; они присоединяются к нему и никогда не покидают его". Законы Торы не имеют никакой другой цели, кроме как осуществлять и лелеять союз душ с миром света. Каждое их прегрешение приводит души в мир тьмы, злых духов и нечистоты. Зоар грубо представляет связь душ со светом или с тьмой через образ супружеского союза, поскольку, в целом, он утверждает мужское и женское начало в высшем мире, даже по отношению к Божеству. Пока Израиль живет в изгнании, божественное единство несовершенно и нарушено; Бог станет единым только в те дни, когда Госпожа (Матронита) выйдет замуж за Царя.

Моисей де Леон оставил бы пробел, если бы он не говорил о мессианском периоде — лейтмотиве Каббалы — и не определил его дату. Фактически, внезапное раскрытие доктрины, которую так долго держали в секрете, основано на предположении, что время Мессии близко. Но здесь фальсификатор выдает себя. Вместо указания периода или года явления Мессии, приблизительно соответствующего возрасту Симона бар Йохая (во втором веке), "Зоар" с его казуистической игрой буквами и цифрами продемонстрировал, что это произойдет в начале

четырнадцатого века, следовательно, при жизни автора. "Когда шестидесятый или шестьдесят шестой год перешагнет порог шестой тысячи, Мессия явит себя"; но пройдет некоторое время, прежде чем все народы будут покорены, и Израиль будет собран вместе. Мессия сначала будет призван явиться на землю из своей тайной обители в Раю, "птичьего гнезда", где он пребывал в блаженстве с начала мира. Тогда в мире вспыхнет кровавый конфликт. Эдом и Измаил (христианский и магометанский народы) будут яростно бороться друг с другом, и в конце концов оба будут уничтожены более могущественным народом-завоевателем. Знамена и чудеса будут предвещать наступление этого времени, а воскресение мертвых и всеобщее распространение каббалистического знания о Боге будут означать конец света. Мозес де Леон намеревался пробудить в умах своих современников надежду на то, что они увидят время пришествия Мессии своими собственными глазами. Возможно, он был такой же жертвой мессианского энтузиазма, как и Авраам Абулафия. Несмотря на стремление Зоара возвысить раввинский иудаизм и его закон и с помощью мистического объяснения придать каждому обычаю, каким бы тривиальным он ни был, особое значение, он придирается к Талмуду и его методу и критикует их, хотя и в неясной, двусмысленной манере и с самым невинным видом в мире. Это представляет изучение каббалы как нечто гораздо более важное, чем изучение Талмуда и даже Библии. Каббала обладает способностью парить и способна следовать за полетом Божества в Его непостижимом руководстве вещами; Талмуд, с другой стороны, и его приверженцы имеют подрезанные крылья и не могут подняться к высшему знанию. Зоар сравнивает Мишну (Талмуд) с неприятельской рабыней; каббала, с другой стороны, - с могущественной госпожой. Первое имеет отношение к низшим материям, к "чистому и нечистому", к "разрешенному и запрещенному", к "тому, что годится для использования, а что нет". До тех пор, пока эта женщина правит со своей "сейчас чистой, в другое время нечистой кровью", союз Отца с Матроной (Бога с Израилем) не может состояться. С другой стороны, в мессианский период, когда высшее знание пробудится и обретет господство, Каббала снова утвердит свое господство над рабом (Талмудом), как во времена законодателя Моисея. Наконец, "Зоар" сравнивает изучение Талмуда с неровной, непродуктивной скалой, которая при ударе выделяет скудные капли воды, вызывая лишь споры и дискуссии. Каббала, с другой стороны, подобна обильно текущему источнику, к которому нужно сказать всего лишь слово, чтобы заставить его излить свое освежающее и живительное содержимое.

Когда Зоар, или Мидраш Симона бар Йохая, был опубликован, это вызвало величайшее удивление среди каббалистов. Они с жадностью ухватились за это. Мозес де Леон получил огромное количество приказов прислать копии. На вопрос, откуда вдруг взялся столь всеобъемлющий труд старого учителя Мишны, о котором до тех пор не было известно ни следа, был дан такой ответ: Нахмани эксгумировал его в Палестине, отправил своему сыну в Каталонию, вихрем его унесло в Арагон или Аликанте (Валенсию), где он попал в руки Мозеса де Леона, который единственный владел оригиналом документа. Слава о недавно обнаруженном каббалистическом сокровище вскоре распространилась по всей Испании. Школа Абулафии сразу же воздала должное книге Зоар, признав ее подлинность. Самые смелые надежды Мозеса де Леона более чем оправдались. Конечно, были каббалисты, которые сомневались в том, что Зоар был создан Симоном бар Йохаем и его школой, но, тем не менее, они отдавали дань уважения книге как чистому источнику каббалистических теорий. Когда каббалист Исаак из Акчо, избежавший резни, последовавшей за захватом этого города, прибыл в Испанию и увидел "Зоар", он был поражен и возжелал добраться до сути вопроса, действительно ли этот предполагаемый древний палестинский труд был подлинным, поскольку он родился и получил

образование в Святой Земле, общался с учениками Нахмани, и все же никогда не слышал о нем ни слова. Когда он встретился с Мозесом де Леоном в Вальядолиде, последний торжественно поклялся, что в его доме в Авиле есть старинный экземпляр книги, написанный рукой Симона бар Йохай, и пообещал представить его Исааку из Акчо для изучения. Но Мозес де Леон заболел по пути домой и умер в Аревало (1305). Завеса вокруг происхождения "Зоара" была задернута еще плотнее. Двое влиятельных людей Авилы, Дэвид Рафан и Джозеф де Авилла, действительно узнали простую истину от жены и дочери Мозеса де Леона. Мозес де Леон никогда не обладал оригинальной копией, но развил ее из своего собственного внутреннего сознания и написал ее своей собственной рукой. Его жена откровенно рассказала, что она часто спрашивала своего мужа, почему он публикует произведения своего собственного интеллекта под чужим именем, и что он отвечал, что "Зоар" под его собственным именем не принес бы ему никаких денег, но для Симона бар Йохая это был прибыльный источник дохода.

Таким образом, жена и дочь, не осознавая всей серьезности своих, несомненно, неопровержимых показаний, разоблачили Мозеса де Леона как фальсификатора. Тем не менее, Зоар был встречен безоговорочными аплодисментами каббалистов, потому что он удовлетворял потребность, которая должна была быть удовлетворена тем или иным способом. Каббалистическая доктрина, которая уже приобрела такой большой вес, до сих пор не имела твердой основы; у нее не было другого авторитета, кроме весьма сомнительного авторитета Исаака Слепого. Теперь величественная фигура учителя Мишны в общении с ушедшими духами, небесным воинством и ангелами подтвердила истины, которые в то время многими не только подвергались сомнению, но и полностью высмеивались. Должны ли они, в таком случае, не цепляться за это и не защищать это? То, что Моисей де Леон вложил в уста Симона бар Йохая: "Многочисленны будут вокруг книги Зоар, когда она станет известна, и будут питать ею свои умы в конце дней", - на самом деле произошло вскоре после его смерти. Если Зоар не принес каббалистам ничего существенно нового, то он показал им то, что они действительно знали, в такой своеобразной форме и языком, что они были поражены. Все в нем создано для эффекта, иллюзии и очарования. Долгие дискуссии, которые Симон бар Йохай ведет со своим кругом или с "верным пастырем", обладают драматической силой, особенно сцена, в которой, предчувствуя свой скорый крах, он еще раз сообщает то, что так часто провозглашал. Полными воздействия и оказывающими на умы, легко доступные вере, переносящее и подавляющее влияние являются часто повторяющиеся восклицания в Зоар: Горе, горе тем, кто верит, или не верит, или не уважает то и это. Иногда перемежаются короткие молитвы, которые, будучи возвышенными и образными, особенно подходят для того, чтобы наполнить душу таинственным благоговением. Даже характерные термины, введенные вместо обычных каббалистических форм, рассчитаны на то, чтобы вызвать интерес своим двойным смыслом. Автор обозначил Бога и высшие духовные субстанции (Сфирот) совокупно или в их отдельных частях и проявлениях, как отца, мать, прототип мужчины, невесту, матрону, белую голову, большое и маленькое лицо, зеркало, высшее небо, высшую землю, лилию, яблоневый сад и так далее. Благочестивые перешли на сторону Зоара, поскольку он придает каждому религиозному обычаю и каждой практике более высокий смысл, более высокую святость и таинственный эффект.

Таким образом, в иудаизм был тайком введен новый религиозный учебник. Это поставило Каббалу, которая столетием ранее была неизвестна, на тот же уровень, что Библия и Талмуд, и в определенной степени на еще более высокий уровень. Зоар, несомненно, приносил пользу в той мере, в какой противопоставлял энтузиазм юридической сухой манере изучения Талмуда, стимулировал воображение и чувства и культивировал склонность, ограничивающую

способность рассуждать. Но беды, которые это принесло иудаизму, намного перевешивают все хорошее. Зоар подтвердил и распространил мрачное суеверие и укрепил в умах людей веру в царство сатаны, в злых духов и привидения.

Благодаря постоянному использованию грубых выражений, часто граничащих с чувственными, в противовес целомудренному, чистому духу, пронизывающему еврейскую литературу, "Зоар" посеял семена нечистых желаний, а позже породил секту, которая отбросила всякое уважение к приличиям. Наконец, Зоар притупил чувство простого и истинного и создал призрачный мир, в котором души тех, кто ревностно занимался им, были погружены в своего рода полусон и потеряли способность различать добро и неправду. Его придирчивые толкования Священного Писания, принятые каббалистами и другими людьми, зараженными этим маньеризмом, извратили стихи и слова Священной Книги и превратили Библию в арену борьбы самых любопытных, безумных представлений. Зоар даже содержит высказывания, которые кажутся благоприятными христианскому догмату о Троичности Божества. Мистики расчленили прекрасную форму Священного Писания, предались безумным забавам и притупили всякое чувство истины, но едва ли они были более виновны в этом отношении, чем так называемые философы того времени. Попытка Маймуни привести иудаизм и его религиозную литературу в соответствие с разумом, придать некоторым слишком реалистичным стихам Библии философский или, по крайней мере, приемлемый смысл и поместить религиозные предписания на основе понятной, приемлемой цели, побудила полуученых людей объяснять все и вся таким же образом. Следовательно, аллегоризация Священных Писаний, Агады и обрядов была доведена до невероятной крайности. Эти псевдофилософы лишили истории о сотворении мира и патриархах их исторического характера и интерпретировали их как философские банальности, в которых они использовали аристотелевские и маймунистические термины, как Зоар - каббалистические термины. Авраам и Сарра, например, обозначают для аллегористов материю и форму, фараон - порочные желания, Египет - тело, земля Гесем - сердце, Моисей - божественный дух, а Урим и Туммим, которые первосвященник носил на груди в Храме, были астролябией астрономов, с помощью которой они вычисляли время, долготу и широта. Если бы в то время существовали какие-нибудь еврейские мыслители первого ранга, они приложили бы серьезные усилия, чтобы положить конец этому ребяческому занятию, будь то каббалистическое или псевдофилософское. Но так уж случилось, что эпоха Бен Адрета была бедна великими умами. Даже два главных представителя философии того времени, Шемтоб Фалакера и Исаак Альбалаг, не были выше посредственности и сами были запятнаны современными ошибками.

Были, однако, люди более смелого духа, которые из философских предпосылок делали выводы, ставящие под угрозу стабильность иудаизма. Подобно своим предшественникам, александрийским аллегористам, многие умные и последовательные мыслители были вынуждены в то время пренебрегать церемониями иудаизма, приписывая ошибочные цели религиозным предписаниям. Поскольку церемонии предназначены просто для пробуждения определенных религиозных, философских или моральных чувств, утверждали они, достаточно вызвать эти мысли, проникнуться ими, постоянно занимать ими свой ум, в то время как соблюдение религиозных обычаев является излишним. Некоторые представители этой школы отрицали пророческий характер Моисея, принимая его только как обычного законодателя, какого имели другие народы, и таким образом отвергали божественность Торы. Псевдофилософы поставили под сомнение сами основы иудаизма и тем самым спровоцировали реакцию, вредную для свободного исследования.

Главным авторитетом этой аллегорической школы был человек обширной эрудиции, но полный придурков, которые, сами того не желая, провоцировали жестокие конфликты. Это был Леви бен Абрахам бен Хаим из Вильфранша, недалеко от Перпиньяна (родился около 1240 года, умер после 1315 года). Происходя из респектабельной семьи ученых, он был глубоко начитан в Талмуде; но больше его привлекали философия Маймуни и астрология Ибн-Эзры, поскольку он был горячим приверженцем веры последнего во влияние звезд на судьбу человека. Обладая скорее неустойчивым, чем цельным умом, Леви бен Хаим не имел совершенного представления о целях Маймуни. Для него иудаизм сводился к философским банальностям, которые, какими бы нелепыми и детскими они ни казались нам, как ни странно, считались людьми древности глубокой мудростью. Бен Хаим был распространителем этого поверхностного метода, довольствовавшегося формулами вместо мыслей. Он сочинил два главных труда, один в стихах, другой в прозе, своего рода энциклопедию, в которой применил теорию, почерпнутую из Маймуни, ко всем отраслям знания. В этих книгах он перевел исторические повествования Библии в философские обобщения, объяснил остановку солнца по случаю победы Иисуса Навина как естественное явление и в целом принял любой метод изложения, который зависит от искажения слов. Леви бен Хаим отвергал аллегорические толкования законов; фактически, он осуждал аллегористов как еретиков и желал, насколько это было возможно, сохранить исторический характер библейских повествований. Как и его прототип, Ибн-Эзра, он старался хранить в секрете свои глубочайшие убеждения, чтобы даже его друзья не могли понять его идей. Этот иудаизм, искаженный абсурдными философскими интерпретациями, не только преподавался частным образом, но и проповедовался в синагогах.

Родиной этой псевдофилософии была немалая конгрегация Перпиньяна, столицы провинции Руссильон, входившей в состав королевства Арагон. Хотя у евреев не было завидной доли и они были вынуждены жить в самой убогой части города, предназначенной для прокаженных, они, тем не менее, сохранили вкус к науке и свободному исследованию и с нетерпением ждали новых теорий, которым учили представители и последователи философии Маймуни. Здесь бедный Леви из Вильфранша нашел убежище в доме богатого и влиятельного человека, дона Самуэля Сулами или Сена Эскалиты, чье благочестие, ученость и щедрость были безмерно воспеты его современниками. "От Перпиньяна до Марселя нет другого человека, который мог бы сравниться с Самуэлем Сулами в знании Закона, доброжелательности, благочестии и смирении. Он тайно раздает милостыню, его дом открыт для каждого путешественника, и он неутомим в приобретении книг для своей коллекции". Он переписывался на научные темы с Бен Адретом и проявлял интерес к философской интерпретации Библии и Агады. Даже раввин из Перпиньяна был другом свободомыслия и решительным врагом мумифицированной ортодоксии и безответственной веры буквалиста. Это был дон Видадь Менахем бен Соломон Мейри (родился в Элуле в 1249 году, умер около 1306 года), мало прославленный в свое время, но тем не менее имеющий большое значение. Хотя он не обладал властным влиянием, он обладал привлекательной личностью. У него было то, чего так не хватало почти всем его современникам, - умеренность и такт. Эти качества особенно ярко проявляются в стиле Мейри. Почти все еврейские авторы Испании и Прованса писали свою прозу и стихи в избыточном, напыщенном стиле, как будто весь литературный тезаурус Библии был необходим для выражения скудной идеи. Вызывающий всеобщее восхищение образец того времени, поэт-моралист Йедайя Бедареси, настолько многословен в высказывании самых обычных банальностей, что приходится перечитывать целые страницы его апологий, размышлений и разнообразных сочинений, прежде чем наткнешься на приемлемую идею. Модный стиль,

представляющий собой мозаику библейских фраз, предпочитал многословие. Но Дон Видаль Мейри составляет замечательное исключение из этой практики, его стиль лаконичен и ясен. В своих комментариях к трактатам Талмуда, которые касаются церемониальных обязанностей, он действует методично, переходит от общего к частному, выстраивает свой материал в ясном порядке и стремится дать читателю информацию, а не запутать его. Аналогичного характера заслуживает изложение Священного Писания Мейри. Философы и мистики всегда пытались найти в ней какой-то высший смысл, простое объяснение было для них слишком прозаичным, и соответственно они приписывали Библии свою собственную экстравагантную бессмыслицу. Не так, Мейри. Он, конечно, предполагал, что в Библии есть много заповедей и повествований, которые указывают на нечто большее, чем буквальное значение, но большинство из них, по его мнению, следует понимать совершенно буквально. Мейри, естественно, был недоволен экстравагантными манерами аллегористов, но ему и в голову не приходило отвергать хорошее вместе с плохим, запрещать обучение из-за злоупотребления им.

Некоторые фанатики, жившие в городе, породившем мракобеса Соломона из Монпелье, проскриптора Маймуни и его сочинений, автора стольких разногласий и зла, не отнеслись к этим действиям так спокойно. Хотя псевдофилософские экстравагантности были не более опасны, чем безумства каббалистов, наблюдатели Сиона, тем не менее, не обратили внимания на последнее и вели энергичную войну с первыми, так что философы приобрели больший вес, чем имели бы в противном случае. Фанатики Монпелье едва не разожгли в Якобе огонь раздора. Первый подстрекатель этого несвоевременного рвения принадлежал к тому классу людей, которые выделяют область веры в соответствии с точным правилом, осуждают каждое движение и мнение, выходящее за их пределы, как ересь, и желают искоренить их анафемами и бичеваниями, по возможности огнем и мечом, — классу людей, в которых фанатичное рвение неотделимо от своего рода эгоизма. К этой категории принадлежал абба-Мари бен Мозес из Монпелье, или, как гласил его аристократический титул, дон Астрюк Ан-Дюран де Люнель. Происходивший из респектабельной семьи и пользовавшийся большим влиянием в столице Лангедока, Абба-Мари, безусловно, был не лишен культуры, и он испытывал большое почтение к Маймуни и его сочинениям; но он был безвозвратно привязан к еврейскому вероучению, изложенному Нахмани, и возмущался, если кто-либо осмеливался рассматривать его с точки зрения другой системы. Он не возражал против рассказов о чудесах; напротив, чем больше, тем лучше. Выводы философии и науки, отрицавшие возможность этих чудес, никоим образом не беспокоили его. Выбирая между Моисеем и Аристотелем или между авторитетами Талмуда и сторонниками философии, он ни на минуту не сомневался, кому отдать предпочтение. Конечно, эта ограниченная точка зрения оправданна; но Абба-Мари хотел навязать свое мнение всем остальным и преследовать всех, кто думал иначе. Он не только считал отвратительным публично проповедуемое аллегорическое толкование, но и осуждал изучение всей нечестивой литературы как причину этого отклонения. Он выразил сожаление по поводу того, что это бедствие больше не может быть использовано для того, чтобы заставить замолчать тех, кто заполняет свои умы такими знаниями, как религия, находящаяся под угрозой исчезновения.

Однако Абба-Мари не обладал достаточными полномочиями, чтобы возбудить дело против Леви из Вильфранша и его школы. Он обратился к самому влиятельному раввину того времени Бен Адрету из Барселоны и обвинил его в том, что их извращения приведут к распаду иудаизма, если на них не будут наложены ограничения. Он настаивал на том, чтобы Бен Адрет

воспользовался своим огромным влиянием. Раввин, естественно, счел прискорбным то обстоятельство, что "чужеземцы прорвались через врата Сиона". Он призывал Абба-Мари организовать партию для противодействия этому экстравагантному движению, но категорически отказался от его поддержки, поскольку ему не нравилось вмешиваться в дела конгрегаций за рубежом. Другие фанатики, однако, подхватили дело и довели его до кризиса, среди них дон Бонафу Видадь из Барселоны и его брат Дон Крескас Видадь, переехавший в Перпиньян, оба очень уважаемые и образованные, но такие же нетерпимые, как Абба-Мари. Дон Крескас внес предложение, которое было встречено бурными аплодисментами. Изучение естественных наук и чтение светской литературы в целом должно было быть запрещено еврейской молодежи до достижения ими тридцатилетнего возраста. Только мужчинам зрелого возраста, "которые наполнили свои умы Библией и Талмудом, должно было быть позволено греться у странных очагов философии и естественных наук". Хотя Бен Адрет не был расположен принимать меры против изучения науки, он, тем не менее, считал своим долгом преследовать провокатора столь сильной вражды. Он обиделся на благочестивого Самуэля Сулами за то, что тот предоставил еретику убежище в своем доме, тем самым дав ему возможность распространять свои пагубные взгляды. Он так безжалостно преследовал Самуэля Сулами и подвергал его совесть таким мучениям, что человек, не отличавшийся особой силой характера, пошатнулся в своих прежних убеждениях. Когда умерла его дочь, он поверил, что это было наказанием за его греховность, и отказался от своего гостеприимства к Левию. Многие члены конгрегации Перпиньяна были глубоко возмущены подозрением в ереси, брошенным Левию, и поскольку они знали, что Бен Адрет был человеком с безупречным характером, они выместили свое недовольство на подстрекателе, Абба-Мари, которому они приписывали грязные скрытые замыслы и личные мотивы.

Абба-Мари и его союзники, которые чувствовали себя беспомощными без мощной поддержки, неустанно трудились, чтобы разжечь рвение барселонского раввината, чтобы он мог запретить свободное исследование и изучение науки. В то же время они пообещали сотрудничество всей конгрегации Монпелье, которая, будучи главной на юге Франции, привлечет к себе другие общины. Бен Адрет и его коллегия, поняв по преувеличенному описанию Абба-Мари, что иудаизм находится в величайшей опасности, в конце концов решили заняться этим вопросом, но хотели сначала выяснить мнение конгрегации Монпелье по этому вопросу, и с этой целью послали письмо для прочтения перед прихожанами на случай, если они захотят присоединиться к ним в деле запрета изучения естественных наук. Но как только стало известно о предлагаемом запрете научных занятий, среди самых важных людей конгрегации возникла решительная оппозиция.

В то время в Монпелье жил человек, который благодаря своей семье, положению, богатству и знаниям пользовался большим уважением среди своего народа и который впитал любовь к наукам с молоком матери. Якоб бен Махир Тиббон, известный в христианских кругах как Дон Профиат, или Профатиус (родился около 1236 года, умер после 1312 года), происходил с одной стороны от знаменитого Мешуллама из Люнеля, первого, кто способствовал возрождению образования на юге Франции, а с другой стороны, он был родственником Тиббонидов. С самого рождения его учили смотреть на иудаизм и науку как на сестер-близнецов, живущих вместе в полнейшей гармонии. Как и все образованные евреи своего времени, он был хорошо знаком с еврейской литературой, Библией и Талмудом, занимался медициной как своей профессией, но с особым рвением посвятил себя математике и астрономии. Его точное наблюдение за наклоном земной оси к орбите было положено более поздними мастерами астрономии в основу

своих исследований. Поскольку он приобрел знание арабского языка, он смог переводить полезные научные работы с этого языка на иврит. Его богатые знания не использовались как средство удовлетворения его тщеславия или честолюбия, но он должным образом рассматривал их как отличительное свойство человека, позволяющее ему прийти к самопознанию. Джейкоб Тиббон утверждал, что в счастливые времена еврейского народа наука имела свой дом среди евреев, но изгнание и страдания изгнали ее, и ее бывшие представители теперь должны были стать студентами, чтобы ознакомиться с результатами, достигнутыми иностранными народами. В своих научных трудах Якоб бен Махир преследовал очень благородную цель. Он стремился возвысить своих единоверцев в глазах христианского мира и заставить замолчать насмешки их врагов, которые с издевкой говорили, что они лишены всякого знания.

Теперь этого человека попросили помочь изгнать науку из еврейского мира. Если Абба-Мари хотел осуществить в Монпелье свой план по устранению еврейской молодежи от изучения наук, он должен был принять во внимание Джейкоба бен Махира. Ибо он пользовался большим уважением в своей пастве из-за многих своих превосходных качеств и выдающихся достижений и имел наибольшее влияние на членов церкви, имеющих право голоса. Действительно, он был первым, кому Абба-Мари рассказал о проекте, поддержанном барселонским раввином, направленном против изучения светских наук, и он рассчитывал на сотрудничество Иакова. С впечатляющей решительностью Профиат не только отказался от участия, но и указал на печальные последствия столь серьезного шага и настоятельно потребовал от него отказаться от публичного прочтения письма Бена Адрета. Абба Мари и его союзник, Тодрос из Бокера, тем не менее, упорствовали в своей решимости и созвали членов общины на важное совещание в синагоге в субботу (Элул-август 1304 года). Сразу стало очевидно, что zeloty обманывали самих себя или были слишком уверены в своем утверждении, что евреи Монпелье единодушно согласятся с наложением запрета на науку. Часть прихожан даже воздержалась от участия в обсуждениях, а Джейкоб бен Махир выразил решительный протест против предполагаемого порабощения интеллекта. Последовала бурная дискуссия, и собрание разошлось, так и не придя к какому-либо решению. Вскоре группа, состоящая из защитников науки, а также друзей, приверженцев и паразитов высокочтимого лидера, сплотилась вокруг Джейкоба Махира, самого выдающегося представителя науки. Мракобесы и простодушные примкнули к Абба-Мари, так что община стала жертвой раскола и конфликтов. Каждая партия стремилась завоевать сторонников как внутри сообщества, так и за его пределами.

Для Абба-Мари стало делом чести довести это дело до конца, соответствующего его собственным взглядам, поскольку его поражение раскрыло его истинное положение Бен Адрету и барселонской конгрегации. После неблагоприятного исхода первого обсуждения в синагоге он едва осмелился ответить человеку, которого заверил в единогласном принятии своего предложения. Поэтому он очень энергично работал, собрав по меньшей мере двадцать пять подписей членов конгрегации, чтобы дать Бен Адрету доказательство того, что он не одинок в своих крайних взглядах.

Для Джейкоба Тиббона было не меньшим делом чести не допустить вступления в силу запрета на науку. Ибо он и Тиббониды верили, что нападки были направлены главным образом против их высокочтимых предков, Самуэля Ибн-Тиббона и Джейкоба Анатоли, потому что книга проповедей последнего (Мальмед) была первой, в которой объяснялись библейские истории и религиозные законы, и в то время использовалась в определенных кругах для субботних

богослужений. Бен Адрет, по наущению Абба-Мари, действительно, относился к Анатолию, любимцу Тиббонидов, с презрением. О Самуэле Ибн-Тиббоне, переводчике трудов Маймуни и распространителе его теорий, суровые фанатики не могли сказать ни одного доброго слова. Иуда бен Моисей, его правнук, впоследствии стал душой того, что можно назвать партией Тиббонидов, которая агитировала против плана Абба-Мари. Чтобы привлечь посторонних, Тиббониды распространили информацию о том, что противники науки снова имели в виду осуждение Маймуни и его сочинений как еретических, и что Абба-Мари хотел занять место Соломона Монпелье. Это был очень удачный партийный маневр; он покорила даже тех, кто проявлял безразличие к животрепещущей теме дня, поскольку они считали своим долгом взяться за оружие во имя чести Маймуни. Окрепшая таким образом партия Тиббонидов направила Бен Адрету и барселонцам резкое письмо с просьбой пересмотреть свое решение. Это правда, они не смогли предложить никаких убедительных причин для включения естественных наук в еврейскую учебную программу; но аргументы, которые они приводили в ее пользу, считались удовлетворительными в тот поверхностный век. Они взывали к мудрости царя Соломона "от ливанского кедра до иссопа на стене", которая, по их словам, не относилась ни к чему, кроме естествознания. Из Талмуда также были приведены доводы в пользу изучения естественных наук. Они не признали обоснованность ответа о том, что он не был направлен на то, чтобы вообще запретить исследования, а только на то, чтобы запретить незрелым молодым людям заниматься ими. Это, по их словам, было уклонением от главного вопроса, о котором шла речь. Ибо человек, не знакомый с наукой до своего тридцатилетия, был навсегда неспособен заниматься ее изучением, а в преклонном возрасте никогда не мог восполнить утрату. Более того, Тиббониды протестовали против того, что их заклеили еретиками, потому что наряду с Торой они отдавали дань уважения мирским наукам. Они не признавали превосходства кого бы то ни было в благочестии и ортодоксальности. Наконец, Тиббониды призвали Бен Адрета и его коллегия зарыть топор доноса и раздора. Энергичный и вызывающий тон, взятый Якобом бен Махиром и его сторонниками, сильно раззадорил барселонцев. Напряжение росло. Горькие и едкие письма летели туда и сюда. Обе стороны прилагали усилия, чтобы завоевать новых приверженцев в других общинах и перетянуть на свою сторону колеблющихся. Общины Аржантьера, Эксса, Авиньона и Люнеля через своих представителей выступили в поддержку Абба-Мари и его последователей. В Перпиньяне, главном центре подвергшегося нападкам просвещения, родственник Абба-Мари агитировал в его пользу. Последний особенно желал заручиться поддержкой человека, который в силу своего благородного происхождения и весьма почетного положения имел мощное влияние в Перпиньяне и других местах. Это был Калонимос бен Тодрос из Нарбонны, считавшийся потомком дома царя Давида. Калонимус поначалу, казалось, не был склонен принимать участие в запрете науки; но Абба-Мари с одной стороны и Бен Адreet с другой атаковали его с такой настойчивостью, что в конце концов он пообещал свое согласие и сотрудничество. Поскольку партия Тиббонидов также приобрела новых приверженцев, сам Бен Адрет не стал доводить спор до крайности и решил не издавать указ об отлучении от церкви до тех пор, пока по крайней мере двадцать конгрегаций не заявят о своей недвусмысленной поддержке.

В то время как на юге Франции и в Испании чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону в споре о допуске научных исследований в еврейские круги, немецкие общины переживали серию самых прискорбных событий, которые привели в Испанию человека, сказавшего решающее слово в пользу отлучения от церкви и запрета свободного исследования. Он отличался высокой моралью, редким бескорыстием, чистыми устремлениями

и искренним благочестием и обладал глубокими талмудическими знаниями, но был полон фанатичной ненависти своих соотечественников к нечестивым знаниям. Эмиграция Ашери или Ашер из Германии в Испанию открывает несчастливый период для испанских и провансальских евреев в их усилиях по развитию культуры.

Ашер бен Иехиэль (родился около 1250 г., умер в 1327 г.) из Рейнского округа происходил от предков, которые сосредоточили весь свой мир на Талмуде. Ученик знаменитого Меира Ротенбургского, Ашер усвоил острый тоссафистский метод, сочинял тоссафистские произведения, но обладал более тонким чувством системы и порядка, чем эта школа. После смерти своего учителя, чье тело беспринципный император Адольф Нассауский отказался отдать для захоронения без вознаграждения, Ашери считался одним из самых влиятельных раввинских авторитетов Германии. В его время разразился пароксизм преследований евреев, гораздо худший, чем во время крестовых походов; он лишил жизни тысячи невинных людей или приговорил их к гораздо худшему, чем смерть. В то время в Германии бушевала гражданская война между Адольфом Нассауским и Альбрехтом Австрийским, которые боролись за пустой блеск германской короны. Эта борьба обещала безнаказанность за дерзкие нападения на евреев, которые были запрещены церковью и обществом, и такая возможность была легко найдена. Был распространен слух, что евреи маленького городка Реттинген (во Франконии) осквернили священную облатку и растерли ее в ступке, и, как говорили, из нее потекла кровь. Местный дворянин по имени Риндфлейш встал на защиту воинства, которое, как утверждалось, было осквернено, объявил, что получил миссию с небес искоренить проклятую расу евреев, и собрал вокруг себя доверчивую, одурманенную толпу, чтобы помочь в его кровавых намерениях. Он и его войска первым делом предали огню евреев Реттингена (7 Ияра–20 апреля 1298 года). Отсюда толпа палачей под предводительством Риндфлейша путешествовала из города в город, постоянно пополняя свою численность другими, похожими на них, и уничтожала всех евреев, которые попадались им в руки, даже тех, кто обращался в христианство. Риндфлейш, движимый дерзостью и фальшивым энтузиазмом, справедливо заставлял жителей различных городов жестоко обращаться со своими еврейскими согражданами. Великое сообщество Вюрцбурга было полностью стерто с лица земли (12 авг.–24 июля). В Нюрнберге евреи сначала бежали в поисках убежища в крепость, но, подвергшись нападению и там, они взялись за оружие, и, хотя им помогали гуманные христиане, в конце концов были побеждены и все перебиты (22 февраля–1 августа). Родственник и сокурсник Ашери, Мордехай бен Гиллель, составивший очень важный раввинский труд, погиб примерно в то же время вместе со своей женой и пятью детьми. Многие родители, опасаясь, чтобы их дети из страха смерти не отреклись от своей веры, собственноручно бросали их в огонь и ныряли вслед за ними. В Баварии конгрегации Ратисбона и Аугсбурга были единственными, кто избежал резни. В первом городе, где они с незапамятных времен имели право гражданства, мэр защищал их с большим рвением. В Аугсбурге мэр и городской совет тоже защищали их от разрушителей, Риндфлейша и его орды.

Это кровавое преследование распространилось от Франконии и Баварии до Австрии, унесло жизни более ста сорока общин и более 100 000 евреев и продолжалось почти полгода. Все евреи Германии трепетали и были готовы встретить уничтожение. Это, несомненно, произошло бы, если бы гражданская война в Германии не была прекращена смертью императора Адольфа и избранием Альбрехта. Второй Габсбургер энергично вернул страну к состоянию мира, привлек к ответственности виновных в бесчинствах против евреев и наложил штрафы на города, которые участвовали в них, на том основании, что он понес убытки в своем кошельке из-за принесения в

жертву его "servi camerae" и их товаров. Большинство евреев, крещенных из страха, вернулись в иудаизм, очевидно, при попустительстве императора и представителей церкви. Последствия этой резни также были достаточно горькими. Жены погибших не смогли подтвердить факт смерти своих мужей через еврейских свидетелей, поскольку в живых не осталось ни одного мужчины, способного давать показания. Они могли апеллировать только к заявлению крещенных евреев, чьи свидетельства многие раввины считали недействительными в соответствии с талмудическими законами о браке. Ашери, однако, был достаточно благоразумен, чтобы отступить от этой строгости, и разрешил вдовам снова выходить замуж на основании свидетельств крещенных евреев, вернувшихся в иудаизм.

Ашери не чувствовал себя в безопасности в Германии после этой кровавой резни, или, возможно, ему угрожала опасность со стороны императора Альбрехта. Говорили, что император потребовал от него сумму денег, которую евреи должны были заплатить в качестве выкупа за заключенного Меира Ротенбургского, для которого Ашери стал гарантом. Соответственно, он покинул Германию (лето 1303 г.) и путешествовал из одной страны в другую со своей женой, восемью сыновьями и внуками, и из-за его репутации к нему везде относились с величайшим уважением, особенно в Монпелье, еще до того, как разгорелся спор. В конце концов он поселился в Толедо, крупнейшем городе Испании (январь 1305 г.). С радостью община Толедо назначила знаменитого немецкого раввина на вакантное место в раввинате. Вместе с Ашери мрачный дух чрезмерного благочестия, столь враждебный знанию, вошел в испанскую столицу.

Ашери не скрывал своей антипатии к профанной культуре. Он не мог себе представить, как благочестивые евреи на юге Франции и в Испании могли заниматься предметами, выходящими за рамки Талмуда. С величайшим презрением он пренебрегал самими устремлениями испанских и провансальских евреев, которыми они гордились. Он благодарил своего Создателя за то, что Тот защитил его от пагубного влияния науки. Он не ставил в заслугу южным французам и испанским евреям основательность даже в знании Талмуда и утверждал, что только немецкие и северофранцузские евреи унаследовали мудрость со времен разрушения Храма. Такой человек, как этот, неспособный ценить науки и питающий неприязнь ко всему, чего нет в Талмуде, был вынужден оказывать влияние, пагубное для знания. Рядом с ним сам Соломон бен Адрет казался более или менее вольнодумцем. Абба-Мари немедленно воспользовался услугами человека, от которого он ожидал действенной поддержки своей партии. Он попросил его высказать свое мнение по нерешенному вопросу. Ашери, конечно, безоговорочно одобрил Абба-Мари, но придерживался мнения, что он недостаточно далеко зашел, поскольку зло не было бы искоренено, если бы занятия наукой были разрешены в зрелом возрасте. Яд ереси распространился слишком далеко, все были заражены им, и благочестивых упрекали в том, что они закрывали на это глаза. Его предложение состояло в том, чтобы созвать синод и принять решение о том, что изучение должно быть посвящено исключительно Талмуду, в то время как науками следует заниматься только тогда, когда нет ни дня, ни ночи, то есть вообще не заниматься. Эта исключительная верность Талмуду, отвергавшая всякий компромисс, отстаиваемая энергичным человеком с чистым характером, произвела подавляющее впечатление на неустроенные умы испанских евреев. Сам Бен Адрет, который до сих пор всегда колебался, стоит ли возглавлять движение, сразу заявил, что готов объявить запрет, если Абба-Мари и принц Калонимос подготовят его. Ревностный фанатик Самсон бен Меир, ученик Бен Адрета, взял на себя труд собрать подписи в знак согласия в двадцати общинах. На Толедо особенно рассчитывали, поскольку он находился под влиянием ума Ашери, а затем и на Кастилию в целом, которая, как правило, следовала указаниям главы общины.

Насколько искусственным и противоречащим чувствам большинства было это решение, особенно стало очевидно в конгрегации Монпелье, названной партией Абба-Мари "Башня Сиона". В этом собрании zeloty не рискнули собирать подписи за приговор об отлучении от церкви. Словно бросая вызов, один из Тиббонидов объявил, что прочтет книгу проповедей Анатолия в определенную субботу, и сразу же собрал многочисленную аудиторию. Абба Мари, который неоднократно хвастался Бен Адрету своим могучим влиянием и убедил его, что вся община, за исключением нескольких введенных в заблуждение людей, на его стороне, теперь был вынужден признать, что на Монпелье в этом деле рассчитывать не следует. Сознавая, что их партия была в меньшинстве на юге Франции, два лидера, Абба-Мари и Калонимос из Нарбонны, сделали церковный запрет неожиданно мягким как по формулировке, так и по содержанию. Во-первых, должно было быть запрещено чтение только естественнонаучных и метафизических книг, а все остальные отрасли знания были прямо разрешены. Во-вторых, труды еврейских авторов, даже те, которые касаются естественных наук или метафизики, должны были быть исключены из-под запрета. Абба-Мари, желая пойти навстречу своим противникам на полпути, внес предложение установить срок, в течение которого должно было быть разрешено изучение каждой области знаний, не на тридцатом, а на двадцать пятом году студенческого возраста. Бен Адрет, однако, который не терпел полумер и не терпел отступлений, теперь стал более суровым. Тот, кого раньше приходилось подгонять, теперь стал винтом. Влияние Ашери нельзя недооценивать. В субботу плача в память о разрушении Иерусалима он и его коллеги приказали зачитать анафему против изучения естественных наук во время торжественных церемоний со свитком Закона в руках чтеца (4 Ав–26 июля 1305 г.). Всякий, кто читал какую-либо научную книгу до достижения двадцать пятого года жизни, подлежал наказанию в виде отлучения от церкви. Запрет должен был оставаться в силе в течение полувека. Философские толкователи Священного Писания были обречены в загробной жизни, а в этом мире подвергнуты отлучению от церкви, а их труды приговорены к сожжению. Поскольку не было сделано исключения для научных работ, написанных на иврите, согласно формулировке запрета, запрещению подверглась не только книга проповедей Анатолия, но и философские труды Маймуни. Бен Адрет и его колледж разрешали только изучение медицины на том основании, что ее практика разрешена Талмудом. Это был первый в еврейской истории трибунал по ереси, и Бен Адрет возглавлял его. Доминиканцы нашли послушных подражателей среди евреев.

Согласно общинному строю средневековья, каждая община была независимой, и решения одной общины не имели силы для другой. Соответственно, запрет действовал только в Барселоне, если только его не подтверждала какая-либо другая община. Бен Адрет, однако, приложил все усилия, чтобы он был принят другими общинами. Приговор, подписанный Бен Адретом, двумя его сыновьями и более чем тридцатью наиболее влиятельными членами барселонской конгрегации, был разослан конгрегациям Испании, Лангедока, северной Франции и Германии. Но запрет был принят не так легко, как льстили себе власти Барселоны. Якоб бен Махир и его отряд уже получили уведомление о том, что против них готовится удар, и соответственно приготовились к ответному удару. С самого начала они решили сорвать действие церковного запрета на изучение естественных наук. В Монпелье они составили резолюцию, которая содержала три важных пункта. Приговор об отлучении от церкви должен был пасть на тех, кто из религиозных соображений осмеливался отстранять своих сыновей, независимо от их возраста, от изучения какой бы то ни было науки, независимо от языка, на котором она излагалась; во-вторых, на тех, кто осмеливался произносить непочтительные или

оскорбительные слова в адрес великого Маймуни, и, наконец, также на тех, кто осмеливался осуждать религиозного автора из-за его философской системы. Последний пункт был введен ради памяти Анатолия, которую очернили его оппоненты. Таким образом, был бан против бана. Джейкоб Тиббон и его друзья объявили в синагоге о своем решении в пользу науки и ее защитников, и подавляющее большинство прихожан Монпелье встало на его сторону. Партийное рвение, однако, побудило Тиббонидов предпринять опрометчивый шаг, который грозил привести к тем же пагубным последствиям, которые последовали во время первого конфликта в Монпелье с мракобесами. Поскольку Якоб бен Махир Профатиус и другие члены его партии имели влияние на губернатора города, они хотели заручиться его помощью в случае, если их противники попытаются насильственно ввести барселонский интердикт в действие. Губернатор, однако, объяснил им, что его интересует только один момент: чтобы еврейской молодежи не мешали читать другие произведения, кроме талмудических. Он должен решительно осудить любые попытки воспрепятствовать изучению внеталмудической литературы, потому что, как он откровенно выразился, он не согласился бы на то, чтобы они были лишены из-за страха отлучения средств потенциального обращения в христианство. К остальным пунктам он был равнодушен.

Абба-Мари и его партия теперь были в отчаянии из-за активности своих противников. Поскольку резолюция в пользу неограниченного изучения естественных наук была принята большинством общины, согласно закону раввинов, она была обязательной и для меньшинства, а следовательно, и для их лидера, и они не могли юридически соблюдать запрет Барселоны. Таким образом, у zelotim, провокаторов конфликта, были связаны руки, и они были пойманы в свои собственные сети. Они сделали все, что могли; они протестовали против резолюции Тиббонидов и широко рекламировали свой протест. Но они не могли скрыть, что потерпели поражение, и были вынуждены проконсультироваться с определенными властями относительно того, являются ли решения Тиббонидов обязательными для них. Таким образом, Бен Адрет оказался в затруднительном положении. Партия Якоба бен Махира верила или хотела, чтобы ей поверили, что запрет раввинов Барселоны на изучение научных книг должен был распространяться и на работы Маймуни. Они прославились тем, что взялись за дубинки в защиту чести Маймуни и боролись за славу иудаизма; в то время как их противники, включая Бен Адрета, из-за своей ограниченности и упрямства выставляли свою религию на посмешище образованным христианам. Защитники науки, казалось, постоянно завоевывали общественное мнение. Теперь на их стороне появился молодой поэт, чья красноречивая защита, написанная в очень образном стиле, произвела большое впечатление. Это дает точную картину тех чувств и волнения, которые волновали души поборников науки, и, следовательно, пробуждает интерес даже к сегодняшнему дню. В скромной манере, но с мужественным духом поэт рассказывает Бен Адрету истины, которые ему никогда не доводилось слышать в своем кругу. Этим молодым поэтом, более известным благодаря своему письму, чем стихам, был Едайя Эн-Бонет бен Абрахам, более известный под именем Бедареси (из Безье) и поэтическим псевдонимом Пенини (родился около 1280 года, умер около 1340 года). Едайя Пенини, сын напыщенного поэта Абрахама Бедареси, обладал большим поэтическим талантом, чем его отец. Он обладал живым воображением и поразительным богатством языка, ему не хватало только сдерживающего такта и благородной, общепринятой, возвышающей поэзию цели. Этот недостаток придавал его стихам вид пустой высокопарности и искусственности. Он унаследовал недостаток своего отца, неспособность контролировать переизбыток слов по закону красоты. Он был слишком вычурен и морализировал, вместо того чтобы возвышать и

производить впечатление. На семнадцатом году жизни Едайя Бедареси написал книгу нравоучений (Pardes), а в ранние годы, когда его отец был еще жив, он сочинил молитву примерно из ста стихов, в которых все слова начинаются с одной буквы (Бекашот ха-Мемин), и которой восхищался его отец и, возможно, его современники, но которая, тем не менее, очень безвкусна. Поклонник Маймуни и Ибн Эзры, Бедареси считал науку и философию равными иудаизму, или, как большинство мыслящих людей того времени, он считал, что одно содержит в себе другое.

Бедареси понял, что анафема Бен Адрета нанесла удар по его глубочайшим убеждениям и что на самом деле она была направлена против имени Маймуни, и поэтому он не мог удержаться от резкого упрека отлучающим от церкви. Поскольку он жил в Монпелье и, безусловно, был связан с партией Джейкоба бен Махира, вполне вероятно, что он написал "Защиту Маймуни и науки", отправленную Бен Адрету по их наущению (декабрь 1305 или январь 1306 года). Это послание, как и большинство из тех, что были написаны в рамках этой полемики, предназначалось не только для отдельного человека, к которому обращались, но и для еврейской читающей публики в целом. После того, как Бедареси выразил свое уважение честному, образованному раввину Барселоны, он заметил, что он и его друзья не возмущены запретом, поскольку наука неуязвима и не может пострадать от гнева отлучающих от церкви. Их только задело то, что Бен Адрет заклеил еврейские общины южной Франции как еретиков и ренегатов и обличил их в презрении в своем послании многим общинам и странам. Бен Адрет, продолжал он, позволил Абба-Мари взять себя на буксир и превратил кротовый холм в гору. С незапамятных времен, со времен Саадии, науку в иудаизме не только терпели, но и лелеяли и поощряли, потому что ее значение в религиозном знании было неоспоримым. Более того, обличители ереси не были последовательны; они исключили медицинскую науку из-под запрета, хотя у этой науки, как и у любой другой, была сторона, вступающая в конфликт с религией. Как они могли осмелиться оспаривать труды Маймуни, чья ослепительная личность затмевала всех его великих предшественников? В конце Едайя Бедареси заметила, что в Монпелье вспыхнули ожесточенные столкновения между фракциями. Хотели ли они продолжать разжигать партийную рознь, чтобы отсутствие единства среди евреев могло доставить христианам нечестивое удовлетворение? "Мы не можем отказаться от науки; она подобна дыханию в наших ноздрях. Даже если бы появился Иисус Навин и запретил это, мы не смогли бы повиноваться ему, потому что у нас есть гарантия, которая перевешивает всех вас, Маймуни, которая рекомендовала это и внушила нам. Мы готовы поставить на карту наше имущество, наших детей и саму нашу жизнь ради этого". В заключение он пригласил Бен Адрета посоветовать своим друзьям в Монпелье отказаться от охоты за ересью и воздержаться от разжигания огня раздора.

В то же время в церкви разгорелись яростные споры между королем Франции Филиппом IV и папой Бонифацием VIII, но здесь предметом спора было не идеальное благо, не наука и свободные исследования, а чисто господство, власть и маммона. Между главарями двух партий разгорелась ожесточенная война. Король обвинил папу в ереси, симонии, алчности, лжесвидетельстве и нечистоплотности. И папа освободил подданных от присяги их наследственному королю и отдал свою империю. Враждебность евреев не имела ни такого же широкого размаха, ни в то же время такой же бездонной злобы.

Бен Адрет и несколько человек, подписавших указ об отлучении от церкви, Моисей Искарфат Мелес и Соломон Грасиан, были так неприятно поражены письмом Бедареси и так сильно опасались его последствий, что поспешили дать объяснение, что они никоим образом не

обращались с трудами Маймуни, которого они почитали в высшей степени. Они даже призывали партию Абба-Мари заключить мир со своими противниками, отстоять свое достоинство перед общим врагом. Но сейчас спор достиг той стадии, когда его уже нельзя было урегулировать мирным путем. Взаимная горечь была слишком сильной и приобрела слишком личный характер. Каждая сторона утверждала, что была права со своей собственной точки зрения; ни одна из них не могла согласиться на компромисс или пойти на уступки. Каждый придерживался своих собственных принципов; один стремился обеспечить свободу науки, другой протестовал против того, что еврейская молодежь до наступления зрелости должна быть защищена от пагубного яда знаний. Пока приверженцы Абба-Мари добивались судебных решений, чтобы доказать неправомерность запрета их оппонентов, произошло печальное событие, которое, подобно вихрю, разорвало друзей на части и столкнуло врагов друг с другом.

ГЛАВА II. ПЕРВОЕ ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ФРАНЦИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

Филипп ле Бель — Разграбленные и изгнанные евреи Франции—Эстори Парчи; Аарон Коэн; Плач Бедареси—Елеазар Шинонский, мученик—Возвращение евреев во Францию; их шаткое положение—Ход спора относительно изучения философии—Абба-Мари и Ашери—Смерть Бен Адрета—Возрождение раввинизма в Испании—Исаак Изразель II—Самуил и королева Мария Молина—Дон Хуан Эмануэль и Иуда Ибн-Вакар—Евреи Рима—Роберт Неаполитанский и евреи—Опасность евреев в Риме—Калонимус бен Калонимус, его сатиры—Эммануил и Данте—Поэт Иуда Сицилиано—Леоне Романо и король Роберт—Шемарья Икрити—Положение караизма—Аарон Старший и молитвенник караимов.

1306–1328 С.Е.

Филипп IV Красивый, в то время король Франции, один из тех монархов, которые сделали надменный и беспринципный деспотизм привычным для Европы, внезапно издал секретный приказ (21 января 1306 г.), предписывающий высшим и низшим должностным лицам по всему королевству строжайшее молчание, посадить всех евреев Франции под арест в один и тот же день, без какого-либо предупреждения. Прежде чем евреи полностью оправились от поста в День плача в память о разрушении Иерусалима, и когда они собирались приступить к своим повседневным делам, появились констебли и тюремщики, возложили на них руки и потащили молодых и старых, женщин и детей в тюрьму (10 Ав–22 июля). Там им сказали, что они должны покинуть страну в течение месяца, оставив как свои товары, так и причитающиеся им долги. Любой, кто был обнаружен во Франции по истечении этого срока, подлежал смертной казни. Что могло побудить этого благоразумного, а не клерикального принца так внезапно изменить свое отношение к евреям? Это, конечно, не было клерикальной нетерпимостью и не было уступкой воле народа. Ибо французы даже в средние века не были фанатиками, и у них не было желания переселять евреев, чтобы освободиться от ростовщиков. Алчность была первым мотивом этого жестокого порядка. Ибо вражда Филиппа с папой римским и его война с мятежными фламандцами настолько истощили его казну и сделали необходимым столь беспощадное вымогательство денег, что, как насмешливо говорилось в балладах того времени, "Курица в горшке не была защищена от королевских лап". Царь хотел пополнить свою казну за

счет имущества евреев. Говорят, что к этому жестокосердному решению его подтолкнуло другое обстоятельство. Германский император Альбрехт, который в то время не был в хороших отношениях с Филиппом, потребовал сдачи королевства Арль; далее, чтобы он отдал предполагаемый терновый венец Иисуса и, наконец, чтобы он признал власть преемника Веспасиана, Тита и Карла Великого над французскими евреями, *т.е.*, уступил ему часть с трудом заработанного имущества евреев. Говорят, Филипп посоветовался со своими адвокатами, чтобы решить, кому принадлежит власть над евреями, и когда они передали это германскому императору, ему пришла в голову идея лишить евреев их собственности и отправить своих "*servi camerae*" голыми к Альбрехту. Перед всем миром король прикрывал свой акт насилия, бесчеловечный, поскольку он был не подобен государству, оправданием того, что невероятные безобразия евреев сделали их изгнание обязательным. О том, что он нацелился на имущество евреев, свидетельствовало его безжалостное разграбление. Чиновники не оставили несчастным евреям ничего, кроме одежды, которую они носили, и каждому не более того, что казалось необходимым для жизни в течение дня (12 грошей Турнуа). Повозки с имуществом евреев, золотом, серебром и драгоценными камнями были перевезены королю; менее ценные предметы были проданы по смехотворно низкой цене. В назначенное время (сентябрь 1306 г.) они были изгнаны, около 100 000 душ, из страны, в которой жили их предки, частично во времена Римской республики, задолго до распространения христианства во Франции. Некоторые, кто не мог отделиться от своей собственности и страны, которую они любили, перешли в христианство. Говорят, что вся конгрегация Тулузы была виновна в этой трусости, что едва ли кажется правдоподобным. Знаменитые места, где было проявлено столько интеллекта, колледжи Раши, Там и тоссафистов: Труа, Париж, Санс, Шинон, Орлеан; места, в которых были храмы высшей культуры: Безье, Люнель, Монпелье, откуда борцы за и против науки были ввергнуты в всеобщую нищету, — все эти школы и синагоги были проданы тому, кто больше заплатит, или разданы другим. Немецкий или английский король мог бы разрушить святыни евреев — король Филипп ле Бель подарил синагогу своему кучеру. Можно составить приблизительное представление о суммах, которые принесли королю изгнание и ограбление евреев, если иметь в виду, что продажа еврейских товаров в доме одного только орлеанского префекта принесла 337 000 франков.

Неизвестно, сколько беженцев, доведенных до нищеты, стали жертвами тягот своего путешествия. Горькие стенания тех, кого угнетает тяжелое горе, звучат скорбно и трогательно даже на таком расстоянии во времени. Эстори Парчи, в то время юноша многих достижений и благородного сердца, родственник Джейкоба бен Махира, чьи родители эмигрировали из Испании в южную Францию, так описывает свое горе: "Из дома обучения они вырвали меня; нагим юношей я был вынужден покинуть дом своих предков и скитаться из страны в страну, от народа к народу, языки которых были мне незнакомы". Парчи наконец нашел пристанище в Палестине. Другой беглец, ученый Аарон Коэн из Нарбонны, излил эту элегию: "Несчастный я, я видел страдания изгнания сынов Иакова, подобно стаду крупного рогатого скота, разогнанному на части. С почетного поста я был брошен в страну тьмы". Внезапный поворот судьбы, превративший богатых людей в нищих и подвергнувший утонченных людей и тех, кто привык к жизненным удобствам, горьким лишениям, навел напыщенную поэтессу Едаю Бедареси мрачные размышления. В ярких красках он изобразил беды и боль жизни, беспомощность и ничтожество человека. Его "Испытание миром" (Бечинатх Олам), подсказанное личным наблюдением и горьким опытом, следовательно, производит гнетущее и скорбное впечатление и точно отражает меланхолические чувства несчастной расы.

Изгнание евреев из Франции бессердечным Филиппом ле Белем не обошлось без жертв-мучеников. Те, кто преступил время благодати, но при этом отверг призывы отречься от своей веры, были наказаны смертью. Особенно известен мученик того времени Элеазар бен Иосиф из Шинона. Он был образованным, благородно мыслящим человеком, корреспондентом Бен Адрета, учителем многих выдающихся учеников, среди которых юный Парчи, один из последних в школе тоссафистов. Он был приговорен к сожжению на костре, хотя в его вину нельзя было вменить никакого преступления, кроме того, что он был евреем. Вместе с ним погибли два брата. Изгнанные евреи рассеялись по всем частям света; многие отправились в Палестину. Но большинство оставалось как можно ближе к границам Франции, в самом Провансе, в то время частично находившемся под сюзеренитетом Германии, в провинции Руссильон, которая принадлежала арагонскому королю Майорки, и на этом острове. Их намерением было дождаться благоприятного поворота судьбы, который позволил бы им вернуться в страну своего рождения. Они не строили ложных предположений. Алчность побудила самого короля Филиппа отступить от своей суровости.

Примечательно, что ожесточенная борьба в Монпелье за разрешение еврейской молодежи заниматься изучением естественных наук продолжалась и после изгнания из Франции (сентябрь 1306 г.), и взаимная ненависть двух сторон никоим образом не уменьшилась из-за страданий. Часть партии Тиббонидов обосновалась в Перпиньяне, который принадлежал королю Майорки, который не жаловал евреев. По его приказу экземпляры Талмуда были еще раз доставлены на *аутодафе*; но поскольку он надеялся получить некоторое преимущество за счет поселения умных, трудолюбивых евреев, он потерпел их. Абба Мари и другая часть конгрегации Монпелье сначала поселились в городе Арль, но так как он не мог там оставаться, он тоже эмигрировал в Перпиньян (январь 1307 года). Но противоборствующая сторона, имевшая влияние на короля или губернатора, попыталась воспрепятствовать его поселению в этом месте. Сторонники Абба-Мари, обратившись с заявлениями к королю, добились для него разрешения жить в Перпиньяне. Здесь споры разгорелись с новой силой. Соломон бен Адрет и Ашери, особенно последний, чья решительность характера приобрела для него главный авторитет, снова вмешались. Ашери заявил, что он нерешительно подписал указ, запрещающий молодым людям заниматься светскими науками; поскольку, по его мнению, это была слишком большая уступка, чтобы разрешать это в возрасте двадцати пяти лет. Науку следует полностью запретить, ибо она неизбежно влечет к неверию. Защитники науки подлежали беспощадному осуждению, поскольку невзгоды изгнания не произвели на них никакого впечатления, страдания не сломили их дух неповиновения и не смягчили их жестокосердие.

Эта точка зрения о том, что науке присущи качества, наносящие ущерб иудаизму, получила господство после смерти Бен Адрета (1310), когда Ашери был признан в Испании и соседних странах единственным авторитетом в религиозных вопросах. Ашери, его сыновья и товарищи, эмигрировавшие вместе с ним из Германии, перенесли с берегов Рейна в оживленный Толедо тот дух честного, но мучительного, ограниченного и нетерпимого благочестия; тот мрачный нрав, который считает грехом даже безобидную радость; то чувство низости, которое характеризовало немецких евреев средневековья, и они привили им испанских евреев. Свободная деятельность ума была остановлена. Ашери сосредоточил все свои умственные силы на Талмуде и его изложении. Его главной работой был сборник Талмуда для практического использования (1307-1314). Во всех случаях он стремился обеспечить трудную, болезненную и суровую дисциплину. Если кто-то хотел выразить свои мысли по какой бы то ни было области

знания, он должен был облачить свой предмет в одежды кающейся ортодоксальности. Когда эрудированный Исаак бен Иосиф Израэль II из Толедо опубликовал астрономический труд (1310), ему пришлось привести его в соответствие с талмудическими стандартами и представить его как исповедание веры, поскольку только таким образом он мог обрести благосклонность в глазах Ашери.

Примерно в это же время, во время раввината Ашери в Толедо, видные евреи вновь приобрели влияние при дворе. У короля Фердинанда IV (1295-1312) был казначей-еврей по имени Самуил, советам которого он следовал и в политических вопросах. Вдовствующая королева Мария де Молина, которая держала бразды правления во время несовершеннолетия своего сына, с женской страстностью возненавидела фаворита Сэмюэля, который, как говорят, питал вражду между матерью и сыном. Однажды, когда Самуил был в Бадахосе и готовился сопровождать короля в Севилью, на него напал наемный убийца и так тяжело ранил, что его оставили умирать. Неизвестно, кто спровоцировал этот поступок. Царь проявлял такую заботу и внимание к Самуилу, что тот оправился от своих ран.

Смерть донна Фердинанда положила начало беспокойным временам гражданской войны и социальной анархии в Испании. Поскольку инфант Альфонсо был еще ребенком в колыбели, несколько человек, умница Мария де Молина, молодая королева-мать Констанция и дяди молодого короля, боролись за опеку и регентство и спровоцировали междоусобицу в стране (1312-1326). Донна Мария де Молина, возглавлявшая правительство, не распространяла свою ненависть против еврейского советника своего сына на общину, к которой он принадлежал. Как при жизни ее мужа у нее был любимец-еврей Тодрос Абулафия, так и во время ее регентства у нее был казначей-еврей Дон Мозес. Когда собор в Заморе (1313 г.) обновил канонические законы, враждебные евреям, кортесы Бургоса потребовали лишения евреев всех почестей и должностей, а папа римский издал буллу, согласно которой христиане должны быть освобождены от своих долгов перед евреями из-за ростовщичества, мудрый регент подчинился лишь частично. Она приказала, чтобы евреи не носили громких христианских имен и не вступали в тесные сношения с христианами; но она самым решительным образом выступила против несправедливого списания долгов и опубликовала закон, согласно которому ни один должник не мог освободиться от своих обязательств перед исповедующими иудейскую веру, апеллируя к папской булле.

Регентство донна Хуана Эмануэля положило начало улучшению положения кастильских евреев (1319-1325). Регент был другом учености, сам был писателем и поэтом, и поэтому пользовался уважением образованных евреев. Еврей из Кордовы, Иегуда бен Исаак Ибн-Вакар, пользовался большим расположением в его глазах и, вероятно, исполнял обязанности его казначея. По его просьбе Хуан Эмануэль еще раз наделил раввинат уголовной юрисдикцией, которую евреи частично утратили во время регентства Марии де Молины и практиковали только в частном порядке.

Иегуда Ибн-Вакар, однако, был почитателем Ашери и, подобно последнему, отличался чрезмерным благочестием, желая, чтобы каждое религиозное нарушение наказывалось со всей строгостью. Когда кордовец произнес богохульство по-арабски, Ибн-Вакар спросил Ашери, что с ним делать, и последний ответил, что ему следует отрезать язык. Красивая еврейка вступила в половую связь с христианином, дон Хуан Мануэль предоставил ее наказанию

еврейского суда, и Иегуда Ибн-Вакар приговорил ее к обезображиванию лица путем удаления носа, и Ашери подтвердил приговор.

Южноиспанская и кастильская конгрегации все еще жили в мире и безмятежно владели своим имуществом; с другой стороны, конгрегации северной Испании и, тем более, южной Франции подвергались кровавым нападениям фанатичных орд, которых церковь освободила, а затем не смогла сдержать. Евреи снова жили во Франции. Людовик X отозвал их через девять лет после изгнания (1315). Этот король, сам охваченный желанием отменить постановления своего отца и предать суду своих советников, обратился к народу и знати, которые не могли обойтись без евреев, с просьбой вновь впустить их во Францию. Соответственно, он вступил с ними в переговоры относительно их возвращения. Но евреи не приняли его предложение без раздумий, ибо они хорошо знали непостоянство французских королей и фанатичную ненависть духовенства к ним. Сначала они колебались, а затем выдвинули свои условия. Они заключались в том, чтобы им разрешили проживать в тех же местах, что и раньше; чтобы их не привлекали к ответственности за прежние проступки; чтобы им вернули их синагоги, погосты и книги или предоставили места для новых мест отправления культа. Они должны были иметь право собирать причитающиеся им деньги, из которых две трети должны были принадлежать королю. Их прежние привилегии, поскольку они все еще оставались в силе, должны были быть вновь распространены на них или предоставлены новые. Король Людовик принял все эти условия и предоставил им также право эмиграции с определенными ограничениями. Чтобы примирить духовенство, он, со своей стороны, поставил условия, чтобы они носили значок определенного размера и цвета и не вели ни публичных, ни частных споров о религии. Для надзора за переселением евреев были назначены два высокопоставленных чиновника (*prud'hommes*, *auditeurs des Juifs*). Их пребывание во Франции было определено на двенадцать лет; если король решит снова выслатить их по истечении этого срока, он взял на себя обязательство предупредить их за год, чтобы у них было время подготовиться. Король опубликовал этот указ, объявив, что его отцу опрометчиво посоветовали изгнать евреев. Поскольку глас народа требовал их возвращения, поскольку церковь стремилась к политике терпимости, и поскольку Людовик святой создал прецедент сначала изгнания, а затем повторного принятия евреев, он, после должных консультаций с прелатами, баронами и своим высшим советом, разрешил возвращение евреев. Французские евреи массово возвращались в свои прежние жилища, расценивая это событие как чудесное искупление. Когда год спустя Людовик X умер и на трон взошел его брат Филипп V Длинный, он расширил их привилегии и особенно защитил их от вражды духовенства, так что они и их книги могли быть изъяты только королевскими чиновниками. Но они не были свободны от досады дегенеративного духовенства, которое настаивало на том, чтобы евреи Монпелье, которые думали, что могут позволить себе определенные вольности, повторно прикрепили еврейский значок к своей одежде. В одно время они обвинили евреев Люнеля в том, что они публично надругались над изображением Христа на празднике Пурим; в другое время они приказали публично сжечь в Тулузе две повозки экземпляров Талмуда. Однако подобные происшествия были просто детской забавой по сравнению с тем, что им пришлось вынести от фанатичной толпы.

Филиппу V пришла в голову идея, противоречащая духу времени, предпринять крестовый поход, чтобы после стольких тщетных попыток вырвать Святую Землю из рук неверных. Это предприятие показалось проницательному человеку настолько глупым, что даже папа Иоанн XXII, второй из пап, проживавший в Авиньоне, а не в Риме, отговорил его от него. Тем не менее, эта фантазия, как только о ней стало известно, воспламенила умы грубого населения. Молодой

человек с возбужденным воображением рассказал, что голубь то садился ему на голову, то на плечо, и когда он попытался схватить его, он превратился в красивую женщину, которая убеждала его собрать отряд крестоносцев, уверяя его в победе. Его высказывания находили доверчивых слушателей, и низшие люди, дети и свинопасы привязывались к нему. Нечестивый священник и лишенный сана монах-бенедиктинец воспользовались случаем, чтобы пробиться вперед, и таким образом в северной Франции (1320 г.) возникла многочисленная орда из сорока тысяч пастухов (Пастуро, Пасторелли, Роим), которые процессией переходили из города в город со знаменами и объявляли о своем намерении отправиться за море, чтобы доставить так называемый гроб господень. Их внимание немедленно переключилось на евреев, возможно, потому, что они хотели собрать деньги на покупку оружия, отняв у евреев их имущество, или еврей, как рассказывают, посмеялся над их детским героизмом. Массовое убийство евреев пастухами (Гесерет-ха-Роим) - еще одна кровавая страница еврейской истории.

Почти все предприятия крестоносцев начинались с убийства евреев; так было и на этот раз. Банды пастухов, собравшиеся близ города Ажен (на Гаронне), вырезали всех евреев, которых они встречали на своем пути из этого места в Тулузу, если они отказывались креститься. Около пятисот евреев нашли убежище в крепости Верден (на Гаронне), комендант которой предоставил в их распоряжение мощную башню. Пастухи взяли ее штурмом, и произошла отчаянная битва. Поскольку у евреев не было надежды на спасение, они в отчаянии прибегли к самоуничтожению. Несчастный народ выбрал самого старого и уважаемого человека из своего числа, чтобы убить их одного за другим. Старик выбрал мускулистого молодого помощника в этом ужасном деле, и оба принялись за работу, чтобы избавить своих товарищей по несчастью от их жалкой жизни. Когда, наконец, молодой человек, убив своего престарелого напарника, остался один, им овладело сильное желание жить; он объявил осаждавшим пастухам, что готов перейти к ним, и попросил принять крещение. Последние были достаточно справедливы или жестоки, чтобы отказать в просьбе и разорвали отступника на куски. Еврейских детей, найденных в башне, крестили насильно. Губернатор Тулузы ревностно поддержал дело евреев и призвал рыцарей взять приближавшихся пастухов в плен. Таким образом, многие из них были доставлены в цепях в столицу и брошены в тюрьму. Но толпа, которая им сочувствовала, объединилась и освободила их, в результате чего большая часть конгрегации Тулузы была уничтожена. Некоторые перешли в христианство. После поимки пастухов близ Тулузы евреи по соседству, которым было предоставлено убежище в Кастель-Нарбонне, подумали, что теперь они вне всякой опасности, и покинули свое убежище. Они были застигнуты врасплох этим сбродом и уничтожены. Так погибли почти все евреи в окрестностях Бордо, Гаскони, Тулузы, Альби и других городов южной Франции. В общей сложности более 120 еврейских общин во Франции и северной Испании были стерты с лица земли восстанием пастухов, а оставшиеся в живых были настолько обнищали в результате грабежей, что зависели от помощи своих братьев в других частях света, которая в изобилии поступала к ним даже из Германии.

Следующий год также был очень неудачным для евреев, во Франции снова начались беспорядки. Это преследование было вызвано прокаженными, от которых оно получило свое название (Гесерет Мезораим). Несчастных людей, пораженных проказой в Средние века, изгоняли из общества, объявляли умершими как граждан, запирали в нездоровых помещениях и там за ними определенным образом ухаживали. Однажды, когда некоторые прокаженные в провинции Гиенн были плохо обеспечены пищей, они задумали и привели в исполнение план отравления колодцев и рек, в результате чего погибло много людей (1321). Когда дело дошло до прокаженных и их допросили под пытками, один из них выдумал или кто-то подсказал ему

лживое обвинение в том, что евреи вдохновили их на план отравления воды. Этому обвинению все поверили; даже король Филипп V в нем не сомневался. Иногда утверждалось, что евреи хотели отомстить за страдания, испытанные от рук Пастухов годом ранее; опять же, что магометанский король Гранады убедил их отравить христиан; или предполагалось, что они сделали это в союзе с магометанским правителем Палестины, чтобы сорвать предполагаемый крестовый поход короля Филиппа. В нескольких местах евреи были арестованы по этому обвинению, подвергнуты немилосердным пыткам, а некоторые из них сожжены (Таммуз—июль 1321 г.). В Шиноне была вырыта глубокая яма, в ней разожгли огонь и бросили туда восемь еврейских мужчин и женщин, которые пели, умирая. Матери ранее отдавали своих детей, чтобы спасти их от насильственного крещения. В общей сложности, как говорят, в том году в огне погибло пять тысяч человек. Многие были изгнаны из Франции и ограблены бессердечным населением. Позже Филипп убедился в лживости этого обвинения; но поскольку обвинялись евреи, он, по-видимому, считал, что эту возможность можно использовать для пополнения казны. Соответственно, конгрегации были приговорены парламентом к штрафу в размере ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов (парижских); они должны были распределить пожертвования между собой. Депутаты (*procureurs*) от северной Франции (*de la langue française*) и от Лангедока встретились и постановили, что евреи южной Франции, уничтоженные и обнищавшие в результате прошлогодней резни, должны внести сорок семь тысяч фунтов стерлингов, а остальное должны были оплатить евреи северной Франции. Самые богатые евреи были арестованы в качестве обеспечения уплаты штрафа, а их имущество и долги конфискованы.

В том же году большая опасность угрожала старейшему из европейских сообществ. Несчастье постигло его тем более неожиданно, что до тех пор он лишь немного отведал от чаши страданий, которую евреям Англии, Франции и Испании так часто приходилось испивать до дна. Именно потому, что Рим принадлежал не папе, а семьям Орсини и Колонна, гибеллинам и гвельфам — великим и мелким лордам, которые боролись со своими партийными распрями в этом городе, — евреев не коснулась папская тирания. Для них было хорошо, что с ними мало считались.

Примерно в это время римские евреи достигли значительного прогресса в материальном благосостоянии и интеллектуальной культуре. Были такие, у кого были дома, похожие на дворцы, обставленные всеми удобствами для жизни. С тех пор, как по стечению благоприятных обстоятельств они вкусили от древа познания, итальянские евреи ценили ученость и поэзию. Семена, которые разбросали Гиллель Веронский, Серачья бен Шалтиэль и другие, начали приносить плоды. Когда цветок интеллектуальной славы на юге Франции начал увядать из-за суровости ригористов-талмудистов и кровавых преследований, он расцвел в Италии, особенно в Риме. В то время в Италии появились первые лучи нового культурного развития, пробившиеся сквозь мрак жречества и грубого насилия средневековья. Свежий поток воздуха пронесся по небу в Италии в начале четырнадцатого века, в эпоху Данте, растопив ледяной покров церкви и рыцарства, двух столпов средневековья. Чувство гражданственности, стремление к свободе, восторженная любовь к науке были поразительными симптомами нового духа, стремления к возрождению, которого не смогли уловить только император, воплощение грубого, неуклюжего рыцарства, и папа, воплощение суровой, негибкой церкви. Каждый более или менее крупный итальянский сеньор считал делом чести поощрять искусство и науку и покровительствовать поэтам, художникам и ученым мужам при своем дворе. На этом этапе не обошли вниманием и евреев. Один из самых могущественных итальянских принцев, Роберт

Анжуйский, король Неаполя, граф Прованса (Арелат), генеральный викарий Папской области и некоторое время титулярный наместник Священной Римской империи, был другом науки, горячим поклонником также еврейской литературы и, следовательно, защитником евреев. Несколько еврейских литераторов были его учителями или по его просьбе занимались научными и теологическими работами.

Либо в подражание существующей практике, либо из искреннего интереса к еврейской литературе, богатые евреи, игравшие роль мелких князьков, приглашали еврейских авторов в свой круг, облегчали их материальные заботы либеральной поддержкой и стимулировали их активность поощрением. Так случилось, что трое еврейских итальянских литераторов набрались смелости посоревноваться с испанцами и провансальцами. Это были Лео Романо, Джуда Сицилиано и, прежде всего, поэт Иммануэль Роми, который еще раз облагородил неоеврейскую поэзию и поднял ее на более высокий уровень. Римская конгрегация в то время проявляла исключительный интерес к еврейским писаниям. О Маймуни, воплощении науки для них, как и для остального еврейского мира, у них был обширный Религиозный кодекс и перевод его "Руководства"; но из его блестящего комментария к Мишне, составленного первоначально на арабском языке, на иврит были переведены только те части, которые Чаризи и Самуэль Ибн-Тиббон. Представители римских конгрегаций, к которым, вероятно, принадлежал и поэт Эммануил, пожелали иметь полное издание этого произведения и послали гонца в Барселону к Бен Адрету специально с целью приобретения оставшихся частей. Дело было не так просто, как представляли себе римские евреи. Большая часть столь желанного комментария Маймуни к Мишне из-за особых трудностей еще не была переведена на иврит. Самым большим препятствием было то обстоятельство, что испанские евреи, за исключением жителей Толедо и окрестностей королевства Гранада, забыли арабский. Бен Адрет, желавший угодить римской папстве, постарался перевести необходимые отрывки на иврит. Он призвал ученых, знавших как арабский, так и Талмуд, взяться за эту трудную задачу, и Джозеф Ибн Альвуал и Джейкоб Абасси из Уэски, Соломон бен Якоб и Натаниэль Ибн Альмали, два последних врача из Сарагосы, и другие разделили труд между собой. Еврейская литература обязана обладанием этим ценнейшим трудом Маймуни усердию римской конгрегации, Бен-Адрета и этих переводчиков.

Римская община была оторвана от своих мирных занятий и безмятежного покоя грубой рукой и пробудилась к сознанию того, что она существует под гнетом жречества и по прихоти своих правителей.

Рассказывают, что сестра папы римского (Иоанна XXII) по имени Сангиза неоднократно призывала своего брата изгнать евреев из святого города христианского мира. Ее просьбы всегда были бесплодны; поэтому она подговорила нескольких священников дать показания о том, что евреи высмеивали словами и действиями распятие, которое проносили по улицам в процессии. Вслед за этим папа издал приказ изгнать всех евреев с римской территории. Все, что несомненно, это то, что евреи Рима были в большой опасности в течение того года, поскольку они установили чрезвычайный пост и возносили горячие молитвы к небесам (21 Сивана—18 июня 1321 г.), а также не преминули воспользоваться мирскими средствами. Они послали проницательного гонца в Авиньон к папскому двору и к королю Роберту Неаполитанскому, покровителю евреев, который случайно оказался в этом городе по государственным делам. Посланнику удалось при посредничестве короля Роберта доказать невиновность римских евреев в отношении предполагаемого оскорбления креста и других преступлений, вменяемых им в вину. Двадцать тысяч дукатов, которые, как говорят, римская

община подарила сестре папы римского, заставили замолчать последние возражения. Евреи Рима попали в школу неприятностей позже, чем евреи других стран. По этой причине это продолжалось дольше.

Когда король Роберт жил на юге Франции, он, по-видимому, познакомился с образованным, гениальным еврейским сатириком Калонимосом бен Калонимосом и взял его к себе на службу. Этот талантливый человек (родился в 1287 году, умер до 1337 года) обладал солидными знаниями, был знаком с арабским языком и литературой (что было очень примечательно для провансальца), а в молодости (1307-1317) переводил медицинские, астрономические и философские труды с этого языка на иврит. Калонимос бен Калонимос был не просто рубщиком дров и разливателем воды, толкователем в области науки; у него было достаточно интеллекта, чтобы делать независимые наблюдения. Пренебрегая областью метафизических спекуляций, он больше интересовался чистой этикой, которую особенно хотел привить своим единоверцам, "потому что пренебрежение и незнание этого приводит людей ко всевозможным извращениям и взаимному вреду". Он не рассматривал этот предмет в сухом, неинтересном стиле, но стремился облечь его в привлекательные одежды. С этой целью Калонимос адаптировал часть арабской научной энциклопедии (которая была в обращении под названием "Трактаты праведных братьев") для диалога между человеком и животными, придав теме еврейский колорит.

В другом произведении, "Пробный камень" (написано в конце 1322 года), Калонимос бен Калонимос показал своим еврейским современникам зеркало, в котором они могли распознать свои извращения, безумства и грехи. Чтобы не выглядеть безукоризненным цензором морали, он перечислил свои собственные грехи, скорее в сатирической форме, чем в качестве исповеди. Калонимос причудливо высмеивал даже иудаизм. Он жалел, что не родился женщиной, ибо тогда ему не пришлось бы нести бремя шестисот тринадцати религиозных законов, не считая стольких талмудических ограничений и строгих предписаний, которые невозможно было бы выполнить, даже если бы мужчина старался с самой строгой добросовестностью. Будучи женщиной, ему не пришлось бы утруждать себя таким большим чтением, изучать Библию, Талмуд и относящиеся к ним предметы, не мучить себя логикой, математикой, физикой, астрономией и философией. Мало-помалу сатира Калонимоса стала глубоко серьезной. Унижение его единоверцев-евреев и кровавые преследования, вызванные Пастухами и прокаженными, развеяли его насмешливый юмор, и сатира сменилась плачем. В Риме, который король Роберт назначил ему местом жительства, Калонимос, получив рекомендательные письма, вошел в веселый, энергичный, наделенный богатым воображением круг людей, которые побудили его написать своеобразную пародию. Он написал трактат для еврейского карнавала (Пурим), в котором с немалым остроумием подражал тону и духу Талмуда, его методу, спорам и отступлениям. Это прекрасная пародия, вызывающая смех на каждом шагу, и нельзя сказать, была ли она задумана как безобидная карнавальная шутка или как сатира на Талмуд. Калонимос занимал важное положение в римской конгрегации. Красивый фигурой, с богатыми достижениями, твердым характером, все его достоинства были подкреплены хорошим мнением короля Роберта Неаполитанского, он был всеобщим любимцем. Итальянские евреи гордились им. Но Калонимос не был настоящим поэтом, а тем более художником.

Гораздо более одаренным, глубоким и наделенным богатым воображением был его старший друг и поклонник Эммануил бен Соломон Роми (родился около 1265 г., умер около 1330 г.). Он

был аномалией в еврейском обществе средневековья. Он принадлежал к тому типу авторов, чьи произведения тем более привлекательны, что не очень приличны. Обладая незаурядным остроумием, экстравагантным юмором и едкой сатирой, он всегда способен увлечь своих читателей и постоянно провоцировать их веселье. Эммануила можно назвать Гейне еврейского средневековья. У Эммануила был неисчерпаемый запас блестящих идей. И все это на священном языке Пророков и псалмопевцев. Конечно, неоеврейские поэты и мыслители, грамматисты и талмудисты придали языку гибкость, но ни один из предшественников Эммануила не обладал такой способностью извергать из него потоки искрометного остроумия, как он. Но если, с одной стороны, он превратил иврит почти в средство для блестящего остроумия, то, с другой стороны, он лишил его священного характера. Эммануил превратил целомудренную, плотно прикрытую вуалью музу древнееврейской поэзии в легко одетую танцовщицу, привлекающую внимание прохожих. Он позволяет своей музе затрагивать самые легкомысленные и не деликатные темы без малейшего утаивания или стыда. Его сборник песен и романов, как правило, оказывает очень пагубное и ядовитое воздействие на пылкую молодежь. Но Эммануил не был закоренелым грешником, как он описывает себя, который не думал ни о чем, кроме как предаваться любовным утехам, соблазнять прекрасных и высмеивать уродливых. Он грешил только языком и пером, едва ли сердцем и чувствами.

Хотя он часто предается безмерному самовосхвалению, этому простому описанию его морального поведения все же следует отдать должное: "Я никогда не питаю злобы к своим врагам, остаюсь непоколебимым и верным своим друзьям, испытываю благодарность к своим благодетелям, у меня отзывчивое сердце, я не хвастаюсь своими знаниями и погружаюсь в науку и поэзию, в то время как мои товарищи предаются чувственным наслаждениям". Эммануил принадлежал к тем, кто находится во власти своего остроумия и не может удержаться от какой-нибудь острой остроты, даже если ее жертвами становятся их самые близкие друзья, а самые святы вещи увязают в трясине. Он позволил себе поддаться влиянию живости итальянцев и европеизированных евреев и не стал обуздывать свой язык. Что примечательно в этом сатирике, так это то, что его жизнь, его положение и род занятий, по-видимому, противоречили его поэтическому ремеслу. В римской общине он занимал почетное положение, был чем-то вроде президента, во всяком случае, человеком выдающимся. Похоже, он принадлежал к медицинской профессии, хотя и потешался над шарлатанством врачей. Короче говоря, он вел домашнюю жизнь своего времени, жизнь, пронизанную моралью и религией, не дающую возможности для излишеств. Но его достойная жизнь не мешала ему петь буйные песни и писать так, как будто он не сознавал серьезности религии, ответственности и учености. Эммануил был знаком, если не сказать близко, с величайшим поэтом Средневековья, первым, кто открыл врата новой эпохи и предсказал единство Италии в поэтической фразе. Вероятно, они познакомились во время одного из частых визитов Данте в Рим, либо в качестве посла, либо в изгнании. Хотя их поэтические стили столь же противоположны, как полюса — неземной, серьезный и возвышенный у Данте; напористый, веселый и светлый у Эммануила, — у них, тем не менее, есть некоторые точки соприкосновения. Каждый из них впитал в себя культуру прошлого: Данте - католические, схоластические и романтические элементы; Иммануил - библейские, талмудические, маймунистические, философские и неоеврейские произведения. Оба разработали этот многоцветный материал и сформировали из него новый вид поэзии. Итальянцы в то время были полны жизнерадостности, а муза Иммануэля вдохновлена волшебством весны. Он также умело писал по-итальянски, о чем свидетельствует прекрасное стихотворение, сохранившееся до наших дней. Эммануил был первым, кто адаптировал

итальянские числа к неоеврейской лире. Он ввел рифму в виде чередующихся строк (терца рима в форме сонета), с помощью которой он создал музыкальную интонацию. Его стихи не пользуются одинаковым успехом. Им не хватает не воображения, а нежности и изящества. Его сила заключается в поэтической прозе (Мелиза), где он может позволить себе свободные и остроумные аллюзии. В этом стиле он сочинил множество коротких новелл, загадок, писем, панегириков и эпиграмм, которые остроумными поворотами и комическими ситуациями вызывают смех у самых серьезно настроенных читателей.

В одном из своих романов он представляет сварливого грамматика иврита, словесного критика, который участвует в грамматических кампаниях, и его сопровождает удивительно красивая женщина. Эммануил вступает в щекотливый спор о том, что у него может быть возможность пофлиртовать с прекрасной дамой. Он терпит поражение в грамматике, но одерживает победу в любви. Описание Иммануилом ада и рая, в котором он подражал своему другу Данте, полно тонкой сатиры. В то время как христианский поэт-романтик демонстрирует серьезность и возвышенность в своем поэтическом творчестве, представляет грешников и преступников, политических оппонентов и врагов Италии, кардиналов и пап как подвергающихся адским пыткам, выносит, так сказать, суровые приговоры судебного дня; его друг-еврей Эммануил придумывает сцены на небесах и в аду, чтобы дать волю своей юмористической фантазии. Данте написал божественную, а Эммануил - человеческую комедию. Он рассказывает о своем паломничестве на небеса и в ад, рассказывая, что однажды он чувствовал себя сильно подавленным бременем своих грехов и испытывал раскаяние; в этот момент ему явился его юный друг Дэниел, безвременная кончина которого недавно глубоко потрясла его, и предложил провести его через мрачные врата ада и елисейские поля блаженных. В чертогах ада Эммануил наблюдает за всеми нечестивыми и безбожными из Библии. Аристотель тоже присутствует там, "потому что он учил о вечности мира", и Платон, "потому что он утверждал реальность видов" (реализм). Больше всего в этом стихотворении он бичевал своих современников. Он подвергает мучениям проклятых насмешников науки; талмудиста, который тайно вел самую безнравственную жизнь; людей, совершавших интеллектуальные кражи, и тех, кто стремился присвоить себе все почести синагоги: одного - занять место у Ковчега Завета, другого - читать молитвы в День Искупления. Врачи-шарлатаны также низвергаются в ад, потому что они пользуются глупостью и доверчивостью толпы и преждевременно сводят доверчивых пациентов в могилу. Его юный, благообразный проводник проходит с ним через врата Рая. Как радуются ушедшие души приближению поэта! Они кричат: "Сейчас самое время посмеяться, ибо прибыл Эммануил". В описании рая и его обитателей Эммануил делает вид, что относится к своей теме очень серьезно; но он тихо хихикает у самых врат рая. Конечно, он замечает святых людей, патриархов, благочестивых царей и героев еврейского прошлого, пророков и великих учителей, поэтов Иегуду Халеви и Харизи, еврейского философа Маймуни. Но рядом с царем Давидом, который играет на арфе и поет псалмы, он замечает блудницу Раав, которая прятала шпионов в Иерихоне, и Фамарь, которая сидела на перекрестке дорог в ожидании. Данте исключает языческий мир из рая, потому что он не признавал Христа и не имел доли в благодати спасения. Эммануил видит отряд блаженных, которых он не узнает, и спрашивает их предводителя, кто они такие. "Это, - отвечает последний, - праведные и нравственные язычники, достигшие высоты мудрости и признавшие единого Бога творцом мира и дарующим благодать". Благочестивые авторы, Давид, Соломон, Исайя, Иезекииль, увидев Эммануила, бросились ему навстречу; каждый из них благодарит его за то, что он так хорошо изложил свои

труды, и здесь более старые и современные экзегеты получают свою долю лукавой сатиры Эммануила.

Нееврейская поэзия, начавшаяся с Хосе бен Хосе и достигшая своего расцвета у Ибн-Гебироля и Иегуды Халеви, достигает завершающей стадии развития у Эммануила. Теперь гамма была запущена. После Эммануила еврейская муза надолго замолчала, и потребовался свежий и мощный стимул, чтобы пробудить ее ото сна к новой энергии. Стихи, конечно, были написаны после него, а рифмы отточены, но они так же далеки от поэзии, как уличная песня от волнующей душу мелодии. Судьба еврейской поэзии проиллюстрирована карьерой Эммануила. Долгое время он был популярен, все искали его дружбы, но в старости он впал в забвение и бедность. По его собственному утверждению, его щедрость растратила все его средства. Его высмеивали так же сильно, как раньше хвалили. Он покинул Рим со своей семьей, много путешествовал и наконец нашел покой в доме богатого, влиятельного друга искусства (Бенджамин?) в Фермо, который заинтересовался им и побудил его объединить стихи, написанные в разные периоды его жизни, в симметричное целое.

Похвалы, которые Эммануэль расточает своим собственным произведениям, и его хвастовство тем, что он отбрасывает старых поэтов в тень, безусловно, производят плохое впечатление. Тем не менее, как и каждый специалист в своей профессии, он был далек от того отталкивающего тщеславия, которое видит свое обесценивание в признании другого. Истинным заслугам Эммануил отдал дань своей самой теплой похвалы и скромно уступил ей первенство. Он не только превозносил высокочтимого Калонимоса, купавшегося в лучах королевской милости, самыми экстравагантными оборотами речи, но и едва ли не более сердечно восхвалял поэта Иегуду Сицилиано, жившего в стесненных обстоятельствах. Он отдал ему пальму первенства в поэзии, подтвердив свое превосходство в поэтической прозе. Если бы не Эммануил, об этом поэте ничего бы не было известно. Бедный Сицилиано был вынужден растрачивать свои силы на случайные стихи, чтобы прокормиться, и, таким образом, не мог создать никакой продолжительной работы. С пылким энтузиазмом Иммануил восхваляет своего двоюродного брата, молодого и образованного Леоне Романо, Иегуду бен Мозеса бен Даниэля (родился около 1292 года), которого он называет "Венцом мысли". В раю он отводит ему самое почетное место. Леоне Романо был учителем короля Роберта Неаполитанского и обучал его языку оригинала Библии. Он знал язык образованного христианского мира и, вероятно, был первым евреем, обратившим внимание на схоластическую философию. Он перевел для еврейских читателей философские сочинения Альберта Великого, Фомы Аквинского и других. Леоне Романо написал оригинальные работы по толкованию, изложенные в философском методе. Как ни восхищались его современники его ученостью и интеллектом, которые достигли столь многого, когда он едва достиг положения человека, он не оказал никакого влияния на потомство.

Можно сказать, что в римское общество, пропагандировавшее науку и поэзию, входил также внук римского эмигранта, поселившегося в Греции, Шемария Икрита (критянин) из Негропонте (процветал в 1290-1320 годах). Он поддерживал тесные отношения с римской общиной и королем Робертом. Знакомый с талмудической литературой, поскольку он, вероятно, был раввином в Негропонте, он посвятил себя философским размышлениям и, возможно, был хорошо начитан в греческой философской литературе на языке оригинала. В юности Икрита,

как и многие его современники, занимался переводами философских трудов. Позже он задумал план практической пользы, в котором, как он думал, он мог бы использовать свои знания с пользой. Он стремился сгладить различия между рабанитами и караимами и окончательно примирить враждовавшие друг с другом на протяжении веков секты, "чтобы весь Израиль снова мог быть объединен едиными братскими узами". Шемарья из Негропонта был первым, возможно, единственным равванитом, который если и не протянул караизму руку примирения, то, по крайней мере, проявил к нему дружеское расположение. Он признавал, что обе стороны были в заблуждении; караизм был неправ, безоговорочно отвергая талмудические традиции; но равваниты согрешили против истины, выдвинув Талмуд на первый план и проигнорировав Библию. Возможно, в то время в Греции жили караимы, приехавшие из Константинополя. К этим Шемарья Икрита обратился, чтобы склонить их умы к союзу с материнской общиной.

Для выполнения трудной задачи приведения разноречивых вероисповеданий к гармонии требовалось много ума и энергии, и Шемарья мог проявить только добрую волю. Он не испытывал недостатка в знаниях, но его ментальная хватка была недостаточно мощной. По просьбе короля Роберта, который интересовался еврейской литературой, он написал комментарий к Библии и переслал ему с посвящением первые завершенные книги (1328). Оно гласило следующее: "Нашему благородному королю Роберту, украшенному, подобно царю Соломону, венцом мудрости и королевской диадемой, я посылаю это изложение космогонии и Песни Песней". Его библейские комментарии были изложены с большой разбросанностью, охватывали большой диапазон и не были рассчитаны на то, чтобы понравиться караимам и привлечь их на сторону раввинского иудаизма. Его попытка примирения провалилась, возможно, она была предпринята не в должном духе; поскольку некоторые караимы были склонны благосклонно относиться к его попыткам примирения, и его усилия не потерпели бы неудачу, если бы они были предприняты умело. Тем не менее, Икрита в свое время пользовался таким уважением, что римская конгрегация проявила интерес к его трудам, вступила с ним в переписку, в то время как караимы усердно читали его работы и в более поздние времена считали его членом своей собственной партии.

Караизм все еще тащился вперед в своей разлагающейся, застывающей форме. Внутренние расколы оставались неурегулированными. Разные караимские общины отмечали эти праздники в разное время: палестинцы - в соответствии с наблюдением новолуния, и внепалестинские общины - совместно с рабанитами. Их чрезвычайно суровые брачные законы не были окончательно установлены даже в эту эпоху. Караизм в то время имел три центра — Каир в Египте, Константинополь в Византийской империи и Сульхат (Эски-Крым) на Крымском полуострове. Определенной известностью обладал Аарон бен Иосиф Старший, врач в Константинополе (процветал около 1270-1300 гг.). Он был родом из Крыма, совершил обширные путешествия и приобрел знания в области медицины и философии. Аарон I также сблизился с раббанитской литературой до такой степени, какой достигли немногие из его секты. Он использовал комментарий Нахмани к Пятикнижию, и из этого обстоятельства возникла ошибка более поздних караимов, что Аарон сидел у ног Нахмани. Его знакомство с раббанитской литературой благотворно повлияло на его стиль; он писал гораздо яснее и доходчивее, чем большинство караимских авторов. Он был даже склонен принять традицию Талмуда.

Он полностью исправил караимский молитвенник (Сиддур Тфила), находившийся до сих пор в аварийном состоянии, включив в него гимны, написанные Гебироле, Иегудой Халеви, Ибн-Эзрой и другими равванитовыми литургическими поэтами. Сам Аарон обладал очень

небольшим поэтическим даром, и его метрические молитвы, которыми он обогатил молитвенник караимов, не имеют больших поэтических достоинств, но, включив в свой сборник гимны, написанные раббанитами, он показал, что умеет ценить благочестивую возвышенность молитв испанских евреев и что он не совсем лишен вкуса. Если бы Шемарья из Негропонта предпринял более разумную и энергичную попытку добиться примирения между раббанитами и караимами, не может быть никаких сомнений в том, что Аарон охотно предложил бы свою помощь, при условии, конечно, что он знал о попытке Шемарьи. Среди караимов не было недостатка в сильной склонности к объединению. Благодаря деятельности Авраама Маймуни II, правнука знаменитого Маймуни, который унаследовал пост главы (нагида) равванитов в Египте после смерти своего отца Давида, важная караимская община в Египте в один прекрасный день открыто признала учение равванитов. В Палестине также имели место частые обращения караимов в талмудический иудаизм. По этой причине раввины того времени были более благосклонно расположены к ним. С одной стороны, строгий талмудист Самсон из Сенса осудил караимов как язычников, ортодоксальным евреям не полагалось вкушать вино; с другой стороны, Эстори Парчи, изгнанный из Прованса и эмигрировавший в Палестину, поселившийся в Вифшане, признал их единоверцами, введенными в заблуждение ошибочными представлениями, но не подлежащими отвержению.

ГЛАВА III. ЭПОХА АШЕРИДОВ И ГЕРСЕНИДОВ.

Положение Палестины—Паломники и иммигранты—Шем Тоб Ибн-Гаон—Благоприятное положение евреев в Кастилии при Альфонсо XI—Преследования в Наварре—Джозеф де Эсиха и Самуэль Ибн-Вакар—Рост антиеврейских настроений—Абнер—Альфонсо Бургосский, обращенный в христианство и преследователь евреев—Гонсало Мартинес—Падение Мартинеса и освобождение евреев—Упадок изучения науки—Изучение Талмуда преследуется с новой силой—Иаков и Иуда Ашери—Исаак Пулгар, Давид Ибн—Альбила—Провансальские философы Ибн—Каспи, Леон де Баньольс и Видааль Нарбони—Упадок изучения Талмуда в Германии—Император Людовик Баварский и евреи—Преследования со стороны "Кожевников".

1328–1350 С.Е.

Святая Земля снова стала доступной для своих детей. Египетские султаны, под власть которых она перешла после падения Акко и изгнания христиан, были более терпимыми, чем византийские императоры-христиане и франкские короли-крестоносцы. Они не препятствовали приезду еврейских паломников, желавших облегчить свои перегруженные сердца молитвой и рыданиями над руинами прошлого, столь богатого воспоминаниями, или у могил своих великих людей, похороненных там; они также не препятствовали поселению европейских изгнанников, которые снова возделывали землю своих отцов. Долгое, твердое, но в то же время мягкое правление мамлюкского султана Нассира Магомета (1299-1341) было счастливым временем для евреев, посещавших Палестину. В то время как при правлении христианских правителей страны ни одному еврею не разрешалось приближаться к бывшей столице, в это время еврейские паломники из Египта и Сирии регулярно приезжали в

Иерусалим, чтобы отметить праздники, как в то время, когда Храм сиял во всем своем великолепии. Караимы установили особые формы молитвы для тех, кто отправлялся в паломничество в Иерусалим: при их отъезде вся община собиралась, чтобы выразить в молитве горько-сладкие эмоции, связанные с Сионом. Иммигранты, поселившиеся в Палестине, занимались сельским хозяйством. Они настолько прочувствовали себя там как дома, что был поднят вопрос о том, не следует ли снова ввести в действие законы о десятине, о годе освобождения и другие. Вследствие свободы и терпимости, которыми пользовались евреи, многими восторженными душами снова овладело горячее желание поцеловать прах Святой Земли. Эмиграция в Палестину, особенно с крайнего запада, стала в это время очень распространенным явлением.

Ученик Меира Ротенбургского по имени Авраам, кропотливый переписчик священных писаний, считал свое пребывание в Святой Земле знаком божественной милости. Два молодых каббалиста, Чананель Ибн-Аскара и Шем Тоб Ибн-Гаон из Испании, также отправились туда, вероятно, чтобы быть ближе к источнику мистических доктрин, которые фансу приписала этой стране, и поселились в Сафете. Но вместо того, чтобы получить свежую информацию о доктринах Каббалы, один из них — Ибн-Аскара, умерший в молодости, — ввел в науку новые черты. Шем Тоб бен Авраам Ибн-Гаон из Сеговии (родился в 1283 г., умер после 1330 г.), чьим учителем в Талмуде был Бен Адрет, а в Каббале Исаак бен Тодрос, был ревностным приверженцем тайной науки и называл каббалистом даже Маймуни.

Община Иерусалима была в то время очень многочисленной. Значительная часть равванитов вела созерцательный образ жизни, день и ночь изучала Талмуд и была поглощена тайными знаниями каббалы. Были также ремесленники, торговцы и несколько человек, знакомых с медициной, математикой и астрономией. Художественные работы знаменитых каллиграфов Иерусалима пользовались большим спросом как вдали от города, так и вблизи него. В Хевроне также существовала энергичная община, члены которой занимались главным образом ткачеством и крашением хлопчатобумажных тканей, а также изготовлением изделий из стекла, экспортируемых в больших количествах. На юге Палестины, вместе с магометанами, еврейские пастухи снова пасли свои стада на манер патриархов. Их раввин тоже был пастухом и читал лекции по Талмуду на пастбищах для тех, кто желал получить наставления.

Хотя Святая Земля была целью пылких, жаждущих сердец, все же она была не более центром для рассеянной еврейской расы, чем это было долгое время назад. Она не смогла породить какого-либо оригинального лидера и жила на крохах культуры, оброненных евреями в Европе. Каббала, изучавшаяся в Палестине со времен Нахмани, была экзотическим растением, которое никогда не могло там хорошо цвести и выродилось в самое грубое суеверие. Святая Земля даже не создала широко известного талмудического авторитета; к тому же в плане серьезных раввинских исследований она попала в зависимость от Европы. Руководство иудаизмом в первые дни после смерти Бен Адрета и Ашери оставалось за Испанией, но не за Арагоном, как раньше, а за Кастилией, где преобладала семья Ашери и их взгляды. Здесь жили талмудические авторитеты, решения которых считались окончательными. Здесь все еще можно было найти если не процветающее состояние науки, то, по крайней мере, высокую оценку научных исследований. В Кастилии, под властью могущественного и умного Альфонсо XI, евреи были в настолько процветающем состоянии, что, по сравнению с другими странами Европы, этот период можно назвать Золотым веком. Несколько умных евреев подряд, под скромным титулом министров финансов (альмоксариф), оказывали влияние на ход политики. Не только

придворные, но и вельможи окружали себя еврейскими советниками и офицерами. Вместо смиренной, раболепной осанки и унижительного знака отличия, который церковь предписала для евреев, евреи-испанцы по-прежнему высоко держали головы и одевались в золото и шелка. Ослепленные блеском этого благоприятного положения дел, некоторые признали исполнение древнего пророчества "скипетр не отойдет от Иуды", которым христиане так часто пользовались в своих напаках на иудаизм.

Вряд ли стоит удивляться, что испанские евреи были чрезмерно воодушевлены продвижением нескольких человек из их среды на государственные должности. Такие выдающиеся общественные деятели были по большей части защитным щитом для общин от алчных и буйных низших слоев дворянства, от глупой доверчивости и зависти толпы и змеиной хитрости духовенства, затаившегося, но готового напасть на евреев. Еврейские министры и советники на службе и в свите царя, одетые в придворные одежды и носящие на боку рыцарский меч, благодаря именно этим обстоятельствам, без особого заступничества, обезоружили врагов своих братьев по вере и расе. Обедневшая знать, у которой не было ничего, кроме своих мечей, была полна зависти к богатым и мудрым придворным евреям; но они были вынуждены подавлять свои чувства. Массы, руководствуясь видимостью, не осмеливались, как это было сделано в Германии, жестоко обращаться или убивать любого еврея, с которым они случайно сталкивались, как с преступником и парией, потому что они знали, что евреи пользовались большим расположением при дворе. Они часто переоценивали свое влияние, полагая, что евреи при дворе могут добиться слушания дела у короля в любое время. Даже надменное духовенство было вынуждено сдерживать себя до тех пор, пока Иосиф из Эджии, Самуил Ибн-Вакар и другие были в состоянии противодействовать их влиянию.

Если кастильские евреи сравнивали положение своих собратьев в соседних странах со своим собственным, они, несомненно, должны были чувствовать себя возвышенными и иметь право гордиться своей судьбой. В Арагоне, в то время объединенном в одно королевство с островами Майорка и Сицилия, свирепствовал дух преследования церкви, который разжег Раймонд де Пеньяфорте, а Джейм I увековечил с помощью деспотических законов. В Наварре, которая в течение полувека принадлежала короне Франции, ненависть к евреям пылала с такой яростью, с какой до сих пор можно было столкнуться только в Германии. Последний из капетингов, Карл IV, был мертв, и с восшествием Филиппа VI на французский престол начался Дом Валуа. Примечательно, что даже христиане верили, что исчезновение прямых преемников Филиппа ле Бея было возмездием за его безжалостное изгнание евреев из Франции. Народ Наварры стремился отделиться от правления Франции и сформировать независимое государство. Неизвестно, насколько евреи препятствовали осуществлению их проекта. Во всяком случае, несомненно, что внезапно по всей стране возникла кровавая вражда против евреев, вызванная завистью к их богатству и подогреваемая монахами. Францисканец по имени Педро Оллигойен прославился тем, что натравливал обманутую толпу на невинных евреев. В большом собрании Эстеллы в субботу (23 Адара–5 марта 1328 года) началась ужаснейшая резня. Разъяренная толпа подняла крик: "Смерть евреям или их обращение".

Напрасно евреи пытались защититься на своих улицах; жители города, усиленные войсками из других мест, осадили их и взяли штурмом стены, окружавшие еврейский квартал, разрушив их и убив почти всех евреев города. Они также подожгли еврейские дома и превратили их в пепелище. Описание очевидцем его собственных страданий дает лишь слабое представление об ужасах этой дикой резни в Эстелле. Убийцы убили родителей и четырех младших братьев

Менахема бен Зераха, которому тогда едва исполнилось двадцать лет, а впоследствии он стал влиятельным ученым. Он сам был ранен убийцами и сбит с ног, пролежав на земле без сознания с вечера до полуночи под множеством трупов. Сострадательный рыцарь, друг отца Менахема, разыскал его под грудой трупов, отвел к себе домой и заботливо ухаживал за ним, пока он не оправился от ран. Подобные сцены варварства разыгрывались и в других частях страны, особенно в Туделе, крупнейшей общине Наварры, и в небольших поселениях Фалькос, Фунес, Монсилья, Виана и других, но нигде они не достигали такой ужасающей степени, как в Эстелле. В этих массовых убийствах погибло более шести тысяч евреев. Только евреи столицы, Пампелуны, по-видимому, избежали этих жестоких нападений. Народ Наварры, наконец, осуществил свое желание; их страна была отделена от Франции и получила собственного короля Филиппа III, графа Эвре и Ангулема. Как только он был коронован, родственники убитого умоляли его свершить правосудие. Сначала Филипп всерьез преследовал виновных; он приказал бросить в тюрьму главарей банды, францисканца Педро Оллигойена и других, и наложил штраф на города, в которых были совершены эти преступления. Но со временем он освободил всех заключенных и выплатил штраф в качестве акта милосердия. Он также тщательно следил за тем, чтобы украденная собственность и имущество лиц, не имеющих наследников, не ускользнули от него; они должны были быть переданы ему, как и в Германии. Никто не возражал против уничтожения евреев, но царская казна не должна была понести из-за этого убытков. Этот царь и его преемники возложили новое бремя на несчастный народ. Евреи Наварры теперь начали погружаться в деградацию, как и евреи Германии.

Солнце, которое светило над ними в Кастилии в это время, было, строго говоря, всего лишь ложным солнцем, но его мерцание по сравнению с мраком, в котором были погружены конгрегации других стран, доставляет, по крайней мере, мимолетное удовольствие. У Альфонсо XI, как только он достиг совершеннолетия и получил суверенитет (1325-1380), было два фаворита-еврея, дон Джозеф из Экии и Самуэль Ибн-Вакар. Первый, полное имя которого было Джозеф бен Эфраим Ибн-Бенвенисте Халеви, обладал приятной внешностью, разбирался в музыке и знал, как снискать расположение власть имущих. По рекомендации его дяди король назначил его не только министром финансов (Альмоксариф), но и своим доверенным советником (привадо), мнением которого он высоко ценил. У Иосифа Экийского была парадная карета, рыцари сопровождали его в поездках, а идальго обедал за его столом. Однажды король отправил его с очень важной и почетной миссией, которая чуть не стоила ему жизни. Жители Вальядолида осадили его во дворце Инфанты и шумно потребовали его сдачи. Некоторым из свиты Иосифа удалось бежать из города, и они со всех ног поспешили к королю, которому рассказали о случившемся. Альфонсо справедливо счел это восстанием против его суверенитета. Он быстро двинулся маршем на Вальядолид и призвал рыцарей Старой Кастилии присоединиться к нему. Ради своего еврейского фаворита он осадил бывшую столицу своего королевства, сжег множество домов и полностью разрушил бы это место, если бы не вмешались более умеренные люди и не объяснили королю, что народ был озлоблен не столько против дон Джозефа, сколько против дон Альвара Нуньеса, влияние которого было им наиболее ненавистно. Вслед за этим дон Альфонсо снизошел до отстранения Альвара от его государственных должностей, в то время как дон Джозеф продолжал пользоваться благосклонностью короля.

Другим фаворитом короля Альфонсо был его врач дон Самуэль Ибн-Вакар (Абенуакар). Этот человек имел научное образование, был астрономом и, возможно, астрологом своего хозяина. Хотя он не занимал никаких государственных должностей и не принимал участия в

государственных делах, тем не менее, благодаря благосклонности короля, он обладал очень большим влиянием. Между доном Джозефом из Эдхии и Ибн-Вакаром существовала ревность, обычная среди придворных, которые греются в лучах одного и того же солнца. Из-за своего соперничества эти два фаворита стремились навредить друг другу, и таким образом они и их единомышленники навлекли на себя ненависть народа.

Некоторые богатые евреи, вероятно, полагаясь на благоприятное положение своих друзей при дворе, осуществляли денежные операции недобросовестным образом. Они вымогали высокие проценты и безжалостно преследовали своих нерасторопных христианских должников. Сам король поощрял ростовщичество евреев и мавров, поскольку извлекал из этого выгоду. Жалобы народа на еврейских и магометанских ростовщиков стали очень многочисленными. Кортесы Мадрида, Вальядолида и других городов сделали этот пункт предметом петиций, представленных королю, требуя отмены этих злоупотреблений, и король был вынужден уступить их мольбам.

Однако умы людей по-прежнему были озлоблены против евреев. Вслед за этим мадридские кортесы призвали принять несколько ограничительных законов против евреев, например, запретить им приобретать земельную собственность и запретить назначать еврейских министров финансов и сборщиков налогов (1329). Альфонсо ответил, что, в основном, все должно продолжаться так, как было раньше. Дон Самуэль Ибн-Вакар поднялся еще выше в королевской милости. Дон Альфонсо доверил ему распоряжаться доходами, получаемыми от импорта товаров из королевства Гранада. Более того, он получил привилегию, дающую ему право выпускать монеты королевства по более низкому стандарту. Иосиф Эсихийский теперь позавидовал и предложил более высокую сумму за право взимать налоги на импорт из Гранады. Когда он подумал, что вытеснил своего соперника, тот нанес ему сильный удар. Ибн-Вакару удалось убедить короля, что для народа Кастилии было бы выгоднее довести защитную систему до крайних пределов и запретить весь импорт из соседнего мавританского королевства (1330-1331).

В то время как два еврейских придворных стремились навредить друг другу, враги евреев усердно работали над тем, чтобы поставить под угрозу их репутацию и существование всех кастильских конгрегаций. Они воспламеняли умы людей, рассказывая им, что из-за обесценивания денег, вызванного изготовителем монет Ибн-Вакаром, повысились цены на предметы первой необходимости, которые экспортировались в соседние страны, где обменивались на серебро, имевшее более высокую стоимость на их собственной земле. Враги евреев также использовали влияние церкви, чтобы возбудить предубеждения короля против всех евреев. Их защитником был еврей, который, едва приняв христианство, стал фанатичным гонителем своих братьев. Это был печально известный Абнер, предшественник крещеных и некрещеных ненавистников к евреям, который подготовил и в конце концов осуществил унижение и изгнание испанских евреев.

Абнер Бургосский, или, как его впоследствии стали называть, Альфонсо Бургенсис де Вальядолид (родился около 1270 г., умер около 1346 г.), был хорошо знаком с библейскими и талмудическими трудами, занимался наукой и практиковал медицину. Его знания разрушили его религиозную веру и настроили его не только против иудаизма, но и против всех вероисповеданий. Обеспокоенный заботами о своем пропитании, Абнер не получил желаемой поддержки от своих соплеменников по расе. Он был слишком слабым философом, чтобы

смириться со своей скромной участью. Его желания были экстравагантны, и он не мог найти средств для их удовлетворения. Чтобы иметь возможность жить в легкости и великолепии, Абнер решил, когда ему было почти шестьдесят лет, принять христианство, хотя эта религия была так же мало способна дать ему внутреннего удовлетворения, как и та, которую он оставил. Как христианин, он принял имя Альфонсо. Неверующий ученик Аристотеля и Аверроэса принял церковную должность; он стал ризничим в большой церкви в Вальядолиде, к которой было прикреплено богатое пособие, позволявшее ему удовлетворять свои мирские желания. Он пытался оправдать свое лицемерное поведение и вероотступничество с помощью софистических аргументов.

Альфонсо зашел в своем недостатке совести так далеко, что вскоре после своего обращения в христианство с ожесточенной ненавистью напал на своих бывших братьев по вере и расе и выказал намерение преследовать их. Благодаря своему знанию еврейской литературы ему было легко обнаружить ее слабые места, использовать их в качестве обвинений против иудаизма и делать самые отвратительные выводы. Альфонсо был неутомим в своих обвинениях против евреев и иудаизма и написал длинную серию работ, в которых приводил аргументы, частично агрессивные, частично защищающие его новую веру от нападков на нее со стороны евреев. Из-за его злоупотребления иудаизмом иврит, на котором он сочинял с гораздо большей легкостью, чем на испанском, был вынужден сослужить службу.

Альфонсо имел наглость отправить одно из своих ненавистнических произведений своему бывшему другу Исааку Пулгару. Последний ответил ему резко сатирическим стихотворением и прижал к себе в своих полемических сочинениях. Евреи Испании еще не настолько пали духом, чтобы молча сносить такие дерзкие нападки. Другой менее известный писатель также ответил Альфонсо, и таким образом разразилась ожесточенная литературная война.

Альфонсо Вальядолидский, однако, не удовлетворился полемическими сочинениями; он смело предстал перед королем Альфонсо XI и изложил ему свои обвинения против евреев. Он заново поднял замечание отца Церкви Иеронима и других о том, что евреи ввели в свою молитвенную книгу формулу проклятия Богу христиан и его приверженцев. Представители еврейской общины Вальядолида, вероятно, вызванные королем для самооправдания, категорически отрицали, что проклятие, первоначально направленное против минимов (назарян), относилось к Иисусу и его нынешним последователям. Альфонсо, однако, не захотел признать обоснованность этого оправдания и пообещал доказать свои обвинения против евреев в судебном разбирательстве. Вслед за этим король Кастилии приказал представителям общины Вальядолида вступить в религиозную дискуссию с ризничим. Это происходило в присутствии государственных чиновников и доминиканцев. Здесь Альфонсо Бургенсис повторил свои обвинения и одержал победу, поскольку в результате этого спора король Альфонсо издал эдикт (25 февраля 1336 г.), запрещающий кастильским общинам под страхом штрафа использовать осужденную молитву или формулу проклятия. Таким образом, врагам евреев удалось привлечь на свою сторону короля, который был действительно благосклонен к евреям. Должны были произойти более зловещие события.

Король Альфонсо был не очень постоянен; он передавал свою благосклонность от одного человека к другому. Он посвятил в свои тайны человека, недостойного этого звания, по имени Гонсало Мартинес (Нуньес) де Овьедо, первоначально бедного рыцаря, получившего повышение благодаря покровительству еврейского фаворита, дона Джозефа из Эсихи. Далекий

от того, чтобы быть благодарным своему благодетелю, он испытывал глубокую ненависть к тому, кто таким образом воспитал его, и его враждебное чувство распространялось на всех евреев. Когда он дослужился до поста министра королевского дворца, а затем до поста великого магистра ордена Алькантары (1337), он раскрыл свой план уничтожения евреев. Он выдвинул официальное обвинение против дона Джозефа и дона Самуэля Ибн-Вакара в том, что они обогатились на службе королю. Он получил разрешение короля поступать с ними по своему усмотрению, чтобы вымогать у них деньги. После этого Гонсало приказал бросить их обоих, вместе с двумя братьями Ибн-Вакара и восемью родственниками с их семьями, в тюрьму и конфисковать их имущество. Дон Джозеф из Эсихи умер в тюрьме, а дон Самуэль умер под пытками, которым его подвергли. Это не удовлетворило врага евреев. Теперь он стремился уничтожить двух других евреев, занимавших высокие посты при дворе — Моисея Абудиэля и (Сулеймана?) Ибн-Яиша. Он обвинил их в совершении преступления, все это время притворяясь дружелюбным по отношению к ним. После их падения Гонсало Мартинес думал без труда осуществить свой коварный план против кастильских евреев.

Мавританский король Марокко Абульхассан (Альбоацин), к помощи которого обратились его угнетенные единоверцы в Гранаде, отправил очень большую армию под командованием своего сына Абумелика через пролив, чтобы предпринять энергичную кампанию против Кастилии. При получении этого известия ужас распространился по всей христианской Испании. Король Альфонсо немедленно назначил Гонсало Мартинеса, магистра ордена Алькантары, генералом, ответственным за эту войну, и наделил его всей полнотой власти. Но средств не хватало; при обсуждении путей и средств их получения Гонсало выдвинул свой план лишения евреев их богатства, а затем изгнания их из Кастилии. Таким образом, большие запасы денег потекли бы в королевскую казну, ибо все христиане, которых евреи обвинили, охотно заплатили бы большие суммы денег, чтобы избавиться от своих врагов. К счастью, это предложение встретило противодействие в королевском совете и даже со стороны самого видного священнослужителя Кастилии, архиепископа Толедского. Последний настаивал на том, что евреи являются неисчерпаемым сокровищем для короля, которого государство не должно лишать себя, и что правители Кастилии гарантировали им защиту и терпимость. Дон Мозес Абудиэль, который получил информацию о совете, созванном для принятия решения о благе или горе евреев, посоветовал конгрегациям ввести публичные посты и молить Бога своих отцов пресечь злодеяния Гонсало. Последний выступил к границе против мавританской армии и одержал легкую победу. К счастью для испанца, случилось так, что мавританский полководец Абумелик пал, пронзенный стрелой, а его армия, охваченная ужасом из-за этого события, потерпела поражение и обратилась в бегство. Тщеславие великого магистра Алькантары достигло теперь высшей точки. Он рассчитывал приобрести такое большое значение в испанских делах, что король был бы вынужден одобрить все предложенные им меры. Он действительно был преисполнен той гордыни, которая предшествует падению.

Слабая рука женщины стала причиной его падения. Красивая и жизнерадостная Леонора де Гусман, которая настолько покорила короля своими чарами, что он был больше верен ей, чем своей жене, возненавидела фаворита Гонсало Мартинеса и сумела заставить короля поверить, что он плохо отзывался о нем. Альфонсо, желая узнать истинную суть дела, приказал Гонсало явиться к нему в Мадрид; он, однако, ослушался королевского приказа. Чтобы иметь возможность бросить вызов гневу короля, он поднял рыцарей ордена Алькантары и жителей городов, подчиненных его правительству, на восстание против своего суверена, вступил в предательские переговоры с королем Португалии и с врагом христиан, королем Гранады.

Альфонсо был вынужден повести против него свою знать и осадить его в Валенсии-де-Алькантара. В безумном неповиновении Гонсало направил стрелы и метательные снаряды на короля, которые смертельно ранили человека, находившегося поблизости от Альфонсо. Но некоторые рыцари ордена Алькантары оставили своего Великого магистра и сдали крепость королю. Гонсало ничего не оставалось, как уступить. Он был приговорен к смерти как предатель и сожжен на костре (1336), и таким образом покончил с человеком, поклявшимся уничтожить евреев. Вслед за этим кастильские общины отпраздновали новый праздник освобождения, в том же месяце, когда злонамеренные планы Амана против евреев пали на его собственную голову. Альфонсо снова привлек евреев в свою пользу и возвысил Моисея Абудиила до высокого положения при своем дворе. С этого времени и до дня своей смерти Альфонсо XI поступал справедливо по отношению к своим еврейским подданным.

Можно подумать, что при этих в целом благоприятных обстоятельствах евреи занимались своей интеллектуальной культурой, которая уже достигла своего полного расцвета; но это было не так. В Кастилии, в частности, и во всей Испании, в ту эпоху было очень мало людей, культивировавших еврейскую науку. Талмуд представлял собой единственную область изучения, которой занимались интеллектуальные люди, и даже здесь не было особой плодovitости. Снижение силы проявлялось даже при изучении Талмуда. Самые известные раввины того периода испытывали настолько сильное недоверие к своим собственным силам, что больше не осмеливались придерживаться независимого взгляда на что-либо и все больше полагались на заключения более старых авторитетов. Они сделали это очень удобным для себя, рабски следуя Кодексу Маймуни в практических решениях, отклоняясь от него только в тех деталях, против которых возражал Ашери. Последние довольно успешно, если не полностью уничтожили склонность испанских евреев к научным исследованиям, то, по крайней мере, подорвали репутацию науки и, таким образом, ослабили ее изучение. Выдающиеся сторонники философии отныне больше не были выходцами из Испании; те немногие, кто получил известность, были из южной Франции. Это были Ибн-Каспи, Герсонид и Нарбони. Ашери и его сыновья, унаследовавшие его враждебность к науке, распространив по всей Испании мнение о том, что человек не должен заниматься высшими вопросами, касающимися иудаизма и его связи с философией, не учли, что таким образом дух испанских евреев ослабнет и станет неспособным к талмудическим исследованиям. Еврейские сыны Испании не так хорошо подходили для изучения узкого талмудизма, как немецкие евреи. Лишенные возможности заниматься наукой, они утратили жизнерадостность духа и стали непригодны для разрешенных занятий. Угасло даже их удовольствие от песен и поэтические таланты. Время от времени появлялись стихи, но они состояли всего лишь из грубых и лишенных воображения рифм. Со временем они стали ничем не лучше немецких евреев, которых раньше так сильно презирали. Даже их прозаический стиль, которому испанские евреи прежде уделяли так много внимания, по большей части выродился в бездуховное многословие. Очаровательный писатель Сантоб де Каррион, который еще во времена Альфонсо XI облакал свои мысли в прекрасные испанские стихи, был поэтом-одиночкой, чья песня не вызывала отклика.

Восемь сыновей Ашери, его родственники, эмигрировавшие вместе с ним из Германии в Толедо вместе с его многочисленными внуками, с этого времени доминировали в испанском иудаизме. Они ввели односторонний талмудический метод обучения, глубоко окрашенный мрачным, аскетическим взглядом на религию. Самыми известными из сыновей Ашери были Иаков (Баал ха-Турим) и Иегуда, оба глубоко религиозные и бескорыстные, самоотверженные люди; однако они были ограничены очень узким кругом идей. Оба были столь же сведущи в

Талмуде, сколь невежественны в других предметах, и обладали всеми качествами, рассчитанными на то, чтобы привести упадок религии в соответствие с растущими страданиями евреев на этой третьей родине их расы.

Джейкоба бен Ашери (родился около 1280 года, умер в 1340 году) постигли горькие несчастья. Его жизнь была одной цепью страданий и лишений; но он переносил все с терпением, без ропота и жалоб. Хотя его отец, Ашери, привез с собой в Испанию много богатства и всегда был в хороших обстоятельствах, все же его сыну, Джейкобу, пришлось пережить жесточайшие муки бедности. Тем не менее, он не получал никакой зарплаты как раввин: на самом деле, похоже, он никогда не занимал этот пост. Как и у всей семьи Ашери, как у сыновей, так и у внуков, Талмуд составлял его исключительный интерес в жизни; но он проявлял больше эрудиции, чем оригинальности. Его единственная заслуга состоит в том, что он привел хаос талмудического учения в определенный порядок и удовлетворил потребность того времени в полном своде законов для религиозной практики.

Благодаря своему немецкому происхождению и проживанию в Испании Джейкоб Ашери был знаком с постановками различных школ и авторитетов в мельчайших деталях. Таким образом, он был хорошо приспособлен для управления этой хаотичной массой и приведения ее к порядку. На основе трудов всех своих предшественников в этой области, особенно Маймуни, Иаков составил второй религиозный кодекс (состоящий из четырех частей, Турим, сокращенный до Тура, около 1340 года). Эта работа касалась исключительно религиозной практики, то есть ритуальных, моральных, брачных и гражданских законов. Он опустил все те вещи, которые вышли из употребления после разрушения Храма и из-за изменившихся обстоятельств. Можно сказать, что с написанием этого труда начинается новый этап во внутреннем развитии иудаизма.

Кодекс Иакова является частью градуированной шкалы, с помощью которой можно установить, насколько низко пал официальный иудаизм со времен Маймуни. В сборнике Маймуни первостепенное значение имеет мысль; каждая ритуальная практика любого рода, хорошая или плохая, приводится в связь с сущностью религии. С другой стороны, в кодексе Иакова мысль или рассуждение отвергаются. Религиозная щепетильность, которая так прочно овладела немецкими еврейскими общинами, вдохновляет законы и налагает предельную строгость и умерщвление плоти. Маймуни, принимая религиозные предписания как обязательные, полностью руководствовался Талмудом и редко включал решения геонимов как облеченные властью. Сын Ашери, напротив, включил в свой сборник религиозных законов все, на что решился любой благочестивый или сверхбожественный человек либо из скрупулезности, либо в результате ученого изложения. В его кодексе предписаний, объявленных раввинскими властями обязательными, намного больше, чем предписаний талмудического происхождения. Можно почти сказать, что в руках Джейкоба Ашери талмудический иудаизм превратился в раввинизм. Он даже включил некоторые безумства каббалы в свой религиозный сборник.

Кодекс Иакова существенно отличается от кодекса Маймуни не только по содержанию, но и по форме. Стил и язык не демонстрируют лаконичности и доходчивости творчества Маймуни. Несмотря на это, его кодекс вскоре получил всеобщее признание, поскольку соответствовал требованиям времени и представлял в краткой форме все постановления, касающиеся ритуала, брака и гражданских законов, обязательных для приверженцев иудаизма, находящихся в изгнании под властью различных народов. Раввины и судьи приняли его как критерий для

практических решений и даже предпочли его работе Маймуни. Некоторые раввины того времени отказались отказаться от своей независимости и продолжали выносить решения, принятые в результате первоначального расследования, и поэтому мало обращали внимания на новый религиозный кодекс. С другой стороны, подавляющее большинство из них, не только в Испании, но и в Германии, были рады заполучить удобный свод законов, систематически излагающий все, что стоит знать, делающий излишними глубокие, проникающие исследования и отягощающий память больше, чем понимание. Таким образом, "Тур Иакова" стал незаменимым руководством по изучению иудаизма в понимании раввинов на четыре столетия, пока не было принято новое, намного превосходящее старое.

Его брат, Иегуда Ашери, был наравне с Иаковом в эрудиции и добродетели, но не обладал подобной способностью превращать хаос в порядок. Он родился около 1284 года и умер в 1349 году. После смерти его отца община Толедо избрала его преемником Ашери в раввинате испанской столицы. Он выполнял свои служебные обязанности с необычайной скрупулезностью, не уважая людей, и смог призвать всю общину в свидетели того, что он никогда не был виновен ни в малейшем проступке. Когда Иегуда Ашери из-за какой-то небольшой ссоры со своей паствой решил поселиться в Севилье, вся община единодушно умоляла его остаться среди них и удвоила его жалованье. Несмотря на это проявление привязанности, он не чувствовал себя комфортно в Испании, и в своем завещании, как говорят, посоветовал своим пятерым сыновьям эмигрировать в Германию, исконную родину его семьи. Преследование немецких евреев в год эпидемии мора, вероятно, научило их тому, что предпочтительнее жить в Испании. Благодаря своему положению в самой важной из конгрегаций и своим обширным раввинским познаниям, Иегуда Ашери считался высшим авторитетом своего времени, и ему отдавали предпочтение даже перед своим братом Иаковом.

Видя, что даже изучение Талмуда, столь рьяно проводимое в Испании, пришло в состояние застоя и апатии, другие отрасли науки не могли жаловаться на отсутствие прогресса или на то, что их недостаточно тщательно культивировали. Изучением Библии, грамматики иврита и экзегезой полностью пренебрегали; мы едва ли можем вспомнить хоть одного писателя, который серьезно занимался бы этими предметами. Благодаря энергичному рвению Абба-Мари, запрету Бен-Адрета и явному отвращению Ашери, рассуждение приобрело дурную славу и пришло в упадок. Истинно православные избегали соприкосновения с философией как прямого пути к ереси и безбожию, а псевдо-благочестивые люди вели себя по отношению к ней еще более ханжески. Требовалось мужество, чтобы заниматься исследованием, вызывающим презрение и обвинения в ереси. Каббала тоже сделала свое дело, затуманив глаза людей своими иллюзиями. В те дни было совсем немного представителей философской концепции иудаизма; это были Исаак Пулгар из Авилы, Давид Ибн-Альбиля из Португалии и Жозеф Каспи из Аржантьера на юге Франции.

Леви бен Герсон, или Леон де Баньоль, был более известен и талантлив, чем любой из них. Его также звали Лев Еврей, но чаще под литературным именем Гертонид (родился в 1288 году, умер около 1345 года). Он принадлежал к семье ученых, и среди своих предков он считал того Леви из Вильфранша, который косвенно стал причиной запрета научных исследований. Несмотря на запрет Бен-Адрета обучать юношей науке, Гертонид был посвящен в нее в очень раннем возрасте, и еще до того, как ему исполнилось тридцать лет, он работал над всеобъемлющим и глубоким трудом по философии. Гертонид был одарен разносторонним и глубоким интеллектом и питал отвращение ко всякой поверхностности и незавершенности. В астрономии он

исправлял своих предшественников и проводил такие точные наблюдения, что специалисты основывали на них свои расчеты. Он изобрел прибор, с помощью которого наблюдения за небесами могли быть сделаны более достоверными. Это открытие привело его в такой экстаз, что он сочинил по нему еврейское стихотворение, своего рода загадку, хотя он был непозитичным человеком, и его голова была забита сухими расчетами и логическими выводами. Он также писал труды по медицинской науке и открывал новые лекарства. В то же время он пользовался очень высокой репутацией у своих современников как глубокий талмудист и, вдохновленный своей любовью к систематическому изложению, написал методологию Мишны.

Маэстро Леон де Баньоль, как его называли как врача, к счастью, не принадлежал к евреям собственно Франции: он последовательно жил в Оранже, Перпиньяне и в Авиньоне, в то время на родине папства. Следовательно, он не пострадал при изгнании своих единоверцев с этой земли; но его сердце обливалось кровью при виде страданий, которым подвергались изгнанники. Более того, он избежал последствий восстания Пастухов и последующих горьких бедствий. Примерно в то же время его плодотворная творческая деятельность начала приносить плоды, и он начал серию сочинений, которая продолжалась более двадцати лет (1321-1343). Ни одно из его сочинений не произвело такой сенсации, как его работа по философии религии (Милчамот Адонаи). При этом он излагал самые смелые метафизические мысли с философским спокойствием и независимостью, как будто не обращая внимания на тот факт, что своим отходом от общепринятых до сих пор представлений по этим вопросам он подвергал себя обвинениям в ереси и неортодоксальности. "Если мои наблюдения верны, - заметил он, - то всю вину, выдвинутую против меня, я расцениваю как похвалу". Леон де Баньоль принадлежал к классу мыслителей, которых редко встретишь, которые с величественным видом ищут истину ради ее собственной внутренней ценности, без привязки к другим целям и результатам, которые могли бы вызвать конфликт. Леви бен Герсон так выразил свое мнение по этому поводу: Истина должна быть вынесена наружу и помещена под яркий дневной свет, даже если она самым решительным образом противоречит Торе. Тора - это не тиранический закон, который стремится заставить человека принять неправду за истину, напротив, он стремится привести человека к истинному пониманию вещей. Если истина, к которой приходит следствие, согласуется с высказываниями Библии, то тем лучше. По своей независимости мышления единственной параллелью Герсониду среди еврейских исследователей является Спиноза. В отличие от многих своих предшественников, он не рассматривал науку как совокупность оккультных доктрин, предназначенных для внутреннего круга посвященных. Более того, он отказался рабски следовать авторитетам в философии, которые считались непогрешимыми. Он высказывал независимые взгляды в противовес не только Маймуни и Аверроэсу, но и Аристотелю. Леон де Баньоль не создал совершенной и тщательно организованной системы философии религии, но трактовал трудности, интересовавшие мыслителей того времени, более остро, чем кто-либо из его предшественников.

Несмотря на свои большие способности, Герсонид оказал очень небольшое влияние на иудаизм. Благочестивые люди объявили его еретиком из-за его независимых исследований и неоднозначного отношения к доктрине сотворения мира. Они взяли название его главного труда "Битвы Господни", что означает "Битвы против Господа". Тем теплее был его прием христианами исследователями истины. Папа Климент VI еще при жизни автора приказал перевести на латынь его трактат по астрономии и недавно изобретенному инструменту (1342).

Аналогичного характера был другой представитель философского иудаизма той эпохи, Моисей бен Джошуа Нарбони, также называемый маэстро Видалем (родился около 1300 года, умер в 1362 году). Его отец Джошуа, принадлежавший к семье из Нарбонны, но проживавший в Перпиньяне, так горячо интересовался еврейской, то есть маймунистической, философией, что, несмотря на запрет, наложенный на всех, кто изучал этот предмет, он обучал этому своего сына, когда тому было тринадцать лет. Видал Нарбони стал увлеченным учеником. Он разделял свое восхищение Маймуни и Аверроэсом, его труды состояли в основном из комментариев к их работам. Его путешествия от подножия Пиренеев до Толедо и обратно в Сорию (1345-1362) обогатили и дополнили его знания. Он интересовался всем, что стоило знать, и делал наблюдения с большой точностью. Никаким бедствиям или неприятностям не удалось ослабить его рвение в поисках истины. В результате Черной смерти разъяренная толпа напала на общину в Сервере. Видал Нарбони был вынужден обратиться в бегство вместе с остальными прихожанами; он потерял свое имущество и, что было для него еще более болезненно, свои драгоценные книги. Эти несчастья не беспокоили его; он продолжил нить своей работы там, где она была прервана. Он не выполнил полностью независимой или оригинальной работы; он был истинным аристотелевцем с аверроистским складом лица. Нарбони рассматривал иудаизм как руководство к высшей степени теоретической и моральной истины: Тора имеет двойное значение — одно простое, прямое для бездумной толпы, а другое более глубокого, метафизического характера для класса мыслителей — общепринятое мнение в те времена, против которого возражал только Герсонид. Нарбони тоже выражал еретические взгляды, то есть такие, которые противоречат общепринятому пониманию иудаизма, но не со свободой и открытостью Леви бен Герсона. Он отвергал веру в чудеса и пытался полностью их объяснить, но защищал свободу воли человека философскими аргументами. Смерть настигла его в самый разгар его трудов, когда, преклонных лет, он собирался возвращаться на родину из Соррии, по другую сторону Пиренеев, где провел несколько лет.

Хотя караима Аарона бен Элиа Никомеди можно причислить к философам того времени, его едва ли можно причислить к компании Леви бен Герсона и других провансальских мыслителей. Его небольшой запас философских знаний был результатом эрудиции, а не независимого мышления. Аарон II из Никомедии (в Малой Азии, родился около 1300 г., умер в 1369 г.), который, вероятно, жил в Каире, действительно превосходил своих невежественных братьев-караимов, но на несколько столетий отставал от философов-равванитов. Его мысли звучат как голос из могилы или как голос человека, который много лет спал и говорит на языке древности, непонятном людям его времени.

Аарон бен Элиа даже не смог указать, к какой цели стремится его произведение "Древо жизни". Не отдавая себе полного отчета в своих мотивах, он руководствовался при ее составлении ревнивым соперничеством Маймуни и рабанитов. Его крайне раздражало, что религиозно-философский труд Маймуни "Путеводитель" был прочитан и вызвал восхищение не только евреев, но также христиан и магометан, в то время как у караимов не было ничего подобного. Аарон желал спасти честь караимов своим "Древом Жизни". Он стремился умалить достоинства работы Маймуни и отметил, что некоторые утверждения, которые можно найти в книге, были сделаны караимскими религиозными философами. Несмотря на это, он самым тщательным образом следовал Маймуни и рассматривал только те вопросы, которые поднимал последний; но он стремился разрешить их не с помощью философии, а с помощью авторитета Библии.

История этого периода, когда речь идет о событиях в Германии, не может зафиксировать ничего, кроме бедствий: кровавые нападения, массовые убийства и, как следствие, интеллектуальная нищета. Ашери и его сыновья были либо введены в заблуждение, либо несправедливы, когда предпочли фанатичную Германию Испании, в то время еще терпимой, и бросали туда тоскующие взгляды из Толедо. Со времени ухода Ашери и до середины столетия несчастье следовало за несчастьем, пока почти все конгрегации не были истреблены. Из-за такого положения дел даже изучение Талмуда, единственной отрасли науки, которой в Германии занимались с рвением и основательностью, пришло в упадок. Как могли немцы набраться интеллектуальной силы, когда они не были уверены ни в одном моменте своей жизни, ни в средствах к существованию? Их государство самым буквальным образом воплотило пророческую угрозу наказания: "Жизнь твоя будет зависеть от тебя; и ты будешь бояться день и ночь. Утром ты скажешь: "О Боже, если бы было равно!" и вечером ты скажешь: "О Боже, если бы было утро!" из-за страха твоего сердца, которого ты будешь бояться". Сообщается, что император Людовик Баварский благосклонно относился к евреям, что, как говорят, делало их гордыми. Но это пустая клевета как на императора, так и на евреев. Ни один немецкий правитель до него не обращался со своими "серви камерами" так плохо, не закладывал их и не продавал, как Людовик Баварский. Он также ввел новый налог на евреев, так называемый золотой подарочный пенс. Поскольку императоры постепенно закладывали все доходы, полученные от их "серви камер", чтобы позволить им удовлетворить свою насущную потребность в деньгах, Людовик Баварский был вынужден подумать о каких-то новых способах получения от них припасов. Он издал указ (около 1342 г.), который предписывал, чтобы каждый еврей и еврейка в Германской империи старше двенадцати лет, обладающие по крайней мере более чем двадцатью флоринами, ежегодно платили королю или императору подушный налог в размере флорина. Вероятно, он исходил из своего права, если, действительно, вопрос о праве рассматривался применительно к обращению с евреями, из того факта, что германские императоры обладали всеми прерогативами, на которые когда-то претендовали римские. Поскольку евреи со времен Веспасиана и Тита были вынуждены платить ежегодный налог римским императорам, германские правители объявили себя прямыми наследниками этого золотого дара - пенса.

До сих пор массовые убийства евреев в Германии происходили лишь с перерывами и в нескольких местах; но теперь, при правлении Людовика, из-за беспорядков и гражданских войн они стали гораздо более частыми. В течение двух лет подряд (1336-1337) регулярно организованная банда крестьян и черни, называвшая себя "загонщиками евреев", совершала ожесточенные нападения на них с необузданной яростью и бессердечной жестокостью. Во главе этого отряда стояли два распутных дворянина; они дали себе название "Королевская Кожаная рука" (Armleder) из-за куска кожи, который они носили намотанным на руку. В этом преследовании, как и в преследовании Риндфлейша, важную роль сыграли фанатизм и слепые суеверия, насаждаемые церковью. Один из бандитов в кожаных доспехах объявил, что он получил божественное откровение, которое велит ему возложить на евреев мученическую смерть и раны, нанесенные Иисусу, и отомстить за его распятие их кровью. Такой призыв к оружию редко оставался в Германии без ответа. Пять тысяч крестьян, вооруженных вилами, топорами, цепями, пиками и любым другим оружием, какое только попадалось им под руку, собрались вокруг Кожаных подлокотников и устроили кровавую резню еврейским жителям Эльзаса и Рейнской области вплоть до Швабии. Как часто случалось во время таких варварских преследований, многие евреи и в этом случае покончили с собой, убив своих детей, чтобы

предотвратить их попадание в руки Церкви. Император Людовик Баварский действительно отдал приказ о защите евреев-еретиков (апрель 1337 г.), но его помощь пришла слишком поздно, или была малоэффективной. Наконец императору удалось схватить одного из Кожаных оруженосцев, которого он приказал казнить.

Примерно в то же время в Баварии началось кровавое преследование, вызванное безумной алчностью. Советники города Декендорф (или Деггендорф) желали освободить себя и всех горожан от долгов перед евреями и, кроме того, обогатиться. Чтобы осуществить этот план, басня об осквернении воинства иудеями, сопровождавшаяся обычными чудесами, была распространена за границей. Когда население было доведено до состояния фанатичного исступления, совет приступил к осуществлению проекта, который он тайно вынашивал за пределами города, чтобы не вызвать никаких подозрений у евреев. В назначенный день (30 сентября 1337 г.) по сигналу церковного колокола рыцарь Хартманн фон Деггенбург, посвященный в заговор, въехал со своим отрядом всадников через открытые ворота в Декендорф и был встречен громким ликованием. Вслед за этим рыцарь и горожане напали на беззащитных евреев, предали их смерти мечом и огнем и завладели их имуществом. В честь чудес, совершенных воинством, пронзенным иудейскими ножами, была воздвигнута церковь Гроба Господня, которая была назначена святыней для паломников; а удары кулаками, которыми евреи пользовались вместе с оскорбленным воинством, были помещены под стеклянный шкаф и охранялись как реликвии. На протяжении многих веков они выставались в назидаение верующим — возможно, и сейчас выставляются. Жажда убийства распространилась за границу, в Баварию, Богемию, Моравию и Австрию. Тысячи евреев погибли от различных форм пыток и смерти. Только граждане Вены и Ратисбона защитили своих еврейских жителей от разъяренной толпы. Дружеские усилия папы Бенедикта XII были малоэффективны против жестокого духа тогдашнего христианского мира.

ГЛАВА IV. ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Рост ложных обвинений против евреев в отравлении колодцев—Массовые убийства на юге Франции и в Каталонии—Дружественная булла папы Климента VI—Ужасные массовые убийства во всех частях Германии—Признания, вырванные у евреев на дыбе—Флагелланты как бич для евреев—Король Польши Казимир—Преследования в Брюсселе—Черная смерть в Испании—Дон Педро Жестокий и евреи—Сантоб де Каррион и Самуэль Абулафия—Падение Дона Педро и его последствия для евреев—Возвращение евреев во Францию и Германию—"Золотая булла Манессье де Везуль"—Мататия Меир Халеви —Синод в Майнце.

1348–1380 С.Е.

Помощь папы была очень малопригодна евреям, а защита германского императора была подобна опоре на сломанную трость. В течение десяти лет они познали этот неприятный опыт; ибо вскоре наступили самые скорбные дни для еврейских общин в большинстве частей Европы,

где господствовал крест, к которым резня кожаных рук и зверства Декендорфа были лишь слабой прелюдией.

Проблеск удачи, которым испанские евреи пользовались при Альфонсо XI, послужил лишь для того, чтобы обрушить на их братьев в других христианских странах широко распространенное, интенсивное, неописуемо жестокое преследование, с которым не может сравниться ни одно из массовых убийств, имевших место до сих пор. Ангел-разрушитель по имени Черная Смерть, который продолжал свои опустошительные действия более трех лет, пробрался из Китая через земли и моря в сердце Европы, о чем свидетельствовали предупреждающие землетрясения и другие ужасающие природные явления. Не щадя ни звания, ни возраста, оно оставило за собой опустошенный след, сметя четвертую часть всего человечества (почти 25 000 000 человек), словно отравленным дыханием, и подавив всякий благородный порыв. В Европе невидимая Смерть с ее ужасами превратила христиан в настоящих ангелов-разрушителей для евреев. Те, кого эпидемия пощадила, были преданы пыткам, мечу или столбу. В то время как ни магометане, ни монголы, пострадавшие от чумы, не нападали на евреев, христианские народы обвинили несчастную расу в том, что она вызвала эпидемию, и *массово убивали их*. Церковь так часто и впечатляюще проповедовала, что неверные должны быть уничтожены; что евреи хуже еретиков, даже хуже неверующих язычников; что они были убийцами христиан и детей, что, наконец, ее истинные сыны поверили в то, что было сказано, и претворяли ее доктрины в жизнь. Из-за царящей нищеты дисциплине и порядку, послушанию и покорности пришел конец, и каждый человек был предоставлен сам себе. В этих обстоятельствах последствия церковного воспитания проявились в самой отвратительной форме. Черная смерть действительно дала о себе знать и среди евреев; но чума посетила их в сравнительно более мягкой форме, чем христиан, вероятно, из-за их большей умеренности и очень пристального внимания к своим больным. Таким образом, возникло подозрение, что евреи отравили ручьи и колодцы и даже воздух, чтобы одним ударом уничтожить христиан во всех странах.

Было выдвинуто обвинение в том, что испанские евреи, предположительно обладающие огромной властью и влиянием на конгрегации Европы, осуществили этот дьявольский план; что они разослали повсюду гонцов с ящиками, содержащими яд, и угрозами отлучения от церкви вынудили других евреев помочь в осуществлении их планов, и что эти указания исходили из Толедо, который можно рассматривать как еврейскую столицу. Обезумевшее население зашло так далеко, что назвало имя человека, отдавшего эти приказы и передавшего яд. По их словам, это был Якоб Паскате из Толедо, который поселился в Шамбери (в Савойе), откуда в качестве центра он разослал отряд еврейских отравителей по всем странам и городам. Говорили, что этот Якоб вместе с раввином Пейре из Шамбери и богатым евреем Абогетом занимался в основном производством и продажей ядов. Сообщалось, что яд, приготовленный еврейскими знахарями черного искусства в Испании, был приготовлен из плоти василиска, или из пауков, лягушек и ящериц, или из сердец христиан и теста для освященных вафель. Этим и подобным глупым историям, выдуманным невежественными или, возможно, злонамеренными людьми, искаженным и преувеличенным разгоряченным воображением, верила не только невежественная толпа, но даже высшие классы. Суды искренне стремились выяснить истинность этих слухов и использовали средства для подтверждения подозрений, которыми средневековые христиане пользовались с особым мастерством, — пытки во всех возможных формах.

Насколько можно установить, эти рассказы об отравлении евреями ручьев и колодцев впервые обрели доверие на юге Франции, где Черная смерть уже в начале 1348 года унесла множество жертв. В одном городе на юге Франции в один день(середина мая месяца) вся еврейская община, мужчины, женщины и дети, вместе со своими священными писаниями были брошены в огонь. Оттуда резня распространилась на Каталонию и Арагон. В этих провинциях в тот же год царила анархия, потому что дворяне и народ восстали против короля дона Педро, чтобы обезопасить некоторые из своих привилегий от посягательств монарха. Когда рассказы об отравлении колодцев прочно укоренились в умах жителей и этих стран, жители Барселоны собрались вместе в субботу (ближе к концу июня), убили около двадцати человек и разграбили еврейские дома. Самые выдающиеся люди города приняли преследуемых людей под свою защиту, и с помощью ужасной бури, громкого раската грома и вспышек молнии они совершили успешную атаку на введенных в заблуждение или жаждущих грабежа евреев.

Несколько дней спустя община в Сервере подверглась аналогичному нападению, восемнадцать ее членов были убиты, а остальные вынуждены были бежать. Еврейский философ Видаль Нарбони случайно оказался в городе, и во время нападения он потерял свое имущество и книги. Все конгрегации северной Испании знали, что им угрожает опасность подвергнуться нападению; они установили публичные посты, молили небеса о милосердии и забаррикадировали те свои кварталы, которые были окружены стенами. Однако в Арагоне высшие классы пришли на помощь евреям. Папа Климент VI, который проявлял такой большой интерес к астрономическим работам Герсониды и который, испуганный приближением смерти, заперся в своей комнате, все еще сочувствовал страданиям невинного, преследуемого народа. Он издал буллу, в которой под страхом отлучения от церкви запрещал кому бы то ни было убивать евреев без надлежащего судебного приговора, или силой тащить их креститься, или отнимать у них их имущество (начало июля). Эта булла, вероятно, принесла какую-то пользу на юге Франции, но в других частях христианского мира она не произвела никакого эффекта. Одна страна последовала примеру другой. Идеально красивый регион, окружающий Женевское озеро, затем стал ареной самых ужасных преследований. По приказу Амадея, герцога Савойского в то время, несколько евреев, подозреваемых в отравлении, были арестованы и заключены в тюрьму в двух небольших городках, Шильоне и Шателе, на Женевском озере. Была назначена комиссия судей для расследования обвинений, выдвинутых против заключенных, и, в случае признания их виновными, они должны были понести суровое наказание. Итак, в этой стране принц и его трибунал поверили нелепой басне об отравлении евреями. В День Искупления (15 сентября 1348 г.) трое евреев и еврейка в Шильоне были подвергнуты пыткам: хирург Валавины из Тонона, Бандито и Мамсон из Виль-Нева, а три недели спустя Беллита и ее сын Акве. В своей боли и отчаянии они назвали имена людей, от которых получили яд, и признались, что разбросали его в разных местах возле колодцев и ручьев. Они признали виновными себя, своих единоверцев, своих родителей и своих детей. Десять дней спустя безжалостные судьи снова применили пытки к ослабевшей женщине и ее сыну, и они соперничали друг с другом в своих откровениях. В Шастеларе пятеро евреев были подвергнуты пыткам, и они сделали столь же невероятные признания вины. Акве сделал дикое заявление о том, что он подложил яд в Венецию, Апулию и Калабрию, а также в Тулузу во Франции. Секретари записали все эти признания в письменном виде, и они были подтверждены подписями их авторов. Чтобы устранить все сомнения относительно их достоверности, коварные судьи добавили, что жертвы подвергались лишь очень легким пыткам. В результате

этих разоблачений не только обвиняемые, признавшие свое преступление, но и все евреи в районе Женевского озера и в Савойе были сожжены на костре.

Слух о доказанной вине евреев быстро распространился из Женевы в Швейцарию, и вскоре здесь были замечены кровавые сцены того же ужасного характера. Консулы Берна послали за отчетом о работе судов в Шильоне и Шастеларе. Затем они подвергли некоторых евреев пыткам, добились от них признаний и разожгли погребальный костер для всех евреев (сентябрь).

Теперь систематически проводилось уничтожение евреев по обвинению в отравлении, начиная с Берна и Зофингена (кантон Аргау). Консулы Берна направили письма в Базель, Фрейбург, Страсбург, Кельн и многие другие места с объявлением, что евреи признаны виновными в вменяемом им преступлении; а также послали еврея, закованного в цепи, под конвоем в Кельн, чтобы каждый мог убедиться в дьявольских планах евреев. В Цюрихе обвинение в отравлении колодцев было выдвинуто вместе с обвинением в убийстве христианского ребенка. Там также были сожжены на костре те, кто казался виновным, остальная часть общины была изгнана из города, и был принят закон, запрещающий им когда-либо возвращаться туда (21 сентября). Преследование евреев распространилось на север вместе с эпидемией мора. Как и общины вокруг Женевского озера, евреи в городах, окружающих Боденское озеро, в Санкт-Галле, Линдау, Юберлингене, Шаффхаузене, Констанце (Костнице) и других, были сожжены на костре, преданы колесованию или приговорены к изгнанию или принудительному крещению. Папа Климент VI вновь встал на защиту евреев; он опубликовал буллу, обращенную ко всему католическому христианскому миру, в которой заявил о невинности евреев в выдвинутых против них обвинениях. Он привел все возможные доводы, чтобы показать абсурдность обвинения, заявив, что в районах, где не проживал ни один еврей, людей посетила эпидемия, и что евреи также пострадали от ее ужасных последствий. Бесполезно было то, что он увещевал духовенство взять евреев под свою защиту и что он наложил запрет на лжесвидетелей и убийц (сентябрь). Ребенок стал могущественнее своего родителя, дикая фантазия сильнее папства.

Нигде уничтожение евреев не преследовалось с такой тщательностью и с такой лютой ненавистью, как в Священной Римской империи. Напрасно новоизбранный император Люксембурга Карл IV издавал письмо за письмом, запрещая прикасаться к личностям евреев, его "servi camerae". Даже если бы он обладал большей властью в Германии, он не нашел бы немецкий народ готовым пощадить евреев. Немцы совершали свои ужасные злодеяния против евреев не только ради грабежа, хотя прямолинейный историк той эпохи, Клозенер из Страсбурга, отмечает, что "их товаром был яд, который стал причиной смерти евреев". Чистая глупость заставила их поверить, что евреи отравили колодцы и реки. Советы различных городов распорядились замуровать источники и колодцы, чтобы горожане не отравились, и им пришлось пить дождевую воду или талый снег. Разве не справедливо, что евреи, виновники этого зла, должны были пострадать?

Некоторые были слишком разумны, чтобы разделить заблуждение о том, что евреи были причиной великой смертности. Эти немногие люди заслуживают места в истории, потому что, несмотря на опасность, они умели чувствовать и поступать гуманно. В муниципальном совете Страсбурга бургомистр Винтертура Конрад (Кунце), шериф Госсе Штурм и мастер Петер Швабер приложили немало усилий, чтобы доказать невинность евреев в преступлениях, совершенных у их дверей, и защитили их от фанатичных нападков толпы и даже от епископа. Советники Базеля и Фрейбурга также встали на сторону несчастных людей. Кельнский совет

написал представителям Страсбурга, что он последует примеру последнего города в отношении евреев; поскольку он был убежден, что эпидемию следует рассматривать как Божье посещение. Следовательно, он не допустил бы преследований евреев из-за необоснованных сообщений, но защитил бы их всей своей мощью, как в прежние времена. Однако в Базеле гильдии и толпа подняли восстание против совета, отправились со своими флагами к ратуше, настаивая на том, чтобы патриции, которые были изгнаны из-за их действий против евреев, были отозваны, а евреи изгнаны из города. Совет был вынужден выполнить первое требование; что касается второго, то он отложил свое решение до дня открытого заседания, на котором должен был быть рассмотрен этот вопрос. В Бенфельдене (Эльзас) действительно был проведен совет для рассмотрения вопроса о том, какого курса следует придерживаться в отношении евреев. Там присутствовали епископ Страсбургский Бертольд, бароны, лорды и представители городов. Представители Страсбурга храбро отстаивали дело евреев даже против епископа, который либо по злему умыслу, либо по глупости выступал за их полное уничтожение. Хотя они неоднократно демонстрировали, что евреи не могут быть причиной эпидемии, они получили перевес голосов, и было решено изгнать евреев из всех городов верхнего Рейна (к концу 1348 года).

Евреи Эльзаса по решению Бенфельдена были объявлены вне закона и либо изгнаны из различных мест, которые они посещали, либо сожжены. Тяжелая судьба постигла общину Базеля. На острове на Рейне, в доме, специально построенном для этой цели, они были сожжены заживо (9 января 1349 г.), и было решено, что в течение следующих двухсот лет ни одному еврею не будет разрешено селиться в этом городе. Неделью спустя все евреи Фрейбурга были сожжены на костре, за исключением двенадцати самых богатых людей, которым было позволено остаться в живых, чтобы они могли раскрыть имена своих кредиторов, поскольку имущество жертв перешло к общине. Община Шпайера стала первой жертвой среди общин Рейнской области. Толпа восстала и убила нескольких евреев, другие сожгли себя в своих домах, а некоторые перешли в христианство. Совет Шпейера отобрал собственность евреев, и конфисковал их поместья по соседству. Совет Страсбурга оставался твердым в своей защите евреев, рассылая многочисленные письма, чтобы получить доказательства их невиновности. Но со многих сторон поступали неблагоприятные свидетельства. Городской совет Церингена заявил, что у него был яд, который разбросали евреи. При испытании он оказался смертельным для животных. Совет не выпустил бы это из своих рук, но показал бы посланнику.

Шильонский кастелян скопировал признания евреев, подвергнутых пыткам в районе Женевского озера, и отправил их в Страсбургский совет. Только кельнский совет призвал Винтертура поддержать дело евреев и не обращать внимания на требования их врагов. В конце концов торговые гильдии восстали против Винтертура и двух его коллег, которые были отстранены от должности. Был избран новый совет, поддержавший преследования евреев. В конце концов, вся община Страсбурга — 2000 душ — была заключена в тюрьму. На следующий день, в субботу (14 февраля 1349 г.), всех их потащили на место захоронения. Были воздвигнуты колья, и они были сожжены заживо. Пощадили только тех, кто в отчаянии принял крест. Новый совет постановил, что в течение ста лет ни один еврей не должен быть допущен в Страсбург. Сокровища евреев были разделены между бюргерами, некоторые из которых не захотели осквернять себя деньгами и, по совету своих исповедников, пожертвовали их церкви.

Затем настала очередь Вормса, старейшей еврейской общины Германии. Евреям этого города больше всего следовало опасаться своих сограждан-христиан, поскольку император Карл IV передал их и их имущество городу в обмен на услуги, чтобы "город и бюргеры Вормса могли поступать с евреями и иудаизмом, как им заблагорассудится, могли поступать со своей собственностью". Когда совет постановил, что евреи должны быть сожжены, несчастные решили предвосхитить смерть, которая ожидала их от палача. Говорят, что двенадцать еврейских представителей пришли в ратушу и взмолились о пощаде. Когда им в этом было отказано, они, как говорят, вытащили оружие, спрятанное у них под одеждой, набросились на советников и убили их. Эта история легендарна; но это факт, что почти все евреи Вормса подожгли свои дома и что более 400 человек были сожжены заживо (10 адара–1 марта 1349 г.). Евреи Оппенгейма также сожгли себя заживо, чтобы избежать пыток как отравители (конец июля). Община Франкфурта оставалась в безопасности до тех пор, пока императоры-соперники, Карл IV и Гюнтер Шварцбургский, сражались в этом районе; последний держал свой двор во Франкфурте. Когда он умер и состязание закончилось, настала очередь убивать евреев Франкфурта. Подвергшись нападению, они сожгли себя в своих домах, вызвав большой пожар в городе. В Майнце, где евреев до сих пор щадили, вор во время сцены бичевания украл кошелек своего соседа. Возникла перепалка, и толпа воспользовалась случаем, чтобы напасть на евреев. Они, без сомнения, были подготовлены, и 300 из них взяли за оружие и убили 200 человек из толпы. Это вызвало гнев всей христианской общины, которая также взялась за оружие. Евреи сражались довольно долго; в конце концов, побежденные врагом, они подожгли свои дома (24 августа). Говорят, что в Майнце погибло около 6000 евреев. В Эрфурте из общины в 3000 душ не выжил ни один человек, хотя совет после их резни во всей Тюрингии, включая Эйзенах и Готу, долгое время защищал их. В Бреслау, где проживала значительная община, евреи были полностью уничтожены. Император Карл отдал приказ схватить убийц и по заслугам наказать их. Но он не предпринял никаких шагов, чтобы воспрепятствовать ужасной резне, разыгравшейся повсюду, хотя и был проинформирован о заговорах против евреев. В Австрии также поднялся шум, что евреи были отравителями, и последовали ужасные сцены. В Вене, по совету раввина Ионы, все члены общины покончили с собой в синагоге. В Кремсе, где собралось большое собрание, население города при содействии жителей соседнего местечка под названием Штайн и деревень напало на евреев, которые подожгли свои дома и погибли (сентябрь 1349 г.), спаслись лишь немногие.

В Баварии и Швабии также были распространены преследования, и общины Аугсбурга, Вюрцбурга, Мюнхена и многих других подверглись им. Евреи Нюрнберга, благодаря своей обширной торговле, владели огромными богатствами и величественными домами и были объектами особой неприязни христиан. Их уничтожение было настолько неизбежным, что император Карл IV освободил совет от ответственности, если они пострадают против его желания.

Наконец их судьба свершилась. На месте, впоследствии получившем название Юденбюль (еврейский холм), последователи религии любви соорудили курган, и все те, кто не эмигрировал, были сожжены или убиты. Совет Ратисбона сделал все возможное, чтобы спасти общину, старейшую на юге Германии. Ибо и здесь толпа требовала уничтожения или изгнания евреев. Герцоги Баварии, сыновья императора Людовика, которые поддерживали преследование евреев, дали народу письменное разрешение "обращаться с евреями так, как им нравится, в соответствии с честью или необходимостью, и изгонять их по справедливости или без нее". Маркграф Людовик Бранденбургский, сын императора Людовика, одного из

сторонников императора-соперника, Гюнтера Шварцбургского, проявил свои религиозные чувства, отдав приказ сжечь всех евреев Кенигсберга (в Ноймарке) и конфисковать их имущество. В те дни люди были настолько бесчеловечны, что палач хвастался своим поступком и привел документальные доказательства того, что маркграф Людовик приказал сжечь евреев. В Северной Германии жило совсем немного евреев, за исключением Магдебурга, но и там они были сожжены или изгнаны. В Ганновере (в 1349 году) свирепствовали флагелланты. За пределами Германии, среди народов, все еще нецивилизованных, преследований было сравнительно немного. Людовик, король Венгрии, энтузиаст своей веры, изгнал евреев со своей земли не как отравителей, а как неверных, которые выступали против его плана обращения, хотя он дал им равные права с христианами и дополнительные привилегии. Венгерские евреи, оставшиеся верными своей вере, эмигрировали в Австрию и Богемию. В Польше, где также свирепствовала эпидемия, евреи подвергались лишь незначительным преследованиям, поскольку к ним благоволил король Казимир Великий. По просьбе некоторых евреев, оказавших ему услуги, король после своего восшествия на престол (9 октября 1334 г.) подтвердил законы, принятые почти столетие назад Болеславом Пием, герцогом Калишским, или, скорее, Фридрихом Доблестным, эрцгерцогом Австрийским, и принятые королем Венгрии и различными польскими князьями. Действовавшие только в Калишском герцогстве и Великой Польше, они были распространены Казимиром на всю Польскую империю. Тринадцать лет спустя Казимир изменил законы, по которым евреям разрешалось давать деньги в долг под проценты, но мы не должны делать вывод, что он был враждебен евреям, поскольку он прямо заявляет, что ввел это ограничение только по просьбе знати. В годы эпидемии Казимир, по-видимому, также защищал евреев от бунтов введенной в заблуждение толпы, поскольку обвинение евреев в отравлении колодцев распространилось из Германии через польскую границу и подняло против них население. Массовые убийства произошли в Калише, Кракове, Глогау и других городах, особенно на границе с Германией. Если заявленное число евреев, убитых в Польше (10 000), верно, это не имеет никакого отношения к огромному количеству людей, ставших жертвами в Германии. Позже (1356 г.) Казимир, как говорят, взял себе красивую еврейскую любовницу по имени Эстер (Esterka), которая родила ему двух сыновей (Нимерца и Пелку) и двух дочерей. Говорят, что последние остались еврейками. Предполагается, что король Польши из-за своей любви к Эстер оказал особые милости и привилегии некоторым евреям, вероятно, родственникам Эстер. Но записям, переданным ненадежными свидетелями, нельзя безоговорочно верить.

Во всяком случае, евреям Польши жилось лучше, чем евреям Германии, поскольку они были поставлены в равное положение если не с римскими католиками, то все же с русинами, сарацинами и татарами. Евреям разрешалось носить национальную одежду, золотые цепи и мечи, как рыцарям, и они имели право на военную службу.

Как и на восточной границе Германии, евреи на западной стороне, в Бельгии, также подвергались преследованиям в период "черной смерти". В Брюсселе богатый еврей пользовался большим расположением герцога Брабантского Иоанна II. Когда пришли флагелланты и смерть его единоверцев была неминуема, этот еврей умолял своего покровителя оказать им свою защиту, которую Иоанн охотно пообещал. Но враги евреев предвидели это и обеспечили иммунитет от наказания через сына герцога. Они напали на евреев Брюсселя, выволокли их на улицы и убили всех — около 500 человек.

В Испании конгрегации Каталонии, которые вслед за конгрегациями Прованса принесли первые жертвы, разработали план предотвращения проявлений фанатизма. Они решили основать общий фонд в поддержку своего народа, который должен был стать нищим из-за толпы или преследований. Они должны были выбрать депутатов, которые будут умолять короля (дона Педро IV) предотвратить повторение подобных ужасных сцен. Следовало добиваться других уступок, но план так и не был приведен в исполнение из-за промедления со стороны евреев Арагона, а также, вероятно, из-за того, что от короля ожидали слишком многого. Евреи, находившиеся под властью Арагона, все еще отставали от евреев королевства Кастилия.

В Кастилии также Черная смерть устраивала свои ужасные разгулы; но здесь население, более разумное, чем где бы то ни было, и не помышляло о том, чтобы возложить ответственность за ее опустошительные действия на евреев. В Толедо и Севилье чума унесла жизни многих уважаемых членов общины, особенно из семей Абулафии, Ашери и Ибн-Шошана. Горе выживших ярко отражено в дошедших до нас надписях на надгробиях еврейского кладбища Толедо. Король Альфонсо XI был среди жертв коварной чумы, но даже шепотом не обвинил евреев в ответственности за его смерть. Во время правления дона Педро (1350-1369), сына и преемника Альфонсо, влияние кастильских евреев достигло невиданной ранее высоты. Это был последний проблеск их блестящей карьеры в Испании, который вскоре был окутан мрачными вечерними тенями. Молодому королю, которому было всего пятнадцать лет, когда его призвали на трон, его многочисленные враги рано заклеили его именем "Педро Жестокий". Его благосклонность к евреям внесла свою лепту в получение им этого прозвища, хотя он был не более жесток, чем многие из его предшественников и преемников. Дон Педро был дитя природы со всеми вытекающими отсюда хорошими и плохими качествами; он не подчинялся ограничениям придворного этикета и не позволял политическим соображениям управлять собой. Двумирие и вероломство его внебрачных братьев, сыновей любовницы Альфонсо, Леоноры де Гусман — той самой, которая бессознательно спасла евреев от неминуемого уничтожения, — спровоцировали короля на кровавое возмездие. Инстинкт самосохранения, поддержание его королевского достоинства, сыновья привязанность и ранняя любовь имели больше общего с его безрассудными, кровавыми поступками, чем врожденная жестокость и мстительность. Молодой король, которому суждено было прийти к столь печальному концу, вовлеченному в свое падение кастильских евреев, с самого начала своего правления был окружен трагическими обстоятельствами. Его мать, португальская инфанта Донна Мария, была унижена и глубоко оскорблена своим мужем по наущению его любовницы Леоноры де Гусман. Самим доном Педро пренебрегали из-за его незаконнорожденных братьев, и особенно из-за его старшего сводного брата Генри де Трастамара. Таким образом, первой важной обязанностью его правления было добиться справедливости для своей униженной матери и унижить соперницу, причинившую ей столько страданий. То, что он терпел своих незаконнорожденных братьев, является доказательством того, что он не отличался жестоким нравом. Его суровость больше ощущалась грандами и идадьго, которые попирали справедливость и человечность и жестоко обращались с людьми с бесцеремонным высокомерием. Только в этих кругах у дона Педро были злейшие враги, а не среди низших слоев общества, которые, если их не вводить в заблуждение, оставались верны ему до смерти. Евреи также были привязаны к нему. Они рисковали имуществом и жизнью ради своего патриотизма, потому что он защищал их от несправедливости и угнетения и не относился к ним как к изгоям. Евреи, безусловно, много пострадали из-за него, но не как терпеливые жертвы, как в Германии

и Франции, а как ревностные партизаны и боевые товарищи, которые разделили свержение своего лидера с его христианскими последователями.

Вскоре после того, как дон Педро взошел на трон, когда горе, вызванное смертью короля Альфонсо XI, было еще свежо, почтенный еврейский поэт рискнул обратиться к новому монарху со словами совета в хорошо сбалансированных испанских стихах. Этот поэт, Сантоб (Шем Тоб) де Каррион из одноименного городка на севере Испании (около 1300-1350 гг.), член большой общины, был полностью забыт в еврейской литературе. Христианские писатели сохранили память о нем и его стихи. Поэтическое наследие Сантоба (или, сокращенно, Санто) заслуживает бережного отношения. Его стихи текут мягко и чисто, как журчание незапятнанного источника, с серебристым блеском танцующая в его скалистой впадине. Он не только досконально овладел звучными периодами испанского языка, находившегося в то время в переходном состоянии между нежностью и напором, но и обогатил его. Сантоб воплотил практическую мудрость своего времени в прекрасных строфах. Его "Советы и уроки", адресованные дону Педро, носят характер пословиц и поучений. Для своих стихов он опирался на неисчерпаемое богатство сентенций Талмуда и более поздних еврейских поэтов, и сладость его поэзии черпалась из различных источников.

Стихи Сантоба не всегда носят такой мягкий, бесспорный характер. Он, не колеблясь, сурово разговаривал с теми из своих единоверцев, которые разбогатели благодаря щедротам короля, и он осудил предубеждение, с которым испанские христиане относились ко всему, что имело еврейское происхождение. Даже по отношению к молодому королю он имел привычку позволять себе некоторую прямоту; и в своих станцах, которых насчитывается более 600, он часто рисовал для его величества наводящие на размышления картины добродетели и порока. Он также напомнил королю об обещаниях, данных Сантобу его отцом, и велел ему выполнить их. Из этого следует, что наш еврейский трубадур, который так успешно добивался расположения музы, не был любимцем фортуны. Однако о нем мало что известно, кроме его стихов, и мы ничего не знаем о том, какой прием встретили его представления в руках дона Педро.

Благосклонность короля к другим выдающимся евреям была безграничной. Дон Хуан Альфонсо де Альбукерке, его наставник и всемогущий министр, рекомендовал на пост министра финансов еврея, который оказал ему большие услуги, и король назначил дону Самуэля бен Меира Аллави, члена ведущей семьи Толедо, Абулафия-Халеви, на должность государственного доверенного лица вопреки решению кортесов о том, что евреи больше не должны иметь на это права. Сэмюэль Абулафия стал не только главным казначеем (мэр Тесорео), но и доверенным советником короля (привадо), который имел право голоса во всех важных консультациях и решениях. Две надписи, относящиеся к дону Самуэлю, одна написана при его жизни, другая после его смерти, описывают его как благородного и красивого, наделенного религиозными чувствами, доброжелательного человека, "который никогда не сворачивал с пути Божьего, и его нельзя было упрекнуть ни в какой вине".

Другим евреем, имевшим отношение ко двору дона Педро, был Авраам Ибн Зарзал, королевский врач и астролог. Дон Педро действительно был настолько окружен евреями, что его враги упрекали его двор в еврейском характере. Была ли защита, которую он оказывал своим еврейским подданным, обусловлена влиянием этих еврейских фаворитов или его собственными импульсами, неизвестно. При первом открытии кортесов Вальядолида (май 1351 г.) ему была представлена петиция с просьбой отменить судебную автономию, которой

пользуются еврейские общины, и их право назначать своих собственных алькальдов; он ответил, что евреи, будучи численно малочисленным народом, нуждаются в особой защите. От христианских судей они не добились бы справедливости, или их дела были бы отложены.

Пока родственники молодого короля интриговали, чтобы устроить его брак с Бланш, дочерью французского герцога де Бурбона, он влюбился в Марию де Падилья, умную, красивую леди из знатной испанской семьи. Говорят, что он был официально женат на ней в присутствии свидетелей. Во всяком случае, он заставил отозвать предложения руки и сердца Бланш; но принцесса Бурбонов либо по собственной воле, либо по настоянию своих честолюбивых родственников настояла на том, чтобы приехать в Испанию и принять диадему. Ее решимость принесла только горе ей самой и несчастье стране. Ближайшие родственники короля напрягли все силы, чтобы устроить бракосочетание, и это им удалось; но дон Педро пробыл со своей невестой всего два дня. Результатом такого положения вещей стало то, что к старым партиям в государстве добавилась еще одна, в которой одни вельможи принимали участие вместе с покинутой королевой, другие - с Марией де Падилья. К последним принадлежали Самуэль Абулафия и евреи Испании. Названная причина заключалась в том, что Бланш, с неудовольствием наблюдавшая за влиянием, которым обладали Самуил и другие евреи при дворе ее мужа, а также за почестями и отличиями, которыми они пользовались, приняла твердое решение, которое она даже начала приводить в исполнение, добиться падения наиболее выдающихся евреев и добиться изгнания всего еврейского населения из Испании. Она не скрывала своего отвращения к евреям, а, напротив, выражала его открыто. Утверждается, что по этой причине еврейские придворные заняли враждебную позицию по отношению к королеве и, со своей стороны, не упускали возможности усилить неприязнь дон Педро к ней. Если Бланш де Бурбон действительно питала такие антиеврейские чувства, а обстоятельства, безусловно, подтверждают эту точку зрения, то евреи были вынуждены в целях самообороны помешать королеве приобрести какое-либо влияние, заявить о себе от имени партии Падильи и поддерживать ее всеми доступными им средствами. Раздоры и гражданская война возникли из-за этого несчастливой отношения короля к своей едва признанной супруге. Альбукерке, который сначала был настроен против королевы, а затем позволил привлечь себя на ее сторону, впал в немилость, и Сэмюэль Абулафия сменил его на посту самого доверенного королевского советника. Всякий раз, когда двор переезжал, Самуил вместе с другими выдающимися вельможами находился при короле.

Однажды врагам дон Педро во главе с его незаконнорожденными братьями удалось заманить его и нескольких его сторонников в крепость Торо. Его товарищи, среди которых был Самуил Абулафия, были брошены в тюрьму, а сам король был заключен под стражу (1354). В то время как несколько верных вельмож и даже великий магистр Калатравы были казнены заговорщиками, фаворит Сэмюэль, как ни странно, остался жив. Позже ему удалось сбежать вместе с королем. Разделив несчастье своего королевского господина, он еще больше завоевал его расположение, и уважение, которым он пользовался у короля, в значительной степени возросло благодаря его успешному управлению финансами, которыми он управлял так, что накопил большой резерв, которым мало кто из предшественников дон Педро мог похвастаться. Вероломный захват короля в Торо стал поворотным моментом в его правлении. Из этого выросла ожесточенная гражданская война в Кастилии, которую дон Педро вел с большой жестокостью. Однако еврейские придворные к этому не приложили руки; даже враги евреев не возлагают на еврейского министра никакой ответственности за бесчинства дон Педро. Братья-бастарды и их приверженцы пытались захватить главный город, Толедо. Здесь у дон Педро

было множество сторонников, среди них вся еврейская община, и они препятствовали проникновению братьев. Однако их друзья тайно открыли им одни из ворот, и они немедленно напали на кварталы, в которых евреи жили в большом количестве. На улице Алькана они предали мечу почти 12 000 человек, мужчин и женщин, старых и молодых. Но во внутреннем городе они не произвели никакого впечатления, поскольку евреи забаррикадировали ворота и заняли стены вместе с несколькими дворянами, принадлежащими к королевской партии (май 1355 г.). Несколько дней спустя дон Педро въехал в Толедо. Его приверженцы в городе приняли его с энтузиазмом, но он сурово отомстил всем, кто помогал его братьям.

Самуэль Абулафия, благодаря мудрости своих советов, умелому управлению финансами и своему рвению к делу Марии де Падиля, продолжал завоевывать расположение короля. Его власть была больше, чем у вельмож королевства. Его богатство было королевским, и восемьдесят черных рабов служили в его дворце. Ему, по-видимому, не хватало щедрости, которая предполагала бы использование некоторой части его власти и процветания на постоянное благо его расы и религии. Он, конечно, "стремился способствовать благосостоянию своего народа", как гласит надпись; но он не понимал, в чем состояло это благосостояние. От несправедливости и вражды он защищал своих братьев, продвинул некоторых на государственную службу и дал им возможности для собственного обогащения, но он был далек от того, кем были Хасдай Ибн-Шапрут и Самуэль Ибн-Нагрела по отношению к своим единоверцам. Сэмюэль Абулафия, по-видимому, мало сочувствовал интеллектуальным устремлениям или продвижению еврейской науки и поэтической литературы. Он построил синагоги для нескольких кастильских общин и одну особенно великолепную в Толедо, но ни одного заведения для продвижения изучения талмуда.

Синагога Абулафия в Толедо, которая, преобразованная в церковь, до сих пор является одним из украшений города, была, как и большинство испанских церквей того периода, построена частично в готическом, частично в мавританском стиле. Он состоял из нескольких нефов, отделенных друг от друга колоннами и арками. Верхняя часть стен украшена изящно вырезанными арабесками, внутри которых белыми буквами на зеленом фоне можно прочесть восьмидесятый псалом на иврите. На северной и южной сторонах находятся надписи барельефом, перечисляющие заслуги принца Самуэля Леви бен Меира. Община возносит свою благодарность Богу, "который не отнял Своей милости у Своего народа и поднял людей, чтобы спасти их от рук их врагов. Несмотря на то, что в Израиле больше нет царя, Бог позволил одному из Своих людей обрести благосклонность в глазах короля, дон Педро, который возвысил его над сильными мира сего, назначил его советником своего королевства и наделил почти королевскими почестями". Имя дон Педро написано крупными и выступающими буквами, что наводит на мысль о том, что этот принц, состоявший в близких отношениях с евреями, принадлежал, можно сказать, к синагоге. В заключение выражается пожелание, чтобы Самуил пережил восстановление Храма и совершал там богослужения со своими сыновьями в качестве вождей народа.

Строительство этой большой и великолепной синагоги было завершено в 1357 году. На следующий год начало мессианского периода было предсказано столетием ранее астрономом Авраамом бен Хией и раввином и каббалистом Нахмани, а за несколько десятилетий до этого философом Леоном де Баньоле. Поскольку это пророчество не исполнилось буквально, многие евреи начали рассматривать возвышение, достигнутое Самуилом и другими ведущими евреями, как намек на скипетр Иуды. Это было опасное отклонение от нормы, подводные камни

которого были полностью оценены Ниссимом Герунди бен Рувимом (около 1340-1380), раввином Барселоны, самым важным раввинским авторитетом своего времени. Справедливо опасаясь, что вера в пришествие Мессии будет дискредитирована неисполнением подобных пророчеств, он проповедовал против расчета конца света на основе выражений из книги Даниила.

Дон Самуэль пользовался слишком большим влиянием на короля, чтобы не наживать врагов. Даже если бы он был христианином, придворная партия разработала бы планы, направленные на его падение. Были предприняты попытки настроить население Кастилии против евреев, особенно против еврейского министра, не только незаконнорожденным братом дона Педро, доном Генри, и королевой Бланш, но и всеми, кто ранее состоял на службе у короля. Дон Педро Лопес де Айала, поэт, хронист и знаменосец короля, в одном из своих стихотворений описал чувства придворных к евреям, пользующимся благосклонностью: "Они сосут кровь страдающих людей; они наживаются на их имуществе, собирая налоги. Дон Абрахам и дон Сэмюэль, у которых губы сладки, как мед, получают от короля все, что попросят". Падения Сэмюэля желали многие. Говорят даже, что некоторые толедские евреи, завидуя его удаче, обвинили его в том, что он накопил огромное состояние за счет своего царственного господина. Дон Педро конфисковал все состояние Самуэля и его родственников: 170 900 дублонов, 4000 серебряных марок, 125 сундуков с золотой и серебряной тканью и 80 рабов у министра и 60 000 дублонов у его родственников. По словам некоторых авторов, под домом Сэмюэля было найдено огромное количество золота и серебра. Дон Педро приказал заключить своего бывшего фаворита в тюрьму в Толедо и выставить на дыбу в Севилье, чтобы заставить его раскрыть новые сокровища. Он, однако, остался непреклонен, ничего не выдал и сдался под пытками (октябрь или ноябрь 1360 года). Его надгробие простыми фразами повествует о том, как высоко было его положение и как его душа, очищенная пытками, вознеслась к Богу. Что касается дона Педро, то в надписи нет ни единого осуждающего выражения.

Смерть Самуила Абулафии не изменила дружеских отношений между королем и евреями. Они оставались верны ему, и он продолжал наделять членов их общества важными знаками отличия. Следовательно, они разделяли ту ненависть, с которой враги короля относились к нему. Король решил предать смерти свою ненавистную супругу (1361). Каким бы ни был характер королевы, была ли она святой или наоборот, заслуживала ли она своей участи или нет, способ ее смерти навсегда останется пятном на памяти дона Педро. Несмотря на враждебность, с которой Де Айала относился к евреям, в его хронике нет ни малейшего намека на то, что кто-либо из еврейских фаворитов дона Педро был замешан в этом преступлении. Придумывание небылиц, отождествляющих их с виной короля, было отложено на более поздний период. Была сфабрикована версия о том, что еврей подмешал яд королеве по приказу короля, потому что она настаивала на изгнании евреев из Испании. Французский роман, в котором предпринимается попытка приукрасить дела и злодеяния французских авантюристов, сражавшихся против дона Педро и евреев, приписывает смерть королевы еврейской руке.

Дон Педро публично объявил перед собравшимися кортесами в Севилье, что его брак с Бланш Бурбонской был незаконным, поскольку ранее он был женат на Марии де Падилья. Он вызвал свидетелей, среди них нескольких представителей духовенства, и они подтвердили его заявление под присягой. Благодаря убийству Бланш и его последствиям дону Генри де Трастамаре представилась возможность заполучить союзников для свержения короля, и он не замедлил этим воспользоваться. Бурбоны во Франции и король пообещали ему помощь и

позволили ему завербовать диких копейщиков так называемого великого, или белого отряда, которые по окончании войны с Англией сделали Францию небезопасной. Папа римский, недовольный милостями, оказанными доном Педро евреям, также поддержал дон Генриха и наложил запрет на короля Испании.

Чтобы придать своему восстанию оттенок законности и завоевать чувства народа, дон Генри очернил характер своего брата, представив его изгоем, лишившимся короны из-за того, что он позволил евреям управлять своими штатами и сам привязался к ним и их религии. Дон Генри зашел в своей клевете так далеко, что заявил, что не только его любовница Мария де Падилья была еврейкой, но и сам дон Педро был еврейского происхождения.

С наемниками "белого отряда", безжалостными бандитами, Генрих пересек Пиренеи, чтобы развязать войну против своего брата и, если возможно, свергнуть его. Во главе этих французских и английских разбойников стоял выдающийся воин своего времени, герой и странствующий рыцарь Бертран дю Геклен (Клакен), прославленный своими отважными подвигами, своим уродством и эксцентричностью, который, как и Сид, был прославлен легендой. Евреи последовательно делили свое состояние с состоянием партии Дона Педро и поддерживали ее своими деньгами и своей кровью. Они стекались под его знамена на поле боя и размещали гарнизоны в городах, защищая их от нападений дон Анри и Дю Геклена. Дикие наемники, которым они противостояли, мстили не только еврейским солдатам, но и тем, кто не носил оружия.

Приближение врага вынудило дон Педро покинуть Бургос, столицу Старой Кастилии, и на собрании жителей было благоразумно решено не препятствовать въезду дон Генри. Вступив во владение городом, где он впервые был провозглашен королем (март 1360 г.), Генрих наложил на еврейскую общину штраф в размере 50 000 дублонов и аннулировал все непогашенные долги христиан перед евреями. Евреи Бургоса, неспособные уплатить этот крупный взнос, были вынуждены продать свои товары и движимое имущество, даже украшения на свитках Закона. Те, кто не мог внести свою долю взноса, были проданы в рабство. Вся Испания пала в руках завоевателя вследствие пренебрежения дон Педро сосредоточить вокруг себя ту часть населения, на которую он мог положиться, или подкупить вольных копейщиков "белого отряда", как ему советовали. Ворота Толедо, столицы, были открыты для победителя, хотя партия дон Педро, к которой принадлежали евреи, настоятельно советовала защищаться. На общину Толедо дон Генрих также наложил крупный штраф за ее верность законному королю. Последним прибежищем дон Педро была Севилья, которую он также потерял.

Еще раз удача улыбнулась дону Педро после того, как он был вынужден перейти Пиренеи в качестве беглеца и оставить всю свою страну в руках врага. Героический принц Уэльский, прозванный Черным принцем из-за цвета своих доспехов, находясь на юге Франции, обязался прийти на помощь свергнутому монарху как ради законного дела, так и в ожидании богатого вознаграждения деньгами и землями. Генри де Трастамара был вынужден покинуть Испанию (1367). Весь полуостров приветствовал победителя Дона Педро и его союзника, Черного принца, с энтузиазмом, как ранее радовался триумфу его брата и дикого коннетабля Франции Бертрана дю Геклена. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Черный принц покинул дон Педро, и дон Генри вернулся с новыми рекрутами из Франции. Северные города Испании снова пали перед его руками. Жители Бургоса открыли свои ворота завоевателю, но евреи остались верны несчастному дону Педро. С помощью нескольких верных дворян они храбро защищали

еврейство Бургоса и были подавлены только превосходящими силами врага. Они добились благоприятной капитуляции, обеспечивавшей их бесспорное пребывание в городе, но были вынуждены выплатить военную контрибуцию в размере миллиона мараведи.

На этот раз христианское население желало извлечь выгоду из восстания против дона Педро. Кортесы Бургоса сообщили Генриху, что евреи, бывшие фаворитами и должностными лицами при прежнем короле, были в значительной степени ответственны за гражданскую войну, и что он должен санкционировать закон, исключаящий их в будущем из всех государственных должностей, включая должность врача короля или королевы, а также из права взимать налоги с сельского хозяйства. На это дон Генрих ответил, что подобную практику не одобрял ни один из бывших королей Кастилии. Однако он не стал бы консультироваться с евреями при своем дворе и не разрешил бы им выполнять функции, которые могли бы нанести ущерб стране. Из этого очевидно, что Генрих не испытывал особого отвращения к евреям. Возможно, он боялся, что, притесняя их, он может довести их до актов отчаяния.

Дон Педро по-прежнему насчитывал много приверженцев в стране. Большинство еврейских общин остались верны ему, и евреи служили в его армии, и сражались против узурпатора за короля, который до последнего относился к ним с особой благосклонностью. Даже когда в отчаянии он был вынужден призвать к себе на помощь магометанского короля Гранады, он возложил на этого монарха обязанность защищать евреев. Несмотря на это, евреи претерпевали неопишуемые страдания как от рук друзей, так и от врагов. Поскольку дон Педро полностью зависел от сторонников Черного принца и магометанского короля, его пожелания в отношении евреев не были приняты во внимание. Община Вилладиего, известная своей доброжелательностью и продвижением образования, была полностью уничтожена англичанами. Та же злая участь постигла Агилар и другие общины. Жители Вальядолида, присягнувшие на верность дону Генри, грабили евреев, разрушили их восемь синагог, отняли у них сокровища и разорвали священные писания. Последовал период шокирующего вырождения. Куда бы ни приезжал дон Генри, он облагал евреев тяжелыми контрибуциями, ввергая их в нищету и не оставляя им ничего, кроме их жизней. Магометанский король, союзник дона Педро, перевез триста еврейских семей в качестве пленных из Хаэна в Гранаду. Еще хуже было обращение с жестоким Дю Гекленом. Став жертвой ненависти французских евреев, он не мог смотреть на евреев как на равных себе в партийной борьбе и войне, а только как на рабов, осмелившихся обнажить меч против своих хозяев. В то время нищета была настолько велика, что многие евреи обратились в христианство.

Больше всего пострадала община Толедо. Подражая христианским приверженцам дона Педро, они пошли на величайшие жертвы ради защиты города и выдержали долгую и ужасную осаду. Голод во время инвеституры был настолько велик, что несчастные съели не только свиток Закона, но даже плоть своих собственных детей. От голода и войны погибла большая часть общины Толедо — по некоторым данным, около 8000 человек, по другим данным, более 10 000. Наконец, при Монтьеле дон Генрих победил своего брата, которого бросили все его сторонники (14 марта 1369 г.). Конец дона Педро был трагическим. Говорят, что когда братья встретились, Генрих бросил ему в лицо такие оскорбительные слова: "Где еврей, сын блудницы, который называет себя королем Кастилии?" Затем они сцепились в схватке. Дон Педро был побежден и обезглавлен генералом своего брата Дю Гекленом. Папа Урбан V не смог сдержать своего восторга, услышав весть о смерти дона Педро. "Церковь должна радоваться, - писал он, - смерти такого тирана, бунтаря против церкви и покровителя евреев и сарацин. Праведники

ликуют в возмездии". Унижение испанских евреев, которого папство так долго не могло добиться, неожиданно завершилось гражданской войной в Кастилии. При Монтьеле они потерпели поражение, чреватое фатальными последствиями для их будущего.

Если бы путешественник, подобный Вениамину из Туделы, путешествовал по Европе во второй половине XIV века с целью посетить, перечислить и описать различные еврейские общины, он мог бы представить нам мрачную картину. От Геркулесовых столпов и Атлантического океана до берегов Одера или Вислы он обнаружил бы, что во многих районах вообще нет евреев, а в других местах только очень маленькие, бедные, жалкие общины, все еще кровоточащие от ран, нанесенных обезумевшим от чумы населением. По человеческим расчетам, уничтожение евреев в западной и центральной Европе было неминуемо. Те, кто пережил безжалостную резню или избежал отчаянного самоубийства, потеряли мужество. Общественные связи по большей части были разорваны. Воспоминания об ужасных сценах, через которые они прошли, долгое время волновали небольшое число выживших евреев и не оставляли им надежды на лучшие времена. Элегические строки лорда Байрона—

"У дикой голубки есть свое гнездо, у лисы — своя пещера, у
человечества - своя страна -Израиль, кроме могилы",

применимы ко всей средневековой истории евреев, но только к этому периоду. Западная и центральная Европа стала для потомков патриархов и пророков одной огромной могилой, которая ненасытно требовала новых жертв.

Примечательно, что евреи стали незаменимыми для христианского населения, несмотря на ядовитую ненависть, с которой последние относились к ним. Не только князья, но и города и даже духовенство страдали манией "обладать евреями". Через несколько лет после ужасного безумия, последовавшего за Черной смертью, немецкие граждане и их магистраты поспешили вновь принять евреев; вскоре они забыли свою клятву, что в течение ста или двухсот лет ни один еврей не должен жить в их стенах. Епископ Аугсбурга обратился к императору Карлу IV с просьбой о привилегии "принимать и укрывать евреев". Избиратели, как церковные, так и светские, были склонны ограничить исключительное право германского императора владеть крепостными палаты (*servi cameræ*) и приобрести такое же право для себя. Герлах, архиепископ Майнца, особенно приложил усилия, чтобы вырвать эту привилегию у императора Карла IV, и его успех был в немалой степени обусловлен желанием императора сохранить свою популярность среди избирателей. На императорском сейме, состоявшемся в Нюрнберге в ноябре 1355 года, где было обнародовано нечто вроде конституции Германии, известной как "Золотая булла", император даровал избирателям, в дополнение к праву открытия металлических и соляных рудников, привилегию содержать евреев; иными словами, он предоставил им этот источник дохода в дополнение к таким источникам, как залежи металла и соли. Но император уступил это право только выборщикам; он сохранил свои права на "*servi cameræ*", живущих под властью мелких князей и в городах. Архиепископский курфюрст Майнца, не теряя времени, воспользовался новой привилегией и немедленно нанял еврея, чтобы тот добыл для него другие. Таким образом, евреев одновременно отталкивали и привлекали, их избегали и за ними ухаживали, они были объявлены вне закона и им льстили. Они прекрасно понимали, что терпели их не ради них самих, а исключительно из-за преимуществ, которые они предоставляли властям и населению. Как же тогда можно было

ожидать, что они не посвятят себя зарабатыванию денег - единственному средству, с помощью которого они могли влачить жалкое существование?

Во Франции, как и в Германии, финансовые соображения побудили правителей согласиться на повторный прием евреев. Затруднения, возникшие в результате частых войн с Англией, особенно ощутимые после пленения короля Иоанна (сентябрь 1356 г.), угрожали превратить эту рыцарскую страну в провинцию английской короны. Особенно не хватало денег. Даже для выкупа заключенного короля собравшиеся Генеральные штаты не голосовали за поставки, или они отягощали свой грант тяжелыми условиями. Третье сословие подняло восстание и призвало крестьян сбросить ярмо знати. По всей стране царила анархия. На этом этапе евреи, с их финансовыми способностями, предстали перед дофином Карлом, который исполнял обязанности регента во время пленения короля, как провиденциальные избавители государства. Умный еврей Манессье (Manesier) де Везуль активно вел переговоры о возвращении евреев во Францию, откуда их так часто изгоняли. Дофин-регент разрешил нескольким евреям вернуться, но если обнищавшее государство или двор хотели извлечь какую-либо реальную выгоду из такого возвращения, было необходимо, чтобы оно состоялось в большом масштабе. Таким образом, план, который Манессье представил принцу, был одобрен во всех деталях, и возвращение евреев на двадцать лет было санкционировано при самых благоприятных условиях. Ни евреи, ни их представитель Манессье не захотели воспользоваться столь важным предложением без согласия заключенного короля. Соответственно, план был представлен ему на утверждение. По просьбе Манессье де Везуля евреи в то же время представили королю памятную записку, в которой говорилось, что они были несправедливо изгнаны из Франции и что они не могут забыть страну своего рождения. Затем заключенный монарх издал указ (март 1360 г.), которым, с согласия высшего и низшего духовенства, высшей и низшей знати и третьего сословия, всем евреям было разрешено въезжать во Францию и проживать там в течение двадцати лет. Им разрешалось селиться в любой части страны, в больших и малых городах, деревнях и поселках, и владеть не только домами, но и землями.

Однако глава каждой еврейской семьи был вынужден при въезде в страну заплатить сумму в четырнадцать флоринов (florins de Florence) за себя и по одному флорину за каждого ребенка или другого члена своей семьи; кроме того, он стал облагаться ежегодным еврейским налогом в размере семи флоринов и по одному за каждого члена своей семьи. С другой стороны, эмигранты должны были пользоваться обширными привилегиями. Они не попадали под юрисдикцию обычных судов или должностных лиц, но имели специального судью в лице графа д'Этампа, принца королевской крови, который выступал в качестве их защитника (gardien, conservateur), и в чьи обязанности входило назначать следственных судей и уполномоченных, а также защищать интересы общества в случае угрозы. Дела о мелком правонарушении между ними должны были рассматриваться двумя раввинами и четырьмя заседателями. Решения этого трибунала обжалованию не подлежали. Однако имущество осужденного еврейского преступника было конфисковано королем, которому, кроме того, раввины должны были выплатить сумму в сто флоринов. За прошлые проступки и преступления король даровал им полную амнистию. Они были защищены от насилия знати и мелких неприятностей духовенства. Их нельзя было заставить посещать христианские службы или беседы. Их мебель, скот, запасы зерна и вина, а также их священные книги, не только Библию, но и экземпляры Талмуда, должны были быть гарантированы от конфискации, чтобы публичное сожжение Талмуда в Париже не могло повториться. Их ремеслу была оказана самая строгая защита. Им разрешалось взимать 80-процентный процент (4 денье с ливра) по займам и брать залоги, их

права на которые были защищены целым рядом законов. Сам Манессье де Везуль, активный и ревностный участник переговоров об этих привилегиях, был назначен на высокий пост при дворе. Он стал генеральным распорядителем (*procurateur* или *receveur-general*) и в этом качестве отвечал за своевременную уплату налогов евреям, его комиссионные составляли почти 14 процентов. Результатом предоставления этих привилегий стало то, что евреи въехали во Францию в большом количестве, даже иностранцам было разрешено селиться там или занимать более или менее длительное место жительства.

Обширные привилегии, предоставленные евреям, вызывали зависть. Врачи-христиане, столкнувшиеся с конкуренцией врачей-евреев, жаловались, что последние не прошли публичный экзамен, и называли их шарлатанами. Судьи и чиновники, не имея власти над евреями и возможности вымогать у них деньги, жаловались, что они злоупотребляли своими привилегиями. Духовенство, возмущенное привилегированным положением евреев, но не имеющее реальной обиды, жаловалось, что они больше не носят предписанный значок. Слабый король позволил вымогать у него приказ, в некоторой степени противоречащий его собственному указу, по которому к медицинской практике допускались только те евреи, которые прошли экзамен, и все евреи, не исключая даже тех, кто пользовался особыми привилегиями (Манессье и его семья), должны были носить красно-белый значок в форме колеса (*rouelle*) размером с королевскую печать. В конце концов евреи были вновь переданы под юрисдикцию обычных судов, и прежние договоренности были аннулированы.

Как только политический дофин вззошел на трон под титулом Карла V и принял строгую систему правления, чтобы избавиться от зависимости от Генеральных штатов (май 1364 г.), он приступил к обеспечению себя источниками доходов, которыми владели евреи. Он восстановил привилегии, частично отмененные его отцом, продлил срок проживания на шесть лет и тайно разрешил еврейским денежным дельцам превышать 80-процентную плату за ссуды. По просьбе Манессье де Везуля, всегда ревностно отстаивавшего интересы своих единоверцев, евреи были снова выведены из-под юрисдикции обычных судов и переданы на попечение их официального покровителя, графа д'Этампа. Духовенство, чья ненависть к евреям граничила с бесчеловечностью, оказалось бессильным. На юге Франции главы церкви пригрозили отлучением от церкви любому христианину, который будет торговать с евреями или снабжать их огнем, водой, хлебом или вином, и таким образом настолько разожгли фанатизм народа, что жизни и имущество евреев оказались под угрозой. Чтобы противодействовать этому, губернатор Лангедока издал от имени короля указ, информирующий должностных лиц, как мирян, так и церковь, о том, что все, кто проявляет враждебность по отношению к евреям, будут беспощадно наказаны лично и по существу.

Таким образом, во время правления Карла V (1364-1380) положение евреев было, по крайней мере, терпимым. Манессье оставался генеральным приемщиком еврейских налогов на севере Франции (*Langue d'Oyl'a*), и те же функции выполнял Дени Киньон в Лангедоке. По жалобе последнего на то, что несколько новообращенных евреев совместно с христианским духовенством заставляли своих бывших братьев посещать церкви для прослушивания проповедей, король издал рескрипт (март 1368 г.), строго запрещающий любое подобное неподобающее принуждение. Впоследствии Карл продлил срок пребывания в стране на десять лет, а позже еще на шесть. Все это было осуществлено неумолимым Манессье (1374). Его рвение в еврейском деле и преимущества, которые король извлекал из своих усилий, были

вознаграждены освобождением его самого и его семьи от всех видов налогов, контрибуций и службы короне (1375).

Хотя немецкие и французские евреи, казалось, ожили после своих ужасных страданий, это было лишь материальное возрождение; их дух оставался мертвым. Их интеллектуальные способности исчезли. Во Франции, где на протяжении более чем двух столетий, от Раши до последнего из тоссафистов, изучение Талмуда достигло наивысшего расцвета и где были развиты замечательная острота и интеллектуальная глубина, новые эмигранты проявили столь поразительное невежество, что им пришлось начинать свои занятия заново. В "Индальгенциях королей" Иоанна и Карла, конечно, говорилось о раввинах, которые должны быть облечены властью судить еврейских преступников; но среди них не было ни одного глубокого талмудиста; более того, по признанию современных авторов, не более пяти человек даже с посредственными достижениями. Единственный приверженец изучения талмуда, Мататия бен Джозеф Провенси, не оставил письменных свидетельств о своих способностях. Карл V пользовался таким уважением, что он и его семья были освобождены от ношения отличительных знаков, предписанных законом, и, по-видимому, состоял в родстве с генеральным приемником Манессье де Везулем, Мататия был в лучшем положении, чтобы справиться с преобладающим невежеством. Он восстановил колледж в Париже, собрал учеников, разъяснил им Талмуд, посвятил их в раввинские должности и приказал написать копии Талмуда. Благодаря его энергии и сравнительно большой образованности недавно созданные французские общины избрали его на должность главного раввина и главного судьи по гражданским и уголовным делам, причем его назначение было утверждено королем. Его школа должна была снабжать общины раввинами, но его ученики обогащали раввинскую литературу своим вкладом так же мало, как и он сам. Даже Прованс, некогда столь плодородный для еврейской литературы, интеллектуально обеднел.

В Германии, где раввины когда-то так гордились своими традиционными знаниями, Черная смерть с сопутствующими ей преследованиями и изгнаниями настолько проредила ряды евреев, что начался необычайный интеллектуальный упадок. Неграмотные и поверхностные, за неимением лучших людей, были назначены на раввинские должности. Этой пагубной практике решительно противостоял Меир бен Барух Халеви, раввин, который в свое время считался большим авторитетом в Германии (1370-1390). Раввин в Вене, каким до него был его отец, Меир Халеви (Сегал) приказал, чтобы ни один изучающий талмуд не выполнял раввинские функции без разрешения авторитетного раввина. До тех пор такова была практика, когда любой, кто чувствовал себя способным и желающим занять раввинский пост без дальнейших церемоний или, если он случайно поселялся по соседству со своим учителем, получал от него разрешение. Поскольку со времен Гершона Майнцского в Германии всегда были великие талмудисты, общественное мнение противодействовало злоупотреблению этой свободой; ибо если бы неквалифицированный человек присвоил себе исполнение раввинских функций, он навлек бы на себя всеобщие насмешки и презрение. Однако после Черной смерти этот сдерживающий фактор в значительной степени утратил свою силу из-за нехватки талмудистов. Приказ Меира Венского о том, что каждый раввин должен быть рукоположен, что он должен заслужить титул (Morenu) и что без такой подготовки ему должно быть запрещено заниматься супружескими делами, браками и разводами, был продиктован требованиями времени, а не самонадеянностью его автора. Незначительность даже самых уважаемых немецких раввинов того периода очевидна из того факта, что ни один из них не оставил какой-либо важной талмудической работы; что, напротив, все они придерживались курса, приводящего к

умственному застою. Меир Халеви, его коллега Абрахам Клаузнер и Шалом из Австрии, раввин из Нойштадта, недалеко от Вены, посвятили себя исключительно записи и увековечиванию обычаев общин (минхагим), которым раньше уделялось очень мало внимания. Они и их ученики, Исаак Тырнау из Венгрии, и Якоб Мелин (Махарил) не оставили после себя ничего, кроме таких безвкусных компиляций. Если австрийской школе, которая в то время преобладала, так не хватало интеллектуальности, то насколько больше рейнской, от которой до нас дошли только названия.

Из-за бедствий, вызванных Черной смертью, воспоминания о старых временах были настолько стерты, что рейнские раввины оказались вынужденными, из-за разногласий по вопросам брачного законодательства, созвать синод исключительно с целью восстановления старых правил. На собрании в Майнце (15 авг.—5 августа 1381 г.) несколько раввинов вместе с некоторыми общинными лидерами обновили старые решения Шпейера, Вормса и Майнца (Теканот Шум); например, бездетная вдова должна быть освобождена без вымогательства или промедления от обязанности выйти замуж за своего шурина и должна получить определенную часть имущества, оставленного ее мужем. Среди раввинов, принимавших участие в этом синоде, нет ни одного примечательного имени.

ГЛАВА V. ЭПОХА ЧАСДАЯ КРЕСКАСА И ИСААКА БЕН ШЕШЕТА.

Евреи Испании после гражданской войны—Джозеф Пишон и Самуэль Абрабанель—Отступники: Иоанн Вальядолидский—Менахем бен Зерах, Часдай Крескас и Исаак бен Шешет—Хаим Галлипапа и его нововведения—Прево Обрио и евреи Парижа—Французский раввинат—Возрождение еврейского влияния в Испании—Евреи Португалии—Еврейские государственные деятели Давид и Иуда Негро—Раввины и духовенство—Преследования в Германии и Испании—Первые зародыши инквизиции—Второй Изгнание евреев из Франции — Новообращенный Пессах-Петер—Липманн из Мюльхаузена.

1369–1380 С.Е.

Сердце еврейской расы стало не менее искалеченным и болезненным, чем ее представители. В Испании разлагающие силы действовали на прочное ядро иудаизма, которое так долго сопротивлялось разъедающему влиянию церковной и гражданской вражды. Принц, которому евреи, руководствуясь своей лояльностью, так стойко сопротивлялись, против которого они даже взяли за оружие; незаконнорожденный дон Генри де Трастамара; мятежник, вызвавший гражданскую войну на своей родной земле и наводнивший ее мародерствующими солдатами; братоубийца, разорвавший узы природы и закона, после победы при Монтелье схватил скипетр своими окровавленными руками и возложил украденную корону Кастилии на свою виновную голову. Значительная часть многочисленного еврейского населения во время затяжной и ожесточенной гражданской войны встретила смерть на полях сражений, в осажденных городах, как вооруженных, так и безоружных, от мечей наемников "белого отряда".

Еврейская община Толедо, столицы Кастилии — "Короны Израиля" средневековья и, в некоторой степени, западного Иерусалима, — после снятия осады насчитывала не столько сотни евреев, сколько ранее тысячи. Остальные евреи Кастилии были доведены до нищеты в результате грабежей и конфискаций со стороны друзей и врагов. Немало тех, кто в отчаянии бросился в объятия христианства. Поразительную картину плачевного состояния кастильских общин в этот период рисует современный писатель Самуэль Шарса: "По правде говоря, грабители следовали за грабителями, деньги исчезали из кошельков, души - из тел; наступили все предшествующие мессианскому периоду страдания — но Искупитель не пришел!"

После победы дон Генри у евреев были веские причины трепетать. Одним из предлогов для развязывания войны против его брата была благосклонность, проявленная доном Педро к евреям. Теперь он стал вершителем их судеб. Разве он не стал бы, подобно другому Веспасиану или Адриану, наступать ногой на шею побежденным? Однако самые мрачные из их ожиданий не оправдались. Дон Генрих II был так же мало способен обходиться без евреев, как его предшественники или французские и немецкие князья. Евреи были единственными финансистами, способными поддерживать процветание и порядок в государственной казне, и для этой цели дон Генри нуждался в них больше, чем когда-либо. Во время войны он влез в долги по выплате жалованья войскам, с которыми Дю Геклен помогал ему, а за помощь, полученную в других кругах, он давал обещания, которые должны были быть выполнены. Страна обнищала из-за затянувшейся войны. Кто должен был раздобыть необходимые суммы и обеспечить систематический сбор налогов, если не евреи? Генрих не был слеп к достоинствам евреев, примером которых служило их постоянство по отношению к его брату. Вместо того чтобы наказывать побежденных, он оценил их верность, сказав: "Таких подданных король должен любить и награждать, потому что они сохраняли надлежащую верность своему побежденному королю до самой смерти и не сдались победителю".

Таким образом, дон Генри был виновен в поведении, которое в случае со своим братом он заклеил как преступление в глазах всего христианского мира; он нанимал способных евреев на службу государству, доверяя им, в частности, финансы. Двух евреев из Севильи, дон Джозефа Пишона и дон Самуэля Абрабанеля, он назначил на важные посты, первого - генеральным сборщиком налогов, а Альмоксарифа - при короле, у которого он пользовался большим уважением. Другие евреи, отличавшиеся своими способностями или богатством, имели доступ ко двору дон Генри.

Если царь не держал на евреев зла за ту роль, которую они сыграли в войне против него, то население в целом не было столь великодушным. Знать и простые люди не могли простить им того, что они столкнулись с ними как с врагами в осажденных городах и на открытых полях сражений. Страсть к мести, связанная с обычной ненавистью к евреям, ослепила их к выгодам, которые евреи вносили в благосостояние государства, и их единственной мыслью было, как удовлетворить свое негодование. Евреи, будучи побежденными, должны были, по их мнению, быть низведены до своего рода крепостного права. Враждебные чувства населения проявились на собрании первых кортесов в Торо (1371). Здесь враги евреев перешли в наступление. Кортесы выразили королю свое недовольство тем, что эта "злая, дерзкая раса", эти враги Бога и христианского мира, занимали "высокие должности" при дворе и у вельмож королевства, и что сбор налогов был доверен им, что означало, что слабые христиане содержались в подчинении и страхе. Соответственно, кортесы предъявили короне четкие требования в отношении евреев. С этого времени они не должны были иметь права на какую-либо государственную работу; они

должны были жить в еврейских кварталах, отделенных от христианского населения, их заставляли носить еврейские значки, им запрещалось появляться на публике в богатой одежде, ездить верхом на мулах и носить христианские имена. Дону Генри эти требования были очень неприятны, но он не осмелился отказаться от некоторых уступок. Большинство он отверг, заметив, что в своем обращении с евреями он всего лишь следовал примеру своих предков, особенно примеру своего отца, Альфонсо XI. Два допущенных ограничения были если и не существенными, то рассчитанными на зловещий эффект. Они заключались в том, что кастильские евреи должны были надеть унижительные значки и отказаться от своих испанских имен. Гордость евреев, равная гордости грандов и идадьго, была глубоко уязвлена. Прошло полтора столетия с тех пор, как был обнародован канонический закон о еврейском значке, ставший результатом папской нетерпимости и высокомерия. В течение всего этого периода евреи Кастилии были в состоянии предотвратить его применение к себе, но теперь они также были вынуждены носить это клеймо на своей одежде. Они, привыкшие высоко держать голову и радоваться звучным титулам, должны были, подобно немецким евреям, красться с опущенными глазами, и их называли их восточными именами. Они никак не могли привыкнуть к этой унижительной ситуации.

В результате протестов некоторых из его подданных, разорившихся из-за займов, полученных от еврейских кредиторов, и жаловавшихся на ростовщические проценты, дон Генри посягнул на их частные права. Он решил, что если должники-христиане выполняют свои обязательства в течение короткого промежутка времени, им нужно будет вернуть только две трети основной суммы долга.

Нищета, вызванная гражданской войной и новыми ограничениями, оказала угнетающее воздействие на кастильских евреев. Их самые выдающиеся люди, те, кто имел доступ ко двору и обладал богатством и влиянием, особенно Сэмюэль Абрабанель, приложили все усилия, чтобы исправить мрачное положение дел. Они особенно старались восстановить униженную, обедневшую и дезорганизованную общину Толедо; но возродить научную культуру и интеллектуальное превосходство, которым община Толедо была обязана как своим лидирующим положением, так и процветанием своих членов, было выше их сил. Несчастливая война и зло, последовавшее за ней, ослабили еврейский разум и отвлекли его от интеллектуальных интересов к материальным. Дезорганизация шла большими шагами. Безразличие к научной работе привело к столь всеобщему невежеству, что то, с чем раньше был знаком каждый тиро, теперь выдавалось за трансцендентную мудрость. У нас есть пример слащавости, до которой дошла новоеврейская поэзия, в стихах поэта Зарака (Зераха) Барфата, который в поэтическом пересказе книги Иова полностью испортил красоту этого произведения искусства. Как раз в этот период срочно потребовались образованные и способные люди, поскольку представители христианства начали серьезно и энергично нападать на иудаизм, чтобы привлечь новообращенных из числа его приверженцев.

Дону Генри было за что благодарить духовенство; они освятили его узурпацию и смирились с его самонадеянным престолонаследием. Из благодарности и ложного представления о религиозности он во многом уступал им. По его приказу евреи снова были вынуждены принимать участие в религиозных дебатах, в которых было что терять и нечего приобретать.

Два крещеных еврея получили от короля привилегию проводить религиозные диспуты в каждой провинции и городе Кастилии, на которые они могли бы принудить евреев присутствовать.

Одним из этих отступников был Иоанн Вальядолидский. В Бургосе дискуссия состоялась в присутствии архиепископа Гомеса Толедского. В Авиле вся община была вынуждена отправиться в великую церковь (1375 г.), где дебаты продолжались в присутствии многих христиан и магометан. Моисей Коэн де Тордесильяс, который был так же хорошо знаком с христианскими, как и с еврейскими теологическими авторитетами, выступил от имени евреев. Он приступил к своему опасному предприятию с трепетом, ибо у него была возможность составить представление о христианском милосердии. Во время гражданской войны христианские мародеры отняли у него все его имущество и даже лично жестоко обращались с ним, чтобы заставить его принять христианство. Все эти испытания он перенес с мужеством твердых убеждений, но оказался в такой бедности, что был вынужден принять поддержку от общины Авилы.

Мозес де Тордесильяс не считал свою роль в дискуссии слишком сложной. Отступник Иоанн Вальядолидский подчеркивал предположение, что догматы христианства — мессианские притязания, Божественность и Воплощение Иисуса, Троица и Девственность "Божьей Матери" — могут быть продемонстрированы из Ветхого Завета. Следовательно, его еврейскому оппоненту было нетрудно опровергнуть его аргументы. После четырех дебатов Иоанн был вынужден отказаться от своей задачи, будучи побежденным. Это, однако, не завершило дело. Ученик отступника, Абнер-Альфонсо, появился вскоре после этого и вызвал Мозеса де Тордесильяса на дебаты о Талмуде и текстах Агад. В случае отказа он публично пригрозил объявить Талмуду импичмент как источнику антихристианских настроений. Мозесу снова пришлось столкнуться с серией глупых утверждений и обвинений и тащиться через тернистый путь очередного спора. По совету общины Авилы он обязался записать основные аргументы, использованные в этих дискуссиях, под названием "Эзер ха-Эмуна" и разослал их своим братьям-толеданцам для использования в аналогичных обстоятельствах. Диспуты Мозеса де Тордесильяса, несмотря на трудности его положения, отличались спокойствием и невозмутимостью. С его уст не сорвалось ни единого оскорбительного слова, и он посоветовал своим толедским братьям не поддаваться искушению в своем рвении к неприятным выражениям, "ибо это факт, - сказал он, - что христиане обладают властью и склонностью заставлять истину замолчать силой". Толедо, ранее признанный учителем еврейства, теперь был вынужден играть роль ученика и следовать формулам в диспутах, на которые могли быть приглашены его члены.

Как будто более дальновидные евреи предвидели приближение самой мрачной эпохи испанского иудаизма, они снабдили своих единоверцев для предстоящей борьбы шлемами и щитами, чтобы неумолимый враг не застал их врасплох безоружными. Испанский еврей, современник Мозеса де Тордесильяса, составил полемический труд, более исчерпывающий, чем его предшественник, защищающий иудаизм и нападающий на христианство. Шем-Тоб бен Исаак Шапрут из Туделы в раннем возрасте был вынужден занять позицию защитника своих братьев от попыток обращения в свою веру. Кардинал Дон Педро де Луна, который позже, став папой Бенедиктом XIII, внес столько смятения в церковь и зла в отношении евреев, был одержим совершенной манией обращения в веру и религиозных споров. В Пампелуне он вызвал Шем-Тоба бен Шапрута на диспут о первородном грехе и спасении, и последний был вынужден отстаивать свою позицию в присутствии епископов и ученых прелатов. Война между Англией и Кастилией, аренной которой была Наварра, вынудила Шем-Тоба бен Шапрута вместе со многими другими евреями покинуть страну (1378) и поселиться в соседнем городе Таразона в Арагоне. Заметив здесь, что евреи типа Джона де Вальядолида были чрезвычайно ревностны в

продвижении религиозных дискуссий, обращении слабаков и очернении еврейской литературы, он опубликовал (1380) всеобъемлющий труд ("Эбен Бочан"), разоблачающий ложность аргументов, выведенных христианскими полемистами из Библии и Талмуда. Работа написана в форме дискуссии между верующим в единство Бога и сторонником Троицы. Чтобы дать евреям возможность пользоваться оружием из христианского арсенала, Шем-Тоб бен Шапрут перевел на иврит выдержки из четырех Евангелий с подробными комментариями. Впоследствии в его руки попала антиеврейская работа отступника Абнера-Альфонсо, и он опроверг ее аргумент за аргументом.

Эти полемические работы не имели далеко идущего значения; во всяком случае, их эффект оказался не таким, как ожидали их авторы. Евреи Испании нуждались не столько в писаниях, сколько в людях с сильным характером, властными личностями и достоинством, способных поднять если не массы, то, по крайней мере, полуобразованные классы и наполнить их отчасти своим собственным духом. Запрет на научные исследования, наложенный из-за чрезмерного страха и крайней религиозности, заметно отомстил за себя. Это принижало интеллект людей и лишало их той способности ценить знамения времени, которую может развить только гуманитарное образование. Даже вера страдала от недостатка культуры у подрастающего поколения. Только один еврей с глубоким философским гением занимает видное место в истории того периода, и влияние, которое он оказывал на довольно узкий круг, было обусловлено не столько его высоким интеллектом, сколько его положением и талмудическими знаниями. Большинство испанских раввинов, если и не были на самом деле враждебны, то были равнодушны к наукам, особенно к религиозной философии. Только непрофессионалы посвящали себя таким занятиям, и они не были ни исчерпывающими в своих исследованиях, ни творческими в своих спекуляциях. Характерно для этого периода, что философским "Руководством для сбитых с толку" Маймуни полностью пренебрегли, вошло в моду читать и обсуждать Ибн-Эзру. Фрагментарный характер трудов этого комментатора, изобретательность и острота, бессвязность мысли, разнообразие материала, которые характеризуют его работы, вызвали к поверхностности этого ретроградного поколения. Шем-Тоб бен Шапрут, Самуэль Шарса, Джозеф Тоб-Элем, Эзра Гатиньо и другие написали суперкомментарии к комментарию Ибн-Эзры к Пятикнижию. Разгадывание загадок, предложенных Ибн-Эзрой, раскрытие его секретов и объяснение его неясностей серьезно занимали умы широких кругов студентов.

Талмуд, которым продолжали заниматься наиболее вдумчивые умы, движимые религиозными предубеждениями, преуспел ничуть не лучше светского обучения. Здесь также воцарилось состояние застоя, если не сказать хуже. Раввины некоторых крупных общин были даже не в состоянии выполнять одну из своих главных обязанностей - разъяснять Талмуд своим ученикам. Французский талмудист Соломон бен Абрахам Зарфати, поселившийся на Майорке, мог позволить себе пренебрежительно отзываться об испанских раввинах, не исключая знаменитого Ниссима Герунди, и пренебрежительно сравнивать их с французскими и немецкими раввинами. Показатель среднего интеллекта раввинов того периода дают работы Менахема бен Зераха, главного раввина Толедо, даже после его несчастий остававшегося очень важной еврейской общиной.

Менахем бен Аарон бен Зерах (родился в 1310 году, умер в 1385 году) насчитал в своей семье несколько мучеников. Его отец, Аарон, был одним из несчастных, изгнанных алчностью и тиранией французского короля. С ограниченными средствами, сэкономленными на легализованном грабеже, он поселился в Эстелле, небольшой общине Наварре. Его отец,

мать и четверо братьев погибли во время резни евреев, спровоцированной монахом-доминиканцем. Молодой Менахем был тяжело ранен во время этой вспышки и, возможно, погиб бы, если бы не помощь дворянина, знакомого его отца. После выздоровления он ежедневно посвящал себя изучению талмуда, а позже посещал знаменитую школу иуды-ашерида в Толедо. После того, как ему исполнилось сорок лет, Менахем бен Зерах стал руководителем академии, заботу о которой ему доверила община Алькала (де Энарес). Во время гражданской войны в Кастилии он был ранен и разграблен незаконными солдатами, и из всего его состояния остались только дом, поле и коллекция книг. Дон Самуэль Абрабанель помог ему в его бедственном положении, так что он смог несколько оправиться от своих невзгод. Благодаря его вмешательству Менахем был вызван из Алькалы, чтобы занять пост раввината Толедо, где он открыл академию. Как ученик и преемник Иегуды Ашери, от него по справедливости ожидалось значительные талмудические достижения. Но он не поднялся над посредственностью своего времени. Чтобы исправить растущее невежество в отношении религиозных форм и обязанностей, он написал сборник теоретического и практического иудаизма ("Зеда ла-Дерех", 1374), столь же понятный, сколь и короткий, для использования видными евреями, которые, работая при дворе и у вельмож, не имели достаточного досуга, чтобы искать обширную литературу для обучения. Его работа пронизана научными элементами — психологическими и религиозно—философскими, - но она слаба и банальна, полна банальностей, и несколько ее частей не согласуются друг с другом. Даже талмудические элементы не являются ни глубокими, ни оригинальными. Единственной искупительной чертой является то, что она выдержана в теплом, сочувственном духе, что отличает ее от обычно сухих раввинских рассуждений.

Только два человека нашего времени благодаря своему характеру и знаниям поднялись над мертвым уровнем господствующей посредственности: Часдай Крескас и Исаак бен Шешет. Они оба жили в королевстве Арагон, где евреи при Педро IV и Хуане I не были ни такими бедными, ни так угнетенными, как их братья в Кастилии. Хасдай Крескас и Исаак бен Шешет не были достаточно великими, чтобы доминировать над своими современниками или предписывать свои собственные взгляды в качестве правил поведения; однако они были в центре внимания широких кругов, и к ним часто обращались за окончательными решениями по сложным вопросам. Оба усердно трудились для поддержания и развития иудаизма, для сохранения мира в общинах дома и за рубежом, а также для утешения и возрождения сломленных духом, несмотря на ограниченность их средств и неблагоприятные времена.

Хасдай бен Авраам Крескас (родился в 1340 году, умер в 1410 году), родом из Барселоны, а затем из Сарагосы, где и закончил свои дни, не принадлежал к классу рукоположенных раввинов, но получил талмудическое образование и был опытным талмудистом. Его богатство и занятия, по-видимому, не подходили ему для этой почетной должности. Часдай Крескас был в тесных отношениях со двором Хуана I Арагонского, с ним часто консультировались по важным государственным вопросам, а также он много общался с вельможами королевства. Он был хорошо знаком со взглядами различных философских школ; независимость и глубина мышления, которые он проявлял в общении с ними, делают его оригинальным мыслителем. Его идеи, конечно, были в значительной степени основаны на религиозных или, скорее, еврейских убеждениях, которые, однако, он излагал в оригинальной форме. Часдай Крескас был первым, кто распознал слабые стороны господствующего аристотелизма, и атаковал его с непреодолимой силой. О его юности ничего не известно, и невозможно сказать, под каким влиянием развились те зрелые силы ума, которые позволили ему подвергнуть сомнению авторитет не только Маймонида и Герсониды, но и самого Аристотеля. Его предки были учеными

талмудистами, а его дед пользовался репутацией, равной репутации знаменитой семьи Ашери. Изучая талмуд, он был учеником Ниссима Герунди из Барселоны. Часдай Крескас был добрым и нежным, другом в беде и верным защитником слабых. В те несчастливые дни, которые обрушились на евреев Испании при его жизни, он посвятил все свои силы смягчению последствий бедствий, постигших его братьев.

Похожим по характеру, но принципиально противоположным ему по складу ума был его друг и старший по званию Исаак бен Шешет Барфат (Рибаш, родился в 1310 году, умер около 1409 года). Уроженец Барселоны, учившийся у сына и учеников Бен Адрета, Исаак бен Шешет в какой-то степени может считаться учеником Бен Адрета. Он унаследовал способность своего учителя улавливать дух Талмуда и доходчиво излагать его, и намного превзошел его во враждебности к светским наукам. Бен Адрет позволил обстоятельствам своего времени вырвать у него запрет на подобные занятия, насколько это касалось необразованной молодежи; Бен Шешет, в своей жесткой ортодоксальности, придерживался мнения, что даже зрелые мужчины должны держаться от них в стороне, хотя в тот период ереси почти не опасались. Он считал, что физических наук и философии следует полностью избегать, поскольку они были рассчитаны на то, чтобы подорвать две основные опоры Торы, доктрины творения и Провидения; потому что они превозносили разум над верой и порождали сомнения в чудесах. У Герсониды и даже Маймуни Бен Шешет нашел иллюстрации пагубного воздействия философских спекуляций. Он признавал, что они были людьми несравненного гения, но настаивал на том, что философия соблазнила их принять неортодоксальные взгляды и рационально объяснить некоторые чудеса Библии. Бен Шешет обладал высокими моральными качествами; его нрав был добрым, и в нескольких случаях он охотно жертвовал своими личными интересами ради общего блага и укрепления мира. Но стоило ему заподозрить нарушение талмудической заповеди или несоблюдение даже несущественного обычая, как его мягкость немедленно превращалась в самую непреклонную суровость.

Благодаря своим талмудическим познаниям, ясному, проницательному интеллекту и безупречному характеру он пользовался большим спросом. Влиятельная община Сарагосы избрала его своим раввином. Сразу же после вступления в должность Исаак бен Шешет проиллюстрировал упорство, с которым он цеплялся за букву Закона, даже когда это противоречило духу. Он с сожалением заметил, что вошло в практику чтение книги Есфири в праздник Пурим в переводе на испанский язык для пользы женщин. Эта практика была внедрена в других испанских общинах и не только приветствовалась всеми здравомыслящими людьми, но даже была одобрена несколькими раввинами, которые считали ее приемлемой с талмудической точки зрения. Бен Шешет поднял крик тревоги, как будто иудаизму угрожало разрушение. Он призвал на помощь авторитет своего учителя Ниссима Герунди, и они вместе выступили против этого замечательного обычая с помощью софистических аргументов. Похоже, им удалось его отменить.

Еще более характерной для Исаака бен Шешета является его ссора с Хаимом бен Галлипапой, раввином преклонных лет, чьи мнения отличались от мнений раввина из Сарагосы. Этот человек (родился в 1310 году, умер в 1380 году), раввин Уэски и Пампелуны, был исключительной фигурой в средние века, которую трудно классифицировать. В то время как раввины того времени, особенно с момента возникновения учения ашеридов, переходили все

границы в навязывании обременительных обрядов и всегда, в сомнительных случаях, принимали решение в пользу их самого строгого выполнения, Галлипапа придерживался противоположной точки зрения и утверждал, что целью всей талмудической экзегезы должно быть освобождение от обременений жизни. Времена, по его мнению, улучшились, и ни невежество людей, ни страх дезертирства не были настолько велики, чтобы оправдывать подобную суровость. У Галлипапы этот принцип не был просто теорией, поскольку он следовал ему практически. Свобода, которую он предлагал, касалась вопросов сравнительной незначительности, но в то время каждая мелочь считалась важной. Кроме того, Галлипапа придерживался независимых взглядов по некоторым догмам. Мессиянскую веру, которая со времен Маймонида стала догматом веры, отрицать который было ересью, он смело отбросил в сторону. Галлипапа считал, что пророчества Исаяи и Даниила о великом процветании Израиля в будущем сбылись во времена Маккавеев, и написал работу на эту тему. Против этого отважного новатора, естественно, поднялась буря. Соседний раввин Хасдай бен Соломон из Туделы, человек не слишком тонких чувств, донес на него Исааку бен Шешету, и последний отчитал достопочтенного Галлипапу, который послал учеников в мир, как если бы тот был простым школьником. Он заклинал Хаима Галлипапу избегать скандала и не давать возможности для раскола среди его братьев. Скромная попытка реформ не увенчалась успехом.

Эта суровая тенденция в вопросах религии была естественным результатом преобладающих духовных потребностей; и следует признать, что чем более суровая, тем лучше она соответствовала им. Исаак бен Шешет и его друг Часдай Крескас, которые, хотя и не были врагами светского образования, придерживались той же точки зрения, что и его коллега, и защищали свою ортодоксальность на философских основаниях, считались после смерти Ниссима Герунди самыми выдающимися раввинскими авторитетами своего времени, и не только в Испании. К ним обращались со всех сторон, главным образом к Исааку бен Шешету, но также и к Часдаю Крескасу. Самые гордые раввины и крупнейшие общины обращались к ним за советом и были довольны их решениями. Суд Арагона также рассматривал их как лидеров еврейских общин, но это действовало им во вред. В результате доноса некоего злонамеренного лица, мотивы которого неизвестны, король дон Педро IV приказал бросить в тюрьму Часдая Крескаса, Исаака бен Шешета, его брата Крескаса Барфата, престарелого Ниссима Герунди из Барселоны и двух других лиц. Спустя долгое время они были освобождены под залог. Мы можем поверить Исааку бен Шешету, когда он уверяет нас, что он и его товарищи по заключению были невиновны в преступлении, вменяемом им в вину. Их невиновность, должно быть, вскрылась, поскольку впоследствии они остались невредимыми.

Французские общины обратились к авторитету Хасдая Крескаса и Исаака бен Шешета, чтобы урегулировать важный момент в споре о главном раввинате Франции. В жизненных обстоятельствах этих общин произошли изменения, в значительной степени обусловленные политическим положением в стране. Манессье де Везуль, ревностный защитник своих единоверцев, был мертв (около 1375-1378). Из его четырех сыновей — Соломона, Джозефа, Абрахама и Хакине — старший унаследовал от своего отца пост генерального сборщика налогов с евреев и политического представителя французских евреев, а второй принял христианство. Соломон и его братья пользовались таким же уважением при царском дворе, как и их отец. Они были освобождены от ношения унижительного еврейского значка и усердно заботились об интересах своих братьев. Однако среди евреев они, по-видимому, не пользовались таким уважением, каким пользовался их отец. После смерти короля Карла V их значение полностью утратилось. Регент Людовик, герцог Анжуйский, за определенное вознаграждение подтвердил

привилегии, приобретенные французскими евреями (14 октября 1380 г.), и продлил срок их пребывания в стране еще на пять лет. Его покровительство, однако, не зашло далеко, или, скорее, оно вовлекло евреев в его собственную непопулярность. Обнищавшее население Парижа, доведенное до отчаяния непосильными налогами, громко и бурно требовало возмещения ущерба молодому королю и регенту. Подстрекаемые дворянством, погрязшим в долгах, они включили в свой протест евреев и потребовали, чтобы король изгнал из страны "этих позорных ростовщиков, разоривших целые семьи". Люди не останавливались на словах; по наущению знати они напали на дома евреев (16 ноября 1380 г.), ограбили казну генерального распорядителя (семьи Везуль), разграбили их жилые дома, уничтожили облигации должников, присвоили накопленные залоги, убили нескольких евреев и вырвали детей из рук убегающих и плачущих еврейских матерей, чтобы немедленно окрестить их. Большое количество евреев спаслись бегством в форт Шатле. Регент был очень раздражен этой вспышкой насилия, но не смог сразу наказать преступников из-за возбужденного состояния народа. Он приказал вернуть евреев в их дома, а награбленное вернуть им. Немногие выполнили приказ. Префект Парижа Хьюз Обрио — человек значительной энергии, который украсил и расширил французскую столицу, — также интересовался евреями. В частности, он добился возвращения украденных и крещеных детей. За это он подвергся жестоким нападкам со стороны людей, чье образование должно было научить их лучше. Обрио своим упорядоченным управлением нажил врагов среди университетских профессоров и студентов, которые осудили как преступное его вмешательство в интересах евреев. Перед епископом Парижа он был обвинен в сношениях с еврейскими женщинами и даже в том, что был тайным приверженцем иудаизма. Он был признан виновным в ереси и неверности и вынужден был заплатить тюремным заключением за свое гуманное поведение по отношению к евреям. Не только в Париже, но и в других городах, где народ восстал против высоких налогов, евреи стали жертвами народного волнения. Четыре месяца спустя аналогичные кровавые сцены разыгрались в Париже и провинциях, когда произошло восстание майотенов (названных так из-за молотков, которыми были вооружены повстанцы). В течение трех или четырех дней подряд евреи снова подвергались грабежам, жестокому обращению и убийствам (1 марта 1381 года). Король Карл VII, или, скорее, регент, попытался защитить евреев и добиться некоторой компенсации их потерь. Однако они не смогли оправиться от полученного удара. В этих беспорядках сыновья Манессье де Везуля, по-видимому, либо погибли, либо, во всяком случае, потеряли свое влиятельное положение.

Эта перемена в судьбе французских евреев повлекла за собой ожесточенный общественный спор, возбуждение которого распространилось повсюду. Главный раввин Мататья Провенси был собран к своим отцам. Общины избрали на его место его старшего сына Йоханана, и король подтвердил их выбор. Он находился у власти пять лет и планировал создание академии, когда бывший ученик его отца, некто Исая бен Абба-Мари, прибыл во Францию из Савойи с разрешения главного раввина Германии Меира бен Баруха Халеви, предоставившего ему одному право содержать академию и рукополагать учеников в раввины. Любому, кто выполнял раввинские функции без его разрешения и, особенно, вмешивался в браки и разводы, грозило отлучение от церкви. Все несанкционированные документы объявлялись недействительными. В силу его авторитета и вследствие отказа Йоханана подчиниться ему, Исая освободил его от занимаемой должности (около 1380-1390). Семья Везуль вымерла или потеряла престиж, и Йоханан оказался без влиятельной поддержки. Однако многие французские евреи были крайне разгневаны таким жестоким, властным поведением раввина-иммигранта. Они осудили самонадеянность немецкого раввина Меира Халеви, относившегося к Франции как к немецкой

провинции, и протестовали против его диктата законов французским общинам, поскольку всегда было принято считать каждую общину и, конечно же, евреев каждой страны независимыми. Результатом стала буря негодования, которая значительно усилилась, когда Исая начал назначать своих родственников в различные раввинаты. Поскольку разрешить спор путем апелляции к местным властям было невозможно, Йоханан обратился со своей жалобой к двум видным представителям испанского иудаизма, Хасдаю Крескасу и Исааку бен Шешету. Оба этих "каталонских гранда", как их называли, высказались в пользу Йоханана. Этому решению, однако, не суждено было привести к прочному миру, поскольку дни евреев во Франции были сочтены.

Буря по этому поводу поднялась в Испании и на какое-то время потрясла всю еврейскую расу. Золотой век испанских евреев миновал, и все же они прочнее обосновались на полуострове, чем в какой-либо другой стране. Потребовалась серия сильных потрясений, растянувшихся на целое столетие, чтобы полностью искоренить их, в то время как во Франции они были сметены одним дуновением ветра, как веточки, посаженные в зыбучий песок. В кровавой драме, которая началась в конце четырнадцатого века и закончилась во второй половине пятнадцатого, в значительной степени были виноваты сами испанские евреи. Это правда, что многим приходилось страдать за немногих, ибо, когда враги евреев жаловались на их подбострастное присутствие при дворе и на вельмож, на их богатство, нажитое ростовщицеством, и на то, что они щеголяют в шелках и атласе, вина возлагалась только на нескольких наиболее выдающихся, за чьи безумства и экстравагантность массы ответственности не несли. Действительно, были евреи, которые жаловались на то, что их моральное чувство былоглубоко уязвлено эгоизмом и алчностью их богатых собратьев. "За эти неприятности, - говорит один из них, - титулованные и богатые евреи в значительной степени несут ответственность; они заботятся только о своем положении и деньгах, в то время как о своем Боге им наплевать". Фактически, союз, который ранее был главным источником силы среди испанских евреев, был распущен. Ревность и зависть среди еврейских вельмож подорвали братские чувства, которые раньше побуждали каждого объединять свои интересы с интересами общины в целом и объединяться для защиты каждого. Великодушие и благородство ума, когда-то отличавшие испанских евреев, теперь почти исчезли. Современный писатель рисует их вырождение в самых мрачных тонах, и если только половина того, что он нам рассказывает, правда, то их упадок, должно быть, был действительно серьезным.

"Большинство богатых евреев, - говорит Соломон Алами в своем "Зеркале морали", или "Письме-предупреждении", - которые допущены к королевским дворам и которым доверены ключи от государственных казначейств, гордятся своим достоинством и богатством, но не думают о бедных. Они строят себе дворцы, разъезжают в великолепных экипажах или верхом на богато украшенных мулах, носят великолепные одежды и украшают своих жен и дочерей, как принцесс, золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Они равнодушны к своей религии, презирают скромность, ненавидят ручной труд и живут в праздности. Богатые любят танцы и азартные игры, одеваются в национальные костюмы и ходят с гладкими бородами. Они объедаются лакомствами, в то время как ученые голодают на хлебе и воде. Поэтому раввинов презирают, ибо все классы предпочитают обучать своих сыновей низшим ремеслам, а не приобщать их к изучению Закона. Во время проповеди великие предаются сладкому сну или беседуют друг с другом, и проповедника часто беспокоят мужчины и женщины в задней части синагоги. С другой стороны, как набожны христиане в своих молитвенных домах! В каждом городе знатные люди живут в противоречии друг с другом и сеют раздор по самым тривиальным

вопросам. Еще хуже ревность, с которой они относятся друг к другу; они клеветают друг на друга перед королем и принцами".

Безусловно, верно, что в тот период тайные доносы, некогда почти неизвестные среди евреев, были чрезвычайно распространены, и иногда жертвами становились даже раввины. Как престарелые Ниссим Герунди, Исаак бен Шешет, Часдай Крескас и их друзья стали жертвами заговора какого-то жалкого клеветника, так и была предпринята попытка погубить раввина Алколеа-де-Синка Эн-Зага Видаля де Толоса путем представления королеве Арагона.

Раввины, которые вместе с одним или двумя заседателями создавали суды для рассмотрения уголовных дел, сурово расправлялись с такими предателями и даже приговаривали их к смертной казни. В общинах Кастилии, Арагона, Валенсии и Каталонии привилегия выносить смертные приговоры была очень древней. Еврейские суды требовали для приведения в исполнение таких приговоров особой санкции короля в запечатанном письме (Альбала, Чотам); но, при необходимости, это могло быть получено через еврейских придворных или путем подкупа. Однако такие разбирательства только увеличивали зло, от которого они были призваны избавиться. С обвиняемыми расправились быстро, без исчерпывающего расследования или достаточных показаний, и это, естественно, привело в ярость их родственников и друзей. Нередко случалось, что высказывания, которые не имели такого характера, истолковывались как предательские. Опрометчивый иск еврейского суда Севильи (или Бургоса) по необоснованному обвинению в нелояльности к общине, выдвинутый против выдающегося и любимого единоверца, был если не фактической причиной, то, во всяком случае, поводом для первоначально широкомасштабного и кровопролитного преследования евреев в Испании, конечным результатом которого стало полное изгнание евреев с полуострова.

Жозеф Пишон из Севильи, пользовавшийся большим расположением короля Кастилии донна Генриха II, генеральным сборщиком налогов которого он был, был обвинен в растрате некоторыми ревнивыми еврейскими придворными. Король заключил его в тюрьму, приговорил к уплате штрафа в размере 40 000 дублонов, а затем отпустил. Впоследствии он восстановил свою репутацию и стал необычайно популярен среди христианского населения Севильи. Чтобы отомстить за причиненные ему обиды или, возможно, с целью собственного оправдания, он обвинил своих врагов в серьезном обвинении, когда дон Генри умер. Его сын, дон Хуан I, был коронован в Бургосе, столице Старой Кастилии (1379). Во время коронационных торжеств еврейский суд (в Бургосе или Севилье) осудил Пишона как врага общины и предателя (Малшим, Мальсин), не предоставив ему возможности выступить в свою защиту. Некоторые евреи, имевшие доступ ко двору, попросили разрешения молодого короля казнить опасного члена их собственного тела, не упоминая его имени. Говорят, что приближенные короля были подкуплены, чтобы получить королевскую подпись под этим указом. Получив королевский ордер и смертный приговор раввинской коллегии, враги Пишона отправились к начальнику полиции (Альгуасил) Фернанду Мартину и заручились его помощью при приведении приговора в исполнение. Рано утром 21 августа два или три еврея вместе с Мартином вошли в дом Пишона, когда он еще спал, и разбудили его под предлогом того, что его мулов должны были арестовать за долги. Как только он появился на пороге своего жилища, евреи, которым было поручено привести приговор в исполнение, схватили его и, не говоря ни слова, обезглавили.

Неизвестно, заслуживал ли Пишон смерти даже по раввинскому закону, или же он стал жертвой интриг своих врагов. Нетрудно понять, что столь жестокий акт должен был вызвать всеобщее

возмущение. Гневу молодого короля не было предела, когда он узнал, что торжества по случаю его коронации были запятнаны убийством человека, оказавшего его отцу значительные услуги, и что его собственное разрешение было тайно получено. Он немедленно приказал казнить евреев, приведших приговор в исполнение, и судью-еврея из Бургоса. Даже начальника полиции Фернана Мартина было приказано предать смерти за оказанную им помощь; но по заступничеству некоторых дворян ему сохранили жизнь, а наказание заменили отрубанием одной руки. Этот инцидент имел и другие серьезные последствия. Король немедленно лишил раввинов и еврейские суды юрисдикции в уголовных делах на основании злоупотребления ими этой привилегией. На первом заседании кортесов в Сории (1380) он закрепил это ограничение постоянным законом. По его условиям раввинам и общинным лидерам отныне запрещалось назначать наказания в виде смерти, расчленения или ссылки, а по уголовным делам они должны были выбирать судей-христиан. Одной из названных причин было то, что, согласно пророкам, евреи должны были быть лишены всякой власти и свободы после пришествия Иисуса. Затем все еще раздраженный царь предъявил евреям другие обвинения. Он обвинил их, в частности, в том, что они проклинали христиан и христианскую церковь в своих молитвах, а также в том, что они принимали магометан, татар и других иностранцев в черту иудаизма и делали им обрезание. Эти предполагаемые действия были запрещены под страхом суровых наказаний. Чувства против евреев не ограничивались королем и придворным кругом. Все население Кастилии было взбудоражено явно несправедливой казнью Джозефа Пишона и тем обстоятельством, что его смерть была делом рук не безответственных личностей, а выдающихся лидеров еврейской общины. В Севилье, где Пишон был очень популярен, ярость против евреев достигла такой высоты, что, если бы представилась возможность, была бы осуществлена немедленная месть.

Обвинения против евреев и петиции об ограничении их свобод стали обычным делом на заседаниях кортесов, как раньше на советах вестготских королей. Разъяренный Дон Хуан молча согласился с этой агитацией, поскольку она не наносила ущерба королевским финансам. На кортесах Вальядолида (1385) он удовлетворил петицию о легализации канонических ограничений, представленную духовенством, и, соответственно, запретил совместное проживание евреев и христиан, а также вскармливание еврейских младенцев христианскими кормилицами под страхом публичной порки. Он также согласился на принятие закона, исключającego евреев (и магометан) из должности казначея короля, королевы или любого члена королевской семьи.

Любопытно, что именно ссора из-за главного раввината Португалии отняла корону этой страны в тот момент, когда она была в пределах его досягаемости, у этого монарха, который, нельзя сказать, был полностью враждебен евреям. По договору с королем Португалии Фердинандом было решено, что в случае отсутствия наследников короны мужского пола он, или, скорее, его вторая жена, португальская инфанта Беатрис (Бритес), должна иметь преимущественное право наследования. В Португалии к евреям всегда относились терпимо, и вплоть до момента их изгнания из страны они не подвергались никаким преследованиям. Во время правления короля Фердинанда (1367-1383) их положение было исключительно счастливым. Начиная с тринадцатого века (1274), управление сообществом находилось в более полных собственных руках, чем в любой другой европейской стране. Некоторые из их своеобразных институтов возникли еще раньше. Во главе португальских евреев стоял главный раввин (Ар-рабби Мор), обладавший почти княжескими привилегиями. Из-за важности этой должности он всегда назначался королем, который присваивал ее в качестве награды за услуги, оказанные короне,

или для повышения достоинства какого-то конкретного фаворита. Главный раввин пользовался специальной печаткой, вершил правосудие во всех его отраслях и издавал указы под своим собственным руководством по подписыванию с добавлением: "Милостью моего господина, короля, ар-раввина Мора общин Португалии и Алгарве". В его обязанности входило ежегодно объезжать все португальские общины, расследовать их дела, приглашать отдельных людей высказать ему свои претензии, даже против раввинов, и устранять злоупотребления, где бы они ни существовали. В этих поездках его сопровождали еврейский судья (Увидор), канцлер (Канцлерша) со своим штатом, секретарь (Эскривао) и шериф (Портейру хурадо) для приведения в исполнение приговоров своего суда. Главный раввин или Ар-раввин Мор, назначает в каждой из семи провинций королевства подчиненных ему провинциальных раввинов (Ouvidores). Эти раввины были созданы в семи главных провинциальных еврейских центрах: Сантарене, Визеу, Кавильяне, Порту, Торре-де-Монкорво, Эворе и Фаро. Они управляли провинциальными общинами и были апелляционными судьями в нескольких своих округах. Местные раввины избирались общим собранием внесших свой вклад членов общины; но подтверждение их избрания и инвеституры исходило от главного раввина в соответствии со специальным актом, выданным от имени короля. Судебная власть раввинов распространялась на уголовные дела, и они сохраняли эту привилегию гораздо дольше, чем их испанские собратья. Официальные документы должны были составляться на родном языке. Еврейская форма клятвы была очень простой даже в судебных разбирательствах с христианами; она не требовала ничего, кроме присутствия раввина и чтения Торы.

У короля, дона Фердинанда, было два фаворита-еврея, которые руководили его денежными делами: дон Джуда, его главный казначей (Тесорейро Мор), и дон Давид Негро, из очень уважаемой семьи Ибн-Яхья, его доверенное лицо и советник (Альмоксариф). Когда этот легкомысленный и расточительный монарх умер, и регентство взяла на себя королева Леонора — принцесса, чья красота делала ее неотразимой, но которую ненавидели за ее неверие и боялись за ее мстительность и коварство, — муниципальные власти Лиссабона обратились к ней с настоятельной молитвой об отмене различных непопулярных мер покойного короля. Среди прочего, они требовали, чтобы евреям и маврам больше не разрешалось занимать государственные должности. Леонора хитроумно ответила, что при жизни короля прилагала все усилия, чтобы добиться исключения евреев из государственных учреждений, но ее заявления всегда оставались без внимания. Сразу же после смерти короля она отстранила Иуду и Давида Негро от государственной службы и уволила всех еврейских сборщиков налогов. Тем не менее она сохранила Джуду в своем ближайшем окружении, ожидая, что благодаря своему богатству и опыту он может оказаться ей полезным. План Леоноры получить абсолютную власть и разделить управление со своим любовником был сорван еще более хитрым незаконнорожденным инфантом Доном Жуаном, великим магистром Ависа. В искусстве завоевывать расположение публики и обращать его к ответу дон Жуан был мастером, и вскоре он довел дело до такого состояния, что королева-регентша была вынуждена покинуть столицу. Горя жаждой мести, Леонора призвала на помощь своего зятя, короля Кастилии Дона Хуана, в результате чего началась кровопролитная гражданская война. В противовес аристократической фракции, поддерживавшей королеву-регентшу и кастильцев, возникла народная партия, которая с энтузиазмом поддержала дело дона Жуана Ависского. Леоноре пришлось бежать от ненависти своего народа и укрыться в Сантарене. Среди ее сопровождающих были два еврейских гранда, Джуда и Дэвид Негро, которые переодетыми бежали из Лиссабона. Сюда прибыл король Кастилии Хуан; и Леонора, чтобы иметь

возможность полностью отомстить своим врагам, отказалась от регентства в его пользу и предоставила в его распоряжение всех своих приверженцев, включая всю португальскую знать, вместе с большим количеством крепостей. Идея кастильского короля при осуществлении этого предприятия состояла в том, чтобы объединить короны Португалии и Кастилии; но для реализации этого проекта было необходимо глубокое взаимопонимание между Леонорой и ее зятем и ее бескорыстное сотрудничество. Эта важная гармония была нарушена вопросом о назначении главного раввина, и из-за этого спора их согласие превратилось в ожесточенную и пагубную вражду.

Раввинат Кастилии стал вакантным в 1384 году. Леонора, желая добиться назначения для своего любимого Иуды, подала прошение королю от его имени. По примеру своей жены Беатрис он присвоил это звание Дэвиду Негро. Гнев Леоноры по поводу этого отказа был выражен с большой силой. Сообщается, что она сказала своим приверженцам: "Если король откажет в такой ничтожной услуге, о которой я попросила его в первую очередь, мне, женщине, королеве, матери, той, кто так много для него сделала, то что имею я и чего вам ожидать? Даже мой враг, великий магистр Эйвиса, не стал бы так обращаться со мной. Тебе лучше перейти к нему, твоему законному хозяину. Леонора перенесла на своего зятя, короля Хуана, всю ненависть, с которой она раньше относилась к великому магистру Ависа. Она организовала заговор с целью его убийства, подробности которого она доверила бывшему казначею Джуде. Заговор, однако, был раскрыт избранным главным раввином Дэвидом Негро, который спас жизнь королю. Дон Хуан немедленно приказал арестовать вдовствующую королеву и бросить ее в тюрьму. Иуда также был заключен в тюрьму и приговорен к казни, но благодаря энергичному заступничеству его соперника, Дэвида Негро, его жизнь была сохранена. Эта ссора с тещей и заключение ее в тюрьму стоили дону Хуану всей поддержки в Португалии. С тех пор он сталкивался с сопротивлением со всех сторон и был вынужден прибегнуть к насильственным мерам для подчинения страны. Однако все его планы провалились, и в конце концов он оказался вынужден отказаться от своей надежды на объединение двух земель.

Несколько раввинов стремились получить раввинский пост и вовлекли несколько своих общин в непристойные раздоры, как, например, Давид Негро и Иуда, Исая бен Абба-Мари и Йоханан во Франции, Соломон Зарфати и Эн-Видадь Эфраим Герунди на острове Майорка и Хасдай бен Соломон и Амрам Эфрати в Валенсии, но следует признать, что подобные инциденты происходили редко. Для большинства раввинат был святым священством, обязанности которого они стремились выполнять со всей чистотой сердца и поступков, с преданностью и самоотречением. Как правило, они были примером для своих общин не только в учености и благочестии, но и в возвышенности, добросовестности и чистоте своих нравов. Даже менее достойных нельзя обвинить ни в чем более серьезном, чем в желании занять место и определенной степени вспыльчивости. Было бы грубой клеветой на их память сравнивать их со служителями церкви того же периода. Никогда в своей истории христианство не имело больше причин стыдиться своих представителей, чем в четырнадцатом и последующем столетиях. С тех пор как папство утвердилось в Авиньоне, он превратился в настоящий рассадник порока, зараза которого распространилась на духовенство вплоть до самого низкого монаха. Кроме того, возникла страстная борьба между папой и антипапой, между одной коллегией кардиналов и другой, разделившая весь христианский мир на два огромных, ожесточенно враждебных лагеря. Было вполне естественно, что духовенство заразило мирян своей неизмеримой распущенностью и пороком. И все же эти дегенеративные, бесчеловечные и деградировавшие христианские общины осмеливались обращаться со скромными, добродетельными,

благочестивыми евреями как с изгоями и проклятыми Богом. Хотя они превосходили их во всем, кроме злобы и рыцарских добродетелей разбойников, им было отказано в самых обычных правах человека. Их травили и убивали, как диких зверей. В Нердлингене была убита вся еврейская община, включая женщин и детей (1384). По всей Швабии их преследовали, а в Аугсбурге они были заключены в тюрьму до тех пор, пока не был выплачен выкуп в размере 20 000 флоринов. Характерной иллюстрацией служит следующий случай: раввины и общинные лидеры центральной Германии решили созвать синод в Вайсенфельсе, в Саксонии, с целью обсуждения определенных религиозных вопросов и принятия решений, имеющих общественное значение (1386). Они снабдили себя пропусками саксонских князей, поскольку христианам было небезопасно передвигаться по дорогам общего пользования, и, конечно, евреям - в гораздо большей степени. Тем не менее, группа немецких дворян-разбойников, предвкушая богатую добычу, подстерегла путешественников на обратном пути и, разграбив и жестоко обратившись с ними, бросила их в тюрьму и освободила только после уплаты выкупа в 5000 грошей. Раввины и их сподвижники пожаловались князьям на это нападение, и последние, возмущенные неуважением, с которым обошлись с их властью, призвали благородных мародеров ответить на выдвинутые против них обвинения. Линия защиты, принятая представителем обвиняемых, заключалась в том, что у них и в мыслях не было пренебрегать пропусками принцев, но они придерживались мнения, что евреи, враги церкви, не заслуживают защиты христианских властей. Оратор продолжил, что, со своей стороны, где бы он ни встретился с врагами Христа, он не даст им пощады. Защита такого рода не могла не вызвать аплодисментов. Его дух был таким же, как у большинства христиан того времени. Обвиняемые были освобождены от вины, а евреи уволены без возмещения ущерба, "ибо защита пленила князей".

Искусство поэзии, которое должно было украшать жизнь, начало действовать как яд на моральную атмосферу евреев. На протяжении нескольких столетий прошлого романтические произведения по-разному изображали характер кредитора, который в качестве эквивалента долга требовал определенную часть, отрезанную от тела своего кредитора, либо сеньора от своего вассала, либо дворянина от бюргера. Сначала это была безобидная выдумка, но впоследствии ее обратили против евреев, как будто только еврей Шейлок мог быть способен на такую жестокосердность, чтобы настаивать на уплате фунта мяса от христианина. Таким образом, каннибальская ненависть к христианам была навязана евреям и получила признание. Романсы подхватили эту тему и сделали ее популярной.

Развращенное, распущенное духовенство — класс людей, которые в эпоху общественной порядочности были бы объектами всеобщего презрения или могли бы заслужить наказание Брайдуэлла, — притворялось, что чувствует себя оскорбленным контактом с евреями, и под предлогом того, что они опозорили их одежду, устраивало новые сцены ужаса и жестокости. В Праге, со времен Карла IV главным городе Германии, их агентство развернуло кровавое преследование. Местный священник — возможно, один из тех, кого император Вацлав приковал к позорному столбу вместе со своими наложницами — проходил через еврейский квартал в пасхальное воскресенье (18 апреля 1389 г.) вместе с хозяином, чтобы навестить умирающего человека. Еврейские дети, игравшие на улице — это был один из последних дней праздника Пасхи - бросали друг в друга песком, и несколько крупинки случайно упали на одеяние священника. Его слуги немедленно набросились на детей и жестоко избили их. Их крики быстро привели на помощь родителей, после чего священник выбежал на рыночную площадь, громко заявляя, что его священная служба была осквернена евреями. Чтобы придать

инциденту необходимую важность, он преувеличил его и сказал, что его забрасывали камнями до тех пор, пока не вынудили уронить ведущего. Горожане и низшие сословия Праги немедленно объединились и, вооруженные всевозможным смертоносным оружием, совершили яростное нападение на дома евреев. Как обычно, они предлагали своим жертвам выбор между смертью и крещением, но находили их непоколебимыми в своей вере. Многие тысячи погибли в резне, которая длилась целый день и ночь. Несколько евреев, в том числе их достопочтенный раввин, сначала лишили жизни своих жен и детей, а затем и себя самих, чтобы спастись от жестокости своих врагов. Синагога была обращена в пепел, а священные книги и свитки разорваны и растоптаны ногами. Даже место захоронения не избежало ярости этих христианских фанатиков. С трупов на улицах снимали одежду, оставляли голыми, а затем сжигали.

За тот же проступок — то есть вообще без проступка — общины в окрестностях столицы Богемии подвергались "заточению, угнетению, жестокому обращению и преследованиям". Правящий папа римский издал буллу, осуждающую эти безобразия (2 июля 1389 г.), и основывал свои действия на эдикте папы Иннокентия IV, который предписывал не крестить евреев насильно и не мешать им соблюдать свои праздники; но ему не удалось произвести впечатление на совесть верующих. Тщетно евреи взывали и к своему сеньору, германскому императору Вацлаву, в столице которого зародились преследования. Этот принц, который, не будь он императором, несомненно, был бы флибустьером, проявлял здравый смысл только в тех редких случаях, когда не был пьян. Его ответом на заявления его еврейских подданных было то, что они заслужили нападения, которым подверглись, поскольку они не имели права появляться вне своих домов в Пасхальное воскресенье. За товары и движимое имущество, которое они оставили после себя, он проявил больше заботы, немедленно приказав отнести их в свою пустую казну. Это было показателем его общего отношения к евреям. В течение нескольких лет он пытался завладеть их денежными притязаниями на своих христианских подданных и для осуществления своего замысла созвал (1385 г.) конференцию представителей швабских городов, которая собралась в Ульме. Несмотря на обнищание немецких общин, он взимал с каждого еврея, даже с каждого еврейского юноши и девушки, так называемый подушный налог "золотой пенни" в размере одного гульдена ежегодно. Он открыто заявил, что имущество евреев является его личной собственностью, и запретил им что-либо продавать или закладывать. И все же император Вацлав был не худшим из правителей в глазах евреев. Раввин Авигедор Кара из Праги хвастался своей дружбой, а евреи Германии многозначительно перешептывались друг с другом, что его приверженность учению Христа очень слаба.

Эта буря грабежей и преследований не имела далеко идущих последствий в истории немецких евреев. Это не могло повлиять на их жалкое положение, поскольку они слишком долго привыкли покорно подставлять щеки под удары. Совершенно иными были последствия современных преследований в Испании. Здесь было атаковано самое сердце еврейской расы, и результаты дали о себе знать в истории всего еврейского народа. До тех пор испанских евреев больше ненавидели, чем презирали; однако ужасы этого преследования настолько подавили их дух, настолько парализовали их энергию и унизили их гордость, что они тоже стали предметом презрения своих угнетателей. Как и в Праге, восстание было делом рук священнослужителя и толпы, но здесь оно приняло самые обширные масштабы и привело к необратимым результатам, последствия которых были крайне катастрофическими. Оно возникло в Севилье благодаря агитации фанатичного священника Фердинанда (Феррана) Мартинеса, который, казалось, считал непримиримую ненависть к евреям сутью своей религии. Его речи были

посвящены тому, чтобы настроить население против них, и он громко обрушивался на их закоренелую неверность, их гордыню, их накопленные богатства, их жадность и их ростовщичество. В Севилье он обнаружил, что люди были готовы выслушать его, потому что там евреев ненавидели с особой силой. Горожане не могли простить им той важной роли, которую они сыграли в гражданской войне между доном Педро и доном Генрихом II, и особенно подозрительных обстоятельств смерти Жозефа Пишона, который был так популярен среди них. Пока был жив дон Хуан I, Мартинес заботился о том, чтобы сдерживать толпу от открытого насилия, ибо, хотя король относился к евреям без особой привязанности, у него была привычка наказывать за незаконные выходки со всей строгостью. Однако, как только он умер, фанатичный священнослужитель решил, что может отважиться на самое большее. Обстоятельства правления были благоприятны для осуществления его планов. Новому монарху, Генриху III, было всего одиннадцать лет, и в регентском совете царили разногласия, грозившие втянуть страну в очередную гражданскую войну.

Однажды (15 марта 1391 г.) — памятный день не только для евреев и Испании, но и для истории всего мира, ибо в тот день был создан первый зародыш чудовищной инквизиции — Мартинес, проповедуя, как обычно, против евреев, намеренно подстрекал толпу к бунту в ожидании, что многие евреи отрекутся от своей религии. Страсти толпы разгорелись и вылились в дикий шум. Власти города, мэр (Alguacil mayor), дон Альвар Перес де Гусман и двое мировых судей вмешались, чтобы защитить евреев, арестовав двух зачинщиков беспорядков и приказав выпороть их. Это еще больше возбудило фанатичную толпу. В своей ярости они предали смерти большое количество евреев и угрожали подобной участью губернатору города дону Хуану Альфонсо и чиновникам, которые пытались защитить несчастных евреев. Несколько ведущих евреев Севильи, поняв, что местные власти недостаточно сильны, чтобы справиться с восстанием, поспешили ко двору молодого короля и обратились к регентскому совету с просьбой остановить резню их братьев. Их заявления были приняты благосклонно. В Севилью немедленно были отправлены гонцы с инструкциями призвать население воздерживаться от дальнейших возмущений. Местная знать поддержала действия короля и, встав на сторону евреев, преуспела в умирении бунтовщиков. Когда христианские жители соседних городов проявили склонность подражать сценам, разыгравшимся в Севилье, регентский совет также отправил туда гонцов, вооруженных теми же полномочиями. Таким образом, на короткий момент угроза охоты на евреев была отсрочена, но ни в коем случае не подавлена. Вскоре она возобновилась с еще большим насилием и в гораздо более широких масштабах. Молодой король и несколько членов регентского совета, вероятно, были искренни в своем желании не допустить массовых убийств, но, к сожалению, они не были достаточно заинтересованы, чтобы принять надлежащие меры предосторожности против них. Одной из таких мер предосторожности должно было бы заставить замолчать возмутителя спокойствия Фердинанда Мартинеса или, по крайней мере, запретить его подстрекательские разглагольствования; но они ничего подобного не сделали. Они предоставили ему полную свободу обрушить свое ядовитое красноречие на евреев, и он не замедлил воспользоваться их бездействием. Воодушевленный разногласиями в правительстве и беспорядками, которые вследствие этого воцарились по всей стране, он снова принялся будоражить севильский сброд, и на этот раз с большим успехом. Не прошло и трех месяцев после последней вспышки, как толпа возобновила (6 июня 1391 г.) свое святое дело резни, подожгв еврейский квартал (Иудерия) и вырезав его жителей. В результате от важной и богатой общины Севильи, насчитывавшей 7000 семей, или 30 000 душ, мало что осталось. Жертвами убийств стали не более 4000 человек, но, чтобы

избежать смерти, большинство из них позволили себе креститься. Женщины и дети были проданы кровавыми бунтовщиками в магометанское рабство. Из трех синагог Севильи две были преобразованы в церкви. Среди большого числа тех, кто искал убежища от огня и меча в купели для крещения, был Самуэль Абрабанель, предок впоследствии прославленной семьи Абрабанель и украшение своей общины в правление дона Генриха II, на которого он имел большое влияние. Он принял христианское имя Хуан де Севилья.

Из Севильи преследование обрушилось подобно бушующему потоку на большую часть Испании. Его прогресс стимулировался скорее жадой грабежа, чем фанатичным стремлением к обращению в свою веру. Кордова, родительская община полуострова, форма, в которую был отлит высокий характер испанского иудаизма, стала следующей ареной его деятельности. Здесь также многие евреи были жестоко убиты, и большое количество из них было вынуждено принять христианство. В день поста, посвященный падению Иерусалима (Таммуз 17-20 июня), население столицы, Толедо, восстало против крупнейшей еврейской общины Испании. Улицы были залиты кровью верующих в единство Бога, которые упорно отказывались менять свою веру. Среди многих мучеников, павших в Толедо, были потомки семьи Ашери. Они встретили смерть с таким же непоколебимым мужеством, как и их немецкие братья. Иегуда бен Ашер II, один из правнуков Ашери, живший в Бургосе, но случайно оказавшийся в Толедо, собственными руками лишил жизни свою тещу и жену, а затем и свою собственную. Здесь также большое количество людей перешло в христианство. Около семидесяти общин подверглись этому ужасному преследованию, среди них Эсиха, Уэте, Логроньо, Бургос, Каррион и Оканья. В Аскалоне не осталось в живых ни одного еврея. Совершенно обезумевшее христианское население ожидало подобной участи для мавров, или магометан, живущих в Севильском королевстве. Наиболее благоразумные из них, однако, указывали на опасность такого шага, напоминая им, что христиане, живущие в магометанском королевстве Гранада или удерживаемые маврами в качестве пленников по другую сторону Гибралтарского пролива, могут быть принесены в жертву в отместку. Резня мавров была, следовательно, прекращена. Только евреям пришлось осушить чашу горечи до дна, потому что они были слишком слабы, чтобы защитить себя. Ничто так впечатляюще не демонстрирует, что духовенству удалось превратить народ в расу головорезов.

В королевстве Арагон, где и правитель, и народ были настроены против Кастилии и, как правило, считали неправильным то, что в последнем государстве считалось правильным, ненависть и преследования евреев поощрялись с таким же рвением. Здесь правительство находилось в руках слабого, но исполненного благих намерений короля Хуана I, который, поглощенный своей любовью к музыке и охоте, обладал лишь небольшой властью и был посмешищем для своих в целом некультурных подданных. Примерно через три недели после вспышки в Толедо жители провинции Валенсия восстали против евреев (с 7 по 9 июля). Из 5000 душ, составлявших еврейскую общину в городе Валенсия, не осталось ни одной. Около 250 человек были убиты, несколько спаслись бегством, а остальные приняли христианство. По всей длине и ширине королевства беззащитные евреи подвергались нападениям с огнем и мечом, уцелела только община Мурвиетро.

Затем кровавое безумие пересекло море и высадилось на острове Майорка. В столице Пальме толпа хулиганов и матросов прошла парадом по улице Монте-Цион, на которой проживали евреи, и, высоко подняв крест, грубо сделанный из двух связанных вместе дубинок, выкрикивала "Смерть евреям" (2 августа– 1 июля). Один крепкий еврей, подвергшийся

нападению толпы, отважился защищаться и жестоко наказал нападавших. После этого толпа разразилась неконтролируемым насилием, и 300 мучеников пали от ее ярости. Среди жертв был раввин Эн-Видааль Эфраим Герунди, о чьем споре с Соломоном Зарфати уже упоминалось. Большое количество евреев здесь также искали спасения в крещении.

Три дня спустя, как будто по предварительной договоренности, массовые убийства евреев начались в Барселоне, одном из самых гордых домов еврейской интеллигенции. Огромное богатство, которое евреи этого города приобрели благодаря своей обширной морской торговле, по-видимому, возбудило зависть христиан и побудило их к насилию. 5 августа, в субботу, когда проводился небольшой праздник в честь Марии, толпа напала на евреев, как бы желая почтить их царицу небесную человеческими жертвоприношениями. В ходе первого штурма погибло около 250 человек. Губернатор города приютил большую часть населения в цитадели и заботился о ней; но и здесь чернь выступила против знати. Они атаковали цитадель из арбалетов, осадили ее по всем правилам и в конце концов подожгли. Когда заключенные евреи увидели, что у них больше нет шансов на спасение, многие покончили с собой собственными руками или бросились со стен. Другие сделали вылазку из крепости, чтобы встретить нападавших в открытом поле, и пали в честном бою. Среди мучеников был юный и единственный сын благородного Часдая Крескаса, находившийся накануне своей свадьбы. Говорят, что по этому случаю были крещены одиннадцать тысяч евреев. Спаслись лишь очень немногие, и ни один не остался в Барселоне. Та же участь постигла общины Лериды, Хероны и других городов, в каждом случае большое количество евреев было убито, некоторые приняли крещение, и очень немногим удалось спастись бегством. В Героне, где община отличалась строгим благочестием, число обращенных в христианство было чрезвычайно невелико, раввины подавали своим паствам пример своей стойкостью и презрением к смерти. В Каталонии, как и в Валенсии, пощадили лишь немногих евреев, и они были обязаны своей удачей защите, полученной — в обмен, конечно, на большие суммы денег — в замках знати. В самом Арагоне вспышки были не столь серьезными, поскольку еврейские общины своевременно и благоразумно пожертвовали все свои богатства для защиты двора.

В течение трех месяцев огонь и меч бушевали без сопротивления в большинстве испанских евреев. Когда буря утихла, оставшиеся евреи были настолько сломлены духом, что не решались покинуть свои убежища. Печальные события были описаны в душераздирающем, наполненном слезами послании к общине Перпиньяна, которое Часдай Крескас, у которого отняли единственного сына и все его состояние, написал в ответ на их сочувственные расспросы. Таким образом, испанских евреев постигла трагическая судьба, которая постигла их немецких братьев едва ли за полвека до этого, во время Черной смерти. Они также приобрели материалы для горьких песен плача, которые они включили в еврейскую литургию. Но последствия гонений были даже более ужасными, чем само преследование. Их гордость была полностью сокрушена, а дух надолго омрачен. Они, которые раньше так гордо держали свои головы, теперь робко крались вперед, с тревогой избегая каждого христианина как возможного убийцы или подстрекателя к кровопролитным нападениям. Если собиралась сотня евреев и кто-нибудь грубо оскорблял их, они разбегались, как стая испуганных птиц. Это преследование дало им возможность впервые ощутить горечь изгнания, поскольку, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, они всегда считали себя в Испании в безопасности и дома. Теперь, впервые, их надменное поведение было унижено. Это были уже не те люди, которые так доблестно орудовали мечом в войсках дона Педро. Только в Португалии евреи были свободны от фанатичных нападений. Ее король Дон Жуан I пользовался популярностью, к которой в

условиях кризиса он смог апеллировать. Поскольку его инструкциям охотно подчинялись, он был в состоянии поддерживать порядок и твердой рукой подавлять вспышки. Главный раввин дон Мозес Наварро обратил его внимание на две буллы пап Климента VI и Бонифация IX, в которых запрещалось обращать евреев силой. Король немедленно издал приказ (17 июля 1392 г.), запрещающий преследования. Буллы получили широкую огласку в каждом городе Португалии, и они были включены в законодательные акты королевства. Таким образом, Португалия стала убежищем для преследуемых евреев Испании.

Евреи юга Франции не были полностью избавлены от ужасов этого преследования. Буря, перелетевшая через море на остров Майорка, прокатилась также над заснеженными Пиренеями и затянула евреев Прованса в свои смертоносные водовороты. Как только были получены сведения о кровавых расправах над евреями Испании, население Прованса восстало и начало грабить и убивать своих еврейских соседей.

Евреям во Франции разрешалось селиться в стране только на определенный срок, и, хотя этот срок часто продлевался, их мысли неизбежно всегда были направлены на возможное изгнание. Они были вынуждены накопить и держать наготове достаточно денег, чтобы в любой момент начать жизнь заново в другой стране. Как и их предки в Египте, они были готовы к исходу: их чресла были препоясаны, на ногах обувь, а в руках посохи. Хотя приобретение земли было им разрешено, они были вынуждены сосредоточиться на денежном бизнесе и использовать преимущества, предоставляемые каждым моментом. Необходимость сделала их ростовщиками. Некоторые из них взимали более высокую процентную ставку, чем допускалось предоставленными им привилегиями, и взыскивали даже сложные проценты с просроченных должников. Но именно сам король вынудил их к неумеренному, возмутительному ростовщичеству экстравагантными требованиями, которые он предъявлял к их кошелькам для покрытия расходов на его войны, и евреи могли выполнить его требования, только нарушив законы, но их требования, естественно, вызывали ненависть к ним в глазах широкой общественности. Тот факт, что еврейские кредиторы часто сажали в тюрьму злонамеренных или запоздалых христианских должников, чтобы заставить их выполнить свои обязательства, усиливал горечь. Осуществление этого права рассматривалось как триумф "детей дьявола над детьми неба". Общественность была настолько возмущена тем, что они обладают этой привилегией, что король Карл VI был вынужден ее отменить. С другой стороны, было показано, что необходимость сохранения привилегии была настолько настоятельной — евреям угрожала полная потеря их непогашенных долгов, — что король и парламент были вынуждены предоставить ее месяц спустя в измененной форме. Они разрешали евреям заключать в тюрьму только тех должников, которые в своих узах отвечали за это своими телами.

Пустякового обстоятельства было достаточно, чтобы разжечь в пламя эти угольки ненависти к евреям во Франции. Богатый израильтянин Денис Машо из Вилла-Паризи обратился в христианство, а затем внезапно исчез. Этот роман стал предметом странных слухов. Одни говорили, что он был убит евреями; другие - что его поспешно вывезли за границу с целью обеспечить ему легкое возвращение в иудаизм. Духовенство заинтересовалось этой тайной, к народу были обращены фанатичные призывы, и, в конце концов, парижские трибуналы привлекли к ответственности семерых видных евреев. Комиссия священников и юристов подверг обвиняемого дыбе и вымогал признание в том, что они посоветовали Денису Машо отказаться от его новой веры. Комиссия приговорила их к сожжению на костре как пропагандистов отступничества от христианства. Парламент заменил наказание, по-видимому,

более мягким. Суд приказал подвергнуть обвиняемых бичеванию в трех общественных местах Парижа, держать их взаперти до тех пор, пока Денис Машо не появится вновь, а затем, лишив всего их имущества, выдворить из страны. Благодаря огласке, приданной этому делу, оно произвело необычайную сенсацию и еще больше разожгло народные страсти против евреев.

Примерно на три месяца суд протянул руку защиты несчастным евреям, но вскоре отозвал ее перед лицом бурного, угрожающего крика духовенства и народа. В конце концов враги евреев убедили короля издать приказ об изгнании. Несомненно, со злым умыслом днем, выбранным для издания указа, был торжественный пост Искупления (17 сентября 1394 г.), когда евреи в течение всего дня сокрушали свои души в синагогах. Поскольку длительный срок, предоставленный для их пребывания в стране, еще не истек, возникла необходимость выдвинуть предлог для игнорирования конвенции. Королевский указ не мог вменить евреям конкретные преступления или проступки и, следовательно, ограничивался расплывчатыми обобщениями. Заслуживающие доверия лица, включая многих его помощников и других должностных лиц, доложили его величеству, что поступали жалобы на преступления, совершенные евреями против христианской религии, и на специальные законы, разработанные для контроля за ними. Это означало, что они поощряли крещеных евреев к отречению и практиковали грабительское ростовщичество — последнее Карл частично одобрял, а частично потворствовал. Затем в указе говорилось, что его величество издал непреложный закон, согласно которому отныне евреям не должно быть разрешено проживать или оставаться в какой-либо части Франции, ни в Лангедоке, ни в Лангедоке (северная и южная Франция).

Таким образом, спустя девяносто лет после их первого изгнания Филиппом ле Белем и после второго тридцатичетырехлетнего пребывания французские евреи были вынуждены еще раз взяться за посох странника. Чарльз, однако, обошелся с ними более снисходительно, чем его бессердечный предок. У них не отняли, как раньше, все их имущество и не бросили на произвол судьбы раздетыми до нитки. Напротив, Карл VI отдал приказы прево Парижа и губернаторам его провинций, проинструктировав их следить за тем, чтобы евреям не причинили вреда ни лично, ни их имуществу, и чтобы они безопасно пересекли границу. Им также было предоставлено время до 3 ноября, чтобы взыскать свои долги. Они покинули Францию только в конце 1394 или начале следующего года. Для некоторых представителей знати и городов изгнание не было желанной мерой. Таким образом, граф де Фуа хотел во что бы то ни стало сохранить общину Памье, и королевские офицеры вынудили его изгнать евреев. В Тулузе остались двенадцать еврейских семей и еще семь в окрестностях, так что они, должно быть, получили особые послабления. Евреи также оставались в провинциях, не зависящих напрямую от французской короны — в Дофине, в самом Провансе и в Арле, которые были феодальными владениями Германской империи. Процветающий морской порт Марсель долгое время после изгнания принадлежал еврейской общине. Даже авиньонские папы терпимо относились к евреям в Авиньоне и Карпантресе, главных городах их маленькой церковной провинции Венессен; и здесь они оставались до самого недавнего времени, используя свой собственный ритуал, который отличался от ритуала их испанских и французских собратьев. Папству теперь было нечего опасаться беспомощных, ослабленных евреев; отсюда, несомненно, и этот парад терпимости.

Изгнанники, которым не удалось найти убежища в толерантных княжествах Франции, эмигрировали в Германию и Италию; лишь немногие направили свои стопы в Испанию, некогда самое гостеприимное убежище для преследуемых евреев. После массовых убийств 1391 года

эта страна стала чистилищем для местных евреев, и до тех пор, пока иностранные евреи могли найти убежище в другом месте, они, естественно, избегали ее границ. Французские общины всем скопом мигрировали в Пьемонт и поселились в городах Асти, Фоссано и Монкальво, где они могли сохранить неизменным свой старый синагогальный ритуал. Судьбу большого числа французских изгнанников можно описать словами Амоса: "Как если бы человек действительно бежал от льва, а его встретил медведь; или вошел в дом и оперся рукой о стену, и его укусила змея". Почти везде они были встречены бурей варварства, нередко поднимаемой против них крещеными евреями. В Германии отступник по имени Пессах, который, приняв христианство, принял имя Петр, выдвинул серьезные обвинения против своих братьев по расе с целью вызвать новое преследование. К обычным обвинениям в том, что евреи называли Иисуса распятым или повешенным и что они проклинали христианское духовенство в одной из своих молитв, Песах-Петр добавил другие. Он заявил, что оскорбительный намек на Иисуса содержался в возвышенной молитве Алену, которая рисует будущее царствование Бога на земле, и выдвинул другие лживые и смехотворные обвинения. Результатом стало то, что большое количество пражских евреев было арестовано и заключено в тюрьму (3 августа 1399 года). Среди них был выдающийся и, возможно, единственный по-настоящему образованный немецкий еврей средневековья Липман (Таб-Йоми) из Мюльхаузена, ученый, одинаково сведущий в библейских и талмудических знаниях, который читал не только караимских авторов, но и Новый Завет в латинской версии. Духовенство призвало его ответить на обвинения Песаха-Петра. Его защита была убедительной, но, похоже, не возымела особого эффекта, поскольку в тот день, когда император Вацлав был свергнут, а Руперт Пфальцкий избрал его преемником (22 августа 1400 г.), семьдесят семь евреев были казнены, а три недели спустя еще троих повели на костер.

ГЛАВА VI. ИУДЕЙСКИЕ ОТСТУПНИКИ И ДИСПУТ В ТОРТОСЕ.

Марраны —Сатирики —Перо Феррус из Алькалы, Диего де Валенсия и Вильясандино— Аструк Раймух и Соломон Бонфед—Поль де Санта Мария и его ревностная кампания против евреев—Джошуа Ибн Вивес-Профиат Дюран (Эфоди)—Меир Альгуадес—Философия Крескаса—Смерть Генриха III Кастильского и неблагоприятные изменения в положении евреев—Мессианские мечты каббалистов—Евреи ищут убежища в Северной Африке—Симон Дюран— Джеронимо де Санта—Фе, Винсент Феррер и Бенедикт XIII—Антиеврейский эдикт Хуана II-Специальный еврейский костюм—Обращение евреев из—за насильственных действий Феррера—Диспут в Тортосе—Представители евреев на Конференции—Инциденты на Встрече—Джеронимо провоцирует публикацию Буллы о сожжении Талмуда—Папа Мартин V поддерживает евреев.

1391–1420 С.Е.

Крещенные евреи, отказавшиеся от своей веры во время ужасных гонений 1391 года, стали источником серьезных неприятностей для своих испанских братьев. Они приняли крест только для того, чтобы спасти свою жизнь или жизни тех, кто им дорог; ибо, конечно же, они не нашли убедительного доказательства истинности христианской религии в насилии ее миссионеров или в предсмертных муках своих братьев по расе, которые скорее погибли, чем отступили.

Ошеломленные и с разбитыми сердцами, эти вынужденные новообращенные (анусим) в христианство испытывали более сильную антипатию к своей новой религии, чем когда они открыто выступали против нее. Для них было естественно принять решение воспользоваться первой же возможностью, чтобы сбросить свою маскировку и вернуться к иудаизму с еще большим рвением. Многие из этих новых христиан эмигрировали в соседние мавританские страны; в Гранаду или через пролив в Марокко, Тунис или Фес, где люди, более мудрые и терпимые, чем христианская Европа, с радостью открыли свои двери богатой и трудолюбивой расе. Большинство, не имея возможности покинуть территорию Испании, но не желая полностью отказываться от своей древней веры, участвовали в еврейских церемониях и празднествах, внешне выдавая себя за христиан. Короли Кастилии, Арагона и Майорки, которые не одобряли обращения в веру путем насилия толпы, позволили евреям поступать так, как им заблагорассудится. Власти либо не видели, либо не хотели видеть их возвращения в иудаизм, а инквизиция в Испании еще не была учреждена. Эти вынужденные новообращенные постепенно сформировали из себя особый класс, внешне христиан, в душе евреев. Население, прозававшее их марранос, или "Проклятые", относилось к ним с большим недоверием и ненавистью, чем к открыто соблюдающим иудаизм евреям, не из-за их тайной преданности иудаизму, а из-за их происхождения и врожденного интеллекта, энергии и мастерства. Крещеные евреи, которые были рады освободиться от оков своего иудаизма, разделяли это чувство отвращения. Это были миряне, которые ценили богатство, положение в обществе и роскошь выше религии, или сверхобразованные люди, чья философия привела их к скептицизму и чей эгоизм побудил их приветствовать перемены, которые вывели их из узких рамок маленького сообщества и открыли для них более широкий мир. Их сердца никогда не были связаны с иудаизмом, и они придерживались его только из уважения или определенных угрызений совести. Для них принудительное крещение было избавлением от давящих оков, желанным принуждением к преодолению угрызений совести, которые всегда давили на них с трудом. Ради собственной выгоды они симулировали преданность христианству, но не были из-за этого ни лучше, ни более религиозными людьми. Беспринципные среди них находили особое удовольствие в преследовании своей прежней религии и ее последователей. Чтобы удовлетворить свою злобу, они выдвинули обвинения против раввинов и других представителей еврейства или любого члена общины, тем самым поставив под угрозу существование всей массы евреев в стране. Было достаточно плохо, что у последнего было отнято так много способных и образованных людей — врачей, писателей, поэтов — и что церковь обогатилась за счет их богатства и интеллекта; но именно эти силы были использованы для причинения дальнейшего вреда евреям, которые оставались непоколебимыми. Зная недостатки своих бывших братьев, новообращенные могли легко напасть на них. Дон Перо Феррус, крещеный еврей, сделал общину и раввинов Алькалы мишенью для своих насмешек. В стихотворении он изображает себя измученным недосыпанием, обретающим наконец покой в синагоге этого города, когда внезапно его беспокоят и безжалостно отпугивают "евреи с длинными бородами и в неряшливой одежде, приходящие туда на раннюю утреннюю молитву". Резкий ответ на это усилие "шутовского языка" Ферруса был выдвинут еврейским поэтом от имени общины Алькала. Испанская поэзия извлекла значительную пользу из этих отрывков с оружием в руках. Стихи, до того времени накрахмаленные, торжественные и величавые, как педантичный церемониал мадридского двора, в руках иудео-христианских сатириков приобрели гибкость, остроумие и веселость неоеврейской поэзии в ее лучшем проявлении. Этот тон и стиль постепенно были переняты христианскими поэтами, которые заимствовали выражения у еврейских писателей, чтобы придать остроту своим эпиграммам. Не только отступник, монах Диего де Валенсия,

использовал еврейские слова в пасквилях на евреев, но и христианский сатирик Альфонсо Альварес де Вильясандино, "принц-поэт" своего времени, с удивительной ловкостью перенял ту же практику. Злонамеренный критик мог бы сказать, что испанская поэзия находится в процессе иудаизации.

Некоторые из новохристиан проявляли такое активное рвение в распространении христианства, как будто они родились доминиканцами или как будто они чувствовали себя изолированными в своей новой вере среди старых христиан и тосковали по обществу своих бывших друзей. Новокрещеный врач Аструк Раймух из Фраги, который, будучи евреем, был столпом ортодоксии, приложил все усилия, чтобы обратить в свою веру новообращенных, взяв себе имя Франсиско Божья плоть (Dios-Carne). Он расставлял свои силки специально для того, чтобы заманить в ловушку одного из своих юных друзей. Свободно владеющий ивритом, Аструк-Франсиско составил письмо на этом языке, в котором подробно остановился на упадке иудаизма и с энтузиазмом отстаивал догмы христианства. Его применение библейских текстов к доктринам Троицы, Первородного греха, Искупления и Вечери Господней на иврите кажется почти забавным. Ответ его друга был кротким и уклончивым, каждое слово тщательно взвешивалось, чтобы не оскорбить нежные чувства церкви и ее ревностных служителей. Более энергичным был ответ поэта-сатирика Соломона бен Рубена Бонфеда, который в рифмованной прозе попытался с беспощадной резкостью опровергнуть аргументы Астру-Франсиско. Извинившись в своем вступлении за вмешательство в спор двух друзей, он продолжил указывать на то, что обсуждаемые вопросы почти касались его как еврея, в то время как допущенные искажения сделали для него невозможным хранить молчание. Соломон Бонфед довольно подробно исследовал догмы о Воплощении, Первородном грехе и Пресуществлении, показав их иррациональность и несостоятельность. Он справедливо сказал: "Вы искажаете библейский текст, чтобы установить Троицу. Будь у вас Четверичность, вы бы продемонстрировали это столь же поразительно и убедительно на примере книг Ветхого Завета".

Однако из всех евреев, крещенных в 1391 году, ни один не причинил столько вреда своим бывшим братьям, как раввин Соломон Леви из Бургоса (родился в 1351-1352 годах, умер в 1435 году), который как христианин достиг очень важных церковных и политических высот под именем Пауль Бургенсис, или де Санта Мария. До смены вероисповедания он был раввином, и хорошо разбирался в библейской, талмудической и раввинской литературе. Как еврей, он был чрезвычайно ортодоксален и педантичен, считаясь в своем кругу столпом веры. Однако по натуре он был проницательным и расчетливым. Амбициозный и тщеславный до крайности, он вскоре начал считать слишком узкой сферу своей деятельности в стенах колледжа, который в течение длительного периода причислял его к своим студентам и преподавателям. Он стремился к бурной деятельности. Чтобы получить государственное назначение, он обратился ко двору и начал жить как вельможа, с экипажем, лошадьми и многочисленной свитой. Его честолюбивым намерением было стать еврейским альмоксарифом или даже получить более высокое назначение. Его занятия приводили его к ежедневному общению с христианами и часто вовлекали в религиозные споры, он уделял некоторое внимание церковной литературе, чтобы иметь возможность продемонстрировать свою образованность. Массовые убийства 1391 года развеяли его последнюю надежду на получение высокого положения в качестве еврея, и поэтому на сороковом году жизни он решил креститься. Чтобы извлечь максимальную выгоду из своего обращения, новый христианин Пол де Санта Мария дал понять, что он принял христианство добровольно, в результате убедительных аргументов, выдвинутых в богословских

трудах схоласта Фомы Аквинского. Евреи отнеслись к таким заявлениям с недоверием. Хорошо зная его, они без колебаний приписали его обращение стремлению к рангу и власти. После того, как он сменил вероисповедание, его семья, жена и сыновья, отреклись от него.

Для простолюдина единственный путь к высокому посту лежал через церковь. Соломон-Пол хорошо знал это и сразу же отправился в Париж и поступил в университет, где изучал теологию. Его знание иврита дало ему большое преимущество и помогло ему отличиться. Прошло незадолго до того, как бывший раввин стал должным образом рукоположенным католическим священником. Затем он отправился к папскому двору в Авиньоне, где надменный, упрямый и обращающий в свою веру кардинал Педро де Луна правил как антипапа под титулом Бенедикта XIII. Здесь, во время бурного церковного раскола, представились благоприятные возможности для интриг и личного продвижения. Павел завоевал расположение папы своей проницательностью, рвением и красноречием. Он был назначен архидьяконом Тревиньо и каноником Севильи, что стало его первыми шагами по лестнице католической иерархии. Он предался самым честолюбивым мечтам: он мог бы стать епископом, кардиналом, а почему бы и не папой? Времена были благоприятные. Он хвастался, что происходит от самой древней и благородной ветви еврейской расы, колена Левия, того самого, от которого родилась Мария, мать Иисуса. Он не был обычным священником, вышедшим из народа, но имел предков, которые должны были быть признаны и отличены церковью. Позже по рекомендации папы он был осыпан почестями и милостями короля Кастилии дона Генриха III, и его честолюбие было удовлетворено.

Отступничество такого уважаемого раввина, как Соломон Бургенсис, не только вызвало величайшее изумление среди евреев, но и наполнило их тревогой. Не найдет ли этот пример подражателей во времена стольких проблем и искушений? Не склонит ли он колеблющихся или, по крайней мере, побудит притворяющихся христианами упорно следовать начатому курсу? Преобладающее беспокойство усилилось, когда выяснилось, что после своего обращения Павел счел своим долгом обратить своих бывших единоверцев. С этой целью он не оставил камня на камне. Голосом и пером он атаковал иудаизм, ища свое оружие в самой еврейской литературе. Вскоре после своего обращения он направил письмо своему бывшему знакомому Джозефу (Хосе) Орабуэне, ординарному врачу короля Карла III Наваррского и главному раввину общин Наварры, в котором заявил, что признает и почитает Иисуса как Мессию, пришествие которого было предсказано пророками, и пригласил Орабуэну последовать его примеру. Другому главному раввину, дону Меиру Альгуадесу, ординарному врачу кастильского короля дона Генриха III, Поль де Санта Мария адресовал сатиру на иврите в прозе и стихах, в которой высмеивал невинное празднование еврейского праздника Пурим. Словно завидуя евреям за умеренные удовольствия, которым они предавались во время этого праздника, он преувеличивал их любовь к выпивке и хвастался собственной трезвостью. В этой сатире Пол демонстрирует значительное умение обращаться с новоеврейским языком, но, несмотря на свои возможности, он не проявляет большого остроумия.

Как только он получил должность при папском дворе в Авиньоне, он посвятил себя клевете на евреев с целью вызвать новые преследования. Его цель стала настолько очевидной, что сам кардинал Пампелуны и другие священнослужители приказали ему воздержаться. Это правда, что евреям пришлось дорого заплатить за его молчание. Он также интриговал против Часдая Крескаса. Этот отступник так далеко зашел в своей вражде к иудаизму, что посоветовал королю дону Генриху III воздерживаться от найма как евреев, так и новохристиан на государственные

должности. Хотел ли он сделать невозможным соперничество какого-нибудь собрата-еврея, превосходящего его в ловкости? В своих трудах Поль де Санта Мария проявлял такую же ненависть к иудаизму, как и к евреям. В то время как францисканский монах Николас де Лира, прирожденный христианин, считал работы еврейских комментаторов, таких как Раши, образцами простой экзегезы, бывший раввин находил каждое замечание раввинского писателя пресным, бессмысленным и скандальным. С другой стороны, самый нелепый комментарий церковного писателя был для него возвышенным, непревзойденным произведением.

Вдумчивые евреи не замедлили распознать в этом новохристианине своего злейшего врага и приготовились к жестокой борьбе с ним, несмотря на то, что их выбор оружия был ограничен. Христиане были не только вольны говорить все, что им заблагорассудится, демонстрируя и защищая свои доктрины, но и могли апеллировать к общему авторитету меча и темницы. Евреи были вынуждены прибегать ко всевозможным околичностям и двусмысленностям, чтобы не провоцировать насилие своих противников. Доблестная позиция горстки евреев против власти и высокомерия должна вызывать восхищение у всех, чьи симпатии связаны не с победоносной тиранией, а с борющимся правом.

Кампанию против Поля де Санта-Мария открыл молодой человек, Джошуа бен Джозеф Ибн-Вивес из Лорки (Аллорки), врач и знаток арабского языка, который раньше сидел у ног раввина-отступника. В смиренном послании, словно послушный ученик, обращающийся к прославленному учителю, Джошуа Аллорки сделал немало деликатных упреков своему учителю-отступнику и в то же время своими наивными сомнениями нанес разрушительные удары по фундаментальным доктринам христианства. В своем вступлении он отмечает, что обращение его любимого учителя вызвало у него больше, чем у других, удивление и размышления, поскольку его пример был главной опорой его собственной религиозной веры. Он был в недоумении, не понимая мотивов этой внезапной перемены. Он не мог подумать, что им руководило желание мирских отличий, "ибо я хорошо помню, - говорит он, - как, окруженный богатством и слугами, ты тосковал по своему прежнему скромному положению с его уединенной жизнью и учебой, и как ты имел обыкновение говорить о своем высоком положении как о пустой насмешке над счастьем". Он также не мог предположить, что иудейские убеждения Павла были поколеблены философскими сомнениями, поскольку вплоть до момента своего крещения он добросовестно соблюдал все церемониальные законы и знал, как отличить ядро философской истины, гармонирующее с религией, от пагубной оболочки, которая так часто выдается за настоящее учение. Могло ли быть так, что кровавые преследования евреев заставили его усомниться в возможности непреходящей силы иудаизма? Но даже эта теория была несостоятельна, поскольку Павел не мог не знать о том факте, что лишь меньшинство евреев живет под властью христиан, что большая часть проживает в Азии и пользуется определенной степенью независимости; так что, если бы Богу было угодно допустить уничтожение общин в христианских землях, еврейская раса ни в коем случае не исчезла бы с лица земли. Оставалось, продолжал Джошуа Вивес из Лорки, предположение, что Павел тщательно изучал христианство и пришел к выводу, что его догмы были хорошо обоснованы. Поэтому Он умолял его передать ему убеждения, к которым тот пришел, и таким образом рассеять сомнения, которые он (Иисус Навин) все еще питал относительно истинности христианства. Затем Аллорки подробно изложил природу своих сомнений, скрыто, но яростно нападая на христианскую систему. Каждое предложение в этом послании было рассчитано на то, чтобы задеть ненавидящего евреев новохристианина за живое. Уклончивый и смущенный ответ, который Пол привел позже, ясно показал, как он поморщился от этой атаки.

Философ Часдай Крескас также выступил в доблестную защиту религии своих отцов. Он сочинил (1396) полемический трактат (Tratado), в котором философски проверил христианские догматы веры и продемонстрировал их несостоятельность. Этот труд был адресован больше христианам, чем евреям, и был особенно предназначен для прочтения высокопоставленными испанцами, дружбой с которыми пользовался Часдай Крескас. Следовательно, она была написана не на иврите, а на испанском, которым автор пользовался с легкостью, и тон ее был спокойным и умеренным. Часдай Крескас изложил непонятность доктрин Грехопадения, Искупления, Троицы, Воплощения, Непорочного Зачатия и Пресуществления и бесстрастно исследовал ценность крещения, пришествия Иисуса и отношения Нового Завета к Ветхому, как будто он не знал, что имеет дело с вопросами, которые в любой момент могут разжечь костер аутодафе.

Примерно в то же время опытный маррано, вернувшийся в иудаизм, опубликовал резкую атаку на христианство и новохристиан. За всю историю иудео-христианских разногласий не было такой язвительной сатиры на еврейскую сторону, как та, что сейчас опубликована врачом, астрономом, студентом-историком и грамматиком Профи Дюраном. Во время кровавых гонений 1391 года в Каталонии Профи Дюран, иначе Исаак бен Моисей, или, как он называл себя в своих работах, Эфоди (Эфодей), был вынужден имитировать обращение в христианство. К нему присоединился его друг Дэвид Бонет Буэн-Джорно. Оба решили при удобном случае сбросить ненавистную маску и эмигрировать в Палестину, где они могли свободно исповедовать иудаизм. Уладив свои дела, Профи Дюран отправился в портовый город на юге Франции и там ждал своего друга. Последний, тем временем, был разыскан ненавидящим евреев отступником Соломоном Полем де Санта-Марией или наткнулся на него, и его убедили остаться христианином. Каково же было изумление Профи Дюрана, когда он получил письмо, в котором с большим ликованием объявлялось об окончательном признании христианства Эном Бонетом, который также призывал его оставаться в рамках принятой им веры. Письмо содержало восторженный панегирик Паулю де Санта-Марии, который снискал расположение короля Кастилии. Профи Дюран не мог молчать. В ответ он наказал своего друга, и в особенности обращающего в свою веру Павла, в послании, отличающемся острейшей иронией, которая еще не утратила своей остроты. Оно претендует на согласие со всем, что выдвигает Бонет, и на то, чтобы утвердить его в решимости оставаться христианином. "Не будьте подобны вашим отцам" (Altehi ka-Abothecha) - это рефрен повсюду, и это предостережение используется так искусно, что христиане использовали его (под названием Alteca Boteca) как апологию христианства. Делая вид, что критикует ошибки старой веры, Профи Дюран останавливается на христианских догмах, наивно описывая их в их самой предосудительной форме. Он концентрирует внимание на слабостях христианства в полном свете разума, библейском учении и философской дедукции, очевидно, не желая менять намерения своего друга. Часть сатиры направлена против ненавистника евреев Поля де Санта-Марии, которого Боне осыпал безграничными похвалами. "Ты придерживаешься мнения, что ему может удастся стать папой, но ты не сообщаяшь мне, поедет ли он в Рим или останется в Авиньоне" — резкая отсылка к папскому расколу, отвлекающему церковь. "Ты превозносишь его за то, что он приложил усилия, чтобы освободить еврейских женщин и детей от обязанности носить еврейский значок. Передай радостную весть женщинам и детям. Что касается меня, то мне говорили, что он проповедовал зло против евреев и что кардинал Пампелуны был вынужден приказать ему замолчать. Ты считаешь, что он, твой учитель, скоро получит митру или кардинальскую шапку. Радуйся, ибо тогда ты тоже должен обрести почести и станешь священником или левитом". Ближе к концу Профи Дюран меняет

ироничный тон на серьезный: он молится своему бывшему другу не носить как христианин имя своего уважаемого отца, который, будь он жив, предпочел бы не иметь сына, чем неверующего своей религии. Как бы то ни было, его душа в Раю будет оплакивать неверие своего сына. Это сатирическое послание было распространено в виде брошюры. Его автор отправил копии не только своему бывшему другу, но также врачу короля Кастилии, главному раввину дону Меиру Альгуадесу. Произведенный эффект был настолько красноречив, что духовенство, как только обнаружило его сатирический характер, сделало его предметом судебного расследования и предало огню. По просьбе Часдая Крескаса Профи Дюран написал еще одно антихристианское произведение, однако не сатиру, а серьезным языком исторического исследования. В этом эссе, основанном на его близком знакомстве с Новым Заветом и церковной литературой, он показал, как с течением времени христианство выродилось.

Пользующийся благосклонностью и продвижением антипапы Авиньонского Бенедикта XIII, Павел Бургосский поднимался все выше и выше; он стал епископом Карфагена, канцлером Кастилии и тайным советником короля дона Генриха III. Его злобе не удалось настроить короля против евреев или побудить его запретить им работать в государстве. У дона Генри были два врача-еврея, которым он особенно доверял. Одного из них, дона Меира Альгуадеса, астронома и философа, он назначил, возможно, в подражание Португалии, главным раввином различных кастильских общин. Он всегда находился в свите короля, и вполне вероятно, что в какой-то степени оказал на него благоприятное влияние по отношению к своим единоверцам. Другим был дон Мозес Зарзель (Шарсаль), который богатыми испанскими стихами воспел долгожданное рождение наследника кастильского престола, позаимствовав красоты неоеврейской поэзии, чтобы воздать честь новорожденному принцу, в руках которого, по его пророчеству, будут объединены различные государства Пиренейского полуострова. Затишье, как между двумя бурями, которым наслаждались испанские евреи во время правления дона Генриха, благоприятствовало появлению нескольких литературных плодов, едва ли не последних по значимости, появившихся в Испании. Ни одно из этих произведений не было эпохальным; однако они были полезны для поддержания духа лучших времен и для предотвращения забвения сокровищ еврейской литературы. Профиату Дурану удалось заставить людей забыть о его крещении и спокойно обосноваться в Испании или Перпиньяне, где он прокомментировал философию Маймуни и некоторые работы Ибн-Эзры. Он также написал математическое и календарное эссе (Хешеб-Эфод) и исторический отчет о преследованиях, которым подвергалась его раса со времен рассеяния. Его лучшая работа - грамматика иврита ("Маасе Эфод", написана около 1403 года), в которой он обобщает результаты более старых авторов, исправляет их ошибки и даже пытается сформулировать принципы синтаксиса иврита.

Произведение более чем обычного достоинства было написано Часдаем Крескасом, который сейчас находится на краю могилы, его дух подорван преследованиями. Он был глубоким, всесторонним мыслителем, чей ум никогда не терялся в деталях, но всегда стремился постичь совокупность вещей. Его план работы, трактующей в манере Маймуни все фазы и аспекты иудаизма, исследующей идеи и законы, из которых постепенно развилось еврейское учение, и приводящей в соответствие детали с целым там, где связь перестала быть очевидной, свидетельствует о необычайном диапазоне его знаний и проницательности его ума. Работа должна была стать одновременно руководством по изучению талмуда и практическим

пособием. Смерть, по-видимому, помешала завершению этого гигантского предприятия, была завершена только философская часть, или введение. В этом введении Часдай Крескас имеет дело, с одной стороны, с принципами универсальной религии, существованием Бога, Его всеведением и провидением, свободной волей человека, замыслом вселенной, а с другой - с фундаментальными истинами иудаизма, доктринами сотворения мира, бессмертия и Мессии.

В аристотелевском уклоне средневековой философии Крескас находился под меньшим влиянием, чем его предшественники. Она утратила для него свой ореол; он видел ее слабости яснее, чем другие, и исследовал их глубже. Смелыми руками он разрушил опоры огромного здания теории, построенного Маймуни на аристотелевских основаниях, чтобы продемонстрировать существование Бога и Его отношение ко вселенной, и, знакомый со всем методом схоластической философии, он боролся с ним с разрушительной силой.

В то время как философия его времени казалась ему такой расплывчатой и иллюзорной, он считал основы иудаизма неопровержимыми и поставил перед собой задачу показать тщетность критики первого. Признание Божественного всеведения привело его к смелому утверждению, что человек в своих действиях не совсем свободен, что все является необходимым результатом предшествующего события и что каждая причина, вплоть до самой первой, обязана определять характер конечного действия. Человеческая воля не следует слепому выбору, но контролируется цепью предшествующих обстоятельств и причин. В какой степени может быть признана доктрина вознаграждения и наказания, если воля несвободна? Ответ Часдая Крескаса на это заключается в том, что награда и наказание зависят от намерений, а не от действий. Тот, кто в чистоте сердца желает творить добро, которое, конечно, обязательно должно последовать, заслуживает награды, как человек, добровольно способствующий злу, заслуживает наказания. Высшее благо, к которому может стремиться человек, и цель всего творения - это духовное совершенство, или вечное блаженство, которого нельзя достичь, как вообразают философы, путем наполнения ума метафизическими теориями, но только через активную любовь к Богу. В этом суть всех религий, и особенно иудаизма. С этой точки зрения справедливо можно сказать, что "мир был создан ради Торы", поскольку цель Закона - привести к бессмертию посредством идей и заповедей, а также руководства мыслями и действиями.

Хасдай Крескас, первый, кто провел различие между универсальной религией и конкретными формами, такими как иудаизм и христианство, выдвинул, отклоняясь от системы Маймуни, только восемь специфически еврейских догматов. Его справедливое возражение против тринадцати догматов веры Маймуни заключалось в том, что их было либо слишком много, либо слишком мало, поскольку в них без разбора сочетались фундаментальные истины, общие для всех религий, и учения, характерные для иудаизма.

Вместе с Профиатом Дураном и Часдаем Крескасом дон Мейр Альгуадес, главный раввин Кастилии, в короткий промежуток между двумя кровавыми гонениями в Испании выступил как автор философских трудов. Он не был независимым исследователем; он просто перевел "Этику" Аристотеля (1405, в сотрудничестве с Бенвенистом Ибн-Лаби) на иврит, сделав работу доступной для евреев, которые в практической жизни соответствовали ее принципам лучше, чем греки, создавшие их, или христиане, которые в гордости за веру и церковное учение считали себя выше необходимости соответствовать требованиям морали.

На протяжении всего правления дон Генрих III Кастильский жизнь евреев была сносной. Молодой, но энергичный монарх сурово наказал Фернана Мартинеса, главного зачинщика

массовых убийств 1391 года, в качестве предупреждения против дальнейших эксцессов. Он разрешил евреям приобретать землю, обновил закон своего предка Альфонсо XI и освободил своих евреев-сборщиков налогов и финансовых администраторов от ограничений. Как только он умер (конец 1406 года), дела евреев снова приняли неблагоприятный оборот, предвещая несчастливое время. Наследник короны, Хуан II, был ребенком, ему едва исполнилось два года. Регентство перешло к королеве-матери Каталине (Кэтрин) Ланкастер, капризной, высокомерной и фанатичной молодой женщине, которая воображала, что правит сама, в то время как ею управляли различные фавориты. Соправитель, дон Фердинанд, впоследствии король Арагона, который был умен и добр, позволил духовенству руководить собой. Рядом с ним в государственном совете сидел раввин-отступник Соломон, *он же* Поль де Санта Мария, другой, еще более озорной Элиша-Ахер, в глазах которого иудаизм был мерзостью, а каждый еврей - камнем преткновения. Покойный король, дон Генрих III, назначил его исполнителем своей воли и наставником своего наследника; следовательно, он имел влиятельный голос в регентском совете. Какие перспективы открываются перед евреями Кастилии! Прошло совсем немного времени, прежде чем они почувствовали враждебный дух двора. Сначала это проявилось в попытках унижить более знатных евреев, которые имели сношения с придворным кругом и вельможами королевства и занимали видные должности. Намерение состояло в том, чтобы уволить их с этих должностей с напоминанием о том, что они принадлежат к презираемой касте.

От имени малолетнего короля был издан эдикт (25 октября 1408 г.), восстанавливающий антиеврейские положения кодекса Альфонсо Мудрого. "Принимая во внимание, что осуществление власти евреями может привести к нанесению ущерба христианской вере", занятие ими должностей, на которых они могли бы обладать такой властью, было запрещено на все будущее время. Каждый еврей, позволяющий себе занимать официальные должности, будь то дворянин или муниципалитет, подлежал штрафу в размере, вдвое превышающем доход от такой должности, и, если его состояния не хватало, чтобы составить требуемую сумму, оно конфисковывалось, а преступник подлежал наказанию в пятьдесят ударов плетью. Христианин, назначающий еврея на влиятельный пост, также будет наказан штрафом. Чтобы обеспечить исполнение указа, было предписано, чтобы информатор и суд, участвующий в деле, получили по одной трети конфискованного имущества. Чиновникам было поручено повсеместно обнародовать указ и тщательно следить за тем, чтобы его предписания выполнялись. Невозможно не заподозрить в этом указе руку Поля де Санта-Марии. Никто лучше него не знал сильных и слабых сторон характера испанских евреев, и он, несомненно, рассчитал, что еврейская знать, рискуя потерять официальную работу и высокое социальное положение, перейдет в христианство, в то время как верующие, исключенные из общения с христианским обществом и из участия в общественной жизни страны, потерпят упадок, подобный упадку немецких евреев.

В то же время он выместил свою ненависть на Мейре Альгуадесе, враче умершего короля. У королевы-регентши не было причин причинять вред этому еврейскому аристократу; только Павел мог желать его гибели, потому что он был опорой своих противников и лидером тех, кто вызывал к нему презрение. С целью добиться его падения против него было сфабриковано мстительное обвинение. Пока королева-мать с королем-младенцем находилась в Сеговии, несколько священников обвинили местного еврея в том, что он купил у ризничего освященную святыню с целью ее богохульства. Далее они заявили, что святая облатка творила такие ужасные чудеса, находясь во владении еврея, что в страхе и трепете он передал ее настоятелю

монастыря. Была ли эта история сфабрикована, или в куче вымысла было зерно правды, сказать невозможно; однако этого было достаточно, чтобы привлечь серьезное внимание епископа Веласкеса де Тордесильяса, по вине которого несколько евреев были арестованы как соучастники преступления, в том числе дон Меир Альгуадес. Уголовное разбирательство было официально начато по приказу королевы-регентши, и Альгуадес и его товарищи по заключению были подвергнуты пыткам и признали свою вину. Утверждается, что в своей агонии Меир Альгуадес сделал признание другого рода — что король Генрих III умер от его рук. Хотя все знали, что король болел с юности, дон Мейр, которого, должно быть, специально допрашивали под пытками на предмет того, не он ли отравил короля, был казнен самым бесчеловечным образом. Он был разорван на части. Та же участь постигла и других заключенных. Все еще не удовлетворенный, епископ Сеговии обвинил нескольких евреев в том, что они подкупили его повара, чтобы тот отравил его еду, и они также были казнены. Примерно в это же время одна из синагог в Сеговии была преобразована в церковь.

Смутные времена, отбрасывающие тени еще более несчастливого будущего, породили меланхолический феномен другого мессианского безумия. Оно снова возникло в умах мистиков. После того как Зоар был искусно возведен в ранг признанного авторитета, Каббала ежедневно приобретала все большее влияние, хотя ее изучение и не соответствовало тому рвению, с которым отстаивался ее авторитет. Три каббалиста были особенно активны в возбуждении эмоций и вскружении головы людям — Авраам из Гранады, Шем Тоб бен Джозеф и Моисей Ботарель. Первый сочинил (между 1391 и 1409 годами) каббалистический труд, фарраго из странных имен Божества и ангелов, из переставленных букв и жонглерства гласными и ударениями. Аврааму Гранадскому хватило смелости учить, что те, кто не мог постичь Бога каббалистическими методами, принадлежали к слабым в вере, были невежественными грешниками и, подобно развращенным и отступникам, были оставлены Богом без внимания и не признаны достойными Его особого провидения. Он считал, что отказ культурных евреев от своей религии объясняется их пагубным пристрастием к научным исследованиям и презрением к Каббале. С другой стороны, он заявлял, что видел в гонениях 1391 года и в обращении стольких выдающихся евреев в христианство признаки мессианской эпохи, страданий, которые должны ей предшествовать, и приближения искупления. Шем Тоб бен Джозеф Ибн-Шем Тоб (умер в 1430 году) обвинил еврейских философов Маймуни, Герсониду и других в том, что они соблазняли людей к ереси и неверию, а также в том, что они были истинной причиной отступничества в смутные времена. В работе под названием "Эмунот" он подвергал резким нападкам еврейских мыслителей и философские исследования в целом и учил, что спасение Израиля лежит в Каббале, древнейшей еврейской традиции, и подлинной, чистой истине. Вся книга состоит из серьезных обвинений в адрес более просвещенной школы еврейских мыслителей и панегириков каббалистической бессмыслице.

Эти два человека, Авраам из Гранады и Шем Тоб, хотя и были недалекими, были искренними, отличаясь в этом отношении от Мозеса Ботареля (или Ботарело), также испанца из Сиснероса в Кастилии, который следовал своим путем с мошенническими намерениями. Он выдал себя за тауматурга и пророка; он объявил себя даже Мессией. Он пророчествовал, что весной 1393 года необычайные чудеса возвестят о наступлении мессианской эры. Позже он написал произведение, полное лжи и заблуждений. В своей гордыне и хвастовстве он обратился с циркулярным письмом ко всем раввинам Израиля, заявив, что он в состоянии разрешить все сомнения и пролить свет на все тайны, что он глава великого Синhedрина и многое другое в том же шарлатанском духе.

Как и во времена притеснения вестготскими королями, на той части африканского побережья, которая обращена к Испании, было создано убежище для преследуемых евреев. Многие североафриканские города, такие как Алжир, Милиана, Константин, Буджа, Оран, Тенес и Тлемсен, были заполнены евреями, спасавшимися от резни 1391 года, и новохристианами, стремившимися избавиться от христианства, которое они были вынуждены принять, но которое они искренне ненавидели. Почти ежедневно прибывали свежие отряды беженцев со всех концов Испании и Майорки. Они перенесли на свою новую родину свой интеллект, богатство, трудолюбие и коммерческую предприимчивость. Магометанские берберские князья, в то время более терпимые и гуманные, чем христиане, принимали их, не облагая подушным налогом. Сначала магометанское население немного роптало по поводу столь внезапного и значительного увеличения числа жителей, опасаясь, что цены на провизию будут повышены. Однако, когда умный кади указал им на ограниченность и эгоистичность их жалоб, они были удовлетворены, и евреям было позволено поселиться среди них с миром. Небольшие берберские общины, образовавшиеся после прекращения преследований альмохадов столетием ранее, приобрели большее значение благодаря этой иммиграции. Вновь прибывшие превосходили по численности коренных евреев, так что последние в определенной степени были вынуждены принять испанскую общинную организацию и сефардский ритуал. Испанцы, по сути, стали ведущим элементом в старых африканских сообществах.

Выдающийся раввин Исаак бен Шешет-Барфат, бежавший из Испании и поселившийся в Алжире, был признан королем Тлемсена главным раввином и судьей всех общин. Этим он был обязан влиянию одного из своих поклонников, Сола Астру Козна, популярного врача и образованного человека, который не только безвозмездно практиковал свое искусство, но и потратил свое состояние на оказание помощи как мусульманским, так и еврейским беднякам. Именем короля местным раввинам было запрещено выполнять канцелярские или судебные функции без разрешения главного раввина Исаака бен Шешета. Это ни в коей мере не умаляло уважения, которым пользовался Бен Шешет, и к нему продолжали поступать просьбы о решении трудных вопросов. В Алжире он продолжал выступать против неправомерных действий с той добросовестностью и беспристрастностью, которые всегда были ему присущи. Среди членов его общины был озорной персонаж (Исаак Бонаструк?), имевший значительное влияние на алжирские власти. Движимый личными интересами, он желал остановить ежедневно растущую иммиграцию марранов и с этой целью убедил кади ввести налог в размере одного дублона с каждого иммигранта. Обнаружив, что отряды беглецов продолжают прибывать, он принялся воздействовать на эгоизм общины, чтобы они могли противостоять любому дальнейшему притоку своих братьев. Пятьдесят пять отрекшихся новохристиан из Валенсии, Барселоны и Майорки ожидали высадки в гавани Алжира, но евреи отказали им в разрешении. Это было равносильно тому, чтобы отдать их на милость христианских палачей. Такого эгоизма и несправедливости главный раввин Исаак бен Шешет стерпеть не мог, и он наложил запрет на бессердечных евреев, пытавшихся избежать наказания. Его позиция была настолько решительной, что с помощью Аструка Козна и его брата Маррано в конце концов были благополучно доставлены на сушу. В Африке Бен Шешет-Барфат проработал почти двадцать лет, содействуя благосостоянию своих единоверцев и интересам религии и морали. Его преклонные годы были омрачены постоянными нападениями молодого раввина Симона бен Цемаха Дюрана, способного талмудиста, эмигрировавшего с Майорки.

Бену Шешету после его смерти наследовал Симон Дюран (родился в 1361 году, умер в 1444 году). Община Алжира избрала его при условии, что он не будет добиваться утверждения своего

назначения королем, вероятно, потому, что полномочия, полученные его предшественником в результате королевской конфирмации, были слишком бесконтрольными. Саймон Дюран, выдающийся математик и врач, был первым испано-еврейским раввином, получившим зарплату. Он публично извинился за свой поступок, сославшись на вынужденные обстоятельства. Во время гонений на Майорке часть его большого состояния была потеряна, а остальное было пожертвовано на подкуп информаторов, которые угрожали выдать его как иудействующего христианина доминиканскому Молоху. Он прибыл в Алжир почти нищим, и искусство врачевания, с помощью которого он надеялся заработать на пропитание, ничего ему не принесло, врачи пользовались у берберов лишь незначительным уважением. Впоследствии Симон Дюран обосновал оплату раввинов Талмудом. Были ли настоятели, епископы и князья церкви одинаково добросовестными?

Как будто у евреев Испании было недостаточно врагов в лице бедных, ленивых бюргеров и дворян, которые с такой завистью относились к своему богатству, в лице духовенства, которое прикрывало свою безнравственность рвением к пропаганде веры, или в лице новообращенных выскочек, которые пытались скрыть свое еврейское происхождение демонстрацией ненависти к своим бывшим братьям, примерно в начале пятнадцатого века появились три новых ненавистника евреев самого ожесточенного, самого непримиримого типа. Один был крещеным евреем, другой - монахом-доминиканцем, а третий - покинутым антипапой. На этих трех людях, Джошуа Лорки, фра Винсенте Феррере и Педро де Луна, или Бенедикте XIII, должна лежать ответственность за события, которые непосредственно привели к самой ужасной трагедии в истории евреев Испании. Джошуа Лорки из Лорки при крещении принял имя Джеронимо де Санта-Фе, стал ординарным врачом авиньонского папы Бенедикта и, подобно своему учителю Соломону-Полу де Санта-Мария, считал своей жизненной миссией привлечь своих бывших братьев к христианству всеми возможными средствами. Винсент Феррер, впоследствии причисленный к лику святых, был одной из тех мрачных натур, которым мир кажется юдолью слез и которые хотели бы сделать его таковым. Действительно, в добродетели святого он стоял особняком среди духовенства и монахов своего времени. Жизненные радости не имели для него никакого очарования; золота и мирских почестей он не жаждал; он был проникнут истинным смирением и серьезно взялся за свою работу. К сожалению, вырождение и мерзость общества внушили ему фантастическую идею о том, что конец света близок и что человечество может быть спасено, только приняв христианскую веру и монашеский образ жизни. Впоследствии Винсент Феррер возродил бичевание. Он маршировал по стране с отрядом фанатиков, которые бичевали свои обнаженные тела веревками с узлами и призывали массы принять ту же форму покаяния, веря, что это приведет к спасению мира. Одаренный сочувственным голосом, приятными манерами и немалым красноречием, этот доминиканский монах вскоре приобрел влияние на общественное мнение. Когда среди рыданий он вспоминал страдания Иисуса и изображал приближающийся конец света, эмоции его слушателей становились сильно взволнованными, и он мог направить их к добру или ко злу. Он отказался от высокого положения при папском дворе, чтобы вести жизнь босоногого монаха-флагелланта. Это помогло увеличить число его поклонников и учеников, поскольку отказ от положения и богатства со стороны священнослужителя не имел аналогов. Феррер, однако, злоупотребил своей властью, поощряя кровавые деяния. Он направил свои фанатичные доносы не только против евреев и еретиков, но даже против друзей, которые помогли поднять его из праха. Ужасная деморализация церкви проиллюстрирована на примере этого монаха. Споры трех современных пап, каждый из которых объявлял себя наместником Бога, один из которых, Иоанн

XXIII (1410-1415), исчерпал список пороков и смертных грехов, пират, торговец индульгенциями, убийца и развратник — все это не так ярко свидетельствовало о преобладающем вырождении, как о фанатичных излишествах такой действительно чистой, нравственной натуры, как Винсент Феррер. Голубь превратился в ядовитую змею, ягненок - в хищного зверя. Такая порочность не может быть спонтанной в человеческом характере, в приверженцах христианства; она, должно быть, проистекает из самого христианского учения.

В отличие от Уиклифа и других реформаторов, Феррер не возвышал свой голос против недостатков церкви, но посвятил себя евреям и еретикам, которых ненавидел как противников христианства и непогрешимости папы римского. Пером и голосом он начал крестовый поход против евреев, который вел в течение нескольких лет. Его самая яростная брань была направлена против испанских новохристиан, которые во время резни 1391 года перешли на сторону церкви, но все еще в значительной степени придерживались иудаизма. Отчасти из страха понести суровое наказание, полагающееся за вероотступничество, отчасти под влиянием пламенного красноречия проповедника Марраны покаянно исповедали веру, которую Феррер расценил как великую победу церкви, триумф истин христианства, вселивший в него надежду на то, что обращение всей массы евреев может быть даровано ему. Благодаря своему влиянию на народ, который почитал его как святого, он был очень полезен королям Испании в подавлении народных восстаний во время гражданских войн без кровопролития. Воодушевленный вниманием кастильской королевской семьи, Феррер попросил разрешения не только проповедовать в синагогах и мечетях, но и заставлять евреев и магометан слушать его обращения. С распятием в одной руке и Торой в другой, в сопровождении флагеллантов и копейщиков, он "страшным голосом" призвал евреев встать под крест.

Каким бы серафимом ни был Винсент Феррер, он был не прочь применить силу. Он заявил испанским правителям, что евреи должны быть строго изолированы, поскольку их общение с христианским населением было рассчитано на то, чтобы нанести ущерб истинной вере. Его предложения встретили слишком быстрый отклик. Через него и двух других обращенцев испанские евреи понесли невыразимые страдания; действительно, годы с 1412 по 1415 год можно считать одними из самых печальных в скорбной истории еврейского народа. Вскоре после появления Феррера при самом христианском дворе регент Донна Каталина, инфант Дон Фердинанд и отступник Пауль Бургенсис де Санта Мария от имени короля-младенца Хуана II издали эдикт из двадцати четырех статей (12 января 1412 г.), целью которого было обнищать и унижить евреев и низвести их до низшей ступени социальной лестницы. Он предписывал, чтобы они жили в специальных еврейских кварталах (иудериях), имеющих не более чем по одним воротам в каждом, под страхом конфискации состояния и личного наказания. Они не должны были заниматься никаким ремеслом; они не должны были практиковать искусство врачевания или вести дела с христианами. Само собой разумеется, что им было запрещено нанимать слуг-христиан и занимать государственные должности. Их судебная автономия была отменена не только в уголовных делах, в которых они давно перестали ею пользоваться, но и в гражданских спорах. Эдикт предписывал евреям особую одежду. И мужчины, и женщины должны были носить длинные одежды, в случае мужчин, из грубой ткани. Тот, кто одевался в национальный костюм или из тонких тканей, подлежал крупному штрафу; при повторении правонарушения - телесным наказаниям и конфискации имущества. Разумеется, на ношении красного еврейского значка настаивали. Мужчинам запрещалось брить бороду или стричь волосы под страхом ста ударов плетью. Ни к одному еврею нельзя было обращаться, ни в разговоре, ни письменно, по титулу "Дон", за нарушение которого также полагался крупный штраф. Им было запрещено

носить оружие, и они больше не могли переезжать из города в город, но должны были быть привязаны к одному месту жительства. Еврей, уличенный в уклонении от последнего ограничения, должен был потерять все свое имущество и стать рабом короля. Вельможам и бюргерам было строго-настрого предписано не оказывать евреям ни малейшей защиты.

Нет ничего неоправданного в том, чтобы предположить влияние отступника Пауля де Санта-Марии в деталях этих законов, направленных на ненависть к евреям. Они выделили наиболее чувствительные черты еврейского характера, гордость и чувство чести. Богатые евреи, имевшие обыкновение появляться в великолепных нарядах и с гладко выбритыми подбородками, теперь должны были надеть уродующий костюм и ходить с заросшими клочковатыми бородами. Образованные люди, которые в качестве врачей и советников вельмож пользовались неограниченным общением с высшими чинами, должны были ограничиться своим еврейским кварталом или креститься, причем крещение было ожидаемым результатом всех этих жестоких ограничений, насаждаемых с беспощадной энергией. Современный писатель (Соломон Алами) описывает страдания, вызванные эдиктом: "Обитатели дворцов были загнаны в жалкие уголки и темные, низкие хижины. Вместо шуршащих одежд мы были вынуждены носить жалкую одежду, которая вызывала к нам презрение. Нам запретили брить бороды, и мы должны были выглядеть как плакальщики. Богатые сборщики податей погрязли в нужде, ибо не знали ремесла, которым можно было бы добыть средства к существованию, а ремесленники не нашли обычая. Голод стоял у всех перед глазами. Дети умирали на коленях у своих матерей от голода и беззащитности".

Посреди этой скорби доминиканец Феррер ворвался в синагоги с распятием в руке, громовым голосом проповедовал христианство, предлагая своим слушателям наслаждение жизнью и возможности повышения по службе или угрожая проклятием здесь и в будущей жизни. Христианское население, воспламененное страстным красноречием проповедника, подчеркивало его учение жестокими нападениями на евреев. Испытание было более тяжким, чем могли вынести несчастные кастильские евреи. О бегстве не могло быть и речи, поскольку закон запрещал это под страхом страшного наказания. Поэтому неудивительно, что слабые и тепловатые среди них, любящие комфорт и мирские помыслы, поддались искушению и спаслись крещением. Многие евреи в общинах Вальядолида, Саморы, Саламанки, Торо, Сеговии, Авилы, Бенаvente, Леона, Валенсии, Бургоса, Асторги и других небольших городов, фактически, везде, где проповедовал Винсент Феррер, перешли в христианство. Феррер превратил несколько синагог в церкви. В течение своего четырехмесячного пребывания (декабрь 1412 - март 1413) в королевстве Кастилия этот торговец прозелитами наносил евреям раны, от которых они истекали кровью.

Однако, когда он отправился в королевство Арагон — вызванный туда для обсуждения соперничающих притязаний нескольких претендентов на трон — и когда благодаря его усилиям кастильский инфант Дон Фердинанд был награжден арагонской короной (июнь 1414 г.), положение кастильских евреев немного улучшилось. Регентша донна Каталина издала новый указ от имени своего сына (17 июля). В этом документе евреям по-прежнему запрещалось заниматься ремеслами, но при множестве условий им разрешалось посещать рынки со своими товарами. Был подтвержден запрет нанимать прислугу-христианина или магометанина; но, с другой стороны, был разрешен наем поденщиков и садовников для полей и виноградников евреев и пастухов для их стад. Новый закон в незначительной степени разрешал евреям подстригать волосы и подстригать ножницами, но не удалять бороды полностью; было

приказано оставить прядь волос на подбородке, а бритье бритвой было запрещено, как будто королева-регентша и ее мудрые советники беспокоились о том, чтобы не пострадала еврейская ортодоксальность. Новый указ разрешал ношение одежды стоимостью в шестьдесят мараведи (при прежнем указе стоимость была установлена в половину этой суммы), но вводил головной убор в форме воронки, к которому запрещалось прикреплять кисточки. Горячность, с которой эдикт выступал против показухи еврейских женщин, свидетельствовала о его женском авторстве. Согласно этому указу, евреям вновь была предоставлена свобода проживания. Примечательно, что новый эдикт распространялся только на евреев, тогда как его предшественник ограничивал и магометан.

С переездом фанатичного Феррера в Арагон общины этого королевства начали испытывать испытания и несчастья. Новоизбранный король, дон Фердинанд, был обязан своей короной Ферреру, поскольку в качестве арбитра между соперничающими претендентами он горячо поддержал его дело, провозгласил его королем и объединил население в его пользу. Поэтому Фердинанд с исключительным почтением относился к его святости, назначил его своим отцом-исповедником и духовным наставником и исполнял любое его желание. Главным из стремлений Феррера было обращение евреев, и для достижения этой цели король приказал евреям Арагона уделять все внимание его выступлениям. Ревностный проповедник совершил поездку по королевству, яростно обличая евреев в каждом городе, который он посещал. Его запугивания привели к обращению большого числа людей, особенно в Сарагосе, Дароке, Тортосе, Валенсии и на Майорке. Говорят, что в общей сложности миссия Феррера среди евреев Кастилии и Арагона привела к не менее чем 20 500 принудительным крещениям.

Это, однако, не положило конец бедам испанских евреев. У папы Бенедикта XIII были припасены для них еще более серьезные неприятности, поскольку он использовал в качестве инструмента своего врача-новокрещеного еврея Джошуа Лорки, иначе Джеронимо де Санта-Фе. Этот папа, низложенный Пизанским собором как раскольник, еретик и отрекшийся, лишенный своих духовных функций и помещенный под запрет, планировал обращение всего еврейского населения Испании в церковь, в то время являвшуюся объектом всеобщего порицания. На Пиренейском полуострове его по-прежнему считали законным папой, и с этой оперативной базы он прилагал все усилия, чтобы добиться всеобщего признания своей власти. Он не замедлил понять, что всеобщее обращение евреев сильно поможет его замыслу. Если бы ему было дано, наконец, преодолеть упрямство, слепоту и неверие Израиля и подчинить его владычеству креста — разве это не было бы величайшим триумфом для церкви и для него самого? Разве это не посрамило бы всех его врагов? Разве верующие не подчинились бы папе, который так прославил церковь? Какое лучшее доказательство того, что он был единственным истинным понтификом, он мог привести?

Чтобы продвинуть этот план, Бенедикт по поручению короля дона Фердинанда созвал (ближе к концу 1412 года) самых образованных раввинов и изучающих Священное Писание королевства Арагон на религиозный диспут в Тортосе. Отступник Джошуа Лорки, который был хорошо начитан в еврейской литературе, должен был доказать евреям на основе самого Талмуда, что Мессия пришел в лице Иисуса. План состоял в том, чтобы воздействовать на самых видных евреев, поскольку папский двор был убежден, что после того, как их обращение совершится, рядовые последуют за ними по собственному желанию. Джеронимо тщательно отобрал имена приглашенных, а папа или король назначили наказание за их неявку. Что оставалось делать евреям? Приехать или остаться в стороне, принять приглашение или отказаться было

одинаково опасно. На призыв откликнулись около двадцати двух самых известных арагонских евреев. Их возглавлял дон Видаль бен Бенвенисте Ибн-Лаби (Феррер) из Сарагосы, отпрыск старой еврейской знати, уважаемый и культурный человек, врач и неоеврейский поэт. Среди его товарищей были Джозеф Альбо из Монреаля, ученик Часдая Крескаса, известный своими философскими познаниями и подлинным благочестием; Серачья Халеви Саладин из Сарагосы, переводчик арабского философского труда; Мататиас Ижари (Эн Дюран?) из того же города, также блестящий писатель; Астру Леви из Дароки, человек с положением; Бонаструк Десмаэстре, присутствие которого было наиболее желанным для папы, потому что он был образованным и выдающимся; достопочтенный дон Джозеф из уважаемая семья Ибн-Яхья и другие, менее известные люди.

Хотя еврейские знаменитости, вызванные на диспут, были людьми с широким образованием, а дон Видаль даже бегло говорил по-латыни, никто из них не обладал тем мужеством и силой характера, которые впечатляют даже самого мстительного врага и которые Нахмани так ярко продемонстрировал, когда в одиночку столкнулся с двумя злейшими противниками иудаизма — доминиканским генералом Де Пеньяфорте и отступником Пабло Кристиани. Черода унижений и преследований сломила мужественность даже самых гордых представителей еврейства и превратила всех в слабаков. Они не могли противостоять опасным временам. Когда до них донесся призыв Бенедикта, они задрожали. Они согласились действовать осмотрительно и спокойно, не перебивать своего оппонента и, прежде всего, быть едиными и слаженными, но они проигнорировали эти резолюции, выявили свою слабость и в конце концов распались на фракции, каждая из которых пошла своим путем.

Поручив это своему раскольническому учителю, отступник Джеронимо составил программу. Во-первых, из Талмуда и родственных писаний следовало привести доказательства того, что Мессия уже пришел в лице Иисуса из Назарета. Папский двор льстил себя надеждой, что это приведет к массовому обращению евреев, но в случае неудачи должна была последовать война на уничтожение против Талмуда из-за содержащихся в нем мерзостей и поддержки, которую он оказывал евреям в их слепоте. Соответственно, Джеронимо де Санта-Фе написал трактат о мессианском характере и божественности Иисуса, как это проиллюстрировано в еврейских священных писаниях. Он собрал все благовидные аргументы, софистику и искажения текста, которые его предшественники развили на основе своих неясных, бессмысленных толкований Священных Писаний, добавил собственную бессмыслицу, объявил игривые агадические измышления существенными догматами веры и опроверг еврейские взгляды на обсуждаемые вопросы. Он перечислил двадцать четыре условия пришествия Мессии и приложил все усилия, чтобы показать, что все они были выполнены в Иисусе. Его основное утверждение состояло в том, что христиане составляли истинный Израиль, что они сменили еврейский народ по Божественному благоволению и что библейские термины "гора", "шатер", "храм", "дом Божий", "Сион" и "Иерусалим" были аллегорическими отсылками к церкви. Можно привести пример его нелепых аргументов. Подобно Иоанну Вальядолидскому, он видел в неправильном образовании буквы в слове у Исайи глубокую тайну, указывающую на девственность Марии и осознание мессианского периода пришествием Иисуса. В другом пророческом стихе он изложил непорочное зачатие Иисуса настолько неприличным образом, что невозможно повторить его объяснение. Этот трактат, в котором сочетались святоотеческий и раввинский дух, был изучен папой и его кардиналами, и ему было приказано послужить темой диспута.

Более примечательного спора никогда не проводилось. Оно заняло шестьдесят восемь заседаний и продолжалось, с небольшими перерывами, более года и девяти месяцев (с февраля 1413 года по 12 ноября 1414 года). На переднем плане стоит папа, покинутый почти всем христианским миром и изгнанный со своего трона, озабоченный благоприятным исходом, не для прославления веры, а для своего собственного мирского продвижения; рядом с ним крещеный еврей, сражающийся с раввинским иудаизмом раввинским оружием; а на заднем плане неистовый доминиканский проповедник со своей свитой флагеллантов, поощряющий преследование евреев, чтобы придать силу конверсионистскому рвению Тортосы. Беспомощным, сбитым с толку евреям оставалось только обратить свои взоры к небу, ибо на земле они оказались в окружении злейших врагов. Когда на их первой аудиенции у папы Бенедикта (6 февраля 1413 г.) их попросили назвать свои имена для регистрации, их охватил ужас; они представили, что их жизни в опасности. Папа успокоил их, объяснив, что это всего лишь обычная формальность. В целом, поначалу он относился к ним с добротой и приветливостью, обычным отношением князей церкви, когда им нужно достичь цели. Он заверил их, что с ними ничего не случится; что он вызвал их просто для того, чтобы убедиться, есть ли хоть доля правды в заявлении Джеронимо о том, что Талмуд подтверждает мессианский характер Иисуса, и он пообещал им полную свободу слова. В конце первой аудиенции он милостиво отпустил их, выделил каждому из знатных особ покой и дал указания позаботиться об их комфорте. Некоторые предсказывали, что этот дружеский прием принесет успех им самим и их делу, но они мало что знали о Риме и наместниках Бога.

Через несколько дней начался диспут. Когда еврейская знать вошла в зал для аудиенций, они были поражены великолепием сцены: папа Бенедикт восседал на возвышении, облаченный в свои парадные одежды; вокруг него кардиналы и князья церкви, блистающие в украшенных драгоценными камнями облачениях; за ними почти тысяча слушателей самых высоких рангов. Небольшая кучка защитников иудаизма трепетала перед этим внушительным и уверенным в себе строем сил христианства. Председательствовал сам папа римский, который открыл заседание обращением к евреям. Он сообщил им, что истинность ни иудаизма, ни христианства не должна подвергаться сомнению, поскольку христианская вера не подлежит обсуждению и неоспорима, а иудаизм когда-то был истинным, но был отменен более поздним устройством. Спор был бы ограничен единственным вопросом, признавал ли Талмуд Иисуса Мессией. Следовательно, евреи были ограничены простой защитой. По знаку папы вперед выступил новообращенный Джеронимо и, поприветствовав папский палец, произнес многословную речь, изобилующую христианскими, иудейскими и даже схоластическими тонкостями и полную восхвалений великодушия и милосердия папы, стремящегося наставить евреев на путь спасения. Его текстом, примененным к евреям, был стих из книги Исая: "Если вы будете желать и послушны, то будете вкушать блага земли; но если вы откажетесь и взбунтуетесь, то будете пожраны мечом", — который раскрывал последний аргумент церкви. В ответ Видаль Бенвенисте, избранный представителем знати, произнес речь на латыни, которая вызвала комплимент со стороны папы римского. Дон Видаль разоблачил злобность Джеронимо, угрожавшего мечом и другими карами, еще до того, как были услышаны аргументы обеих сторон. Папа признал справедливость упрека и сказал в оправдание, что Джеронимо все еще отличался грубостью, проистекающей из его еврейского происхождения. Знатные люди набрались смелости обратиться к папе с просьбой освободить их от дальнейших споров, мотивируя это тем, что их оппонент использовал схоластические методы рассуждения, в которых они не могли следовать ему, поскольку их вера была основана не на силлогизмах, а на

традиции. Папа, естественно, отказался удовлетворить эту просьбу, но пригласил их продолжить обсуждение на следующий день и приказал, чтобы офицеры высокого ранга сопровождали их в их покои.

Охваченные тревогой, еврейская знать и вся община Тортосы собрались в синагоге, чтобы молить о помощи Того, кто так часто поддерживал их отцов в трудную минуту, и молиться о том, чтобы в их уста были вложены приемлемые слова, чтобы они ни в коем случае не спровоцировали диких зверей, стремящихся сожрать их. Серачья Халеви Саладин выразил мрачные чувства прихожан в своей проповеди.

Какое-то время полемика сохраняла свой дружественный характер. Джеронимо процитировал малоизвестные агадические отрывки из Талмуда и других еврейских писаний, чтобы подтвердить свое поразительное утверждение о том, что Талмуд свидетельствует о том, что Иисус был Мессией. Обычно папа председательствовал на диспутах, но иногда серьезные дела, влияющие на его собственное положение, требовали его отсутствия. Сохранение его достоинства оказалось под угрозой из-за созыва христианскими князьями Констанцкого собора, который сам по себе был верховным судом в конфликте между тремя папами. Следовательно, Бенедикту приходилось часто консультироваться со своими друзьями. В этих случаях его место занимал генерал доминиканцев или камергер папского дворца. Доказательства, приведенные Джеронимо в поддержку своих заявлений, были настолько абсурдны, что еврейским делегатам должно было быть легко опровергнуть их. Но их слова были умышленно неверно истолкованы, так что в нескольких случаях в протоколе было зафиксировано, что они согласились с обсуждаемым пунктом. Впоследствии некоторые из них опубликовали свои опровержения в письменном виде; но они по-прежнему подвергались произвольному обращению. Некоторые поднятые ими вопросы были осуждены как не относящиеся к обсуждению. Еврейские делегаты, которые вступили в спор с неохотой, были измотаны разговорами и насмешками и стремились избежать ответных реплик. Внезапно папа отбросил свою маску дружелюбия и показал свой истинный настрой, пригрозив им смертью. Шестьдесят два дня длилась война языков, а представители иудаизма не проявляли никаких признаков обращения, на которое они возлагали большие надежды. Их сила сопротивления, казалось, росла по мере сражения. Итак, на шестьдесят третьем заседании папа римский изменил свою тактику. По его приказу Джеронимо теперь выступил в качестве цензора Талмуда, обвинив его в содержании всевозможных мерзостей, богохульства, безнравственности и ереси и потребовав его осуждения. Несколько новохристиан, среди них Андреас Бельтран (Бертран) из Валенсии, раздающий милостыню папе, доблестно поддержали это требование.

Джеронимо подготовил по просьбе папы трактат с этой целью. Он собрал все экстравагантные высказывания, случайно произнесенные одним или двумя из сотен агадистов, фигурирующих в Талмуде. Бесстыдная злоба или невежество продиктовали явно ложные обвинения против Талмуда. Таким образом, он заявил, что оно допускает избиение родителей, богохульство и идолопоклонство, а также нарушение клятв при условии, что в предыдущий День Искупления были приняты меры предосторожности для признания их недействительными.

Добросовестность в отношении клятв и обетов он, таким образом, истолковал как вероломство и, подобно Николас-Донину, пришел к выводу, что евреи не выполняли своих обязательств по отношению к христианам. Конечно, он возродил клевету Альфонсо Вальядолидского о том, что евреи проклинали христиан в своих ежедневных молитвах. Каждое враждебное упоминание в Талмуде язычников или иудео-христиан Джеронимо интерпретировал как относящееся к

христианам, выдумку с катастрофическими последствиями, поскольку враги евреев повторяли эти смертельные обвинения без дальнейшего расследования. Когда нападки на Талмуд неожиданно стали предметом обсуждения, еврейские представители защищали выдвинутые обвинения, но подверглись такому жесткому давлению, что разделились на две партии. Дон Аструк Леви подал письменное заявление, в котором говорилось, что он не придает никакого значения цитируемым приговорам Агады, изобличающим Талмуд; что он считает их ничтожными и отказывается от них. Большинство знати поддержало его. Чтобы спасти жизнь целого, они пожертвовали конечностью. Только Джозеф Альбо и Феррер (Дон Видаль) настаивали на своем, заявляя, что Талмудическая Агада была компетентным органом и что двусмысленные отрывки имели значение, отличное от того, которое им приписывали, и их не следует толковать буквально. Таким образом, махинации папы римского и его приспешников, по крайней мере, привели к расколу в рядах защитников иудаизма.

Главная цель спора — массовое *обращение евреев* в христианство на примере их наиболее выдающихся лидеров — не была достигнута. Все использованные средства потерпели неудачу — благожелательный прием, угрозы насилия, нападки на еврейские убеждения. Также был опробован прием, рассчитанный исключительно на эффект, который, как считалось, настолько унизит знатных людей, что, ошеломленные и подавленные, они побросают оружие и сдадутся по собственному усмотрению. Фанатичный прозелит Винсент Феррер вернулся с Майорки в Каталонию и Арагон и, окруженный своей внушающей ужас бандой флагеллантов, возобновил свою миссию среди евреев под мрачные песнопения и пламенные призывы принять крест. И снова ему удалось привлечь к христианству многие тысячи людей. В крупных еврейских общинах Сарагосы, Калатахуда, Дароки, Фраги и Барбастро обращение было ограничено отдельными лицами; но более мелкие общины, такие как общины Альканьиса, Каспе, Маэллы, Лериды, Алколеи и Тамарите, окруженные враждебно настроенными христианами, которые, не щадя ни конечностей, ни жизни, всем скопом перешли в христианство. Все эти прозелиты постепенно были доставлены малыми и большими отрядами в Тортосу и по приказу папы были проведены в зал аудиенций, где перед всем собранием они публично исповедали христианскую веру. Живые трофеи, они должны были затмить надвигающуюся победу церкви, обескуражить защитников иудаизма и внушить им убеждение, что, поскольку в их отсутствие еврейские общины тают, всякое сопротивление с их стороны было напрасным. Немалая заслуга в том, что дон Видаль, Джозеф Альбо, Астру Леви и их товарищи отказались уступить давлению. Папа увидел, что его надежды рухнули. Ни один заметный человек не дрогнул, и обращения больших масс не произошло. Великие общины Арагона и Каталонии остались верны своей вере, за исключением нескольких слабаков, среди которых были родственники Видаля Бенвенисте. Вскоре должен был собраться Констанцский собор, и Бенедикт не смог бы предстать перед ним как триумфальный победитель иудаизма — у него не было бы особых претензий на предпочтение перед двумя другими конкурирующими папами.

В своем разочаровании он излил свою злобу на Талмуд и без того ограниченные свободы евреев. На последнем заседании диспута он окинул еврейскую знать мрачным взглядом, по которому они легко разгадали его злые намерения. Различные препятствия мешали ему ввести их в действие в течение шести месяцев, когда (11 мая 1415 г.) они были воплощены в булле из одиннадцати пунктов. Евреям было запрещено изучать или преподавать Талмуд и талмудическую литературу; все экземпляры Талмуда подлежали розыску и конфискации. Антихристианские произведения, написанные евреями, особенно одно под названием "Мар Мар Иисус", нельзя было читать под страхом наказания за богохульство. Каждой общине,

большой или малой, было запрещено иметь более одной простой, плохо оборудованной синагоги. Евреи должны были быть строго отделены от христиан, им не разрешалось есть, мыться или вести с ними дела. Они не должны были занимать никаких официальных должностей, заниматься ремеслами и даже медициной. Ношение красного или желтого еврейского значка также предписывалось этой буллой. Наконец, всех евреев должны были заставить слушать христианские проповеди три раза в год — во время Адвента, на Пасху и летом. В первой проповеди пророки и Талмуд должны были быть использованы для доказательства прихода истинного Мессии; во второй их внимание должно было быть направлено на мерзости и ереси, содержащиеся, согласно трактату Джеронимо, в Талмуде, которые одни ответственны за их неверие; и в третьей им должно было быть внушено, что разрушение храма и рассеяние еврейского народа были предсказаны основателем христианства. В конце каждой проповеди булла должна была зачитываться вслух. Строгое исполнение этого зловещего эдикта папа поручил Гонсало де Санта-Марии, сыну отступника Павла, который был обращен в христианство своим отцом.

К счастью, мстительные планы папы Бенедикта так и не были приведены в действие. Пока он все еще занимался истязаниями евреев, Констанцский собор постановил низложить его. Поскольку он упрямо воспротивился совету короля дона Фердинанда и германского императора Сигизмунда снять тиару по собственной инициативе, он был оставлен своими испанскими покровителями. Оружие, которое он применил, обратилось против него самого. Фанатичные проповеди Винсента Феррера отвратили от него последних сторонников. Священник—флагеллант не только призывал короля Арагона отречься от "этого лишенного сана и фальшивого папы", но и повсюду — в церквях и на открытых улицах - заявлял, что "такой человек, как этот папа, заслуживает того, чтобы каждый благомыслящий христианин преследовал его до смерти". Покинутый своими защитниками, друзьями и даже протее, Педро де Луна остался теперь из всех своих владений только в маленькой крепости Пеньискола, и даже здесь король Фердинанд, подстрекаемый Санта-Марией, ставленником папы, пригрозил ему осадой. В конце концов этот амбициозный и упрямый человек выставил себя на посмешище, пытаясь продолжать играть роль папы римского в своем крошечном дворце. Он назначил коллегия из четырех кардиналов и пообещал им перед своей смертью не признавать папу, избранного в Констанце, но выбрать преемника из числа своих собственных членов. Когда он умер, его коллегия избрала двух пап вместо одного. Такова была непогрешимость церкви, в черту которой евреев пытались загнать. Что стало со злонамеренным отступником Джошуа Лорки-Джеронимо де Санта-Фе после падения его учителя, неизвестно. В еврейских кругах он запомнился заслуженным прозвищем "Клеветник" (Megadef). Король Фердинанд Арагонский, который всегда поддавался влиянию врагов евреев, умер в 1416 году. За его смертью, через короткий промежуток времени, последовала смерть ненавидящей евреев регентши Каталины Кастильской, орудия охоты Винсента на евреев (1418), и, наконец, смерть самого Винсента (1419), который испытал унижение, увидев, как движение флагеллантов, которому он был обязан своей святой репутацией, было осуждено Констанцским собором, а сам он был вынужден распустить свой "белый отряд".

Хотя главные преследователи евреев исчезли, созданные ими несчастливые условия остались. Исключительные законы Кастилии и булла папы Бенедикта все еще действовали. Кампании Феррера по обращению в свою веру нанесли серьезный ущерб испанскому и даже иностранному населению. Только в Португалии они не увенчались успехом. У португальского правителя дона Жуана I были и другие интересы, помимо обращения евреев. Затем он был занят

этим первым завоеванием побережья Африки, противоположного Португалии, которое заложило основу последующего морского господства португальцев. Когда Винсент Феррер обратился к королю Жуану с просьбой разрешить ему приехать в Португалию, чтобы огласить кафедры и улицы своими мрачными речами о греховности мира, слепоте и упрямстве евреев, португальский король сообщил ему, что он "может приехать, но с короной из раскаленного железа на голове". Португалия была единственным убежищем на Пиренейском полуострове от прозелитической ярости проповедника-флагелланта, и многие испанские евреи, у которых были средства к бегству, бежали туда. Дон Джуда Ибн Яхья-Негро, пользовавшийся большим уважением короля Жуана I и, возможно, назначенный им главным раввином Португалии, рассказал ему об ужасах принудительного крещения и необходимой неискренности исповеданий невольных новообращенных. Следовательно, король отдал приказ о том, чтобы иммигранты-новохристиане не подвергались вмешательству и не доставлялись в Испанию.

В других частях Европы, где побывал фанатичный доминиканец или куда дошли слухи о его деяниях, евреи были вынуждены осушить чашу горечи до дна. В Савойе, которую посетил Винсент Феррер, они были вынуждены прятаться со своими священными книгами в горных пещерах. В Германии преследования евреев всегда находили благоприятную почву, и им способствовала анархия, царившая во время правления Сигизмунда и заседаний Констанцского собора. Даже итальянские общины, хотя по большей части и были спокойны, жили в постоянной тревоге, как бы движение не задело чувствительную струну в их политически озабоченной стране. Они созвали большой синод, сначала в Болонье, затем в Форли (1416-1418), чтобы рассмотреть, какие меры можно было бы принять для предотвращения угрожающей опасности.

К счастью, в этот момент, после долгого раскола, ожесточенной борьбы и множества антипап, Констанцкий собор избрал папу, который, хотя и был полон лицемерия, не был самым опустившимся в коллегии кардиналов. Мартин V, который, по словам его современников, казался простым и добрым до своего избрания, но впоследствии показал себя очень умным и не очень добрым, принял евреев без особой любезности, когда во время его путешествия по Констанцу они подошли к нему с зажженными свечами в праздничной процессии и предложили ему Тору с молитвой о подтверждении их терпения. Сидя на своем белом коне с шелковой и золотой сбруей, он ответил им: "У вас есть закон, но вы его не понимаете. Старое ушло, и найдено новое". (Слепые придираются к видящим.) И все же он относился к ним со снисхождением. По просьбе императора Сигизмунда он подтвердил привилегии, предоставленные евреям Германии и Савойи предыдущим императором Рупертом, осудив нападения на их личность и имущество, а также практику обращения их силой. Император, которого можно обвинить в легкомыслии, но не в духе преследования, вслед за этим отдал приказ всем немецким князьям и магистратам, городам и подданным позволить его "servi camerae" в полной мере пользоваться привилегиями и иммунитетами, которые были даны им папой (26 февраля 1418 г.). Депутация евреев, созданная по заказу итальянского синода, также прислуживала теперь общепризнанному папе и просила его защиты. Даже испанские евреи, по-видимому, направили к нему посольство, состоящее из двух своих самых выдающихся людей, дона Самуэля Абрабанеля и дона Самуэля Галеви. Когда евреи пожаловались на ненадежность своей жизни, посягательства на их религиозные убеждения и частое осквернение их святынь, папа римский издал буллу (31 января 1419 г.) со следующей преамбулой:

"Принимая во внимание, что евреи созданы по образу Божьему, и остаток их однажды будет спасен, и принимая во внимание, что они просили нашей защиты, следуя по стопам наших предшественников, мы приказываем, чтобы к ним не приставали в их синагогах; чтобы их законы, права и обычаи не подвергались нападкам; чтобы их не крестили насильно, не принуждали соблюдать христианские праздники или носить новые значки, и чтобы им не препятствовали в их деловых отношениях с христианами".

Что могло побудить папу Мартина проявить такое дружелюбие к евреям? Вероятно, у него была какая-то идея поставить мат ненавидящему евреев Бенедикту, который все еще изображал из себя папу в своем темном углу. Главным соображением, вероятно, были богатые подарки, с которыми еврейские представители обратились к нему. Хотя на Констанцском соборе ни один кардинал не был беднее Мартина, и его избрание было во многом обусловлено этим фактом, на троне Святого Петра он не проявлял отвращения к деньгам. Напротив, от него можно было получить все, если бы были выплачены деньги; без этого - ничего.

ГЛАВА VII. ГУСИТЫ. РАЗВИТИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Гуситская ересь —Последствия для евреев, вовлеченных в Борьбу—Якоб Мелин—Авраам Бенвенист и Джозеф Ибн-Шем Тоб на службе кастильского двора—Исаак Кампантон, поэт Соломон Дафьера—Моисей Да Риети—Антихристианская полемическая литература—Хаим Ибн—Муса-Симон Дюран и его сын Соломон—Джозеф Альбо как религиозный философ—Еврейские философские системы—Эдикт Базельского собора против евреев—Вспышки фанатизма на Майорке—Аструк Сибили и его Обращение в христианство.

1420–1442 С.Е.

Тем временем история получила новый импульс, который, хотя и исходил из слабых рук, привел к движению вперед. Распространяющаяся коррупция в церкви, самообожествляющее высокомерие пап и распущенность священников и монахов возмутили нравственные чувства людей, открыли им глаза и побудили их усомниться в самих основах римско-католической системы. От князей церкви, юристов и дипломатов, собравшихся на совет в Констанце, чтобы обсудить план основательной реформы, нельзя было ожидать никаких улучшений. Они преследовали только мирскую цель, стремясь замаскировать царящую гниль, передав папскую власть высшим церковникам, заменив папский абсолютизм правлением аристократической иерархии. Чешский священник Ян Гус из Праги, вдохновленный учением Уиклифа, произнес волшебное слово, которое ослабило узы, которыми церковь опутала умы людей. "Не тот или иной папа, - фактически сказал он, - а папство и вся организация католической церкви представляют собой основное зло, от которого страдает христианский мир". Пламя, на которое Констанцкий собор приговорил этого мужественного священника, лишь осветило истину, которую он произнес. Они уволили множество людей в Богемии, которые вступили в борьбу не на жизнь, а на смерть с католицизмом. Всякий раз, когда какая-либо партия в христианском мире противопоставляет себя правящей церкви, она приобретает оттенок ветхозаветного, не

чтобы сказать еврейского, духа. Гуситы не без основания считали католицизм язычеством, а себя израильтянами, которые должны вести священную войну против филистимлян, моавитян и аммонитян. Церкви и монастыри были для них святилищами распутного идолопоклонства, храмами Ваала и Молоха и рощами Аштарота, подлежащими уничтожению огнем и мечом. Гуситская война, хотя и была в значительной степени вызвана взаимной расовой ненавистью чехов и немцев и религиозным негодованием, в какой-то мере положила начало работе по очищению церковной доктрины от ее мефистофельских элементов.

Для евреев это движение было решительно пагубным, ответственность за которое должна лежать не на диких гуситах, а на католическом фанатизме, поднятом против новой ереси. Первые мало что выходили за рамки обвинений в еврейском ростовщичестве; самое большее, грабили еврейские дома вместе с католическими. Об особой враждебности гуситов к евреям свидетельств не поступало. С другой стороны, католики обвиняли евреев в тайном снабжении гуситов деньгами и оружием; а в баварских городах близ Бемервальда они немилосердно преследовали их как друзей и союзников еретиков. Доминиканцы — "армия антихриста", как их называли, — включили евреев в свои яростные обличения гуситов с кафедр и настроили против них народ и князей. Крестовые походы против гуситов, как и против магометан и вальденсов, начались с массовых убийств евреев. Возрожденный фанатизм впервые затронул евреев Австрии — страны, которая, как и Испания, перешла от либеральной терпимости к евреям к преследованиям и по своему фанатизму настолько приблизилась к Иберийскому королевству, что в конечном итоге присоединилась к нему. Разум эрцгерцога Альберта, серьезного и исполненного благих намерений принца, был систематически наполнен ненавистью к "врагам Божиим". Придумывалась басня за басней, которых, лишенных даже оригинальности, было достаточно, чтобы довести до крайних мер человека с чистым характером, не подозревавшего о лживых уловках ненавистников евреев. Трое детей-христиан катались на коньках в Вене; лед проломился, и они утонули. Когда встревоженным родителям не удалось их найти, распространился злонамеренный слух, что они были зарезаны евреями, которым потребовалась их кровь для последующего празднования Пасхи. Затем еврею было предъявлено обвинение в преступлении, рассчитанном на то, чтобы еще больше разозлить население. Говорили, что жена ризничего из Энса похитила освященную святыню из церкви и продала ее богатому еврею по имени Израэль, который разослал ее большому количеству еврейских общин в Австрии и за ее пределами. Обвинения в еврейских убийствах христианских детей и еврейском осквернении хозяев не утратили своего очарования и в пятнадцатом веке, и их изобретатели могли с точностью рассчитать их эффект. По приказу эрцгерцога жена ризничего и два ее сообщника или соблазнителя, Израэль и его жена, были доставлены в Вену, допрошены и вынуждены признаться. В материалах дела ничего не говорится о средствах, использованных для получения признания вины; но процедура средневекового христианского мира в таких судебных процессах хорошо известна.

Эрцгерцог Альберт издал приказ о том, что рано утром 23 мая 1420 года (10 сивана) все евреи в его королевстве должны быть брошены в тюрьму, и это было незамедлительно сделано. Богатых евреев лишили их имущества, а бедняков немедленно изгнали из страны. В тюрьмах жены были разлучены со своими мужьями, а дети - со своими родителями. Когда от беспомощности они впадали в отчаяние, христианские священники приходили к ним с крестами в руках и сладкими словами на устах, чтобы обратить их. Несколько самых слабодушных спасли свои жизни, приняв крещение. Более решительные убили себя и своих родственников, вскрыв себе вены ремнями, веревками или чем попало под руку. Дух выживших был сломлен длительностью и

жестокостью их заключения. У них забрали их детей и замуровали в монастырях. Тем не менее они оставались непоколебимыми, и 13 марта (9 Нисана) 1421 года, после почти годичного заточения, они были преданы огню. Только в Вене более сотни человек погибло на одном поле у Дуная. Затем эрцгерцог Альберт издал другой приказ, запрещающий евреям впредь оставаться в Австрии.

Обращенные не принесли никакой пользы церкви. Большинство воспользовалось первой возможностью эмигрировать и вернуться в иудаизм. Они направили свои стопы в Богемию, ставшую терпимой из-за гуситского раскола, или на север, в Польшу, и на юг, в Италию. Насколько австрийские евреи были привязаны к своей религии, показывает поведение одного умного юноши. Приняв крещение, он стал фаворитом герцога Фридриха, впоследствии германского императора, но, хотя жил в роскоши, его охватили угрызения совести за свое отступничество, и он смело выразил свое желание вернуться в иудаизм. Фредерик приложил все усилия, чтобы отговорить своего фаворита от этой идеи. Он просил, умолял и даже угрожал ему; он послал священника посоветовать ему; все, однако, было напрасно. Наконец, герцог передал "упрямого еретика и отступника" церковным властям, которые приговорили его к сожжению на костре. Раскованный, с песней на иврите на устах, еврейский юноша взошел на эшафот.

Тем временем разразилась опустошительная война между свирепыми гуситами и не менее варварскими римскими католиками, между чехами и немцами. Самые разные национальности участвовали в кровопролитной борьбе за использование чаши мирянами в евхаристии. Император Сигизмунд, который считал невозможным подавить восстание своими собственными войсками, призвал императорскую армию под свои знамена. Дикие вольнонаемные воины из Брабанта и Голландии поступали к нему на жалованье. Вооруженные отряды со всех сторон хлынули в богемские долины и на столицу Прагу, где слепой герой Зиска бросил вызов миру врагов. По пути германская имперская армия демонстрировала свое мужество, нападая на незащищенных евреев. "Мы идем издалека, - воскликнули наемники, - чтобы отомстить за нашего оскорбленного Бога, и будут ли пощажены те, кто убил его?" Где бы они ни сталкивались с еврейскими общинами - на Рейне, в Тюрингии и Баварии, - они предавали их мечу или принуждали к вероотступничеству. Крестоносцы угрожали, вернувшись с победой над гуситами, стереть еврейский народ с лица земли. Еврейские отцы семейств, верные своей вере, отдавали приказы убивать своих детей по определенному сигналу, чтобы они не попали в руки кровожадных солдат. Письма с жалобами по поводу грозящей катастрофы, призывающие его молить о вмешательстве небес, были адресованы отовсюду знаменитому раввину Майнца Якову бен Мозесу Мелину Халеви (Махарил, родился в 1365 году, умер в 1427 году), самому благочестивому раввину своего времени. Его аранжировка синагогального ритуала и мелодий используется по сей день во многих немецких общинах и их колониях в Польше и Венгрии. Яков Мелин приказал объявить всеобщий пост, сопровождаемый горячей молитвой, и его наставления передавались от одной общины к другой по всей стране. Немецкие общины немедленно собрались для торжественного оплакивания и унижения и постились в течение четырех дней между Новым годом и Искуплением (8-11 сентября 1421 г.) и в течение трех последовательных дней после Кущей, соблюдая их так же строго, как в самые священные постные дни еврейского календаря. Это было время лихорадочного напряжения для немецких евреев. В своем отчаянии они молились о том, чтобы победа досталась гуситам, и, казалось, их мольбы были услышаны. Ибо вскоре после этого имперская армия и ее союзники-наемники, собравшиеся близ Саатца, были охвачены таким ужасом при известии о приближении Зиски,

что искали спасения в беспорядочном бегстве, рассеиваясь во всех направлениях и спеша домой разными путями. Измученные голодом и со стертыми ногами, несколько тех самых людей, которые поклялись евреям в смерти и истреблении, появились у дверей их домов, прося хлеба, который им с радостью дали. Лишения настолько ослабили беглецов, что они не смогли бы причинить вреда ребенку.

Доминиканское духовенство, которому было поручено проповедовать против гуситов, не переставало разжигать ненависть католиков к евреям. Со своих кафедр они громыхали как против еретиков, так и против евреев, предостерегая верующих от общения с ними и сознательно или бессознательно подстрекая к нападкам на их личность и имущество. Евреи обратились за помощью к папе Мартину V - несомненно, не с пустыми руками — и снова получили очень благоприятную буллу (23 февраля 1422 г.), в которой христианам предписывалось помнить, что их религия была унаследована от евреев, которые были необходимы для подтверждения христианской истины. Папа запретил монахам проповедовать против общения между евреями и христианами и объявил недействительным запрет, которым угрожали нарушителям. Он рекомендовал католикам дружелюбно и благожелательно относиться к своим еврейским согражданам, сурово осудил насильственные нападения на них и подтвердил все привилегии, которые время от времени предоставлял папский престол. Однако эта булла оказалась столь же неэффективной, как и защита, которую император Сигизмунд так торжественно обещал евреям. Дух преследования продолжал одушевлять христианскую церковь. Монахи не переставали выступать с речами против "проклятого" еврейского народа; население не воздерживалось от мучений, нанесения увечий и убийств евреям; даже сменявшие друг друга папы проигнорировали буллу и восстановили отвратительные канонические ограничения во всей их строгости. Игнорируя как папу, так и императора, жители Кельна изгнали еврейскую общину, возможно, старейшую в Германии. Изгнанники поселились в Дейце (1426). В южногерманских городах Равенсбурге, Юберлингене и Линдау евреи были сожжены из-за лживого обвинения в крови (1431).

Литературное творчество немецких евреев, как следствие, было бедным и незначительным. Тревога и преследования притупили их интеллект. Даже в изучении талмуда немецкие раввины едва ли поднялись над посредственностью и не дали миру ничего значимого. Некоторые раввины были назначены правящим принцем; по крайней мере, император Сигизмунд поручил одному из своих еврейских агентов, Хаиму из Ландсхута, "назначить трех раввинов (юденмейстеров) в Германии". При таких условиях назначения, вероятно, определялись не столько заслугами, сколько деньгами. За колледж, в котором студентов готовили для раввината, приходилось платить большой налог, несмотря на то, что обучение давалось безвозмездно. Помимо Якоба Мелина, только одно значимое имя всплывает из темноты этого периода - Менахем Мерзебургский, или, как его обычно называли, Мейл Цедек. Он написал всеобъемлющую работу о практике талмудического брака и гражданского права, которую саксонские общины приняли за свое авторитетное руководство. Он, по крайней мере, отошел от проторенной дорожки своих старших современников или учителей, Якоба Мелина и Исаака Тырнау, которые придавали значение каждой незначительной детали литургии. Мало-помалу Менахем из Мерзебурга был признан авторитетом, и составленный им превосходный регламент получил всеобщее одобрение. Среди евреев того периода браки заключались в очень раннем возрасте; девочек-подростков торопили вступить в брак. Согласно талмудическому закону, несовершеннолетней девушке, выданной замуж своей матерью или братьями, а не отцом, разрешалось по достижении совершеннолетия, на двенадцатом году жизни, и даже намного

позже, при некоторых обстоятельствах, расторгнуть свой союз без дальнейших церемоний, кроме заявления о своем намерении сделать это или заключения другого брака (Миун). Менахем Мерзебургский счел неприличным столь внезапное и часто капризное расторжение брака и решил, что следует потребовать официального расторжения брака.

Литературные достижения испанских евреев в этот период не носили более высокого характера; они демонстрировали явные признаки упадка, несмотря на то, что их положение стало более сносным после смерти фанатичной и распутной королевы-регентши Каталины и падения антипапы Бенедикта XIII и его еврейских сообщников. Дон Хуан II — или, скорее, его фаворит Альваро де Луна, которому было доверено управление государством, — слишком сильно нуждался в помощи еврейских финансистов во время часто повторяющихся гражданских войн и восстаний, чтобы сделать что-либо, что могло бы их оскорбить. Следовательно, во время его правления ограничительные законы против евреев, по-видимому, были приняты только для того, чтобы быть нарушенными. Евреи снова были допущены к государственной службе, несмотря на то, что такие назначения были строго запрещены как королями, так и папами. Влиятельный еврей Абрахам Бенвенист по прозвищу Сеньор, отличавшийся умом и богатством, был облечен высоким саном при дворе Дона Хуана и, таким образом, имел возможность предотвратить угрожавшие ему преследования своих единоверцев. Также Джозеф бен Шем Тоб Ибн-Шем Тоб, культурный и плодотворный писатель, сведущий в философских исследованиях, находился на государственной службе при Хуане II. С одной стороны, кортесы не преминули напомнить королю, что по законам его отца и папским указам евреи были отстранены от государственных должностей, а, с другой стороны, папа Евгений IV, преемник Мартина V, прилагал все усилия, чтобы унижить евреев и ужесточить их участь, даже запретив дону Хуану дружить с ними; но эти представления были бесполезны. Бургосским кортесам король уклончиво ответил, что он распорядится провести проверку законов, изданных в отношении евреев его отцом, и папских булл, и он позаботится о соблюдении всего, что направлено на содействие служению Богу и благосостоянию государства. Против вмешательства папы в его права на корону он подал протест.

Этот король разрешил не менее знатному, чем богатому раввину Аврааму Бенвенисте провести встречу делегатов от различных общин в королевском дворце Авилы (1432). Эти делегаты должны были внести гармонию в состояние морального и религиозного беспорядка, вызванного нападениями народных масс в 1412-1415 годах. Небольшие общины остались без учителей, а крупные - без раввинов и проповедников. Многие из них были доведены до нищеты, а более богатые прихожане не желали вносить свой вклад в поддержку религиозных институтов. Злые пути и доносы со стороны недобросовестных людей взяли верх, потому что представительные люди и немногочисленные раввины не осмелились наказать злодеев. Поэтому Абрахам Бенвенист разработал закон (закон Авилы), который обязывал людей открывать школы и колледжи, наводить порядок в общинах и наказывать негодяев. Хуан II подтвердил этот статут.

Литература испанских евреев, однако, была бессильна восстановиться. Несмотря на затишье, последовавшее за бурей, казалось, что она увядает, как осенние листья. Спад был наиболее заметен на факультете изучения талмуда. После эмиграции Исаака бен Шешета и смерти Хасдая Крескаса ни один испанский раввин не приобрел большего авторитета, чем местный авторитет и репутация. Единственным приверженцем традиций раввината был Исаак бен Якоб Кампантон, который прожил более ста лет (родился в 1360 году, умер в Пеньяфиэле в 1463 году);

но он создал только одно произведение (Дарке ха-Талмуд), в котором не было ни гениальности, ни учености. Тем не менее, в свое время Кампантон слыл гаоном Кастилии. Неоеврейская поэзия, которая так обильно цвела на испанской земле, поблекла и поникла. Из тех, кто культивировал его в тот период, запомнились лишь немногие — Соломон Дафьера, Дон Видадь Бенвенисте, ведущий оратор от еврейской стороны на диспуте в Тортосе, и Соломон Бонфед. Самым одаренным был последний. Он был честолюбив и хотел подражать Ибн-Гебиролю; но он обладал лишь чувствительностью и угрюмостью своего великого подражателя, подобно ему воображавшего себя баловнем судьбы с непреложным правом на скорбь.

Евреи Италии не смогли отличиться в поэзии даже во времена Медичи, несмотря на высокую культуру, которая вместе с гуситским движением подтачивала основы средневекового католицизма. Со времен Эммануила Роми евреи Италии произвели на свет всего одного поэта; даже он не был поэтом в самом благородном смысле этого слова. Моисей бен Исаак (Гаджо) да Риети из Перуджи (родился в 1388 году, умер после 1451 года), врач по профессии, любитель философии и изящный писатель как на иврите, так и на итальянском, мог бы сойти за художника, если бы поэзия состояла из метра и рифмы, поскольку в его возвышенно задуманном стихотворении и то, и другое было безупречно. Его желанием было прославить в поэзии иудаизм и еврейскую древность, науки и выдающихся людей всех эпох. Он использовал оригинальную форму стихотворения, в которой строфы были соединены по три с помощью перекрестных рифм. Но язык Да Риети часто груб, многие его намеки свидетельствуют о недостатке вкуса, и там, где он должен был бы возвыситься до возвышенных мыслей, он впадает в ребячество. Только в одном отношении его творчество знаменует прогресс в неоеврейской поэзии. Он полностью порывает с традиционным иудео-арабским методом единственной рифмы. В его стихосложении есть разнообразие; слух не утомляется монотонным повторением одних и тех же или похожих звуков, и строки естественным образом складываются в строфы. Он также избегает обыгрывать библейские стихи - предосудительную привычку иудео-испанских поэтов. Одним словом, Да Риети придал правильную форму неоеврейской поэзии, но он не смог придать ей привлекательный дух. Тем не менее, итальянские евреи включили часть его стихотворения в свою литургию и ежедневно декламировали отрывки.

С Апеннинского полуострова давайте вернемся к Пиренеям, где пульсация исторической жизни среди евреев, хотя и постепенно ослабевала, все же была сильнее, чем в других странах, в которых они были рассеяны. Две отрасли интеллектуальной деятельности, которые раньше, в дни своего расцвета, занимали умы каждого, — строгое изучение Талмуда и беззаботное стремление к поэтической музе - утратили свое преобладание в испанских евреях. Систематическое изучение Священных Писаний также больше не культивировалось должным образом. Литературная деятельность этого периода была почти исключительно направлена на борьбу с назойливостью церкви, отражение ее нападков на иудаизм и противодействие ее прозелитическому рвению. Верующие и сильные духом еврейские мыслители считали своим долгом громко провозглашать свои убеждения, предостерегать колеблющихся и укреплять их. Чем больше монахи-проповедники, особенно отступники от печати Пауля де Санта-Мария, Джеронимо де Санта-Фе и Педро де ла Кабальерия, прилагали усилия, чтобы доказать, что христианская Троица была истинным Богом Израиля, чему учат и что она олицетворяется в Библии и Талмуде, и чем больше церковь протягивала свои щупальца к евреям, напрягая каждый нерв, чтобы заключить их в свои роковые объятия, тем больше синагоге было

необходимо блюсти свою священную веру и охранять свое святая святых от идолопоклоннического осквернения. Было особенно необходимо, чтобы слабоумные были избавлены от путаницы в религиозных и доктринальных вопросах. Поэтому еврейские проповедники больше, чем когда-либо, посвящали себя изложению доктрины единства Бога со своих кафедр. Они указали на существенное и непримиримое различие между иудейской и христианской концепциями Божества и охарактеризовали их отождествление как ложное и нечестивое. То время напоминало ту другую эпоху в еврейской истории, когда эллинизированные евреи пытались побудить своих братьев отречься от Бога и пользовались поддержкой светской власти. Некоторые проповедники в своем рвении доходили до крайностей. Вместо того чтобы полагаться исключительно на убедительные доказательства в тексте Библии или на привлекательные иллюстрации Агады, они прибегли к арсеналу схоластики, используя философские формулы и в присутствии Торы, еврейских пророков и талмудических мудрецов цитировали Платона, Аристотеля и Аверроэса.

Эта противоречивая литература, распространявшаяся в больших масштабах, была предназначена для защиты иудаизма от клеветы и злоупотреблений, а не для обращения хоть одной христианской души. Его целью было открыть глаза евреям, чтобы невежество или доверчивость не завели их в уготованные им ловушки. Несомненно, он также хотел расшевелить новых христиан и вновь оживить их еврейский дух под маской, которую они приняли, чтобы спасти свои жизни. Следовательно, большинство полемических трудов того времени были просто оправданиями иудаизма от старых обвинений, выдвинутых Николасом де Лира столетием ранее или совсем недавно Джеронимо де Санта-Фе и другими, и широко распространенных христианским духовенством. Соломон-Павел Бургосский, который был назначен епископом своего родного города, написал на восемьдесят втором году жизни (1434, за год до своей смерти) ядовитый трактат против иудаизма — "Исследование Священных Писаний" (*Scrutinium Scripturarum*) - в форме диалога между учителем и его учеником, неверующим Савлом и обращенным Павлом. Соломон-Павел, похоже, не сохранил большей части остроумия, которое, по мнению еврейских и христианских панегиристов, когда-то отличало его - вероятно, оно притупилось среди роскошной непринужденности епископального дворца, — поскольку его трактат, истово христианский и католический по тону, бессмыслен и скучен. Другим бывшим раввином, посвятившим себя нападкам на иудаизм, был Хуан де Эспанья, также называемый Хуаном Старым (из Толедо), новообращенный, который в преклонном возрасте принял христианство под влиянием усилий Винсента Феррера по обращению в свою веру. Он написал трактат о своем собственном обращении и христианский комментарий к семьдесят второму псалму, в обоих из которых он утверждал подлинность своей смены вероучения и призывал евреев отречься от своих заблуждений. Сколько слабоумных евреев, должно быть, находились под влиянием рвения, искреннего или лицемерного, таких людей, как эти, принадлежащих к их собственной расе и изучавших их литературу!

Невозможно преувеличить заслуги людей, которые, глубоко впечатленные серьезностью кризиса, бросились в прорыв, призывая своих единоверцев оставаться верными своему вероучению. Невзирая на грозившие им опасности, они распространяли свои вдохновляющие речи повсюду. Главными среди них были люди, которые отличились на диспуте в Тортосе своей непреклонностью и мужеством в противостоянии неоправданным нападкам на Талмуд — дон Видаль (Феррер) Ибн-Лабби и Джозеф Альбо. Первый составил на иврите опровержение обвинения Джеронимо в нарушении Талмуда (Кодеш ха-Кодашим), а второй распространил на испанском языке отчет о религиозном споре, который он вел с видным церковным сановником.

Исаак бен Калонимос, из образованной провансальской семьи по имени Натан, который много общался с образованными христианами и которому часто приходилось отстаивать свои религиозные убеждения, написал две полемические работы, одну под названием "Исправление лжеучителя", направленную против клеветнического эссе Джеронимо, а другую, под названием "Крепость", неизвестного назначения. Он также составил кропотливую справочную работу, призванную помочь другим в защите иудаизма от нападок. Исааку Натану в его общении с христианами часто приходилось выслушивать критику иудаизма или свидетельства, почерпнутые из еврейской Библии, в пользу христианских догм, которые, как он обнаружил, всегда основывались на ложном переводе еврейских слов. Чтобы положить конец этим иллюзорным наростам преобладающего невежества в отношении оригинального текста Священных Писаний или, по крайней мере, облегчить труды своих братьев по их опровержению, он решил составить всеобъемлющий сборник лингвистических материалов Библии, с помощью которого должно быть прояснено действительное значение каждого слова. Согласно принятому плану, любой может с первого взгляда определить, как часто то или иное слово встречается в Библии, так и его различные значения в зависимости от контекста. Работа, предпринятая таким образом Исааком Натаном, была колоссального масштаба и заняла долгий ряд лет (сентябрь 1437-1445 гг.). Это было библейское соответствие, то есть стихи были сгруппированы в алфавитном порядке под опорными словами в соответствии с корнями и производными. Существующие латинские соответствия служили в какой-то мере образцами, хотя их цель была менее амбициозной - помочь проповедникам находить тексты. Исаак Натан, создавший множество других работ, благодаря этому согласию оказал неоценимую и длительную услугу изучению Библии, хотя его труд был чисто механическим. Возникнув из временных потребностей полемической ситуации, она была и всегда останется мощным оружием, обеспечивающим триумф иудаизма в его борьбе с другими религиозными системами.

Философ Джозеф Ибн-Шем Тоб (родился в 1400 году, принял мученическую смерть в 1460 году), который был объемистым писателем, популярным проповедником и завсегдатаем кастильского двора, также внесен в списки противников христианства, чтобы разоблачить ошибочность и необоснованность его догм. В своем частом общении с видными христианами, как священнослужителями, так и мирянами, он счел необходимым досконально ознакомиться с христианским богословием, чтобы он мог привести убедительные аргументы в ответ тем, кто хотел обратить его в свою веру или в его присутствии часто повторял ложность иудаизма. Время от времени ему навязывали регулярную полемику в защиту своего вероучения. Плоды своих исследований и размышлений он посвятил написанию небольшого трактата, озаглавленного "Сомнения в религии Иисуса", в котором он с беспощадной логикой критиковал догмы о первородном грехе, спасении и Воплощении. Кроме того, он написал в назидание своим братьям подробный комментарий к сатире Профи Дюрана на христианство и предоставил им в распоряжение посредством перевода на иврит полемическую работу Часдая Крескаса против христианской религии, первоначально написанную на испанском. Как ни странно, испанские евреи предпочитали, как правило, книги на иврите книгам на языке страны, которую они приняли.

Среди авторов полемических произведений против христианства особого упоминания заслуживает современник Иосифа Ибн-Шем Тоба. История до сих пор забыла Хаима Ибн Мусу из Бехара, по соседству с Саламанкой (родился около 1390 г., умер около 1460 г.), врача, стихотворца и писателя, который благодаря своим медицинским навыкам имел доступ к испанскому двору и вельможам, а значит, имел частую возможность обсуждать вопросы

доктрины с духовенством и образованными мирянами. Разговорный текст, сохраненный Хаимом Ибн Мусой, иллюстрирует дух, царивший в Испании до того, как ненавистная инквизиция подавила всякую свободу слова. Один ученый священнослужитель однажды спросил Ибн Мусу, почему, если иудаизм, как он утверждал, был истинной верой, евреи не могли сами завладеть Святой Землей и Иерусалимом? Ибн Муса ответил, что они потеряли свою страну из-за грехов своих отцов и могут вернуть ее только совершенным искуплением и очищением. Он, в свою очередь, задал вопрос: почему христиане больше не владеют Гробом Господним? и почему он, вместе со всеми местами, связанными со Страстями, по-прежнему находится в руках неверных магометан, несмотря на то, что христиане посредством исповеди и отпущения грехов и при посредстве ближайшего доступного священника могут в любой момент освободиться от греха? Прежде чем священнослужитель успел придумать подходящий ответ, вмешался рыцарь, который раньше бывал в Палестине: "Магометане - единственный народ, который заслуживает владения местом, где находится Храм и Святая Земля, ибо ни христиане, ни евреи не почитают молитвенные дома так, как они". Христиане в ночь перед Пасхой (Бдения) совершают постыдные мерзости в церквях Иерусалима, предаются разврату, укрывают воров и убийц и ведут кровавую вражду на своей территории. Они позорят свой характер точно так же, как евреи осквернили свой Храм. Поэтому Бог в Своей мудрости лишил евреев и христиан Святого Города и вверил его магометанам, потому что в их руках он защищен от осквернения. На его замечание христианский священник и врач-еврей могли возразить только смущенным молчанием.

Хаим Ибн Муса посвятил себя задаче дискредитации главных источников материалов христианских нападок на иудаизм, трудов францисканца Николаса де Лира. Он не только опроверг утверждения, выдвинутые в этих работах, но и лишил их почвы, на которой они питались. Постоянно повторяющиеся споры между евреями и христианами не приводили ни к каким выводам и оставляли каждую сторону в уверенности, что она одержала победу, потому что они обычно касались второстепенных вопросов, спорщики никогда не обсуждали фундаментальные предпосылки, а пререкались, каждый исходя из своей недоказуемой основы. Хаим Ибн Муса хотел внести метод в эти споры и сформулировать четкие принципы защиты иудаизма. Соответственно, он разработал правила, которые при строгом соблюдении должны были привести к определенному результату. Во-первых, он советовал евреям неизменно придерживаться в споре простого значения Священных Писаний, всегда принимать во внимание контекст и особенно избегать аллегорических или символических методов толкования, которые оставляли христианским полемистам свободу выдвигать произвольные теории. Далее, еврейские спорщики должны были объявить, что они не признают авторитета в вопросах веры ни халдейскому переводу Библии (Таргум), ни греческому (Септуагинта), поскольку они являются источниками ложных доказательств, приводимых христианами. Он посоветовал им отказаться даже от агадической экзегезы и без колебаний заявить, что она не имеет никакого веса при определении доктрин иудаизма. Эти и подобные им правила Хаим Ибн Муса применил к трудам Николаса де Лира, успешно опровергнув их от начала до конца во всеобъемлющем труде, справедливо озаглавленном "Щит и меч".

Антихристианская полемическая литература этого периода была дополнительно обогащена двумя писателями, отцом и сыном, жившими в Алжире, вдали от сцен христианской пропаганды. Но Симон бен Земах Дюран и его сын Соломон Дюран были испанцами по рождению и образованию. В своем философском изложении иудаизма первый посвятил главу христианству, утверждая, в ответ на возражения христиан и магометан, неприкосновенность

Торы. Эта глава, озаглавленная "Лук и щит" и описанная как предназначенная "для защиты и нападения", доказывает утверждение более старых авторов, а совсем недавно и Профи Дюрана, что в намерения Иисуса не входило упразднить иудаизм. Раввин Алжира демонстрирует необычайно широкое знакомство с литературой Нового Завета и доскональное знакомство с церковной доктриной, борется с каждым из них оружием, взятым из его собственного арсенала, и беспощадно критикует.

Соломон Дюран I (родился около 1400 г., умер в 1467 г.), сменивший своего отца в алжирском раввинате, сочетал глубокие знания талмуда с решительной склонностью к рационалистическому пониманию иудаизма. В отличие от своего отца и предка Нахмани, он был заклятым врагом каббалы. При жизни своего отца и по его просьбе он написал опровержение бесстыдных, лживых обвинений, выдвинутых против Талмуда Джеронимо де Санта-Фе. В исчерпывающем трактате ("Письмо о конфликте обязанностей") он резко критикует выходки Джеронимо. Он отвергает обвинение в том, что Талмуд учит разврату, и доказывает, что он действительно прививает крайнее воздержание. Евреи, которые регулируют свою жизнь в соответствии с талмудическими предписаниями, скрупулезно воздерживаются от плотских грехов, испытывая к ним сильное отвращение и с презрением указывая на лиц, виновных в них. Как, спрашивает Соломон Дюран, христиане могут упрекать евреев в нецеломудрии — тех, чьи самые святые люди ежедневно совершают грехи, о которых не смеют упоминать скромные уши и которые вошли в поговорку как "грех монаха" (*peccato dei frati*).

Религиозная философия, которая была доведена до совершенства науки только еврейско-испанскими мыслителями, в этот период получила своих последних приверженцев в Испании. Те же самые люди, которые защищали иудаизм от натиска христианства, защищали его от невежественных евреев, которые хотели изгнать свет и, подобно доминиканцам, желали установить слепую веру на место разума и суждения. Фанатики, такие как Шем Тоб Ибн-Шем Тоб и другие, увлеченные своим узким талмудическим образованием и введенные в заблуждение каббалой, видели в научных исследованиях обходной путь к ереси. Осознав, что по большей части культурные евреи поддались прозелитическим усилиям Винсента Феррера и папы Бенедикта, люди типа Шем Тоба утвердились в своей вере в то, что философская культура, более того, размышления на религиозную тему, безвозвратно ведут к отступничеству. Логическим результатом религиозного осуждения науки стало осуждение Маймуни и всех еврейских мыслителей, которые допускали, чтобы разум имел вес в религиозных вопросах. Выступая против этой формы фанатизма, Джозеф Альбо выступил с полным религиозно-философским трудом (Иккарим, "Фундаментальные учения"), в котором он попытался отделить основные доктрины иудаизма от несущественных и провести границу между верой и ересью.

Джозеф Альбо (родился около 1380 г., умер около 1444 г.) из Монреаля, один из главных представителей иудаизма на диспуте в Тортосе, который, вероятно, из-за нетерпимости папы Бенедикта эмигрировал в Сорию, был врачом и учеником Часдая Крескаса, следовательно, хорошо знаком с физическими науками и философской мыслью своего времени. Хотя он был строгим приверженцем талмудического иудаизма, он, как и его учитель, не чурался философских идей. Более того, он пытался примирить их, не позволяя, конечно, иудаизму ни на йоту уступать место философии. Однако Альбо не обладал глубиной своего учителя; как мыслитель он был поверхностным, банальным и неспособным писать логически последовательно. По совету своих друзей он взялся исследовать, насколько возможна свобода исследования религиозных вопросов в рамках иудаизма. В то же время он хотел зафиксировать

количество символов веры и решить вопрос, было ли правильным число тринадцать, принятое Маймуни, или же его можно было увеличить или уменьшить, не выдвигая справедливого обвинения в ереси против того, кто внес это изменение. Так возникла его религиозно-философская система, последняя на испанской земле. Стиль Альбо сильно отличается от стиля его предшественников. Он был проповедником — одним из самых умных и изящных, — и это обстоятельство оказало заметное влияние на его метод изложения. Это легко, доходчиво, популярно и увлекательно. Альбо умеет объяснить каждую философскую идею с помощью яркой иллюстрации и развить ее, умело используя библейские стихи и агадические афоризмы. То, что его стиль таким образом приобрел, с одной стороны, в понятности и популярности, он потерял, с другой, из-за определенной избыточности и поверхностности.

Примечательно, что Альбо, который думал, что развивает свою религиозно-философскую систему исключительно в исконном духе иудаизма, поставил во главу ее принцип несомненно христианского происхождения; настолько сильно окружение влияет даже на тех, кто прилагает все усилия, чтобы избавиться от такого влияния. Религиозный философ из Сории выдвинул в качестве своей фундаментальной идеи то, что спасение является главной целью человека в этой жизни, и что иудаизм сильно подчеркивает этот аспект религии. Его учитель Часдай Крескас и другие считали целью человека блаженство будущей жизни, которое можно обрести в близости к Божеству и в единении души со всепроникающим духом Божиим. Согласно Альбо, высшее счастье заключается не столько в возвышении души, сколько в ее спасении. Это ядро религиозно-философской системы Альбо. Человек достигает совершенства, к которому он предназначен Богом, только после смерти; для этой высшей жизни его земное существование — всего лишь подготовка. Как он может наилучшим образом использовать свой срок подготовки? Существует три вида институтов для освобождения человека от варварства и его продвижения к цивилизации. Первое — это Естественное право, своего рода общественный договор о воздержании от воровства, грабежа и убийства; второе — это государственное законодательство, которое заботится о порядке и морали; и третье — это Философское право, которое направлено на содействие прочному счастью человека или, по крайней мере, на устранение препятствий на пути его реализации. Все эти институты, даже будучи высокоразвитыми, бессильны способствовать реальному благополучию человека, искуплению его души, его блаженству; ибо они касаются только действий, надлежащего поведения, но ничего не делают для того, чтобы привить взгляды или снабдить принципами, которые должны стать главными движущими силами действия. Если высшей целью человека является вечная жизнь или блаженство после смерти, то должно существовать Божественное Законодательство, без которого человек в этом мире всегда должен был бы блуждать ощупью во тьме и упускать свое высшее предназначение. Это Божественное Законодательство должно обеспечивать все совершенства, отсутствующие в его мирском аналоге. В качестве постулата он должен иметь совершенного Бога, который желает и способен способствовать искуплению человека; далее, он должен свидетельствовать о уверенности в том, что этот Бог открыл неизменный Закон, призванный обеспечить счастье человека; и, наконец, он должен назначить соответствующее воздаяние за действия и намерения. Следовательно, это Божественное Законодательство имеет три фундаментальных принципа: существование Бога, Раскрытие Его Воли и справедливое Возмездие после смерти. Это три столпа, на которых она покоится, и для нее не требуется ничего другого.

Таким образом, согласно Альбо, иудаизм — это дисциплина, направленная на вечное спасение. Это "Божественное законодательство" (Дат Элохит), и, как таковое, включает в себя множество

религиозных законов — 613 по общепринятым подсчетам, — чтобы позволить каждому человеку способствовать своему собственному спасению. Ибо даже единственная религиозная заповедь, исполненная с умом и преданностью, без ментальных оговорок или скрытых мотивов, дает человеку право на спасение. Следовательно, Тора с ее многочисленными предписаниями не предназначена в качестве бремени для своих учеников, и евреям не грозит, как утверждают христианские учителя, проклятие в случае несоблюдения ими всего числа заповедей. Напротив, цель состоит в том, чтобы облегчить путь к высшему совершенству. Следовательно, Агада говорит, что каждый израильтянин имеет долю в Вечной Жизни (Олам ха-ба), ибо каждый может достичь этой цели путем выполнения единственного религиозного долга.

Придя к этому выводу, религиозный философ из Сории ставит вопрос о том, может ли иудаизм когда-либо быть изменен Синайским Откровением, как это было в предыдущие эпохи. Этот вопрос требовал особенно тщательного рассмотрения, поскольку христиане всегда утверждали, что христианство было новым откровением, каким в свое время был иудаизм; что "Новый Завет" занял место "Ветхого" и что Евангелием Тора была исполнена, *то есть* отменена. Альбо признал существование рудиментарных откровений, предшествовавших Синайскому, и, чтобы не попасть в ловушку последствий своей собственной системы, он выдвинул своеобразное различие. То, что Бог однажды открыл Своими собственными устами непосредственно человеку, было, в силу этого факта, неизменным и обязательным для всех времен; но то, что было сообщено только пророческим посредником, могло подвергнуться изменению или даже аннулированию. Десять Заповедей, которые израильтяне получили непосредственно от Бога среди пламени Синая, были неизменны; в них изложены три кардинальных принципа божественного законодательства. С другой стороны, остальные предписания иудаизма, навязанные народу исключительно при посредничестве Моисея, были открыты для изменения или даже отмены. Но эта нестабильность части, возможно, значительной части еврейского религиозного закона была всего лишь теорией, выдвинутой просто как возможность. На практике обязательства Торы должны были рассматриваться как обязательные и неизменяемые до тех пор, пока Богу не будет угодно открыть другие законы через посредство такого великого пророка, как Моисей, и таким открытым и убедительным образом, как на Синае. До сих пор ни один пророк не обосновал свои притязания настолько, чтобы сделать необходимым отмену какой-либо части иудаизма.

Религиозная система Альбо далека от удовлетворительной. Основываясь на христианском учении о спасении, оно было вынуждено рассматривать веру в христианском смысле как главное условие искупления души, а таинства иудаизма - как таинства, подобные крещению или причащению, от которых зависело спасение. Развитие его теории также не является строго логичным. Слишком часто искусство проповедника заменяет строгие рассуждения, и для иллюстрации своих идей он пускается в пространные проповеди с изложением библейских и агадических текстов.

Более смелым мыслителем, чем Альбо, но, как и он, проповедником, был его младший современник Джозеф Ибн-Шем Тоб. Одно время, находясь в немилости у короля Кастилии и ведя бродячий образ жизни, он каждую субботу выступал перед большой аудиторией. Он был хорошо обучен философии. Его каббалистический, мрачный и фанатичный отец, который осуждал философию как первоисточник зла, отправил Аристотеля в ад и даже обвинил Маймуни в неортодоксальности, должно быть, был шокирован, когда его сын Джозеф глубоко и от всего сердца погрузился в изучение Аристотеля и Маймуни. Но Джозеф без колебаний

заклеймил ошибку своего отца и тех, кто считал, что применение философских методов противоречит интересам религии. Он, напротив, считал, что они необходимы для достижения высшего предназначения, к которому призваны все люди, особенно израильтяне. Культурный, философствующий еврей, который разумно выполняет все религиозные обязанности иудаизма, очевидно, осознает свою высокую цель гораздо раньше, чем израильтянин, который практикует свой церемониал вслепую, без мудрости или понимания. Наука также имеет большое значение, поскольку позволяет человеческому интеллекту распознавать ошибки. Природа несовершенного интеллекта человека такова, что истина и заблуждение соседствуют друг с другом; но знание учит, как отличать истинное от ложного. С другой стороны, пробелы в философском учении восполняются Синайским законом. В той мере, в какой последняя понимает счастье человека в сохранении духа после разрушения тела, она неизмеримо превосходит философию. Иудаизм также называет средство достижения вечного счастья — добросовестное выполнение религиозных обязательств. В этом вопросе точка зрения Джозефа Шем Тоба близка к точке зрения Джозефа Альбо. В его глазах заповеди иудаизма также имеют сакраментальный характер, но он делает упор не столько на спасение, сколько на Альбо. Однако Иосиф Ибн-Шем Тоб зашел так далеко, что отрицал познаваемость объектов религиозных законов и в определенной степени приписывал им мистическое влияние.

Ни одно из этих сочинений первой половины XV века, философских или полемических, не было плодом досуга и раскованного духа. Все они были вызваны к существованию насущными потребностями времени и были созданы для защиты религиозной и нравственной сокровищницы от насущной опасности. Чтобы не поддаться, иудаизм был вынужден одновременно укреплять себя изнутри и отражать атаки извне.

Иудаизму действительно было более чем когда-либо необходимо вооружаться вдвойне и втройне; приближались его самые мрачные дни. Снова восстал мрачный церковный дьявол, и ужасная тень его распростертых крыльев тревожно пронеслась по Европе. Как и во времена Иннокентия III, так и в этот период церковь издала указ о деградации и изгнании евреев. Старые постановления были торжественно обновлены официальными представителями христианского мира, собравшимися на Вселенский собор в Базеле, где они заявили о своей непогрешимости и даже рассудили папство. Действительно, любопытно! Собор не мог уладить свои собственные проблемы, был бессилен вернуть насмешливых гуситов в лоно Матери-Церкви, отчаялся положить конец распущенности и пороку духовенства и монахов, но все же обратил свое внимание на евреев, чтобы привести их к спасению. Сами прокаженные овцы, они стремились спасти непорочных ягнят! Базельский церковный собор, заседавший в течение тринадцати лет (июнь 1431 г.-май 1443 г.), рассматривая все важные европейские вопросы, уделил немалую долю своего внимания евреям. Их унижение было необходимо для укрепления христианской веры — такова была основа, на которой собор исходил на своем девятнадцатом заседании (7 сентября 1434 г.), когда он постановил пересмотреть старые и разработать новые ограничения. Были возобновлены канонические постановления, запрещающие христианам вступать в сношения с евреями, оказывать им услуги и нанимать их в качестве врачей, лишаящие их должностей и сана, налагающие на них особую одежду и предписывающие им жить в специальных еврейских кварталах. Было принято несколько новых мер, новых в той мере, в какой они ранее не выдвигались высшими церковными властями. Они предусматривали, что евреи не должны допускаться к получению университетских степеней, что их следует заставлять, при необходимости, силой посещать проповеди обращенцев и что в колледжах должны быть предусмотрены средства для борьбы с еврейской ересью путем обучения ивриту,

халдейскому и арабскому языкам. Таким образом, Вселенский Собор, который выдавал себя за вдохновенного Святым Духом, задумал обращение всех евреев. Он принял программу Пеньяфорте, Пабло Кристиани и Винсента Феррера, которые советовали систематически оказывать давление, чтобы побудить евреев отказаться от "своей неверности". Особое внимание Базельский церковный совет уделил и крещеным евреям. К ним следовало относиться благосклонно, но также тщательно следить за тем, чтобы они не женились на евреях, не соблюдали субботу и еврейские праздники, не хоронили своих умерших по еврейским обрядам или, по сути, не следовали каким-либо еврейским обрядам.

Пароксизм фанатизма вновь вспыхнул в различных городах Европы, начавшись на острове Майорка. Остатки конгрегации Пальмы одинаково ненавидели священники и чернь, и те и другие охотно прислушивались к слухам о том, что евреи во время Страстной недели распяли мавританского слугу еврея и подвергли его пыткам. Предполагаемый мученик был еще жив, но, тем не менее, епископ Гил-Нуньоз заключил в тюрьму двух евреев как зачинщиков. Вслед за этим возник спор между епископом и губернатором Хуаном Десфаром, последний утверждал, что, поскольку евреи являются собственностью короля, он один может осудить их. Епископ был вынужден выдать евреев, которые были заключены в губернаторскую тюрьму. Священники, однако, подстрекали толпу против губернатора и евреев, и прежде чем Хуан Десфар смог организовать слушание дела, люди были настроены против него. Был созван суд, состоявший в основном из доминиканцев и францисканцев, который использовал дыбу как наиболее эффективное средство добиться правды от свидетелей. Один из обвиняемых, подвергнутых пыткам, признал все, что требовалось, и указал на всех евреев, которые случайно упоминались в качестве его сообщников. Беспринципный еврей по имени Астру Сибили, который жил в раздоросо многими членами общины и боялся быть вовлеченным в кровавое дело, выступил в качестве обвинителя своих единоверцев. Очевидно, Астру Сибили по собственному желанию признал, что слуга был распят, и указал на нескольких евреев как на убийц. Хотя он держался подальше от всякого соучастия в этом деле, Астру Сибили вскоре был наказан за свои доносы — его бросили в тюрьму как соучастника. Судьба доносчика и бегство нескольких еврейских семей, справедливо опасавшихся повторения массовых убийств, из Пальмы на близлежащую гору еще больше взволновали христианских жителей. Беглецов преследовали, заковали в кандалы и вернули в город, причем их бегство считалось доказательством вины всей общины. Астру Сибили и еще трое были приговорены к сожжению на костре, но их наказание было заменено смертной казнью через повешение при условии, что они будут крещены. На это они согласились, считая крещение последней каплей, которая могла спасти их жизни. Вся община, мужчины, женщины и дети, всего двести человек, перешли в христианство, чтобы избежать ужасной смерти. У священников было достаточно работы по крещению новообращенных. Как мало они верили в вменяемое осужденным преступление, стало ясно, когда священники, подбивая толпу сделать то же самое, потребовали помилования осужденных. Губернатор уступил голосу народа, и процессией под пение их сопровождали в церковь, где был пропет *Te Deum*. Так закончилось сообщество Майорки, которое просуществовало более тысячи лет и внесло большой вклад в благосостояние острова. Вместе с ним исчезло процветание этого плодородного и любимого острова. Симон Дюран, глубоко опечаленный отделением общины Пальма, которую он с любовью лелеял, заставил замолчать свою совесть мыслью, что он не пренебрег увещаниями.

ГЛАВА VIII.

КАПИСТРАНО И ЕГО ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ.

Папа Евгений IV под влиянием Альфонсо де Картахена меняет свое отношение к евреям—Его Булла против испанских и итальянских евреев в 1442 году—Дон Хуан II защищает евреев—Враждебность папы Николая V—Людовик Баварский—Философ Николай Кузанский и его отношение к иудаизму—Иоанн Капистрано—Его влияние на народ обращено против евреев—Капистрано в Баварии и Вюрцбурге—Изгнание общины Бреслау—Изгнание евреев из Брунна и Ольмюца—Евреи Польши под властью Казимир IV—Захват Константинополя Магометом II—Евреи находят убежище в Турции—Караимы—Моисей Капсали—Исаак Зарфати—Положение евреев Испании—Преследования Альфонсо де Спина—Состояние марранов.

1442–1474 С.Е.

Примерно в середине XV века ядовитая ненависть к евреям, ставшая характерной для Испании и Германии, начала возрастать и в конце того века достигла своего наивысшего развития. В Испании это было вызвано главным образом завистью к влиятельному положению, которым евреи все еще пользовались, несмотря на несчастья и унижения; в Германии, напротив, где евреи двигались как тени, это возникло из смутной расовой антипатии, религиозные различия которой составляли лишь один аспект. Печальным событием для немецких общин стала смерть императора Сигизмунда (ближе к концу 1437 года) в тот момент, когда базельский собор бросил угрожающий взгляд в их сторону. Этот князь не был надежным защитником евреев. Достаточно часто он пускал им кровь, чтобы облегчить свои постоянно возникающие денежные затруднения, и даже возложил на них расходы Констанцского собора. Но, насколько это было в его силах, он противостоял кровавым преследованиям своих еврейских подданных. Ему наследовал в качестве германского короля и императора австрийский эрцгерцог Альберт, который уже отличился бесчеловечностью по отношению к евреям. Альберт II был смертельным врагом евреев и еретиков. Он не мог истребить ни того, ни другого, потому что гуситы обладали храбростью и оружием, а евреи были незаменимым источником денег; но всякий раз, когда пытались причинить им вред, он с радостью помогал. Когда городской совет Аугсбурга принял решение изгнать еврейскую общину (1439), император с радостью дал свое согласие. Им было предоставлено два года на то, чтобы распорядиться своими домами и недвижимостью; по истечении этого срока они все до единого были сосланы, а могильные камни на еврейском кладбище использовались для ремонта городских стен. К счастью для евреев, Альберт правил всего два года, и правление Священной Римской империей, или, скорее, анархией, которая сотрясала ее, перешло к добродушному, слабому, ленивому и сговорчивому Фридриху III. В результате появились два фанатичных ненавистника евреев - папа Евгений IV и францисканец Иоанн Капистрано, головорез в обличье смиренного слуги Божьего.

Евгений, которого Базельский собор шаг за шагом унижал, лишая его сана и избирая на его место другого папу, в конечном счете восторжествовал благодаря предательству некоторых главных членов собора и беспомощности немецких князей, и снова получил возможность дурачить христианские народы. Евгений, хотя и придерживался узких монашеских взглядов, поначалу не был настроен враждебно по отношению к евреям. В начале своего понтификата он подтвердил привилегии, предоставленные евреям его предшественником Мартином V,

пообещал им свою защиту и запретил их насильственное крещение. Но вскоре на него оказали влияние в противоположном направлении, и он проявил необычайное рвение в унижении евреев и лишении их всякой защиты. Первопроходцем в этом обращении, по-видимому, был Альфонсо де Картахена, сын отступника Пауля де Санта Мариа. Назначенный епископом Бургоса после смерти своего отца, Альфонсо горячо поддержал дело папы Евгения на Базельском соборе и, следовательно, высоко поднялся в глазах понтифика. Он один мог быть автором жалоб на гордыню и высокомерие кастильских евреев, которые побудили папу римского издать буллу 1442 года. Этот документ был адресован епископам Кастилии и Леона (10 августа 1442 г.) и сводился к тому, что его Святейшеству стало известно, что евреи злоупотребляют привилегиями, предоставленными им бывшими папами, богохульствуя и преступая границы дозволенного к раздражению верующих и бесчестию истинной веры. Поэтому он чувствовал себя вынужденным отозвать индульгенции, предоставленные его предшественниками — Мартином и другими папами, - и объявить их недействительными. В то же время Евгений повторил канонические ограничения в более строгой форме. Таким образом, он постановил, что христиане не должны есть, пить, купаться или жить с евреями (или магометанами), а также пользоваться любыми лекарствами, которые они производят. Евреи (и магометане) не должны иметь права на какую-либо должность или достоинство и не должны иметь права наследовать имущество от христиан. Они не должны были больше строить синагог и, ремонтируя старые, должны были избегать всяких украшений. Во время Страстной недели они должны были скрываться от посторонних глаз вплоть до того, что держали свои двери и окна закрытыми. Показания евреев (и магометан) против христиан были признаны недействительными. Булла Евгения категорически предписывала, чтобы ни один христианин не находился в каком-либо подчинении у еврея и даже не разжигал для него огонь в субботу; чтобы евреи отличались от христиан особой одеждой и жили в особых помещениях. Более того, каждое богохульное высказывание еврея об Иисусе, "Божьей Матери" или святых подлежало суровому наказанию со стороны гражданских судов. Этой булле было приказано стать известной по всей стране и вступить в силу тридцать дней спустя. За нарушения, предусмотренные ею, предусматривались суровые наказания. Если преступник был христианином, он должен был быть запрещен церковью, и ни король, ни королева не должны были быть освобождены; если евреем, то все его состояние, личное и недвижимое, должно было быть конфисковано епископом епархии и использовано для целей церкви. Посредством циркулярных писем Евгений призвал кастильских священнослужителей применять ограничения без пощады. Базельский собор не посмел превзойти его в ненависти к евреям. Примерно в то же время, или, возможно, раньше, Евгений издал буллу из сорока двух статей против итальянских еврейских общин, в которой, среди прочего, он приказал, чтобы евреи под страхом конфискации имущества не читали талмудическую литературу.

Папская булла для Кастилии была провозглашена во многих городах, как представляется, без согласия короля Хуана II. Фанатики одержали победу; все их желания были исполнены. Введенный в заблуждение народ сразу же счел евреев и магометан вне закона и начал совершать жестокие нападения на их людей и имущество. Благочестивые христиане истолковали папские постановления как означающие, что они не должны продолжать никаких коммерческих отношений с евреями. Христианские пастухи немедленно бросили стада, вверенные им евреями и магометанами, а пахари повернулись спиной к полям. Союз городов (Эрмандад) разработал новые законы для более полного подавления запрещенных представителей церкви. В ужасе евреи обратились к королю Кастилии. Их жалобы произвели на

него тем большее впечатление, что нанесенный ими ущерб означал ущерб королевской казне. Соответственно, Хуан II, или, скорее, его фаворит Альваро де Луна, издал встречный указ (6 апреля 1443 года). Он выразил свое возмущение бесстыдством, которое сделало папскую буллу оправданием для нападений на евреев и магометан. Канонический, королевский и имперский законы сошлись во мнении, разрешив им жить в покое среди христиан. Булла папы Евгения накладывала на евреев и магометан определенные ограничения; но из этого не следовало, что они могут подвергаться ограблению, увечьям или жестокому обращению, что они не могут заниматься торговлей или промышленностью, а также работать ткачами, ювелирами, плотниками, цирюльниками, сапожниками, портными, фрезеровщиками, медниками, шорниками, канатоходцами, гончарами, тележниками или корзиночницами, или что христиане не могут служить им в этих занятиях. Такое служение не предполагало ни ослабления христианского авторитета, ни опасной близости с евреями. Не похоже также, что упомянутые занятия придавали евреям какой-либо престиж, в котором исключительно булла была призвана отказать евреям.

Христиане, безусловно, должны воздерживаться от лекарств еврейских или мавританских врачей, если только они не приготовлены руками христиан; но это не означало, что не следует консультироваться с искусными врачами еврейской или магометанской веры или не использовать их лекарства, когда под рукой нет врача-христианина. Хуан II возложил на магистратуру обязанность защищать евреев и магометан, как объекты своего особого покровительства, и поручил им наказывать христианских правонарушителей тюремным заключением и конфискацией имущества. Кроме того, он распорядился, чтобы о его удовольствии было объявлено по всей стране общественными глашатаями в присутствии нотариуса.

Сомнительно, принес ли этот софистический указ какую-либо реальную пользу евреям. Дон Хуан II не обладал большим авторитетом в своем королевстве и был вынужден часто идти на уступки враждебным партиям, с которыми его собственный сын иногда выступал заодно. Следовательно, кастильские евреи были предоставлены произвольной власти местных магистратов в течение оставшейся части правления этого благонамеренного, но слабого монарха и были вынуждены договариваться с ними всякий раз, когда требовалась защита от насилия или ложных обвинений. Если еврею угрожало какое-либо несчастье, то портной мчался к своему царственному покровителю, а ювелир - к высокопоставленному вельможе и пытался предотвратить это мольбами или золотом. Положение, в котором оказались евреи, поистине не было завидным.

Преемник Евгения, папа Николай V (март 1447-март 1455), продолжил систему унижения и угнетения евреев. Как только он вззошел на трон Святого Петра, он посвятил себя отмене привилегий итальянских евреев, которые Мартин V подтвердил, а Евгений формально не отменял, и подчинению их исключительным законам. В булле, датированной 23 июня 1447 года, он повторил для Италии ограничения, которые его предшественник сформулировал для Кастилии, воспроизведя их в мельчайших деталях, не опустив даже запрета на разжигание костров евреями в субботу. Но хотя булла Николая была всего лишь копией, она обладала гораздо большей реальной силой, чем оригинал, поскольку ее исполнение было поручено безжалостному ненавистнику евреев и охотнику на еретиков Джону Капистрано. На него была возложена обязанность следить лично или через своих братьев-францисканцев за тем, чтобы положения буллы выполнялись буквально, а нарушения строго наказывались. Если, например,

врач-еврей предоставлял страдающему христианину средства для восстановления здоровья, Капистрано имел право конфисковать все состояние и собственность преступника. И святой монах с каменным сердцем был как раз тем человеком, который отнесся к такому проступку с неумолимой суровостью.

Ненависть евреев к Базельскому собору и папам распространилась подобно заразе на обширную территорию. Свирепый и фанатичный баварский герцог Ландсхутский Людовик Богатый — "охотник на дичь и евреев" - приказал арестовать всех евреев своей страны в один день (понедельник, 5 октября 1450 г.), вскоре после своего прихода к власти. Мужчин бросили в тюрьму, женщин заперли в синагогах, а их имущество и драгоценности конфисковали. Христианским должникам было предписано не выплачивать своим еврейским кредиторам больше, чем первоначально взятый ими займы капитал, и вычитать из него уже выплаченные проценты. После четырех недель заключения несчастные евреи были вынуждены выкупить свои жизни у мятежного герцога за 30 000 гульденов, а затем, без гроша в кармане и почти голыми, их выдворили из страны. Людовик с радостью обошелся бы таким же образом с большой и богатой общиной Ратисбона, которая находилась в пределах его юрисдикции. Поскольку, однако, его власть признавалась лишь в ограниченной степени, а евреи города находились под защитой совета и его привилегий, он был вынужден довольствоваться сбором взносов. Говорят, что многих евреев беспокойство и нужда побудили принять христианство.

Поскольку остальные европейские евреи считали своих испанских братьев возвышенным и привилегированным классом, папство обратило на них особое внимание, чтобы положить конец их благоприятному положению в государстве. Либо по предложению короля изменить суровые канонические ограничения в отношении евреев, либо по ходатайству их врагов подтвердить их, папа Николай V издал новую буллу (1 марта 1451 года). Он подтвердил старые исключения из христианского общества и всех достойных слоев общества и полностью отменил привилегии испанских и итальянских евреев.

Безжалостная суровость канонического законодательства по отношению к сынам Израиля была бессознательно основана на страхе. Всемогущее христианство опасалось влияния, которое еврейский ум мог бы оказать на христианское население при слишком фамильярном общении. То, что папство скрывало в облаках благовоний своих официальных указов, было раскрыто писателем-философом и кардиналом, стоявшим в тесных отношениях с папским двором. Николас де Куза (из "Реплик на Мозеле"), последний приверженец схоластики, в которую он пытался привнести мистические элементы, с энтузиазмом выступал, несмотря на разногласия христианского мира, за объединение всех религий в одном символе веры. Церковными церемониями он был готов пожертвовать, более того, он был готов принять обрезание, если бы таким образом можно было склонить нехристиан к вере в Троицу. Он боялся, как он ясно сказал, упрямства евреев, которые так упрямо цепляются за свой монотеизм; но он утешал себя мыслью, что безоружная горстка людей не сможет нарушить мир во всем мире. Это правда, евреи были безоружны; но ментально они все еще были сильны, и Николас решил посвятить себя задаче лишения их интеллектуальной силы. Папа назначил его легатом в Германию, где он должен был реформировать церковь и монастырь (1450-1451). Но кардинал также занимался еврейским вопросом. В провинциальном совете Бамберга он ввел в действие канонический устав о еврейских значках, который предусматривал, что мужчины должны носить на груди круглые лоскутки красной ткани, а женщины - синие нашивки на головных уборах — как будто клеймение евреев могло исцелить распутное духовенство и их

деморализованную паству от нечистоты. Единственным результатом изоляции евреев была их защита от налета господствующей безнравственности. Кардиналу не удалось очистить духовенство или положить конец мошенничеству с кровоточащими воинствами и чудотворными образами, против которых он так громко протестовал. Церковь оставалась коррумпированной до глубины души. У евреев было бы много причин опасаться, если бы им позволили прощупать гноящиеся раны.

Особенно неприятными для церкви были тысячи крещеных евреев в Испании, которые были загнаны в ее лоно массовыми убийствами, обличениями с кафедр и юридическими ограничениями, которым подвергалась их раса. Не только новохристиане-миряне, но и те, кто принял монашеский сан или облачился в монашеское одеяние, продолжали более или менее открыто соблюдать еврейские религиозные законы. Софистика новообращенных Пауля де Санта-Мари и Джеронимо де Санта-Фе относительно свидетельств Ветхого Завета и Талмудической Агады о мессианстве Иисуса, Воплощении Бога, Троице и других церковных догмах мало впечатлила маррано. Несмотря на крещение, они оставались упрямыми и слепыми, *то есть* верными вере своих отцов. Дон Хуан Кастильский по наущению своего фаворита Альваро де Луна, который стремился нанести удар по своим заклятым врагам, новохристианам, пожаловался папе Николаю V на рецидивы маррано, и понтифик не знал иного средства, кроме силы. Он направил рескрипты епископу Осмы и викарию Саламанки (20 ноября 1451 г.), уполномочив их назначать инквизиторов для судебного расследования дел новохристиан, подозреваемых в иудаизации. Инквизиторы были уполномочены наказывать осужденных, сажать их в тюрьму, конфисковывать их имущество и позорить их, унижать достоинство даже священников и передавать их светским властям — церковный эвфемизм для осуждения их на костер еретиков. Это была первая искра адского пламени инквизиции, которая совершила больше бесчеловечности, чем все тираны и злодеи, заклеянные историей. Поначалу эта булла, похоже, не возымела действия. Времена еще не созрели для кровавого учреждения. Кроме того, сами христиане помогали поддерживать связь крещеных евреев со своими братьями по расе. Они отказывали в равных правах новохристианам еврейского или магометанского происхождения и хотели отстранить их от всех почетных должностей. Против этой антипатии, присущей разнообразию национальных элементов, папа был вынужден издать буллу (29 ноября 1451 г.), но она была бессильна искоренить предубеждение. Это могло быть устранено только высшей культурой, а не под диктовку главы церкви, даже если он хвастался своей непогрешимостью.

Тогда как абсурдно продолжать загонять таких прозелитов в церковь! Однако это было сделано францисканским монахом Иоанном Капистрано (неаполитанского происхождения), который несет ответственность за огромный ущерб, нанесенный евреям во многих странах. Этот нищенствующий монах, с изможденной фигурой и неприятной внешностью, обладал обаятельным голосом и железной волей, которые позволили ему приобрести безграничное влияние не только на глупое население, но и на культурные классы. Одним словом он мог очаровать, вдохновить или утешить, склонить к благочестию или подстрекнуть к жестокости. Подобно испанскому доминиканцу Винсенту Ферреру, секрет могущества Капистрано заключался не столько в его пленительном красноречии, сколько в сочувственных модуляциях его голоса и непоколебимом энтузиазме, с которым он цеплялся за свои ошибочные убеждения. Сам он твердо верил, что с помощью крови, которую он собрал из носа своего учителя Бернарда Сиенского и его *капуцина*, он может исцелять больных, воскрешать мертвых и творить всевозможные чудеса, а введенные в заблуждение люди не только верили, но и

преувеличивали его исповедания. Его строго аскетическая жизнь, его ненависть к хорошей жизни, роскоши и разврату производили впечатление тем более глубокое, что разительно контрастировали с чувственностью и распущенностью подавляющей массы духовенства и монахов. Где бы ни появлялся Капистрано, люди тысячами стекались послушать его, получить наставление и волнение, даже если они не понимали ни слова из его латинских обращений. Проницательные папы Евгений IV и Николай V признали в нем полезный инструмент для восстановления пошатнувшегося авторитета святого Петра. Они радовались его проповедям о непогрешимости папства и его пламенным разглагольствованиям об истреблении еретиков и о необходимости противостоять победоносно наступающим туркам. Они не возражали, если в то же время он считал уместным изливать свою монашескую желчь на безобидные развлечения и изящество жизни, видя, что им самим ничто не мешает в их удовольствиях. Среди постоянных тем захватывающих выступлений Капистрано — уступающих только его ненависти к еретикам и туркам, а также его тирадам против роскоши и спорта — были его обличения нечестия и ростовщичества евреев. Это обеспечило его назначение папой Николаем на пост инквизитора евреев, в обязанности которого входило следить за соблюдением канонических ограничений в отношении них. В Неаполе он занимал должность судьи-инквизитора по делам евреев по предложению королевы Иоанны, которая уполномочила его карать самыми суровыми мерами за любое несоблюдение церковных законов или ношение еврейского значка.

Когда этот разъяренный капуцин посетил Германию, он посеял ужас и смятение среди евреев. Они трепетали при упоминании его имени. В Баварии, Силезии, Моравии и Австрии фанатизм католиков, и без того достигший высшей точки из-за гуситского раскола, был еще больше разжигаем Капистрано, и, поскольку богемские еретики были вне его досягаемости, он обрушился на евреев. Баварские герцоги Луи и Альберт, которые однажды уже изгнали евреев со своих территорий, стали еще более фанатичными из-за Капистрано. Первый потребовал от некоторых графов и от города Ратисбон изгнать евреев. Бургомистр и городской совет, однако, отказались и не хотели лишать евреев защиты и гражданских прав, которыми они пользовались с раннего периода. Но они не могли защитить их от враждебности духовенства. В конце концов даже ратисбонские бюргеры, несмотря на их добрую волю к своим еврейским согражданам, подпали под влияние фанатизма Капистрано и позволили подстрекать себя к недружественным действиям. В правилах для акушерок, обнародованных в том же году, есть пункт, запрещающий акушеркам-христианкам посещать еврейских женщин, даже в тех случаях, когда на карту была поставлена жизнь пациенток.

Изменение общественного отношения к евреям, вызванное Капистрано, поразительно иллюстрируется поведением одного выдающегося священнослужителя до и после появления капуцинов в Германии. Епископ Вюрцбургский Годфри, правящий герцог Франконии, вскоре после своего вступления в правительство герцогства предоставил евреям самые полные привилегии. Более благоприятного отношения они и желать не могли. Для себя и своих преемников он пообещал особую защиту всем в пределах своих владений, как тем, кто поселился там, так и тем, кто мог бы поселиться там позже. Они должны были быть освобождены от власти обычных судов, мирских и церковных, и чтобы их споры расследовались и разрешались их собственными судами. Их раввин (хохмейстер) должен был быть освобожден от налогов и ему должно было быть разрешено принимать учеников в своей *йешибе* по своему усмотрению. Их передвижения должны были быть неограниченными, а тем, кто мог пожелать сменить место жительства, должна была быть оказана помощь в взыскании долгов и выдана охранная грамота на время их поездок. Далее было обещано, что эти привилегии никогда не

должны быть изменены или отменены, и декан и капитул единогласно признали и гарантировали их "для себя и своих преемников в капитуле". Каждый еврей, поселившийся в юрисдикции епископа Годфри, был снабжен специальными охранными грамотами. Но после того, как Капистрано начал свою агитацию, несколько изменилось отношение к евреям! Вскоре мы обнаруживаем, что тот же епископ и герцог Франконии издает "в связи с серьезными жалобами на евреев в своей епархии" статут и постановление (1453 г.), предписывающие их изгнание. Им было разрешено до 18 января следующего года продать свою недвижимость, и в течение четырнадцати дней после этой даты они должны были уехать, поскольку "он (епископ) больше не потерпит евреев в своей епархии". Городам, баронам, лордам и судьям было предписано изгнать евреев из своих нескольких юрисдикций, а еврейские кредиторы были лишены части причитающихся им долгов. Когда дело касалось евреев, бесчеловечный фанатизм мог склонить благородного сердцем князя церкви и целое духовенство к вопиющему нарушению веры.

Влияние Капистрано было самым пагубным для евреев Силезии. Здесь он воистину показал себя "Бичом евреев", как называли его поклонники. Две главные общины в этой провинции, которая наполовину принадлежала Польше, а наполовину Богемии, находились в Бреслау и Швейднице, и составлявшие их евреи, которым не разрешалось владеть недвижимостью и, кроме того, они были в значительной степени вовлечены в денежный оборот, имели в своем распоряжении значительные суммы денег. Большинство знати было в числе их должников, и несколько городов либо сами были должниками, либо стали обеспечением безопасности своих князей. Следовательно, не исключено, что некоторые высокопоставленные должники тайно планировали уклониться от своих обязательств, избавившись от евреев. Во всяком случае, появление фанатичного францисканца дало возможность осуществить такой замысел.

Капистрано прибыл в столицу Силезии по приглашению епископа Бреслау Петера Новака, который обнаружил, что не в состоянии контролировать подчиненных ему священнослужителей. Призвав к себе духовенство, францисканский проповедник упрекнул их в греховной, аморальной и чувственной жизни. Двери церкви, в которой происходило собеседование, были надежно заперты на засов, чтобы ни одно непрофессиональное ухо не могло узнать всю степень порочности служителей Евангелия. Но ближе его сердцу, чем возвращение духовенства, было истребление гуситов, которых было много в Силезии, и преследование евреев. Бешеный фанатизм, с которым разглагольствованию Капистрано вдохновляли жителей Бреслау, был направлен главным образом против евреев. Был распространен слух, что еврей по имени Мейер, один из самых богатых израильтян Бреслау, на хранении которого находились многие облигации бюргеров и знати, купил у крестьянина нож, проткнул и богохульствовал над ним, а затем раздал его фрагменты общинам Швейдница, Лигница и другим для дальнейшего осквернения. Вряд ли нужно говорить, что раненый хозяин якобы проливал кровь. Эта идиотская выдумка вскоре достигла ушей муниципальных властей, у которых она нашла полное одобрение. Немедленно все евреи Бреслау, мужчины, женщины и дети, были брошены в тюрьму, все их имущество на "Юденгассе" конфисковано, и, что было наиболее важным для виновников катастрофы, облигации их должников на сумму около 25 000 венгерских золотых флоринов были конфискованы (2 мая 1453 г.). Вина евреев стала более правдоподобной после бегства нескольких из них, которые, однако, вскоре были схвачены. Капистрано взял на себя руководство расследованием этого важного дела. Как инквизитору, ему по праву принадлежал ведущий голос в судебном преследовании богохульников освященной облатки. Он приказал вздернуть на дыбу нескольких евреев и лично

проинструктировал палачей относительно их задачи — у него был опыт в подобной работе. Замученные израильтяне сознались. Тем временем была распространена еще одна позорная ложь. Злая крещеная еврейка заявила, что евреи Бреслау однажды уже сожгли хозяина дома, а в другой раз они похитили мальчика-христианина, откормили его и поместили в бочку, утыканную острыми гвоздями, которую они катали до тех пор, пока их жертва не испустила дух. Его кровь была роздана силезским общинам. Утверждалось, что были найдены даже кости убитого ребенка. Вина евреев, по-видимому, была установлена в этих различных случаях, и большое количество, всего 318 человек, были арестованы в разных местах и доставлены в Бреслау. Капистрано вершил над ними суд и торопил их с казнью. На Зальцринге — ныне Блюхерплац, — где проживал Капистрано, за один день (2 июня 1453 г.) был сожжен сорок один осужденный еврей. Раввин (Финеас?) повесился; он также советовал другим свести счеты с жизнью. Остальные были изгнаны из Бреслау, все их дети в возрасте до семи лет ранее были силой отобраны у них, крещены и отданы на воспитание христианам. Таково было желание Капистрано, и в ученом трактате он объяснил королю Ладиславу, что это согласуется с христианской религией и ортодоксией. Честный городской клерк Эшенлоер, который не осмелился вслух протестовать против этого варварства, записал в своем дневнике: "Благочестиво это или нет, я оставляю на суд служителей религии". Служители религии превратились в дикарей. Имущество сожженных и изгнанных евреев было, конечно, конфисковано, и на вырученные средства была построена бернардинская церковь. Это была не единственная церковь, возведенная на кровавые деньги. В остальных силезских городах евреям жилось не лучше. Некоторые были сожжены, а остальных прогнали, ободрав почти до нитки.

Когда городской совет Бреслау обратился к молодому королю Ладиславу с просьбой издать указ о том, что с этого времени ни одному еврею не будет разрешено селиться в Бреслау, он не только согласился "во славу Божию и честь христианской веры", но и добавил, одобряя совершенные безобразия, "что они (силезские евреи) пострадали по заслугам", замечание, достойное сына Альберта II, который сжег австрийских евреев. Тот же монарх санкционировал — несомненно, по наущению Капистрано, который провел несколько месяцев в Ольмюце, — изгнание евреев из последнего места и из Брюнна.

Отголоски ядовитого красноречия Капистрано достигли даже Польши, нарушив там спокойствие еврейских общин, которым они наслаждались веками. Польша долгое время была убежищем для преследуемых евреев. Изгнанники из Германии, Австрии и Венгрии нашли радушный прием на Висле. Привилегии, щедро предоставленные им герцогом Болеславом и возобновленные и подтвержденные королем Казимиром Великим, все еще оставались в силе. Евреи были, по сути, даже более необходимы в этой стране, чем в других частях христианской Европы; ибо в Польше существовало только два класса, дворяне и крепостные, и евреи замещали средний класс, поставляя товары и деньги и вводя в оборот мертвый капитал страны. Во время визита, который Казимир IV нанес в Познань вскоре после своего восшествия на престол, в этом и без того важном городе вспыхнул пожар, и, за исключением нескольких кирпичных домов, он был полностью разрушен. В этом пожаре погиб первоначальный документ о привилегиях, предоставленных евреям столетием ранее Казимиром Великим. Еврейские делегации из ряда польских общин посетили короля, оплакивая потерю этих документов, столь важных для них, и молясь о том, чтобы новые документы были подготовлены в соответствии с существующими копиями и чтобы все их старые права были возобновлены и подтверждены. Казимира не требовалось долго уговаривать. Чтобы они могли жить в безопасности и довольстве при его счастливом правлении, он даровал им такие привилегии, какими они

никогда прежде не пользовались ни в одном европейском государстве (14 августа 1447 года). Этот король ни в коем случае не был рабом церкви. Он так строго держал духовенство в рамках, что они обвинили его в преследовании и ограблении их. Он запретил им вмешиваться в государственные дела, заявив, что в таких вопросах предпочитает полагаться на свои собственные силы.

Либо король был введен в заблуждение фальшивой копией первоначальных хартий, либо он хотел воспользоваться возможностью расширить сферу их действия, не делая вид, что идет на новые уступки; во всяком случае, привилегии, предоставляемые новым статутom, были во многих отношениях более значительными, чем те, которыми раньше пользовались евреи. Он не только разрешал неограниченную торговлю и проживание на всей территории тогдашнего очень обширного королевства Польского, но и отменял канонические законы, часто устанавливаемые папами, и лишь недавно был вновь введен в действие всеобщим церковным советом в Базеле. В хартии Казимира упоминалось, что евреи и христиане могут мыться вместе и во всех отношениях наслаждаться свободным общением друг с другом. Он решительно постановил, что ни один христианин не может вызвать еврея в церковный суд, и что если еврей был вызван таким образом, ему не нужно было являться. Палатинам в нескольких их провинциях было предписано следить за тем, чтобы евреи не подвергались насилию со стороны духовенства, и вообще оказывать им мощную защиту. Более того, ни один еврей не может быть обвинен в использовании христианской крови на пасхальных церемониях или в осквернении хозяйев, "поскольку евреи невиновны в подобных преступлениях, которые отвергаются их религией". Если христианин обвинял отдельного еврея в использовании христианской крови, его обвинение должно было быть поддержано местными, заслуживающими доверия свидетелями-евреями и четырьмя столь же квалифицированными свидетелями-христианами, и тогда обвиняемый должен был пострадать за свое преступление, а его единоверцы не должны были быть втянуты в это. Однако в том случае, если обвинитель-христианин не был в состоянии подкрепить свое обвинение заслуживающими доверия свидетельскими показаниями, он должен был быть наказан смертной казнью. Это было пресечением постоянно повторяющейся клеветы с чередой массовых убийств евреев. Казимир также признал судебную автономию еврейской общины. В уголовные дела между евреями или между евреями и христианами обычные трибуналы не должны были вмешиваться, но палатин или его представитель при содействии евреев должен был выносить решения. В мелких судебных процессах решение оставалось за еврейскими старейшинами (раввинами), которым разрешалось налагать штраф в размере шести марок в тех случаях, когда их повестки не выполнялись. Чтобы сохранить авторитет еврейских судов в разумных пределах, хартия Казимира установила, что запрет должен быть наложен на еврея только с согласия всей общины. Поистине, ни в одной части христианской Европы евреи не обладали такими важными привилегиями. Они были возобновлены и выпущены королем с согласия польских магнатов. Также караимские общины Троки, Лужка и др. получили от Казимира возобновление и подтверждение привилегий, предоставленных им литовским герцогом Витольдом в XIII веке.

Духовенство с завистью взидало на эту уступчивость евреям и ревностно работало над тем, чтобы заставить короля изменить свое дружелюбное отношение. Во главе польского духовенства, столь враждебного евреям, стоял влиятельный епископ и кардинал Кракова Збигнев Олесницкий. Защита, оказанная королем евреям и гуситам, была для него источником глубокого огорчения, и, чтобы дать выход своим чувствам, он в спешке послал за охотником на еретиков Капистрано. Капистрано с триумфом въехал в Краков и был принят королем и

духовенством как божественное существо. В течение всего своего пребывания в Кракове (с 28 августа 1453 года по май 1454 года) при содействии епископа Збигнева он настраивал короля Казимира против гуситских еретиков и евреев. Он публично возразил ему по этому поводу, пригрозив адским пламенем и неудачным исходом его войны с прусским рыцарским орденом, если он не отменит привилегии, которыми пользуются евреи, и не передаст еретиков-гуситов церкви. Было легко предсказать поражение от рук прусских рыцарей, учитывая, что папа и вся польская церковь тайно помогали им в борьбе против Казимира.

Поэтому, когда тевтонские рыцари на помощь своим прусским союзникам выступили в поход против Польши, и польская армия во главе с королем Казимиром была с позором обращена в бегство (сентябрь 1454 г.), партия духовенства была выиграна. Они распространили слух, что катастрофа в Польше была следствием благосклонности короля к евреям и еретикам. Чтобы восстановить свое упавшее состояние и предпринять энергичную кампанию против пруссаков, Казимир нуждался в помощи епископа Збигнева, а последний был в состоянии выдвинуть свои собственные условия. Евреи были принесены в жертву — царь был вынужден отказаться от них. В ноябре 1454 года Казимир отменил все привилегии, которые он предоставил евреям, на том основании, что "неверные не могут пользоваться предпочтением перед почитателями Христа, а со слугами нельзя обращаться лучше, чем с сыновьями". Публичные глашатаи объявили о решении короля по всей стране. Кроме того, Казимир приказал, чтобы евреи Польши носили специальную одежду, чтобы отличать их от христиан. Капистрано одержал победу на всем протяжении. Из-за него евреи были унижены даже в стране, где они были наиболее возвышены. Результаты этого несчастья не заставили себя долго ждать. Еврейские общины скорбно писали своим братьям в Германии, "что "монах" принес тяжкие неприятности" даже тем, кто жил под скипетром короля Польши, чья судьба раньше была настолько счастливой, что они могли предложить убежище преследуемым в других странах. Они не верили, что враг может добраться до них через польскую границу, и теперь им приходилось стонать под гнетом короля и магнатов.

Тем временем тяжелый, но заслуженный суд обрушился на христианский мир. После более чем тысячелетнего существования погрязшая в грехах Византийская империя, которая веками стояла на своих местах, несмотря на свою гнилость, наконец рухнула с падением Константинополя (29 мая 1453 года). Турецкий завоеватель Магомет II отдал Новый Рим в рабство, разграбление, массовую резню и всяческие ужасы и бесчинства, но ни в коем случае не отомстил за зло, которое он причинил другим и самой себе. От Константина, основателя Византийской империи, который вложил окровавленный меч в руки церкви, до последнего из императоров, Константина Драгоша из рода Палеологов, все в длинной череде правителей (за исключением отступника Юлиана) были в большей или меньшей степени вдохновлены ложью и предательством, а также высокомерным, лицемерным духом преследования. И люди, так же как слуги государства и церкви, были достойны своих правителей. От них германские, латинские и славянские народы заимствовали принцип, согласно которому евреи должны быть унижены исключительными законами или даже уничтожены. Теперь, однако, сама Византия лежала в пыли, и дикие варвары воздвигали на ее месте новую турецкую империю. Жестокое возмездие свершилось. Магомет II, завоеватель Константинополя, бросил угрожающий взгляд на остальную Европу, страны Латинской Церкви. Весь христианский мир был в опасности; однако христианские правители и народы не смогли организовать эффективное сопротивление турецким завоевателям. Вероломство и коррупция папства теперь приносили горькие плоды. Когда вероломный папа Николай V призвал христианский мир предпринять крестовый поход против турок, его легаты на ратисбонском сейме были вынуждены выслушать беспощадные

обвинения в его продажности. Ни папа, ни император, как им сказали, на самом деле не думали о том, чтобы начать войну против турок; их единственной идеей было растратить на себя деньги, которые они могли бы собрать. Когда турки готовились вторгнуться в Венгрию и угрожали перенести победоносный полумесяц с правого на левый берег Дуная, Капистрано до хрипоты проповедовал, чтобы разжечь энтузиазм к новому крестовому походу. Его тирады перестали привлекать. Их единственным эффектом было собрать оборванную толпу студентов, крестьян, нищенствующих монахов, полуголодных искателей приключений и романтических фанатиков. Призрак средневековья исчез перед рассветом нового дня.

Кажется почти провидением, что в момент, когда преследования в Европе становились все более многочисленными и яростными, возникла новая турецкая империя, предложившая гостеприимное убежище преследуемым евреям. Когда через три дня после наказания, которому он подверг Константинополь, султан Магомет II объявил, что все беглые жители могут вернуться в свои дома и поместья, не опасаясь преследования, он благожелательно подумал о евреях. Он разрешил им свободно селиться в Константинополе и других городах, выделил им специальные жилища и разрешил возводить синагоги и школы. Вскоре после захвата Константинополя он приказал избрать греческого патриарха, которого наделил определенной политической властью над всеми греками в своих новых владениях, а также назначил главного раввина для руководства еврейскими общинами. Это был благочестивый, образованный, честный израильтянин по имени Моисей Капсали. Магомет даже вызвал этого раввина на диван и выделил его для особого отличия, предоставив ему место рядом с муфтием, Главным улемом магометан, и преимущество перед патриархом. Моисей Капсали (родился около 1420 года, умер около 1495 года) также получил от султана своего рода политический сюзеренитет над еврейскими общинами в Турции. Налоги, взимаемые с евреев, он должен был распределять между общинами и отдельными лицами; он должен был контролировать их сбор и вносить их в казну султана. Кроме того, он был уполномочен налагать наказания на своих единоверцев, и ни один раввин не мог занимать свой пост без его санкции. Короче говоря, он был главой и официальным представителем полностью организованной еврейской общинной системы.

Это благоприятное положение евреев оказало стимулирующее воздействие на выродившихся караимов, которые в значительном количестве мигрировали из Азии, Крыма и южной Польши, чтобы поселиться со своими более благополучными собратьями в Константинополе и Адрианополе. Караимы, фундаментальным принципом которых является изучение и разумное толкование Библии, находились в столь прискорбном состоянии невежества, что вся их религиозная структура превратилась всистему авторитетных догм и традиций, более жестких даже, чем у равванитов. Степень их интеллектуального упадка может быть измерена тем фактом, что в течение столетия они не смогли создать ни одного умеренно оригинального теологического писателя. Те, у кого была склонность к учебе, были вынуждены сидеть у ног учителей-равванитов и получать от них наставления в Священных Писаниях и Талмуде. Гордые мастера толкования Библии стали смиренными учениками некогда презираемых раббанитов. Окаменение караизма иллюстрируется событием в европейской Турции. Караимский колледж, состоящий из Менахема Башьяси, его сына Мозеса Башьяси, Менахема Мароли, Майкла Старого, его сына Джозефа и нескольких других, разрешил приготовить светильники, необходимые для кануна субботы, в пятницу, чтобы святой день не нужно было проводить в темноте. Колледж привел адекватные доводы в пользу нововведения. Согласно караимскому принципу, не только церковная власть, но и любой человек имеет право отменить древний обычай или прежние решения, если он может сослаться на достаточный экзегетический

авторитет. Тем не менее, около 1460 года возникла бурная оппозиция этому решению, направленная против обычая, происходящего, возможно, от Анана, основателя караизма, и, следовательно, обладающего святостью, дарованной ржавчиной семи веков. Результатом стали раскол и трения. Часть общины, которая отважилась приготовить светильники, необходимые для кануна субботы, подверглась оскорблениям и была обвинена в ереси. Более того, раскол, связанный с началом праздников, все еще оставался незажившим. Общины палестинских караимов и их соседи продолжали проводить различие между обычным и високосным годом по состоянию урожая ячменя и регулировать свои праздники появлением новой луны. С другой стороны, общины в Турции, Крыму и южной Польше использовали календарь рабанитов. Эти наследственные различия все больше и больше разъедали солидарность секты, поскольку не было возможности объединить их и согласовать единые принципы.

Бросающаяся в глаза ветхость караизма и невежество его последователей предоставили равванитам в турецкой империи возможность примириться с талмудическим иудаизмом или, по крайней мере, преодолеть их ожесточенную враждебность к нему. Учителя-равваниты, Енох Сапорта, иммигрант из Каталонии, Элиэзер Капсали из Греции и Элиас Халеви из Германии, обязали своих учеников-караимов, которых они обучали Талмуду, впредь воздерживаться письменно и устно от поношения талмудических авторитетов и от осквернения праздников равванитского календаря. В том трудном положении, в котором оказались прилежные караимы, они не могли поступить иначе, как дать это обещание. Главный раввин Турции Мозес Капсали придерживался мнения, что, поскольку караимы отвергли Талмуд, они не могут быть обучены на нем. Но он был последователем строгой немецкой школы, которая в своей мрачной сверхпочестивости не допускала никаких уступок, даже если можно было добиться постепенного обращения в инакомыслящую секту.

По сравнению с жалким положением евреев в Германии участь тех, кто поселился в недавно возникшей турецкой империи, должна была казаться беспримесным счастьем. Еврейские иммигранты, избежавшие непрекращающихся преследований, которым они подвергались в Германии, выражали свой восторг по поводу счастливого положения турецких евреев. В отличие от своих единоверцев при христианском правлении, они не были вынуждены отдавать третью часть своего состояния в виде королевских налогов; им также никоим образом не препятствовали в ведении бизнеса. Им было разрешено распоряжаться своей собственностью так, как они пожелают, и они имели абсолютную свободу передвижения по всей длине и ширине империи. На них не распространялись законы о роскоши, и поэтому они могли одеваться в шелка и золото, если хотели.

Плодородные земли, отнятые у ленивых греческих христиан, были ими заняты и принесли богатое вознаграждение их трудолюбию. Короче говоря, восторженный еврей правильно описал Турцию как страну, "в которой ни в чем, абсолютно ни в чем нет недостатка". Двое молодых иммигрантов, Кальманн и Дэвид, думали, что если немецкие евреи осознают хотя бы десятую часть счастья, которое можно найти в Турции, они преодолеют любые трудности, чтобы попасть туда. Эти два молодых человека убедили Исаака Зарфати, который в прежние времена путешествовал по Турции и чье имя было отнюдь не неизвестно в Германии, написать циркулярное письмо евреям Рейнской области, Штирии, Моравии и Венгрии, чтобы

познакомить их со счастливой участью евреев под полумесяцем по сравнению с их тяжелой участью под сенью креста, и призвать их сбежать из немецкого дома рабства и эмигрировать в Турцию. Свет и тени его предмета не могли быть определены более четко, чем в письме Зарфати (написанном в 1456 году), чей графический, часто несколько слишком искусственный язык нелегко поддается переводу:

"Я слышал о бедствиях, более горьких, чем смерть, которые постигли наших братьев в Германии — о тиранических законах, обязательных крещениях и изгнаниях. И когда они бегут из одного места, еще более тяжелая участь постигает их в другом. Я слышу, как дерзкий народ в ярости возвышает свой голос против правоверных; я вижу его руку, поднятую, чтобы покарать их. Со всех сторон я узнаю о душевных муках и истязаниях тела; о ежедневных поборах, взимаемых безжалостными вымогателями. Духовенство и монахи, лжесвященники, восстают против несчастного народа Божьего и говорят: "Давайте преследовать их даже до полного уничтожения; пусть имя Израиля больше не будет известно среди людей". Они воображают, что их вера в опасности, потому что евреи в Иерусалиме, возможно, купят Церковь Гроба Господня. По этой причине они издали закон, по которому каждый еврей, обнаруженный на христианском корабле, направляющемся на Восток, должен быть выброшен в море. Увы! как жестоко умоляют народ Божий в Германии; как печально, что силы покидают его! Их гонят туда-сюда, и их преследуют даже до смерти. Меч угнетателя всегда висит над их головами; их бросают во всепожирающее пламя, в быстрые реки и в зловонные болота. Братья и учителя! друзья и знакомые! Я, Исаак Зарфати, французского происхождения, родившийся в Германии, где я сидел у ног своих учителей, я заявляю вам, что Турция - это страна, где нет недостатка ни в чем. Если вы пожелаете, у вас все еще будет хорошо. Путь в Святую Землю открыт для вас через Турцию. Разве для вас не лучше жить под властью мусульман, чем под властью христиан? Здесь каждый человек может жить в мире под своей виноградной лозой и своей смоковницей. В христианском мире, напротив, вы не смеете одевать своих детей в красное или синее, по своему вкусу, не подвергая их оскорблениям, а себя - вымогательству; и, следовательно, вы обречены ходить в убогих одеждах тусклых тонов. Все ваши дни полны печали, даже ваши субботы и время, назначенное для пиршеств. Чужеземцы наслаждаются вашим имуществом; и, следовательно, какая польза от богатства ваших богачей? Они копят его, но к своему собственному горю, и в один прекрасный день оно потеряно для них навсегда. Вы называете свои богатства своими — увы! они принадлежат вашим угнетателям. Они выдвигают против вас ложные обвинения. Они не уважают ни возраст, ни мудрость; и, хотя они дали вам обещание, скрепленное шестидесятикратной печатью, все же они нарушат его. Они постоянно налагают на вас двойные наказания: мучительную смерть и конфискацию имущества. Они запрещают преподавать в ваших школах; они врываются к вам в часы вашей молитвы; и они запрещают вам работать или вести свои дела в христианские праздничные дни. И теперь, видя все это, о Израиль, почему ты спишь? Встань и навсегда покинь эту проклятую землю!"

Призыв Исаака Зарфати побудил многих евреев немедленно эмигрировать в Турцию и Палестину. Их серьезное поведение, крайняя набожность и своеобразная одежда сразу отличали их от евреев Греции и Востока, и вскоре вновь прибывшие оказали значительное влияние на других жителей стран, в которых они поселились.

Существовали особые обстоятельства, связанные с запретом эмиграции евреев в Палестину. Еврейские жители Иерусалима получили разрешение от паши построить синагогу на одном из склонов горы Сион. Место расположения этой синагоги примыкало к участку земли,

принадлежащему францисканским монахам, или, скорее, к руинам одной из их часовен, известной как часовня Давида. Когда евреям было дано это разрешение, монахи подняли такой шум, как будто вся Палестина, включая Святой Город, была их особым наследием с незапамятных времен. Они немедленно обратились со своими жалобами к папе римскому и заявили, что, если евреям будет позволено позволять себе подобные вольности, пройдет совсем немного времени, прежде чем они завладеют самим Храмом Гроба Господня. Папа римский немедленно издал буллу, предписывающую, чтобы ни один христианский судовладелец не перевозил еврейских эмигрантов в Святую Землю. Поскольку левантская торговля в то время была почти полностью в руках венецианцев, дожа убедили издать строгие приказы всем капитанам кораблей на материке и островах не пропускать в Палестину ни одного еврея.

Действительно, странно, что, в то время как христианские державы находились под впечатлением, что они окружили детей Израиля со всех сторон, как загнанных зверей, турки Восточной Европы открыли им путь к бегству. Не прошло и полувека, как их испанским собратьям, на которых велась жестокая охота на полуострове, было суждено искать такого же убежища.

Следует, однако, признать, что под властью кастильского короля Генриха IV и Иоанна II Арагонского положение испанских евреев было относительно мирным и комфортным. Но это было затишье перед бурей. Вдвойне бессильный кастильский король был мягок до такой степени, что это не подобало правителю людей. Хотя, будучи инфантом, дон Генри позволил своим сторонникам убедить себя пополнить его истощенную казну, разграбив дома не только евреев, но и новохристиан или обращенных из иудаизма, у него не было личной антипатии к народу Израиля. Врач-еврей был его доверенным лицом. Вскоре после восшествия на престол он даже отправил его к португальскому двору с деликатнейшей миссией - добиться руки молодой, прекрасной принцессы Португалии для своего государя. Еврейский дипломат довел свою миссию до успешного завершения, но был убит в час своего успеха.

Несмотря на папскую буллу и неоднократные постановления городов, дон Генри нанял еврея-сборщика налогов, некоего дона Чакона, уроженца Витории; и он тоже пал жертвой своей должности. Раввин Якоб Ибн-Нуньес, его личный врач, был назначен Генрихом распределять и собирать дань с евреев Кастилии; в то время как Абрахам Бибаго, еще один выдающийся еврей, пользовался большим расположением Иоанна II Арагонского.

Пример судов, естественно, подействовал на более крупную знать, которая, когда не были затронуты их собственные интересы, очень мало беспокоилась о церковных эдиктах. Врачебная практика все еще была полностью в руках евреев и открывала для них кабинеты и сердца королей и знати. Напрасно папские буллы провозглашали, что христиане не должны нанимать врачей-евреев. Христиан, понимавших искусство врачевания, было мало или вообще не было, и больным не к чему было прибегать, кроме как к мастерству евреев. Даже высшее духовенство не обращало особого внимания на буллы Евгения, Николая и Каликста. Они слишком заботились о здоровье плоти, чтобы отказываться от медицинской помощи евреев из-за канонического указа. Большинство тиранических ограничений, принадлежавших меньшинству Иоанна II и времен регентши Каталины, были полностью забыты. Только на одном пункте Генрих настаивал со всей строгостью. Он не позволил бы евреям роскошно одеваться. Отчасти это было из-за его собственного предпочтения простоты одежды, отчасти потому, что он желал, чтобы зависть

христиан не возбуждалась против них. При мягком правлении дон-Генри евреи, которые были более или менее принудительно крещены, либо вернулись к своей вере, либо, по крайней мере, беспрепятственно соблюдали еврейский ритуал. Во время праздника Пасхи они питались исключительно рисом, чтобы, с одной стороны, не употреблять ничего квасного, а с другой - избежать подозрений в иудаизме.

Ненависть к евреям, которая наиболее яростно разгоралась в крупных городах, естественно, не давала православным возможности без негодования взирать на этот фаворитизм по отношению к предполагаемым врагам их веры, и они пустили в ход оружие, эффективность которого была доказана в других странах. Раздался крик: Евреи предали смерти христианских детей! Затем появилось сообщение о том, что "еврей по соседству с Саламанкой вырвал сердце ребенку" или "евреи в других местах вырезали куски плоти из живого христианского ребенка", и так далее. Благодаря таким слухам фанатизм толпы быстро разгорелся, судьи взялись за дело, и обвиняемые евреи были брошены в тюрьму.

Король, хорошо осведомленный о происхождении и цели этих обвинений, тщательно проанализировал их, в результате чего невиновность обвиняемых была полностью установлена. Несмотря на этот факт, враги евреев настаивали на своей вине. Некоторые намекали, что судьи были подкуплены, в то время как другие утверждали, что новохристиане действовали в интересах своих родственников и что сам король был к ним равнодушен.

Среди всех их врагов человеком, который наиболее ожесточенно выступал против испанских евреев, был проповедник из Саламанки Альфонсо де Спина, францисканский монах того же ордена и взглядов, что и Капистрано. Вместо ядовитого языка он использовал против них отравленную ручку. Этот человек пользовался определенной известностью, потому что ему довелось сопровождать Альваро де Луну, некогда всемогущего министра Иоанна II, на эшафот в качестве его духовника. Этот фанатичный священник непрестанно гремел со ступеней алтаря против евреев и их покровителей, и особенно против новохристиан как тайных приверженцев их прежней веры. Поскольку его проповедь, по его мнению, не произвела достаточного эффекта, Де Спина опубликовал в 1460 году злобный труд на латыни, направленный против евреев, мусульман и других еретиков под названием "Fortalitium Fidei". В этой книге он собрал все, что враги евреев когда-либо писали или говорили против них. Он воспроизвел все абсурдные легенды и досужие небылицы, какие только смог раздобыть, и приправил всю коллекцию всеми приемами риторики, какие только могла предложить его злоба. По его мнению, было единственно правильным и естественным, чтобы все мусульмане и еретики были истреблены до основания. Однако против евреев он предложил применить явно мягкие меры. Он просто забирал у них младших детей и воспитывал их как христиан - идея, за которую он был обязан философу-схоласту Дунсу Скотту и его собрату-францисканцу Капистрано. Де Спина глубоко сожалел о том, что различные законы о преследовании евреев, принятые во время несовершеннолетия Иоанна II, больше не действовали при его преемнике. В самых резких выражениях он упрекал короля, знать и духовенство за благосклонность, которую они оказывали евреям; и, чтобы раззадорить толпу, он неустанно пересказывал все старые басни об убийстве детей, краже имущества и тому подобном в самом обстоятельном повествовании и намекал, что пристрастие короля позволило этим отвратительным преступлениям остаться безнаказанными.

Фанатизм, вызванный Альфонсо де Спиной, отнюдь не был напрасным; более того, вскоре он привел к самым плачевным последствиям. Монах с распятием в руке предложил устроить всеобщую резню евреев в Медина-дель-Кампо, недалеко от Вальядолида, и его слова были приняты благосклонно. Жители города напали на евреев и сожгли нескольких из них заживо вместе со священными книгами, которые случайно оказались у них. За убийством, естественно, последовало разграбление имущества жертв. Король наказал зачинщиков этого безобразия; но это было все, что он мог сделать. Он был не в состоянии предотвратить повторение подобных сцен. Он был вынужден официально признать унижительное положение евреев в своде законов, который его советники, его тайные враги, дон Пачеко, маркиз Вильена и граф Валенсии, подготовили по его просьбе. Дон Пачеко, который своими интригами привел в замешательство и короля, и страну, сам был еврейской крови, а его мать, вышедшая замуж за испанского дворянина, была дочерью еврея по имени Руй Капрон. Несмотря на этот факт, он включил наиболее одиозные законодательные акты в пересмотренный свод законов Дона Генри. Были возрождены все прежние ограничения: исключение евреев из всех учреждений, даже из практики аптекарей, ношение отличительных значков, ограничение доступа евреям из городов и даже заточение в их домах на Страстную неделю.

Гражданская война, разожженная интригами дона Пачеко и других придворных из-за пародийного низложения дона Генри в Авиле и коронации его младшего брата Альфонсо, сказалась на евреях сильнее, чем даже на населении Кастилии в целом.

В 1467 году партия Альфонсо путем государственной измены стала хозяином Сеговии, и здесь сразу же начался бунт против евреев. Враги этого несчастного народа распространили слух, что, по предложению их раввина Соломона Пичо, евреи из маленькой общины Сепульведа, недалеко от Сеговии, во время Страстной недели так жестоко пытали христианского ребенка, что он умер на кресте (апрель 1468 г.). По ходатайству епископа Авильского Хуана Ариаса, еврея еврейской расы, несколько евреев (восемь или шестнадцать, по разным данным), которых обвинял народный голос, были вывезены из Сепульведы в Сеговию и там приговорены к костру, виселице и натягиванию тетивы для лука, после чего христиане Сепульведы напали на немногих оставшихся евреев общины, некоторых убили, а на остальных охотились по соседству. Разве не странно, что в Кастилии и Силезии, в Италии и Польше были выдвинуты одни и те же обвинения и вынесены одни и те же приговоры?

Едва партия Альфонсо распалась из-за смерти ее марионеточного короля, как возникла другая, которая заявила, что защищает права инфанты Изабеллы, сестры дона Генри. Крайняя слабость, которую проявил Генрих, подтолкнула мятежников к самым возмутительным посягательствам на его прерогативы. Кортесы, собравшиеся в Оканье в 1469 году, желая унижить его, занялись еврейским вопросом. Они напомнили ему о законах его предков и сказали ему в лицо, что он нарушил эти законы, предоставив евреям главные должности в сборе королевских доходов. Далее они утверждали, что благодаря этому выдающемуся примеру даже князь церкви раздавал доходы своих епархий евреям и мусульманам, и что сборщики налогов фактически собирали свои взносы в церквях. В заключение они настаивали на том, чтобы указы еще раз строго соблюдались и чтобы за их нарушение были назначены суровые наказания.

Финансы этого монарха, который из-за своей щедрости и расходов на подавление постоянно повторяющихся восстаний против его власти постоянно нуждался в деньгах, были бы в

плачевном состоянии, если бы он доверил их христианским сборщикам налогов. Последние предлагали лишь небольшую сумму за эту привилегию; более того, они могли использовать мятежные группировки, чтобы избавиться от своих обязательств. Царь, который сказал своему казначею: "Дай этим, чтобы они могли служить мне, и тем, чтобы они не грабили меня; с этой целью я царь, и у меня есть сокровища и доходы на все нужды", — такой царь не мог обойтись без еврейских финансистов.

Таким образом, в Кастилии существовал антагонизм между эдиктами против евреев и интересами государства; и этот антагонизм побуждал толпу, вдохновляемую в равной степени церковным фанатизмом и завистливой алчностью по отношению к своим еврейским соотечественникам, к совершению кровавых бесчинств. Гнев ортодоксов был также направлен против новохристиан, или марранов, потому что, будучи более счастливыми, чем их прежние единоверцы, они были выдвинуты на высшие посты в государстве благодаря своим выдающимся талантам.

Брак инфанты Изабеллы с доном Фердинандом, инфантом Арагона, состоявшийся 19 октября 1469 года, ознаменовал трагический кризис в истории испанских евреев. Без ведома своего царственного брата и открыто нарушив веру — поскольку она торжественно пообещала выйти замуж только с его согласия — она последовала совету своих друзей-интриганов и отдала свою руку принцу Арагонскому, который как в еврейской, так и в испанской истории под титулом "католик" оставил после себя проклятую память. Дон Абрахам старший способствовал этому браку, надеясь с его помощью увеличить благосостояние своих братьев. Из-за этого союза в Кастилии возникло много новых осложнений. Сторонники Изабеллы, предвидя, что при ее правлении и правлении ее мужа преследование евреев будет узаконено, взяли за оружие в Вальядолиде, столице Изабеллы, и напали на новохристиан (сентябрь 1470 г.). Жертвы заняли оборонительную позицию, но вскоре были вынуждены сдаться. Вслед за этим они отправили депутацию к Генриху, умоляя его защитить их. Король действительно собрал войска и выступил против мятежного города, но он должен был быть благодарен за то, что сам был хорошо принят горожанами и не мог подумать о наказании даже зачинщиков.

Два года спустя новохристиане подверглись гонениям, которые, несомненно, должны были заставить их раскаяться в том, что они нашли убежище у подножия креста. Религиозное население обвиняло марранов, и не совсем без оснований, в том, что они устами исповедовали христианство, в то время как в душе презирали его. Говорили, что они либо не приводили своих детей креститься, либо, если их крестили, забирали их обратно в свои дома и смывали пятно крещения с их лбов. Они не использовали за своими столами сало, только масло; они воздерживались от свинины, праздновали еврейскую Пасху и жертвовали масло для синагог. Далее говорилось, что они весьма мало уважали монастыри и, как предполагалось, оскверняли священные реликвии и развратничали с монахинями. На самом деле на новых христиан смотрели как на группу хитрых и честолубивых людей, которые страстно стремились к наиболее прибыльным должностям, думали только о накоплении богатства и избегали тяжелой работы. Считалось, что они считают, что они живут в Испании так же, как Израиль жил в Египте, и считают вполне допустимым грабить и перехитрить ортодоксов. Эти обвинения никоим образом не были заслужены новохристианами как единым целым, но они разжигали толпу и заставляли ее ненавидеть новообращенных даже сильнее, чем самих евреев.

Упомянутая выше вспышка возникла следующим образом: некая принцесса шла по улицам Кордовы с изображением Богородицы под балдахином, и девушка, новохристианка, случайно или намеренно, вылила немного воды из окна на балдахин. Следствием этого стало яростное восстание против обращенных евреев. Возбужденный кузнец подстрекал толпу христиан отомстить за оскорбление, нанесенное святой картине, — говорили, что девушка вылила на нее что-то нечистое, - и в одно мгновение дом ее отца был объят пламенем. Знать попыталась защитить Маррано, и в стычке кузнец был убит. Это так взбесило и без того разъяренную толпу, что латники были вынуждены отступить. Дома новохристиан были теперь взломаны, разграблены, а затем превращены в пепел; в то время как те, кто не смог спастись бегством, были убиты самым варварским образом (14-15 марта 1472 г.). За беглецами охотились, как за дикими зверями в погоне. Где бы они ни появлялись, их неизбежно ждала самая ужасная смерть. Даже крестьянин, работавший в поле, без промедления расправлялся с ними. Резня, начавшаяся таким образом в Кордове, быстро распространялась из города в город. Те из кордовских беглецов, которые нашли временное убежище в Пальме, не теряя времени, принялись искать оплот, который обеспечил бы им защиту от бури преследований. Один из их компании, Педро де Эррера, пользовавшийся величайшим уважением как у своих товарищей по несчастью, так и у губернатора Де Агилара, отправился в Севилью, чтобы добиться встречи с герцогом Медина-Сидония, вице-губернатором провинции. Он попросил крепость Гибралтар в качестве города-убежища для себя и своих братьев под их собственным командованием. Взамен он пообещал выплачивать значительную ежегодную дань. Герцог выразил свое согласие на это предложение, и новохристиане отправились в Севилью, чтобы подписать договор, когда друзья герцога забили тревогу. Они считали, что марранам нельзя доверять, и выражали опасение, что они могут вступить в союз с маврами и передать ключ от испанского побережья в их руки. Герцог, однако, настоял на заключении контракта, после чего противники этого плана дали сигнал толпе Севильи, которая немедленно восстала против новохристиан во вспышке фанатичного неистовства. Губернатор с трудом защитил их. Они были вынуждены поспешно вернуться в Пальму, подверглись нападению местных жителей, жестокому обращению и разграблению (1473).

Таким образом, план Педро де Эрреры и его друзей послужил лишь к тому, чтобы навлечь на них еще большие страдания, подвергнув опасности все сообщество новых христиан, а также самих евреев. Уже тогда как среди обращенных, так и некрещеных евреев сформировалась идея покинуть ныне негостеприимный полуостров и эмигрировать во Фландрию или Италию.

Нападения на новохристиан стали теперь настолько частыми, что они подсказали хитрому и амбициозному министру Пачеко способ совершения *государственного переворота*. Этот беспринципный интриган, который в течение двух десятилетий держал Кастилию в постоянном замешательстве, с тайным огорчением увидел, что примирение дона Генриха со своей сестрой и преемницей привело к полному уничтожению его влияния. Чтобы вызвать новые осложнения, он решил завладеть цитаделью (Алькасар) Сеговии, в то время оккупированной королем. С этой целью он спровоцировал через своих подчиненных еще одно нападение на крещеных евреев, во время неразберихи в котором его сообщники должны были схватить Кабреру, коменданта замка, и, если возможно, самого короля. Заговор был раскрыт всего за несколько часов до того, как его должны были привести в действие; но нападение на новохристиан было совершено. Вооруженные банды разгуливали по улицам Сеговии, врывались в дома маррано и убивали каждого мужчину, женщину и ребенка, которые попадались им в руки (16 мая 1474 г.).

Главным несчастьем еврейской расы в Испании стала смерть дон-Генри в декабре следующего года. Правителями объединенных королевств Арагона и Кастилии теперь были его сестра, фанатичная Изабелла, которой руководили советники, враждебные евреям, и Фердинанд, ее беспринципный муж, притворявшийся чрезмерно набожным. Печальна и ужасна была участь, которая нависла над сыновьями Иакова по всей длине и ширине Пиренейского полуострова.

ГЛАВА IX.

ЕВРЕИ В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ ПЕРЕД ИЗГНАНИЕМ ИЗ ИСПАНИИ.

Положение евреев Италии—Еврейские банкиры—Иехиэль Пизанский—Его отношения с доном Исааком Абрабанелем—Еврейские врачи, Гульельмо ди Порталеоне—Возрождение образования среди итальянских евреев—Мессер Леон и Элиас дель Медиги—Пико ди Мирандола, ученик Медиги—Пристрастие христиан к каббале—Йоханан Алеман—Религиозные взгляды Дель Медиги—Немецкие раввины иммигрируют в Италию—Джозеф Колон, его характер и вражда с Мессером Леоном—Иуда Менц, антагонист Дель Медиги—Бернардинус из Фельтре—Евреи, изгнанные из Трента по ложному обвинению в детоубийстве—Венецианский дож и папа Сикст IV подружились с евреями—Страдания евреев Ратисбона—Израэль Бруна—Синод в Нюрнберге—Император Фридрих III.

1474–1492 С.Е.

Испанские евреи опровергли бы свою врожденную проницательность и мудрость, рожденную горьким опытом, если бы не предвидели, что их положение вскоре станет невыносимым.

Поскольку они действительно предвидели это, они обратили свой взор на те страны, жители которых были наиболее благосклонно расположены к евреям. Италия и Византийская империя, только что снятые с креста, теперь были странами наибольшей терпимости. В Италии, где люди наиболее ясно видели позор папства и священства и где им больше всего приходилось страдать от своего эгоизма, церковь и ее слуги были совершенно лишены влияния на людей. Всемирная торговля богатых и процветающих республик Венеции, Флоренции, Генуи и Пизы в какой-то мере прорвала узкие рамки суеверий и расширила кругозор людей. Интересы рыночной площади отодвинули интересы церкви на задний план. Богатство и способности ценились даже у тех, кто не повторял католическое исповедание веры. Не только купцы, но и самые высокопоставленные князья нуждались в золоте, чтобы поддерживать наемные легионы своих кондотьеров в их ежедневных междоусобицах. Таким образом, евреи, как капиталисты и умелые дипломаты, были хорошо приняты в Италии. Это подтверждается тем фактом, что, когда город Равенна пожелал объединиться с Венецией, он включил в число условий объединения требование, чтобы богатые евреи были отправлены в него для открытия кредитных банков и таким образом избавили население от бедности.

Еврейские капиталисты получили либо от правящих князей, либо от сенатов во многих итальянских городах обширные привилегии, позволяющие им открывать банки, выступать в качестве брокеров и даже взимать высокую процентную ставку (20%). Архиепископ Мантуи в 1476 году заявил от имени папы римского, что евреям разрешено давать деньги в долг под проценты. Канонический запрет ростовщичества не выдержал давления общественного

удобства. Правила еврейской общины также имели тенденцию ограждать банкиров от незаконной конкуренции, поскольку раввины угрожали запретом всем тем членам общины, которые давали деньги в долг под проценты без надлежащего разрешения.

Еврей из Пизы по имени Иехиэль контролировал денежный рынок Тосканы. Он ни в коем случае не был простым бессердечным делателем денег, как привыкли называть его христиане, а скорее человеком благородного ума и нежного сердца, всегда готовым помочь бедным своим золотом и утешить несчастных словом и делом. Иехиэль Пизанский также был знаком с еврейской литературой и глубоко интересовался ею и поддерживал дружеские отношения с Исааком Абрабанелем, последним из еврейских государственных деятелей полуострова. Когда Альфонсо V Португальский захватил города Арсилья и Танжер на африканском побережье и увез в плен евреев обоего пола и всех возрастов, португальская община прониклась благочестивым желанием выкупить их. Абрабанель встал во главе комитета по сбору денег для этой цели. Поскольку португальские евреи были не в состоянии содержать выкупленных пленников до тех пор, пока те не найдут средства к существованию, Абрабанель в письме Иехиэлю Пизанскому умолял его собрать пожертвования в Италии. Его ходатайство было услышано.

Евреи Италии были признаны желанными гражданами не только из-за их финансовых способностей, но и из-за их врачебного мастерства. В своем письме Иехиэлю Абрабанель спрашивал, есть ли еврейские врачи в итальянских государствах и нанимают ли их князья церкви. "Врачи, - сказал он, - владеют ключом к сердцам великих людей, от которых зависит судьба евреев".

Знаменитый еврейский врач Гульельмо (Бенджамин?) ди Порталеоне из Мантуи сначала был ординарным врачом Фердинанда Неаполитанского, который возвел его в дворянское достоинство; затем он поступил на службу к герцогу Милана Галеаццо Сфорца, а в 1479 году стал личным врачом герцога Людовико Гонзаги. Он был основателем знатного дома и длинной линии искусных итальянских врачей. В Италии даже возникли близкие отношения между евреями и христианами. Когда богатый еврей Лео из Кремы по случаю женитьбы своего сына устроил великолепные празднества, которые длились восемь дней, в них приняло участие большое количество христиан, которые танцевали и веселились, к сильному неудовольствию духовенства. Совершенно забытой казалась булла, в которой Николай V совсем недавно запретил под страхом суровых наказаний любые сношения христиан с евреями, а также прием на работу врачей-евреев. Вместо канонически предписанной унижительной одежды еврейские врачи носили почетные одежды, как христиане аналогичного положения; в то время как евреи, связанные с судами, носили золотые цепи и другие почетные знаки отличия. Контраст между положением евреев в Италии и положением их братьев в других странах хорошо иллюстрируют два похожих инцидента, произошедших одновременно в Италии и Германии, но сильно различающихся по своим проблемам.

Мать семейства в Павии из-за разногласий со своим мужем уведомила о своем желании быть принятой в католическую церковь. Ее поместили в монастырь, где ее должны были подготовить к крещению. Викарий епископа вместе с другими духовными наставниками был серьезно занят спасением ее души, когда ее внезапно охватили угрызения совести. Епископ Павии, далекий от того, чтобы наказать ее за этот рецидив или попытаться воспротивиться ее желанию, заступился за нее перед ее мужем. Он посоветовал ему немедленно забрать ее из монастыря и

самым благоприятным образом отзывался о ее поведении, чтобы ее муж, потомок семьи Аарона, не был обязан по еврейскому закону прогонять ее.

В том же году одному злобному парню из Ратисбона, Кальманну, регенту (Хазану), взбрело в голову обратиться в христианство. Он часто посещал монастырь, посещал церковь, и, наконец, епископ принял его в своем доме и наставил в христианской религии. Чтобы выслужиться перед христианами, он оклеветал своих единоверцев, утверждая, что у них есть богохульные сочинения против христианства. Кальманн также пожалел о предпринятом шаге. Он тайно посещал синагогу и, наконец, в отсутствие епископа покинул свой дом и вернулся к евреям. Духовенство Ратисбона пришло в ярость против него, привлекло его к суду инквизиции и обвинило в попытке богохульствовать в отношении церкви, Бога и пресвятой Девы. Его особо обвинили в том, что он сказал, что, если его крестят, он останется христианином только до тех пор, пока не окажется на свободе. На основании этого он был осужден и приговорен к смерти через утопление.

Везде, где евреям предоставлялась хотя бы небольшая снисходительность, их дремлющая энергия пробуждалась; и итальянские евреи могли проявить ее тем быстрее, что они достигли определенного уровня культуры во времена Эммануила и Леоне Романо. Они принимали активное участие в интеллектуальном возрождении и научном ренессансе, которые отличали времена Медичи. Еврейская молодежь посещала итальянские университеты и получила гуманитарное образование. Итальянские евреи были первыми, кто воспользовался недавно открытым искусством Гутенберга, и вскоре типографии появились во многих частях Италии — в Реджо, Ферраре, Пьева-ди-Сакко, Болонье, Сончино, Искьоне и Неаполе. Однако в художественных творениях того времени, в живописи и скульптуре, евреи не принимали участия. Это лежало вне их сферы. Но несколько образованных евреев внесли немалый вклад в развитие и распространение науки в Италии. Двое заслуживают особого упоминания: мессер Леон и Элиас дель Медиго, последний из которых не только получил свет науки, но и распространил его за границей.

Мессер Леон, или, по его еврейскому имени, Иуда бен Иехиэль из Неаполя, процветал между 1450 и 1490 годами и был одновременно раввином и врачом в Мантуе. Помимо того, что он досконально разбирался в еврейской литературе, он был законченным знатоком латыни и тонко разбирался в тонкостях стиля Цицерона и Квинтилиана. Принадлежа к аристотелевской школе, он изложил несколько трудов философа, столь высоко почитаемого в синагоге и церкви, а также написал грамматику и книгу по логике на иврите для еврейских студентов. Более важной, чем эти труды, является его еврейская риторика (Нофет Зуфим), в которой он излагает законы, от которых зависят изящество, сила и красноречие высшего стиля, и доказывает, что те же законы лежат в основе священной литературы. Он был первым евреем, сравнившим язык Пророков и псалмопевцев с языком Цицерона — безусловно, смелое начинание в те дни, когда большинство евреев и христиан относились к Священному Писанию с таким бесконечным почтением, что сравнение с нечестивой языческой литературой должно было показаться разновидностью богохульства. Конечно, это было возможно только во времена Медичи, когда любовь к греческим и латинским древностям переросла в настоящий энтузиазм. Мессер Леон, ученый раввин Мантуи, был либералом во всех отношениях. Он никогда не устал упрекать официальных пиетистов в стремлении не допустить иностранного влияния на иудаизм, как будто они могли его осквернить. Он скорее придерживался мнения, что иудаизм может

выиграть только от сравнения с культурой древней классической литературы, поскольку таким образом будет выявлена его красота и возвышенность.

Элиас дель Медиго, или Элиас Кретенсис (1463-1498), отпрыск немецкой семьи, эмигрировавшей на Крит, является яркой фигурой в более поздней еврейской истории. Он был первым великим человеком, порожденным итальянским иудаизмом. Это был ум, который ясно и блистательно сиял сквозь тучи, окутывавшие его эпоху; ум человека разнообразных и глубоких знаний, обладающего как классической, так и философской культурой. Он настолько полностью усвоил латинский литературный стиль, что смог не только выпускать произведения на этом языке, но и представлять синтаксис иврита по латинским аналогиям.

Медиго держался в стороне от пустоты итальянских ученых, которые были очарованы недавно открытой неоплатонической философией, представленной Фичином. Он отдал дань уважения этим здравомыслящим мыслителям, Аристотелю, Маймуни и Аверроэсу, чьи системы он познакомил с христианскими исследователями в Италии языком и пером, посредством переводов и в независимых работах. Этот юный вундеркинд своего времени, граф Джованни Пико ди Мирандола, познакомился с Медиго и стал его учеником, другом и защитником. Мирандола, который был настоящим чудом благодаря своей замечательной памяти, широкой эрудиции и навыкам диалектики и, более того, был в дружеских отношениях с правящим домом Медичи в Тоскане, научился у своего друга-еврея языку иврит и арабскому развитию философии аристотеля, но, возможно, он также научился у него ясности мышления.

Однажды в Падуанском университете вспыхнула ссора на ученую тему. Профессора и студенты разделились на две партии и, согласно христианскому обычаю, собирались решить вопрос с помощью рапир и кинжалов. Университет, действуя совместно с венецианским сенатом, желавшим положить конец спору, призвал Элиаса дель Медиго выступить в качестве арбитра. Все с уверенностью ожидали окончательного урегулирования от его эрудиции и беспристрастности. Дель Медиго аргументировал эту тему и благодаря весомости своего решения довел дело до удовлетворительного завершения. В результате он стал публичным лектором по философии и выступал перед большими аудиториями в Падуе и Флоренции. Зрелище действительно было примечательным. На глазах у папства, всегда стремившегося к унижению и порабощению евреев, христианская молодежь впитывала мудрость из уст еврейского учителя. Против защитников евреев в Испании он обрушил громы отлучения, в то время как в Италии был вынужден пассивно созерцать милости, которыми христиане постоянно осыпали евреев.

Пико ди Мирандола, скорее ученый, чем мыслитель, увлекся погружением в бездны Каббалы. Он был посвящен в каббалистический лабиринт евреем Йохананом Алеманом, эмигрировавшим из Константинополя в Италию. Алеман, сам запутавшийся мыслитель, заставил его поверить, что тайная доктрина имеет древнее происхождение и содержит мудрость веков. Мирандола, обладавший удивительной способностью к усвоению, вскоре ознакомился с каббалистическими формулами и обнаружил в них подтверждения христианской догмы; фактически, он нашел гораздо больше от христианства, чем от иудаизма. Экстравагантность Каббалы продемонстрировала в его глазах доктрины Троицы, Воплощения, Первородного греха, Падения Ангелов, Чистилища и Вечного наказания. Он, не теряя времени, перевел несколько каббалистических трудов с иврита на латынь, чтобы донести это оккультное знание до христианских читателей. Среди девятисот пунктов, которые Пико в возрасте

двадцати четырех лет поклялся защищать — с этой целью он пригласил всех ученых мира в Рим и обязался оплатить стоимость их поездки, — был следующий: никакая наука не дает большей уверенности в Божественности Христа, чем каббала и магия! Даже папа Сикст IV (1471-1484) был настолько сильно увлечен каббалой, что стремился обеспечить латинские переводы каббалистических писаний на благо католической веры.

Поразительным доказательством его трезвого ума и здравых суждений является то, что Элиас дель Медиго держался в стороне от всей этой умственной изнеженности и детского энтузиазма по отношению к псевдодокументации Каббалы. Он испытывал глубокое презрение к каббалистическому призраку и без колебаний разоблачал его никчемность. У него хватило смелости открыто выразить свое мнение о том, что Каббала уходит корнями в интеллектуальное болото, что в Талмуде нет и следа этой доктрины, что признанные авторитеты древнего иудаизма ничего о ней не знали и что ее предполагаемая священная и древняя основа, "Зоар", ни в коем случае не была работой знаменитого Симона бар Йохая, а произведением фальсификатора. Короче говоря, он считал, что Каббала составлена из лохмотьев неоплатонической школы.

На самом деле у Дель Медиго были очень здравые взгляды на религию. Хотя он был горячим приверженцем иудаизма, питая уважение также к его талмудическому элементу, он все же был далек от того, чтобы одобрять и принимать как истину все, что содержится в Талмуде. По просьбе одного из его учеников-евреев, Саула Коэна Ашкенази из Кандии, изложить свое исповедание еврейской веры, особенно своих взглядов на признаки, отличающие истинную религию, Элиас Кретенсис опубликовал небольшую, но содержательную работу "Исследование религии" (Bechinath ha-Dath), которая дает глубокое представление о его методах мышления.

Нельзя утверждать, что Дель Медиго предложил новые направления мысли в своей работе. В целом, итальянцам не было суждено привнести в иудаизм новые идеи. Более того, он занимал позицию веры, а не исследования, и его целью было защищать, а не прокладывать новые пути. Стоящий в одиночестве среди ментальной бесплодности своего века, Дель Медиго своими здравыми взглядами подобен оазису в пустыне. Ему также следует отдать должное за то, что он признал уродствами и пожелал устранить дополнения к иудаизму, сделанные каббалистами и псевдофилософами.

К сожалению, раввины, эмигрировавшие из Германии в Италию, заняли явно враждебную позицию по отношению к философским исследованиям и их сторонникам, Элиасу дель Медиго и Мессеру Леону. Своим честным, но односторонним, преувеличенным благочестием они отбрасывали мрачную тень везде, куда забрасывала их суровая судьба. Новые бури, разразившиеся над немецкими общинами, загнали многих немецких евреев, самых несчастных представителей своей расы, в трансальпийские земли. При императоре Фридрихе III, который в течение полувека с поразительным хладнокровием сносил самые бесстыдные оскорбления его авторитета со стороны амбициозной знати, грабящих сквайров-архиепископов, деморализованного духовенства и своекорыстных патрициев небольших городов, еврейские общины слишком часто видели, как переполняется их чаша горечи. Сам Фридрих ни в коей мере не был настроен к ним враждебно. Напротив, он часто издавал указы в их пользу. К несчастью, его приказы по большей части оставались мертвой буквой, а его распущенность в правлении побуждала злонамеренных людей к совершению самых постыдных злодеяний. Немецким евреям было опасно выходить за стены своих городов. Каждый человек был их

врагом, и подстерегал их, чтобы удовлетворить либо свой фанатизм, либо свою алчность. Каждая междоусобица, вспыхивавшая в распадающейся Германской империи, приносила им страдания.

Среди изгнанников из Майнца были двое глубоких знатоков талмуда. Они были двоюродными братьями по имени Иуда и Моисей Менц. Первый эмигрировал в Падую и там получил должность раввина, в то время как второй сначала остался в Германии, а затем переехал в Позен. В результате изгнания или притеснений многие раввины эмигрировали со всех концов Германии, и благодаря своим превосходным знаниям талмуда эти немецкие эмигранты были избраны на самые выдающиеся раввинские должности в Италии. Они перевоспитали своими предрассудками и узостью взглядов итальянских евреев, которые прилагали решительные усилия, чтобы освободиться от уз Средневековья.

Самыми выдающимися раввинами Италии в то время были Иуда Менц и Джозеф Колон, и именно эти двое были наиболее враждебны любому либеральному проявлению в иудаизме и наиболее яростно выступали против защитников свободы. Иосиф бен Соломон Колон (процветал в 1460-1490 годах) был французского происхождения, его предки были изгнаны из Франции; но он провел свою юность в Германии и принадлежал к немецкой школе. Впоследствии он жил со своими родственниками в Шамбери, пока евреев не изгнали из Савойи. Со многими товарищами по несчастью он отправился в Ломбардию, где зарабатывал на жизнь преподаванием; в конце концов он стал раввином Мантуи. Наделенный необычайной проницательностью и полностью равный немецким раввинам по глубине своих талмудических познаний, Йозеф Колон прославился в свое время как раввинский авторитет первой величины, и его академия соперничала с самой немецкой школой. С ним консультировались как немецкие, так и итальянские общины. В научных вопросах и во всех вопросах, выходящих за рамки Талмуда, он был таким же невежественным, как и его немецкие коллеги-сановники. Решительный по натуре, Джозеф Колон был человеком жестких взглядов на все религиозные вопросы. Из-за своей грубости он вступил в неприятные отношения с Мозесом Капсали в Константинополе и в ожесточенную полемику с культурным мессером Леоном в его собственной общине. Как бы хорошо они ни соглашались на какое-то время, Джозеф Колон, строгий талмудист, и Мессер Леон, образованный литератор, не могли долго терпеть друг друга. Когда между ними разгорелся конфликт, вся община Мантуи приняла чью-либо сторону в их вражде и разделилась на две партии как сторонники той или другой. В конце концов междоусобица стала настолько острой, что в 1476-1477 годах герцог Жозеф Мантуанский изгнал их обоих из города, после чего Колон стал раввином Павии.

Еще более напряженными были отношения между раввином Иудой Менцем и философом Элиасом дель Медиги. Первый (родился в 1408 году, умер в 1509 году), человек старой школы, всесторонне разбиравшийся в талмудических предметах и отличавшийся замечательной проницательностью, был самым решительным противником научного прогресса и свободы в религиозных вопросах, и после своего изгнания из Майнца перенес узкий дух немецких раввинов в Падую и Италию в целом.

Относительно безопасное и почетное положение евреев в Италии не преминуло вызвать неудовольствие монахов-фанатиков, которые стремились прикрыть покровом религиозного рвения либо свое распутное поведение, либо свое честолубивое участие в мирских делах. Чем холоднее становился христианский мир к концу пятнадцатого века по отношению к духовным

институтам, тем ожесточеннее монашеские ордена выступали против евреев. Монахи-проповедники заставляли алтари звенеть тирадами против них и открыто выступали за их полное истребление. Их самым отчаянным врагом в то время был францисканец Бернардинус из Фельтре, достойный ученик кровожадного Капистрано. Постоянным текстом его проповедей было: "Пусть родители-христиане внимательно следят за своими детьми, чтобы евреи не украли их, не подвергли жестокому обращению или не распяли".

Он считал Капистрано, истребителя евреев, типом и образцом истинного христианина. В его глазах дружеское и добрососедское общение с евреями было мерзостью, самым тяжким грехом против канонического права. Христианское милосердие, признал он, требует, чтобы к евреям, как к людям, относились справедливо и гуманно; но в то же время канонический закон запрещает христианам иметь с ними какие-либо дела, сидеть за их столами или позволять лечить себя еврейским врачам. Поскольку аристократия повсюду, повинаясь своим собственным интересам, становилась на сторону евреев, Бернардин разжигал низшие классы против евреев и их покровителей. Поскольку некоторые еврейские капиталисты добились успеха, он изобразил всех евреев вампирами и вымогателями и возбудил недоброжелательство населения к ним. "Я, живущий подаванием и питающийся хлебом бедных, должен ли я быть бессловесной собакой и не выть, когда вижу, как евреи выжимают свое богатство из христианской бедности? Да! не должен ли я громко возопить ради Христа?" Таков прекрасный образец его проповеди.

Если бы итальянский народ не руководствовался сильным здравым смыслом, Бернардинус стал бы для евреев Италии тем, чем в начале того же столетия доминиканец Винсент Феррер был для евреев Испании, а Капистрано - для общин Германии и славянских стран. Власти сильно препятствовали Бернардину в его травле евреев, и его кровожадные проповеди по большей части не возымели эффекта. Когда он проводил свой крестовый поход в Бергамо и Тичини, герцог Милана Галеаццо, запретил ему продолжать. Во Флоренции, фактически повсюду в Тоскане, просвещенный князь и сенат энергично встали на сторону евреев. Ядовитый монах распространил слух, что они позволили Йехиэлю Пизанскому и другим богатым евреям подкупить себя крупными суммами. Поскольку Бернардин подстрекал молодежь города против евреев и народное восстание было неминуемо, власти приказали ему немедленно покинуть Флоренцию и страну, и он был вынужден подчиниться (1487). Однако мало-помалу, неустанно повторяя одни и те же обвинения, ему удалось настолько возбудить общественное мнение против евреев, что даже венецианский сенат не всегда был в состоянии защитить их. Наконец, ему удалось развязать кровавое преследование евреев, правда, не в Италии, а в Тироле, откуда оно распространилось на Германию.

Когда Бернардин проповедовал в городе Трент, он с немалым огорчением отметил дружеские отношения между евреями и христианами. Тобиас, искусный еврейский врач, и умная еврейка по имени Брунетта были в самых дружеских отношениях с высшими классами общества, пользуясь их полным доверием. Это немало разозлило его, и он заставил алтари Трента звенеть яростными тирадами в адрес евреев. Некоторые христиане призвали его к ответу за его ненависть к евреям, отметив, что, хотя они и не исповедовали истинной веры, жители Трента были достойными людьми. Монах ответил: "Вы не знаете, какое несчастье навлекут на вас эти добрые люди. Прежде чем пройдет пасхальное воскресенье, они представят вам доказательство своей необычайной доброты". Ему было легко пророчествовать, потому что он и несколько других священников разработали хитроумный план, который не только привел к

разорению общины Трента, но и нанес величайший вред евреям разных стран. Случай помог ему, создав благоприятную возможность.

На Страстной неделе 1475 года трехлетний ребенок по имени Симон, сын бедных родителей-христиан, утонул в Адидже, и труп застрял в решетке рядом с домом еврея. Чтобы избежать искажения этого события, он поспешил к епископу Хиндербаху, чтобы уведомить его о случившемся. Епископ взял с собой двух высокопоставленных людей, отправился на место и приказал внести тело в церковь. Как только эта новость распространилась, Бернардин и другие враждебно настроенные священники подняли яростный крик против евреев, заявив, что они пытали и убили ребенка, а затем бросили его в воду. Тело предположительно подвергнувшегося жестокому обращению ребенка было выставлено на всеобщее обозрение, чтобы разжечь против них ярость населения. Епископ приказал бросить в тюрьму всех евреев Трента, высших и низших, возбудил против них судебное разбирательство и вызвал врача Матиаса Тиберина, чтобы тот засвидетельствовал насильственную смерть ребенка. Крещеный еврей, некто Вулфкан, из Ратисбона, увлеченный делом, выступил с самыми страшными обвинениями против своих бывших единоверцев. Его обвинениям с большей готовностью поверили, поскольку заключенные евреи признались под пытками, что они убили Симона и выпили его кровь в ночь на Пасху. Говорили, что Брунетта поставила оружие для этой цели. Говорили также, что у раввина Моисея было найдено письмо, присланное из Саксонии с просьбой о христианской крови для следующей Пасхи. Только одна из замученных жертв, человек по имени Моисей, выдержал все пытки, не подтвердив лживых обвинений своих врагов. В результате все евреи Трента были сожжены, и было решено, что отныне ни один еврей не должен селиться в городе. Только четыре человека обратились в христианство и были помилованы.

Епископ Трентский Бернардин и монахи всех орденов приложили все усилия, чтобы использовать это событие для всеобщего истребления евреев. Труп ребенка был забальзамирован и передан населению как священная реликвия. Тысячи людей совершили паломничество к его останкам, и вскоре опьяненные верой паломники поверили, что они видели нимб вокруг останков младенца Симона. Об этом было сказано так много, что даже его изобретатели уверовали в мученичество. Доминиканцы со всех сторон провозглашали новое чудо и громко обличали позор евреев. Два юриста из Падуи, посетившие Трент, чтобы убедиться в правдивости случившегося, были чуть не разорваны на куски фанатичной толпой. Было необходимо, чтобы в это чудо поверили, и поэтому евреи всех христианских стран снова оказались в опасности. Даже в Италии они не осмеливались выходить за пределы городов, чтобы не быть убитыми как детоубийцы.

Дож Пьетро Мочениго и венецианский сенат по жалобе евреев на ненадежность их жизни и имущества отдали подесте Падуи приказ энергично защищать их от вспышек фанатизма и запретить монахам-проповедникам возбуждать против них толпу. Дождь сопровождал приказ замечанием, что слух о том, что евреи убили христианского ребенка в Тренте, был выдумкой, уловкой, изобретенной их врагами для достижения какой-то цели. Когда папу Сикста IV призвали канонизировать маленького Симона, он упорно отказывался и 10 октября 1475 года разослал письмо во все города Италии, запрещая почитание Симона из Трента как святого до тех пор, пока он не сможет расследовать это дело, и таким образом он успокоил народное волнение против евреев. Духовенство, тем не менее, разрешило считать кости Симона священными и учредило паломничества к церкви, построенной для его останков.

Благодаря этому обстоятельству ненависть к евреям в Германии набрала новую силу. Жители Франкфурта-на-Майне выставили на мосту, ведущем в Заксенхаузен, картину, изображающую в отвратительных деталях замученного ребенка, и евреи вступили в союз с дьяволом в своей кровавой работе. Весть об убийстве ребенка в Тренте распространилась со скоростью лесного пожара по христианским странам и стала источником новых страданий для евреев. Нигде эти страдания не были такими жестокими, как в вольном городе Ратисбон, где находится одна из старейших еврейских общин Южной Германии. Считалось, что это не только очень благочестиво, но и высокоморально, и смешанный брак с евреями Ратисбона считался высокой честью. На памяти человечества ни один коренной еврей не предстал перед трибуналом за какой-либо моральный проступок. Община считалась самой образованной в стране и прародительницей всех немецких общин. Она обладала закрепленными в хартии свободами, которые императоры, принимая во внимание налог с короны, имели обыкновение продлевать при своем восшествии на престол. Евреи Ратисбона были наполовину признаны бюргерами и несли охрану вместе с христианами в качестве ополчения. Можно было бы почти сказать, что баварские князья и корпорации соперничали друг с другом в их благосклонности — конечно, просто для того, чтобы поделиться своими кошельками. Во второй половине этого столетия они стали настоящим яблоком раздора между герцогом Баварско-Ландсбергским и Фридрихом III, который, испытывая сильное давление со всех сторон, не только в империи, но даже в своих собственных владениях, надеялся наполнить свою пустую казну еврейским богатством.

В дополнение к этому семья Камерау предъявила претензии евреям Ратисбона, а также городскому совету и, конечно же, епископу. Эти противоречивые и взаимно враждебные требования делали положение евреев чем угодно, только не ложем из роз. Сначала с одной стороны, а затем и с другой поступали приказы совету заключить в тюрьму евреев, их вождей или их раввина, в то время испытанного Исраэля Бруну, до тех пор, пока, измученные заключением, они не решали заплатить то, что требовалось. Совет действительно стремился защитить их, но только до тех пор, пока гражданам не угрожала никакая опасность или евреи не конкурировали с членами христианских гильдий.

Чтобы избежать этих жестоких и произвольных поборов, благоразумие подсказывало им обратиться под защиту одного из гуситских дворян или капитанов. Таким образом, они пользовались бы большей безопасностью, чем это было возможно под так называемой защитой императора, поскольку более медлительные немцы не на шутку боялись пламенных гуситов. Хотя они в какой-то степени отказались от своего еретического фанатизма и перешли на службу к католическим монархам, их отчаянная доблесть все еще была источником ужаса для православного духовенства. Это событие доказало, что евреи поступили мудро, обратившись к ним за защитой.

В Ратисбоне был избран епископ по имени Генри, человек мрачного характера, которому было незнакомо чувство милосердия, и он, естественно, настаивал на введении канонических ограничений в отношении евреев. В качестве примера для других, например, он безжалостно наказал девушку-христианку, поступившую в услужение к еврею, и цирюльника-христианина, пустившего кровь клиенту-еврею. Его враждебность была заразной. Однажды, когда еврейская акушерка заболела, а христианка собиралась осмотреть нескольких еврейских женщин, совет фактически не осмелился дать ей требуемое разрешение без санкции епископа.

Епископ Генрих и герцог Людовик, единые в своей ненависти к евреям, теперь преследовали то, что казалось заранее разработанным планом уничтожения или обращения евреев Ратисбона. С одной стороны, они заручились молчаливым согласием папы римского, а с другой - помощью влиятельных лиц в городском совете. Их кампания началась с попыток обращения в другую веру и ложных обвинений, для чего они воспользовались помощью пары никчемных обращенных евреев. Один из них, по имени Питер Шварц, писал клеветнические и оскорбительные памфлеты против своих бывших единоверцев. Другой, некто Ханс Вайоль, обрушил самую гнусную клевету на престарелого раввина Израэля Бруну, среди прочего обвинив его в том, что он купил у него семилетнего христианского ребенка и зарезал его, а раввин из Ратисбона, уже согбенный горем и страданиями, был обвинен в смерти ребенка.

Израэль Бруна (из Брюнна, родился в 1400 году, умер в 1480-м) был одним из тех сынов скорби, которые, кажется, попадают из одного несчастья в другое. По-видимому, он был изгнан из Брюнна, где был признан раввинским авторитетом, и после долгих скитаний добрался через Прагу до Ратисбона. Он поселился там и пожелал выполнять функции раввина для тех, кто мог бы доверять ему. Но ученый-талмудист, проживавший в городе, некто Амшель, мирянин, не избранный раввин, выдвинул возражения против своего конкурента и запретил Израэлю Бруне читать лекции перед учениками, заниматься вопросами развода, выполнять какие-либо раввинские функции или делить почести должности с самим собой. Поскольку у каждого были свои последователи, в общине Ратисбона возник раскол. Два его учителя, Якоб Вайль и Иссерлейн, сторонники свободы раввинской должности и явные противники духовного официоза, встали на сторону преследуемого Израэля Бруны, на сторону которого также встал Давид Шпринц, раввин из Нюрнберга. Эти люди самым ясным образом доказали, что любой еврей способен выполнять раввинские функции при условии, что он обладает необходимыми знаниями, уполномочен признанным учителем и ведет благочестивый и нравственный образ жизни. Они также привели в пользу Израэля Бруны тот факт, что он внес свою квоту в общинную казну и, следовательно, был достойным членом общины. Нарушение, тем не менее, оставалось открытым, и Израэль Бруна часто подвергался оскорблениям со стороны противоположной стороны. Однажды, когда он собирался провести лекцию, несколько зачинщиков покинули аудиторию, и за ними последовали многие другие. Ученики его противника тайно нарисовали кресты на его сиденье в синагоге, написали рядом с ними ненавистное слово "еретик" (Эпикурос) и нанесли ему другие оскорбления. Со временем, после смерти великих раввинов Якоба Вейля и Израэля Иссерлейна, Бруна был признан раввинским авторитетом, и ему присылали вопросы отовсюду. Его несчастья, однако, не прекратились. Когда император Фридрих потребовал от общины Ратисбона уплаты королевского налога, герцог Людовик воспротивился уплате, и совет не смог решить, на чьей стороне оказать помощь. После этого император бросил Израэля Бруну в тюрьму, чтобы заставить его пригрозить своему народу запретом, если они не выплатят третью часть своего имущества. Он был освобожден только под залог всего своего имущества; и, вдобавок, страшные обвинения в детоубийстве и других тяжких преступлениях были выдвинуты против дряхлого старика обращенным евреем Хансом Вайодем. Епископ Генрих и духовенство были только рады удовлетворить свою ненависть к евреям посредством этого обвинения, и одурманенное население тем больше верило этой лжи, что с каждым днем увеличивались слухи о гибели христианских детей от рук евреев. Никто в Ратисбоне не сомневался, что седой старик Израэль Бруна подло убил христианского ребенка, и его собирались казнить по требованию духовенства. Чтобы увести его от ярости толпы, совет, опасавшийся привлечения к ответственности, заключил его в тюрьму.

Тем временем встревоженная община обратилась не только к императору, но и к чешскому королю Ладиславу, которого боялись больше, чем императора; и вскоре от обоих поступили строгие указания немедленно освободить раввина без выкупа. Совет, однако, извинился, сославшись на страх перед епископом и толпой. Вслед за этим последовал приказ императора отложить казнь Израэля Бруны до тех пор, пока он не явится на сейм в Аугсбурге. Совет был еще менее удовлетворен этим распоряжением, поскольку опасался потерять свою юрисдикцию над евреями. Соответственно, он был готов принять решительные меры в этом вопросе. Обвинителя, Ганса Вайоля, повели по каменному мосту, где наготове стоял палач. Ему сообщили, что он должен умереть, и предостерегли не уходить в вечность с ложью на устах. Закоренелый грешник настаивал на своих обвинениях против евреев в целом, но признался, что раввин Израэль Бруна был невиновен по обвинению в детоубийстве, и по получении очередного рескрипта от императора Вайоль был изгнан, а раввин освобожден из тюрьмы. Однако он был вынужден дать клятву, что не будет мстить за свои долгие страдания. Этот бедный, немощный седобородый человек — как он мог отомстить за себя?

В этот момент весть о мученической смерти Симона Тридентского достигла Ратисбона и подлила масла в огонь. Епископ Генрих был рад возможности безнаказанно преследовать евреев в интересах веры. Он кое-что слышал об этом детоубийстве по пути в Рим. По возвращении он призвал совет провести жесткое расследование в отношении евреев, обвиняемых Вольфканом. Результатом вымогательства признаний стало тюремное заключение всей общины. Часовые день и ночь стояли на страже у четырех ворот еврейского поселения Ратисбон и никому не позволяли входить или выходить. Имущество всей общины было конфисковано комиссарами и судьями, которые провели инвентаризацию всего. Несчастливым детям Израиля грозила ужасная участь.

Этот судебный процесс, привлечший в свое время значительное внимание, оказался столь же пагубным для граждан, как и для самих евреев. Сразу же после того, как началось расследование, несколько евреев Ратисбона отправились в Богемию к императору и пытались всеми средствами спасти своих несчастных братьев. Они знали, что для объяснения их праведного дела золото, и притом в большом количестве, будет превыше всего необходимого. По этой причине несколько баварских раввинов собрались на синод в Нюрнберге и решили, что баварские общины и каждый человек, не совсем обнищавший, должны внести квоту, чтобы восполнить сумму, необходимую для освобождения обвиняемых евреев из Ратисбона. Когда безопасность их братьев была под вопросом, евреи, как бы они ни любили деньги, ни в коем случае не были экономами. Заступничество богемской знати, под защиту которой встали несколько представителей общины Ратисбонов, не привело ни к какому результату. Гораздо более действенными были золотые аргументы, которые послы сообщества представили императору Фридриху и его советникам. Справедливо будет сказать, что этот обычно слабохарактерный монарх проявил значительные способности и твердость в этом расследовании. Он был настолько твердо убежден в ложности кровавого обвинения против евреев, что не позволил бы ввести себя в заблуждение никакими уловками. Он рассылал рескрипт за рескриптом в совет Ратисбона, приказывая немедленно освободить заключенных евреев, прекратить существование общины и вернуть их имущество. Совет, опасаясь епископа и герцога, отложил исполнение приказа, и император пришел в ярость от упрямства горожан, когда до него дошло известие, что, несмотря на императорский приказ, они уже казнили некоторых евреев. Вслед за этим он объявил, что город попал под запрет империи из-за своего упорного неповиновения, и призвал его ответить за свое неповиновение. В то же время он

послал имперского канцлера лишить город уголовной юрисдикции и пригрозить ему другими суровыми наказаниями.

Фридрих, как правило, слабый, в этом случае проявил удивительную твердость. Тем не менее духовенство выдвинуло против евреев новые и бесстыдные обвинения. В Пассау их обвинили в том, что они купили освященные облатки у христианина и осквернили их; после чего, как говорили, произошли определенные чудеса. За это епископ Пассау приказал казнить большое количество евреев: одних "милосердно" - мечом, других - на костре, а третьих - раскаленными докрасна щипцами. В память об этой бесчеловечности и "во славу Божию" рядом с местом зверств была построена новая церковь. Еврей и еврейка из Ратисбона были обвинены в соучастии в этом преступлении и брошены в тюрьму вместе с другими. Все подробности были доведены до сведения императора, чтобы вызвать его гнев. Он, однако, сохранил свою убежденность в невинности евреев Ратисбона и издал новый приказ о том, что с теми, кто находится в тюрьме по обвинению в осквернении храма, нельзя ни пытаться, ни предавать смерти, а обращаться так же, как с другими заключенными. Напрасно совет посылал ко двору императора заместителя за заместителем. Фредерик решительно заявил: "По справедливости и чести я не могу и не допущу, чтобы эти евреи были убиты, и люди Ратисбона, которые так долго ожесточались в своем неповиновении, конечно, не будут судить их".

Таким образом, после долгого сопротивления совет был вынужден поцеловать розгу и дать письменное обещание освободить заключенных евреев и не изгонять никого из города из-за этого судебного процесса. Кроме того, город был приговорен выплатить штраф в размере 8000 гульденов в имперскую казну и внести залог в размере 10 000 гульденов — последнее бремя, как ни странно, пришлось нести евреям. Об обращении к папе не могло быть и речи, поскольку опыт учил, что "папский двор был еще более жаден до золота, чем императорский".

Когда община Ратисбона была проинформирована об этом завершении дела и об условиях, на которых она могла бы обрести свободу — заплатив не только наложенную на нее сумму, но также городской штраф и судебные издержки, — она отказалась. Делегаты заявили, что общая сумма превышает имущество евреев, поскольку они были лишены на три долгих года свободы и всякой возможности зарабатывать деньги. Они предпочли свое нынешнее жалкое состояние нищенству. Таким образом, они оставались в заключении еще два года, частично из-за нехватки денег, а частично из-за того, что потребовали чрезмерного залога. В конце концов они были отпущены на свободу, дав клятву, что не будут мстить и не вывезут своих людей и имущество из города Ратисбон.

Все евреи, жившие в Швабии, были изгнаны, несомненно, вследствие ложных обвинений в связи с детоубийством Трента. Уже в восемнадцатом веке эта бесстыдная ложь повторялась, и во многих местах евреи приносили в жертву жизнь и имущество.

ГЛАВА X. ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ.

Еврейская кровь в жилах испанской знати—Марраны придерживаются иудаизма и проявляют непобедимую антипатию к христианству—Фердинанд и Изабелла—Доминиканцы, Альфонсо де Охеда, Диего де Мерло и Педро де Солис—Катехизис Марранов—Полемический труд против католической церкви и деспотизма дает мощный импульс инквизиции—Трибунал учрежден в 1480 году—Мигель Морильо и Хуан де Сан Мартин — первые инквизиторы—Инквизиция в Севилье— " Эдикт милости"-Процессия и аутодафе-Количество обвиняемых и осужденных—Папа Сикст IV и его нерешительная политика в отношении инквизиции—Инквизиция под руководством первого генерального инквизитора Томаса де Торквемады; ее Конституции—Марраны Арагона —Они обвиняются в смерти инквизитора Арбуэса—Преследования и жертвы—Судебные процессы против двух епископов, благосклонных к евреям, Де Авилы и Де Аранды.

1474–1483 С.Е.

Еврейский поэт назвал Испанию "адам евреев", и действительно, эти мерзкие изверги в монашеских рясах, изобретатели Святой инквизиции, превратили эту прекрасную страну в Ад. Каждое несчастье, каждую смертельную муку, придуманную только самым экстравагантным воображением поэта; каждый ужас, способный взволновать сердце человека до самых глубин, эти чудовища в одеянии смирения навлекли на евреев Гесперийского полуострова.

Эти калибанцы также сказали: "Сожгите только их книги", ибо в этом их сила". Доминиканцы хотели уничтожить не только тела, но саму душу и дух евреев. И все же они не смогли погасить жизнь иудаизма. Им удалось лишь превратить испанский рай в одну огромную темницу, в которой сам король не был свободен. Инквизиция, созданная нищенствующими монахами, глубоко ранила еврея, но не смертельно. Его раны сейчас почти зажили; но Испания все еще страдает, возможно, без всякой надежды на излечение, от ран, нанесенных инквизицией. Фердинанд католик и Изабелла Фанатичка, которые через союз Арагона и Кастилии заложили фундамент величия Испании, в то же время созданием инквизиции подготовили почву для ее упадка и окончательного разорения.

Новохристиане, которые сотнями и тысячами населяли королевства Арагон и Кастилия, были множеством шипов в монашеской плоти. Многие из них занимали высокие государственные посты и благодаря своему богатству обладали огромным и далеко идущим влиянием. Они также были в родстве со многими представителями старой знати; действительно, было мало влиятельных семей, в жилах которых не текла еврейская кровь. Они составляли третью часть горожан и были умными, трудолюбивыми и миролюбивыми гражданами. Эти марраны, по большей части, сохранили свою любовь к иудаизму и своей расе в глубине своих сердец. Насколько они могли, они соблюдали еврейские обряды и обычаи, либо из благочестия, либо по привычке. Даже те, кто по философским соображениям был равнодушен к иудаизму, были не менее непримиримо враждебны христианству, которое они были вынуждены исповедовать своими устами. Хотя они не делали обрезания своим детям, они омывали головы младенцам сразу после крещения. Поэтому православное духовенство справедливо рассматривало их либо как иудействующих христиан, либо как еретиков-отступников. Они не учитывали происхождение своего обращения, которое было совершено огнем и мечом. Они приняли таинство крещения, и это обрекало их и их потомков оставаться в христианской вере, какой бы

ненавистой она им ни была. Рациональное законодательство дало бы им свободу вернуться в иудаизм и, в любом случае, эмигрировать, чтобы избежать скандала. Но духовные силы были полны извращенности. То, что требует самого свободного применения сил души, должно было быть осуществлено грубой силой, к вящей славе Божьей!

При жизни дон-Генриха IV духовные члены кортесов Медина-дель-Кампо настойчиво выдвигали предложение о создании инквизиционного суда для привлечения к суду самоотводящихся или подозреваемых христиан и сурового наказания с конфискацией имущества. К несчастью для клерикалов, король ни в коей мере не был ревностным защитником веры или любителем преследований; и поэтому это решение кортесов, как и многие другие, осталось мертвой буквой. Доминиканцы, однако, обещали добиться больших результатов при новых властителях — королеве Изабелле, чьи духовники довели ее до духовного рабства, и дону Фердинанду, который, отнюдь не будучи столь суеверно настроенным, был вполне готов использовать религию как прикрытие своей алчности. Говорят, что исповедник Томас де Торквемада, воплощение порожденной адом Святой инквизиции, вырвал у инфанты Изабеллы клятву, что, взойдя на трон, она посвятит себя искоренению ереси, во славу Божью и возвышению католической веры. Теперь она была королевой; "ее трон утвердился, и ее душа была достаточно затуманена, чтобы верить, что Бог возвысил ее исключительно для того, чтобы очистить испанское христианство от скверны иудаизма".

Настоятель доминиканского монастыря Альфонсо де Охеда, к которому прислушивались королевские супруги, сделал им устрашающие заявления о преступлениях новых христиан против веры. С помощью двух других единомышленников он напряг все силы, чтобы возбудить инквизицию против маррано; и папский нунций в Испании Николо Франко поддержал предложение монаха о создании трибунала, который призвал бы их к ответу за их проступки.

Без дальнейших раздумий дон Фердинанд, видя, что его казна будет наполнена добычей обвиняемых, дал свое согласие на этот план. Более щепетильная королева колебалась, и королевская пара решила обратиться за советом к папе римскому. Два испанских посла при римском дворе, братья Франсиско и Диего де Сантльяна, настойчиво настаивали на том, чтобы папа римский и коллегия кардиналов удовлетворили просьбу своих государей. Сикст IV, у которого за золото можно было получить все, что угодно, хорошее или плохое, сразу же уловил прибыльный аспект Святой инквизиции. В ноябре 1478 года он издал буллу, уполномочивающую монархов назначать инквизиторов из числа духовенства, обладающих всеми полномочиями судить всех еретиков, отступников и их покровителей в соответствии с законами и обычаями древней инквизиции, выносить им приговоры и — что самое важное — конфисковывать их имущество.

Изабелла, на которую оказали некоторое благоприятное влияние новохристиане, с самого начала не была склонна принимать строгие меры. По ее указанию архиепископ Севильи, кардинал Мендоса, в 1478 году подготовил катехизис для использования новохристианами и распространил его среди духовенства своей епархии, чтобы они могли обучать маррано статьям, таинствам и обычаям христианской религии. Авторы этой меры проявили странную простоту, полагая, что крещеные евреи позволят усмирить антипатию, которая каждый день находила новые поводы, сухими формулировками катехизиса. Марраны, естественно, оставались в том, что церковь считала их слепотой, то есть в чистоте своего монотеизма и приверженности религии своих предков.

Случилось так, что какой-то еврей или новохристианин сильно оскорбил монархов публикацией небольшого труда, в котором он сразу разоблачил идолопоклоннический культ церкви и деспотический характер правительства. После этого королева все больше и больше склонялась к тому, чтобы согласиться с предложениями об учреждении кровавого трибунала. Эта работа произвела настолько сильное впечатление, что отец-исповедник королевы в 1480 году опубликовал опровержение по королевскому приказу. Отношение суда к новохристианам становилось все более и более враждебным, и когда комиссия, назначенная суверенами для расследования исправлений или упрямства маррано, сообщила, что они неисправимы, ей было поручено разработать устав нового трибунала. Комиссия состояла из фанатичного доминиканца Альфонсо де Охеды и двух монахов — одного ума и порядка - Педро де Солиса и Диего де Мерло.

Если бы демоны преисподней сговорились мучить невинных людей до последней капли крови и превратить их жизнь в непрерывное мученичество, они не смогли бы изобрести более совершенных средств, чем те, которые три монаха применили против своих жертв.

Статут был ратифицирован монархами, и трибунал Святой инквизиции был назначен 17 сентября 1480 года. В его состав входили люди, хорошо подготовленные для исполнения кровавого указа: доминиканец Мигель Морильо, инквизитор провинции Руссильон, известный как обращавший еретиков с помощью пыток; Хуан де Сан-Мартин; ассессор, аббат Хуан Руес, и финансовый прокурор Хуан Лопес дель Барко. Эти люди были официально утверждены Сикстом IV в качестве судей в вопросах веры, а также еретиков и отступников. Трибунал был впервые организован для города Севильи и его окрестностей, поскольку этот район находился непосредственно под королевской юрисдикцией и, следовательно, не имел кортесов, а также потому, что в нем проживало очень много маррано. Три недели спустя монархи издали указ, призывающий всех должностных лиц оказывать инквизиторам всяческую помощь, которая в их силах.

Примечательно, что как только стало известно о создании трибунала, население повсюду стало смотреть на него с неудовольствием, как будто подозревая, что он может попасться в сети, расставленные для маррано. В то время как кортесы Медина-дель-Кампо предложили учредить суд для новохристиан, большое народное собрание в Толедо в том же году — первое после восшествия на престол Фердинанда и Изабеллы — хранило абсолютное молчание по этому вопросу, как будто оно не желало участвовать в нечестивом деле. Мэр и другие официальные лица Севильи оказались настолько не склонны помогать инквизиторам, что 27 декабря 1480 года пришлось издать второй королевский указ, предписывающий им сделать это. Знать, связанная с обращенными евреями либо кровными узами, либо дружбой, стойко поддерживала их и стремилась любыми средствами защитить их от нового трибунала.

Как только новохристиане Севильи и окрестностей получили известие об учреждении инквизиции, они провели собрание, чтобы обсудить способы отражения направленного на них удара. Несколько богатых и уважаемых людей Севильи, Кармоны и Утреры, среди них Абулафия, финансовый агент королевской четы, приготовились сразиться со своими преследователями. Они раздавали людям деньги и оружие, чтобы они могли защитить себя. Старик призвал заговорщиков к вооруженному сопротивлению; но заговор был предан дочерью одного из его участников, и все попало в руки трибунала. Другие, собравшие свое имущество и бежавшие в провинции Медина-Сидония и Кадис, при губернаторах которых они надеялись получить

защиту от угрожавших преследований, были обмануты, поскольку инквизиция взялась за дело с безжалостной суровостью. Как только она разместилась в монастыре Святого Павла в Севилье, 2 января 1481 года, она издала указ губернатору Кадиса и другим должностным лицам выдать маррано и конфисковать их имущество. Тем, кто не подчинился, грозило не только отлучение от церкви, но и наказание, назначенное, как соучастникам их вины, всем, кто проявлял сочувствие еретикам, — конфискация имущества и лишение должности.

Инквизиция внушала такой ужас, что зная, не теряя времени, заключила в тюрьму тех, кому они недавно обещали защиту, и отправила их под стражей в Севилью. Число этих заключенных было настолько велико, что трибунал вскоре был вынужден искать другое здание для своих функций. Он выбрал замок в Триане, пригороде Севильи. На воротах этого кровавого дома были начертаны, в насмешку над евреями, некоторые стихи, выбранные из их Священных Писаний: "Восстань, Боже, рассуди Свое дело"; "Поймай для нас лисиц", что ясно показывало крайнее бессердечие их судей. С беглецами, которых ловили, обращались как с осужденными еретиками. Уже на четвертый день после учреждения трибунала состоялось его первое заседание. Шестеро маррано, которые либо исповедовали свою старую религию перед судьями, либо сделали ужасные признания на дыбе, были осуждены и сожжены заживо. Рассказ о жертвах разросся до таких масштабов, что городские власти выделили специальное место в качестве постоянного места казни, которое впоследствии получило печальную известность как Кемадеро, или место сожжения. Это место украшали четыре огромные карикатуры на пророков, существующие по сей день к стыду Испании и христианства. В течение трехсот лет дым от всеобщего невинного поднимался к небесам из этого адского места.

С той кротостью, которая умело прикрывает мудрость и змеиный яд, Мигель Морильо и его помощники дали новым христианам, виновным в возвращении в иудаизм, определенное время, чтобы заявить о своем раскаянии. Сделав это, они получили бы отпущение грехов и им было бы разрешено сохранить свою собственность. Это был Эдикт Благодати; но в нем не было недостатка в угрозах для тех, кто допустит, чтобы время отсрочки истекло, и будет осужден другими как отступник. Тогда вся мощь канонических законов, направленных против ереси и отступничества, была бы применена против них. Легковерные толпы подчинились призыву. С раскаянием они предстали перед трибуналом, сокрушаясь об ужасной вине своего обращения в иудаизм и ожидая отпущения грехов и разрешения жить в мире. Но теперь инквизиторы поставили условие, что они назовут по имени, должности, месту жительства и другим подробностям всех своих знакомых, которые, как им было известно, были отступниками. Это заявление они должны были подтвердить под присягой. Во имя Бога их попросили стать обвинителями и предателями — другом своего друга, братом своего брата и сыном своего отца. Ужас и уверенность в том, что преданные никогда не узнают имен своих предателей, развязали языки слабонервным, и вскоре у трибунала был длинный список еретиков, над которыми предстояло выполнить свою кровавую работу.

Эдикт инквизиторов призывал не только преследуемых маррано, но и каждого испанца стать доносчиком. Под угрозой отлучения от церкви каждый был обязан в течение трех дней предоставить список знакомых, виновных в еврейской ереси. Это был призыв к самым отвратительным порокам человечества стать союзниками двора: к злобе, ненависти и мести, чтобы насытиться предательством; к жадности, чтобы обогатиться; и к суеверию, чтобы обрести спасение предательством.

И каковы были признаки этой ереси и отступничества? Инквизиция опубликовала очень полное практическое руководство по этому вопросу, чтобы каждый доносчик мог найти веские основания для своего доноса. Были выдвинуты следующие признаки ереси: если крещеные евреи лелеяли надежды на Мессию; если они считали Моисея таким же эффективным средством спасения, как Иисус; если они соблюдали субботу или еврейский праздник; если они обрезали своих детей; если они соблюдали еврейские диетические законы; если они носили чистое белье или лучшую одежду в субботу, стелили скатерти или не зажигали огня в этот день, или если они ходили босиком в День Искупления, или просили прощения друг у друга. Если отец возлагал руки в благословении на своих детей, не осеняя их крестным знамением; если кто-то произносил молитвы, отвернувшись лицом к стене или покачивая головой; или если он произносил благословение (Бараха, Бераха) над кубком с вином и передавал его тем, кто сидел с ним за столом, его считали непокорным. Разумеется, пренебрежение церковными обычаями было сильнейшим основанием для подозрений и обвинений. Опять же, если новообращенный христианин повторял псалом, не добавляя "Глория"; или если он ел мясо в дни поста; или если еврейка не ходила в церковь через сорок дней после родов; или если родители давали своим детям еврейские имена, обвинение в ереси считалось доказанным.

Даже самые невинные действия, если они совпадали с еврейскими обычаями, расценивались как признаки усугубляющейся ереси. Если кто-либо, например, на еврейский праздник Кушцей принимал подарки со стола евреев или отправлял их; или если новорожденного ребенка купали в воде, в которую были положены золотые монеты и кукурузные зерна; или если умирающий человек в свои последние минуты отворачивался лицом к стене — все подобные действия считались признаками ереси.

Таким образом, недобросовестным людям предоставлялась широкая возможность для доноса, и трибунал имел возможность обвинять в ереси наиболее ортодоксальных прозелитов, когда хотел уничтожить их влияние или конфисковать их имущество. Естественно, что застенки инквизиции вскоре наполнились еврейскими еретиками. С самого начала в тюрьму было брошено 15 000 человек. Христианские священники Молоха открыли первое аутодафе 6 января 1481 года торжественной процессией, которая повторялась бесчисленное количество раз в течение последующих трехсот лет. Духовенство в своих роскошных облачениях и с распятиями; вельможи в черных мантиях со своими знаменами и вымпелами; несчастные жертвы в отвратительном Сан-Бенито, коротком и облегающем, разрисованном красным крестом, языками пламени и фигурами дьяволов; сопровождающий их хор огромной толпы — так палачи с гордой осанкой и жертвы в самом жалком обличье маршировали к месту мучений. Прибывшие туда инквизиторы зачитали свой приговор жертвам. К ужасу этой сцены добавлялась жуткая насмешка над тем, что трибунал не привел в исполнение смертный приговор, а оставил его на усмотрение светского судьи; ибо предполагалось, что церковь, хотя и по уши пропитана кровью, не должна желать смерти грешнику. Еврейские еретики немедленно предавались огню или, если они раскаивались, их сначала душили. Во время первого аутодафе, на котором епископ Альфонсо де Охеда произнес вступительную проповедь, были сожжены только шесть иудействующих христиан. Несколько дней спустя заговорщики из Кармоны, Севильи и других городов, а также трое самых богатых и уважаемых маррано, среди которых были Диего де Сусон, обладатель десяти миллионов, и Абулафия, в прошлом ученый-талмудист и раввин, были сожжены заживо. 26 марта семнадцать человек погибли в результате пожара на "Кемадеро". В следующем месяце было сожжено еще большее число жертв; и до ноября того же

года 298 жертв всежжения Христу испустили дух в пламени и дыму в одном только районе Севильи. В архиепископстве Кадис в течение того года заживо было сожжено не менее 2000 еврейских еретиков, большинство из которых были богатыми или состоятельными людьми, их имущество, разумеется, поступило в королевскую казну. Даже смерть не давала защиты от ярости Святой Канцелярии. Эти религиозные упыри вытаскивали из могил трупы прозелитов, умерших в ереси, сжигали их, конфисковывали их имущество, передавая его в руки их наследников, и обрекали последних на безвестность и нищету, чтобы они никогда не могли претендовать на какую-либо почетную должность. Здесь открывалось великолепное поле для алчности короля. Когда богатого наследника невозможно было осудить, оставалось только предъявить доказательства обращения его покойного отца в иудаизм, и тогда имущество частично переходило к королю, частично - к Святой инквизиции!

Многие марраны спаслись бегством из лап безжалостных преследователей и нашли убежище в соседнем мусульманском королевстве Гранада, в Португалии, Африке, Провансе или Италии. Те, кто добрался до Рима, обратились к папскому двору с горькими жалобами на жестокие и произвольные действия инквизиции против них самих и их товарищей по несчастью. Поскольку заявители приходили не с пустыми руками, их дело обычно получало готовое слушание. 29 января 1482 года папа римский обратился к Фердинанду и Изабелле с суровым письмом, в котором безапелляционно осуждал действия инквизиции. Он заявил, что его заверили в том, что действия трибунала противоречат всем формам правосудия, что многие были несправедливо заключены в тюрьму и подвергнуты страшным пыткам. Невинные люди были объявлены еретиками, а их имущество отнято у наследников. В этом письме папа римский признал, что он издал буллу об учреждении инквизиции без должного рассмотрения!

Далее Сикст заявил, что по строгой справедливости он должен сместить инквизиторов Де Морильо и Сан-Мартина; но из уважения к их величествам он позволит им оставаться на своих должностях, однако только до тех пор, пока на них больше не поступит жалоб. Если снова будут подняты протесты, он вернет инквизиторскую должность епископам, которым она по праву принадлежала. Папа римский отклонил просьбу дон Фердинанда учредить в других провинциях Соединенного королевства чрезвычайные трибуналы для суда над еретиками.

Но дон Фердинанд также знал, как применить золотой ключ к папскому кабинету, и получил буллу, санкционирующую учреждение инквизиции в провинциях Арагон. В этой булле, датированной 11 февраля 1482 года, Сикст назначил шестерых монахов и священнослужителей главными инквизиторами, среди них Томаса де Торквемаду, генерала доминиканцев Авила, монаха, уже печально известного своим кровожадным фанатизмом. В другом письме от 17 апреля он наделил этих людей дискреционными полномочиями, в силу которых они могли обходиться без определенных форм общего права, заслушивания свидетелей и допуска лиц, выступающих в качестве защитников. Так на костер приносились новые жертвы.

Однако в королевстве Арагон, где дворянство и средний класс имели весомый голос в общественных делах, осуждение еврейских еретиков без официального суда вызвало такое мощное сопротивление, что кардинал Борджиа, впоследствии печально известный Александр VI, и сам король обратились к папе с петицией об изменении условий, регулирующих практику трибунала. В письме от 10 октября Сикст извинялся за то, что не внес каких-либо радикальных изменений из-за отсутствия кардиналов, которые бежали из Рима в смертельном страхе перед чумой. Но он отменил условия, которые слишком грубо нарушали принципы общего права;

иными словами, он приказал, чтобы обвинитель и свидетели предстали перед обвиняемым лицом к лицу и чтобы процесс проводился публично.

Инквизиция также встретила сильное противодействие на Сицилии, уделе королевства Арагон. Народ и даже власти встали на сторону новохристиан и оградил их от преследований их кровожадных судей. Сами христиане открыто обвиняли жертв в том, что они были казнены не из ревности к вере, а из ненасытной жадности, которая стремилась к непрерывным конфискациям. Фанатичная Изабелла была крайне обеспокоена тем, что ее благочестивое желание предать прозелитов смерти было представлено таким зловещим образом, и даже папа римский повел себя так, как будто это ранило его в самое сердце. (Февраль 1483 г.)

Сикст IV был крайне заинтересован в поддержании дружеских отношений с испанским двором и, следовательно, пошел на все уступки в отношении инквизиции. Поскольку часто случалось, что осужденные трибуналом христианские прозелиты, которым удавалось бежать в Рим, получали отпущение грехов у папского престола с наложением лишь легкой личной епитимьи, монархи увидели, что их попытки очистить христианскую веру путем истребления еврейских прозелитов, особенно путем конфискации их имущества, были самым неприятным образом пресечены. Поэтому суд настаивал на том, чтобы папа назначил апелляционного судью в самой Испании, чтобы решения инквизиции не могли быть отменены в зарубежных странах, где могли быть задействованы всевозможные неблагоприятные влияния. Папа согласился с этим предложением и назначил Иниго Манрике главным апелляционным судьей по делам, в которых осужденные ходатайствовали о пересмотре судебного процесса. Эта мера, однако, принесла весьма сомнительную пользу несчастным преступникам, ибо на каком основании они могли подавать апелляцию, когда судебный процесс проводился тайно, и ни обвинитель, ни свидетели не были им известны? Вполне вероятно также, что трибунал оставил им не так уж много времени для возбуждения дела о пересмотре приговора. Между вынесением приговора и последним актом аутодафе прошло всего лишь очень короткое время.

Еще одна мера испанского суда, рассчитанная на то, чтобы лишить обвиняемых последней надежды на оправдательный приговор, была одобрена папой римским. Крещеные евреи или новохристиане, происходившие от них, часто занимали епископские должности и, естественно, были благосклонно настроены к своим несчастным и преследуемым собратьям по расе. По просьбе испанского суда папа римский издал буллу, постановляющую, что ни один епископ, викарий или член высшего духовенства, происходящий из еврейской семьи, будь то по отцовской или материнской линии, не должен быть судьей в каком-либо суде для рассмотрения дел еретиков. От этого запрета был только шаг до осуждения духовенства еврейской крови на костер. И его собственное настроение, и его политическая позиция теперь склоняли папу поощрять монархов в продолжении их кровавого дела. Он напомнил им, что Иисус установил свое царство на земле исключительно путем искоренения идолопоклонства и истребления идолопоклонников, и указал на недавние победы, которые испанцы одержали над мусульманами в Гранаде в качестве награды небес за их усилия по очищению веры, то есть за сожжение новообращенных христиан и конфискацию их имущества.

Если бы его Святейшество Сикст IV не был печально известен как чудовище разврата, чувственности и беспринципности, который назначал мальчиков, над которыми он сам надругался, в епископства и кардинальский сан и который не предоставлял никаких канцелярских должностей без оплаты — как записал его современник Инфессура, канцлер

Рима, — его поведения по отношению к Святой инквизиции было бы достаточно, чтобы заклеить его бессмертным позором. За короткий промежуток времени он опубликовал самые противоречивые решения и не потрудился прикрыть свою непоследовательность самым надуманным предлогом. Едва он провозгласил предельную строгость в отношении еретиков-иудействующих и назначил апелляционный трибунал, как частично отменил эти буллы и издал другую, предписывающую инквизиции более мягкое разбирательство, только для того, чтобы, в свою очередь, изменить эту политику.

Ненавистные Марраны, среди них пылкий Хуан де Севилья, приложили все усилия, чтобы добиться от папского двора указа о том, что те, кто подвергся частной епитимье в Риме, не должны подвергаться притеснениям и преследованиям алчного короля и его кровожадных инквизиторов, но должны рассматриваться как кортодоксальные христиане. Сначала папа согласился и 2 августа 1483 года издал буллу "для вечной памяти и в качестве руководства на будущее", в которой он особо рекомендовал смягчать строгость милосердием в обращении с новохристианами, видя, что суровость инквизиции перешла границы правосудия. Булла предписывала, что все новохристиане, признавшие в своем раскаянии генеральному исповеднику в Риме и получившие епитимью, не должны преследоваться инквизицией и их судебные процессы должны быть прекращены. Он призывал короля и королеву "внутренностями Иисуса Христа" помнить, что только в милосердии и доброте человек может быть подобен Богу, и что, следовательно, они могли бы в этом следовать по стопам Иисуса, чьим особым свойством было проявлять милосердие и прощать. Папа разрешил копировать эту буллу неограниченное количество раз, при этом каждая копия имела авторитет оригинала, чтобы отношение папы к новохристианам стало общеизвестным. В заключение Сикст заявил, что он издал эту буллу исключительно по собственной инициативе, а не повинувшись внешнему влиянию, хотя в высших кругах было хорошо известно, что она была куплена на новохристианское золото. Государи, однако, не желали иметь ничего общего с милосердием или снисходительностью; они желали смерти виновных и завладения их имуществом. Папа также не был склонен к мягким мерам. Несколько дней спустя, 13 августа, он отозвал эту буллу, извинившись перед королем за ее содержание, и сказал, что она была издана в слишком большой спешке. Таковы были последовательность и непогрешимость его Святейшества папы Сикста IV!

Напрасно дон Хуан де Севилья, добившийся обнародования благоприятной буллы, пытался распространить ее. Ему не удалось найти ни одного чиновника в Испании, который скопировал бы и подтвердил это. Поэтому он обратился к португальскому архиепископу Эворы, который добился, чтобы его нотариус скопировал это письмо и признал его подлинным. Инквизиция, однако, с крайним подозрением относилась к тем, кто искал и получал индульгенции в Риме, и дон Хуан де Севилья и его товарищи в конце концов попали в ее руки и были сурово наказаны.

Каким бы ужасным ни был трибунал до сих пор; хотя многие тысячи обращенных в веру и их потомков за три коротких года его существования были брошены в огонь, оставлены гнить в темницах, изгнаны из своей страны или доведены до нищеты, это была детская игра по сравнению с тем, во что он превратился, когда оказался под контролем священника, чье сердце было закрыто для всякого чувства милосердия, чьи уста дышали только смертью и разрушением, и который соединял дикость гиены с ядом змеи. До сих пор инквизиция была ограничена южной Испанией, округами Севилья и Кадис, а также христианской провинцией Андалусия. В остальных провинциях Испании она до сих пор не могла закрепиться из-за сопротивления, оказанного ее введению кортесами. Из-за сопротивления народа злая воля

инквизиторов Морильо и Хуана де Сан-Мартина оставалась бездействующей; их поднятая рука была парализована бесчисленными трудностями. Если кое-где в остальных округах Испании и проводилось несколько судебных заседаний, то они были изолированы и не имели организации и, таким образом, не могли предоставить друг другу потерпевших. Таким образом, король Фердинанд еще не собрал достаточно сокровищ, а благочестивая Изабелла не видела достаточного количества новых христиан, корчившихся в огне. Теперь, к их общему удовольствию, они убедили папу назначить генерального инквизитора, который должен был составлять, направлять и надзирать за несколькими судами, чтобы ни один из подозреваемых Маррано не избежал своей участи и чтобы сопротивление населения могло быть сломлено любыми видами терроризма. Хладнокровно и без особого интереса даже к самой вере папа согласился; и в мае 1483 года назначил доминиканца Томаса де Торквемаду, до сих пор приора монастыря в Сеговии, генеральным инквизитором Испании. Есть определенные люди, которые являются воплощением добрых или злых чувств, мнений и принципов и полностью иллюстрируют их крайние последствия. Торквемада был воплощением Святой инквизиции со всей ее дьявольской злобой, ее бессердечной суровостью, ее кровожадной свирепостью.

"Из Рима вышло дикое чудовище таких чудесных очертаний и отвратительной наружности, что при звуке его имени трепещет вся Европа. Его корпус сделан из железа, закаленного в смертельном яде, и покрыт чешуей из непробиваемой стали. Тысячи ядовитых крыльев поддерживают его, когда он парит над охваченной ужасом землей. Его природа подобна хищному льву и змее африканской пустыни. Его укус страшнее, чем укус самого огромного монстра. Звук его голоса убивает быстрее, чем смертоносный взгляд василиска. Из его глаз и пасти струятся огонь и непрерывные молнии. Он питается человеческими телами, а питьем для него являются человеческие слезы и кровь. Он превосходит орла в скорости полета, и там, где он вынашивает свои мечты, его черная тень рассеивает ночной мрак. Хотя солнце никогда не светит так ярко, тьма Египта следует за ним по пятам. Куда бы оно ни летело, каждый зеленый луг, которого оно касается, каждое плодоносящее дерево, на которое ступает, засыхает и умирает. Своими разрушительными клыками он вырывает с корнем все, что растет, и ядовитым дыханием своим разрушает круг, по которому движется, до пустыни, подобной Сирийской, где не растет ничего зеленого, не прорастает ни одна травинка".

Так еврейский поэт Самуэль Уске, сам опаленный его пламенем, изобразил инквизицию.

Надпись, которую поэт Данте поместил на воротах Ада —

"Оставьте всякую надежду, вы, кто входит сюда!"

еще больше подошло бы для застенков Святой инквизиции, которые жестокая энергия Торквемады теперь установила почти во всех крупных городах Испании. Он сразу же учредил три новых трибунала в Кордове, Хаэне и Вильяреале (Сьюдад-Реаль), а позже - один в Толедо, столице южной Испании. Кабинеты инквизиции были полностью заполнены им лицемерными и фанатичными доминиканцами, которых он сделал орудиями своей воли, так что они работали как единый организм с единой головой, готовые по его слову творить самые отвратительные зверства с хладнокровием, которому могли бы позавидовать каннибалы. В те дни Испания была наполнена гниением подземелий, трупным смрадом и потрескиванием пламени, в котором сжигали невинных евреев, принужденных к вере, ложность которой демонстрировалась каждым действием служителей церкви. Вопль страдания, пронизывающий до мозга костей, разнесся по этой прекрасной стране; но их католические величества парализовали руку

каждого человека, побуждаемого милосердием положить конец бойне. При самом суде заседала комиссия по делам иудео-христиан, председателем которой был генеральный инквизитор.

Дон Фердинанд хотел увековечить юрисдикцию инквизиции на своих наследственных землях, чтобы наполнить свой кошелек добычей поселившихся там новохристиан. Во время собрания кортесов в Таразоне в апреле 1484 года он изложил свои планы перед своим тайным советом и отменил древние привилегии страны, существовавшие с древнейших времен и предусматривавшие, что ни один уроженец Арагона, каким бы ни было его преступление, не должен подвергаться конфискации своего имущества. Генеральный инквизитор соответственно назначил на архиепископство Сарагосы двух инквизиторов, соперничавших с ним в кровожадном фанатизме, каноника Педро Арбуэса де Эпила и доминиканца Гаспара Жюглара. Теперь всем должностным лицам и знати был издан королевский указ, предписывающий им оказывать всяческую помощь инквизиторам. Верховный судья Арагона, хотя и еврейского происхождения, и другие высокопоставленные лица были обязаны принести клятву, что они не пожалеют усилий для уничтожения преступников, осужденных трибуналом.

Торквемада, сама душа инквизиции, теперь решил опубликовать кодекс для руководства судьями, чтобы сеть могла быть как можно плотнее опутана вокруг его жертв. Весь корпус инквизиторов был собран, чтобы рассмотреть этот план, и 29 октября 1484 года под названием "Конституции" был издан свод законов, рассчитанный на то, чтобы внушить крайний ужас, хотя было сделано не больше, чем зафиксировано на бумаге. Утверждалось, что монашеские инквизиторы просто скопировали антиеврейские постановления соборов при вестготских королях. Это правда, что декреты Рекесвинта угрожали смертью на костре или побиванием камнями всем новохристианам, уличенным в приверженности еврейским обычаям. Тем не менее, сравнение некорректно. Ибо не законы против ереси, а их правоприменение отличает "Конституции" инквизиции как самые отвратительные, когда-либо созданные человеческим злом. Это было так, как если бы самые злобные демоны совещались, чтобы выяснить, как они могут привести к гибели невинных людей.

Один указ предусматривал отсрочку на тридцать дней для тех, кто по собственной воле сделает признание в своем возвращении в иудаизм. Они должны были быть избавлены от всех наказаний и конфискации товаров, за исключением умеренного штрафа. Однако они были вынуждены изложить свое признание в письменной форме, дать точные ответы на все поставленные перед ними вопросы и особенно выдать своих товарищей по преступлению, и даже тех, кого они только подозревали в иудействующих наклонностях. Те, кто исповедовался по истечении срока отсрочки, должны были потерять все свое имущество, даже то, которым они владели на момент своего отпадения от христианства, и хотя оно перешло в другие руки. Только новохристиане моложе двадцати лет были освобождены от потери имущества в случае более позднего признания; но они были вынуждены носить на своей одежде знак позора, состоящий из пылающих крестов, Сан-Бенито, и принимать участие в процессиях и посещать торжественную мессу в этом обличье. Те, чье раскаяние пробудилось после назначенного дня, действительно должны были получить снисхождение, но они должны были остаться клейменными на всю жизнь. Ни они, ни их потомки никогда не должны были занимать никаких государственных должностей или носить одежду, расшитую золотом, серебром или жемчугом, или сделанную из шелка или тонкой шерсти, и они были обречены вечно нести "огненный крест". Если инквизиторы обнаруживали, что признание кающегося было

неискренним, их долгом было отказать ему в отпущении грехов, обращаться с ним как с непокорным и предать его огню. Если кающийся признавался в своих грехах лишь частично, он тоже приговаривался к смерти. Показания против иудействующего христианина могли, когда это было не совсем удобно, быть получены через других лиц. Не было необходимости излагать эти показания обвиняемому во всех подробностях, а просто в качестве резюме. Если, несмотря на представленные ему доказательства, он утверждал, что никогда не возвращался в иудаизм, его приговаривали к сожжению как нераскаявшегося. Неубедительные доказательства рецидива, предъявленные против маррано, привели его к казни на дыбе; в случае, если он сознался под пытками, он был предан второму судебному разбирательству. Если затем он придерживался того, в чем признался под пыткой, его осуждали; если он отрицал это, он снова подвергался пыткам. В тех случаях, когда обвиняемый не отвечал на повестку, выданную против него, он был осужден как упрямый еретик, т.е. его имущество было конфисковано.

Перед лицом такого разбирательства — пародии на судебный процесс - и предварительной решимости судьи признать обвиняемого виновным, как мог какой-либо Маррано доказать свою невиновность? Тюрьма и дыба часто делали обвиняемых настолько безразличными к своей судьбе и настолько уставшими от жизни, что они делали признания относительно самих себя, своих друзей и даже ближайших родственников, которые, казалось, подтверждали необходимость инквизиции. Суд над каждым новохристианином вовлекал других в явную вину и приводил к новым экспертизам и новым обвинениям, таким образом, предоставляя Святой канцелярии все большее число жертв.

Города королевств Арагон и Валенсия с самого начала выразили величайшее неудовольствие введением инквизиции. До этого периода они управлялись менее деспотически, чем Кастилия, и чрезвычайно ревниво относились к своей свободе. Превыше всего арагонцы ценили, как зеницу ока, привилегию, запрещающую конфискацию товаров даже за самые тяжкие проступки. Теперь офицеры инквизиции должны были быть наделены неограниченной властью над жизнью и имуществом. Новохристиане, занимавшие высокие посты и влиятельные должности в Арагоне, естественно, стремились разжечь и усилить недовольство. В Теруэле и Валенсии в 1485 году вспыхнули катастрофические народные восстания против инквизиции, которые были подавлены только после большого кровопролития. Марраны и лица еврейского происхождения, однако, не отказались от своего проекта парализовать инквизицию в Арагоне. Среди них были некоторые из высших сановников государства; как, например, Луис Гонсалес, королевский государственный секретарь Арагона; Альфонсо де Кабальерия, вице-канцлер; его брат, королевский мажордом; Филипп Кlemente, главный нотариус; и такие высокопоставленные идалго, как графы Аранда, вместе со многими рыцарями, среди которых были доблестный Хуан де Абадия, чья сестра была сожжена за ересь, и Хуан Перес Санчес, чьи братья были при дворе.

Как только первые жертвы попали под действие инквизиции в Сарагосе, влиятельные новохристиане оказали давление на кортесы, чтобы побудить их выразить протест как королю, так и папе против введения трибунала в Арагоне. В королевский и папский суды были направлены уполномоченные для личного осуществления отмены указов. Они не ожидали особых проблем в Риме, поскольку там все можно было получить за деньги. С королем, по-видимому, дело обстояло гораздо сложнее. Фердинанд оставался непреклонен в решении истреблять евреев-христиан с помощью инквизиции и завладевать их имуществом. Когда комиссары отправили своим друзьям в Арагон известие о провале их усилий, Перес Санчес задумал заговор с целью смещения Педро Арбуэса, главного инквизитора Арагона, чтобы

подорвать деятельность инквизиции терроризмом и заставить короля уступить. Он поделился своим проектом со своими друзьями, и многие обязались поддержать его. Чтобы привлечь на свою сторону все сообщество новохристиан и побудить их твердо держаться вместе, руководители заговора обложили их контрибуцией на покрытие расходов, связанных с осуществлением проекта. Идальго Бласко де Алагон собрал деньги, а Хуан де Абадиа взялся нанять убийц и проследить за тем, чтобы смерть Арбуэса была достигнута. К этому заговору присоединились многие выдающиеся люди еврейского происхождения в Сарагосе, Таразоне, Калатаюде, Уэске и Барбастро.

Хуан де Абадиа нанял двух надежных людей, Хуана де Эспераиндо и Видаля де Урансо, с четырьмя помощниками, чтобы они совершили казнь инквизитора Арбуэса. Предполагаемая жертва, по-видимому, подозревала о заговоре, поскольку он защитил свое тело кольчужной рубашкой, а головучем-то вроде стального колпака. Перед рассветом 15 сентября 1485 года, когда он входил в церковь с фонарем, чтобы послушать раннюю мессу, заговорщики последовали за ним. Как только он упал на колени, Эспераиндо ударил его мечом по руке, а Видаль ранил его в шею. Он был вынесен из церкви весь в крови и умер два дня спустя. Заговорщики немедленно обратились в бегство. Как только весть о нападении на главного инквизитора распространилась по Сарагосе, это вызвало бурную реакцию. Православные христиане собирались толпами, яростно крича: "В огонь вместе с жидохристианами! Они убили главного инквизитора!" Маррано были бы перебиты все до единого на месте, если бы королевский бастард, молодой архиепископ Альфонсо Арагонский, не вскочил на коня и вооруженной силой не сдержал толпу, пообещав им полное удовлетворение в виде сурового наказания виновных и их сообщников.

Король Фердинанд удачно использовал этот неудачный заговор для учреждения инквизиции в Арагоне. Монархи проводили общественный траур по убитому Арбуэсу на грани идолопоклонства. В его память была освящена статуя в честь его заслуг перед религией и уничтожения еврейских еретиков. Доминиканцы ни в коей мере не были недовольны смертью главного инквизитора. На самом деле они нуждались в мученике, который позволил бы им окружить свой кровавый трибунал ореолом славы. Они приложили все усилия, чтобы возвести Педро Арбуэса в ранг святого или христианского полубога. Вскоре они сфабриковали божественное послание святого истребителя еретиков, в котором он призывал весь мир поддерживать Святую инквизицию и продвигать ее вперед, а также успокоил угрызения совести членов трибунала из-за огромного количества людей, которых они предали огню, заверив их, что самые почетные места на небесах ожидают их в награду за их благочестивые усилия.

Неудавшийся заговор Марранов в Сарагосе принес христианскому Молоху огромное количество новых жертв. Несколько заговорщиков дали полное признание, и вскоре у инквизиторов был полный список виновных. Их преследовали с удвоенной энергией как еретиков-иудействующих и врагов Святой Канцелярии. Тех, кто играл ведущую роль в заговоре, как только они попадали в руки своих судей, протаскивали по улицам Сарагосы, им отрубали руки, а затем вешали. Хуан де Абадиа избежал этой позорной участи, покончив с собой в тюрьме. Более двухсот евреев-христиан были сожжены как сообщники, еще большее число было приговорено к вечному тюремному заключению, среди них высокопоставленный сановник столичной церкви Сарагосы и немало женщин благородного происхождения. Франсиско де Санта-Фе также умер на костре. Даже те, кто на короткое время принял заговорщиков во время их бегства, были вынуждены присутствовать на аутодафе как кающиеся

грешники и потеряли свои гражданские права. Насколько далеко зашла бесчеловечность преследователей, особенно наглядно показывает одно из назначенных наказаний. Заговорщику Гаспару де Санта-Крусу удалось бежать в Тулузу, и там он умер с миром. Инквизиция, не удовлетворившись сожжением его изображения, наложила руки на его сына как на соучастника побега его отца и приговорила его отправиться в Тулузу, чтобы сообщить о своем приговоре доминиканцам этого города и потребовать от них эксгумировать тело его отца и сжечь его. Слабый сын выполнил свою позорную миссию и привез в Сарагосу свидетельство доминиканцев о том, что тело отца было обесчещено по молитве сына.

Некоторые города северной Испании, такие как Лерида и Барселона, все еще упорно сопротивлялись введению инквизиции. Их сопротивление оказалось напрасным. Железная воля Фернандо и кровожадный фанатизм Торквемады преодолели все препятствия, и папский двор был вынужден давать свое согласие на каждое предложение. С тех пор число жертв продолжало увеличиваться. 12 февраля 1486 года в Толедо было отпраздновано аутодафе с принесением во всесожжение 750 человек, 2 апреля того же года было принесено 900 жертв, а 7 мая - 750. 16 августа двадцать пять еврейских еретиков были сожжены заживо в Толедо; на следующий день пострадали два священника; а 10 декабря 950 человек были приговорены к позорной публичной епитимье. В следующем году, когда инквизиция была учреждена в Барселоне и на острове Майорка, двести Маррано погибли на костре только в этих местах. Еврей того времени Исаак Арама пишет по этому поводу следующее: "В эти дни дым от погребального костра мученика непрестанно поднимается к небесам во всех испанских королевствах и на островах. Треть маррано погибли в огне, еще треть бездомно бродит по земле в поисках места, где они могли бы спрятаться, а остальные живут в постоянном страхе перед судом ". Так из года в год росли слухи о жертвах одиннадцати трибуналов, превративших прекрасную землю Испании в пылающий Тофет, пламя которого вскоре добралось до самих христиан и пожрало их.

Безжалостное преследование новохристиан, возможно, даже в большей степени проистекало из расовой ненависти чистокровных испанцев к детям Иуды, чем из религиозного фанатизма. Лица еврейского происхождения, которых невозможно было справедливо обвинить в ереси, были включены в список обвиняемых просто потому, что они занимали высокие посты. Им не разрешалось пользоваться каким-либо достоинством или оказывать какое-либо влияние в стране. Генеральный инквизитор Торквемада даже наложил руки на двух епископов еврейской крови, Де Авилу и Де Аранду, чтобы, если невозможно было предать их огню, он мог, по крайней мере, изгнать их с их кафедр.

ГЛАВА XI. ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ИСПАНИИ.

Дружба Маррано и евреев—Торквемада требует от раввинов Толедо разоблачения Маррано—Иуда Ибн-Верга—Еврейские придворные при Фердинанде и Изабелле—Исаак Абрабанель: его история и труды—Евреи Португалии при Альфонсо V—Братья Ибн-Яхья—Бегство Абрабанеля из Португалии в Испанию—Евреи Гранады: Исаак Хамон—Эдикт об изгнании, обнародованный Фердинандом и Изабеллой—Его последствия—Отъезд из

Испании—Число изгнанников—Упадок Процветание Испании после изгнания евреев — Превращение синагог и школ в церкви и монастыри—Инквизиция и Марранос—Деза, преемник Торквемады.

1483–1492 С.Е.

Чудовище инквизиции, излив свой гнев на новохристиан, теперь простерло свои руки над евреями и обрек их на жалкую участь. Связь между евреями и марранами была слишком тесной, чтобы первых не заставили участвовать в несчастьях последних. Они были в близких отношениях друг с другом, были связаны друг с другом тесными, братскими узами. Евреи испытывали искреннюю жалость к своим несчастным собратьям, столь неохотно надевшим маску христианства, и стремились поддерживать с ними связь с еврейской общиной. Они обучали рожденных в христианстве маррано обрядам иудаизма, проводили с ними тайные встречи для молитвы, снабжали их религиозными книгами и письменами, информировали их о наступлении постов и праздников, снабжали их на Пасху пресным хлебом и в течение всего года мясом, приготовленным в соответствии с их собственным ритуалом, и делали обрезание их новорожденным сыновьям. В Севилье, фактически во всей Андалусии, было бесчисленное множество новохристиан, крещенных во время яростной атаки Фердинанда Мартинеса на евреев и позже, во время гонений 1391 года, так что это было хорошее поле для деятельности евреев, которые пытались вернуть братьев-перебежчиков в ряды иудаизма. Одним из наиболее активных участников этой работы был Иуда Ибн-Верга из Севильи, каббалист и астроном, которого губернатор Андалусии высоко ценил. Король и королева намеревались создать здесь инквизицию, и первым шагом было отделить евреев от христиан, особенно новохристиан, и уничтожить все связующие звенья между ними. Кортесы Толедо настаивали на соблюдении строгих правил, от которых до сих пор так часто уклонялись, для особых еврейских (и мавританских) кварталов, но строго исполняемый закон о раздельном проживании, вступивший в силу по всему королевству, не смог разорвать любовные отношения, существующие между евреями и марранами. Несмотря ни на что, поддерживалось самое тесное общение, только более тайное, более осмотнительное. Чем больше опасность разоблачения, тем больше очарования от встречи, несмотря на пристальные взгляды жрецов-шпионов и их мирмидонцев, для взаимного утешения и ободрения. Эти встречи евреев и мавров, судя по секретности, с которой они проводились, и сопутствующей им опасности, носили романтический характер. Таким образом, были созданы любовные узы единения, которые становились все теснее и крепче при каждом усилии ослабить их.

Дьявольский Торквемада стремился всеми возможными средствами разрушить эти узы. Как только он стал великим инквизитором, он отдал приказ, чтобы Марраны явились на исповедь, приказал созвать раввинов Толедо и потребовал от них клятвы, что они будут доносить на новохристиан, соблюдающих еврейские обряды и церемонии, и отлучат от церкви евреев, которые откажутся стать свидетелями против собственного народа. Им угрожали суровым наказанием, если они откажутся принести эту клятву (1485). Какая трагическая борьба развернулась для раввинов Толедо! Они сами должны были протянуть руку помощи, чтобы вырвать своих верных братьев из иудаизма и предать их христианству или, скорее, на костер! Конечно, они не могли быть доведены до этого и предпочли понести наказание! Иуда Ибн-Верга, которому инквизиторы приказали выдать псевдохристиан, тайно придерживавшихся иудаизма, предпочел покинуть свою родную Севилью и бежал в Лиссабон, где в конце концов принял мученическую смерть. Поскольку инквизиторы не могли достичь своих целей через

евреев, которые, несмотря на все меры, продолжали свои тайные сношения с новохристианами, они убедили короля и королеву издать приказ о частичном изгнании евреев из Андалусии, особенно из Севильи.

Кастильские и арагонские евреи могли бы знать из этих печальных событий, что их пребывание в Испании не может быть долгим; но они слишком сильно любили Испанию, чтобы расстаться с ней иначе, как по принуждению. Кроме того, король и королева часто защищали их от несправедливого обращения. Когда они переехали в специальные еврейские кварталы, Фердинанд и Изабелла приложили немало усилий, чтобы оградить их от раздражения и придирок. Более того, под властью этих католических государей были еврейские сборщики десятины и налогов, и, наконец, евреи полагались на тот факт, что они были необходимы христианам. Больные предпочитали обращаться за советом к еврейским врачам, низшие классы консультировались с евреями по юридическим вопросам и даже просили их прочитать письма или документы, которые они получали от духовенства. В дополнение ко всему этому случилось так, что в то время, когда Торквемада расставлял свои сети маврам и евреям, знаменитый Абрабанель получил важный пост при кастильском дворе и пользовался неограниченным доверием. Под его защитой испанские евреи надеялись противостоять ярости злобных доминиканцев. Привилегированное положение Абрабанеля при дворе, сердечность его характера, его привязанность к еврейской расе, любовь к знаниям и испытанная мудрость вернули времена Самуэля Нагрелы и убаюкали евреев ложными надеждами.

Дон Исаак бен Иуда Абрабанель (родился в Лиссабоне в 1437 году, умер в Венеции в 1509 году) достойно замыкает список еврейских государственных деятелей Испании, которые, начиная с Хасдая Ибн-Шапрута, использовали свои имена и должности для защиты интересов своей расы. В его благородстве современники видели доказательства происхождения Абрабанеля из царского дома Давида, отличия, которым Абрабанели гордились и которое в целом признавалось ими. Его дед, Самуэль Абрабанель, который во время гонений 1391 года, но, вероятно, лишь короткое время, жил как христианин, был великодушным человеком, поддерживавшим еврейское образование и его приверженцев. Его отец, Джуда, казначей португальского принца, был богат и доброжелателен. Исаак Абрабанель был не по годам развит, обладал ясным пониманием, но трезвым умом, без воображения и глубины. Реалии жизни, нынешние условия и события он улавливал с безошибочным тактом; но то, что было далеким, менее очевидным для обычного восприятия, лежало под покровом тумана, в который он не мог проникнуть или рассеять. Происхождение иудаизма, его великолепная древность и его концепция Бога были любимыми темами Абрабанеля с юности, и еще совсем молодым человеком он опубликовал трактат, в котором излагалось провидение Божье и его особое отношение к Израилю. Однако философские концепции были для него приобретенными, а не врожденными; он не обладал способностью решать метафизические вопросы. С другой стороны, он был солидным деловым человеком, досконально разбиравшимся в финансах и государственных делах. Правящий король Португалии дон Альфонсо V, умный, добродушный, любезный правитель, смог оценить таланты Абрабанеля; он призвал его ко двору, доверил ему ведение своих финансовых дел и консультировался с ним по всем важным государственным вопросам. Его благородный нрав, его искренне набожный дух, его скромность, далекая от высокомерия, и его бескорыстное благоразумие обеспечили ему при дворе и далеко за его пределами уважение и привязанность христианских вельмож. Абрабанель поддерживал дружеские отношения с могущественным, но мягким и великодушным герцогом Фердинандом Браганским, сеньором пятидесяти городов, местечек, замков и крепостей, способным вывести

на поле боя 10 000 пехотинцев и 3000 кавалеристов, а также со своими братьями, маркизом Монтемаром, коннетаблем Португалии, и графом Фаро, которые жили вместе в братской привязанности. С ученым Джоном Сезирой, который пользовался большим уважением при дворе и был теплым покровителем евреев, у него сложились тесные дружеские отношения. Абрабанель так описывает свою счастливую жизнь при дворе короля Альфонсо:

Я спокойно жил в своем унаследованном доме в прекрасном Лиссабоне. Бог дал мне благословения, богатство и почести. Я построил себе величественные здания и покои. Мой дом был местом встреч ученых и мудрецов. Я был фаворитом во дворце Альфонсо, могущественного и честного короля, при котором евреи наслаждались свободой и процветанием. Я был близок с ним, поддерживал его, и пока он был жив, я часто бывал в его дворце".

Правление Альфонсо стало концом золотого времени для евреев Пиренейского полуострова. Хотя в его время был завершен португальский свод законов (Ordenaçoens de Alfonso V), содержащий византийские элементы и канонические ограничения для евреев, следует помнить, что, с одной стороны, король, который был несовершеннолетним, не принимал участия в их разработке, а, с другой стороны, ненавистные законы не выполнялись. В его время евреи в Португалии не носили значков, но ездили на богато убранных лошадях и мулах, носили национальные костюмы: длинные плащи, красивые капюшоны и шелковые жилеты, а также носили позолоченные мечи, так что их невозможно было отличить от христиан. Большое число сборщиков налогов (Rendeiros) в Португалии были евреями. Князья церкви даже назначали евреев получателями церковных налогов, на что кортесы Лиссабона выразили недовольство. Независимость еврейского населения под руководством главного раввина и семи провинциальных раввинов была защищена во время правления Альфонсо и включена в кодекс. Этот кодекс предоставлял евреям право печатать свои государственные документы на иврите, а не на португальском, как предписывалось до сих пор.

Абрабанель был не единственным еврейским фаворитом при дворе Альфонсо. Два брата Ибн-Яхья Негро также часто бывали при лиссабонском дворе. Они были сыновьями некоего дона Давида, который посоветовал им не вкладывать свое богатое наследство в недвижимость, поскольку видел, что португальских евреев ждет изгнание.

Пока Исаак Абрабанель пользовался благосклонностью короля, он был "щитом и стеной для своей расы, избавлял страждущих от их угнетателей, устранял разногласия и держал в страхе свирепых львов", как описал его поэтический сын Иуда Леон. Тот, у кого было теплое сердце ко всем страждущим, кто был отцом сироте и утешителем скорбящих, испытывал еще более глубокое сострадание к несчастным из своего собственного народа. Когда Альфонсо завоевал порт Арсилы в Африке, победители привезли с собой, среди многих тысяч пленных мавров, 250 евреев, которые были проданы в рабство по всему королевству. То, что евреи и еврейки были обречены на муки рабства, было невыносимо для сердца Абрабанеля. По его призыву был сформирован комитет из двенадцати представителей лиссабонской общины, который собрал средства; затем вместе со своим коллегой он объехал всю страну и выкупал еврейских рабов, часто по высокой цене. Выкупленные евреи и еврейки, взрослые и дети, были одеты, получили жилье и содержались до тех пор, пока они не выучили язык страны и не смогли прокормить себя.

Когда король Альфонсо направил посольство к папе Сиксту IV, чтобы поздравить его с восшествием на престол и сообщить ему весть о своей победе над маврами в Африке, доктор Джон Сезира был одним из послов. Будучи единомышленником Абрабанеля сердцем и душой и дружелюбно относясь к евреям, он пообещал обратиться к папе римскому в их пользу и от имени. Абрабанель умолял своего итальянского друга Иехиэля Пизанского дружески принять Джона Сезиру, полностью предоставить себя в его распоряжение и передать ему и главному послу Лопесу де Алмейде, как польщены итальянские евреи известием о благосклонности короля Альфонсо к евреям в его стране, чтобы король и его придворные почувствовали себя польщенными. Таким образом, Абрабанель сделал все, что было в его силах, на благо своих братьев по вере и расе.

В разгар процветания, которым он наслаждался со своей милостивой и культурной женой и тремя прекрасными сыновьями, Иудой Леоном, Исааком и Сэмюэлем, он был встревожен поворотом дел в Португалии. Его покровитель, Альфонсо V, умер, и ему наследовал дон Жуан II (1481-1495), человек, во всех отношениях непохожий на своего отца — более волевой, менее добрый и полный лицемерия. Он был коронован при жизни своего отца и не обрадовался, когда Альфонсо, которого считали умершим, внезапно вновь появился в Португалии. Жуан II следовал тактике своего беспринципного современника, короля Франции Людовика XI, в стремлении избавиться от португальских грандов, чтобы создать абсолютную монархию. Его первой жертвой должен был стать герцог Фердинанд Браганцкий, королевской крови, почти такой же могущественный и уважаемый, как он сам, и более любимый. Дон Жуан II стремился убрать со своего пути этого герцога и его братьев, на которых он имел личную неприязнь. Лыстя герцогу Браганса, он составил против него письмо, обвиняющее его в тайном предательском сговоре с испанскими монархами, истинность которого до сих пор не установлена удовлетворительным образом. Он арестовал его поцелуем Иуды, предал суду как предателя своей страны, отправил на плаху и завладел его поместьями и богатством (июнь 1483 г.). Его братья были вынуждены бежать, чтобы избежать подобной участи. Поскольку Исаак Абрабанель поддерживал дружеские отношения с герцогом Браганса и его братьями, король Жуан решил заподозрить его в причастности к недавним заговорам. Враги еврейского государственного деятеля сделали все возможное, чтобы усилить эти подозрения. Царь приказал ему предстать перед ним. Не подозревая ничего дурного, Абрабанель уже собирался повиноваться, когда появился неизвестный друг, сказал ему, что его жизнь в опасности, и посоветовал ему поспешно бежать. Предупрежденный судьбой герцога Браганса, Абрабанель последовал совету и бежал в Испанию. Король послал за ним конных солдат, но они не смогли догнать его, и он благополучно добрался до испанской границы. В скромном, но мужественном письме он заявил о своей невинности в преступлении, а также о невинности герцога Браганца. Подозрительный тиран не поверил защитному письму, но распорядился конфисковать имущество Абрабанеля, а также его сына, Иуду Леона, который уже получил профессию врача. Однако своей жене и детям он разрешил переехать в Кастилию.

В городе Толедо, где он нашел убежище, Исаак Абрабанель был с почетом принят евреями, особенно образованными. Вокруг знаменитого, невинно преследуемого еврейского государственного деятеля собрался круг ученых людей и учеников. С раввином Исааком Абоабом и главным сборщиком десятины Авраамом старшим у него завязалась тесная дружба. Последний, похоже, сразу же взял его в партнеры по сбору налогов. Совесть мучила Абрабанеля за то, что он пренебрег изучением Закона, занимаясь государственными делами и маммоной, и он приписывал свои несчастья справедливой каре небес. Он сразу же начал

писать, по настоятельной просьбе своих новых друзей, изложение книг ранних пророков, которыми до сих пор из-за их кажущейся простоты пренебрегали комментаторы. Поскольку он обдумывал их и раньше, то вскоре завершил работу. Конечно, никто не был лучше Абрабанеля подготовлен к изложению исторической библейской литературы. В дополнение к знанию языков, он обладал опытом общения с миром и пониманием политических проблем и сложностей, необходимых для раскрытия израильских архивов.

У него было преимущество перед другими толкователями в том, что он использовал христианские экзегетические труды Иеронима, Николаса де Лира и крещеного Павла Бургосского и брал из них самое ценное. Таким образом, Абрабанель в этих комментариях пролил свет на многие неясные отрывки. Они выдержаны в научном стиле, систематизированы, и перед каждой книгой помещены понятное предисловие и оглавление - расположение, скопированное у христианских комментаторов и искусно приведенное им в соответствие. Если бы Абрабанель не отличался таким размытым стилем и не имел привычки начинать каждую главу Священного Писания излишними вопросами, его диссертации были бы или, во всяком случае, заслуживали бы большей популярности. Ему также не следовало выходить за пределы своей компетенции и заниматься философскими исследованиями. Абрабанель принял ортодоксальную точку зрения Нахмани и Хасдая, просто дополнив их собственными общими местами. Он не был достаточно терпим, чтобы прислушиваться к либеральному взгляду на иудаизм и его доктрины, и обвинил работы Альбалага и Нарбони в ереси, причислив этих исследователей к беспринципному отступнику Абнеру-Альфонсо из Вальядолида. Леви бен Джерсон нравился ему не больше, потому что во многих случаях он прибегал к философским интерпретациям и не принимал чудеса безоговорочно. Подобно строго ортодоксальным евреям своего времени, таким как Джозеф Яабес, он был убежден, что унижения и преследования, которым подвергались евреи Испании, были вызваны их ересью. И все же, страдали ли немецкие евреи, совершенно не затронутые еретической философией, меньше, чем их собратья в Испании? Абрабанелю было предоставлено лишь короткое время, чтобы заняться своим любимым исследованием; автор снова был вынужден стать государственным деятелем. Когда он собирался разграничить иудейских и израильских монархов, его вызвали ко двору Фердинанда и Изабеллы, чтобы доверить им заботу об их финансах. Доходы, похоже, процветали под его управлением, и за восемь лет его правления (март 1484-го - март 1492-го) с ними все было в порядке. Он был очень полезен королевской чете благодаря своей мудрости и благоразумному совету. Сам Абрабанель рассказывает, что он разбогател на службе у короля и купил себе землю и поместья, и что от двора и высших вельмож он получал большое уважение и почести. Он, должно быть, был незаменим, учитывая, что католические монархи на глазах у злобного Торквемады и вопреки каноническим декретам и всем резолюциям, неоднократно принимаемым кортесами, запрещающим евреям занимать должности в правительстве, были вынуждены доверить этому еврею-министру финансов главную движущую силу политической жизни! Сколько услуг Абрабанель оказал своему народу за время своего пребывания на этом посту, благодарная память не смогла сохранить из-за бури несчастий, обрушившихся на евреев позже; но в Кастилии, как и в Португалии, он был для них защитной стеной. Лживые и устрашающие обвинения со стороны их злейших врагов, доминиканцев, были нежелательны. В одно время говорили, что евреи проявили неуважение к какому-то кресту; в другое - что в городе Ла Гуардиа они украли и распяли христианского ребенка. На основе этой лжи Торквемада сфабриковал дело против евреев и приговорил предполагаемых преступников к сожжению на костре. В Валенсии было объявлено, что они предприняли аналогичную попытку, но им

помешали в этом деле (1488-1490). То, что кастильские евреи не подверглись вымиранию из-за помощи, которую они оказали несчастным Маррано, несомненно, было заслугой Абрабанеля.

Тем временем началась война с Гранадой, столь катастрофическая для мавров и евреев, которая длилась с перерывами в течение десяти лет (1481-1491). В это должны были внести свой вклад евреи. На общину было наложено тяжелое бремя обмана (Альфарда - Налог на чужеземцев), на котором королевский казначей Вилларис настаивал с предельной строгостью. Евреев, так сказать, заставили приносить хворост на их собственный погребальный костер, и люди, добавляя оскорбление к оскорблению, насмехались над ними. В провинции Гранада, которая из-за гордыни сама привела к своему падению, было много евреев, число которых увеличилось за счет маррано, бежавших туда, чтобы избежать смерти на костре. Их положению нельзя было позавидовать, поскольку там была сильно укоренена ненависть испанцев к евреям; но их вероисповедание не подвергалось нападкам, и их жизни не подвергались постоянной опасности. Исаак Хамон был обычным врачом одного из последних королей Гранады и пользовался большим расположением при дворе. Однажды на улицах Гранады возникла ссора, и прохожие умоляли спорщиков прекратить во имя их пророка, но тщетно. Но когда им было приказано сдаться от имени королевского врача, они сдались. Это событие, свидетельствовавшее о том, что Исаак Хамон пользовался большим уважением населения, чем пророк Магомет, побудило некоторых фанатичных магометан напасть на евреев Гранады и перебить их. Спаслись только те, кто нашел убежище в королевском замке. Еврейские врачи Гранады пришли к решению впредь не надевать шелковые одежды и не ездить верхом, чтобы не возбуждать зависти магометан.

После долгой и кровопролитной борьбы прекрасный город Гранада перешел в руки гордых испанцев. Легкомысленный Мулей Абу-Абдаллах (Боабдил), последний король, подписал секретный договор с Фердинандом и Изабеллой (25 ноября 1491 г.) об отказе от города и его территории к определенному сроку. Условия, видевшие, что независимость была потеряна, были относительно благоприятными. Мавры должны были сохранить свою религиозную свободу, свои гражданские законы, свое право покидать страну и, прежде всего, свои манеры и обычаи, и от них требовалось только платить налоги, которые до сих пор они платили мавританскому королю. Ренегаты, то есть христиане, принявшие ислам, или, точнее говоря, мавританские псевдохристиане, бежавшие от инквизиции в Гранаду и вернувшиеся в ислам, должны были остаться невредимыми. Инквизиция не должна была претендовать на юрисдикцию над ними. Евреи столицы Гранады, квартала Альбайсин, пригородов и Альпухарраса были включены в положения договора. Они должны были пользоваться теми же индульгенциями и теми же правами, за исключением того, что рецидивисты Маррано должны были покинуть город, причем только первый месяц после его сдачи был сроком, разрешенным для эмиграции; те, кто оставался дольше, должны были быть переданы инквизиции. Одним из примечательных пунктов, оговоренных последним мавританским королем Гранады, было то, что ни один еврей не должен быть поставлен над побежденными маврами в качестве представителя правосудия, сборщика налогов или уполномоченного. 2 января 1492 года Фердинанд и Изабелла со своим двором при звоне колоколов, с большой помпой и торжественностью въехали в Гранаду. Магометанское королевство на полуострове исчезло, как сон из легенды Тысячи и одной ночи. Последний принц, Мулей Абу-Абдаллах, бросил долгий печальный прощальный взгляд "с последним вздохом" на навсегда утраченную славу и удалился в отведенные ему земли в Альпухаррах, но, не в силах преодолеть уныние, повернул свои стопы в сторону Африки. Спустя почти восемь столетий весь Пиренейский полуостров

снова стал христианским, как это было во времена вестготов. Но небеса не могли радоваться этому завоеванию, которое принесло новые человеческие жертвы владыкам ада. Евреи были первыми, кто ощутил трагический эффект этого завоевания Гранады.

Война против магометан Гранады, первоначально предпринятая для наказания за попытки посягательства и нарушения веры, приобрела характер крестового похода против неверия, священной войны за воздвижение креста и распространение христианской веры. Не только фанатичная королева и елейный король, но и многие испанцы были втянуты этим завоеванием в неистовый фанатизм. Должны ли неверующие магометане быть побеждены, а еще более неверующие евреи свободно разгуливать по стране? Этот вопрос был слишком уместен, чтобы не встретить ответа, неблагоприятного для евреев. Настойчивые заявления Торквемады и его друзей о том, что евреи, которые долгое время были занозой в их теле, должны быть изгнаны, поначалу встречались с безразличием, но вскоре стали привлекать больше внимания со стороны победителей. Затем пришло в голову, что из-за возросшего богатства, вызванного добычей, полученной в богатых городах завоеванной Гранады, евреи больше не были необходимы. Еще до того, как знамя с крестом развевалось над Гранадой, Фердинанд и Изабелла подумывали об изгнании евреев. С этой целью они отправили посольство к папе Иннокентию VII, заявив, что готовы изгнать евреев из страны, если он, представитель Христа, мститель за его смерть, подаст им пример; но даже этот покинутый папа, у которого было семь незаконнорожденных сыновей и столько же дочерей, и который вскоре после своего вступления на папский престол нарушил торжественную клятву, был против изгнания евреев. Мешуллам из Рима, услышав об отказе папы, с великой радостью объявил итальянской и неаполитанской общинам, что Иннокентий не согласится на изгнание. Испанские монархи приняли решение об изгнании евреев без согласия папы римского.

Из зачарованного дворца Альгамбра "католические монархи" внезапно выпустили прокламацию, согласно которой в течение четырех месяцев испанские евреи должны были покинуть каждую часть Кастилии, Арагона, Сицилии и Сардинии под страхом смертной казни (31 марта 1492 г.). Они были вольны брать с собой свои товары и движимое имущество, но ни золота, ни серебра, ни денег, ни запрещенных к вывозу предметов — только то, что было разрешено вывозить. Эту бессердечную жестокость Фердинанд и Изабелла стремились оправдать перед своими собственными подданными и перед зарубежными странами. Прокламация не обвиняла евреев в экстравагантном ростовщичестве, в чрезмерном обогащении, в высасывании мозга из костей народа, в оскорблении воинства или в распятии христианских детей — об этих вещах не было сказано ни единого слова. Но в нем говорилось, что отпадение новохристиан в "иудейское неверие" было вызвано их общением с евреями. Провозглашение продолжалось с тех пор, как было бы уместно изгнать евреев за их коварные поступки; но сначала монархи испробовали милосердие и мягкие средства, изгнав только евреев Андалусии и наказав только самых виновных, в надежде, что этих мер будет достаточно. Поскольку, однако, это не помешало евреям продолжать отвращать новохристиан от католической веры, их величествам ничего не оставалось, кроме как изгнать тех, кто снова привлек к ереси людей, которые действительно отпали, но покаяться и вернулись к святой Матери-Церкви. Поэтому их величества, посоветовавшись с князьями церкви, вельможами и учеными мужами, решили изгнать евреев из своего королевства. Ни один христианин под страхом конфискации своего имущества не должен по истечении определенного срока оказывать помощь или укрывательство евреям. Эдикт Фердинанда и Изабеллы является хорошим свидетельством в пользу евреев Испании тех дней, поскольку против них нельзя было

выдвинуть никаких обвинений, кроме того, что они оставались верны своей религии и стремились поддержать в ней своих братьев-мarrано. Легенда гласит, что их величества были озлоблены против евреев, потому что инфант нашел изображение распятого Святого Младенца в апельсине, который ему подарил еврейский придворный.

Свершился давно ожидаемый удар. Испанским евреям предстояло покинуть страну, вокруг которой выросли фибры их сердец, где покоились могилы их предков, проживших по меньшей мере полторы тысячи лет, и в чье величие, богатство и культуру они внесли столь значительный вклад. Удар обрушился на них подобно удару грома. Абрабанель подумал, что, возможно, ему удастся предотвратить его своим влиянием. Он предстал перед королем и королевой и предложил огромные суммы от имени евреев, если эдикт будет отменен. Его друзья-христиане, видные вельможи, поддержали его усилия. Фердинанд, которого больше интересовало обогащение своей казны, чем католическая вера, был склонен уступить. Тогда фанатичный великий инквизитор Торквемада возвысил свой голос. Рассказывают, что он взял на себя смелость ворваться в присутствие короля и королевы, высоко подняв распятие и произнес эти крылатые слова: "Иуда Искарот продал Христа за тридцать сребренников; ваши высочества собираются продать Его за 300 000 дукатов. Вот он, возьми Его и продай! Затем он вышел из зала. Эти слова иливливание других священнослужителей оказали сильное воздействие на Изабеллу. Она решила подчиниться эдикту и, будучи более смелой духом, чем царь, ухитрилась поддержать его вражду к евреям. Хуан де Лусена, член королевского совета Арагона, а также министр, столь же активно поддерживал эдикт. В конце апреля герольды и трубачи обошли всю страну, возвещая, что евреям разрешено оставаться только до конца июля, чтобы привести в порядок свои дела; кто бы из них ни был найден после этого на испанской земле, его ждет смерть.

Как ни велик был ужас испанских евреев от необходимости оторвать себя от любимой земли, на которой они родились, и праха своих предков, и отправиться навстречу неопределенному будущему в чужих краях, среди людей, речи которых они не понимали, которые, возможно, были настроены к ним более недружелюбно, чем испанские христиане, они должны были собраться с силами и подготовиться к своему исходу. На каждом шагу они понимали, что их ждет еще более жестокая участь. Если бы они могли, подобно английским евреям в конце XIII века и французам столетием позже, забрать свои богатства с собой, они, возможно, смогли бы обеспечить себе какое-то жалкое существование; но еврейским капиталистам не разрешалось брать с собой свои деньги, они были вынуждены принимать за них переводные векселя. Но в Испании, из-за преобладающего в ней рыцарского и церковного элемента, не было таких обменных пунктов, как в Италии, где коммерческие банкноты имели ценность. Бизнес в крупных масштабах находился в руках, по большей части, евреев и новохристиан, и последние из страха должны были держаться подальше от своих братьев по расе. Евреи, владевшие землей, были вынуждены расстаться с ней по абсурдным ценам, потому что покупателей не нашлось, и они были вынуждены выпрашивать у христиан даже самую скудную вещь взамен. Современник, Андреас Бернальдес, пастор Лос-Паласиос, рассказывает, что самые великолепные дома и самые красивые поместья евреев были проданы за бесценок. Дом обменивался на осла, а виноградник - на кусок ткани или льна. Таким образом, богатства испанских евреев таяли и не могли помочь им в трудную минуту. В Арагоне, Каталонии и Валенсии с ними было еще хуже. Торквемада, который в этом случае превзошел свою прежнюю бесчеловечность, запретил

христианам вступать с ними в какие-либо сношения. В этих провинциях Фердинанд наложил арест на их владения, так что были оплачены не только их долги, но и претензии, которые якобы предъявляли к ним монастыри. Этот дьявольский план он разработал на благо церкви. Таким образом, евреи были бы доведены до отчаяния и обратились бы ко кресту за помощью. Поэтому Торквемада возложил на доминиканцев задачу проповедовать христианство повсюду и призывать евреев принять крещение и таким образом остаться в стране. С другой стороны, раввины призывали людей оставаться непоколебимыми, принимать свои испытания как проверку своей стойкости и доверять Богу, который был с ними в течение стольких трудных дней. В пламенном красноречии раввинов не было необходимости. Каждый призывал своего соседа оставаться верным еврейской вере. "Будем сильны, - так говорили они друг другу, - за нашу религию и за Закон наших отцов перед нашими врагами и богохульниками. Если они оставят нас в живых, мы будем жить; если они убьют нас, тогда мы умрем. Мы не нарушим завет нашего Бога; наше сердце не подведет нас. Мы пойдем вперед во имя Господа". Если бы они приняли крещение, разве они не попали бы во власть запятнанной кровью инквизиции? Крест утратил свою притягательную силу даже для тепловатых евреев, поскольку они видели, под какими тривиальными предложениями представителей их расы предавали казни на костре. За год до того, как было объявлено об изгнании, тридцать два новохристианина в Севилье были прикованы живыми к столбу, шестнадцать были сожжены как чучела, а 625 человек приговорены к покаянию. Более того, евреи не были в неведении о ложных и лживых способах, которыми Торквемада заманивал в ловушку свои жертвы. Многие псевдохристиане бежали из Севильи, Кордовы и Хаэна в Гранаду, где они вернулись к еврейской вере. После завоевания города Торквемада провозгласил, что если они вернуться к Матери-Церкви, "чьи объятия всегда открыты для объятий тех, кто возвращается к ней с раскаянием", с ними будут обращаться мягко, и они наедине, без посторонних, получают отпущение грехов. Некоторые позволили очаровать себя этому сладкому голосу, отправились в Толедо и были прощены — на смерть в огне. Так получилось, что, несмотря на проповеди доминиканцев и несмотря на их неописуемо ужасное положение, лишь немногие евреи перешли в христианство в год изгнания из Испании. Из известных личностей туда перешли только богатый сборщик налогов и главный раввин Авраам Старший, его сын и его зять Меир, раввин, с двумя сыновьями последнего. Говорят, что они приняли крещение в отчаянии, потому что королева, которая не хотела терять своего умного министра финансов, пригрозила более суровыми преследованиями уезжающим евреям, если те не подчинятся. Велико было ликование при дворе по поводу крещения сеньора и его семьи. Сами их величества и кардинал выступили спонсорами. Все новокрещенные носили фамилию Коронель, и их потомки занимали некоторые из самых высоких постов в государстве.

Их общая беда и страдания развили среди испанских евреев в те последние дни перед изгнанием глубокую братскую привязанность и возвышенные чувства, которые, если бы они продолжались, несомненно, принесли бы хорошие плоды. Богатые, хотя их состояние и уменьшилось, по-братски разделили его с бедными, позволив им ни в чем не нуждаться, чтобы они не попали в руки церкви, а также оплатили расходы по их исходу. Престарелый раввин Исаак Абоаб, друг Абрабанеля, отправился с тридцатью высокопоставленными евреями в Португалию, чтобы договориться с королем Жуаном II о поселении евреев в этой стране или об их безопасном проезде через нее. Им удалось создать сносно благоприятные условия. Боль от расставания с горячо любимой страной невозможно было преодолеть. Чем ближе подходил день отъезда, тем сильнее сжимались сердца несчастных людей. Могилы их предков были им дороже всего на свете, и расставаться с ними им было тяжелее всего. Евреи города Витория

передали общине еврейское кладбище и прилегающую к нему территорию в бессрочное пользование при условии, что на него никогда не будут ни посягать, ни засаживать, и соответствующий акт был составлен. Евреи Сеговии собрались за три дня до своего исхода вокруг могил своих предков, смешивая свои слезы с пылью и растопляя сердца католиков своим горем. Они разорвали многие надгробия, чтобы унести их в качестве мемориальных реликвий, или отдали маврам.

Наконец настал день, когда испанским евреям пришлось взять в руки посох. Им была предоставлена двухдневная отсрочка, то есть им было разрешено отправиться в путь на два дня позже 31 июля. Эта дата пришлась как раз на девятую годовщину Ава, которая была полна воспоминаний о великолепии былых дней и так часто заставляла детей Израиля погруженными в горе и невзгоды. Около 300 000 человек покинули землю, которую они так глубоко любили, но которая теперь стала для них ненавистным воспоминанием. Они двинулись частично на север, в соседнее королевство Наварра, частично на юг, намереваясь поселиться в Африке, Италии или Турции. Большинство, однако, направилось в Португалию. Чтобы заглушить печальные мысли и избежать меланхолического впечатления, которое могло бы заставить некоторых дрогнуть и принять крест, чтобы остаться на земле, некоторые раввины отправили волинщиков и барабанщиков идти впереди, исполняя живую музыку, чтобы на некоторое время странники забыли о своем гложущем горе. Испания потеряла в них двадцатую часть своих самых трудолюбивых, кропотливых, интеллигентных жителей, свой средний класс, который создал торговлю и поддерживал ее в оживленном движении, как кровь в живом организме. Ибо среди испанских евреев были не только капиталисты, торговцы, фермеры, врачи и образованные люди, но и ремесленники, изготовители доспехов и металла всех мастей, во всяком случае, не было бездельников, которые коротали бы время даром. С открытием Америки евреи могли бы возвести Испанию в ранг самого богатого, наиболее процветающего и долговечного из государств, которое по причине своего единства правления, несомненно, могло бы составить конкуренцию Италии. Но Торквемада этого не хотел; он предпочитал воспитывать испанцев в запятнанном кровью идолопоклонстве, при котором в лучах лютеранской реформации благочестивых людей приговаривали к цепям, темницам или галерам, если они осмеливались читать Библию. Отъезд евреев из Испании вскоре очень заметно сказался на христианах. Талант, активность и процветающая цивилизация покинули страну вместе с ними. Небольшие города, которые черпали некоторую жизненную силу благодаря присутствию евреев, быстро обезлюдели, пришли в запустение, утратили свой дух свободы и независимости и стали орудиями растущего деспотизма испанских королей и идиотских суеверий священников. Испанская знать вскоре пожаловалась, что их города и деревни пришли в запустение, и они заявили, что, если бы они могли предвидеть последствия, они бы воспротивились королевским приказам. Остро ощущалась и нехватка врачей. Город Витория и его окрестности были вынуждены из-за ухода евреев нанять врача на расстоянии и назначать ему высокое жалованье. Во многих местах люди становились жертвами шарлатанов, хвастливых головорезов или суеверий обманутых торговцев магией. Одним словом, Испания впала в состояние варварства из-за изгнания евреев, и все богатства, которые заселение американских колоний принесло метрополии, только помогли сделать ее жителей более праздными, глупыми и раболепными. Имя евреев исчезло из страны, в которой они играли столь важную роль и литература которой была настолько наполнена еврейскими элементами, что интеллигентным людям постоянно напоминали о них. Школы, больницы и все, что евреи не могли или не осмеливались забрать с собой, король конфисковал. Он превратил синагоги в церкви, монастыри или школы, где людей

систематически держали в невежестве и обучали низкому раболепию. Прекрасная синагога в Толедо, которую еврейский государственный деятель дон Педро Самуэль Абулафия возвел около полутора веков назад, была преобразована в церковь (de nuestra Señora de San Benito) и, благодаря своей мавританской архитектуре, изысканным колоннам и великолепным пропорциям, по сей день является великолепным украшением города. В других городах Испании, которые остались в хрониках еврейской истории, в Севилье, Гранаде, Кордове, в густонаселенной Лусене, Сарагосе и Барселоне, были потеряны все следы сыновей Иакова, или еврейской знати, как называли себя гордые евреи Испании. Евреи, это правда, остались позади, евреи под маской христианства, иудеохристиане или новохристиане, оказавшие своим уходящим братьям активную помощь. Многие из них взяли на себя заботу о своем золоте и серебре и хранили их до тех пор, пока не смогли отправить их через доверенных лиц или не выдали им переводные векселя за границей. Эти переговоры часто оказывались безрезультатными, поскольку, когда фанатичные король и королева слышали о них, они посылали за оставленными сокровищами или пытались помешать выплате чеков.

Какими бы великими ни были препятствия, марраны не охладили своего рвения к своим изгнанным братьям. Они с лютой ненавистью преследовали виновных в нечеловеческой жестокости по отношению к странникам и передавали их инквизиции, обращая оружие против его создателей. По наущению Маррано, брат дон Хуана де Лусены, могущественного министра Фердинанда, был брошен в тюрьму инквизиции, содержался там под усиленной охраной, и никому из его родственников не разрешалось видеться с ним, министром, чье положение освобождало его от власти инквизиции, поскольку он советовал изгнать евреев и практически помогал в этом, а его брат безжалостно конфисковал оставленное ими имущество. Торквемада жаловался, что новые христиане преследовали дон Хуана из-за его веры. Марраны, теперь более чем когда-либо насторожившиеся, чтобы не нанести ни малейшего оскорбления, должны были усердно креститься, пересчитывать четки и бормотать заклинания, в то время как внутренне они были более чем когда-либо привязаны к иудаизму. Часто их чувства превосходили их волю, они нарушали оковы молчания, и это приводило к тяжелым последствиям. Так, один севильский маррано, увидев изображение Христа, установленное в церкви для поклонения, воскликнул: "Горе тому, кто видит это и должен поверить в это!" Такие выражения в моменты неосторожности, естественно, предоставляли наилучшую возможность для расследования, тюремного заключения, дыбы и аутодафе не только для человека, пойманного на месте преступления, но и для его родственников, друзей и всех, кто был связан с ним, у кого было какое-либо имущество. Более того, для людей, ожесточенных частым зрелищем предсмертных мук жертвоприношений, стало необходимостью время от времени становиться свидетелями торжественной трагедии человеческого жертвоприношения. Поэтому неудивительно, что при первом генеральном инквизиторе Томасе де Торквемаде в течение четырнадцати лет (1485-1498) по меньшей мере две тысячи евреев были сожжены как нераскаявшиеся грешники. Его так ненавидели, что он жил в постоянном страхе смерти. На своем столе он держал рог единорога, которому суеверия того времени приписывали способность нейтрализовать действие яда. Когда Торквемада выходил, его сопровождали телохранители (Familares) из пятидесяти человек и двести пехотинцев, чтобы защитить его от нападения. Его преемник, второй генеральный инквизитор Деза, воздвиг еще больше эшафотов; но вскоре случилось так, что люди крови перебили друг друга. Деза перед смертью обвинили в том, что он тайно был евреем. Когда к преследованиям маррано добавились гонения на оставшихся мавров и морисков, а также на последователей немецкого реформатора Лютера,

Испания под гневом Святой инквизиции буквально превратилась в арену человеческой резни. Справедливо, что почти все европейские монархи и даже парламент Парижа горько обвиняли порочных Фердинанда и Изабеллу в изгнании столь полезного класса граждан. Султан Баясид (Баязет) воскликнул: "Вы называете Фердинанда мудрым королем, тем, кто сделал свою страну бедной и обогатил нашу!"

ГЛАВА XII. ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ НАВАРРЫ И ПОРТУГАЛИИ.

Изгнанники из Наварры—Миграция в Неаполь—Король Неаполя Фердинанд I и Абрабанель—Леон Абрабанель—Несчастья евреев в Фесе, Генуе, Риме и на островах Греции—Султан Баязет—Мозес Капсали—Испанские евреи в Португалии—Еврейские астрономы Абрахам Закуто и Хосе Весиньо—Еврейские путешественники Абрахам де Бейя и Джозеф Сапатеиро—Вспышка чумы среди испанских евреев в Португалии—Страдания португальских изгнанников—Джуда Чайят и его товарищи по несчастью—Жестокость о Жуане II—Доброе обращение Манозля сменилось жестокостью во время его брака—Насильственное крещение еврейских детей—Леви бен Шабиб и Исаак Каро—Папа Александр VI—Усилия Манозля в защиту португальских маррано—Смерть Симона Майми и Абрахама Сабы.

1492–1498 С.Е.

Евреям северной Испании, в Каталонии и Арагоне, которые направили свои стопы в соседнюю Наварру с намерением найти там убежище, сравнительно повезло. Здесь, по крайней мере, была перспектива заработка и возможность поискать другие убежища. Инквизиция встретила мужественное сопротивление со стороны правителей и народа Наварры. Когда несколько маррано, замешанных в убийстве инквизитора Арбуэса, бежали в это королевство, а кровожадные ереси потребовали, чтобы их выдали палачам, город Тудела заявил, что не потерпит такого несправедливого насилия по отношению к людям, которые искали его защиты, и закрыл ворота перед их эмиссарами. Напрасно король Фердинанд, положивший глаз на Наварру, угрожал ей своим гневом. Граждане Туделы остались непреклонны. Наваррский принц, Якоб Наваррский, пострадал за приют, который он дал преследуемому Маррано. Инквизиторы внезапно арестовали, заключили в тюрьму и приговорили его, как врага Святой Канцелярии, к позорному разоблачению в церкви, где был публично зачитан список его проступков, и отпущение грехов было обещано ему только в том случае, если он подвергнется бичеванию из рук священника. Несколько других городов Наварры предоставили защиту беглецам, и около 12 000 кастильских скитальцев обосновались в Наварре. Граф Лерин, вероятно, принял большее их количество. Но евреи наслаждались миром в Наварре лишь несколько лет; ибо по яростному настоянию короля Фердинанда, который преследовал беглецов с самой ожесточенной враждой, король Наварры предоставил им выбор между новым странствием и крещением. Большее число людей приняло христианство, потому что у них было совсем немного времени на подготовку и совсем не было времени на размышления. В общине Тудела, столь известной своим непоколебимым благочестием, 180 семей приняли крещение.

Повезло также тем кастильским евреям, которые, вместо того чтобы тешить себя тщетной надеждой, что эдикт будет отменен, не остались до последнего дня, а отправились, еще до окончания отсрочки, в Италию, Африку или Турцию. У них не было недостатка в средствах, чтобы сбежать. Испанские евреи имели такую широкую известность, и их изгнание произвело такой переполох в Европе, что в испанских морских портах были готовы толпы кораблей, чтобы забрать странников и развезти их во все концы, не только корабли страны, но и итальянские суда из Генуи и Венеции. Судовладельцы увидели перспективу прибыльного бизнеса. Многие евреи из Арагона, Каталонии и Валенсии желали поселиться в Неаполе и отправили послов к королю Фердинанду I с просьбой принять их. Этот принц был не просто свободен от предубеждений против евреев, но и благожелательно относился к ним из сострадания к их несчастьям, и, возможно, он обещал себе промышленную и интеллектуальную выгоду от иммиграции испанских евреев. Был ли это расчет или великодушие, достаточно того, что он приветствовал их и сделал свое царство свободным для них. Многие тысячи из них высадились в Неаполитанском заливе (24 августа 1492 года) и были любезно приняты. Местная еврейская община относилась к ним с истинно братской щедростью, оплачивала проезд бедняков, не способных заплатить, и обеспечивала их насущными потребностями.

Исаак Абрабанель тоже со всей своей семьей отправился в Неаполь. Здесь он жил сначала как частное лицо и продолжал работу по написанию комментария к книге Царств, которая была прервана его государственными обязанностями. Когда королю Неаполя сообщили о его присутствии в городе, он пригласил его на собеседование и доверил ему должность, по всей вероятности, в финансовом департаменте. Вероятно, он надеялся использовать опыт Абрабанеля в войне, которой ему угрожал король Франции. То ли из собственных благородных побуждений, то ли из уважения к Абрабанелю, король Неаполя проявил к евреям мягкую человечность, которая разительно контрастировала с жестокостью испанского короля. Несчастливым людям приходилось бороться со многими горестями; когда они считали себя свободными от одной, на них обрушивалась другая, еще более безжалостная. Опустошительная эпидемия, возникшая из-за печального состояния, в которое они были доведены, или из-за переполненности кораблей, последовала по следам странников. Они принесли с собой смерть. Не прошло и шести месяцев после того, как они поселились на неаполитанской земле, как эпидемия унесла многих из них, и король Фердинанд, опасавшийся восстания населения против евреев, намекнул им, что они должны хоронить свои трупы ночью и в тишине. Когда чуме больше нельзя было скрывать и она с каждым днем становилась все опаснее, как люди, так и придворные умоляли его изгнать ее. Но Фердинанд не согласился бы на эту бесчеловечную процедуру; говорят, что он пригрозил отречься от престола, если с евреями будут жестоко обращаться. Он приказал построить для них больницы за пределами города, прислал им на помощь врачей и дал им средства к существованию. В течение целого года он с беспримерным благородством стремился помочь несчастным людям, которых изгнание и болезни превратили в живые трупы. Те, кому также посчастливилось добраться до Пизы, встретили братский прием. Сыновья Иехиэля Пизанского справедливо поселились на набережной, чтобы быть готовыми принять странников, удовлетворить их нужды, приютить их или помочь им на пути в какое-нибудь другое место. После смерти Фердинанда его сын Альфонсо II, который мало походил на него, оставил у себя на службе еврейского государственного деятеля Абрабанеля и, после его отставки в пользу своего сына, взял его с собой на Сицилию. Абрабанель до последнего оставался верен этому принцу в его несчастьях (январь 1494 г. - июнь 1495 г.).

После завоевания Неаполя слабовольным странствующим рыцарем-королем Франции Карлом VIII члены семьи Абрабанель были разлучены и рассеяны. Однако ни один из них не столкнулся с таким серьезным несчастьем, как старший сын, Джуда Леон Медиги (родился в 1470 году, умер в 1530 году). Он был так любим при испанском дворе, что они не хотели с ним расставаться и с радостью оставили бы его там — конечно, как христианина. Для достижения этой цели был отдан приказ не выпускать его из Толедо или отобрать у него годовалого сына, немедленно окрестить и таким образом приковать отца к Испании. Джуда Абрабанель, однако, пронюхав об этом заговоре против его свободы, тайно отправил своего сына с няней "как краденое добро" к португальскому побережью; но так как он сам не хотел искать убежища в стране, где его отцу угрожала смерть, он повернулся лицом к Неаполю. Его подозрения в отношении короля Португалии слишком быстро оправдались. Как только Жуан услышал, что родственник Абрабанеля находится в пределах его границ, он приказал оставить ребенка в качестве заложника и не выпускать его из дома вместе с другими евреями. Маленький Исаак больше никогда не видел своих родителей, бабушек и дедушек. Он был крещен и воспитывался как христианин. Агонии отца, узнавшего о смерти своего потерянного ребенка заживо, не было предела. Это не давало ему покоя до последнего часа его жизни и нашло выход в плаче, печальном до крайности. И все же, что значило горе для одного ребенка по сравнению с горем, постигшим тысячи евреев, изгнанных из Испании?

Многие из них добрались до ближайших африканских портовых городов - Орана, Алжира и Бугии. Жители, опасавшиеся, что их города будут перенаселены из-за такого огромного наплыва, стреляли в евреев, когда они высаживались, и убили многих из них. Однако видный еврей придворе Берберии обратился к султану от имени своих несчастных братьев и добился для них разрешения высадиться на сушу. Им не разрешалось входить в города, вероятно, потому, что среди них тоже разразилась эпидемия. Они могли строить себе только деревянные хижины за стенами. Дети собирали дрова, а их старшие сколачивали доски для временного жилья. Но они недолго наслаждались даже этим жалким убежищем, так как однажды в одной из хижин вспыхнул пожар, и вскоре весь лагерь превратился в пепел.

Тех, кто поселился в Фесе, постигла еще более ужасная участь. Здесь жители также не хотели впускать их, опасаясь, что такой наплыв людей повысит цены на предметы первой необходимости. Им пришлось разбить лагерь в полях и питаться кореньями и травами, как скоту. В субботу они срывали растения зубами, чтобы не осквернять святой день их сбором. Голод, мор и недружелюбие магометанского народа соперничали друг с другом в причинении страданий евреям. В своем ужасном отчаянии отцы были вынуждены продавать своих детей в рабство, чтобы добыть хлеб. Матери убивали своих малышей, чтобы не видеть, как они умирают от мук голода. Алчные капитаны воспользовались бедственным положением родителей, чтобы заманивать голодающих детей на борт своих судов, предлагая им хлеба, и, оставаясь глухими к крикам и мольбам родителей, увозили их в далекие страны, где продавали за хорошую цену. Позже правитель Феса, вероятно, от имени коренных еврейских жителей, провозгласил, что еврейские дети, которые были проданы за хлеб и другие предметы первой необходимости, должны быть отпущены на свободу.

От описаний страданий евреев их современниками волосы встают дыбом. Их преследовали, куда бы они ни пошли. Те, кого пощадили чума и голод, попали в руки озверевших людей. Распространилось сообщение о том, что испанские евреи проглотили золото и серебро, которые им было запрещено уносить с собой, намереваясь использовать их позже. Поэтому

каннибалы вспарывали их тела в поисках монет во внутренностях. Генуэзские корабельщики вели себя крайне бесчеловечно по отношению к путешественникам, которые доверили им свои жизни. Из жадности или просто наслаждаясь предсмертными муками евреев, они побросали многих из них в море. Один капитан оскорбил прекрасную дочь еврейского странника. Ее звали Палома (Голубка), и, чтобы избежать позора, мать бросила ее и других своих дочерей, а затем и себя саму в волны. Несчастный отец сочинил душераздирающую жалобу по своим потерянным близким.

Тем, кто добирался до порта Генуи, приходилось сталкиваться с новыми невзгодами. В этом процветающем городе существовал закон, по которому евреи не могли оставаться там дольше трех дней. Поскольку корабли, которые должны были доставить евреев оттуда, нуждались в ремонте, власти разрешили им оставаться не в городе, а на Молю до тех пор, пока суда не будут готовы к выходу в море. Как призраки, бледные, сморщенные, с ввалившимися глазами, изможденные, они выбрались на берег, и если бы они не двинулись с места, побуждаемые инстинктом выбраться из своей плавучей тюрьмы, их можно было бы принять за трупы. Умиравшие от голода дети ходили в церкви и позволяли крестить себя ради куска хлеба; а христиане были достаточно безжалостны, чтобы не только принимать такие жертвы, но и с крестом в одной руке и хлебом в другой ходить среди евреев и искушать их обратиться. На "Кроте" им было предоставлено совсем немного времени, но прошла большая часть зимы, прежде чем ремонт был завершен. Чем дольше они оставались, тем больше уменьшалась их численность из-за перехода в христианство более молодых членов церкви, и многие пали жертвами всевозможных эпидемий. Другие итальянские города не позволяли им высаживаться даже на короткое время, отчасти потому, что это был голодный год, отчасти потому, что евреи принесли с собой чуму.

Выжившие из Генуи, добравшиеся до Рима, пережили еще более горький опыт; их собственный народ объединился против них, отказывая им во въезде из страха, что приток новых поселенцев нанесет ущерб их торговле. Они собрали 1000 дукатов, чтобы преподнести печально известному монстру, папе Александру VI, в качестве взятки за отказ впустить евреев. Этот принц, сам достаточно бесчувственный, был так разгневан бессердечием этих людей по отношению к собственному народу, что приказал всем римским евреям покинуть город. Римской конгрегации потребовалось 2000 дукатов, чтобы добиться отмены этого эдикта, и, кроме того, им пришлось принять беженцев.

Греческие острова Корфу, Кандия и другие наполнились испанскими евреями; некоторые перебрались туда сами, другие были проданы там в рабство. Большинство еврейских общин испытывали к ним большое сострадание и стремились позаботиться о них или, по крайней мере, выкупить их. Они прилагали большие усилия для сбора средств и продавали украшения синагог, чтобы их братья не умирали с голоду и не были обращены в рабство. Персы, случайно оказавшиеся на острове Корфу, выкупили испанских беженцев, чтобы получить за них от евреев своей страны высокий выкуп. Элькана Капсали, представитель кандийской общины, был неутомим в своих усилиях по сбору денег для испанских евреев. Самыми удачливыми были те, кто достиг берегов Турции, ибо турецкий султан Баязет II показал себя не только самым гуманным монархом, но и самым мудрым и дальновидным. Он лучше христианских князей понимал, какие скрытые богатства принесли с собой обедневшие испанские евреи, но не в своих внутренностях, а в своих мозгах, и хотел использовать их на благо своей страны. Баязет отдал приказ разойтись по европейским провинциям своих владений, чтобы преследуемые

евреи не были отвергнуты, а были приняты самым добрым и дружелюбным образом. Он угрожал смертью любому, кто будет плохо обращаться с ними или притеснять их. Главный раввин Мозес Капсали неустанно защищал несчастных испанских евреев, которые прибыли в Турцию в качестве попрошаек или рабов. Он путешествовал по стране и взимал налог с богатых местных евреев "для освобождения испанских пленников". Ему не нужно было оказывать особого давления, поскольку турецкие евреи охотно помогали жертвам христианского фанатизма. Таким образом, тысячи испанских евреев поселились в Турции, и не прошло и поколения, как они заняли лидирующие позиции среди турецких евреев и превратили Турцию в своего рода Восточную Испанию.

Поначалу казалось, что у испанских евреев, переехавших в Португалию, есть какие-то шансы на счастливую судьбу. Достопочтенному раввину Исааку Абоабу, отправившемуся с депутацией из тридцати человек просить разрешения у короля Жуана либо поселиться в Португалии, либо проехать через нее, удалось добиться приемлемых условий. Многие из странников предпочли остаться на некоторое время в соседнем королевстве, потому что льстили себя надеждой, что их незаменимость станет очевидной после их отъезда, что глаза ныне ослепленных короля и королевы Испании откроются, и тогда они примут изгнанных людей с распростертыми объятиями. В худшем случае, думали беженцы, у них будет время в Португалии осмотреться, решить, в какую сторону идти, и легко найти корабли, которые доставят их в целости и сохранности в Африку или Италию. Когда испанские депутаты обратились к королю Жуану II с предложением принять евреев на постоянной или временной основе в Португалии, король проконсультировался со своими вельможами в Цинтре. Излагая суть дела, он дал понять, что сам желает принять изгнанников за денежное вознаграждение. Некоторые из советников, либо из жалости к несчастным евреям, либо из уважения к королю, были за предоставление разрешения; другие, и этих было большинство, либо из ненависти к евреям, либо из чувства чести, были против этого. Король, однако, отклонил все возражения, поскольку надеялся продолжить намечавшуюся войну с Африкой за счет денег, полученных от иммигрантов. Сначала говорилось, что испанским беженцам должно быть разрешено постоянно проживать в Португалии. Однако сами португальские евреи смотрели на эту милость с подозрением, потому что маленькое государство, таким образом, содержало бы непропорционально большое количество евреев, а странники, большинство из которых были без гроша в кармане, легли бы на них тяжелым бременем, так что король, не отличавшийся дружелюбным нравом, в конце концов стал бы враждебен ко всем евреям Португалии. Поэтому руководители еврейско-португальской общины собрались в дебатах, и многие высказали жестокую точку зрения, что им самим придется предпринять шаги, чтобы воспрепятствовать приему испанских изгнанников. Благородный старик Джозеф из семьи Ибн-Яхьи тепло высказался за своих несчастных братьев, но его голос был приглушен. Больше не было разговоров об их переезде в Португалию, а только о разрешении ненадолго задержаться, чтобы подготовиться к их путешествию. Условия, установленные для испанских евреев, были следующими: каждый, богатый или бедный, за исключением младенцев, должен был выплатить оговоренную сумму (восемь золотых крузадо, почти один фунт) четырьмя частями; однако ремесленники, такие как металлурги и кузнецы, которые желали поселиться в стране, - только половину этой суммы. Остальным было разрешено остаться только на восемь месяцев, но король обязался предоставить корабли по разумной цене для перевозки их в другие страны. Те, кого находили в Португалии по истечении этого срока или кто не мог предъявить квитанцию об оговоренном платеже, были приговорены к подневольному труду. После обнародования этих условий большое количество испанских

евреев (по оценкам, 20 000 семей, или 200 000 душ) перешло границу Португалии. Король выделил странникам определенные города, где они должны были платить налог жителям. Оporto был закреплен за семьями тридцати депутатов, и для них была построена синагога. Исаак Абоаб, известный учитель многих учеников, которые позже заняли посты раввинов в Африке, Египте и Палестине, мирно скончался в Порту; его ученик, известный как географ и астроном, Абрахам Закуто, произнес надгробную речь (конец 1492 года). Лишь немногим из его товарищей по несчастью было суждено умереть мирной смертью.

Лихорадочное стремление к открытию неизвестных земель и вступлению в торговые отношения с ними, охватившее Португалию, придало практическую ценность двум наукам, которые до сих пор считались хобби или развлечением бездельников и дилетантов, а именно астрономии и математике, любимым занятиям культурных евреев Пиренейского полуострова. Если бы Индия, страна золота и пряностей, к которой португальцы питали жгучее желание, была открыта, тогда от каботажных путешествий, таких медленных и опасных, пришлось бы отказаться и совершать туда плаванья по открытому морю. Но корабли рисковали сбиться с пути на бескрайних просторах океана. Поэтому отважные мореплаватели искали астрономические таблицы, чтобы ориентироваться по движению солнца и звезд. В этой науке испанские евреи были непревзойденными мастерами. Хазан из Толедо, Исаак (Заг) Ибн-Саид, опубликовал астрономические таблицы в тринадцатом веке, известные под названием Таблиц Альфонсина, которые использовались с незначительными изменениями учеными Германии, Франции, Англии и Италии. Поскольку португальский король Жуан II теперь хотел послать корабли в Атлантику для открытия Индии через африканское морское побережье, он созвал нечто вроде астрономического конгресса для разработки практических астрономических таблиц. На этом конгрессе вместе со знаменитым немецким астрономом Мартином Бехаймом и врачом-христианином короля Родриго, присутствовал еврей, королевский врач Джозеф (Хосе) Весиньо, или де Визеу. Он использовал в качестве основы вечный астрономический календарь, или Таблицы семи планет, которые Абрахам Закуто, известный позже как хронист, составил для епископа Саламанки, которому и посвятил его. Джозеф Весиньо вместе с христианскими учеными также усовершенствовал прибор для измерения высоты расположения звезд - морскую астролябию, незаменимую для моряков. С его помощью Васко да Гама впервые обнаружил возможность следовать морским путем к мысу Доброй Надежды и Индии, и таким образом, возможно, Колумб смог открыть новый континент. Географические знания и умения двух евреев, раввина Авраама де Бейи и Джозефа Сапатеиро де Ламего, также были учтены королем Жуаном II, который отправил их в Азию, чтобы получить известия о своих посланниках в мифическую страну пресвитера Иоанна.

Хотя король Жуан таким образом использовал образованных и умелых евреев в своих собственных целях, ему не нравилась еврейская раса: он был безразличен или, скорее, враждебен к ним, как только они становились на пути его фанатизма. В тот год, когда он отправил Джозефа Сапатеиро и Абрахама де Бейю в Азию, по наущению папы Иннокентия VIII он назначил комиссию инквизиции для марранов, бежавших из Испании в Португалию, и, подобно Фердинанду и Изабелле в Испании, приговаривал тех, кто имел еврейские наклонности, либо к смерти на костре, либо к бесконечному тюремному заключению. Некоторые марраны отправились на корабле в Африку и там открыто приняли иудаизм, он запретил, под страхом смертной казни и конфискации, крещеным евреям или новохристианам покидать страну морем. От дыхания этого бессердечного монарха зависела жизнь или смерть сотен тысяч еврейских изгнанников.

Против этих несчастных в Португалии боролись не только злонамеренные люди, но и сама природа. Вскоре после их прибытия в Португалию среди них начала свирепствовать жестокая эпидемия, уничтожившая тысячи людей. Португальцы, которые также пострадали от чумы, верили, что евреи принесли ее в страну; и, действительно, все, что они перенесли, - изнуряющая жара во время их отъезда, нужда, нищета и всевозможные опустошительные болезни, - могло привести к ее развитию. Значительное число испанских беженцев умерло от чумы в Португалии. Население по этому поводу роптало на короля, жалуюсь, что эпидемия пошла по следу проклятых евреев и утвердилась в стране. Поэтому дону Жуану пришлось более настойчиво, чем он сделал бы это в противном случае, настаивать на условии, что все, кто обосновался в Португалии, должны уехать по истечении восьми месяцев. Сначала он предоставил в их распоряжение корабли с умеренной скоростью передвижения, согласно своему соглашению, и приказал капитанам гуманно обращаться со своими пассажирами и доставлять их туда, куда они пожелают отправиться. Но эти люди, вдохновленные ненавистью к евреям и алчностью, оказавшись на море, мало беспокоились о приказах короля, поскольку им не нужно было бояться жалоб на их бесчеловечность. Они потребовали больше денег, чем было первоначально оговорено, и вымогали их у беспомощных существ. Или же они таскали их по водным просторам, пока их запасы провизии не истощались, а затем требовали большие суммы за новый запас провизии, так что в конце концов несчастные были вынуждены обменять свою одежду на хлеб и высаживались где попало почти голыми. Женщины и молодые девушки подвергались оскорблениям и надругательству в присутствии своих родителей и родственников, и имя Кристиана было опозорено. Часто эти бесчеловечные моряки высаживали их в каком-нибудь пустынном месте африканского побережья и оставляли умирать от голода и отчаяния или становиться добычей мавров, которые брали их в плен.

О страданиях изгнанных евреев, покинувших Португалию на кораблях, рассказывает очевидец, каббалист Иуда бен Якоб Чайят из знатной и богатой семьи. Судно, на которое сели он, его жена и двести пятьдесят других евреев обоего пола и всех возрастов, покинуло гавань Лиссабона зимой (начало 1493 года) и четыре месяца болталось на волнах, потому что ни один морской порт не хотел принимать их из-за боязни чумы. Провизии на борту, естественно, не хватало. Судно было захвачено бискайскими пиратами, разграблено и доставлено в испанский порт Малага. Евреям не разрешили ни высадиться на берег, ни снова отправиться в плавание, и им не дали провизии. Священники и магистраты города хотели склонить их к учению Христа с помощью мук голода. Им удалось обратить сто человек с изможденными телами и ввалившимися глазами. Остальные остались непоколебимы в своей вере, и пятьдесят из них - старики, юноши, девушки, дети, среди них жена Чайята, - умерли от голода. Тогда, наконец, в сердцах малагезийцев пробудилось сострадание, и они дали им хлеб и воду. Когда через два месяца остальные из них получили разрешение отплыть к берегам Африки, они столкнулись с горькими страданиями в другой форме. Из-за чумы им не разрешалось высаживаться ни в одном городе, и им приходилось питаться полевыми травами. Сам Чайят был схвачен и брошен злонамеренным магометанином в ужасную темницу, полную змей и саламандр, чтобы заставить его принять исланизм; в случае отказа ему пригрозили смертной казнью через побивание камнями. Эти непрерывные, изматывающие жестокости ни на минуту не заставили его поколебаться в своих религиозных убеждениях. Наконец евреи маленького городка освободили его и перевезли в Фес. Там свирепствовал такой сильный голод, что Чайят был вынужден вращать руками мельницу ради куска хлеба, непригодного для собаки. Ночью он и его товарищи по несчастью, забредшие в Фес, спали на городских кучах пепла.

Как ни старательно португальские моряки скрывали свое варварство по отношению к евреям, вскоре их деяния стали известны и отпугнули тех, кто остался, от эмиграции морем. Более того, бедняги были не в состоянии собрать необходимые деньги на проезд и провизию. Поэтому они откладывали отъезд со дня на день, утешая себя надеждой, что король проявит милосердие и позволит им остаться в Португалии. Дон Жуан, однако, не был монархом, чье сердце было согрето добротой и состраданием. Он утверждал, что в Португалию прибыло больше евреев, чем было предусмотрено, и поэтому настаивал на строгом соблюдении соглашения. Те, кто оставался по истечении восьми месяцев, были превращены в рабов и проданы или отданы тем представителям португальской знати, которые пожелали бы отобрать у них что-нибудь (1493).

Король Жуан пошел еще дальше в своих жестоких расправах с несчастными испанскими евреями. Детей в возрасте от трех до десяти лет, родители которых стали рабами, он приказал перевезти морем на новооткрытые Сан-Томас или Затерянные острова (*Ilhas perdidas*), чтобы там их воспитывали в догматах христианства. Плач матерей, рыдания детей, ярость отцов, которые рвали на себе волосы в агонии, не побудили бессердечного деспота отозвать свой приказ. Матери умоляли позволить им пойти со своими детьми, бросались в ноги королю, когда он выходил из церкви, и умоляли его оставить им хотя бы самого младшего. Дон Жуан оттащил их со своего пути, "как сук, у которых оторвали щенков". Стоит ли удивляться, что матери со своими детьми на руках прыгали в море, чтобы вместе отдохнуть в его глубинах? Острова Сан-Томас, куда привезли малышей, были полны ящериц и ядовитых змей и населены преступниками, доставленными туда из Португалии. Большинство детей погибло в пути или стало добычей диких зверей. Среди выживших случалось, что братья и сестры, не зная своих отношений, женились друг на друге. Возможно, варварство короля по отношению к евреям объясняется горьким унынием, охватившим его после смерти его единственного законного сына.

После смерти Жуана II, который в несчастье сошел в могилу (конец октября 1495 г.), ему наследовал его двоюродный брат Мануэль, сильно отличавшийся от него самого по характеру - умный, дружелюбный, мягкосердечный человек и любитель познаний. Казалось, над остатками изгнанных евреев в Португалии взойдет лучшая звезда. Король Мануэль, обнаружив, что евреи оставались в его королевстве сверх отведенного времени только из страха перед многими видами смерти в океане, даровал всем рабам свободу. От денег, которые, вне себя от радости, они предложили ему за это, он отказался. Это правда, что его скрытым мотивом, как говорит нам епископ Осориус, было привлечь их к христианству путем милосердия. Еврейский математик и астроном Авраам Закуто, который остался в Лиссабоне, приехав туда из северной Испании, где он преподавал свою любимую науку даже христианам, был назначен главным астрологом. Закуто служил королю не только в последнем качестве. Хотя он был человеком ограниченного понимания, неспособным подняться над суевериями своего времени, он обладал глубокими познаниями в астрономии и опубликовал работу по этой науке, помимо подготовки своих астрономических таблиц. Он также изобрел правильный металлический инструмент для измерения высоты звезд, заменивший неуклюжий и неточный деревянный, которым до сих пор пользовались моряки.

При короле Мануэле, в правление которого владения Португалии расширились за счет приобретений в Индии и Америке, евреи смогли на некоторое время перевести дух. Похоже, что вскоре после восшествия на престол он издал приказ о том, что выдвинутые против них обвинения в убийстве детей не должны признаваться судами, поскольку они были

злонамеренными, лживыми выдумками. Он также не позволил бы фанатичным монахам-проповедникам выступать с обвинениями против них.

Однако очень коротким был проблеск счастья евреев при Мануэле: мрачный фанатизм испанского двора превратил его в ужасный мрак. Не успел молодой король Португалии взойти на трон, как их величества Испании начали подумывать о брачных отношениях с ним, чтобы превратить враждебно настроенного соседа в друга и союзника. Они сделали предложение руки и сердца своей младшей дочери Джоанне, которая впоследствии приобрела дурную славу из-за своего ревнивого нрава и безумия. Мануэль охотно выслушал предложение о союзе с испанским двором, но предпочел старшую сестру, Изабеллу II, которая была замужем за инфантом Португалии и вскоре после этого овдовела. Изабелла испытывала сильное отвращение ко второму браку, но ее духовник знал, как опровергнуть ее возражения, и заставил ее поверить, что, если она согласится, у нее будет возможность прославить христианскую веру. Испанский двор с огорчением отметил, что португальский король принял еврейских и магометанских беженцев, и дружеское отношение короля Мануэля к ним было занозой в их теле. Фердинанд и Изабелла думали, что, подчинившись воле португальского короля, они достигнут своей цели. Поэтому они пообещали ему руку своей старшей дочери при условии, что он присоединится к Испании против Карла VII и выслает евреев из Португалии, как местных, так и евреев-беженцев. Эти условия были очень неприятны королю Мануэлю, который был в хороших отношениях с Францией и извлекал большую выгоду из богатства, энергии, ума и познаний евреев.

Он консультировался со своими лордами и советом по этому вопросу, имеющему такое значение для евреев. Мнения по этому поводу разделились. Некоторое время Мануэль колебался, потому что его благородная натура содрогнулась от такой жестокости и вероломства. Решающее слово произнесла инфанта Изабелла. Она питала фанатичную, почти личную ненависть к евреям. Она верила или была убеждена священниками, что несчастья, постигшие короля Жуана в его последние дни, были вызваны тем, что он позволил евреям въехать в свое королевство; и, поскольку она была вскормлена суевериями, она боялась, что ее союзу с Мануэлем не повезет, если евреям разрешат остаться в Португалии. Какое тоскливое отсутствие любви в сердце молодой женщины! Таким образом, непримиримая борьба чувств и мыслей поднялась в душе короля Мануэля. Честь, интересы государства, человечность не позволяли ему объявлять евреев вне закона и изгонять их; но рука испанской инфанты и испанская корона могли быть обеспечены только страданиями евреев. Любовь перевернула чашу весов в пользу ненависти. Когда король ожидал, что его невеста пересечет границы его королевства, он получил от нее письмо, в котором говорилось, что ее нога не ступит в Португалию, пока земля не будет очищена от "проклятых" евреев.

Таким образом, брачный контракт между доном Мануэлем и испанской инфантой Изабеллой был скреплен страданиями евреев. Он был подписан 30 ноября 1496 года, а уже 24 числа следующего месяца король издал приказ о том, что все евреи и мавры его королевства должны принять крещение или покинуть страну в течение определенного времени под страхом смерти. Чтобы облегчить свою совесть, он проявил милосердие, приведя свой указ в исполнение. Он продлил срок их пребывания до октября следующего года, чтобы у них было время подготовиться. Кроме того, он назначил три порта - Лиссабон, Порту и Сетубал - для их свободного выхода. То, что он стремился привлечь евреев к христианству перспективой почестей и продвижения, было настолько полностью вызвано искаженными взглядами того

времени, что он не может нести за это ответственность; как бы то ни было, лишь немногие приняли крещение.

Именно кроткое поведение Мануэля привело к еще большему несчастью евреев. Имея достаточно времени, чтобы подготовиться к отъезду, и не имея запрета брать с собой золото и серебро, они подумали, что нет необходимости спешить. Возможно, король изменит свое решение. У них были друзья при дворе, которые агитировали в их пользу. Кроме того, зимние месяцы были неподходящим временем для пребывания в океане. Поэтому большинство ждало весны. Тем временем король Мануэль, конечно, изменил свое мнение, но только для того, чтобы увеличить их ужасные страдания. Он был очень раздосадован, обнаружив, что так мало евреев приняли христианство. Очень неохотно он увидел, как они уезжают со своим богатством и пожитками, и искал пути и средства сохранить их, конечно, как христиан, в своем собственном королевстве. Первый шаг стоил ему борьбы, второй дался легко.

Он поднял на соборе вопрос, можно ли принудительно приводить евреев к крещению. К чести португальского духовенства следует сказать, что они высказались против этого. Епископ Алгарве Фердинанд Коутиньо сослался на церковные власти и папские буллы о том, что евреев нельзя принуждать к принятию христианства, поскольку требуется свободное, а не принудительное исповедание. Мануэль, однако, был настолько заинтересован в том, чтобы удержать трудолюбивых евреев при себе, что открыто заявил, что его не волнуют законы и авторитеты, но он будет действовать по своему собственному усмотрению. Из Эворы он издал (начало апреля 1497 г.) секретный приказ, согласно которому все еврейские дети, мальчики и девочки, в возрасте до четырнадцати лет, должны быть силой отобраны у своих родителей в пасхальное воскресенье и отнесены в церковные купели для крещения. Пойти на этот шаг ему посоветовал отверженный новообращенный Леви бен Шем Тоб. Несмотря на секретность приготовлений, несколько евреев узнали об этом и собирались бежать со своими детьми от "пятна крещения". Когда Мануэль услышал об этом, он приказал немедленно провести принудительное крещение детей. В городах, где жили евреи, произошли душераздирающие сцены, когда шерифы пытались увезти детей. Родители прижимали своих близких к груди, дети судорожно прижимались к ним, и разнять их можно было только плетью и ударами. В отчаянии от возможности быть таким образом навсегда разлученными, многие из них душили детей в своих объятиях или бросали их в колодцы и реки, а затем накладывали руки на себя. "Я видел, - рассказывает епископ Коутиньо, - как многих тащили к купели за волосы, а отцы, одетые в траур, с покрытыми вуалью головами и криками агонии, сопровождали своих детей к алтарю в знак протеста против бесчеловечного крещения. Я видел еще более ужасное, неопишемое насилие, совершенное над ними". В памяти его современников сохранился ужасный способ, которым благородный и культурный еврей Исаак Ибн-Захин уничтожил себя и своих детей, чтобы они не стали добычей христианства. Христиане были тронуты состраданием к крикам и слезам еврейских отцов, матерей и детей, и, несмотря на приказ короля не помогать евреям, они спрятали многих несчастных в своих домах, чтобы, по крайней мере, на какое-то время они могли быть в безопасности; но каменные сердца короля Мануэля и его молодой жены, испанки Изабеллы II, остались равнодушны к этим зрелищам горя. Крещенные дети, получившие христианские имена, были распределены по разным городам и воспитывались как христиане. То ли повинувшись тайному приказу, то ли из чрезмерного рвения, приспешники короля захватывали для крещения не только детей, но также юношей и дев в возрасте до двадцати лет.

Многие евреи Португалии, вероятно, приняли христианство, чтобы остаться со своими детьми; но это не удовлетворило короля, который ожесточил свое сердце не из религиозного рвения, а из политических побуждений. Все евреи Португалии, неважно, с убеждениями или без, должны были стать христианами и остаться в стране. Для достижения этой цели он нарушил торжественное обещание более вопиющим образом, чем его предшественник. Когда приблизилось время их отплытия, он приказал евреям садиться только в одном порту - Лиссабоне, хотя сначала он разрешил им три места. Поэтому все, кто хотел поехать, должны были встретиться в Лиссабоне — говорят, 20 000 душ со жгучей скорбью в сердцах, но готовых вытерпеть все, чтобы остаться верными своим убеждениям. Бесчеловечный монарх разрешил им поселиться в городе, но он воздвиг так много препятствий на пути их посадки, что время шло, и настал день, когда они должны были поплатиться жизнью или, по крайней мере, свободой, если их обнаружат на португальской земле. Он приказал запереть всех, кто остался, в замкнутом пространстве (os Estaões), как быков в стойлах, и сообщил им, что теперь они его рабы и что он может поступать с ними так, как сочтет нужным. Он призывал их добровольно исповедовать христианскую веру, и в этом случае они должны были бы иметь почести и богатство; в противном случае их безжалостно принудили бы к крещению. Когда, несмотря на это, многие оставались непреклонными, он запретил давать им хлеб или воду в течение трех дней, чтобы сделать их более сговорчивыми. У большинства из них это средство сработало ничуть не лучше: они предпочли упасть в обморок от голода, чем принадлежать к религии, у которой такие последователи были их преследователями. После этого Мануэль перешел к крайним мерам. На веревках, за волосы и бороды, их выволокли из загона в церкви. Чтобы спастись, некоторые выпрыгивали из окон, и им переломали конечности. Другие вырвались на свободу и прыгнули в колодцы. Некоторые покончили с собой в церквях. Один отец простер свой *талит* над своими сыновьями и убил их и себя. Ужасное обращение Мануэля становится более заметным по сравнению с его поведением с маврами. Им тоже пришлось покинуть Португалию, но на их пути не было никаких препятствий, потому что он опасался, что магометанские князья в Африке и Турции могут отомстить христианам, живущим в их владениях. У евреев не было земного защитника, они были слабы и беспомощны, поэтому Мануэль, которого историки называют Великим, позволил себе совершать такие зверства. Таким образом, многие коренные португальцы и испанские евреи-беженцы были склонены принять христианство, которое они — как со стыдом рассказывают их современники—христиане - открыто презирали. Некоторые, в более поздний период, стали выдающимися раввинскими авторитетами, такими как Леви бен Хабиб, впоследствии раввин в Иерусалиме. Те, кто спасся своими жизнями и своей верой, приписывали это милостивому и чудесному вмешательству Бога. Исаак бен Джозеф Каро, приехавший из Толедо в Португалию, потерял там своего взрослого и малолетнего сыновей ("которые были прекрасны, как принцы"), но все же поблагодарил своего Создателя за милость, что, несмотря на опасность на море, он добрался до Турции. Аврааму Закуто и его сыну Самуилу также грозила смертельная опасность, хотя (или потому, что) он был любимцем короля Мануэля, астрологом и летописцем. Однако обоим посчастливилось пройти через это суровое испытание и сбежать из Португалии, но они дважды попадали в тюрьму. В конце концов они обосновались в Тунисе.

Переполох, вызванный насильственным обращением евреев в христианство в Португалии, утих не сразу. Те, кто принял крещение из страха смерти или из любви к своим детям, не оставляли надежды, что, обратившись к папскому двору, они смогут вернуться к своей собственной вере, поскольку, как знала вся Европа, папа Александр VI и его коллегия кардиналов, такие же

низменные, как и он сам, готовы на все ради денег. Острота тогда ходила по всем христианским странам:

Vendit Alexander Claves, Altaria, Christum;
Emerat ista prius, vendere jure potest.

Рим был рынком позора, холмом Астарты, рынком нездоровья, но и там невинные могли купить свои права. Португальские новохристиане отправили депутацию из семи своих товарищей по несчастью к папе Александру, не забыв прихватить с собой кошелек с золотом. Папа римский и так называемая святая коллегия проявили к ним благосклонность, особенно кардинал де Санкта Анастасия взял их под свое покровительство. Однако испанский посол Гарсиласо получил от их испанских величеств указание выступить против них. Несмотря на его влияние, дела португальских евреев, должно быть, приняли благоприятный оборот, поскольку король Мануэль решил пойти на уступки. Он издал мягкий указ (30 мая 1497 г.), в котором даровал амнистию всем насильственно крещеным евреям и двадцатилетнюю отсрочку, в течение которой они не должны были предстать перед трибуналом инквизиции за свою приверженность иудаизму. Было сказано, что сначала им необходимо отказаться от своих еврейских привычек и приучить себя к обычаям католической веры, для чего им нужно время. Кроме того, указ предписывал, что по истечении этого срока лица, обвиняемые в иудаизме, должны регулярно подвергаться допросу, и если дело будет вынесено против них, их имущество не должно быть конфисковано, как в Испании, а передано их наследникам. Наконец, указ предписывал, что те крещеные врачи и хирурги, которые не понимали латыни, могли пользоваться справочными книгами на иврите. Практически это позволяло вынужденным христианам жить тайно, не опасаясь наказания, как евреи, и сохранять все свои книги. Ибо кто в Португалии в те дни мог отличить книгу по медицине от любого другого произведения на иврите? Таким образом, изучающие Талмуд могли заниматься своими любимыми исследованиями под маской католицизма. Эта амнистия принесла пользу португальским маррано, но не тем, кто иммигрировал в Португалию, благодаря пункту, который Мануэль вставил из уважения к испанскому двору или, в частности, к испанской инфанте Изабелле. Ибо она настаивала на том, что Марраны, бежавшие из Испании в Португалию, должны быть переданы Молоху инквизиции. В брачном контракте между королем Португалии и фанатичной Изабеллой (август 1497 г.) было прямо указано, что все лица еврейской расы, осужденные инквизицией, которые искали убежища в Португалии, должны уехать в течение месяца.

Таким образом, многие тысячи португальских евреев стали псевдохристианами, но с твердой решимостью воспользоваться первой же возможностью уехать, чтобы в свободной стране они могли открыто исповедовать религию, которая была им только дороже за все, что они выстрадали за нее. Их души, как пишет поэт Самуэль Уске, не были запятнаны навязанным им крещением. Однако были некоторые евреи, которые изо всех сил отказывались от крещения. Среди них был Симон Майми, по-видимому, последний главный раввин (Арраби мор) Португалии, скрупулезно набожный человек; также его жена, зятя и некоторые другие. Их держали в строгом заключении, потому что они не хотели ни отречься от иудаизма, ни соблюдать церковные обряды. Чтобы склонить их к обращению, Саймона Майми и его товарищей по несчастью, официальных раввинов, подвергли самым бесчеловечным пыткам. Их

замуровали по шею в их тюрьме и оставили на три дня в этом ужасном положении. Когда они, тем не менее, остались непоколебимы, стены были снесены; трое умерли, среди них Саймон Майми, обращение которого было самым важным, потому что его пример повлиял бы на остальных. Двое маррано подвергли опасности свои жизни, чтобы заполучить тело благочестивого мученика, чтобы похоронить его на еврейском кладбище, хотя еврейским жертвам христианского жертвоприношения было строго запрещено хоронить евреев иначе, чем руками палача. Несколько маррано тайно сопровождали своего глубоко оплакиваемого святого на его последний покой и отслужили траурную службу над его могилой. Манозель разрешил немногочисленным оставшимся евреям уехать вскоре после этого, вероятно, после смерти Изабеллы, зачинщицы всех его варварств по отношению к евреям. Она умерла при рождении наследника престолов Португалии и Испании 24 августа 1498 года, а инфант скончался два года спустя. Одним из уволенных был Абрахам Саба, проповедник и каббалистический автор, двое детей которого были насильно крещены и отняты у него. Товарищи Симона Майми и его зятя долгое время оставались в тюрьме, затем были отправлены в Арзиллу, в Африку, там приговорены к субботним работам в окопах и, наконец, умерли мученической смертью.

Восемьдесят лет спустя правнук Манозеля, предприимчивый король Себастьян, повел цвет португальского народа к новым завоеваниям в Африке. В одном-единственном сражении могущество Португалии было сломлено, ее дворянство убито или брошено в тюрьму. Пленников отвезли в Фес и там, на невольничьем рынке, выставили на продажу потомкам португальских евреев, с которыми варварски обращались. Несчастные португальские дворяне и рыцари были, однако, рады, что их купили евреи, поскольку они хорошо знали мягкий и гуманный характер последователей "Бога мщенья".

ГЛАВА XIII. РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗГНАНИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ. ОБЩИЙ ВИД.

Широко распространенные последствия изгнания—Изгнанники—Судьба семьи Абрабанель—Леон Медиго—Исаак Акриш—Преобладание евреев испанского происхождения—Государства Северной Африки: Самуэль Алваленси, Якоб Бераб, Симон Дюран II—Евреи Алжира, Триполи и Туниса—Авраам Закуто и Моисей Алашкар—Египет: Исаак Шалал, Давид Ибн Аби Зимра —Евреи Каира—Селим I—Прекращение полномочий Нагида—Иерусалим—Обадья ди Бертиноро—Сафет и Джозеф Сарагосси —Евреи Турции—Константинополь—Элиас Мизрахи: караимы—Общины Салоник и Адрианополя—Евреи Греции—Элиас Капсали—Евреи Италии и папы: Бонет де Латес—Гетто в Венеции—Самуэль Абрабанель и Бенвенида Абрабанела—Абрахам Фариссол—Евреи Германии и их печали—Изгнание евреев из разных городов—Евреи Богемии—Якоб Полак и его школа—Евреи Польши .

1496–1525 С.Е.

Изгнание евреев с Пиренейского полуострова, столь же неразумное, сколь и бесчеловечное, во многих отношениях стало хорошо заметным поворотным моментом в общей истории еврейской расы. Это привело не только к изгнанникам, но и ко всему еврейскому народу, к далеко идущим и по большей части катастрофическим последствиям. Слава евреев была уничтожена, их гордость унижена, их центр смещен, прочная опора, на которую они до сих пор опирались, сломана. Горе, вызванное этим печальным событием, разделяли евреи во всех странах, которые получили известие о нем. Все они чувствовали себя так, словно Храм был разрушен в третий раз, как будто сыны Сиона в третий раз были приговорены к изгнанию и страданиям. То ли из фантазии, то ли из гордости предполагалось, что испанские (или, правильнее, сефардские) евреи были потомками благороднейшего племени и включали в себя потомков по прямой линии от царя Давида; следовательно, евреи смотрели на них как на разновидность еврейской знати. И вот теперь этих возвышенных постигло тяжелейшее несчастье! Изгнание, обязательное крещение, смерть во всех отвратительных формах от отчаяния, голода, мора, пожара, кораблекрушения, все муки вместе взятые сократили их сотни тысяч до едва ли десятой части от этого числа. Оставшиеся бродили, как призраки, за ними охотились из одной страны в другую, и, будучи князьями среди евреев, они были вынуждены, как нищие, стучаться в двери своих братьев. Тридцать миллионов дукатов, которыми, по самым скромным подсчетам, обладали испанские евреи при их изгнании, растаяли в их руках, и они, таким образом, остались лишенными всего во враждебном мире, который ценил евреев только по их деньгам. В тот же период многие немецкие евреи были изгнаны из городов на Востоке и Западе, но их страдания не равнялись страданиям испанских евреев. Они не знали ни прелести страны, которую могли бы назвать своей, ни удобств жизни; они были более выносливыми или, по крайней мере, привыкли к презрению и грубому обращению.

Спустя полвека после изгнания евреев из Испании и Португалии мы повсюду встречаемся с беглецами: здесь группой, там семьей или одинокими бродягами. Это был своего рода небольшой массовый исход, направленный на восток, главным образом в Турцию, как если бы евреи приближались к своему первоначальному дому. Но сами их скитания, пока они снова не достигли безопасных мест обитания и вкакой-то мере не устроились, были душераздирающими из-за всевозможных бедствий, унижений, позора, страданий хуже смерти, с которыми они сталкивались.

Древний род Абрабанелей не избежал тяжелых бедствий и постоянных миграций. Отец, Исаак Абрабанель, занимавший высокое положение при дворе опытного короля Фердинанда I и его сына Альфонсо в Неаполе, был вынужден при приближении французов покинуть город и вместе со своим королевским покровителем искать убежища на Сицилии. Французские орды разграбили его дом со всеми ценностями и уничтожили лучшую библиотеку, его величайшее сокровище. После смерти короля Альфонсо Исаак Абрабанель в целях безопасности отправился на остров Корфу. Он оставался там только до тех пор, пока французы не эвакуировали неаполитанскую территорию; затем он поселился в Монополи (Апулия), где завершил или переработал многие свои труды. Богатство, нажитое на службе португальскому и испанскому дворам, исчезло, его жена и дети были разлучены с ним и рассеяны, и он проводил свои дни в печальных размышлениях, вывести его из которых могло только изучение Священных Писаний и летописей еврейского народа. Его старший сын, Джуда Леон Медиги Абрабанель, проживал в Генуе, где, несмотря на свое неустроенное существование и всепоглощающую скорбь по поводу потери своего маленького сына, которого у него забрали, и который воспитывался в Португалии как христианин, он все еще лелеял идеалы. Ибо Леон

Абрабанель был гораздо более образованным, более богатым мыслями, во всех отношениях более одаренным, чем его отец, и заслуживает уважения не только ради своего отца, но и ради себя самого. Леон Абрабанель занимался медициной, чтобы заработать на жизнь (отсюда его прозвище *Medigo*); но его любимыми занятиями были астрономия, математика и метафизика. Незадолго до смерти одаренного и эксцентричного Пико де Мирандолы Леон Медиго познакомился с ним, завоевал его дружбу и по его наущению взялся за написание философского труда.

Леон Медиго удивительным образом установил тесные связи со знакомыми своей юности, с испанскими грандами и даже с королем Фердинандом, который довел его семью и многие сотни тысяч человек до изгнания и смерти. Ибо он стал личным врачом генерала Гонсалво де Кордовы, завоевателя и вице-короля Неаполя. Героический, дружелюбный и щедрый Де Кордова не разделял ненависти своего хозяина к евреям. В лице одного из его потомков еврейская литература нашла приверженца. Когда король Фердинанд после завоевания Неаполитанского королевства (1504) приказал изгнать евреев оттуда, как и из Испании, генерал воспрепятствовал исполнению приказа, заметив, что в целом на территории Неаполя было мало евреев, поскольку большинство иммигрантов либо снова покинули его, либо обратились в христианство. Изгнание этих немногих могло нанести только вред стране, поскольку они поселились бы в Венеции, которая выиграла бы от их трудолюбия и богатства. Следовательно, евреям было разрешено еще некоторое время оставаться на неаполитанской территории. Но чтобы истребить поселившихся там испанских и португальских маррано, Фердинанд учредил в Беневенто ужасную инквизицию. Леон Медиго более двух лет был врачом де Кордовы (1505-1507), и король Фердинанд видел его, когда посещал Неаполь. После отъезда короля и нелюбезного увольнения вице-короля (июнь 1507 г.) Леон Абрабанель, так и не найдя подходящей работы, вернулся к своему отцу, жившему тогда в Венеции, куда его пригласил его второй сын, Исаак II, который практиковал медицину сначала в Реджо (Калабрия), затем в Венеции. Младший сын, Сэмюэль, впоследствии великодушный защитник своих единоверцев, был самым удачливым в семье. Он жил в прохладной тени Салоникской академии, куда отец отправил его заканчивать обучение еврейскому языку. Абрабанель-старший снова вышел на политическую арену. В Венеции у него была возможность урегулировать спор между Лиссабонским судом и Венецианской республикой относительно основанных португальцами ост-индийских колоний, особенно относительно торговли специями. Некоторые влиятельные сенаторы оценили правильность политических и финансовых суждений Исаака Абрабанеля и с тех пор консультировались с ним по всем важным вопросам государственной политики. Но страдания и путешествия подорвали его силы; не дожив до семидесяти лет, он почувствовал, как немощи старости подкрадываются к нему. В ответном письме Солу Коэну Ашкенази, жителю Кандии, человеку, жаждущему знаний, ученику и интеллектуальному наследнику Элиаса дель Медиго, Абрабанель жалуется на растущую слабость и маразм. Если бы он молчал, его литературные произведения того времени выдавали бы его немощь. Загнанным в ловушку жертвам испанского фанатизма потребовались бы тела из стали и несокрушимая сила камня, чтобы не поддаться страданиям, которые на них обрушились.

У нас есть поразительный пример беспокойных скитаний еврейских изгнанников из жизни одного из страдальцев, который, хотя и был незначительным, прославился своим усердием поднимать мужество несчастных. Исааку бен Абрахаму Акришу, испанцу, великому путешественнику и книжному червю (родился около 1489 года, умер после 1575 года), еврейская литература обязана сохранением многих ценных документов. Акриш сказал,

наполовину в шутку, наполовину всерьез, что он, должно быть, родился в тот час, когда планета Юпитер проходила через зодиакальный знак Рыб, что указывает на странствующую жизнь. Ибо, хотя он и хромал на обе ноги, всю свою жизнь он провел в путешествиях из города в город, по суше и по морю. Мальчиком Акриш был изгнан из Испании, и в Неаполе он претерпел все страдания, которые, по-видимому, были направлены против изгнанников. Так он, прихрамывая, переходил от народа к народу, "языков которых он не понимал и которые не щадили ни стариков, ни детей", пока в Египте, в доме изгнанника, не обрел покой на несколько лет. Кто может следовать за всеми блуждающими изгнанниками с больными ногами и еще более больными сердцами, пока они где-нибудь не обретут покой в могиле?

Но сама чудовищность перенесенных ими страданий подняла достоинство евреев-сефардов на высоту, граничащую с гордостью. То, что те, кого рука Божья поражала так сильно, так настойчиво и кто претерпел такое невыразимое горе, должны занимать особое положение и принадлежать к особо избранным, было мыслью или чувством, более или менее ясно существовавшим в груди выживших. Они смотрели на свое изгнание из Испании как на третье изгнание, а на самих себя как на любимцев Бога, которых из-за Своей большей любви к ним Он наказал более сурово. Вопреки ожиданиям, ими овладел некий восторг, который, на самом деле, не заставил их забыть, а преобразил их страдания. Как только они почувствовали хотя бы небольшое облегчение от бремени своего безграничного бедствия и смогли вздохнуть, они поднялись с упругой силой и высоко поднимали головы, как принцы. Они потеряли все, кроме своей испанской гордости, своих утонченных манер. Какими бы униженными они ни были, гордость не покидала их; они утверждали это везде, где их блуждающие стопы находили пристанище. И в какой-то степени они были оправданы. Действительно, с тех пор, как среди евреев усилилась тенденция к строгой ортодоксальности и враждебности к науке, и с тех пор, как они были исключены из социальных кругов, они отступили от высокого научного положения, которое они занимали, и утратили превосходство, которое они сохраняли на протяжении многих веков; и все же они намного превосходили евреев всех других стран по культуре, манерам, а также по достоинству, о чем свидетельствовали их внешняя осанка и язык. Их любовь к своей стране была слишком велика, чтобы позволить им ненавидеть неестественную мать, которая их изгнала. Поэтому, куда бы они ни отправились, они основывали испанские или португальские колонии. Они принесли испанский язык, испанское достоинство и отличия в Африку, Сирию и Палестину, Италию и Фландрию; куда бы ни бросила их судьба, они с такой любовью лелеяли и культивировали эту испанскую манеру, что она сохранилась и по сей день в полной силе среди их потомков. Далекие от того, чтобы быть поглощенными остальным еврейским населением стран, которые гостеприимно приняли их, они считали себя привилегированной расой, цветом и благородством еврейской нации, держались в стороне от других, смотрели на них с презрением и нередко диктовали им законы. Это произошло из-за того факта, что испанские и португальские евреи говорили на языках своих родных стран (которые благодаря открытиям и завоеваниям шестнадцатого века стали языками мира) с чистотой, принимали участие в литературе и общались с христианами на равных, мужественно, без страха или подобострастия. В этом они контрастировали с немецкими евреями, которые презирали чистую и красивую речь, то самое, что составляет истинного человека, и считали испорченный жаргон и изоляцию от христианского мира доказательствами религиозного рвения. Евреи-сефарды придавали большое значение всевозможным формам, вкусу в одежде, элегантности в своих синагогах, а также средству обмена мыслями. Испанские и португальские раввины проповедовали на своих родных языках и придавали большое значение чистому произношению и благозвучию.

Следовательно, их язык не выродился, по крайней мере, в первые столетия после их изгнания. "В городах Салоники, Константинополь, Александрия, Каир, Венеция и на других торговых курортах евреи ведут свои дела только на испанском языке. Я знал салоникских евреев, которые, хотя и были еще молоды, произносили кастильский так же хорошо, как я, и даже лучше ". Это суждение христианского писателя примерно через полвека после их изгнания.

Характерно презрение, которое даже Исаак Абрабанель, каким бы мягким и сломленным он ни был, питал к варварскому жаргону немецких евреев. Он был удивлен, обнаружив в письме, присланном ему Саулом Коэном из Кандии, уроженцем Германии, законченный стиль иврита и точные рассуждения, и свободно выразил свое удивление: "Я удивлен, обнаружив такой превосходный стиль у немцев (евреев), который редок даже среди их лидеров и раввинов, какими бы одаренными они ни были в других отношениях. Их язык полон неловкости и неповоротливости, заикания без осуждения ". Это превосходство евреев испанского происхождения в культуре, осанке, общественных манерах и знании мира было оценено и вызывало восхищение у других евреев, особенно у немецких евреев, с которыми они повсюду вступали в контакт. Следовательно, испанские евреи могли претендовать на роль хозяев, и часто, несмотря на их малочисленность, они доминировали над большинством, говорящим на других языках. В течение столетия после их изгнания они были почти исключительно лидерами; имена их представителей звучали повсюду; они поставляли раввинов, авторов, мыслителей и провидцев, в то время как немецкие и итальянские евреи занимали скромное место. Во всех странах, кроме Германии и Польши, в которые они не проникали или только как одиночки, евреи-сефарды были лидерами.

Северное побережье Африки и пригодные для проживания регионы внутри страны были полны евреев испанского происхождения. Они собирались там в большом количестве в течение столетия, начиная с преследований 1391 года и заканчивая их полным изгнанием. От Сафи (Ассафи), самого юго-западного города Марокко, до Триполи на северо-востоке, существовало множество общин разной численности, говорящих на испанском языке. Хотя в основном евреев ненавидели, с ними обращались произвольно и часто принуждали носить позорную одежду мелкие варварские тираны и нецивилизованное, дегенеративное мавританское население, все же выдающиеся евреи находили возможности отличиться, добиться высоких почестей и приобрести широкое влияние. В Марокко богатый еврей, сведущий в истории, который оказал важные услуги правителю этой страны, пользовался большим уважением. В Фесе, где существовала община из пяти тысяч еврейских семей, монополизировавших большинство профессий, Самуэль Алваленси, еврей испанского происхождения, пользовался большой любовью короля из-за своих способностей и мужества, и население настолько доверяло ему, что приняло его в качестве своего лидера. В борьбе между двумя правящими семьями, мериносами и Ксерифами, он встал на сторону первых, повел тысячу четыреста евреев и мавров против последователей последних и разбил их при Сеуте. Очень многочисленная еврейская община испанского происхождения занимала большую часть Тлемсена, или Тремсена, важного города, где проживал суд. Здесь нашел убежище Якоб Бераб (родился в 1474 году, умер в 1541 году), бежавший из Испании. Он был одним из самых активных людей среди испанских эмигрантов и самым проницательным раввином своего времени. В то же время он был грубым, догматичным и вздорным человеком, у которого было много врагов, но также и много поклонников. Родившийся в Македе, недалеко от Толедо, Якоб Бераб, пройдя через множество опасностей, испытал нужду, голод и жажду, добрался до Тлемсена, откуда отправился в Фес, еврейская община которого выбрала его, нуждающегося юношу, своим раввином из-за его

учености и проницательности. Там он руководил колледжем до тех пор, пока фанатичные испанцы не совершили завоеваний в северной Африке и не потревожили тихое убежище, которое нашли там евреи.

Сокращенной общиной Алжира руководил Симон Дюран II, потомок испанских беглецов 1391 года (родился в 1439 году, умер после 1510 года), сын Соломона Дюрана, раввина с философской культурой. Как и его брат, он считался в свое время высоким раввинским авторитетом, и к совету обоих обращались многие люди. Обладая таким же благородным нравом, как и его отец, Симон Дюран был защитником своих единоверцев и опорой испанских изгнанников, которые оказывались в пределах его досягаемости, поскольку он не гнушался ни ценой, ни опасностью, когда под вопросом были религия, мораль и безопасность его соотечественников. Пятьдесят беглых евреев, потерпевших кораблекрушение, были выброшены на побережье Севильи, где фанатичные испанцы, в соответствии с эдиктом, заключили их в тюрьму и продержали там в течение двух лет. Они ежедневно ожидали смерти, но в конце концов были помилованы, то есть проданы в рабство. Таким образом, они добрались до Алжира в плачевном состоянии, но усилиями Симона Дюрана были выкуплены за сумму в семьсот дукатов, которую удалось собрать небольшой общине.

Два выдающихся испанских еврея, пожилой историк и астроном Абрахам Закуто и человек помоложе, Мозес Алашкар, нашли убежище в Тунисе. Закуто, который преподавал математику и астрономию ученикам-христианам и магометанам в Испании и чьи опубликованные труды широко читались и использовались, тем не менее был вынужден скитаться как изгой и лишь с трудом избежал смерти. Кажется, он провел несколько спокойных лет в Тунисе, где завершил свою более знаменитую, чем полезную хронику ("Сефер Йохасин", 1504), историей это назвать нельзя. Это воплощение еврейской истории с особой ссылкой на еврейскую литературу. Его достоинство в том, что он способствовал развитию исторических исследований среди евреев, но ему не хватает художественной организации и полноты. Это простая компиляция из произведений, доступных автору, который даже не смог дать полного очерка истории своего времени, страданий испанских и португальских евреев. Хроника Закуто была порождением его старости и невзгод; он писал ее дрожащей рукой, в страхе перед надвигающимися событиями и без достаточного количества литературных материалов. На этот счет к нему следует относиться снисходительно.

Современником Закуто в Тунисе был Моисей бен Исаак Алашкар, такой же глубоко образованный талмудист, как и его учитель Самуэль Алваленси. Он был правильным мыслителем, лишенным узости односторонности. Он погрузился в темные лабиринты каббалы, но в то же время поднял глаза к ярким высотам философии — ментальный *мезальянс*, возможный в те дни. Алашкар даже защищал Маймуни и его философскую систему от обвинений в ереси, выдвинутых мракобесами.

Напуганные опасностями, которые испанское оружие предвещало евреям северной Африки, Закуто и Алашкар, как и многие другие, по-видимому, покинули Тунис. Они были слишком хорошо знакомы с жестокостью, применяемой к евреям испанцами-ультракаатоликами. Первый отправился в Турцию, где умер вскоре после своего прибытия (до 1515 года). Алашкар бежал в Египет, где его обширные познания и богатство обеспечили ему почетное положение.

Египет, особенно его столица Каир, стал домом для многих еврейско-испанских беглецов, которые за короткое время приобрели влияние, превосходящее влияние коренных еврейских

жителей. По их прибытии всеми еврейскими общинами, как и в старину, управлял еврейский верховный судья или князь (Нагид, Рейс). В то время этот пост занимал благородный и богатый Исаак Козн Шалал, человек честного характера, сведущий в Талмуде, который использовал свое богатство и высокое уважение, которым он пользовался у всех, даже включая египетского мамлюкского султана, на благо своей общины и беглецов, поселившихся среди них. Он беспристрастно продвигал достойных людей из испанской иммиграционной службы на должности, благодаря чему они постепенно приобретали первостепенное влияние. Испанский ученый Самуэль Сидильо (или Сид, Ибн-Сид), ученик последнего толедского раввина Исаака де Леона, высоко почитаемого в свое время за его набожность и глубокие раввинские знания, нашел убежище в Каире. Испанским беглецом, получившим еще большую известность, был Давид Ибн-Аби Зимра (родился в 1470 году, умер около 1573 года). Ученик мистика Джозефа Сарагосси, он был богат знаниями и добродетелями, а также имуществом и выдающимися потомками, и вскоре он затмил местных жителей, приобретя репутацию высшего раввинского авторитета в Египте. Многие другие испанские ученые-раввины нашли покой в Египте; к уже названным, включая Якоба Бераба и Моисея Алашкара, мы можем добавить Авраама Ибн-Шошана, все они в конечном итоге стали официальными раввинами.

Политические изменения в Египте поставили испанцев во главе еврейских общин в этой стране. Земля Нила вместе с Сирией и Палестиной, завоевание которых было столь трудной задачей для константинопольских султанов, в конце концов стала обеспеченной добычей Селима I, одержавшего блестящую победу над мамлюкским султаном в решающей битве недалеко от Алеппо (1517). Его марш из Сирии в Египет был триумфальным продвижением. Лето того года Селим потратил на то, чтобы восстановить порядок вещей в Египте, поставив его в реальную зависимость от Турции, фактически превратив его в провинцию, управляемую вице-королем, всецело преданным ему пашой. Абрахам де Кастро, еврей испанского происхождения, был назначен Селимом начальником монетного двора для выпуска новых турецких монет, и благодаря своему богатству и влиянию он приобрел большой вес среди турецких чиновников и египетских евреев. Де Кастро был очень великодушен; он ежегодно тратил три тысячи золотых флоринов на милостыню и всячески проявлял живой интерес к делам своих единоверцев.

Селим, или его наместник, по-видимому, ввел совершенно новый порядок в управлении египетскими евреями. Веками всеми общинами управлял главный раввин и судья; человек, занимавший этот пост, обладал своего рода княжеской властью, подобной той, которой раньше пользовались князья изгнания в Вавилоне. Главный раввин или князь (Нагид) назначал раввинов общин, выносил верховные решения по спорам между евреями, подтверждал или отклонял каждое новое постановление, был даже уполномочен предписывать телесные наказания за проступки и преступления, совершенные евреями под его юрисдикцией. От этих функций он получал значительный доход, но все это прекратилось с турецким завоеванием. С тех пор каждая община была объявлена независимой при избрании своего главы и ей было разрешено управлять своими делами самостоятельно. Последний еврейско-египетский принц или главный раввин был низложен со своего сана и отправился со своими богатствами в Иерусалим, где стал благодетелем его растущей общины. Должность раввина Каира была присвоена испанскому иммигранту Давиду Ибн-Аби Зимре из-за его честного характера, образованности, доброжелательного нрава и, главным образом, вероятно, из-за его богатства. Его авторитет возрос до такой степени, что он мог рискнуть отменить очень древний обычай, который чрезмерный консерватизм тащил за собой из века в век, как мертвую ветвь. Вавилонские евреи более чем за восемнадцать столетий до этого приняли сирийское или

селевкидское летоисчисление (*Миньян Яваним*, *Миньян Шетарот*) в память о победе сирийского царя Селевка над другими полководцами Александра Македонского. Сирийская империя и Селевкиды давным-давно погибли, Сирия по очереди становилась добычей римлян, византийцев, магометан, монголов и турок; тем не менее, вавилонские и египетские евреи сохранили эту хронологию, используя ее не только в исторических записях и светских документах, но и в датировке документов о разводе и подобных актах. В то время как евреи Палестины и Европы постепенно приняли другие летоисчисления, например, "После разрушения Храма" или "С Сотворения мира" (*эра мунди*), вавилонские и египетские евреи настолько упорно придерживались селевкиданской эпохи, что объявляли недействительными все письма о разводе, не датированные таким образом. Ибн-Аби Зимра отменил эту устаревшую хронологию в том, что касалось Египта, введя вместо нее уже принятый способ отсчета от Сотворения Мира, и его нововведение не встретило сопротивления. Влияние евреев-иммигрантов-сефардов над большинством первоначальной общины (мостараби) было настолько велико и прочно установилось, что первые, несмотря на возражения вторых, преуспели в смелой попытке отменить древний и прекрасный обычай, введенный самим Маймуни. Мостарабские евреи на протяжении более трех столетий привыкли, что главная молитва произносится вслух в синагоге чтецом (хазаном), без их участия в ней. Но благочестивым иммигрантам с полуострова этот обычай, хотя и поощряющий благопристойность и набожность, казался незаконным, антиталмудическим, если не еретическим, и они рьяно взялись за его отмену. Ужасные страдания ожесточили сердца евреев-сефардов, и они были слишком готовы проявлять предельную строгость в религиозных вопросах и рабски следовать букве закона. Раввин Давид Ибн-Аби Зимра был их лидером.

Во время его пребывания у власти большая опасность нависла над каирской общиной. Четвертый наместник Египта, Ахмед Шайтан (сатана), вынашивал план отделения Египта от Турции и провозглашения себя ее независимым хозяином. Добившись успеха в своих первых мерах, он предложил еврею-суперинтенданту монетного двора Абрахаму де Кастро поместить его имя на монетах. Де Кастро сделал вид, что соглашается, но попросил письменный приказ. Получив его, он тайно покинул Египет и поспешил ко двору Солимана I в Константинополе, чтобы сообщить султану о коварном замысле паши, который таким образом был сорван. Ахмед выместил свой гнев на евреях, бросил некоторых из них, вероятно, друзей и родственников Де Кастро, в тюрьму и позволил мамлюкам разграбить еврейский квартал Каира. Затем Он послал за двенадцатью самыми видными евреями и приказал им в течение короткого времени найти непомерную сумму денег, пригрозив им, в случае невыполнения, жестокой смертью для них самих и их семей. Для большей безопасности он удержал их в качестве заложников. На мольбы еврейской общины о пощаде и отсрочке тиран ответил более страшными угрозами. В отчаянии евреи Каира обратились в горячей молитве к Богу. Тем временем сборщики пожертвований собрали значительную сумму, которую они предложили в качестве платежа по счету. Но поскольку это едва ли составляло десятую часть требования Ахмеда, его личный секретарь приказал заковать сборщиков в кандалы и пригрозил им и всем членам общины неминуемой смертью в тот же день, как только его хозяин выйдет из бани. В тот самый момент, когда секретарь произнес эти слова, Магомет-бей, один из его визирей, и несколько других заговорщиков напали в бане на пашу и тяжело ранили его. Ахмед Шайтан благополучно сбежал из дворца, но был предан, схвачен, закован в кандалы, а затем обезглавлен. Заключенные евреи были освобождены, и их община избежала большой опасности. Впоследствии

египетские евреи долгое время отмечали день своего освобождения (27 или 28 адара 1524 года — кайранский Пурим, Фурин аль-Мизраим).

Благодаря иммиграции испанцев и португальцев Иерусалим и другие палестинские города также значительно увеличили число прихожан в своих общинах и приобрели значительное значение. Здесь тоже иммигранты за короткое время стали общественными и религиозными лидерами. За очень короткий период в семь лет число еврейских семей в Святом Городе выросло едва ли с семидесяти до двухсот, и снова в течение двух десятилетий (1495-1521) оно выросло с двухсот до полутора тысяч. Приток новых поселенцев в значительной степени увеличил благосостояние еврейских жителей Иерусалима. Если раньше почти все члены общины находились в состоянии нищеты, то три десятилетия спустя милостыню получали всего две сотни человек. И что еще более важно, иммигранты принесли большую пользу морали. Иерусалим больше не был логовом разбойников, найденным Обадьей (Obadiah) ди Бертиноро (1470-1520), иммигрировавшим из Италии. Члены общины больше не подвергались смертельным преследованиям, не были доведены до отчаяния или добровольного изгнания хищной, тиранической и вероломной группировкой; гармония, единение, чувство справедливости и мир обрели пристанище среди них. Это действительно было проявление чрезмерного благочестия, но оно больше не составляло вопиющего контраста с отвратительно аморальным образом жизни. Обадья ди Бертиноро, мягкий и дружелюбный итальянский проповедник, внес большой вклад в улучшение морального состояния Иерусалима; на протяжении более чем двух десятилетий он наставлениями и примером учил растущую общину подлинному благочестию, благородству чувств и отказу от варварской грубости. После своего прибытия в Иерусалим он писал своим друзьям: "Если бы в этой стране был хоть один пронзительный еврей, который знал, как мягко и справедливо руководить общиной, не только евреи, но и магометане охотно подчинились бы ему, ибо последние вовсе не враждебны к евреям, но полны уважения к чужеземцам. Но в этой стране нет ни одного еврея, обладающего здравым смыслом или социальными добродетелями; все они грубы, мизантропичны и скупы". Бертиноро не ожидал, что он сам смягчит эту грубость, улучшит мораль, смягчит эту безнравственность, облагородит эту низость. Но его добродушные, дружелюбные манеры обезоруживали зло и исцеляли язвы, которые он обнаружил, оплакивал и безжалостно обнажал. Обадья был ангелом-хранителем Святого Города, он очистил его от скверны, и облачил в чистые праздничные одежды. "Если бы я попытался вознести ему хвалу, - пишет итальянский паломник в Иерусалим, - я бы никогда не остановился. Это человек, пользующийся самым большим уважением в стране; все делается по его приказу, и никто не осмеливается перечить его словам. К нему обращаются со всех сторон; его заслуги признаны египтянами и вавилонянами, и даже магометане почитают его. При этом он скромнен; речь его нежна; он доступен каждому. Все хвалят его и говорят: Он не похож на земное существо. Когда он проповедует, каждое ухо внимательно слушает; не слышно ни малейшего звука, его слушатели так безмолвно набожны". Изгнанники с Пиренейского полуострова поддерживали его в его гуманной деятельности.

Вмешательству Обадьи ди Бертиноро и тех, кто разделял его мнение, вероятно, были обязаны прекрасные постановления, которые община добровольно наложила на себя и на память выгравировала на табличке в синагоге. Они были направлены против злоупотреблений, которые постепенно распространились. Эти постановления включали, среди прочего, следующие декреты: В спорах между евреями к магометанским властям следует обращаться только в случае крайней необходимости. Еврейскому судье или раввину не разрешается принуждать богатых

членов общины вносить авансы на общие нужды. Изучающие Талмуд и вдовы не должны вносить взносы в общественные фонды. Евреи не должны покупать фальшивые монеты, а если они случайно их приобретут, не должны их передавать. Паломникам к могиле пророка Самуила не следует пить вино, потому что мужчины и женщины путешествовали вместе, последние были непокрыты, и если бы мужчины были возбуждены вином, могло бы произойти большое несчастье.

Святой Город приобрел еще большее значение благодаря иммиграции Исаака Шалала с его богатством, опытом и авторитетом.

Сафет в Галилее, самый молодой город Палестины, рядом с Иерусалимом приобрел наибольшее еврейское население и значительное значение, которое возросло до такой степени, что Сафет не только соперничал, но и превосходил метрополию. В конце пятнадцатого и начале следующего столетия здесь проживало всего около трехсот еврейских семей, исконных жителей (морисков), берберов и сефардов. Поначалу в нем не было ни одного выдающегося местного толкователя Талмуда, который мог бы стать лидером. Своим значением и далеко идущим влиянием она была обязана приезду беглого испанца, под руководством которого община укрепилась. Джозеф Сарагосси стал для Сафета тем же, чем Обадыа ди Бертиноро был для Иерусалима. Изгнанный из Сарагосы, он прошел через Сицилию, Бейрут и Сидон, в последнем месте он прожил некоторое время, и, наконец, достиг Сафета, где и поселился. Джозеф Сарагосси обладал мягким, обаятельным характером и считал задачей своей жизни проповедовать мир и восстанавливать гармонию в частной и общественной жизни. Даже среди магометан он действовал в духе примирения и умиротворения, и за это его любили и почитали как ангела мира. Одно время он хотел покинуть Сафет. Жители искренне привязались к нему и пообещали ему ежегодное жалованье в пятьдесят дукатов, две трети из которых предложил предоставить магометанский губернатор города. Джозеф Сарагосси перенес изучение Талмуда в Сафет, а также Каббалы, поскольку он был сверхбожественным мистиком. Благодаря ему доселе незапятнанная община превратилась в гнездо каббалистов.

В Дамаске, наполовину палестинской столице Сирии, рядом с очень древней мостарабской общиной также возникла сефардская община, состоящая из беглецов и насчитывающая пятьсот еврейских семей. Вскоре после своего прибытия испанцы построили в Дамаске великолепную синагогу под названием Хатаиб. Они быстро увеличились до такой степени, что разделились на несколько конгрегаций, в зависимости от состояния, из которого они первоначально пришли.

Основной поток еврейско-испанской эмиграции в Европе направлялся в Турцию; большая часть оставшихся трехсот тысяч изгнанников нашла убежище в этой стране, жители которой не считали любовь своим лозунгом. Султаны Баязет, Селим I и Солиман I не только терпели беглых евреев, но и оказали им радушный прием и предоставили им свободы, которыми пользуются армяне и греки. Еврейский поэт с энтузиазмом описывал свободу своих единоверцев в Турции. "Великая Турция, широкое и раскинувшееся море, которое наш Господь открыл жезлом Своей милости (как при исходе из Египта), чтобы волна твоего нынешнего бедствия, Иаков, как это случилось с множеством египтян, затихла в нем и иссякла. Там врата свободы и равного положения для беспрепятственного отправления еврейского культа всегда открыты, они никогда не закрываются перед тобой. Там ты сможешь обновить свою внутреннюю жизнь, изменить свое состояние, отбросить ложные и ошибочные доктрины, восстановить свои

древние истины и отказаться от обычаев, которым ты был вынужден подражать из-за насилия народов, среди которых ты был паломником. В этом царстве ты пользуешься большим благоволением Господа, поскольку там Он дарует тебе безграничную свободу приступить к твоему позднему покаянию".

Евреи-иммигранты поначалу наслаждались счастливыми днями в Турции, потому что они были находкой для этого сравнительно нового государства. Турки были хорошими солдатами, но плохими гражданами. Султаны, часто находившиеся в плохих отношениях с христианскими государствами, могли лишь безразлично доверять грекам, армянам и христианам других национальных вероисповеданий; они смотрели на них как на прирожденных шпионов и предателей. Но они могли зависеть от верности и полезности евреев. Следовательно, они были, с одной стороны, деловыми людьми, а с другой - гражданским классом Турции. Они не только вели оптовую и розничную торговлю по суше и морю, но и были ремесленниками и художниками. Особенно марраны, бежавшие из Испании и Португалии, изготавливали для воинственных турок новые доспехи и огнестрельное оружие, пушки и порох и учили турок ими пользоваться. Таким образом, само преследование христианства снабдило его главных врагов, турок, оружием, которое позволило им сокрушать первых поражением за поражением, унижением за унижением. Еврейские врачи особенно высоко ценились в Турции; по большей части они были способными учениками школы Саламанки и, благодаря своему мастерству, высшему образованию, скрытности и осмотрительности, пользовались предпочтением христианских и даже магометанских врачей. Эти еврейские врачи, в основном испанского происхождения, приобрели большое влияние на великих султанов, визирей и пашей.

Султан Селим назначил своим врачом рядового Джозефа Хамона, иммигранта, вероятно, из Гранады. Сын и племянник Хамона последовательно занимали ту же должность. Сын, Мозес Хамон (родился в 1490 году, умер около 1565 года), врач мудрого султана Солимана, благодаря своему мастерству и мужественному, решительному характеру, пользовался еще большей репутацией и влиянием, чем его отец. Он сопровождал султана в его военных походах и привез с собой из Персии, куда он триумфально следовал за Солиманом, ученого человека Якоба Туса или Тавса (около 1535 г.), который перевел Пятикнижие на персидский. Эта версия, сопровождаемая халдейским и арабским переводами, впоследствии была напечатана за счет Хамона, который по праву считался защитником своих братьев и популяризатором иудаизма.

Евреи также пользовались большим спросом в Турции в качестве лингвистов и переводчиков, поскольку они приобрели знания многих языков во время своих скитаний среди других народов.

Столица, Константинополь, содержала в своих стенах очень многочисленную еврейскую общину, которая ежедневно пополнялась новыми беглецами с полуострова, так что она стала крупнейшей в Европе, насчитывая, вероятно, тридцать тысяч душ. В нем было сорок четыре синагоги, следовательно, столько же отдельных конгрегаций. Ибо еврейская община в турецкой столице и других городах не образовывала тесной корпорации, а была разделена на группы и секции в соответствии с их родными местами, каждая из которых стремилась сохранить свои собственные обычаи, обряды и литургию, а также иметь собственную синагогу и раввинский колледж. Следовательно, существовали не только кастильские, арагонские и португальские конгрегации, но и еще более ограниченные объединения, кордовские, толедские, барселонские, лиссабонские группы (кахалы), помимо немецких, апулийских, мессинских и греческих. Каждая мелкая община распределяла между своими членами взносы

не только на богослужение, должностных лиц, содержание бедных, своих больниц и школ, но и на налоги, подлежащие уплате государству. Эти последние поначалу были пустяковыми: подушный налог с каждого, подлежащего налогообложению (чарадж), и своего рода раввинский налог, взимаемый с общины в соответствии с тремя различными классами собственности в размере 200, 100 и 20 асперов. Только семья врача Хамона была освобождена от налогов.

Поначалу коренные евреи, составлявшие большинство, имели полное превосходство над иммигрантами. Пост главного раввина после смерти заслуженного, но недооцененного Мозеса Капсали занял Элиас Мизрахи, вероятно, происходивший из греческой семьи иммигрантов, который при султанах Баязете, Селиме I и, возможно, также при Солимане занимал место на диване, как и его предшественник, и был официальным представителем всего турецких евреев. Он заслуженно занимал этот пост благодаря своим раввинским и светским знаниям, а также честному, беспристрастно справедливому характеру. Элиас Мизрахи (родился около 1455 года, умер между 1525 и 1527 годами), ученик немецкой школы, глубокий талмудист и строго набожный человек, не был врагом науки. Он не только понимал математику и астрономию, но и преподавал их, читал публичные лекции по ним, а также по Талмуду и составлял справочники по этим предметам, некоторые из которых стали настолько любимыми, что были переведены на латынь. В юности он был вспыльчивым человеком и враждовал с караимами в Турции. Но в старости он отнесся к ним более благожелательно и использовал свое весомое влияние, чтобы предотвратить зло, которое сверхрелигиозные люди собирались причинить им. Несколько мракобесов, в основном члены апулийской конгрегации в Константинополе, попытались насильственным образом прервать добрососедские отношения, которые в течение полувека существовали между равванитами и караимами. Они собрали членов общины и, держа в руках Сефер-Тору, отлучили от церкви всех, кто отныне должен был обучать караимов, будь то детей или взрослых, Библии или Талмуду, или даже светским наукам, таким как математика, естественная история, логика, музыка или даже алфавит. Равванитов-слуг больше не принимали на службу в караимские семьи. Эти фанатики намеревались воздвигнуть непреодолимый барьер между последователями Талмуда и Библии. Но большинство константинопольской общины было недовольно этой фанатичной мерой. Толерантные равваниты столицы провели митинг, чтобы сорвать план зелотов. Но последние вели себя так возмутительно и с таким насилием, приведя свирепую толпу, вооруженную дубинками, в синагогу, где должно было состояться совещание, что у организаторов собрания не было никаких шансов быть услышанными, и акт об отлучении от церкви был вынесен наглым меньшинством вопреки здравым аргументам и противодействию большинства. Тогда раввин Элиас Мизрахи открыто и энергично выступил против этого неразумного, незаконного и насильственного разбирательства, показав в ученой беседе, насколько несправедливым и противоречащим Талмуду было неприятие караимов. Он убедил зелотов в том факте, что своей нетерпимой суровостью они приведут к упадку образования молодежи, поскольку до сих пор стремление превзойти своих товарищей-караимов было большим стимулом для ученых-равванитов.

У турецких евреев в те дни был своего рода политический представитель, адвокат (кахия), или камергер, который имел доступ к султану и его высшим сановникам и назначался двором. Шалтиэль, в остальном неизвестный персонаж, но, как говорят, обладавший благородным характером, занимал этот пост при Солимане. При презрительном отношении населения к неверующим, при произвольном правлении провинциальных пашей и при фанатичных

греческих и болгарских христианах случаи несправедливости и жестоких разбирательств против евреев в турецкой империи не были редкостью; во всех таких случаях Кахия Шалтиэль вступался за своих единоверцев и с помощью денег, щедро потраченных при дворе, добивался возмещения ущерба.

Следующей по значимости общиной в Турции была община Салоники (древние Фессалоники), которая, хотя и была нездоровым городом, привлекала иммигрантов из Испании и Прованса; поскольку это некогда греческое поселение предлагало больше досуга для мирных занятий, чем шумная столица Турции. Вскоре здесь образовалось по меньшей мере десять конгрегаций, большинство сефардского происхождения. Со временем их число увеличилось до тридцати шести. Салоники, по сути, стали еврейским городом, где евреев было больше, чем неевреев. Еврейский поэт Самуэль Уске называет город "матерью иудаизма, построенным на глубоком фундаменте Господа, полным превосходных растений и плодоносящих деревьев, каких больше нет нигде на земле. Их плоды великолепны, потому что они орошены изобилием благожелательности. Большая часть преследуемых и изгнанных сынов из Европы и других частей земли встретились там и были приняты с любовью, как если бы это была наша достопочтенная мать Иерусалим ". За короткий период иммигранты-сефарды приобрели полное превосходство над своими единоверцами, даже над первоначальной общиной, так что ведущим языком Салоник стал испанский, который немецкие и итальянские евреи должны были выучить, если они хотели поддерживать общение с испанскими иммигрантами. Здесь поселился сын одного из последних еврейско-испанских министров финансов, Джуда Бенвенисте. Из отцовского наследства он скопил достаточно денег, чтобы обзавестись знатной библиотекой; он был эталоном, вокруг которого могли сплотиться его испытанные собратья. Представители талмудической учености, естественно, встречались только среди сынов Пиренейского полуострова, таких как Тайтасаки, семья ученых, и Якоб Ибн-Хабиб, хотя даже они не были людьми первого ранга. Испанские иммигранты, такие как врачи Перачья Коэн, его сын Даниэль, Аарон Афия (Аффиус) и Мозес Альмоснино, также в некоторой степени занимались философией и астрономией. Но главным изучением была каббала, в которой отличились испанцы Джозеф Тайтасак, Самуэль Франко и другие. Салоники в Турции и Сафет в Палестине со временем стали главными центрами каббалистической экстравагантности. Менее важным был Адрианополь, бывшая резиденция турецких султанов, хотя там также, как и в Никополе, были сформированы общины, в которых преобладал сефардский элемент.

В города Амасия, Брус, Трия и Токат в Малой Азии испанские беглецы доставили жителей. Смирна, в которой позже проживало большое еврейское население, тогда не имела большого значения. Однако в Греции можно было увидеть несколько крупных общин. Беглецы из Калабрезе, апулии, Испании и Португалии поселились в Арте или Ларте, рядом с исконными жителями, румелийцами и корфуитами. Похоже, они преуспели здесь, поскольку мы читаем, что еврейская молодежь была очень склонна к веселью и танцам, тем самым сильно оскорбляя сверхрелигиозных. Не маловажные общины существовали в Патрах, Негропонте и Фивах. Фиванцы считались очень сведущими в талмудических знаниях. Обрядам общины Корфу следовали и другие евреи Греции. В Канеа, на острове Кандия, принадлежавшем Венеции, была важная община. Во главе их стояли две известные семьи: Дельмедиго, сыновья и родственники философа Элиаса дель Медиго, и Капсали, родственники бывшего главного раввина Турции. Иуда Дельмедиго (сын учителя Пико ди Мирандолы) и Элиас бен Элькана Капсали закончили свое обучение у одного и того же раввина, Иуды Менца из Падуи; тем не менее, они не были едины во взглядах. Поскольку оба занимали должности раввинов в Канеа, между ними

существовали постоянные трения. Если один объявлял что-либо допустимым, другой прилагал всю свою ученость и изобретательность, чтобы доказать обратное; однако оба были достойными людьми с высокими принципами и оба хорошо разбирались в общей литературе.

Элиас Капсали (родился около 1490 года, умер около 1555 года) был хорошим историком. Когда чума опустошила Кандию и погрузила жителей в траур, он сочинил (в 1523 году) историю турецкой династии в очень приятном еврейском стиле, ясным и возвышенным языком, свободным от напыщенной и варварской дикции. Капсали просто стремился донести правду. С турецким повествованием была вплетена история евреев, показывающая в мрачных красках трагическую судьбу испанских изгнанников, как он слышал это из их собственных уст. Хотя в этой композиции у него было второстепенное намерение подбодрить народ во время продолжающейся чумы, его работа может служить образцом прекрасного исторического стиля иврита. Она, действительно, нашла подражателей. Капсали отказался от сухой дикции хронистов и как историк намного превосходил своего предшественника Абрахама Закуто. Учитывая, что Капсали был раввином по профессии и что при консультациях и высказывании мнений он был вынужден использовать искаженный жаргон, его работа демонстрирует большую универсальность и талант.

Италия в этот период кишела беглыми евреями. Большинство из тех, кто был изгнан из Испании, Португалии и Германии, сначала коснулись итальянской земли, либо чтобы поселиться там под защитой какого-нибудь толерантного правителя, либо отправиться дальше в Грецию, Турцию или Палестину. Как ни странно, среди правителей Италии папы были наиболее дружелюбны к евреям: Александр VI, Юлий II, Лев X и Климент VII преследовали свои интересы или посвящали себя хобби, которое не оставляло им времени думать о пытках евреев. Папы и их кардиналы считались с каноническими законами лишь постольку, поскольку они нуждались в них для расширения своей власти или для наполнения своих денежных мешков. Совершенно не обращая внимания на постановление Базельского собора, согласно которому христиане не должны были консультироваться с врачами-евреями, папы и кардиналы сами выбирали евреев в качестве обычных врачей. Похоже, что из-за тайной войны, интриг и частого использования яда, которые со времен Александра VI были широко распространены в курии, где каждый смотрел на своего товарища как на врага, еврейские врачи были в фаворе, потому что не было опасности, что они предложат папе или кардиналу отравленную чашу вместо спасительного лекарства. У Александра VI был врач-еврей Боне де Латес, уроженец Прованса, который практиковал астрологию, подготовил астрономический кружок и отправил папе римскому его латинское описание с подробным посвящением. Впоследствии Боне де Латес стал любимым ординарным врачом Льва X и повлиял на его поведение. У Юлия II был свой врач Симон Зарфати, который в других отношениях также пользовался доверием своего хозяина. Кардиналы и другие высшие князья церкви следовали их примеру и обычно вверяли свои священные тела еврейским врачам, которые, следовательно, пользовались большим спросом в Италии. Следуя примеру пап, города северной Италии принимали беглых евреев, даже псевдохристиан, вновь обращенных в иудаизм, из Испании и Германии, и предоставляли им все привилегии свободного общения. Даже римские папы разрешили Маррано поселиться в Анконе, несмотря на то, что они были крещены. Наиболее важные общины в Италии образовались после уничтожения евреев Неаполя в результате притока из других стран на римскую и венецианскую территорию; в последней - Венеция и цветущий город Падуя, в первой - Рим и порт Анкона, принявшие большинство из них. Два противоположных мнения по отношению к евреям повлияли на совет эгоистичной венецианской республики. С одной

стороны, это коммерческое государство не желало терять преимущества, которые могли принести еврейские связи, хотя в то же время оно не желало поощрять их, опасаясь оскорбить левантских евреев, их единоверцев в Турции; с другой стороны, венецианские купцы были полны торговой зависти к евреям. Следовательно, последние были обласканы или угнетены по мере того, как та или иная партия преобладала в синьории. Венеция была первым итальянским городом, где проживали евреи, выделившие особый квартал в качестве гетто (март 1516 г.).

Как правило, евреи-иммигранты, испанцы или немцы, получали превосходство в Италии над коренными евреями, как в раввинском образовании, так и в общественных отношениях. Абрабанели играли важную роль в Италии. Глава семьи, Исаак Абрабанель, действительно, был слишком согнут возрастом и страданиями, чтобы оказывать большое влияние в каком-либо направлении. Он умер до того, как еврейские дела приняли устоявшийся вид. Его старший сын, Леон Медиго, также не производил впечатления на окружающих; он был слишком философским мечтателем и идеалистом, поэтической душой, испытывающей отвращение к мирским вещам. Только младший из трех братьев, Самуэль Абрабанель (родился в 1473 году, умер около 1550 года), оставил свой след в памяти современников. Он считался самым выдающимся евреем в Италии, и его община почитала его как принца. Он один унаследовал финансовый гений своего отца и, по возвращении из Талмудического колледжа в Салониках, по-видимому, воспользовался им и был принят на работу в финансовый департамент вице-королем Неаполя доном Педро де Толедо. В Неаполе он приобрел значительное состояние, оцениваемое более чем в 200 000 цехинов. Он использовал свое богатство, чтобы удовлетворить унаследованную в его семье склонность к благородной благотворительности. Еврейский поэт Самуэль Уске с энтузиазмом описывает свое сердце и разум: "Самуэль Абрабанель заслуживает того, чтобы его называли Трисмегистом (трижды великим); он велик и мудр в Законе, велик благородством и велик богатством. Со своим богатством он всегда великодушен, помогая в скорбях своим братьям. Он заключает брак с бесчисленными сиротами, поддерживает нуждающихся и освобождает пленников, так что он обладает всеми великими качествами, которые делают пророка".

Чтобы увеличить его счастье, небеса даровали ему спутницу жизни, воплощение его высоких добродетелей, чье имя, Бенвенида Абрабанела, произносилось современниками с благоговейным почтением. Мягкосердечная, глубоко религиозная, мудрая и мужественная, она была образцом утонченности и высокого воспитания - качеств, более ценимых в Италии, чем в любой другой европейской стране. Дон Педро, могущественный испанский вице-король Неаполя, позволил своей второй дочери, Леоноре, быть в близких отношениях с Бенвенидой, чтобы она могла учиться на ее примере. Когда впоследствии эта дочь стала герцогиней Тосканской, она поддерживала знакомство с еврейкой и называла ее почетным именем матери. Эта благородная пара, Самуэль Абрабанель и Бенвенида, в которых сочетались нежность и житейская мудрость, теплая привязанность к иудаизму и общение с нееврейскими кругами, были одновременно гордостью и опорой итальянских евреев и всех, кто попал под их благотворное влияние. Сэмюэль Абрабанель, хотя и не так хорошо разбирался в Талмуде, как представляют его почитатели-поэты, был другом и распространителем еврейских знаний. Чтобы занять должность раввина в Неаполе, он послал за Давидом Ибн-Яхьей и его молодой, отважной женой, которые бежали из Португалии (1518); и, поскольку община была слишком мала, чтобы платить ему жалованье, Абрабанель платил его сам. В своем доме ученый Яхья читал лекции по Талмуду и, вероятно, также по грамматике иврита. Таким образом, он основал

центр еврейской науки в южной Италии. Христианские деятели науки также посещали дом Абрабанеля.

Главным центром изучения талмуда или раввинизма в то время была Падуя, где руководили не итальянцы, а немцы-иммигранты. Иуда Менц из Майнца, даже в своем преклонном возрасте - более ста лет, обладал притягательной властью над прилежными учениками из Италии, Германии и Турции, как будто из его уст они могли почерпнуть мудрость уходящего времени. Быть учеником Менца считалось большой честью и отличием. После его смерти его сын, Авраам Менц, взял на себя руководство колледжем (1504-1526); но его авторитет не был бесспорным. Коренные евреи ни в одном направлении не оставили примечательных имен. Хроники упоминают некоторых известных еврейско-итальянских врачей, которые также отличились в других областях, таких как Абрахам де Бальмес (1521) из Лечче, врач и друг кардинала Гримани. Де Бальм обладал философскими познаниями и написал работу на иврите, которая была опубликована с латинским переводом христианина. Другими еврейскими врачами того же возраста были Иуда, или Лаудадеус де Бланис, из Перуджи, поклонявшийся Каббале, и Обадия, или Сервадеус де Сфорно (Сфурно, родился около 1470 года, умер в 1550 году), врач из Рима и Болоньи, который, помимо медицины, изучал библейские и философские предметы и посвятил некоторые из своих трудов на иврите с латинским переводом королю Франции Генриху II. Но, насколько мы сейчас можем судить об этих высоко оцененных сочинениях, они посредственны, а авторы даже в свое время пользовались лишь местной репутацией. Несомненно, что де Бальмес и Сфорно намного ниже Якоба Мантена, который, изгнанный из Тортозы в Италию, проявил себя там как врач и философ, оставив после себя знаменитое имя. Мантен (родился около 1490 г., умер около 1549 г.) был великим лингвистом; помимо своего родного языка и иврита, он понимал латынь, итальянский и арабский языки. Он был глубоко образованным врачом и философом и переводил медицинские и метафизические труды с иврита или арабского на латынь. Он пользовался большим уважением как врач у папы римского и посла Карла V в Венеции. Но его ученость была омрачена его незаконным характером; зависть и честолюбие побуждали его совершать нечестивые поступки, обвинять и преследовать невинных людей, даже своих единоверцев.

В те дни в Италии жил человек, который, хотя и не отличался какими-либо блестящими достижениями, превосходил почти всех своих единоверцев более высоким и редким качеством, чем литературные способности. Он был одарен здравым смыслом и тонким пониманием, что позволяло ему не судить о вещах по внешности или с ограниченной точки зрения. Абрахам Фариссоль (родился в 1451 году, умер около 1525 года), уроженец Авиньона, по неизвестным причинам, возможно, из-за нужды, эмигрировал в Феррару. Он зарабатывал на жизнь переписыванием книг, а также, по-видимому, исполнял обязанности певчего в синагоге. Хотя он находился в стесненных обстоятельствах и был ограничен узким окружением, его восприятие было острым, кругозор широким, а суждения зрелыми. Как и большинство его образованных современников в Италии, он комментировал Библию, и его независимость мышления среди дремучей доверчивости его времени составляет его претензию на превосходство. Он сказал о себе: "Что касается чудес, то я принадлежу к тем, у кого мало веры". Фариссол был первым еврейским автором, который вместо изучения звездного неба, астрономии и астрологии (к которым еврейские авторы средневековья были слишком склонны) обратил свое внимание на исследование конфигурации и явлений нашего земного шара. На проведение этих исследований на него повлияли чудесные открытия южных побережий Африки и Индии португальцами и Америки испанцами. Проникая сквозь средневековый туман и обманчивые

иллюзии воображения, Фариссолю видел вещи такими, какие они есть на самом деле, и, считая необходимым указать на них, он насмехался над невежественными людьми, которые в своем псевдоученом тщеславии не придавали значения географии. Он должен был убедительно показать, что Книга книг, священная летопись Торы, придает большое значение географическим данным, при этом он указал новую точку зрения на понимание Библии: ее следовало объяснять не аллегориями и метафизическими или каббалистическими мечтаниями, а реальными фактами и простым значением слов.

Фариссолю имел доступ ко двору герцога Феррары Эрколе д'Эсте I, одного из лучших принцев Италии, который соперничал с Медичи в продвижении науки. Герцог получал удовольствие от его бесед и часто приглашал его обсудить религиозные вопросы с учеными монахами. Казалось, что на итальянской земле возобновятся частые религиозные диспуты и интеллектуальные встречи. Фариссол проявлял философское спокойствие, помимо осторожности, и снисходительность к чувствам своих оппонентов, когда касался их слабых мест. По просьбе герцога Феррарского Фариссол записал на иврите содержание своих бесед с монахами и воспроизвел их на итальянском, чтобы дать своим оппонентам возможность для опровержения. Но его полемический и апологетический труд имеет гораздо меньшую ценность, чем его географические труды, которые он завершил в преклонном возрасте, стоя одной ногой в могиле. Они демонстрируют ясный ум, здравый смысл и обширную образованность Фариссола.

Итальянские евреи имели, по крайней мере, право на свободную дискуссию с христианами. Но как только они пересекли Альпы и оказались в Германии, они вдохнули свежий воздух, как политический, так и атмосферный. Немногие беглецы-сефарды посещали эту негостеприимную землю. Немецкое население относилось к евреям так же враждебно, как и испанское. Правда, у немцев не было повода завидовать евреям из-за положения и влияния еврейских магнатов при королевских дворах, но они завидовали им даже за их жалкое существование в еврейских переулках, в которых они были заперты. Они были изгнаны из некоторых немецких районов, из Кельна, Майнца и Аугсбурга, и во всей Швабии нельзя было найти ни одного еврея. Из других частей света они были изгнаны примерно в то же время, что и из Испании. Император Фридрих III до своего последнего часа защищал тех, кто был объявлен вне закона всем миром. У него даже был врач-еврей, большая редкость в Германии, ученый Якоб бен Иехиэль Лоэнс, к которому он очень благоволил и посвятил в рыцари. Говорят, что Фридрих на смертном одре настоятельно рекомендовал евреям своему сыну, повелев ему защищать их и не слушать клеветнические обвинения, ложность которых он понял. Похоже, что Якоб Лоэнс также пользовался благосклонностью императора Максимилиана, на долю которого выпало править Германией в очень смутные времена. Он передал эту услугу родственникам Лоэнса, поскольку назначил некоего Джозефа бен Гершона Лоэнса из Росхайма в Эльзасе официальным представителем всех немецких евреев в сейме. Этот Иосиф (Джоссельман, Джоселин) не отличался ни своими раввинскими знаниями, ни своим положением, ни богатством; тем не менее, в определенной степени он был официальным представителем немецкого иудаизма. Его самыми поразительными качествами были неутомимая активность, когда нужно было защищать своих несчастных единоверцев, его любовь к истине и горячая привязанность к своей вере и народу. Родившийся в 1480 году, умерший в 1555 году, он в течение полувека энергично защищал своих единоверцев в Германии и стал для них надежной защитой, когда правящие силы настояли на особом освобождении под залог. Поэтому евреи восхваляли и благословляли его как своего "Великого Защитника".

Но сам факт того, что немецкие евреи нуждались в защитнике, доказывает, что их положение было нелегким. Ибо император Максимилиан не был человеком решительного характера, на него влияли всевозможные влияния и инсинуации; он не всегда следовал советам своего отца. Поэтому его поведение по отношению к евреям всегда было неустойчивым; теперь он предоставил или, по крайней мере, пообещал им свою защиту; теперь он предложил свою помощь, если не в их кровопролитных преследованиях, то, по крайней мере, в их изгнании или унижении. Временами он прислушивался к лживым обвинениям в том, что евреи поносили воинство и убивали младенцев, - лжи, старательно распространяемой монахами-доминиканцами, в которую, после предполагаемой мученической смерти юного Симона из Трента, охотно верили. Следовательно, во время правления Максимилиана евреев не только изгоняли из Германии и прилегающих государств, но и выслеживали и пытали; они ежедневно ожидали дыбы и мученической смерти, так что для таких случаев составлялось специальное признание в грехах, и невинно обвиняемые, призванные к отступничеству, скрепляли свое признание смертью и с радостью приносили себя в жертву Единому Богу. Когда либо с санкции, либо по пассивному разрешению императора евреи были изгнаны, он без угрызений совести конфисковал их имущество и превратил его в деньги.

Император, действительно, не изгнал нюрнбергскую общину, но за денежное вознаграждение разрешил гражданам сделать это. И все же христиане осмеливались упрекать евреев в том, что они зарабатывают деньги несправедливо, тогда как это делали только богатые, да и то в небольших масштабах. Сразу же после восшествия на престол императора жители Нюрнберга обратились к нему с просьбой разрешить изгнание евреев из-за "распущенного поведения". Это "распущенное поведение" объяснялось в обвинительном заключении приемом иностранных единоверцев, в результате чего нормальное количество евреев в городе чрезмерно увеличилось; практикой чрезмерного ростовщичества; мошенничеством при взыскании долгов, в результате чего честные торговцы обнищали, и, наконец, укрывательством жуликов и бродяг. Чтобы разжечь ненависть к ним и утвердить читающие латынь (*то есть* образованные) классы в иллюзии, что евреи были богохульниками, поносителями воинства и детоубийцами, богатый горожанин Антониус Кобергер приказал за свой счет перепечатать ядовитый антиеврейский *Fortalitium fidei* испанского францисканца Альфонсо де Спина. После долгих прошений император Максимилиан наконец удовлетворил просьбу Нюрнберга "из-за верности, с которой город всегда служил императорскому дому", отменил привилегии, которыми пользовались евреи, и позволил городскому совету назначить время для их изгнания, оговорив, однако, что дома, земли, синагоги и даже еврейское кладбище должны перейти в императорскую казну. Более того, он даровал Нюрнбергу привилегию навсегда освободиться от приема евреев в его стенах (5 июля 1498 г.). Городской совет сначала выделил только четыре месяца на исход — и культурный, добродетельный патриций, проповедующий гуманизм, Виллибальд Пиркхаймер, впоследствии столь сильная опора гуманистов, был тогда членом совета! По мольбам несчастных людей короткая отсрочка была продлена на три месяца. Но евреи, вызванные шерифами в синагогу, должны были поклясться покинуть город к тому времени. Наконец, 10 марта 1499 года сильно сократившаяся община покинула Нюрнберг, в который она вернулась после Черной смерти.

Примерно в то же время евреи других немецких городов - Ульма, Нордлингена, Кольмара и Магдебурга - были отправлены в изгнание.

Общине Ратисбона, в то время старейшей в Германии, пришлось еще хуже; даже тогда она услышала предостерегающий голос, призывающий готовиться к изгнанию. С тех пор как жители этого имперского города из-за споров с евреями, возникших из-за ложного обвинения в кровопролитии, понесли унижение и материальные потери от рук императора Фридриха, прежние дружеские чувства между евреями и христианами уступили место горечи и ненависти. Вместо того чтобы приписать правому делу беды, обрушившиеся на город из-за попытки отделения от империи, горожане обвинили евреев в том, что они являются виновниками своих несчастий, и выместили на них свой гнев. Священники, раздраженные провалом своего заговора против евреев, ежедневно разжигали фанатизм населения, открыто проповедуя, что евреи должны быть изгнаны. Мельники отказались продавать им муку, пекари - хлеб (1499), поскольку духовенство пригрозило торговцам отлучением от церкви, если они будут снабжать их продуктами. В определенные дни евреев не допускали на рыночную площадь, в другие им разрешалось делать покупки только после установленного времени, когда христиане удовлетворяли свои потребности. "Под суровым наказанием", наложенным сенатом, христианам было запрещено делать покупки для евреев; первые должны были "обеспечить славу Божью и свое собственное спасение", проявляя жестокость по отношению к последним. Городской совет всерьез обсуждал обращение к императору Максимилиану с просьбой дать согласие на изгнание евреев, разрешив остаться примерно двадцати четырем семьям. Еще несколько лет им было позволено влачить жалкое существование. Помимо Ратисбона, в Германии остались только две крупные общины, а именно во Франкфурте-на-Майне и Вормсе, но даже им часто угрожали изгнанием.

В Праге было много евреев, но этот город находился не в самой Германии; Богемия считалась частным владением короны под властью Ладислава, короля Венгрии. При нем богемские евреи жили не слишком хорошо; еврейский квартал в Праге часто подвергался разграблению со стороны населения. Горожане искренне стремились изгнать евреев из Богемии. Но у последних были свои покровители, особенно среди знати. Когда на сейме возник вопрос об изгнании или удержании евреев, был принят указ (7 августа 1501 г.) о том, что корона Богемии на все времена будет терпимо относиться к ним. Если кто-либо из них преступал закон, наказанию подлежал только он; его преступление не должно было распространяться на всю еврейскую общину. Король Ладислав подтвердил это решение сейма, но вскоре после этого отменил его, поскольку жители Праги были против него и не жалели сил, чтобы сорвать его выполнение. Они настолько сильно настроили короля против евреев, что побудили его издать указ об их изгнании и пригрозить изгнанием тем христианам, которые осмелятся заступиться за них. По какому благоприятному стечению обстоятельств они остались в стране, неизвестно. Хотя в ежедневном ожидании эмиграции они смирились с тем, что их жилище находится на краю вулкана. Потомок итальянской семьи печатников Сончинус по имени Гершон Коэн основал типографию на иврите в Праге (около 1503 г.), первую в Германии, почти через четыре десятилетия после основания типографий на иврите в Италии.

Пражская община, похоже, не преуспела в учебе; в течение некоторого времени ни одна научная работа, даже на талмудическую или раввинскую тему, не выходила из издательства Гершона; оно просто удовлетворяло потребности синагоги, в то время как итальянские и турецкие отделения распространяли важные древние и современные труды. Мы находим, что в те дни упоминался только один раввинский авторитет: Якоб Полак (родился около 1460 г., умер около 1530 г.), создатель нового метода изучения Талмуда, иностранец и, за исключением своего тезки Якоба Бераба, на Востоке самый глубокий и проницательный талмудист своего

времени. Достаточно любопытно, что приписываемая Полаку поразительная способность к остроумным исследованиям на основе Талмуда (Пилпул), достигшая своего наивысшего совершенства в Польше, исходила от уроженца Польши.

После Италии и Турции Польша в те дни была убежищем для преследуемых и изгнанных скитальцев, главным образом из Германии. Здесь, как и в Литве, объединенной с Польшей под властью одного государя, евреи находились в лучшем положении, чем в соседних землях за Вислой и Карпатами, хотя монах Капистрано на некоторое время прервал хорошее взаимопонимание между правительством и евреями.

Короли и знать в определенной степени зависели от них и, когда другие интересы не вступали в конфликт, обычно предоставляли им привилегии, потому что благодаря своему капиталу и торговле они могли превращать территориальные богатства страны в деньги и снабжать ее жителей, бедных монетами, необходимыми средствами. Сбор пошлин и винокурни находились в основном в руках евреев. Само собой разумеется, что они также владели землей и занимались торговлей. Против 500 христиан в Польше было 3200 оптовых торговцев-евреев и в три раза больше ремесленников, включая золотодобытчиков, кузнецов и ткачей. Статут Казимира IV, столь благоприятный для евреев, все еще оставался в силе. Ибо, хотя по принуждению фанатичного монаха Капистрано он отменил его, все же, принимая во внимание преимущества, которые польская корона получала от евреев, он повторно ввел в действие те же законы несколько лет спустя. К евреям, как правило, относились как к гражданам государства, и их не заставляли носить позорные значки; им также разрешалось носить оружие. После смерти этого политического короля против них восстали два противника: с одной стороны, духовенство, видевшее в привилегированном положении польских евреев оскорбление христианства, а с другой - немецкие купцы, которые, надолго обосновавшись в польских городах, принесли с собой свои гильдии и старомодные предрассудки и ненавидели еврейских торговцев и ремесленников из чистой зависти. Объединившись, им удалось настроить преемников Казимира, его сыновей Джона Альберта и Александра, против евреев, так что их привилегии были отменены, а сами евреи ограничены определенными кварталами или даже вообще изгнаны из определенных городов (1496-1505). Но следующий государь, Сигизмунд I (1506-1548), был благосклонно расположен к ним и неоднократно защищал их от преследований и изгнания. Однако самыми сильными сторонниками польских евреев были польские дворяне, которые ненавидели немцев из национальной и политической антипатии и, следовательно, как по политике, так и по склонностям, благоволили евреям и использовали их как свое орудие против высокомерных немцев. А поскольку дворяне занимали высокие официальные посты, законы против евреев, к неудовольствию духовенства и гильдий, остались мертвой буквой. Таким образом, Польша была убежищем, которого так искали преследуемые евреи. Если еврей, обратившийся в христианство, или сам христианин, желал стать евреем, он мог сделать это так же свободно в Польше, как и в Турции.

Раввины были важными агентами короны. У них была привилегия собирать подушный налог с общин и выплачивать его государству. Поэтому раввины крупных городов, назначенные или утвержденные королем, становились руководителями в управлении общинными делами, представляли евреев перед короной и носили титул главного раввина. Раввины сохранили гражданскую юрисдикцию и были уполномочены изгонять недостойных членов церкви и даже

налагать смертную казнь. Но в Польше, стране, которая на несколько столетий должна была стать главной родиной Талмуда и рассадником студентов-талмудистов и раввинов, которая долгое время была как бы окутана талмудической атмосферой, в начале XVI века не было выдающихся талмудистов; она стала родиной Талмуда только после иммиграции многочисленных немецких ученых. Прибывшие из районов Рейна и Майна, из Баварии, Швабии, Богемии и Австрии, толпы еврейских семей поселились на берегах Вислы и Днепра, потеряв свое состояние, но привезя с собой самое ценное, что они защищали ценой своей жизни и чего у них нельзя было отнять, а именно их религиозные убеждения, обычаи их отцов и их талмудическую ученость. Немецкая раввинская школа, у которой дома не было передышки, утвердилась в Польше и Литве, в Малороссии и на Волыни, распространилась во всех направлениях и, пропитавшись славянскими элементами, превратилась в своеобразную польскую школу.

Но еврейско-немецкие беглецы перенесли в Польшу не только знание Талмуда, но и знание немецкого языка, на котором тогда говорили; это они передали коренным евреям, и он постепенно вытеснил польский или русский язык. По мере того, как испанские евреи превращали части европейской и Азиатской Турции в новую Испанию, немецкие евреи превращали Польшу, Литву и принадлежащие им территории в новую Германию. Таким образом, в течение нескольких столетий евреи были разделены на евреев, говорящих по-испански и по-немецки, причем говорящих по-итальянски было слишком мало, чтобы их можно было сосчитать, тем более что в Италии евреи были вынуждены понимать либо испанский, либо немецкий языки. Евреи, поселившиеся в Польше, постепенно избавились от своей немецкой неуклюжести и простоты, но не от языка. Они чтили его как палладиум, как святое воспоминание; и хотя в своих общениях с поляками они использовали язык страны, в семейном кругу, в своих школах и молитвах, они придерживались немецкого. Они ценили его, наряду с ивритом, как святой язык. Евреям повезло, что в то время, когда над их головами в Германии собирались новые бури, они нашли на ее границах страну, которая предложила им гостеприимный прием и защиту. Ибо в Германии разразилась буря, которая зародилась в узком еврейском кругу, но в конечном итоге привлекла к евреям внимание всего христианского мира. Богатое событиями историческое рождение, которое должно было изменить облик европейских дел, произошло, так сказать, в еврейских яслях.

ГЛАВА XIV. РЕЙХЛИН И ТАЛМУД.

Предшественники новообращенного Джона Пфефферкорна—Пфефферкорн и доминиканцы Кельна—Хогстратен, Ортуинус Грациус и Арнольд Тонгернский—Виктор фон Карбен—Нападки на Талмуд и конфискация экземпляров во Франкфурте—Исследования Рейхлина по ивриту и каббалистике—Споры о Талмуде—Активность обеих сторон—Общественное волнение—Полная победа усилий Рейхлина в защиту еврейской литературы—Ульрих фон Хаттен—Лютер—Возрождение изучения иврита.

1500–1520 С.Е.

Кто мог предвидеть, что от немецкой нации, которую повсюду считали тяжелой и глупой, от страны рыцарей-нарушителей закона, ежедневных распрей по пустякам, запутанных политических условий, где каждый был одновременно и деспотом, и рабом, безжалостно угнетавшим своих подчиненных и жалко пресмыкающимся перед вышестоящими, — кто мог предвидеть, что от этого народа и этой страны пойдет движение, которому суждено потрясти европейские дела до основания, создать новые политические условия, нанести смертельный удар средневековью и наложить свою печать на зарю новой исторической эры?

Реформирование церкви и политики, о котором тогда мечтали просвещенные умы, меньше всего ожидалось от Германии. И все же в этой стране дремали скрытые силы, которые нужно было только пробудить, чтобы превратиться в возрождающие силы. Немцы все еще придерживались древней простоты жизни и суровости нравов, педантичных, это правда, и нелепых в проявлениях; в то время как ведущие романские страны, Италия, Франция и Испания, страдали от чрезмерной утонченности, избытка и моральной испорченности. Поскольку немцы сохранили свою изначальную тевтонскую тупость, духовенству не удалось полностью заразить их ядом своего порочного учения. Их низшее духовенство, по сравнению с другими европейскими странами, было более целомудренным и скромным. Врожденная любовь к семейной жизни и дружеское общение, общие у немцев с евреями, уберегли их от той моральной порочности, которой уже подверглись романские нации. В образованных кругах Италии, особенно при папском дворе, христианство и его доктрины вызывали насмешки; ценилась политическая власть, которую они давали сами по себе. Но в Германии, где смеялись мало, разве что в тавернах, к христианству относились как к более серьезному предмету; на него смотрели как на идеал, который когда-то был жив и будет жить снова.

Но эти моральные зародыши в немецкой расе были похоронены так глубоко, что нужны были благоприятные обстоятельства, чтобы выявить их на свет и заставить проявиться в качестве исторических потенций. Как бы сильно сами немцы ни игнорировали это, Талмуд сыграл большую роль в пробуждении этих дремлющих сил. Мы можем смело утверждать, что война за Талмуд и против него пробудила немецкое сознание и создала общественное мнение, без которого Реформация, как и многие другие усилия, умерла бы в час своего рождения или, возможно, вообще никогда бы не появилась на свет. Ничтожная песчинка вызвала сход лавины, которая сотрясла землю вокруг. Инструментом этих могущественных перемен было невежественное, насквозь мерзкое существо, отбросы еврейского народа, которые не заслуживают упоминания в истории или литературе, но которых Провидение, похоже, невольно назначило, подобно какому-то зловонному насекомому, выполнять полезную работу.

Йозеф Пфефферкорн, уроженец Моравии, по профессии был мясником и, как легко можно догадаться, неграмотным. Его моральная порочность была даже больше, чем его невежество. Он совершил кражу со взломом, был пойман, приговорен графом де Гуттенштейном к тюремному заключению и освобожден только по настоятельным молитвам своих родственников и после уплаты штрафа. Похоже, что он надеялся смыть этот позор водой для крещения; церковь не была щепетильна и приняла даже этого презренного негодяя, когда в возрасте тридцати шести лет он явился с женой и детьми, чтобы быть принятым в христианство (около 1505 года?). По-видимому, он был крещен в Кельне; во всяком случае, его содержали невежественные, гордые и фанатичные доминиканцы этого города. Кельн был совиным гнездом избегающих света хвастунов, которые пытались заслонить рассвет яркого дня темными тучами суеверий, враждебных знанию. Во главе их стоял Хохстратен (Hoogstraten), инквизитор или охотник на еретиков, жестокий, безрассудный человек, который буквально жаждал запаха

горящих еретиков, и в Испании был бы полезен Торквемаде. Его коллегой был Арнольд Тонгерн (Tungern), доминиканский профессор теологии. Третьим в коалиции был Ортуин де Грас из Девентера (который латинизировал свое имя на Ортуинус Грациус), сын священнослужителя. Ортуин де Грас питал настолько сильную ненависть к евреям, что это не могло быть вызвано исключительно религиозным рвением. Своим особым занятием он считал возбуждать гнев христиан антиеврейскими писаниями. Но поскольку он был слишком невежественен, чтобы состряпать книгу или даже брошюру, он окружил себя крещеными евреями, которые должны были снабжать его материалами. Еврей, который во время гонений или по какой-либо причине обратился в христианство на пятидесятом году жизни и принял имя Виктор фон Карбен, хотя он почти не знал иврита и раввинских знаний, был прозван раввином, чтобы придать больший вес его нападкам на иудаизм и его исповеданию христианства. Точно неизвестно, добровольно или по принуждению упрекал ли Виктор фон Карбен, который с горечью заявил, что после своего обращения он оставил жену, троих детей, братьев и дорогих друзей, в ненависти к христианам и поношении христианства. Он снабдил Ортуина Грациуса материалами для обвинений против них, их Талмуда, их ошибок и мерзостей, которые Ортуин оформил в книгу. Но, в конце концов, Виктор фон Карбен, похоже, не оказал особой услуги или был слишком стар (родился в 1442 году, умер в 1515 году), чтобы помочь в осуществлении глубокого плана, призванного принести прибыльный бизнес доминиканцам, судьям о ереси в людях и писаниях. Но для этой цели им нужен был еврей; их собственный орден незадолго до этого приобрел довольно дурной запах. Пфефферкорн был именно тем человеком, который им подходил. Он дал свое имя новому антиеврейскому изданию, написанному на латыни Ортуином Грациусом. Оно называлось "Зеркало для вразумления" и призывало евреев обратиться в христианство. Эта первая антиеврейская книга с именем Пфефферкорна мягко обращалась с евреями, даже стремилась показать беспочвенность частых обвинений в краже и убийстве христианских детей. Он умоляет христиан не изгонять евреев и не притеснять их слишком сильно, поскольку в определенной степени они человеческие существа. Но это дружелюбие было лишь маской, попыткой прочувствовать ситуацию. Кельнские доминиканцы стремились конфисковать талмудические труды, как во времена Людовика Святого Французского. На это отдаленно указывалось в первой брошюре Пфефферкорна, в которой он пытался бросить тень подозрения на Талмуд и приводил три причины для объяснения упрямого неверия евреев: их ростовщичество, тот факт, что их не заставляли ходить в церковь, и их приверженность Талмуду. Как только эти препятствия будут устранены, евреи толпами пойдут в церковь. Таким образом, брошюра призывала князей и народ обуздать ростовщичество евреев, заставить их посещать церковь и слушать проповеди, а также сжечь Талмуд. Он признал, что это не просто ущемление притязаний евреев на их труды, но христиане, не колеблясь, в определенных случаях применяли насилие к евреям, и по сравнению с этим конфискация талмудических книг была простительным проступком. Это было единственной целью брошюры под именем Пфефферкорна. В Германии обычно считалось, что кельнские "совы" рассчитывали преуспеть в бизнесе; если бы они смогли убедить правящие власти наложить арест на все экземпляры Талмуда, доминиканцы, как инквизиторы, получили бы их в свое распоряжение, а евреи, которые не могли обойтись без Талмуда, перелили бы свои богатства в доминиканскую казну, чтобы добиться отмены конфискации. Следовательно, в последующие два года, по-прежнему выдвигая Пфефферкорна в качестве автора, они опубликовали несколько брошюр, в которых утверждалось, что христианский долг - изгнать всех евреев, как множество паршивых собак. Если князья не захотят этого сделать, народ должен был взять дело в свои руки, потребовать от своих правителей отобрать у евреев все их книги, кроме Библии, насильно взять с них все обязательства, прежде всего, позаботиться о

том, чтобы их дети воспитывались как христиане, и изгнать взрослых как неисправимых негодяев. Не было грехом поступать худшим образом с евреями, поскольку они не были свободными людьми, а телом и душой принадлежали князьям. Если они отказывались прислушаться к молитве своих подданных, люди должны были собираться массами, даже устраивать бунты и безудержно требовать выполнения христианского долга по унижению евреев. Массы должны были объявить себя поборниками Христа и исполнять его волю. Тот, кто причинял вред евреям, был последователем Христа; тот, кто благоволил им, был хуже их и впоследствии будет наказан вечными страданиями и адским пламенем.

Но Пфефферкорн, Ортуинус Грациус и кельнские доминиканцы пришли слишком поздно. Бунты с целью убийства евреев, хотя их ненавидели и презирали не меньше, чем во времена крестовых походов и Черной смерти, больше не были в моде. Князья были мало расположены изгонять евреев, поскольку вместе с ними исчез бы регулярный доход. Рвение к обращению евреев значительно поостыло; фактически, многие христиане презрительно указывали на крещеных евреев, говоря, что они похожи на чистое белье: пока оно свежее, оно радует глаз, но через несколько дней ношения его отбрасывают как испачканное. Таким образом, христиане лелеют обращенного еврея сразу после его крещения; по прошествии нескольких дней им пренебрегают, его избегают и, в конце концов, над ним смеются.

Немецкие евреи, опасаясь новых опасностей, исходящих от рвения Пфефферкорна, пытались помешать ему. Еврейские врачи, обычно пользовавшиеся большим расположением при дворах князей, по-видимому, использовали свое влияние на своих покровителей, чтобы показать ложность обвинений Пфефферкорна и сделать их неэффективными. Даже христиане выражали свое недовольство махинациями крещеного еврея и громко объявляли Пфефферкорна никчемным человеком и лицемером, которому нельзя верить, поскольку его целью было просто ввести в заблуждение глупцов и набить свой собственный кошелек. Поэтому он опубликовал новый памфлет (март 1509 г.), который дерзко озаглавил "Враг евреев". Эта ядовитая клевета повторила все его прежние обвинения и показала, как евреи, взимая проценты за процентами, разорили христиан. Он очернил характер еврейских врачей, сказав, что они были шарлатанами, которые подвергали опасности жизни своих пациентов-христиан. Следовательно, необходимо было изгнать евреев из Германии, как император Максимилиан изгнал их из Австрии, Штирии и Каринтии; или, если им разрешат остаться, их должны были использовать для уборки улиц, подметания дымоходов, удаления грязи и падали и на подобных работах. Но, прежде всего, у них должны были быть изъяты все экземпляры Талмуда и все книги, относящиеся к их религии, за исключением Библии. Чтобы эффективно осуществить этот шаг, должны были проводиться посещения домов от дома к дому, и евреев должны были заставить, при необходимости с помощью пыток, сдать свои книги. Ортуин Граций тоже приложил руку к составлению этой брошюры.

Эти ядовитые писания на немецком и латыни были всего лишь средством и прелюдией к плану, который должен был воплотить в жизнь надежды доминиканцев Кельна, публичное сожжение теологических книг евреев или превращение их в источник прибыли. Они убеждали императора Максимилиана, который не так-то легко согласился на совершение акта насилия, отдать евреев вместе с их книгами и кошельками на их нежную милость. Для этой цели они призвали на помощь фанатизм несчастной принцессы.

Кунигунда, прекрасная сестра Максимилиана и любимая дочь императора Фридриха, в юности была причиной многих огорчений своего престарелого отца. Без ведома своего отца она вышла замуж за его объявленного врага, баварского герцога Альберта Мюнхенского. Долгое время ее глубоко оскорбленный отец не позволял упоминать ее имя. Когда ее муж умер в расцвете сил (1508), его вдова, возможно, раскаиваясь в своей юношеской ошибке, ушла во францисканский монастырь в Мюнхене. Она стала настоятельницей монастыря Святой Клары и подвергла бичеванию свое тело. Доминиканцы надеялись обратить во благо мрачный характер этой принцессы. Они снабдили Пфефферкорна рекомендательными письмами к ней. Ядовитыми словами он должен был подробно рассказать ей о постыдных деяниях евреев, их богохульствах против Иисуса, Марии, апостолов и церкви в целом и продемонстрировать ей, что еврейские книги, содержащие все эти мерзости, заслуживают уничтожения. Женщину, к тому же суеверную, чей разум притупился в монастырских стенах, легко убедить. Кунигунде с готовностью поверила клевете на евреев и их религиозную литературу, тем более что они были произнесены бывшим евреем, который не мог не быть знаком с их привычками и порочностью и который заверил ее, что после уничтожения еврейских книг все евреи постепенно обратятся в христианство. Пфефферкорн легко добился от фанатичной монахини того, чего хотел. Она передала ему настоятельное письмо своему брату-императору, умоляя его положить конец еврейским богохульствам против христианства и издать указ о том, чтобы все их труды, кроме Библии, были изъяты у евреев и сожжены, дабы грехи богохульства, ежедневно совершаемые ими, не пали на его коронованную голову. Получив это послание, Пфефферкорн немедленно отправился в Италию, в лагерь императора.

Благодаря фанатичному письму Кунигунды и клевете Пфефферкорна удалось вырвать у Максимилиана мандат, датированный 19 августа 1509 года, дающий крещеному негодяю полную власть над евреями. Ему было разрешено изучать еврейские писания в любой точке Германской империи и уничтожать все, содержание которых было враждебно Библии и христианской вере. Евреям было предписано под страхом суровых наказаний для личности и имущества не оказывать сопротивления, но предоставить свои книги на проверку Пфефферкорну. Пфефферкорн с разрешения императора с триумфом вернулся в Германию, чтобы начать свою кампанию против еврейских книг или еврейских кошельков. Он начал свое дело, обещавшее прибыль, с общины во Франкфурте, в то время самой важной в Германии, где было много знатоков Талмуда, следовательно, много копий этого труда, помимо многих богатых евреев. По требованию Пфефферкорна сенат собрал всех евреев в синагоге и сообщил им приказ императора сдать свои книги.

В присутствии священнослужителей и членов сената все молитвенники, найденные в синагоге, были конфискованы. Случилось это в канун праздника Кущей (пятница, 28 сентября). Своим собственным авторитетом или делая вид, что скрывает это от императора, Пфефферкорн запретил евреям посещать синагогу в день праздника; он намеревался провести в этот день обход домов, поскольку ему очень хотелось раздобыть экземпляры Талмуда. Присутствовавшие священнослужители, однако, были не настолько невнимательны, чтобы превратить праздник евреев в траур, но отложили поиск книг до следующего понедельника. Как действовали евреи? То, что они осмелились протестовать против этого произвола, доказывает, что возник новый порядок вещей. Они больше не подчинялись, как прежде в Германии, с безмолвной покорностью ягнят, разграблению и смерти. Они апеллировали к хартиям различных пап и императоров, предоставлявшим им свободу вероисповедания, которая включала владение их молитвенниками и учебниками. Они требовали отсрочки конфискации, чтобы подать

апелляцию императору и верховному судебному суду. Руководители общины Франкфурта немедленно направили депутата к курфюрсту и архиепископу Майнца Уриэлю фон Геммингену, в епархии которого находился Франкфурт, чтобы убедить его запретить духовенству сотрудничать в этой несправедливости. Когда Пфефферкорн начал посещать дома от дома к дому, евреи протестовали так энергично, что это пришлось отложить до тех пор, пока сенат не решит, следует ли удовлетворять их возражения. Решение разумного сената было неблагоприятным; но когда конфискация должна была вот-вот начаться, пришло письмо от архиепископа, запрещающее духовенству оказывать Пфефферкорну какую-либо помощь. Это расстроило план, поскольку сенаторы также отказались от сделки, как только узнали, что высший церковный сановник Германии встал на сторону евреев. Последние не бездействовали. Ибо, хотя они и не знали, что за спиной Пфефферкорна стоят могущественные доминиканцы, они подозревали, что лица, враждебные евреям, использовали этого злобного негодяя, чтобы разжечь против них гонения. Они немедленно отправили защитника своего дела к императору, а другого - к немецким общинам, дальним и ближним, с просьбой назначить генеральный синод, который должен быть созван в следующем месяце, для рассмотрения того, какие шаги следует предпринять, и для сбора средств.

Временно это неприятное дело, казалось, приняло благоприятный для евреев оборот. Сенат Франкфурта оставался пассивным, за исключением наложения эмбарго на пакеты с книгами, принадлежащие еврейским книготорговцам, и запрета на их продажу. Поведение архиепископа было тем, что принесло им наибольшую пользу. То ли из чувства справедливости — он вообще был честен в своих поступках, — то ли из добрых чувств к евреям, то ли из неприязни к доминиканской охоте на еретиков, то ли, наконец, из ревности к вмешательству императора в его функции, предоставившего такому ничтожеству, как Пфефферкорн, духовную юрисдикцию в своей епархии, Уриэль фон Гемминген встал на сторону евреев. Он направил письмо императору (5 октября), в котором мягко намекнул, что он виноват в том, что передал все полномочия такому невежественному человеку, как Пфефферкорн, и утверждал, что, насколько ему известно, евреи его епархии не имеют богохульных или антихристианских сочинений, и намекнул, что, если император абсолютно настаивает на проверке и конфискации литературы на иврите, он должен нанять эксперта. Он был настолько ревностен в защите евреев, что написал фон Гуттену, своему агенту при императорском дворе, с просьбой помочь евреям изложить их дело императору. Тем временем, чтобы не выдавать своей предвзятости, он пригласил Пфефферкорна в Ашаффенбург и сообщил ему, что его мандат от императора был ошибочным по форме, в результате чего он стал неэффективным, поскольку евреи будут оспаривать его действительность.

В этом интервью имя Рейхлина было упомянуто впервые, то ли архиепископом, то ли Пфефферкорном, неизвестно. Было предложено просить императора назначить Рейхлина и Виктора фон Карбена Пфефферкорна помощниками по экспертизе еврейских книг. Пфефферкорн или сами доминиканские монахи сочли необходимым заручиться сотрудничеством человека, чья ученость, характер и высокое положение сделали бы их деятельность более эффективной. Рейхлин, гордость Германии, должен был стать их помощником, чтобы обезоружить возможных противников. Это также было частью их плана - так или иначе дискредитировать человека, на которого мракобесы смотрели с немилостью и который, к их досаде, сначала побудил немецких, а затем и европейских христиан в целом изучать иврит. Но именно этими уловками Пфефферкорн и его покровители не только испортили свою игру, но и вызвали бурю, которая менее чем за десятилетие потрясла все здание

католической церкви. Впоследствии справедливо было сказано, что христианин-полуеврей нанес христианству больше вреда, чем могли бы нанести все богохульные писания евреев. Джон Рейхлин помог совершить переход от средневековья к современности, и поэтому его имя известно в летописях шестнадцатого века; но и в еврейской истории он заслуживает почетного упоминания.

Джон Рейхлин из Пфорцхайма (родился в 1455 г., умер в 1522 г.), или Капнион, как называли его почитатели, студенты *humaniora*, вместе со своим младшим современником Эразмом Роттердамским, избавил Германию от упреков в варварстве. Своим примером и подстрекательством они доказали, что в том, что касается знания древнегреческого и латыни, чистого стиля и гуманистической культуры в целом, немцы могут не только соперничать, но и превосходить итальянцев. Помимо его поразительных познаний в классической литературе и элегантной дикции, Рейхлин обладал чистым, прямолинейным характером, благородством ума, честностью, которая была устойчива к искушениям, восхитительной любовью к истине и мягким сердцем. Более разносторонний, чем Эразм, его младший коллега, в подготовке и распространении гуманистической и эстетической культуры в Германии, Рейхлин также посвятил себя изучению иврита, чтобы овладеть языком, благословленным Богом, и таким образом подражать своему образцу, отцу Церкви Иерониму. Его любовь к ивриту переросла в энтузиазм, когда во время своего второго путешествия в Рим он познакомился во Флоренции с образованным юношей Пико ди Мирандолой, вундеркиндом Италии, и узнал от него, какие глубокие, чудесные тайны скрыты в еврейских источниках Каббалы. После этого Рейхлин возжелал еврейской литературы, но не мог утолить свою жажду. Он не мог даже раздобыть печатный экземпляр еврейской Библии. Только в зрелом возрасте он нашел возможность приобрести более глубокие знания иврита. Во время своего пребывания в Линце, при дворе престарелого императора Фридриха III, он познакомился с имперским врачом и еврейским рыцарем Якобом Лоунсом; и этот еврейский ученый стал его учителем иврита и литературы.

Рейхлин посвящал этому занятию каждый час, который мог выкроить из своих занятий при дворе, и овладел им так основательно, что вскоре смог обходиться без учителя. Его языковой талант сослужил ему хорошую службу и позволил преодолевать трудности. Он старался как можно быстрее использовать знания иврита, полученные с таким рвением. Он написал небольшое произведение "Чудесное слово", вдохновленный панегирик еврейскому языку, его простоте, глубине и божественному характеру. "Язык евреев прост, неиспорчен, свят, немногословен и энергичен; Бог беседует на нем непосредственно с людьми, а люди - с ангелами, без переводчиков, лицом к лицу, ... как один друг беседует с другим". Еврей, преданный древностям своей расы, не мог бы говорить с большим энтузиазмом. Работа состоит из серии дискуссий между философом-эпикурейцем, еврейским мудрецом (Барухиасом) и христианином (Капнионом), и ее цель - доказать, что мудрость всех народов, символы языческих религий и формы их поклонения являются всего лишь неправильными представлениями и пародией на еврейскую истину, таинственным образом скрытую в словах, в самих формах букв еврейского языка.

Рейхлин, возможно, чувствовал, что его знание иврита все еще оставляет желать лучшего; поэтому он, будучи послом курфюрста палатинского, которого он представлял при дворе папы Александра VI (1498-1500), продолжил изучение еврейской литературы. Обадиа Сфорно из Чезены, проживавший в то время в Риме, стал вторым учителем иврита Рейхлина. Таким образом, немецкий гуманист, уже известный человек, чьи латинские речи вызывали

восхищение итальянцев, сел у ног еврея, чтобы совершенствоваться в иврите, и не брезговал принимать наставления от еврея при любой представившейся возможности, настолько высоко он ценил иврит.

Будучи единственным христианином в Германии, или, можно сказать, во всей Европе, достаточно знакомым со священным языком, многочисленные друзья Рейхлина уговаривали его составить грамматику иврита, чтобы дать возможность прилежным людям обучаться самостоятельно. Первая грамматика иврита, написанная христианином, которую Рейхлин назвал "памятником, более долговечным, чем медь" (закончена в марте 1506 года), была довольно убогим произведением. В нем даны только основы произношения и этимологии, а также словарный запас, несовершенство которого нас не должно удивлять, поскольку это работа новичка. Но грамматика дала важные результаты: она пробудила вкус к изучению иврита у большого круга ученых, которые с тех пор ревностно посвятили себя ей; и эти исследования послужили новым фактором для лютеранской реформации. Ряд учеников Рейхлина, таких как Себастьян Мюнстер и Видманнштадт, пошли по его стопам и подняли иврит до уровня греческого.

Но хотя Рейхлин отправился в еврейский переулок, чтобы унести спрятанное сокровище, поначалу он испытывал не меньшее предубеждение против еврейской расы, чем его современники. Забывший о своей былой славе и слепой к твердому ядру, потому что заключенный в отталкивающую оболочку, Рейхлин смотрел на еврейский народ как на совершенно варварский, лишенный всякого художественного вкуса, суеверный, подлый и развращенный. Он торжественно заявил, что далек от благосклонности к евреям. Подобно своему образцу, Иерониму, он свидетельствовал о своей неукротимой ненависти к ним. Одновременно с изучением грамматики иврита он написал послание, в котором объяснил все страдания евреев их слепым неверием, вместо того чтобы искать его источник в недостатке милосердия к ним у христиан. Рейхлин, не меньше, чем Пфедферкорн, обвинял евреев в богохульстве против Иисуса, Марии, апостолов и христиан в целом; но пришло время, когда он пожалел об этом нескромном разглаговольствовании своей юности. Ибо его сердце не разделяло предрассудков его разума. Всякий раз, когда он встречал отдельных евреев, он дарил им свою привязанность или, по крайней мере, свое уважение; вероятно, он находил, что они были лучше, чем представляли их христиане. Его чувство справедливости не позволяло ему допустить, чтобы им причинили зло, не говоря уже о том, чтобы помочь в этом.

Когда Пфедферкорн и кельнские доминиканцы обратились к Рейхлину, он был в зените своей жизни и славы. Высшие и низшие чтили его за его прямоту; император Фридрих возвысил его; император Максимилиан назначил его советником и судьей Швабской лиги; круг гуманистов, орден свободных духов внутри Германии и за ее пределами, любил, боготворил, почти обожествлял его. Хотя до сих пор ни тени ереси не падало на Рейхлина, который был в лучших отношениях с доминиканцами, все же друзья тьмы инстинктивно видели в нем своего тайного врага. Его увлечение наукой и классической литературой, его стремление к элегантному латинскому стилю, его энтузиазм по отношению к греческому языку, которым была заражена вся Германия, и, что хуже всего, его введение иврита, его предпочтение "еврейской правде", еврейскому тексту, а не искаженной латинской вульгате, которую церковь считала канонической и неопровержимой, рассматривались мракобесами как преступления, за которые инквизиция, конечно, не могла напрямую привлечь его к ответственности, но которые обеспечили ему место в их черной книге.

Приказ, отданный Пфефферкорну, секретному агенту доминиканцев Кельна, привлечь Рейхлина к изучению богохульных еврейских писаний, как говорилось выше, был хитроумно придуманной ловушкой. Во время своего второго путешествия в имперский лагерь Пфефферкорн посетил Рейхлина в его собственном доме, попытался сделать его сообщником в своих злобных планах против евреев и показал ему императорский мандат. Рейхлин несколько нерешительно отклонил это предложение, хотя и одобрял уничтожение еврейской клеветы на христианство; но он указал, что наказ императора был ошибочным по форме и что, следовательно, власти не будут добровольно приводить его в исполнение. Говорят, Рейхлин намекнул, что, если бы его пригласили сделать это, он сам заинтересовался бы этим вопросом. Вследствие этого Пфефферкорн обратился к императору за вторым мандатом, правильным по форме и неопровержимым. Но евреи не бездействовали, пытаясь побудить императора отменить мандат и восстановить их книги.

Община Франкфурта назначила Джонатана Леви Циона, ревностного члена общины, защищать их дело перед императором. Община Ратисбона также направила агента к императорскому двору. Исаак Трист, человек, которого очень любили люди из окружения императора, приложил немало усилий, чтобы расстроить планы Пфефферкорна. Еврейских защитников поддерживали влиятельные христиане, в том числе представитель архиепископа и маркграф Баденский. Сначала они привели хартии, гарантирующие свободу вероисповедания, предоставленные евреям императорами и папами, в соответствии с которыми даже император не имел права вмешиваться в управление их частными делами или посягать на их собственность в виде религиозных книг. Они не преминули сообщить императору, что их обвинитель был никчемным человеком, вором со взломом. Еврейские защитники думали, что достигли своей цели. Император выслушал их прошение на аудиенции и пообещал им скорый ответ. Дружеский прием побудил их искать немедленного решения этого болезненного дела; более того, добрым предзнаменованием было то, что комиссаром был назначен Уриэль фон Гемминген, их покровитель.

Но они не понимали нерешительного характера Максимилиана. Как только Пфефферкорн предстал перед ним, вооруженный еще одним письмом с автографом своей сестры, в котором сверхбожественная монахиня умоляла его не наносить вреда христианству отзывом его мандата, чаша весов повернулась против евреев. На самом деле император был втайне задет тем, что презираемые франкфуртские евреи, пренебрегая его мандатом, отказались отдать книги, найденные в их домах.

Вслед за этим он издал второй указ (10 ноября 1509 г.), в котором упрекал евреев в том, что они оказали сопротивление, и приказал продолжить конфискацию. Но он назначил архиепископа Уриила уполномоченным и посоветовал ему обратиться за советом к университетам Кельна, Майнца, Эрфурта и Гейдельберга и привлечь к себе ученых людей, таких как Рейхлин, Виктор фон Карбен и инквизитор Хогстратен, который совершенно не знал иврита. С этим мандатом в кармане Пфефферкорн поспешил обратно к месту своей деятельности, в Рейнские провинции. Архиепископ Уриил назначил Германа Гесса, ректора Майнцкого университета, своим делегатом для руководства конфискацией еврейских книг. В сопровождении него Пфефферкорн снова отправился во Франкфурт, и охота за книгами возобновилась. Полторы тысячи рукописей, включая те, которые уже были изъяты, были изъяты у франкфуртских евреев и переданы на хранение в ратушу.

Хуже нерешительного поведения императора была апатия, проявленная крупными общинами Германии при назначении делегатов на конференцию для обсуждения и срыва злонамеренных планов Пфефферкорна, или, скорее, доминиканцев. Небольшие общины внесли свою долю в расходы, вызванные этим серьезным делом, но более крупные и богатые общины Ротенбурга на Таубере, Вайсенбурга и Фюрта, на которые евреи Франкфурта рассчитывали больше всего, проявили прискорбное безразличие. Но когда в результате второго мандата еврейские книги были конфискованы не только во Франкфурте, но и в других общинах, проявился более активный интерес. Сначала на сенат Франкфурта повлияли в их пользу. Еврейские книготорговцы имели обыкновение привозить свои кипы книг на продажу на Весеннюю ярмарку во Франкфурте. Пфефферкорн пригрозил конфисковать и их, но сенат Франкфурта отказался помочь в этой мере, не желая нарушать законы, регулирующие проведение ярмарки. Более того, еврейские книготорговцы имели охранные грамоты каждый от князя своей страны, защищавшие не только их личность, но и их имущество. Архиепископ хранил угрюмое молчание, но был склонен благосклонно относиться к евреям. Он не созвал ученых мужей, о которых упоминал император, для изучения еврейских книг и сделал не больше, чем мог помочь. Кроме того, многие князья, у которых открылись глаза на конечные результаты этой странной конфискации, по-видимому, обратились с заявлениями к императору. Общественное мнение было особенно сурово по отношению к Пфефферкорну. Но он и доминиканцы не бездействовали; они стремились привлечь на свою сторону императора и общественное мнение, и замечательно, что враги гласности открыли рот этой доселе молчаливой вершительнице судеб и придали ей могущества.

С этой целью появилась еще одна антиеврейская брошюра с именем Пфефферкорна на титульном листе, озаглавленная "Во славу императора Максимилиана". Он пустил клубы ладана в лицо императору и выразил сожаление по поводу того, что обвинения против евреев из-за безразличия и невежества были так мало замечены в христианских кругах. Это подтверждало, что Талмуд, ростовщичество евреев и их возможности для зарабатывания денег были причинами их упрямого отказа стать христианами. Таким образом, кельнские доминиканцы, всегда стоявшие за спиной Пфефферкорна, с помощью общественного мнения снова попытались оказать моральное давление на Максимилиана.

Но это общественное мнение, должно быть, так сильно высказалось в пользу евреев, что Максимилиан был вынужден пойти на необычный для императора шаг, а именно в определенной степени отменить свои прежние приказы, дав указание сенату Франкфурта вернуть евреям их книги (23 мая 1510 г.) "до завершения нашей цели и проверки книг". Велика была радость евреев. Они избежали большой опасности: на карту были поставлены не только их религиозные книги, столь дорогие их сердцам, но и их положение в Священной Римской империи, поскольку доминиканцы в случае успеха не остановились бы перед конфискацией книг, а подвергли бы их новым унижениям и гонениям.

Но евреи восторжествовали слишком рано; доминиканцы и их сообщник и орудие, Пфефферкорн, не собирались так легко отказываться от уже достигнутых преимуществ. Прискорбное происшествие в Бранденбургской марке придало новую энергию их махинациям и послужило предлогом для предъявления обвинения. Вор украл несколько священных эмблем из церкви, и когда его спросили о святой облатке, он признался, что продал ее евреям в округе Бранденбург. Конечно, вору поверили, и епископ Бранденбургский с пламенным фанатизмом приступил к преследованию евреев. Курфюрст Бранденбурга Иоахим I, ярый охотник за

еретиками, приказал доставить обвиняемых в Берлин. Обвинение в оскорблении хозяина вскоре было дополнено обвинением в детоубийстве. Иоахим приказал пытать евреев, а затем приказал сжечь тридцать из них. С твердостью, с хвалебными песнями на устах, эти бранденбургские мученики встретили свою огненную смерть (19 июля 1510 г.), за исключением двоих, которые, опасаясь костра, приняли крещение и подверглись, казалось бы, более почетной участи быть обезглавленными. Это первое упоминание о евреях в Берлине и Бранденбурге. Это событие вызвало большой переполох в Германии, и кельнские доминиканцы воспользовались этим, чтобы побудить императора издать новый указ о конфискации еврейских книг, поскольку только Талмуду можно было приписать предполагаемую враждебность евреев к христианству. Они укрылись за тем же посредником; фанатичная монахиня, герцогиня-настоятельница Кунигунде, которой дьявольская злоба евреев, явленная вышеупомянутым происшествием, была представлена в самых ярких красках, снова должна была повлиять на императора. Доминиканцы намекнули ей, насколько пагубным для христианства должен быть тот факт, что евреи, поносящие хозяев и убивающие детей, могли похвастаться тем, что им вернули их книги по приказу императора, который, таким образом, в определенной степени одобрял содержащееся в них надругательство над христианством. Вслед за этим настоятельница откровенно набросилась на своего брата и во время их встречи в Мюнхене на коленях умоляла его пересмотреть вопрос о еврейских книгах. Максимилиан был сбит с толку. Ему не хотелось отказывать своей горячо любимой сестре в том, что у нее было так близко к сердцу; с другой стороны, он не был в восторге от лжи Пфефферкорна о евреях. Он считал целесообразным предстать справедливым перед обеими сторонами. Он издал новый мандат, четвертый по счету в этом деле (6 июля 1510 г.), адресованный архиепископу Уриилу, предписывающий ему возобновить расследование, но в другой форме. Обвинительный акт не должен был считаться доказанным, но подлежал тщательному расследованию. Архиепископ Майнца должен был выслушать мнения названных немецких университетов, а также Рейхлина, Виктора фон Карбена и Хогстратена, которым император направил специальную повестку в официальной форме. Окончательное решение относительно характера еврейских писаний должно было быть сообщено ему Пфефферкорном, инициатором расследования. У евреев были причины с тревогой ожидать решения этого вопроса; от этого зависело их благополучие и горе.

Евреям повезло, что честного, правдивого Рейхлина, с таким энтузиазмом увлекавшегося ивритом и каббалистической литературой, попросили высказать свое мнение о еврейской литературе. Кельнские доминиканцы, выдвинувшие его кандидатуру, тем самым расстроили свой собственный замысел и в результате сделали его врагом своих враждебных начинаний. Как только Рейхлин получил приказ императора, он приступил к работе, чтобы ответить на вопрос, "Было ли благочестиво, похвально и выгодно христианству сжигать еврейские писания", под которыми, в частности, подразумевался Талмуд. Его суждения были чрезвычайно благосклонны к писаниям, о которых идет речь, и он не упустил случая нанести всевозможные удары по мерзкому подстрекателю Пфефферкорну. Еврейская литература, владычица его сердца, должна была быть обвинена как преступница, и неужели он не сможет защитить ее всеми силами своего разума? Мнение Рейхлина выдержано в педантичном, тяжеловесном юридическом стиле, преобладавшем тогда, но не лишено способностей. Он исходил из правильной точки зрения, что, отвечая на этот вопрос, еврейские писания не следует рассматривать в совокупности как однородную литературу, но что, исключая Библию, они должны быть разделены на шесть классов. Класс экзегетических работ, таких как Р. Соломона (Раши), Ибн-Эзры, Кимчи, Моисея Герунденсиса и Леви бен Гершона, отнюдь не наносит

ущерб христианству, он объявил их незаменимыми для христианского богословия, поскольку наиболее образованные христианские комментаторы Ветхого Завета взяли лучшее из своих трудов у евреев, как из источников, откуда вытекает настоящая истина и понимание Священного Писания. Если бы из объемистых трудов Николаса де Лира, лучшего христианского экзегета, были удалены все заимствования из Раши, то оставшаяся часть, составленная им самим, могла бы уместиться на нескольких страницах. Он, действительно, считал позором то, что многие доктора богословия из-за незнания иврита и греческого неправильно истолковывали Священные Писания. Класс еврейских трудов по философии, естественным наукам и свободным искусствам никоим образом не отличался от того, что можно было найти в греческих, латинских или немецких произведениях. Что касается Талмуда, против которого было выдвинуто главное обвинение, Рейхлин признался в своей неспособности понять его; но другие ученые христиане понимали в нем не больше, чем могли бы узнать от его обвинителей, включая Пфефферкорна. Он был знаком со многими, кто осуждал Талмуд, не понимая его. Но можно ли писать против математики, не зная ее? Поэтому он придерживался мнения, что Талмуд не следует сжигать, даже если бы в нем действительно содержалась клевета на основателей христианства. "Если бы Талмуд заслуживал такого осуждения, наши предки много сотен лет назад, чье рвение к христианству было намного больше нашего, сожгли бы его. Крещенные евреи, Петер Шварц и Пфефферкорн, единственные люди, которые настаивают на том, чтобы его сожгли, вероятно, желают этого по личным причинам".

Защитить каббалистические писания и спасти их от сожжения было достаточно просто. Рейхлину оставалось лишь указать на события, произошедшие при папском дворе едва ли два десятилетия назад. Ученый и эксцентричный граф Пико ди Мирандола вызывал восторженное восхищение Каббалой, утверждая, что она содержит самую прочную основу главных доктрин христианства. Сикст IV приказал перевести некоторые каббалистические писания на латынь. Рейхлин завершил свое мнение, посоветовав, что их книги не следует ни отбирать у евреев, ни сжигать, но что в каждом немецком университете на десять лет должны быть назначены два профессора иврита, которых также можно попросить преподавать современный или раввинский иврит; и таким образом евреев можно мягкими средствами и убеждением склонить к принятию христианства.

Несомненно, поскольку христиане плохо обращались с евреями и преследовали их, они не нашли такого дружелюбного защитника, как Рейхлин, который заявил о себе в их пользу в официальном документе, предназначенном для канцлера империи и самого императора. Два момента, на которых Рейхлин сделал упор, были особенно важны для евреев. Первый заключался в том, что евреи были гражданами Священной Римской империи и имели право на все ее привилегии и защиту. Это было первое запинаящееся произнесение этого освобождающего слова о совершенном равенстве, которому потребовалось более трех столетий для его совершенного произнесения и признания. Средневековое заблуждение, что евреи после завоевания Иерусалима Веспасианом и Титом стали рабами своих преемников, римских и германских императоров, было таким образом частично развеяно. Признание того, что евреи также имели права, которые император и государство, духовенство и миряне должны уважать, было первым слабым, дрожащим лучом света после долгой, темной ночи. Второй момент, который Рейхлин подчеркнул более позитивно, был не менее важен: евреев нельзя рассматривать как еретиков. Поскольку они стояли вне церкви и не были обязаны придерживаться христианской веры, идеи ереси и неверия — эти ужасающие и смертельные анафемы средневековья — к ним неприменимы.

О том, какую пользу это решение Рейхлина принесло евреям, мы узнаем из решения опрошенных факультетов — факультетов, для которых Талмуд, конечно же, был книгой за семью печатями. Кельнские доминиканцы в полном составе, теологический факультет, инквизитор Хогстратен и седовласый новообращенный Виктор фон Карбен, все они были единомышленниками, не утруждая себя доказательствами того, что Талмуд враждебен христианству; они предполагали это и, следовательно, быстро пришли к решению, что талмудические труды и все другие, вероятно, того же типа, должны быть изъяты и сожжены. Но они пошли дальше; Хогстратен, в частности, имел смелость заявить, что евреи должны быть привлечены к ответственности. Эксперты должны были извлечь и упорядочить еретические отрывки из Талмуда и других еврейских книг; затем евреев должны были допросить, признают ли они пагубность книг, содержащих такие доктрины. Если бы они признали это, то не смогли бы выдвинуть никаких возражений против того, чтобы их предали огню. Если они будут упрямо относиться к этим отрывкам как к частям своего вероучения, император должен был передать их как осужденных еретиков для наказания инквизиции.

Профессорско-преподавательский состав Майнцкого университета вынес аналогичный приговор, но пошел гораздо дальше. Они объявили не только, что все талмудические и раввинские писания полны ошибок и ереси, но что даже Священные Писания, должно быть, были осквернены и искажены ими, особенно в символах веры, поэтому они должны были быть взяты у евреев, изучены, и если их ожидания оправдаются, еврейские Библии должны были быть брошены в огонь. Это был хитрый ход, потому что еврейский текст Библии не согласуется с латинской Вульгатой, работой неумелых людей, используемой церковью. Это было все равно что обвинить непорочную мать перед своей дочерью-дегенераткой и сказать ей, что если она не переняла пороки последней, то не заслуживает существования. И это был ловкий трюк со стороны доминиканцев - избавиться от неудобного еврейского текста, "еврейской правды", величественно качающей головой в ответ на ребяческую мелочность клерикальных толкований. Если бы теологам Майнца и Кельна удалось утвердить свои взгляды, Книга, полученная на Синае, "слова пророков", "Псалмы", памятники благодатного времени, были бы брошены на пылающий костер, а незаконнорожденный автор, испорченная латинская вульгата, заменила бы ее. Доминиканцы, по-видимому, подозревали, что простой смысл слов Библии навлечет на них гибель. К счастью, кельнские доминиканцы сами разрушили свой хитроумно разработанный план актом злодейства.

Рейхлин отправил свое мнение о еврейской литературе в запечатанном пакете с присягнувшим посыльным архиепископу Уриилу, предполагая, что, поскольку оно является государственной тайной, его откроют и прочтут только архиепископ и император. Но Пфедферкорн, который считал, что находится на кануне мести евреям, открыл его в руке еще до того, как император прочитал его. Как это произошло, так и не было выяснено. Рейхлин простыми словами осудил кельнских священников как беспринципных нарушителей печатей. Мы должны быть почти благодарны им за то, что они предали огласке дело, первоначально окутанное официальной тайной, вызвав тем самым еще один трибунал и превратив опасность, грозящую евреям, в опасность для церкви. Они пришли в отчаяние из-за мнения Рейхлина, потому что его голос имел большой вес у императора и его советников. Поэтому доминиканцы, вооруженные во всеоружии, принялись за публикацию опровержения Рейхлина в защиту евреев и их книг. Оно было написано по-немецки, чтобы сделать дело популярным и рассердить толпу, чтобы император не смог прислушаться к Рейхлину.

Эта клевета, озаглавленная "Handspiegel", разошедшаяся за границей в тысячах экземпляров на человека столь высокого положения и чести, судью Швабской лиги, выдающегося ученого, естественно, вызвала большую сенсацию. Со времен изобретения книгопечатания это была первая яростная атака на высокопоставленного чиновника, и, поскольку она была написана по-немецки, каждый мог ее понять. Многочисленные друзья Рейхлина были возмущены дерзостью крещеного еврея, который притворялся более твердым в вере, чем прирожденный христианин с хорошей репутацией. Кельнские доминиканцы позволили себе руководствоваться своей ядовитой ненавистью, а не благоразумием. Рейхлин был вынужден принять меры против подобных нападок, которые слишком глубоко ранили его честь, чтобы молчать. Он поспешил к императору и пожаловался на Пфефферкорна, злобного клеветника, якобы автора "Handspiegel". Император словами и жестами выдал свое негодование и успокоил взволнованного Рейхлина обещанием, что этим делом займется епископ Аугсбургский. Но среди суеты дел, в суматохе итальянских распрей император забыл о Рейхлине, об унижении, которое тот перенес, и об обещанном ему возмещении ущерба. Приближалась Франкфуртская осенняя ярмарка, на которой Пфефферкорн намеревался выставить на продажу оставшиеся экземпляры, а для Рейхлина ничего не было сделано.

Таким образом, Рейхлин был вынужден сделать из Талмуда личный вопрос, апеллировать к общественному мнению и тем самым придать этому вопросу почти всеобщий интерес. Он подготовил оборонительный и оскорбительный ответ "Handspiegel" для Франкфуртской ярмарки. В конце августа или начале сентября 1511 года появился его скандальный памфлет под названием "Аугеншпигель" (или Очки, пара очков представлена на титульном листе), который приобрел историческую известность. Он намеревался раскрыть немецкой общественности злодейство Пфефферкорна и его помощников, но бессознательно он раскрыл недостатки христианства своего времени. Это был памфлет, который, можно сказать без преувеличения, был равнозначен великому действию. Оно было направлено против Пфефферкорна и, как следствие, против кельнских доминиканцев, покровителей и подстрекателей к его клевете. В нем простым, честным языком рассказывается о ходе всего дела: как крещеный "еврей" приложил все усилия, чтобы доказать, что Талмуд опасен, желая сжечь его, и намеревался привлечь Рейхлина к ответственности за это дело. Он публикует адресованные ему послания императора и архиепископа, а также свое "Мнение". Он сообщает, как Пфефферкорн нечестным путем завладел "Мнением" и злоупотребил им, чтобы состряпать клевету, содержащую не менее тридцати четырех неправд о нем (Рейхлине). Тон "Аугеншпигеля" выражает справедливое негодование человека чести против негодяя, расставившего ему ловушку.

Что больше всего возмутило Рейхлина, так это обвинение в том, что его подкупили, чтобы он написал статью в защиту Талмуда. С искренним гневом он возразил, что ни разу за все время своего существования не получал от евреев или от их имени ни единого пенни или какого-либо другого вознаграждения. Не меньше Рейхлина задело презрение, выраженное к его знанию иврита, особенно обвинение в том, что он не сам составлял свою грамматику иврита. Его защита евреев достойна. Негодяй Пфефферкорн упрекнул его в том, что он выучил иврит у евреев, с которыми, следовательно, он, должно быть, имел сношения вопреки каноническому праву. В этой связи Рейхлин говорит: "Крещеный еврей пишет, что Божественный закон запрещает нам общаться с евреями; это неправда. Каждый христианин может обращаться с ними в суд, покупать у них или делать им подарки. Могут иметь место случаи, когда христиане наследуют вместе с евреями. С ними можно беседовать и учиться у них, как это делали святой

Иероним и Николас де Лира. И, наконец, христианин должен любить еврея как своего ближнего; все это основано на законе".

Можно себе представить, какой ажиотаж вызвал "Аугеншпигель" Рейхлина, написанный на немецком языке, когда он появился на Франкфуртской ярмарке, месте встреч сотен тысяч людей, в то время, когда не было публичной прессы и каждый охотно прислушивался к скандальной истории. Обнаружить, что такой выдающийся человек, как Рейхлин, пригвоздил обвинителя евреев к позорному столбу как клеветника и лжеца, было чем-то настолько новым и удивительным, что заставило читателей протереть глаза и спросить себя, не дремали ли они до сих пор. Евреи с жадностью купили книгу, в которой впервые человек чести был внесен в списки от их имени и громким голосом заклеил выдвинутые против них обвинения как клевету. Они радовались, что нашли защитника, и благодарили Бога за то, что Он не оставил их в их скорби. Кто бы стал придирается к ним за то, что они потрудились над распространением брошюры Рейхлина? Но, проповедуя против него со своих кафедр и запрещая его продажу, насколько это было возможно, фанатичные священники кельнской доминиканской общины сделали больше всего для его распространения. Со всех сторон, в ученых и необразованных кругах, Рейхлину были посланы поздравления с выражением удовлетворения тем, что он так смело и твердо расправился с дерзким Пфефферкорном и его пособниками.

С публикацией и распространением трактата Рейхлина и его защитой Талмуда началась борьба, которая с каждым днем становилась все серьезнее и, наконец, приняла гораздо большие масштабы, чем того требовал предмет. Фанатики, все еще находящиеся в полной силе своей устрашающей мощи, не колеблясь приняли вызов. Дело Пфефферкорна было также их делом. И все же один человек осмелился смело выступить вперед, не только не одобряя осуждение Талмуда, но и заявить, что преследование евреев не по-христиански; и что, напротив, к ним следует относиться с сочувствием и любовью. Какая дерзость! Это вызвало в них такое добродетельное негодование, что они промахнулись и совершили такие грубые ошибки, что нанесли непоправимый ущерб своему делу.

Пастор Петер Мейер из Франкфурта-на-Майне, который не смог добиться запрета продажи "Аугеншпигеля", допустил вторую ошибку. Он объявил с кафедры во время службы, что накануне следующего "Праздника Богоматери" Пфефферкорн выступит с проповедью против еврейских писаний Рейхлина и призвал верующих прийти как можно большим количеством. Ничто не может быть более фатальным, чем эта ошибка. Пфефферкорн с его неприятным, отталкивающим лицом, явноеврейскими чертами и грубым, вульгарным взглядом проповедует перед христианской паствой на своем еврейско-немецком жаргоне! Каждое слово и каждое движение вызывали бы у его слушателей смех и отгоняли бы даже искреннюю преданность. Более того, соответствовало ли католическому законодательству, что мирянин, прежде всего женатый мирянин, должен совершать богослужения в церкви? Незадолго до этого простой пастух был приговорен к сожжению за несанкционированную проповедь. Чтобы соблюсти букву закона, Пфефферкорн проповедовал в назначенный день (7 сентября 1511 г.) не в церкви, а перед входом, перед огромной толпой людей. Должно быть, было очень забавно наблюдать, как этот неприветливый еврей осенял верующих крестным знамением и говорил о христианской вере на еврейском жаргоне. Главным желанием Пфефферкорна было вызвать отвращение к евреям и их доброжелателям и возбудить против них ненависть своих слушателей.

До сих пор главный зачинщик всего скандала, ядовитый и злобный главный охотник на еретиков Якоб Хогстратен, держался за кулисами, но одного за другим посылал своих последователей на фронт: сначала Пфефферкорна, затем Ортуина Грациуса и Арнольда фон Тонгерна. Отныне он сам стоял на переднем плане, его наглое поведение, казалось, предполагало, что все священники и миряне должны склоняться перед ним и падать в пыль под его хмурым взглядом, и что он имеет право попирать уставы и обычаи своими ногами. Чтобы насильственными мерами спасти ослабленный авторитет ордена, все доминиканцы должны были объединиться и приложить свою энергию для проведения в жизнь осуждения Рейхлина и Талмуда. Конфликт распространился на более широкую территорию и стал делом всего ордена.

Уполномоченный провинциалом своего ордена, Хогстратен в качестве инквизитора внезапно издал (15 сентября 1513 г.) приказ Рейхлину явиться в Майнц в течение шести дней, в восемь часов утра, для допроса по обвинению в ереси и покровительстве евреям. В назначенный день Хогстратен с толпой доминиканцев появился в Майнце; они были союзниками, избранными заседать в комиссии в качестве судей. Хогстратен открыл заседание, выступая одновременно в роли судьи и обвинителя. Он подготовил неопровержимый обвинительный акт против Рейхлина и Талмуда и принял меры предосторожности, чтобы найти союзников, чтобы не остаться в одиночестве в этом серьезном противостоянии. Незадолго до этого он направил письма в четыре университета, умоляя их высказать свое мнение о книге Рейхлина "Аугеншпигель" в соответствии с его собственными взглядами, и все они оправдали его ожидания.

Обвинение, которое он выдвинул, было, конечно, тем же, что уже выдвинули Пфефферкорн и Арнольд фон Тонгерн. Это имело под собой основание: Рейхлин слишком благоволил евреям, обращается с "наглым народом" почти как с членами церкви и как с людьми, равными с другими, в то время как в его трудах слишком много ереси. Поэтому Хогстратен поручил суду вынести приговор "Аугеншпигелю" Рейхлина: он был полон ереси и заблуждений, слишком благоприятных для неверующих евреев и оскорбительных для церкви, и поэтому должен быть осужден, подавлен и уничтожен огнем. Нельзя упускать из виду огромную разницу между немецким и испанским инквизиционным судом. Торквемада или Хименес быстро разобрались бы с этим и приговорили книгу вместе с автором к костру. Хогстратен был не слишком добросердечен для такого приговора; но он не осмеливался заходить так далеко, потому что против него была бы вся Германия, как церковные, так и светские правители.

Всеобщее возмущение вызвало несправедливое судебное разбирательство, проводившееся с нарушением всех правил. Студенты Майнцкого университета, еще не запятанные извращением теологии, их суждения не искажены казуистикой и не подвержены влиянию иностранных соображений, громко заявляли о своем неудовольствии этим бесстыдным действием инквизиции. Они привели с собой докторов юриспруденции, и это побудило других серьезных людей вмешаться.

К удивлению доминиканцев, престарелый почтенный Рейхлин появился в Майнце в сопровождении двух уважаемых советников герцога Вюртембергского. Теперь капитулу потребовалось немало усилий, чтобы добиться примирения. Но Хогстратен, желавший увидеть, как над хворостом поднимается дымок, ни на что не соглашался и отложил переговоры до 12 октября, когда должен был быть вынесен окончательный приговор. Инквизитор приказал всем священнослужителям Майнца объявить с кафедры, что каждый, христианин или еврей, если он хочет избежать наказания, должен предать огню все экземпляры "Аугеншпигеля". Людям была

обещана тридцатидневная индульгенция, если они соберутся в назначенный день на церковной площади, чтобы отпраздновать аутодафе и увеличить его великолепие. 12 октября площадь перед церковью в Майнце была переполнена зрителями — любопытными, сочувствующими и искателями снисхождения! Разодетые, как павлины, отцы и Братья доминиканского ордена, а также богословы Кельнского, Лувенского и Эрфуртского университетов с важным видом прошли к воздвигнутому для них трибуналу, и "земля задрожала у них под ногами". Хогстратен, до сих пор выступавший обвинителем, снова занял свое место среди судей. Они уже собирались произнести формулу проклятия и разжечь огонь, когда поспешно прибыл гонец с письмом от архиепископа Уриэля, которое лишило их дара речи.

Уриэль фон Гемминген, как и большинство епископов своего времени, был скорее мирянином, чем духовником, и не испытывал канонического фанатизма по отношению к евреям. Его также возмутила самонадеянность кельнских доминиканцев и их несправедливое судебное разбирательство против Рейхлина. Поэтому он обратился к комиссарам, выбранным из его капитула, с прокламацией, в которой приказал отложить вынесение решения на один месяц, пока не будет достигнуто новое соглашение. Если они не соглашались, это письмо лишало их привилегий как судей инквизиционного суда, и все, что до сих пор было постановлено, становилось недействительным. Совершенно ошеломленные, доминиканцы слушали, как нотариус зачитывает документ, который полностью разрушал их планы и махинации. Один Хогстратен смело осмелился выразить свой гнев по поводу ущемления их прав. Остальные сообщники, пристыженные, попятились прочь, сопровождаемые насмешками уличных мальчишек и криками мужчин: "О, если бы эти Братья, желавшие оскорбить справедливого человека, были сожжены на костре".

Если это правда, как рассказывают доминиканцы, что раввины Германии собрались на синод в Вормсе и нашли в поражении доминиканцев, бушевавших против Рейхлина, признак падения римской (папистской) иерархии, то они, несомненно, были наделены пророческим видением. Говорили также, что Рейхлин имел тайные сношения с раввинами.

Рейхлин ни в коем случае не был в таком положении, чтобы одержать победу над своими врагами и врагами евреев. Хотя на данный момент они были подавлены, они определенно не были побеждены. Он слишком хорошо знал их коварство и злобу, чтобы бездейтельно наслаждаться своей победой. Он знал, что в будущем их преследования только усилятся. Поэтому он поспешил объявить о своем обращении к папе римскому, чтобы оттуда можно было заставить его озлобленных врагов замолчать. Но Рейхлин справедливо опасался, что из-за колебаний и продажности Ватикана его дело пойдет наперекосяк, если расследование будет проведено кельнскими доминиканцами за пределами юрисдикции папы римского. Поэтому он отправил письмо на иврите Бонету деЛатесу, еврейскому врачу папы Льва X, умоляя его ходатайствовать о благосклонности папы в его деле.

Лео из знаменитого рода Медичи, о котором его отец говорил, что он самый мудрый из своих сыновей, унаследовал папский престол всего несколько месяцев назад. Он был аристократом, больше интересовавшимся политикой, чем религией, римским язычником, а не католическим священником, с презрением взиравшим со своих олимпийских высот на теологические споры как на детскую забаву. Он лишь обдумывал, как лучше лавировать между двумя воюющими государствами или домами Габсбургов и Валуа, не подвергая опасности мирские интересы римско-католической иерархии. С откровенностью, которая удивила бы нас сегодня, папа

осмелился сказать: "Хорошо известно, насколько полезной была эта басня о Христе для нас и наших близких!" Теперь от него зависело решение, отдавал ли "Аугеншпигель" Рейхлина ересью и благоволил ли он евреям должным или неоправданным образом. Лев, чей понтификат пришелся на то время, когда богословские вопросы угрожали охватить всю Европу, возможно, знал о них меньше, чем его повар. Таким образом, многое зависело от того, в каком свете ему был представлен конфликт между Рейхлином и доминиканцами. По этой причине Рейхлин умолял врача Боне де Латеса, который имел доступ к папе римскому и заботился о "особе его Святейшества", привлечь на свою сторону Льва X, чтобы судебный процесс не проходил в Кельне или его окрестностях, где его дело было бы проиграно. Рейхлин изложил ему все обстоятельства: как Пфефферкорн и кельнские доминиканцы составили заговор против евреев и Талмуда и как только его экстраординарные усилия спасли Талмуд от уничтожения. Если бы доминиканцы смогли заполучить и прочитать это письмо, они могли бы привести неопровержимые доказательства дружелюбия Рейхлина по отношению к евреям, поскольку в нем он написал многое из того, что публично отрицал.

Естественно, что Боне де Латес использовал все свое влияние в пользу Рейхлина. И, вероятно, именно благодаря своему рвению Лев так скоро (21 ноября 1513 г.) издал инструкции епископам Шпейера и Вормса по поводу спора между Рейхлином и Хогстратеном. Лев распорядился, чтобы они были рассмотрены отдельно или вместе епископами или назначенными ими судьями, которые без вмешательства какого-либо другого трибунала должны были вынести решение, не подлежащее обжалованию. Епископ Вормса, дальбург, с которым Рейхлин был в дружеских отношениях, не пожелал принять это поручение. Итак, молодой епископ Шпейера Георг, курфюрст палатинский и герцог Баварский, назначил двух судей, которые призвали обе стороны в течение месяца предстать перед трибуналом в Шпейере. Рейхлин прибыл точно в сопровождении прокуратора и друзей. С другой стороны, Хогстратен, доверившись силе доминиканцев, не явился сам и не прислал компетентного представителя. Судьи приступили к рассмотрению иска не с подобающей энергией, а с некоторой половинчатостью, возможно, из страха перед местью доминиканцев. Судебный процесс длился более трех месяцев (с января по апрель 1514 года).

Только после того, как Рейхлин написал две немецкие статьи по спорному вопросу и о ходе разбирательства, епископ соизволил обратить внимание на доказательства и вынести решение, которое было полностью в пользу Рейхлина. Он заявил, что "Аугеншпигель" не содержал ни капли ереси или ошибки, что он не оказывал чрезмерной поддержки евреям, что, следовательно, Хогстратен оклеветал автора, и на него должно быть наложено молчание по этому поводу; что труды могут быть прочитаны и напечатаны всеми, и что Хогстратену будут предъявлены расходы (111 рейнских золотых флоринов).

Доминиканцы Кельна скрежетали зубами, бушевали и неистовствовали по поводу исхода судебного процесса и прилагали все усилия, чтобы отменить решение апостольского суда. В то время из-за разобщенности в Германии было очень трудно привести в исполнение судебное постановление, и доминиканцы не были склонны уменьшать трудности, когда приговор был вынесен против них самих. Они смеялись над епископом Шпейера, называя его глупцом. Объявление о приговоре в Кельне было сорвано смелым Пфефферкорном. Хогстратен неофициально, то есть без уведомления епископа Шпейерского, исполнявшего в то время обязанности апостольского судьи, подал апелляцию к папе римскому, хотя ранее он отвергал идею такой апелляции. Его надежда выиграть судебный процесс против Рейхлина и добиться

осуждения "Аугеншпигеля" была основана на продажности Ватикана. "Рим пойдет на все ради денег, - откровенно сказал он. - Рейхлин беден, а доминиканцы богаты; правосудие может быть подавлено деньгами". Хогстратен также мог рассчитывать на добрую волю кардиналов, которые выступали против свободного расследования. Во всяком случае, можно было рассчитывать на то, что они затянут рассмотрение иска так надолго, что средств Рейхлина не хватило бы для покрытия расходов. Кроме того, доминиканцы рассчитывали добиться от университетов, в частности от ведущего парижского, осуждения "Аугеншпигеля" и использовать его для оказания давления на папу римского. Все доминиканцы, томисты и мракобесы, как в Германии, так и за ее пределами, объединили усилия, чтобы добиться падения Рейхлина.

Этот союз доминиканской партии объединил друзей науки, врагов схоластики, фанатизма и церковной доктрины — одним словом, гуманистов - и побудил их к согласованным действиям. Фактически в Западной Европе было сформировано общество гуманистов, партия рейхлинистов, члены которой молча работали друг на друга и на Рейхлина: "Один поддерживал другого и говорил своему товарищу: будь храбрым". "Все мы, принадлежащие к ученым кругам, преданы Рейхлину не меньше, чем солдаты императору". Это был формальный союз, которого преданно придерживались сторонники Рейхлина. Итак, вследствие ожесточенной враждебности Пфефферкорна к евреям и талмуду в христианском мире образовались две партии, рейхлинисты и арнольдисты, которые вели ожесточенный конфликт друг с другом. Это была борьба мрачного Средневековья с зарей лучших времен.

Молодая Германия изо всех сил работала от имени Рейхлина и против фанатиков: помимо Германа фон Буше и Кротуса Рубиануса (Иоганн Ягер), там был пламенный Ульрих фон Хаттен, самый энергичный и мужественный персонаж того времени. На самом деле энергия Хаттена впервые нашла достойную цель в страстной вражде между Рейхлином и доминиканцами. Раньше его фехтование состояло из пассивов в пустом воздухе; его рыцарское мужество и пламенный гений встречались лишь с призрачными противниками. Теперь, впервые, юноша двадцати шести лет ясно осознал соотношение вещей; он увидел настоящего врага, встретиться с которым с помощью своего рыцарского меча и более острого оружия своего интеллекта в борьбе не на жизнь, а на смерть было бы похвальным, славным делом. Уничтожить доминиканцев, священников и фанатиков и установить царство интеллекта и свободной мысли, избавить Германию от кошмара церковных суеверий и варварства, поднять ее из низости и сделать арбитром Европы казалось ему целью, ради которой стоило потрудиться. Как только Хаттен ясно осознал это, он начал неустанно работать над достижением своей цели, и первым шагом к ее реализации было помочь Рейхлину, лидеру борьбы за гуманизм, одержать победу над своими смертельными врагами. Кардинал Эджидио де Витербо, который восхищался ивритом и каббалой, открыто встал на сторону Рейхлина. Он написал ему: "Закон (Тора), открытый человеку в огне, был впервые спасен от огня, когда Авраам избежал горячей печи, и теперь во второй раз, когда Рейхлин спас от огня писания, из которых Закон получил свет, ибо, если бы они были уничтожены, снова наступила бы вечная тьма. Итак, прилагая все усилия для вашего дела, мы защищаем не вас, а Закон, не Талмуд, а церковь". Примечательно, что весь францисканский орден из ненависти к доминиканцам встал на сторону Рейхлина.

Почти в каждом городе были рейхлинисты и антирейхлинисты, чья взаимная ненависть порой доводила их до драк. Девизом одного из них было "Спасение "Аугеншпигеля" и сохранение Талмуда", а другого - "Проклятие и разрушение обоим". Невольно рейхлинисты стали друзьями

евреев и искали основания для их защиты. Приверженцы доминиканцев стали еще более яростными врагами евреев и искали малоизвестные книги, чтобы доказать свою порочность.

Слух об этом конкурсе распространился по Европе. Сначала он был ограничен Германией, но вскоре споры достигли Рима и Парижа. Хогстратен и доминиканцы энергично работали над тем, чтобы приговор Шпейеру был отменен, в последнем случае крупнейшим университетом, в первом - папским престолом, и чтобы труды Рейхлина были приговорены к сожжению. В обоих местах у них были могущественные союзники, которые преданно и рьяно работали на их партию.

Рейхлин, хотя его иск был законно выигран в апостольском суде в Шпейере, был вынужден предпринять шаги по противодействию апелляции, поданной в результате интриг его врагов. И его друзьям удалось повлиять на папу. Лев X назначил кардинала и патриарха Доминико Гримани судьей по расследованию. Было хорошо известно, что этот церковный князь культивировал раввинскую литературу и, как покровитель францисканского ордена, ненавидел доминиканцев и встал на сторону Рейхлина. Без сомнения, видные евреи работали в Риме на Рейхлина, но, подобно немецким евреям, у них хватало здравого смысла держаться на заднем плане, чтобы не ставить под угрозу общее дело, называя его еврейским. Кардинал Гримани направил (июнь 1514 г.) повестки обеим сторонам, но, учитывая преклонный возраст Рейхлина, разрешил ему прислать представителя, в то время как Хогстратен должен был явиться лично. Вооруженный рекомендациями и туго набитым кошельком, инквизитор явился в Рим с неизменной уверенностью в победе. Чего нельзя было получить в Риме за деньги?

Рейхлин не мог предложить ничего подобного; он был беден. У него не было ни волшебной палочки, которая распоряжается золотом фанатичных женщин, ни формулы заклинателя над отцами-исповедниками, которые являются способными кладоискателями. Но недостатка в рекомендациях от его друзей и доброжелателей не было. Император Максимилиан, который, к большому его собственному сожалению, вызвал все эти беспорядки, прислушиваясь к глупостям Пффефферкорна и истерическому благочестию его сестры, часто ходатайствовал перед папой за Рейхлина. Император писал, что, по его мнению, кельнцы хотели продлить спор незаконно и с помощью интриг, чтобы сокрушить превосходного, безобидного, образованного и ортодоксального Рейхлина; что то, что он написал (в пользу еврейских Писаний), было написано по приказу императора с благой целью и на благо христианского мира.

Но доминиканцы бросили вызов общественному мнению, комиссии, назначенной папой, и самому папе. Они говорили о папе как о школьнике, находящемся под их властью. Если он не вынес решения в их пользу, они пригрозили отказаться от своей верности и покинуть его, дажерискуя разрывом с церковью. Они зашли так далеко, что пригрозили, что в случае победы Рейхлина они объединятся с гуситами в Богемии против папы римского. Эта фракция была настолько ослеплена чувствами мести, что из чистого упрямства стремилась подорвать католицизм. Не пощадили они и величие императора; когда они узнали, что Максимилиан заступился за Рейхлина перед папой, они осыпали его оскорблениями.

Доминиканцы возлагали свои надежды на вердикт Парижа, главы всех европейских университетов. Если бы эта важная школа богословия осудила труды Рейхлина и Талмуд, тогда даже папе римскому пришлось бы подчиниться. Поэтому было задействовано все влияние,

чтобы добиться благоприятного мнения Парижа. В частности, король Франции Людовик XII подвергся воздействию своего духовника Гийома Акине Пети, чтобы повлиять на школу богословия в пользу доминиканцев. Также были задействованы политические события, которые поссорили германского императора и французского короля. Поскольку император Германии был за Рейхлина, король Франции принял решение за доминиканцев и против Талмуда. Но это решение далось нелегко, поскольку у Рейхлина было много теплых друзей в Париже. Консультации затянулись с мая по начало августа 1514 года.

Многие избиратели высказались в пользу Рейхлина и в то же время выразили свое возмущение незаконным судебным разбирательством, но фанатики закричали на них. Многие французские богословы руководствовались примером Людовика Святого, который по наущению крещеного еврея Николаса Донина и по приказу папы Григория IX приказал сжечь Талмуд три столетия назад. Парижские врачи, следовательно, вынесли приговор, что "Аугеншпигель" Рейхлина, содержащий ересь и с большим рвением защищающий талмудические писания, заслуживает сожжения на костре, а автор должен быть вынужден отречься.

Велика была радость доминиканцев, особенно кельнцев, по поводу этого судебного решения. Они верили, что их игра выиграна и что сам папа будет вынужден подчиниться. Они не замедлили довести до сведения общественности эту уступку, добытую с таким трудом, посредством очередного клеветнического памфлета.

Судебный процесс, которому было разрешено затянуться в Риме, был умышленно отложен доминиканцами еще больше. Назначенная комиссия располагала точным переводом "Аугеншпигеля", подготовленным немцем из Рима Мартином фон Гронигеном; но оппозиция нашла в нем недостатки. Многочисленные препятствия препятствовали продвижению дела, и на этом этапе оно обошлось Рейхлину в 400 золотых флоринов. Доминиканцы надеялись настолько обнищать своего противника, друга евреев, что он не сможет добиться справедливости. Перспектива увидеть дело Рейхлина торжествующим в Риме уменьшилась. Поэтому друзья Рейхлина стремились создать еще один трибунал и апеллировать к общественному мнению со стороны плохо посовещанного или запуганного папы римского.

Во время этого напряжения умов в малых и крупных кругах, в то время как высшие и низшие духовные лица, князья и горожане с тревогой ожидали новостей о том, чем закончился или закончится судебный процесс Рейхлина в Риме, молодой гуманист (скорее всего, Кротус Рубиан из Лейпцига) написал серию писем, которым по остроумию, юмору и едкой сатире нет равных во всей литературе. "Письма мракобесов" (*Epistolæ Obscurorum Virorum*), опубликованные в 1515 году, в значительной степени направленные против негодяя Ортуина Грациуса, обнажали на языке неотесанных монахов их собственную низость и дерзость, их поразительное невежество, их похоть, их враждебность и подлость, их презренную латынь и еще более презренную мораль, абсурдность их логики, их глупую болтовню — короче говоря, все их невыносимые пороки были такочевидны и описаны настолько ясно, что даже недоучка мог понять. Все враги Рейхлина, Хогстратен, Арнольд фон Тонгерн, Ортуинус Грациус, Пфефферкорн, их сообщники и Парижский университет, были избиты кнутами и скорпионами, так что ни одно пятнышко на них не осталось целым. Эта остроумная сатира, содержащая больше, чем аристофановское презрение, произвела тем более сильное впечатление, что доминиканцы, томисты, доктора Богословия раскрылись в своих собственных личностях, в своей жалкой низости, поставив себя, образно говоря, к позорному столбу. Но было неизбежно,

что, высмеивая фанатиков и папство, вся тирания иерархии и церкви должна была быть обнажена. Ибо разве доминиканцы, с их наглым невежеством и бесстыдными пороками, не были продуктом и естественным следствием католического порядка и института? Таким образом, сатира подействовала подобно разъедающей кислоте, полностью уничтожив и без того гниющее тело католической церкви.

Евреи и Талмуд были первой причиной ссоры рейхлинистов; естественно, они не могли быть оставлены без внимания в письмах мракобесов. Так случилось, что столь презираемые евреи стали одной из тем дня.

Взрыв смеха прокатился по Западной Европе при чтении этих сатирических писем. Все в Германии, Италии, Франции и Англии, кто понимал латынь, были поражены формой и содержанием этих исповедей доминиканцев и схоластов. Их неуклюжая вульгарность, непроходимая тупость, вопиющее безрассудство, нечистоплотность слов и поступков так разительно контрастировали с их предполагаемой образованностью и приличиями, что самые серьезные люди были тронуты смехом. Рассказывают, что Эразм, который во время чтения писем страдал от абсцесса в горле, смеялся так от души, что тот лопнул, и он вылечился. Веселая комедия дураков полностью доказала правоту Рейхлина, и общественное мнение судило доминиканцев, независимо от того, как папа мог поступить с ними. Всем было любопытно узнать, кто мог быть автором. Некоторые думали, что это был сам Рейхлин, другие - Эразм, Хаттен или кто-то из гуманистической партии. Хаттен дал правильный ответ на вопрос об авторе: "Сам Бог". Становилось все более и более очевидным, что такое незначительное дело, как сожжение Талмуда, приобрело всемирное значение, а воля отдельного человека служила лишь продвижению интересов всех. В Риме и Кельне дальновидные рейхлинисты разглядели в этом дело Провидения.

Только немецкие евреи не могли предаваться веселью. Доминиканцы тем временем работали другим способом, чтобы добиться своей цели или, по крайней мере, отомстить евреям. Какая польза была евреям от того, что некоторые просвещенные христиане, обратив свое внимание на иудаизм, прониклись к нему столь сильным пристрастием, что изложили свои новые убеждения в письменной форме? Христианский мир в целом был необратимо предубежден против еврейских учений и их приверженцев. Эразм правильно сказал: "Если ненавидеть евреев по-христиански, то мы истинные христиане". Следовательно, врагам было легко причинить им вред. Пфефферкорн часто указывал, что в Германии было только три большие еврейские общины - в Ратисбоне, Франкфурте и Вормсе, и что с их уничтожением иудаизму в германском королевстве придет конец.

Чтобы добиться изгнания евреев из Франкфурта и Вормса, их враги нашли эффективные средства. Молодой маркграф Альберт фон Бранденбург, бывший до сих пор епископом Магдебурга, который позже приобрел печальную известность в истории Реформации, был избран архиепископом Майнца. Враги евреев, действуя, вероятно, по предложению из Кельна, побудили архиепископа Альберта разослать приглашение религиозным и светским властям и городам, главным образом Франкфурту и Вормсу, посетить франкфуртский сейм, чтобы обсудить, как евреи могут быть изгнаны и им никогда не будет позволено вернуться. Повинуясь приглашению (7 января 1516 г.), явилось много депутатов. Программа сводилась к следующему: все сословия должны были объединиться и принести клятву отказаться от привилегий и преимуществ, полученных от евреев, изгнать всех еврейских подданных и никогда, ни под

каким предлогом и ни на какой срок, не позволять им возвращаться. Это решение должно было быть представлено императору для утверждения.

Евреи этих мест видели определенную опасность, нависшую над их головами. Если в другое время немецкие князья и правители были разобщены и ленивы, то в преследовании евреев они всегда были едины и энергичны. Евреям ничего не оставалось, как послать депутацию к императору Максимилиану и умолять его оказать им свою милость и поддержать их против столь злонамеренной меры. Император с радостью вспомнил, что евреи, даже когда ими правили различные великие или мелкие правители, на самом деле были слугами его самого и империи, и что их изгнание было бы посягательством на его сюзеренитет. Поэтому Максимилиан поспешил отправить весьма решительную депешу курфюрсту Альберту и капитулу Майнца, религиозным и светским властям, а также в города (январь 1516 г.), выражая свое неудовольствие по поводу их совещания и запрещая им встретиться снова в назначенное время. Таким образом, евреи на какое-то время были спасены. Но архиепископ Майнца, или, в его отсутствие, капитул, не отказался от стремления к желанной цели. Враги евреев, друзья кельнских доминиканцев, все еще надеялись настроить императора против них. Но надежда была тщетной; евреи пока не были изгнаны.

Судебный процесс Рейхлина, хотя и был отложен из-за борьбы двух сторон, чье время было занято составлением заговора против интриг друг друга, продвигался медленно, но ощутимо. Хогстратен, видя, что комиссия примет решение в пользу Рейхлина, яростно потребовал решения совета, поскольку это был вопрос не закона, а веры. Папа Лев, который не хотел быть в плохих отношениях ни с одной из сторон, вопреки своему собственному неоднократному приказу был вынужден в определенной степени уступить. С одной стороны, император Максимилиан и многие немецкие принцы настаивали на том, чтобы Рейхлин был объявлен невиновным и заставил замолчать доминиканцев; с другой стороны, король Франции и юный Карл (в то время герцог Бургундии), будущий император Германии, король Испании и Америки, угрожали папе римскому, требуя, чтобы к делу отнеслись серьезно и осудили книгу Рейхлина. Поэтому Лев считал целесообразным выйти из этого критического положения. Он передал дело для принятия окончательного решения в следственный суд, сформированный из членов Латеранского собора, который в то время заседал. Таким образом, спор о Талмуде стал предметом внимания генерального совета и был возведен в ранг европейского вопроса.

Комитет совета, наконец, вынес решение в пользу Рейхлина. Прежде чем Лев X смог подтвердить или отклонить его решение, Хогстратен и его друзья повлияли на него, чтобы он выдал мандат на приостановление судебного процесса. Это выжидание в точности соответствовало характеру Лео и его положению между возбужденными соперничающими партиями. Он ненавидел волнения, которые сам бы навлек на себя, если бы принял решение в пользу какой-либо из сторон. Он не хотел оскорблять ни гуманистов, ни фанатиков, ни германского императора, ни короля Франции, ни правителя Испании. Таким образом, рассмотрение иска было приостановлено, и при любой благоприятной возможности оно могло быть возобновлено доминиканцами. Хогстратену пришлось покинуть Рим с позором, но он не оставил надежды в конце концов победить в своем деле. Он был волевым человеком, которого не могли обескуражить унижения, и настолько беспринципным, что ложь и искажения фактов давались ему легко.

Если папа Лев верил, что конфликт прекратится под его диктовку, то он переоценил авторитет папства и неправильно истолковал стороны, а также реальную проблему, о которой шла речь. Чувства были слишком сильны, чтобы их можно было утихомирить словом власть имущих. Ни одна из сторон не желала мира, но войны, войны на ножах. Когда Хогстратен вернулся из Рима, его жизнь была в опасности. Разъяренные рейхлинисты часто устраивали заговоры против него и пытались с помощью полемических листовок еще больше настроить общественное мнение против доминиканцев. Хаттен, поскольку его зрелое суждение касалось ситуации в Риме, больше всего стремился добиться падения церковного господства в Германии.

Секрет больше нельзя было хранить, с крыш домов стало известно, что в церкви произошел раскол. Не их враги, а провинциал доминиканского ордена Эберхард фон Клеве и весь капитул представили в официальном письме папе, что полемика вызвала у них, доминиканцев, ненависть и презрение; что они были выставлены на всеобщее посмешище и что они — так совершенно незаслуженно! — были осуждены, как устно, так и письменно, как враги братской любви, мира и гармонии; что их проповедь презиралась, их исповеди избегали, и что все, что они предпринимали, высмеивалось и объявлялось всего лишь результатом гордыни и подлости.

Тем временем разногласия между Рейхлином и доминиканцами, особенно Хогстратеном, развивались в другом направлении и затронули иудаизм в другой момент. Каббала легла в основу этого движения. Из любви к этой тайной доктрине, которая, как предполагалось, давала ключ к глубочайшему знанию философии и христианства, Рейхлин пожелал пощадить Талмуд, поскольку, по его мнению, он содержал мистические элементы. Юная Каббала стала покровительницей старого Талмуда. Рейхлин мало что понимал в каббалистических доктринах, но его жажда знаний и рвение побуждали его учиться. Более того, нападки его противников на его ортодоксальность, честность и эрудицию сделали для него делом чести убедительно доказать, что каббала согласуется с христианством. Но ему не повезло с выбором своих еврейских моделей. Долгое время он искал проводника, пока случай не привел его к самому запутанному источнику информации: глупым трудам каббалиста Джозефа Джикатиллы из Кастилии, которые новообращенный Пауль Риччо недавно перевел на латынь. Как только Рейхлин услышал об этом литературном сокровище Джозефа Джикатиллы, он не успокоился, пока не заполучил его, и снова принялся доказывать, что Каббала согласуется с христианством.

Веря, что Каббала раскрывает и подтверждает высшие истины, тайны христианства, Рейхлин написал труд о каббалистической науке и посвятил его папе Льву X, придав новый акцент его утверждению о том, что еврейские писания следует беречь, а не сжигать.

Рейхлин, должно быть, рассчитывал на одобрение папы римского, которому он посвятил свою работу, за то, что нашел новую поддержку пошатнувшейся вере. Он надеялся, что Лев X наконец дарует ему мир и покой, вынесет решение по иску между ним и доминиканцами, который, хотя и был подавлен, настойчиво поддерживался последними. Христианская Каббала должна была стать его ходатаем в Ватикане. Он был не одинок в своей глупой привязанности к тайной доктрине. Не только кардиналы, но и сам папа рассчитывал многое принести христианству, должным образом изучив Каббалу.

Когда интерес к спору о Рейхлине начал ослабевать, в Германии началось другое движение, продолжающее, как и предыдущее, расшатывать незыблемые столпы папства и католической церкви и готовить возрождение Европы. Дискуссия, вызванная Талмудом, создала интеллектуальную среду, благоприятную для зарождения реформаторского движения Лютера.

Обреченная вскоре стать силой в мировой истории, даже Реформация возникла из небольших начинаний и нуждалась в самой мощной защите, чтобы не быть подавленной в зародыше. Мартин Лютер был сильным, прямолинейным, упрямым и страстно возбудимым человеком, с упорством придерживавшимся своих убеждений и ошибок. Столкнувшись с противодействием, с которым он столкнулся, Лютер в конце концов пришел к выводу, что каждый отдельный папа, следовательно, и папство в целом, не были непогрешимыми и что основой веры была не воля папы, а слово Священного Писания.

Смерть старого императора Максимилиана, который был не в состоянии справиться с богословскими затруднениями, вызванными им самим, и выборы нового императора, растянувшиеся на полгода, вывели политику на арену и породили неразбериху, в которой друзья и враги свободной религиозной мысли и мрачной ортодоксальной веры были неразличимы. Хаттен и гуманисты благоволили Карлу V, в чьей собственной стране, Испании, доминиканцы все еще одерживали верх и где пламя костра все еще не угасло; но ему противостоял папа. Дело рейхлинизма и лютеранства, так сказать, Талмуд и Реформация были слиты друг с другом. Произошли столь значительные перемены, что выборщики собрались, чтобы избрать императора, выступившего против кельнских мракобесов и в пользу Рейхлина.

Вместо того чтобы осудить Талмуд, папа Лев X поощрял печатание этого труда. Таким образом, благодаря движению, непонятному всем его современникам, произошло неожиданное: Рейхлин был оправдан, и Талмуд был оправдан, и в какой-то мере папа благоволил к нему. Действительно, Даниэль Бомберг, богатый христианский издатель из Антверпена, в том же году выпустил полное издание Вавилонского талмуда в двенадцати томах - фолиантах, образце всех более поздних изданий.

Остроумная пантомима, впервые появившаяся на латыни или французском и вскоре переведенная на немецкий, изображает Рейхлина как зачинателя великого и растущего движения. На нем изображен врач, на спине которого можно прочесть имя Капнион (Рейхлин), бросающий на сцену связку прямых и изогнутых палочек, а затем уходящий. Другой персонаж (Эразм), тщетно пытавшийся привести свертки в порядок, качает головой над хаосом и исчезает. Хаттен тоже входит. Появляется Лютер в монашеском одеянии и с помощью головешки разжигает кривые сучья. Другая фигура в императорских одеждах поражает мечом распространяющийся огонь, только придавая ему более широкую игру. Наконец появляется папа римский, который, желая потушить пожар, хватается за сосуд и выливает находящееся в нем масло в пламя, затем обхватывает руками голову, в то время как яркое пламя взмывает вверх, чтобы никогда больше не погаснуть. Пфефферкорн и Талмуд не должны были отсутствовать в этом дурацком представлении, ибо они были тем фитилем, от которого разгорелся пожар.

Ситуация была такова, что малейшее дуновение заставляло пламя взметаться вверх. Лютер набрался твердости и мужества на имперском сейме в Вормсе и своей речью, демонстрирующей бесстрашие, завершил разрыв с папством. Хотя император Карл, побуждаемый собственным фанатизмом, осаждаемый мракобесами и увещаваемый принцами, был склонен приговорить реформатора к сожжению на костре как еретика, но отчасти из уважения к Фридриху, курфюрсту Саксонии, отчасти из политических соображений, надеясь таким образом удержать папу в узде, он объявил его изгнанником только месяц спустя. Тем временем Лютер уже был на своем Патмосе, Вартбурге, скрытый и защищенный. Пока в уединении он работал над немецким переводом Библии, ультрареформаторы отменили

церковные предписания, изменили церковные службы, покончили с мессами и священническими украшениями, отменили монашеские обеты и ввели брак священников — иными словами, священники публично признавали своих бывших тайных любовниц своими женами. Настало время Реформации, и она прочно захватила Северную Германию, Данию и Швецию, распространившись на Пруссию, Польшу и, с другой стороны, на Францию и даже Испанию, страну самого мрачного и фанатичного церковничества и родину преследований. Цвингли, реформатор Швейцарии, после долгих колебаний выступил против папства; таким образом, и в этой стране, где было больше свободы действий, чем в покорной Германии, была введена новая церковная служба, разрешен брак священников, уничтожены картины и распятия, а монастыри ликвидированы. Установился новый порядок вещей; всемогущий Рим оказался бессильным перед новым духом. Энтузиазм анабаптистов начал возбуждать общественное мнение и преобразовывать все жизненные отношения.

Поначалу Реформация Лютера затронула евреев лишь незначительно. Католики и новаторы в каждом городе, особенно в Германии, были так заняты борьбой друг с другом, что у них не было досуга для преследования евреев; поэтому наступила пауза. Лютер, чей голос уже тогда был более весомым, чем у князей, сначала защищал их от многочисленных обвинений. В своей простой и пылкой манере он сказал:

"Этот гнев (против евреев) все еще защищается некоторыми глупыми теологами и пропагандируется ими самими; они нагло заявляют, что евреи - слуги христиан и подчиняются императору. Я умоляю вас сказать мне, кто присоединится к нашей религии, будь то самый дружелюбный и терпеливый из людей, когда он увидит, что с ними обращаются так жестоко и враждебно, и не только нехристианским образом, но даже жестоко. Большинство Страстных проповедников (на Страстной неделе) только и делают, что усугубляют грех, совершенный евреями против Христа, и ожесточают сердца верующих против них".

В одной из своих работ, название которой, рассчитанное на то, чтобы напугать их противников, гласило: "Иисус родился евреем", Лютер еще резче высказался против неизгладимой ненависти к евреям:

"Эти глупцы, паписты, епископы, софисты и монахи, до сих пор так обращались с евреями, что каждый добрый христианин предпочел бы быть евреем. И если бы я был евреем и видел, как такая глупость и такие болваны царят в христианской церкви, я бы предпочел быть свиньей, чем христианином. Они обращались с евреями так, словно те были собаками, а не людьми; они не делали ничего, кроме оскорблений в их адрес. Они являются кровными родственниками нашего Господа; следовательно, если бы было уместно хвастаться плотью и кровью, евреи принадлежали бы Христу больше, чем мы. Поэтому я умоляю, мои дорогие паписты, если вам надоест поносить меня как еретика, начните поносить меня как еврея".

"Поэтому я советую, - продолжал Лютер, - относиться к ним по-доброму. Теперь, когда мы изгоняем их силой, обращаемся с ними лживо и позорно, говоря, что в них должна быть христианская кровь, чтобы смыть еврейское пятно, и я не знаю, какая еще чушь, запрещающая им работать среди нас, жить и общаться с нами, заставляя их быть ростовщиками, как мы можем ожидать, что они придут к нам? Если мы хотим помочь им, мы должны следовать не закону папы римского, а закону христианской любви — проявлять к ним дружелюбие,

позволять им жить и работать, чтобы у них были причины и средства быть с нами и среди нас".

Это были слова, которых евреи не слышали тысячу лет. В них безошибочно видны следы мягкого заступничества Рейхлина в их пользу. Многие вспыльчивые евреи увидели в противостоянии Лютера папству исчезновение христианства и торжество иудаизма. Три ученых еврея отправились к Лютеру и попытались обратить его в свою веру. Это неожиданное отвращение вызвало среди евреев восторженные чувства, особенно из-за удара, нанесенного папству, и идолопоклоннического поклонения изображениям и реликвиям; самые смелые надежды возлагались на скорое падение Рима и приближающееся искупление Мессией.

Но еврейская религия выиграла от Реформации гораздо больше, чем еврейская раса. Презируемая ранее, она стала модной, так сказать, в первые дни Реформации. Рейхлин выразил скромное пожелание, чтобы в нескольких немецких университетах был назначен профессор иврита. Из-за его рвения к ивritу (незадолго до своей смерти он опубликовал работу о еврейских акцентах и просодии) и из-за растущего убеждения, что без этих знаний Библия должна оставаться закрытой книгой, принцы и университеты искали учителей и учредили профессуру иврита не только в Германии и Италии, но также во Франции и Польше. Легкой, грациозной классической музой, которая отвела многие сердца от церкви, все больше и больше пренебрегали, и вместо нее искали серьезную еврейскую мать. Молодые и старые, не колеблясь, искали евреев, у которых можно было бы выучить иврит. Между еврейскими учителями и учениками-христианами установились дружеские отношения, к сильному раздражению фанатиков с обеих сторон; и благодаря этому многие предрассудки исчезли. Главным учителем христиан был грамматик немецкого происхождения Элиас Левита (родился в 1468 году, умер в 1549 году). Этот бедный человек, которому приходилось бороться за хлеб насущный, заложил фундамент знания еврейского языка. Разграбление Падуи, где, возможно, он родился, привело его через Венецию в Рим, где кардинал Эджидио де Витербо, желая продвинуться в изучении грамматики и каббалистики, взял его к себе в дом, поддерживая его и его семью более десяти лет. Не только этот церковный сановник, но и многие другие христиане высокого положения сидели у ног Левиты. Одним из них был Жорж де Сельве, епископ Лавурский, французский посол, столь же образованный, сколь и государственный деятель. От упреков некоторых фанатичных раввинов Левита защищался замечанием, что все его ученики-христиане были друзьями евреев и старались способствовать их благополучию. По настоянию своего покровителя Эгидио он работал над грамматикой иврита на иврите, большая часть которой была переведена на латынь учеником Рейхлина Себастьяном Мюнстером. Элиас Левита не обладал глубоким умом и не выдвигал новой теории о структуре еврейского языка. Он строго придерживался грамматической системы кимчи, потому что не знал их предшественников. Его полезность заключалась в том, что он владел всем словарным запасом Священных Писаний, его педагогическим мастерством и его даром яркого изложения. За рамки стихий он не заходил, но они полностью удовлетворяли потребности времени. Только одно отклонение сделал Левита от проторенной колеи. Вопреки твердому убеждению того времени, что ударения и гласные знаки в еврейской Библии имеют древнее происхождение, были открыты на горе Синай или, во всяком случае, введены Ездрой, он утверждал, что они не были известны даже во времена Талмуда, потому что они были излишни, когда иврит был живым языком. Легко представить, какую бурю подняло это мнение. Оно сразу же опрокинуло все предвзятые представления. Фанатики подняли крик против него, как будто он своим заявлением отрекся от иудаизма. Поэтому Элиас Левита мало нравился своему брату евреям и

больше общался с образованными христианами, что навлекало много нареканий со стороны чрезмерно набожных людей и имело пагубные последствия для его потомков.

Он был не единственным учителем еврейского языка и литературы для христиан. Как и до него, Обадия Сфорно обучал Рейхлина ивриту, поэтому одновременно с Левитой Джейкоб Мантино и Абрахам де Бальмес занимались обучением христиан.

Во всем христианском мире существовало желание знать иврит. Печатники рассчитывали на такие хорошие продажи, что в нескольких местах Италии и Германии, даже там, где не было евреев, были опубликованы новые и староеврейские грамматические труды. Все хотели знать иврит и понимать еврейский язык и литературу. За несколько лет до этого представители церкви считали знание иврита излишним или даже пагубным злом, граничащим с ересью; но благодаря Реформации оно стало необходимой отраслью богословия. Сам Лютер выучил иврит, чтобы иметь возможность проникать в смысл Библии.

Изменение мнения было наиболее очевидным во Франции. Парижский университет, лидер мысли, большинством голосов осудил "Augenspiegel" Рейхлина в пользу изучения талмуда и иврита; не прошло и шести лет, как появилась профессура и печатный станок для иврита, а духовник короля Людовика Уильям Хакине Пети, хотя и доминиканец, тот самый, чья клевета привела к осуждению работы Рейхлина, появился как покровитель еврейской литературы.

По его совету король Франциск I пригласил епископа Корсики Августина Джустиниани, человека, хорошо разбиравшегося в еврейской литературе, приехать во Францию. Этот молодой король чувствовал или, по крайней мере, проявлял интерес к учебе, а также к изучению иврита. Он пригласил Элиаса Левиту приехать во Францию и занять там должность профессора иврита, вероятно, по наущению его поклонника Де Сельве. Нужно принять во внимание, что это означало в то время. В самой Франции на протяжении более чем столетия ни одному еврею не разрешалось ни жить, ни даже останавливаться ненадолго, а теперь еврею было предложено не просто поселиться там, но занять почетный пост и наставлять христиан. Что за ересь! Элиас Левита, однако, отклонил это лестное предложение; он не чувствовал бы себя там в своей тарелке как единственный еврей, а настаивать на допуске евреев во Францию не соответствовало его характеру. Джустиниани взял на себя задачу внедрить изучение иврита во Франции.

В Реймском университете французские студенты пытались говорить на иврите. Поскольку грамматик было недостаточно, Джустиниани напечатал жалкую грамматику иврита Мозеса Кимчи. Еще более примечательно то, что в Париже, где триста лет назад еврейская ортодоксальная партия с помощью доминиканцев сожгла религиозно-философский труд Маймуни "Руководство для сбивших с толку", доминиканец Джустиниани теперь добился публикации латинского перевода того же самого (1520). Естественно, христианские учителя древнееврейского языка оставались зависимыми от своих еврейских учителей; они не могли сделать ни одного шага без них. Паулюс Фагиус, священник-реформатор и ученик Рейхлина, желая основать еврейскую прессу в Исни, призвал Элиаса Левиту отправиться туда. Это предложение было принято, поскольку Левита испытывал трудности и не мог найти издателя для своих халдейских и раввинских словарей. Паулюс Фагиус был особенно доволен этими работами, потому что они, как ему показалось, давали ключ к каббале, который так искали христианские ученые.

Благодаря агитации Рейхлина и Лютера забытая наука о Библии была в определенной степени культивирована. Иудаизм и христианство основаны на Священных Писаниях, однако они были довольно странными для последователей обеих религий. Славный памятник столь благоприятного времени был настолько окутан сетью бессмысленных объяснений, настолько обезображен этими аксессуарами, что его полная ценность была совершенно неизвестна. Поскольку все было найдено в Священных Писаниях и перенесено в них, истинный смысл так и не был обнаружен. Для мирян-христиан Библия долгое время была недоступна, потому что папство из инстинктивного страха запретило ее перевод на местный язык. Таким образом, верующие знали только фрагменты или изолированные тексты, и из-за искаженных толкований они не всегда были правильными. Даже духовенство не было знакомо с ней, поскольку они были знакомы только с римско-католической латинской версией, и в ней фундаментальные истины Библии были запутаны извращениями и ошибками. Таким образом, в своем уединении в Вартбурге Лютер занимался работой огромной важности — переводом Библии, Ветхого и Нового Заветов, на немецкий язык. Для этого Лютеру пришлось выучить иврит и искать информацию у евреев. Его современникам казалось, что Слово Божье было открыто впервые; такого ясного голоса они никогда прежде не слышали. На людей повеяло свежим воздухом, когда были разрушены крепостные стены, которые так долго удерживали их дух в заточении. Классическая античность улучшила вкус узкого круга. Древнееврейская старина омолодила целое поколение, вновь привив любовь к простоте и естественности. Вскоре Библия была переведена на все европейские языки; сами католики были вынуждены пренебречь приказом папы и перевести ее на понятный язык для использования народом. Евреи также ощущали нехватку Священного Писания на народном языке. Перевод на испанский был сделан в Ферраре маррано Дуарте де Пинелем, бежавшим из Португалии и называвшим себя евреем Абрахамом Уске.

Спрос на Библии на иврите был настолько велик, что Даниэль Бомберг предпринял огромную работу по изданию Ветхого Завета с комментариями Раши, Ибн-Эзры, Кимчи, Герсониды и других. Продажа этой раввинской Библии была настолько быстрой, что постоянно появлялись новые издания.

ГЛАВА XV. КАББАЛА И МЕССИАНСКИЙ ФАНАТИЗМ. МАРРАНЫ И ИНКВИЗИЦИЯ.

Внутреннее состояние иудаизма—Разделение в общинах—Отсутствие интереса к поэзии—Исторические исследования—"Диалоги любви" Леона Медико—Превосходство каббалы—Мессианские надежды—Марраны и инквизиция—Энрике Нуньес—Путешественник Давид Рубени в Риме—Соломон Молчо—Его отношения с Давидом Рубени—Джозеф Каро и его "Маггид"—Климент VII—Молчо в Анконе и Риме—Его расположение кардиналов—Смерть Молчо—Восторженное отношение, с которым его держали—Дуарте де Пас, Павел III, Карл V и евреи—Эмануэль да Коста.

1500–1538 С.Е.

Удивительно, хотя и не удивительно, что бурное движение, конвульсивное вздымание, сотрясавшее христианский мир от полюса до полюса в первой четверти шестнадцатого века, едва затронуло внутреннюю жизнь евреев. В то время как среди христиан происходили радикальные изменения в мышлении, обычаях, исследованиях и даже в языке; в то время как их древние обычаи и устои были отвергнуты или отброшены в сторону в одних местах, а в других обновлены; одним словом, в то время как началась новая эра, у евреев все оставалось неизменным. Поскольку у них не было "Средних веков", они не нуждались в новой эпохе. Они не нуждались в возрождении, у них не было аморального образа жизни, который нужно было исправлять, не было язвящей порчи, которую нужно было лечить, не было плотины, которую нужно было возводить против наглости и алчности их духовных наставников. Им нужно было убрать не так уж много мусора. Однако не следует воображать, что в черте иудаизма все было блестяще. Утончающие и цивилизующие идеи иудаизма еще не взяли верх. Людям не хватало духовности, их руководителям - ясности ума. Опора на оправдание делами и схоластическая софистика были распространены также среди евреев. В синагогальном богослужении отсутствовала духовность, а в мире бизнеса - честность. Ритуал сохранил все, что было получено с древних времен, и наполнился непонятными элементами, так что в целом он приобрел непривлекательный характер. Проповеди были неизвестны в немецких конгрегациях и их ответвлениях; в лучшем случае произносились талмудические речи, совершенно непонятные людям, особенно женщинам, и, следовательно, оставлявшие их холодными и незаинтересованными. Испанские и португальские проповедники говорили на прекрасном языке своей страны, но их проповеди были настолько педантичны, что мирянам было нелегко их понимать.

Распад еврейских общин на национальные группы также был несчастьем. Преследование евреев привело в крупные города Италии и Турции беглецов с Пиренеев и из Германии, которые не смогли объединиться с существующими общинами, но и не объединились друг с другом. Таким образом, во многих городах существовали не только итальянские, романские (греческие), испанские, португальские, немецкие, а иногда и мавританские (африканские) общины, но и каждой почти столько же, сколько провинций и городов в каждой стране. Например, в Константинополе, Адрианопле, Салониках, Арте (Ларта) в Греции и многих других городах существовало большое разнообразие конгрегаций, у каждой из которых были свои руководители, ритуал, раввин, академия, благотворительные организации, свои собственные предрассудки и зависть. Перед лицом такого разделения ничего нельзя было сделать для общественного блага или общего блага в целом. Духовные лидеры, хотя и были в целом нравственными и, как правило, искренне и горячо религиозными, унижались перед богатыми членами своей паствы, становясь свидетелями дерзости и неподобающего поведения, не осмеливаясь их упрекнуть.

Хуже этого разделения на крошечные общины были слабость, ограниченность мышления, самоуничижение не только немецких евреев, но и изгнанников-сефардов. Только когда было необходимо умереть за веру своих отцов, они проявляли себя героическими и полными мужества; в другое время их активность расходовалась на мелкие заботы. Никакого нового курса не было предпринято, даже при виде ежедневных изменений в христианском мире. Те немногие, кто удержался на вершинах науки, придерживались проторенной дороги, служа лишь для того, чтобы еще больше выровнять ее. Господствующая идея состояла в том, чтобы разъяснить старые мысли и старых мыслителей и написать комментарии, да, даже суперкомментарии. Талмудисты объясняли Талмуд, а философы-исследователи - "Руководство"

Маймуни. Более высокий полет фантазии и более глубокое духовное озарение были невозможны. Ни звука настоящей поэзии не слетало с уст тех, кто питался ею, даже волнующей песни плача, облекающей их горе в слова. Единственным обстоятельством, свидетельствующим о смене положения и времен, был интерес к историческим исследованиям, и он почти полностью ограничивался евреями пиренейского происхождения. Бесконечные страдания, которые они пережили, они хотели сохранить для будущих поколений. Нынешние невзгоды вызвали перед ними горести ранних веков и показали им, что история еврейской расы была одним долгим путем мучительного мученичества.

В остальном в тот период не было ничего нового. Свобода философских исследований не поощрялась. Исаак Абрабанель, выразитель древнеиспанского еврейского духа, обнаружил в философских трудах Маймуни множество ересей, противоположных иудаизму, и осудил свободомыслящих комментаторов, вышедших за рамки традиции. Португальский беглец Джозеф Жаабес возложил на философию вину за изгнание евреев из Испании и Португалии. Вольнодумство было грехом, сбившим Израиль с пути истинного; на него должно быть наложено величайшее ограничение.

Философские работы талантливого Леона Абрабанеля, или Медиги, дышат свежестью. Ее название, "Диалоги любви" (*Dialoghi d'amore*), говорит читателю о том, что она не запятнана безвкусицей банальной философии. Никто не может лучше показать гибкость еврейского ума, чем этот отпрыск древнего дворянского рода Абрабанелей. Вырванный из уютного дома, брошенный в чужую страну, ведущий неустроенную жизнь в Италии, с сердцем, терзаемым гложущей болью из-за смерти заживо своего первенца, которого у него отняли, Леон Медиги обладал достаточной интеллектуальной силой, чтобы погрузиться в итальянский язык и литературу и привести свои разрозненные философские идеи в идеальный порядок. Едва ли через десять лет после своего бегства из Испании он мог бы сойти за образованного итальянца, соперничающего по стилю с утонченными писателями эпохи Медичи и даже превосходящего их по степени образованности. Тем же пером, которым он писал стихи на иврите своему сыну, получавшему образование в ложном христианстве в Португалии, увещевая его "Постоянно помнить об иудаизме, дорожить ивритским языком и литературой и всегда помнить о горе твоего отца, о боли твоей матери", он написал свои "Диалоги любви", излияния глубокой любви Филона к Софии. Этот мнимый романтизм является лейтмотивом философской системы Леона Медиги, которая больше похожа на философскую идиллию, чем на логическую систему. В нем больше воображения, чем реальности, и его размышления скорее наводящие на размышления, чем правдивые. Возможно, Леон Медиги вложил свои более глубокие мысли в ныне утраченное произведение под названием "Небесная гармония". Его "Диалоги о любви" на всем протяжении были далеки от иудаизма. Леон Медиги высоко ценил "еврейскую истину" и пытался отстаивать библейское учение о сотворении мира из хаоса в противовес принципам греческой философии, но он не проникал в истинный дух иудаизма. Поэтому его работы ценились христианами больше, чем евреями. Итальянцы гордились тем, что впервые увидели философскую мысль, изложенную на их собственном, горячо любимом языке. Это произведение стало любимым чтением образованного класса и за двадцать лет выдержало пять изданий.

Каббала с ее тщетностью вскоре овладела умами, уже не привыкшими к строгой логической дисциплине, и в какой-то мере заполнила образовавшуюся пустоту. В шестнадцатом веке она впервые начала оказывать влияние на умы людей. Ею противники были мертвы или не желали становиться воппозицию идеям эпохи, слишком сильно склонные к тайнам, парадоксам и

иррациональным фантазиям. Беглецы-сефарды, Иуда Чайят, Барух из Беневенто, Авраам Леви, Меир бен Габбай, Ибн-Аби Зимра, принесли Каббалу в Италию и Турцию и с необычайной энергией завоевали для нее ревностных приверженцев. Кроме того, энтузиазм, который испытывали к каббале христианские ученые, такие как Эджидио де Витербо, Рейхлин, Галатино и другие, отразился и на евреях. Они рассуждали, что в доктрине должна быть какая-то глубокая истина, если благородные христиане так стремятся к ней. Проповедники-каббалисты излагали доктрину с кафедры, чего раньше никто не делал. По вопросам ритуала консультировались с каббалистическими писаниями, часто как с окончательными авторитетами. Неудивительно, что типичные элементы Зоара проникли в литургию, придав ей мистический характер. Каббалисты со смелой самонадеянностью утверждали, что они одни владеют традицией Моисея и что Талмуд и раввины должны уступить им место. Таким образом, тайная доктрина с ее уловками и фантазиями, которые до сих пор выбивали из колеи лишь немногих адептов, стала известна всем евреям и повлияла на трезвые умы людей. Противодействие раввинов этому вмешательству в ритуальную и религиозную жизнь было довольно слабым, поскольку они сами были убеждены в святости каббалы и возражали против нововведений лишь малодушно.

Пустая Каббала не могла не вызвать энтузиазма в пустых головах. У мистиков-зоаристов, как и у ессеев, ожидание Мессии было центром их системы. Продвигать царство Мессии, или царство Небесное, или царство нравственности, и предсказывать с помощью букв и цифр точное время его пришествия было работой, которая доставляла им удовольствие. Исаак Абрабанель, хотя и не одобрял каббалу, поддерживал этот мессианский энтузиазм. Накопившиеся страдания немногих оставшихся испанских и португальских евреев сломили дух многих и лишили их надежды на лучшие времена. Бездна надежды и отчаяние его народа, которые, если бы они распространились, способствовали бы планам церкви, причинили боль верующему Исааку Абрабанелю, и, чтобы противодействовать этой опасной тенденции, он подготовил три произведения, основанные на Библии (главным образом на Книге Даниила) и агадических изречениях, которые, по его мнению, неопровержимо доказывали, что у Израиля будет славное будущее и что Мессия непременно придет. Согласно его расчетам, пришествие Мессии обязательно должно было произойти в 1503 году, через 5263 года после сотворения мира, а конец наступит с падением Рима, примерно двадцать восемь лет спустя.

Поддержка, оказанная мессианским расчетам таким вдумчивым и уважаемым человеком, как Исаак Абрабанель, вкуче с каббалистическими фантазиями, по-видимому, побудила энтузиаста предсказать немедленную реализацию мессианских идеалов. Немец Ашер Ламляйн (или Ламлин) появился в Истрии, недалеко от Венеции, провозгласив себя предтечей Мессии (1502). Он объявил, что если евреи проявят великое раскаяние, умерщвление плоти, раскаяние и милосердие, Мессия непременно придет через шесть месяцев. Умы людей, подготовленные страданиями и увлечением каббалистикой, были восприимчивы к таким судорожным ожиданиям. Ашер Ламляйн приобрел группу приверженцев, которые распространяли его пророчества. В Италии и Германии он встретил сочувствие и веру. Было много поста, много молитв, много раздачи милостыни. Это называлось "годом покаяния". Каждый готовился к началу чуда. Они так уверенно рассчитывали на искупление и возвращение в Иерусалим, что существующие институты были умышленно разрушены. Трезвые и вдумчивые люди не осмеливались сдерживать этот дикий фанатизм. Говорят, что даже христиане верили в мессианское пророчество Ашера Ламмляйна. Но пророк умер или внезапно исчез, и вместе с ним пришел конец экстравагантным надеждам.

Но с окончанием "года покаяния" Ламмляйна евреи ни в коем случае не потеряли надежду на Мессию; было необходимо поддержать их в их страданиях. Каббалисты не переставали пробуждать эту надежду, то и дело обещая им ее чудесное осуществление. Тридцать лет спустя началось более важное мессианское движение, которое по своим масштабам и вовлеченным в него людям было весьма интересным. Главную роль в этом сыграли марраны в Испании и Португалии.

Эти несчастнейшие из всех несчастных, которые отреклись от веры своего народа, которые в какой-то мере отдалились от собственного сердца, которые были вынуждены самым скрупулезным образом соблюдать церковные обряды, хотя и ненавидели их в глубине души, но, несмотря на все это, были отвергнуты инквизицией и ненавистью христиан — эти новообращенные перенесли, без преувеличения, адские муки. Большая часть из них, несмотря на всю свою борьбу, не могла заставить себя полюбить христианство. Как они могли испытывать любовь к вероучению, последователи которого ежедневно требовали жертвовать человеческой жизнью и под малейшим предлогом искали жертв среди новохристиан? При Дезе, втором главном инквизиторе Испании, творились едва ли не большие ужасы, чем при Торквемаде. Он и его приспешники, в частности Диего Родригес Лусеро, благочестивый палач из Кордовы, совершили столько подлостей, что добрый монах Петр Мученик представил инквизицию через тридцать лет после ее возникновения в ярких красках: "Архиепископ Севильи (Деза), Лусеро и Хуан де ла Фуэнте обесчестили эту провинцию. Их народ не признает ни Бога, ни справедливость. Они убивают, крадут и насилуют женщин и девушек, к позору религии. Ущерб и несчастья, которые эти слуги инквизиции причинили моей стране, настолько велики и широко распространены, что каждый должен скорбеть". Лусеро (светлый), прозванный своими сообщниками из-за его ужасных деяний Тенебреро (темный), принес гибель тысячам людей: он был ненасытен до крови еврейских мучеников. "Отдайте мне евреев на сожжение", - как говорят, был его постоянный призыв. Его фанатизм выродился в каннибальскую ярость.

Из-за его жестокости у офицеров инквизиции было полно дел, и в Кордове нарастали зловещие волнения. Знатные люди этого места пожаловались на действия инквизитора Лусеро и обратились к главному инквизитору с просьбой отстранить его от должности. Но Деза был заодно с ним, и поэтому недовольные рыцари, дворяне, донны, священники и монахини были обвинены в пособничестве еврейской ереси. Третий главный инквизитор, Хименес де Сиснерос, был снисходителен к старым христианам, подозреваемым в иудействе, но приговорил к сожжению немало новообращенных еврейского и мавританского происхождения. Именно он использовал угрожающие выражения в адрес Карла V, когда предложил предоставить испанским марранам свободу вероисповедания за вознаграждение в 800 000 золотых крон. Он запретил своему царственному ученику терпимо относиться к евреям, как Торквемада запретил это предкам Карла. Его преемники были не менее ортодоксальны, то есть не менее бесчеловечны. При них жертвами были не только евреи; вместе с ними страдали христиане. Реформаторское движение в Германии ощущалось и в Испании. Натиск Лютера и Кальвина на папство, на священничество и церемонии был перенесен через Пиренеи благодаря соединению Испании и Германии и благодаря гражданству императора Карла V. Император, столь обеспокоенный Реформацией в Германии, уполномочил Святую Канцелярию выступить против лютеранских доктрин в Испании, что было весьма желанной задачей для кровожадного монстра. Отныне евреи, магометане и христиане-лютеране пользовались равенством; на каждом аутодафе мученики трех различных религий погибали вместе.

Положение маррано в Португалии отличалось от положения маррано в Испании. Король Мануэль, который силой потащил евреев к купели для крещения, чтобы не доводить их до отчаяния, дал свое слово, что в течение двадцати (или двадцати девяти) лет их вера не будет подвергаться растлению со стороны инквизиции. Полагаясь на это обещание, португальские марраны соблюдали еврейские обряды с меньшей секретностью, чем испанские. В Лиссабоне, где они в основном проживали, у них была синагога, в которой они собирались тем более регулярно, что внешне соблюдали римско-католические обряды и, следовательно, в своем собственном месте богослужения с большим раскаянием просили прощения у Бога за свое идолопоклонство. Старики учили молодежь Библии и Талмуду и внушали им истины иудаизма, чтобы уберечь их от соблазна безоговорочного принятия христианства. Португальские марраны также имели больше свободы эмиграции и уезжали поодиночке или группами в Берберию или Италию, а оттуда отправлялись в Турцию. Чтобы остановить эмиграцию Маррано, Мануэль издал приказ, согласно которому христианин мог заключить обмен с новообращенным только под страхом конфискации его имущества, и мог покупать у него недвижимость только с королевского разрешения; более того, ни один Маррано с женой, детьми и слугами не должен покидать страну без специального разрешения короля. Но приказы такого рода были отданы только для того, чтобы их не выполнили. Испанские маррано имели все основания завидовать своим собратьям в Португалии и, не жалея сил, бежали за границу страны, где для них были приготовлены костры и зажжен хворост. Вполне естественно, что мстительное испанское правительство выступило против них и убедило Мануэля принять закон, согласно которому ни один испанец не мог ступить на португальскую землю, если он не предъявит свидетельство о том, что он невиновен в ереси.

Таким образом, португальские марраны могли бы вести сносное существование, если бы народная ненависть к ним не была такой яростной. Это недружелюбие после их крещения показывает, что их ненавидели не столько как последователей иудаизма, сколько как другую расу, активный, трудолюбивый, высший класс. Неприязнь христиан к ним возросла, когда новообращенные получили право заниматься торговлей, собирать церковную десятину, занимать должности или даже принимать церковные саны в качестве подготовки к вступлению в один из орденов. Сначала они проявляли свою ненависть, называя их оскорбительными именами, "проклятый новообращенный еврей" (*Judæo Marrano, converso*), пока Мануэль не остановил это законом. Неурожаи, которые в течение многих лет приводили к голоду в Португалии, теперь привели к эпидемии чумы, и это подлило масла в огонь народной вражды. Обычно говорили: "Крещеные евреи - спекулянты зерном; они дорожат предметами первой необходимости и экспортируют зерно в другие страны". Человеком, которого больше всего ненавидели, был выскочка из племени маррано, Джон Родриго Маскаренхас, сборщик налогов, и через него все маррано навлекли на себя ненависть.

Этим чувством воспользовались коварные доминиканцы, чтобы добиться изгнания фаворитов короля Мануэля. Они не только проповедовали о безбожии новообращенных, но и прямо изобрели чудо, чтобы возбудить фанатизм людей. Момент был подходящий. В Португалии свирепствовала чума, уносящая тысячи людей ежедневно, в то время как продолжающаяся засуха угрожала очередным неурожаем. Причиной всех этих бед были одни Марраны, по крайней мере, так все говорили. Доминиканцы громогласно провозгласили, что в одной из их церквей в зеркале, прикрепленном к кресту, явилась Дева Мария в отблеске огня и в нем были видны другие удивительные чудеса. Они были искусны в таком обмане. Многие люди стекались в церковь, чтобы увидеть чудо. В воскресенье после Пасхи (19 апреля 1506 г.) церковь была

заполнена набожными зрителями, среди которых были Марраны, которые были вынуждены присутствовать.

Доминиканец в страстной проповеди обвинил собравшихся в церкви людей в убийстве проклятых новообращенных, потому что король благоволил к ним; а двое других, Джон Мочо и брат Бернардо, шли по улице, неся кресты и выкрикивая "Ересь, ересь!" Отбросы населения беспокойной столицы были разбужены и вместе с немецкими, голландскими и французскими моряками воспользовались этой возможностью для грабежа. Таким образом, почти 10 000 человек прошли по городу и убивали маррано, мужчин, женщин и детей, где бы они их ни находили, на улицах, в домах или в укрытиях.

Это, однако, ни в коем случае не положило конец резне; она продолжалась еще два дня. Немец, находившийся в Лиссабоне, сообщил: "В понедельник я видел вещи, о которых страшно говорить или писать, если ты их не видел". Женщины с детьми выбрасывались из окон и насаживались на копья теми, кто стоял внизу, а их отпрысков отбрасывало прочь. Крестьяне последовали примеру горожан. Многие женщины и девушки были изнасилованы в этой фанатичной погоне. Число убитых новохристиан оценивается от 2000 до 4000 человек.

В результате этой бойни была решена судьба португальских маррано. Народ был еще более озлоблен против них, потому что они снискали благосклонность короля, и они жаждали их уничтожения. Их жизни зависели от возможности сохранения благосклонности короля. Мануэль провозгласил прокламацией (март 1507 г.), что с обращенными следует обращаться как с христианами и что им следует разрешить эмиграцию; а другим приказом - что еще в течение шестнадцати лет они не должны привлекаться к ответственности перед трибуналом за свое религиозное поведение. Христианское население оставалось враждебным к новообращенным из расовой антипатии и зависти к их промышленным успехам, и сам Мануэль был вынужден изменить свое отношение к ним.

Положение португальских маррано изменилось при преемнике Мануэля Жуане III (1522-1557), болване, приведшем к разорению своей страны. Будучи инфантом, он был объявлен врагом новых христиан. Сначала он уважал указ своего отца о том, чтобы поставить обращенных евреев наравне с христианами и не допускать судебного разбирательства в отношении их религиозных убеждений в течение установленного срока (1522-1524). За эту снисходительность Марраны должны были благодарить старых советников Мануэля, которые помнили, каким насильственным способом они обращались в свою веру, и, с другой стороны, ценили то, насколько они увеличили процветание маленького государства. Ибо марраны были самым полезным классом благодаря своей энергии, оптовому бизнесу, государственным банкам и мастерству оружейников и изготовителей пушек. Кроме того, они были единственными, кто обладал знаниями в области медицины, физических наук и всего, что с ними связано. В Португалии почти не было врачей, кроме евреев, то есть маррано. Однако, когда на Жуана стали оказывать другое влияние и он постепенно освободился от этих мудрых советчиков, его фанатичная ненависть к новообращенным взяла верх. Королева Екатерина, испанская инфанта, преисполненная восхищения религиозным трибуналом своей страны и кровожадными доминиканцами, завидовавшими могуществу их ордена в Испании, осаждала короля жалобами на позорное и безнравственное поведение маррано по отношению к христианской вере и убеждала его положить конец преследованиям маррано, возбудив инквизицию. Вслед за этим Жуан III поручил Джорджу Темуду расспросить о жизни марранов в Лиссабоне, их штаб-

квартире, и доложить ему об этом. Темудо, вероятно, был недалек от истины, когда сообщил королю (июль 1524 г.), что некоторые маррано соблюдали субботу и Пасху, что, с другой стороны, они старались как можно меньше участвовать в христианских обрядах и церемониях, не присутствовали на мессе и богослужении, не ходили на исповедь, не просили, чтобы умирающих обильно помазывали елеем, были похоронены в неосвященной земле, а не на церковном кладбище, что они не служили мессы по своим усопшим родственникам и совершили другие правонарушения аналогичного характера.

Но Жуан не был удовлетворен отчетом Темудо; Маррано попали под систему шпионажа. Новообращенный, эмигрант из Испании по имени Энрике Нуньес, впоследствии получивший от церкви почетный титул *Firme-Fé*, был выбран королем для слежки за ними. В школе кровожадного Лусеро он проникся лютой ненавистью к маррано, и ему страстно хотелось увидеть, как в Португалии разожгут хворост. Ему король дал секретные инструкции проникать в семьи обращенных, общаться с ними как с братом и товарищем в невзгодах, наблюдать за ними и сообщать всю информацию, которую он сможет получить. Ослепленный фанатизмом и ненавистью к собственной расе, Нуньес не задумывался о том, насколько презренная роль обычного шпиона отведена ему. Он слишком охотно взялся за эту работу, узнал все секреты несчастных Маррано в Лиссабоне, Эворе и других местах и сообщил обо всем, что видел и слышал, в письмах королю. Он предал братским поцелуем тех, кто показал ему потаенные уголки своих сердец. Он сообщил королю не только о том, что не нашел в их домах католических молитвенников, что у них не было святых образов среди украшений или на тарелках, что они не любили четки и другие вещи подобного рода, но и назвал имена еврейских маррано, выдвинув против них ненавистнические обвинения. Как только Жуан получил желаемые сведения, он решил ввести в своей стране инквизицию по испанскому образцу и тайно отправил верного Нуньеса к Карлу V в Испанию, чтобы узнать об этом побольше. Марраны пронюхали об этом и пришли в такую ярость от вероломного шпиона, что двое из них последовали за ним, чтобы наказать его за вероломство смертью. Это были Диего Ваз из Оливенсы и Андре Диаш из Вианны, которые были францисканцами или переодевались в монашеские одежды. Они настигли его недалеко от испанской границы, недалеко от Бадахоса, и убили мечом и копьем. При нем нашли письма об установлении инквизиции. Мстители, или убийцы, как называли их православные христиане, были обнаружены, преданы суду, растянуты на дыбе, чтобы выдать своих сообщников, и, наконец, приговорены к виселице. Но предатель Нуньес считался мучеником, его почти причислили к лику святых и присвоили почетный титул "Фирме-Фе" (Твердо верующий).

Можно было бы ожидать, что фанатичный король после этого происшествия с еще большим рвением будет преследовать свою цель - учредить инквизицию, чтобы возбудить дело против еврейских марранов, имена которых он узнал от Нуньеса. Король действительно провел строгое расследование, чтобы выявить сообщников двух монахов-маррано. Вопреки ожиданиям Жуан не ввел никаких ограничений в отношении маррано. Кроме того, расследование заговорщиков, причастных к смерти Нуньеса, похоже, намеренно затягивалось настолько, насколько это было возможно. Документы ясно говорят, что король отказался от плана создания инквизиции. Случай, смелость авантюриста, по-видимому, в первую очередь вызвали эту благоприятную перемену в сознании слабого, колеблющегося короля.

Приехав с дальнего Востока и выйдя из безвестности, появился человек, о котором трудно сказать, был ли он самозванцем или глупым фанатиком, и намеревался ли он играть роль

мессианиста или политического авантюриста, но он вызвал большой переполох среди евреев, повлияв на марранов на крайнем Западе. Дэвид, азиат по происхождению, долгое время проживавший в Аравии и Нубии, внезапно появился в Европе в необычном образе и с помощью как вымысла, так и правды зародил самые смелые надежды. Он объявил себя потомком древнееврейского племени Рувима, которое, как он утверждал, все еще процветало в Аравии после обретения независимости, и он утверждал, что является принцем, братом правящего еврейского царя. Поэтому он называл себя Дэвидом Рубени.

Любя путешествия и авантюры, он много путешествовал по Аравии, Нубии и Египту и, наконец, добрался до Италии. Сообщалось, что он был послан своим братом, командовавшим 300 000 отборных воинов, и семьюдесятью старейшинами земли Чайбар к европейским князьям, особенно к папе римскому, с просьбой раздобыть огнестрельное оружие для борьбы с магометанами, которые препятствовали объединению еврейской расы по обе стороны Красного моря, и помочь храброй еврейской армии изгнать турок из Святой Земли.

Внешность и манеры Дэвида Рубени внушали доверие. В обоих было что-то странное, загадочное и эксцентричное. У него был смуглый цвет лица и карликовый рост, и такой чрезмерно худой, что непрерывное голодание превратило его почти в скелет. Обладая мужеством и бесстрашием, он в то же время обладал резкими манерами, не допускавшими фамильярности. Он говорил только на иврите, да и то на таком испорченном жаргоне, что ни азиатские евреи, ни евреи южной Европы его не понимали. Он прибыл в Рим (февраль 1524 г.) и в сопровождении слуги и переводчика прискакал на белом коне в Ватикан и попросил о встрече с кардиналом Джулио в присутствии других кардиналов. Папа Климент также дал ему аудиенцию и принял его верительные грамоты.

Климент VII (1523-1534), один из самых выдающихся пап, незаконнорожденный отпрыск флорентийских Медичи, был разумным и добрым человеком и искренне желал видеть Италию освобожденной от варваров, то есть немцев. Но он правил в то время, когда Европа потеряла равновесие. С одной стороны, Лютер и его Реформация, которые набирали силу с каждым днем, угрожали подорвать папство; а с другой, могущественные владения Карла V, Испания и Германия с Бургундией и частью Америки, почти превратили Италию в рабскую зависимость. Если Климент ссорился с императором, последний поддерживал Реформацию и приступал к ограничению папской власти. Если папа примирился с ним, свобода Италии оказалась под угрозой. Таким образом, несмотря на свой твердый характер, он постоянно колебался и, подобно большинству своих современников, прибегал к астрологии, чтобы узнать от звезд то, что было за пределами человеческой мудрости.

Папе Клименту VII Дэвид Рубени, по-видимому, передал рекомендательные письма от португальских капитанов или деловых агентов, с которыми он, возможно, встречался в Аравии или Нубии. Эти верительные грамоты папа отправил португальскому двору, и когда они были там признаны заслуживающими доверия, с Дэвидом обошлись с величайшим почетом, и он получил все почести, подобающие послу. Он проехал по Риму верхом на муле в сопровождении десяти евреев и более двухсот христиан. План крестового похода против Турции, посредством которого самый опасный враг христианства был бы изгнан из Святой Земли израильской армией, привлек папу, поскольку обещал восстановить в его руках контроль над военными делами, но его исполнению препятствовали сложности его положения. Даже самые недоверчивые из евреев не могли скрыть от самих себя поразительный факт, что Ватикан

относился к еврею с уважением и вежливостью, и были убеждены, что в отчете Дэвида должна быть хотя бы крупица правды. Римские и иностранные евреи столпились вокруг него, который, казалось, открывал перед ними обнадеживающее будущее. Сеньора Бенвенида Абрабанела, жена богатого Самуэля Абрабанеля, прислала ему из Неаполя большие суммы денег, дорогое шелковое знамя, на котором были вышиты Десять заповедей, и много богатых одежд. Он, однако, виртуозно сыграл свою роль, держа евреев на почтительном расстоянии.

Наконец от короля Португалии пришло официальное приглашение пригласить Давида Рубени ко двору. Последний покинул Рим, отправившись морем с еврейским флагом на своем корабле. В Алмейрине, резиденции короля Жуана III близ Сантарена, куда Давид прибыл как богатый принц с многочисленной свитой, несущей красиво вышитые знамена, к нему также относились с величайшим почетом, и с ним обсуждался план транспортировки оружия и пушек из Португалии для израильской армии в Аравии и Нубии. Появление Дэвида в Португалии, похоже, изменило отношение к маррано, и Жуана убедили отказаться от предполагаемого преследования их. Для столь грандиозного начинания Жуану понадобятся их поддержка, их деньги и их советы. Если он хотел союза с еврейским царем и народом, он не должен преследовать полуевреев в своей собственной стране. Так что его рвение к учреждению инквизиции в Португалии внезапно остыло. Можно представить себе удивление и радость португальских маррано, когда они поняли, что еврей не только может быть допущен в Португалию, но и что его принимают при дворе и относятся к нему с уважением. Так, значит, настал час избавления, о котором они так долго мечтали. К ним пришла неожиданная помощь, свобода и избавление от мучений; они снова вздохнули. Провозгласил ли Давид Рувени себя предтечей Мессии или нет, для маррано не имело значения; они верили в это и считали дни до того времени, когда он заставит их узреть новый Иерусалим во всем его великолепии. Они столпились вокруг него, целовали ему руки и обращались с ним так, словно он был их королем. Из Португалии предполагаемая весть о спасении перешла в Испанию к тамошним еще более несчастным маррано, которые приняли ее с восторгом. Эти бедные люди впали в болезненное, эксцентричное, безответственное состояние ума. Ежедневно и ежечасно они испытывали душевные муки из-за необходимости следовать религиозным обычаям, которые они ненавидели всем сердцем. Неудивительно, что многие из них потеряли душевное равновесие и совсем обезумели. В окрестностях Эррары девушка-маррано провозгласила себя пророчицей; впала в транс и имела видения; заявила, что видела Моисея и ангелов, и пообещала привести своих страждущих товарищей в Святую Землю. Она нашла много верующих среди маррано, и когда это было обнаружено, ее сожгли вместе с тридцатью восемью приверженцами. Мессианское ожидание, то есть искупления через чудо, составляло атмосферу, в которой дышали и жили Марраны. При известии о прибытии посла еврейского королевства к португальскому двору толпа новообращенных испанцев бежала в Португалию, чтобы быть рядом со своим предполагаемым искупителем. Дэвид, который пользовался привилегией путешествовать по Португалии, по-видимому, вел себя очень осмотрительно: он не давал им никаких обещаний и не поощрял их открыто признавать иудаизм. Он хорошо знал, что ходит по краю пропасти, и что одно его выражение, один его поступок, направленный на возвращение новых христиан в иудаизм, может стоить ему жизни. Тем не менее все взгляды были прикованы к нему; все были возбуждены чудесными событиями, которые, несомненно, произойдут.

Внешность Дэвида Рубени и надежды, которые она пробудила, сильнее всего повлияли на одного благородного, талантливого, красивого юношу; более того, весь ход его существования изменился. Диого Пирес (родился около 1501 года, погиб мученической смертью в 1532 году),

чье яркое поэтическое воображение при более благоприятных обстоятельствах могло бы многого достичь в области прекрасного, стал орудием в руках самопровозглашенного посланника из Чайбара. Пирес, родившийся новохристианином, получил хорошее образование; он понимал латынь, универсальный язык того времени, и мог говорить на ней. Он дослужился до королевского секретаря в высоком суде и был большим фаворитом при дворе. С ивритом и раввинской литературой он, должно быть, был знаком с ранней юности, и он был посвящен в каббалу, вероятно, одним из учителей Маррано. В то время, когда Давид и его химерические планы вызвали такой переполох в Португалии, Диого Пиреш был полностью одержим безумными мечтами и видениями, все из которых имели мессианскую подоплеку. Поэтому Он поспешил к Давиду, чтобы выяснить, соответствует ли его миссия этим провидческим откровениям. Дэвид Рубени, по-видимому, отнесся к нему холодно и прямо сказал ему, что его военное посольство не имеет никакого отношения к мессианскому мистицизму. Но Диого Пиреш предположил, что холодность предполагаемого посланника была вызвана тем обстоятельством, что он не принял знак соглашения, и он немедленно приступил к опасной операции обрезания. Последовавшая за этим потеря крови уложила его на больничную койку. Давид был очень разгневан, когда Пирес рассказал ему об этом, поскольку они оба оказались бы в опасности, если бы до ушей короля дошло, что какой-то маррано так решительно и открыто объявил себя евреем; ибо было бы заявлено, что Давид убедил его пойти этим путем.

После обрезания Пиреса (принявшего имя Соломон Молчо) посетили еще более ужасные видения, вероятно, из-за его телесной слабости. Их значение всегда имело отношение к маррано и их искуплению Мессией. Согласно его собственному рассказу, странное существо (Маггид), которое общалось с ним с Небес во сне, приказало ему покинуть Португалию и отправиться в Турцию. Дэвид Рубени также посоветовал ему как можно скорее покинуть Португалию, поскольку акт обрезания может также подвергнуть Давида опасности и расстроить его планы. Таким образом, отъезд из Португалии не мог быть трудным для Марраноса. Диого Пиреш (или Соломон Молчо) добрался до Турции и надеялся на мессианскую миссию и мученическую смерть.

Большой фурор произвел там этот восторженный, красивый молодой каббалист, новый еврейский рекрут. Сначала он выдал себя за делегата от Давида Рубени, о хорошем приеме которого при папском и португальском дворах ходили слухи даже на Востоке, и это не преминуло воспламенить воображение людей. В Салониках им завладел каббалистический кружок Джозефа Тайтасака, который жадно слушал его сны и видения. В Адрианополе Молчо обратился к каббале трезвомыслящего Джозефа Каро, который мальчиком покинул Испанию и до сих пор полностью занимался изучением талмуда. Энтузиазм заразителен. Каро проникся тем же каббалистическим энтузиазмом, что и Молчо. У него также был свой подсказчик снов (Маггид), который научил его неэлегантным, мистическим толкованиям отрывков из Священных Писаний и открыл будущее. Он был настолько верным подражателем, что, подобно Молчону, жил в самом верном ожидании быть сожженным на костре как "жертва всесожжения в приятное благоухание Господу". Молчо привил своим последователям стремление к мученичеству. Его пленительная личность, чистый энтузиазм, романтический настрой, прошлая карьера, поразительное знание каббалы (хотя он родился христианином), все, что с ним связано, породило множество приверженцев, которые жадно слушали его мистические высказывания и с верой принимали их. Он часто проповедовал, и слова лились с его уст потоком. Седовласые мужчины обращались с вопросами к молодежи, добиваясь объяснения неясных стихов

Священного Писания или откровений о будущем. По настоятельной просьбе своих друзей в Салониках он опубликовал краткое изложение своих каббалистических проповедей, суть которых заключалась в следующем: Пришествие Мессии близко; его правление начнется в конце 5300 года от сотворения мира (1540). Разграбление Рима (5 мая 1527 г.) подтвердило мессианские надежды фанатиков-каббалистов. Рим, незаконный католический Вавилон, наполненный добычей со всей земли, был взят штурмом немецкими солдатами, в основном лютеранами, и по приказу императора-католика Карла V. С ним обращались почти как с враждебным городом. Падение Рима, согласно мессианским и апокалиптическим принципам, было предсказано как знак пришествия Мессии. Теперь Рим пал. В Азии, Турции, Венгрии, Польше и Германии надежды на пришествие Мессии волновали еврейские сердца и были связаны с именем Соломона Молчо, который должен был осуществить их.

В Испании и Португалии марраны еще более твердо придерживались своих представлений о мессианском искуплении и о Давиде Рубени, которого, с его согласия или без него, они считали предтечей Мессии. Их иллюзия была настолько полной, что они смело начинали предприятия, которые могли закончиться только смертью для них самих. Несколько испанских маррано, приговоренных к сожжению на костре, как ни странно, нашли убежище в Португалии (в Кампо-Майор), где к ним не приставали. Компания молодых людей из их числа отважилась напасть на Бадахос, откуда они бежали, с целью спасти нескольких женщин-маррано, томившихся в застенках инквизиции. Их вторжение сильно встревожило жителей, но им удалось спасти несчастных жертв. Инцидент вызвал большой переполох в обеих странах и привел к самым пагубным последствиям для псевдохристиан. Это происшествие, а также донос нескольких Маррано за неуважение к изображению Девы Марии снова побудили короля рассмотреть план учреждения суда инквизиции. Благосклонность Давида Рубени к королю Португалии была недолгой. Сначала он был принят Жуаном III с необычайным дружелюбием и часто допускался на аудиенции (когда беседа велась с помощью арабского и португальского переводчика) и получил четкое обещание, что в его распоряжение будут предоставлены восемь кораблей и 4000 единиц огнестрельного оружия, чтобы позволить его брату, предполагаемому королю Чайбара, вести войну с турками и арабами, но король постепенно остыл. Мигель де Сильва, посол Португалии при папском дворе, когда Дэвид находился в Риме, считал предполагаемого еврейского принца Чайбара авантюристом. Он был отозван в Португалию и, выступая против других советников, которые были введены в заблуждение смелым характером Давида, прилагал энергичные усилия, чтобы лишить его королевской милости. Более того, почтение, столь необычно и открыто оказанное ему Маррано, вызвало подозрения относительно него. Мигель де Сильва, которому было поручено учредить инквизицию в Португалии, указал, что сам король, оказывая благосклонность предполагаемому еврейскому принцу, явно укрепил маррано в их неверии или приверженности еврейскому делу. Затем последовало обрезание и бегство королевского секретаря Диого Пиреса (Соломона Молчо). Это происшествие сильно оскорбило португальский двор, и королю намекнули, что Дэвид был его подстрекателем.

Таким образом, случилось так, что Дэвид Рубени внезапно получил приказ покинуть Португалию после того, как пробыл там почти год, и с ним обращались с отличием. Ему была предоставлена отсрочка всего на два месяца до отплытия. Корабль, на котором находились он и его свита, был выброшен на берег Испании, а Дэвид попал в плен в Испании, где был вынужден предстать перед инквизицией. Однако прежде чем это могло произойти, император Карл

освободил его, и Давид Рубени отправился в Авиньон, находящийся под юрисдикцией папы. Как только король Жуан порвал с Давидом Рубени, все причины щадить маррано исчезли. Королева, доминиканцы и некоторые представители знати оказали сильное давление на колеблющегося короля, заставив его принять решение о введении инквизиции. Епископ Сеуты Энрике, в прошлом францисканский монах и фанатичный священник, добился принятия этого решения. В его епархии Оливенса пятеро новохристиан были заподозрены в иудаизме. Он быстро расправился с ними. Несильно беспокоясь о том, был ли трибунал инквизиции санкционирован папой и юридически учрежден королем или нет, он заготовил колья и хворост и сжег жертв до смерти, осудив их без обычного суда (около 1530 года). Народ ликующе аплодировал ему и отпраздновал убийство этих евреев-христиан боями быков. Далекий от желания скрыть свой поступок, Энрике хвастался им и настаивал на том, чтобы король всерьез начал карать еретиков и грешных новохристиан. Жуан решил обратиться к папе Клименту по поводу организации комиссий по расследованию в Португалии.

Но со времен предыдущего правления все еще оставалось несколько священников, которые громко выступали против такого жестокого обращения с марранами. Двое особенно заслуживают того, чтобы их имена стали известны потомкам — Фердинанд Коутиньо, епископ Алгарве, и Диого Пиньейру, епископ Фуншала. Они были свидетелями нечеловеческих жестокостей, с которыми при Манозле евреев принуждали к крещению, и никоим образом не могли признать их христианами, ни когда встал вопрос о наказании их за возвращение в ересь, ни о наделении их судебной властью или духовным покровительством. Коутиньо, неустанно высмеивая ошибочное рвение младших священников, напомнил королю, что незадолго до этого сам папа Климент VII разрешил нескольким маррано открыто исповедовать иудаизм в самом городе Риме. Этот папа, убежденный в несправедливости, проявленной к новохристианам, с согласия коллегии кардиналов предоставил им убежище в Анконе, разрешив им свободно исповедовать себя евреями. Во Флоренции и Венеции они также могли жить без насилия. Более того, сама папская консистория постановила, что португальских маррано следует считать евреями. Он считал, как выразился Коутиньо в своем дружеском рассмотрении этого вопроса, что вместо новохристиан, обвиненных в надругательстве над тем, что христиане считают священным, свидетели должны быть наказаны за дачу ложных показаний. Новохристиан следует привлекать к истинной вере только мягкими средствами. В конце концов король решил передать этот вопрос папе, который, если бы он санкционировал учреждение инквизиции, в то же время освободил бы его от обещаний, данных маррано. Португальский посол в Риме Браш Нето получил приказ получить буллу на этот счет от папы римского. Но то, что так легко, одним росчерком пера, было передано Испании, стоило королю Португалии многих усилий и борьбы, и он так и не смог в полной мере насладиться своей Инквизицией.

Теперь слабая рука любезного каббалиста Соломона Молчо ухватилась за спицы этого вращающегося колеса. С Востока он отправился в Италию, чтобы выполнить мессианскую миссию, на которую он был вдохновлен или которую ему приписывали. Он хотел бесстрашно говорить перед князьями в столице христианского мира о приближающемся искуплении. В Анконе, куда он прибыл со своими последователями в конце 1529 года, некие недоброжелатели, согласно его собственному рассказу, преследовали его. На самом деле они были благоразумными людьми, которые были проинформированы о его жизни на Востоке и опасались, что в результате его безудержного стремления к мученичеству последуют дурные последствия для евреев всего мира или, по крайней мере, для маррано в Италии, Португалии и

Испании. Предполагается, что Молчо, когда его цитируют, бесстрашно признался, что он предпочел иудаизм, потому что он учил истине. Епископ Анконы уволил его как одного из португальских маррано, которому папа и кардиналы разрешили свободу религиозного исповедания, но запретил проповедовать против христианства. Молчо некоторое время оставался в Анконе, где его проповедь стала очень популярной, даже священники и христиане из высших слоев общества приходили в синагогу. Однако он, похоже, скомпрометировал себя и, как следствие, отправился в Пезаро вместе с герцогом Урбино Франческо Марией делла Роверел, который считал, что поселение Марранос в его маленьком государстве было бы выгодно. Но Молчону не было покоя; он сгорал от нетерпения оказаться в Риме, чтобы подготовить почву для пришествия Мессии, хотя и не имел никакого четкого представления о том, что делать. Он ждал какого-нибудь подсказки свыше, которая, как он верил, не могла его подвести. Повинуясь видению, он оставил свою свиту в Пезаро и один верхом на лошади отправился в Рим. При первом взгляде на Вечный город его переполняли чувства, ибо Молчо, как и Лютер, считал Рим резиденцией Антихриста; он погрузился в горячую молитву, умоляя об искуплении грехов Израиля. Во время его молитвы раздался голос, предсказывающий в стихах Библии: "Эдом (Рим) станет наследием Израиля, нога его будет нетвердой, но Израиль одержит победу". В таком настроении он прибыл в Рим и остановился на постоялом дворе, который держали христиане. Он надел изодранный костюм, вымазал лицо сажей, обмотал ноги грязными тряпками и, оставив лошадь и одежду на постоялом дворе, занял позицию среди племени нищих на мосту через Тибр, напротив папского дворца. Это снаряжение соответствовало мессианской традиции, согласно которой Мессия пребывал среди прокаженных и нищих в лохмотьях Рима, чтобы быть вызванным оттуда для триумфа. Тридцать дней подряд португальский энтузиаст вел это жалкое существование, не ел мяса и не пил вина, а довольствовался самой скудной пищей и ждал пророческого экстаза.

В этом состоянии телесного напряжения и умственной экзальтации Молчо погрузился в глубокий сон, и ему приснился путанный сон, примечательный тем, что часть его впоследствии исполнилась до последней буквы. В этом видении было предсказано, что разрушительное наводнение разразится над Римом и северной страной, а его родную землю охватит паника из-за землетрясения, что, когда ему самому исполнится тридцать лет, он поднимется на более высокую ступень и будет облачен в Биссус, потому что по собственной воле он посвятил себя смерти. Он вернется в Рим, но снова покинет его до того, как произойдет потоп. Тогда Святой Дух, дух мудрости и понимания, почил бы на мессианском царе, мертвые восстали бы из праха, и Бог даровал бы Своему народу славу.

На следующее утро, ослабевший от долгого унижения и беспокойного сна, Молчо потащился обратно в свою гостиницу и отдохнул. Он сбросил свою маскировку и вышел, чтобы побеседовать с евреями (февраль 1530 года). Будучи все еще совершенно чужим в Риме и чтобы избежать доноса своих противников, он выдал себя за посланца Соломона Молчо. Несмотря на это, он был узан и донесен инквизиции как мятежный маррано. Некоторое время назад он вступил в сношения с папой римским и некоторыми кардиналами, которым предсказал всемирный потоп. Климент VII, который в течение нескольких лет пил из чаши скорби и испытывал унижения, подобные тем, которые выпали на долю немногих пап до него, которые были вынуждены короновать в Болонье своего смертельного врага Карла V королем Италии и императором Рима (22-24 февраля 1530 г.), был слишком склонен прислушиваться к мечтам и видениям. Возможно, между папой и Молчо существовали и другие неизвестные отношения, вследствие чего папа относился к последнему с удивительной благосклонностью. У Молчо были

друзья и среди кардиналов. Например, Лоренцо Пуччи, великий пенитенциарий папского престола, который принял сторону Рейхлина в борьбе против доминиканцев, был прикреплен к нему. Поэтому, пока папская полиция подстерегала Молчо у ворот Рима, он сбежал через стены и поспешил к папе, у которого получил папский паспорт, гарантировавший ему неприкосновенность.

Вооруженный этим, Молчо тайно вернулся в Рим и в одну из суббот внезапно появился в главной синагоге, где, к удивлению всех присутствующих, произнес проповедь на отрывке, взятом из пророческой части. Его приверженцев в Риме стало так много, что он проповедовал в синагоге каждую субботу до осени, не встречая сопротивления. Он вдохновлял своих слушателей, но, казалось, был бессилен обезоружить своих противников. Молчо был еврейским Савонаролой. Он с непоколебимой уверенностью рассказывал о своих видениях и даже сообщил королю Португалии (через посла Браса Нето) о землетрясении, угрожавшем Лиссабону, чтобы можно было принять меры предосторожности. Сам Молчо был настолько твердо убежден в том, что потоп произойдет, что, когда приблизилось предсказанное время, отправился в Венецию. Молчо и Давид Рубени, которые тем временем вернулись из Авиньона в Италию, снова встретились лицом к лицу. Они смотрели друг на друга холодно и с изумлением; каждый ожидал от другого чудес. Каждый желал, чтобы другой признал его возвышенную миссию. Они оба были смущены. В этот раз глаза Молчо открылись на истинный характер его некогда вызывавшего восхищение учителя. Он больше не верил в невежество Рубени, но был убежден, что, поскольку талмудические и каббалистические знания не соответствовали его характеру арабского принца, он принял их на себя, чтобы обмануть людей. Молчо даже отказался от своего заявления о том, что он был эмиссаром Давида. "Перед Богом неба и земли я провозглашаю истину, что мое обрезание и оставление моей страны не были задуманы плотью и кровью (Давида), но произошли по прямому повелению Бога". Молчо был введенным в заблуждение энтузиастом, в то время как Дэвид был авантюристом, намеренно обманывающим других. После неудачной попытки склонить короля Португалии и Карла V на свою сторону, Давид отправился в Венецию с целью повлиять на президента этой республики, которая имела тесные отношения с Востоком. Примечательно, что он нашел там сочувствие; венецианский сенат послал человека, хорошо знакомого со страной, расспросить его о его плане и средствах завоевания Востока (1530).

И Молчо, и Давид подвергались преследованиям со стороны более умеренных евреев, которые опасались за себя и свою религию. Находясь в Венеции, Молчо был отравлен руками евреев и заболел опасной болезнью.

Тем временем предсказанное наводнение Рима действительно произошло, превратив город в бурное озеро и вызвав большой хаос (8 октября 1530 года). В то же самое время появилась блестящая комета, испускавшая лучи света так, что, казалось, небеса вот-вот разверзнутся. В Португалии земля содрогнулась трижды, и землетрясение разрушило несколько домов в Лиссабоне, многие люди были погребены под руинами (26 января 1531 г.).

После затопления Рима Молчо снова появился в этом городе, где его чтили как пророка. Папа римский, которому он предсказал это бедствие, по-видимому, расточал ему свои чувства и воздавал публичные почести. Португальский посол Браш Нето сказал ему, что если бы король Португалии знал, каким избранным человеком в очах Божьих был Молчо и насколько хорошо он мог предсказывать будущее, он позволил бы ему жить в своих владениях. И это был момент,

когда посол получил мандат от своего государя тайно работать над буллой папского престола, вводящей инквизицию против Маррано! Более неблагоприятного времени нельзя было выбрать. Дело было передано на рассмотрение верховного исправительного учреждения кардиналу Лоренцо Пуччи. Но последний, а также папа Климент, находясь под влиянием Соломона Молчо, с самого начала решительно выступили против этого предложения. Пуччи прямо сказал португальскому послу: "Короля Португалии, как и короля Испании, больше привлекает богатство маррано, чем ортодоксальность их вероисповедания; пусть он лучше оставит им свободу жить по их собственным законам и накажет только тех, кто, добровольно приняв католицизм, возвращается к иудейской вере". На данный момент Брас Нето был бессилен. Он даже опасался влияния Молчо на папу и держал его действия в секрете, чтобы что-нибудь не дошло до ушей маррано в Португалии, и они снабжали Молчо деньгами, на которые можно было подкупить приближенных папы, чтобы они работали против установления инквизиции.

Все это время Молчо подвергался неустанным преследованиям со стороны своих единоверцев, особенно со стороны своего врага Джейкоба Мантина, образованного, но недобросовестного врача и филолога. Этот мстительный человек прибыл из Венеции в Рим только с одной целью - погубить того, кого он беспричинно ненавидел. Он справедливо отчитал португальского посла за то, что тот позволил бывшему португальскому христианину, проповедовавшему против христианства, оставаться на свободе в Риме. Поскольку посол не захотел его слушать, Мантин передал свою жалобу в инквизицию. Он нанял свидетелей из Португалии, которые засвидетельствовали, что Соломон Молчо жил как христианин в Португалии, и добился, чтобы его процитировали перед паствой. После этого Молчо предъявил свой паспорт от папы, надеясь при такой поддержке остаться невредимым; но инквизиторы вырвали его у него из рук и отправились к папе, которому они объяснили, насколько неприлично, что он защищает насмешника над христианством. Климент ответил, что ему нужен Молчо для секретной цели, и попросил, чтобы его не беспокоили. Когда инквизиция показала, что склонна игнорировать его донос, Мантин выдвинул против Молчо новые обвинения. Он ухитрился завладеть письмом, которое несколькими годами ранее Молчо написал из Монастира Джозефу Тайтасаку, посвященным его прошлой жизни и возвращению в иудаизм, перевел его на латынь и представил суду. Поскольку письмо, несомненно, содержало оскорбления в адрес Эдома, *то есть*, Рима и христианства, инквизиция была вынуждена обратить на это внимание, и Климент также больше не осмеливался возражать против доноса Мантина. Собрание приступило к делу и приговорило Молчо к сожжению заживо. Была сложена могильная куча и подожжен хворост. Люди толпами приходили на это место, чтобы увидеть привлекательное зрелище. Несчастную жертву, принесенную туда в саване для покаяния, без церемоний бросали в огонь. Один из судей сообщил папе, что акт веры был завершен смертью преступника. Говорят, что судья и свидетели казни были немало удивлены, когда в покоях папы римского был обнаружен живой Соломон Молчо.

Похоже, что Климент, чтобы спасти жизнь своего фаворита, подсунул кого-то другого, кто вззошел на эшафот, в то время как Соломона Молчо прятали в покоях папы.

Сам папа сообщил об этом факте озадаченному судье, потребовав тишины, чтобы у евреев и христиан не было нового повода для возбуждения. Соломон Молчо был спасен, но он не осмеливался больше оставаться в Риме; это было ясно даже ему, и он умолял папу отпустить

его. В сопровождении нескольких верных слуг папы Соломон Молчо выехал из Рима ночью (февраль или март 1531 года).

После отъезда Молчо из Рима, особенно после смерти кардинала Лоренцо Пуччи (август 1531 г.), по отношению к Маррано возникло иное чувство. Португальский агент, полученный от папы римского, которого настояли на этом император Карл и великая тюрьма, Антонио Пуччи, преемник своего дяди, булла об учреждении инквизиции, о которой так долго молились (17 декабря 1531 г.), хотя кардиналы Эджидио де Витербо, ученик Элиаса Левиты, и Джеронимо де Гинуччи выступили против этого. Как будто этому мягкотелому папе было стыдно за то, что он позволил преследовать своих бывших *протеже*, он поставил лютеран в один ряд с ними. Он также был осторожен и не позволял фанатичным доминиканцам захватить власть над маррано. Духовник короля, францисканец, мягкосердечный Диогу де Сильва, был назначен генеральным инквизитором Португалии. Были учреждены три трибунала - в Лиссабоне, Эворе и Коимбре - на основе "Конституции" испанских судов, введенной Торквемадой и усовершенствованной, то есть ставшей более строгой, его преемниками. После того, как король и вельможи лишили их защиты, португальские марраны оказались в гораздо худшем положении, чем их испанские собратья. Население долгое время так ненавидело их, что даже в остальном честные христиане становились осведомителями, тогда как в Испании шпионов приходилось специально нанимать для этой цели.

Когда инквизиция начала свою отвратительную работу, многие из маррано, естественно, подумывали о том, чтобы покинуть страну. Но бежать было нелегко; с ними все было так же, как с их предками, когда они выходили из Египта— враг позади, море со всеми его опасностями и ужасами впереди. Был принят закон (14 июня 1532 г.), строго запрещающий эмиграцию в Африку, не исключая даже португальские колонии. Капитанов предупредили, чтобы они под страхом смертной казни не носили маррано, и всем христианам было запрещено покупать недвижимость у новохристиан; им не разрешалось отправлять свои товары за границу или производить обмены дома. Тем не менее, многие из них готовились к эмиграции, чтобы "бежать из страны, которой коснулся ядовитый змей" (инквизиция); но прежде чем они успели даже ступить на борт корабля, они, их жены и дети были схвачены и поспешно препровождены в мрачные подземелья, откуда их потащили на костер. Другие погибли в морских волнах, прежде чем смогли добраться до судна, которое должно было доставить их в безопасное место. Многих вытащили из самых скрытых убежищ и сожгли заживо. Те, кто вырвался из когтей этого кровожадного монстра, не нашли облегчения в чужих землях — они были заключены в тюрьму во Фландрии, арестованы во Франции, недоброжелательно приняты в Англии. В дополнение к таким мучениям многие потеряли свое состояние и, как следствие, свою жизнь. Те, кто добрался до Германии, погибли в страшных страданиях в Альпах, оставив жен, которые вот-вот должны были стать матерями, которые на холодных и пустынных дорогах рожали детей и переживали новую форму несчастья.

Тем не менее, Марраны не прекратили своих попыток к бегству, но преследовали их с повышенной осторожностью. Другого выхода из создавшегося положения у них не оставалось. Призывы к справедливости и человечности, а также призывы к их гарантированным правам и привилегиям не нашли отклика в кабинете министров.

Марраны, бежавшие в Рим, горько жаловались папе Клименту на бесчеловечность, с которой инквизиция преследовала их и их братьев, и настаивали на том, что король получил буллу

обманным путем, поскольку факты дела не были представлены папской консистории в надлежащем свете. Они особенно жаловались на то, что эмиграция была запрещена, что прямо противоречило юридическому равенству, которое было предоставлено. Климент VII, сожалеющий о том, что издал буллу, к которой его вынудили, сочувствовал их недовольству. Возможно, он также чувствовал, что костры инквизиции, примененные против тех, кто не был ни католиками, ни добровольно обращенными, заклеили католическую церковь и дали лютеранам больше материала для продолжения их враждебных нападков, для изображения ее как кровожадного и справедливого объекта ненависти. Более того, он прекрасно понимал, что инквизиция была введена в Португалии только потому, что этого желали Испания и его заклятый враг император Карл, с целью поставить Португалию в недвусмысленно зависимое положение. Поэтому Климент разработал план по отмене буллы. В это время Соломон Молчо и Дэвид Рубени возобновили свою мистическую деятельность и задумали дерзкий план отправиться к императору в Ратисбон, где в то время заседал рейхстаг. С развевающимся знаменем, на котором были вышиты буквы "Махби" (инициалы еврейских слов стиха "Кто подобен тебе среди богов, о Господь"), они отправились из Болоньи через Феррару и Мантую в Ратисбон. Император Карл дал им аудиенцию, и они, вероятно, искренне защищали интересы евреев. В необоснованном и неправдоподобном сообщении утверждается, что они пытались обратить императора в иудейскую веру. Но они не были настолько беспечны, чтобы предпринять эту попытку. Они просто обратились к императору с просьбой разрешить маррано вооружиться и, присоединившись к еврейским племенам, напасть на турок. Джослин из Розхайма, который тоже был в Ратисбоне, тщетно предупреждал их не обращаться с такой просьбой. В конце концов Карл заковал их обоих в цепи (июнь-сентябрь 1532 г.) и отвез скованными в Мантую. Знамя оставили в Ратисбоне. По желанию императора в Мантуе была организована инквизиция, и Молчо был приговорен к сожжению за рецидив и ересь. Пока император развлекался триумфальными шествиями, празднествами, охотой, спектаклями и всеми мыслимыми увеселениями, погребальный костер лиссабонского Маррано был сложен и подожжен. Они привели его к месту казни с кляпом во рту, ибо его красноречие было настолько сильным и убедительным, что император и трибунал опасались его воздействия на толпу. Поэтому он был вынужден хранить молчание. Но когда палачи были готовы бросить его в пылающий костер, прибыл курьер от императора, вынул кляп и спросил его от имени императора, раскаивается ли он в своих преступлениях и желает ли вернуться в лоно церкви; если да, то он должен быть помилован. Как и следовало ожидать, Молчо ответил, что он страстно желал умереть мучеником, "жертвой всесожжения, приятного благоухания Господу", что он раскаивается только в одном - в том, что в юности он был христианином. Пришла жизнь, пришла смерть, он вверил свою душу Богу. Затем он был брошен в пламя и умер с непоколебимым постоянством.

Молчо был жертвой фантазмагии, заблуждения, в которое он позволил себе впасть, вступив в противоречие с реальностью. Богатые дары, которыми наградила его природа — красивая личность, яркое воображение, быстрое восприятие, готовый энтузиазм, — которые были бы ступенями на лестнице богатства для любого менее фантастического персонажа, только погубили его, потому что, увлекшись водоворотом Каббалы, он наивно надеялся совершить дело искупления. У Давида Рубени не было даже венца мученика. Карл увез его в Испанию и бросил в темницу инквизиции, в которой он жил еще три года спустя. Похоже, что в конце концов он был умерщвлен ядом. Поскольку он был евреем, инквизиция не имела над ним власти. Но многие из испанских маррано, имевших с ним связь и чьи имена он, вероятно, выдал на дыбе, были сожжены заживо.

Энтузиазм по отношению к Молчо был настолько велик, что ему приписали ошибочную веру и придумали различные небылицы о нем. В Италии и Турции многие считали, что он в этот раз, как и однажды прежде, избежал смерти. Некоторые говорили, что видели его через неделю после аутодафе; другие утверждали, что он навел свою невесту в Сафете. Джозеф Каро, чье имя вскоре стало широко известно, жаждал мученичества, подобного мученичеству Молчо. Даже осмотрительный Джозеф Коэн из Генуи, тщательный историк, питающий отвращение к вере в чудеса, был ошеломлен и не знал, что думать об этом деле. Итальянский каббалист Джозеф из Арли не оставлял надежды на то, что время Мессии, объявленное и подготовленное Молчо, скоро наступит в еврейском мире. Смерть Молчо, по его словам, вскоре обнаружат мстители. По-детски переставив буквы двух стихов из книги Пророка Исаяи (Нотарикон), он предсказал падение религии Иисуса по разным причинам: волнения Лютера, появление множества новых сект среди христиан, недавнее разграбление Рима и взаимно враждебное отношение папы и императора.

Каббалист из Арли был недоброжелателен к папе, хотя и необоснованно, поскольку он определенно не был виновен в смерти Молчо; напротив, папе приходилось наблюдать, как император, преследуя свои собственные цели, казнил одного и заключил в тюрьму другого из своих фаворитов. Однако Климент, похоже, предпринял встречный ход. Он стремился добиться отмены роковой буллы, санкционирующей институт инквизиции в Португалии, или, по крайней мере, сделать ее менее радикальной по своим последствиям. Марраны знали это и прилагали все усилия, чтобы привлечь папскую курию на свою сторону. Как только они поняли, что на Соломона Молчо, их самого успешного защитника, больше нельзя рассчитывать, они отправили другого посланника в Рим, чтобы донести свои жалобы до папы и защитить свое дело. Этот новый защитник маррано, Дуарте де Пас, был полной противоположностью по характеру Молчо: хладнокровный, далекий от какой-либо экстравагантности, хитрый, расчетливый, смелый и красноречивый, посвященный во все хитрости дипломатии, обладающий глубоким знанием человеческой природы и способный использовать человеческие слабости в своих целях. Дуарте де Пас в течение почти восьми лет заботился об интересах португальских новохристиан. Сам он был по происхождению маррано и в награду за свои заслуги перед португальским двором в Африке получил важный пост и доверие короля Жуана III. Избранный королем для выполнения секретной миссии и произведенный в рыцари ордена Христа (именуемого также *Commendatore*) в день своего отъезда, он отправился не в назначенное место, а в Рим, чтобы работать на Маррано. Дуарте де Пас сплел нити своих интриг так запутанно, что по сей день невозможно точно установить, кого именно он обманул, то ли короля, то ли Маррано. Его клиенты, Маррано, хорошо снабжали его деньгами, которые, к добру или ко злу, были всемогущи при папском дворе. Дуарте де Пас добился значительных успехов в обмен на свои старания и подарки. Климент заново убедился, что новохристиане совершили самую чудовищную несправедливость, потребовав принятия католической ортодоксии от тех, кого с грубой силой тащили креститься, и отказав им в свободе выезда за пределы Португалии. Папа римский издал апостольское послание (17 октября 1532 г.), прекращающее деятельность инквизиции до дальнейшего уведомления. Дуарте де Пас продолжал свои усилия по обеспечению всеобщего помилования для всех осужденных или заключенных в тюрьму маррано. Похоже, что интриги в пользу Марранов плелись даже при дворе Жуана III. Партия, поддерживавшая инквизицию, работала в интересах Испании и, принимая во внимание вероятность того, что король останется бесплодным, страстно желала объединить португальскую корону с испанской. С другой стороны, национальная партия, которая

стремилась сохранить независимость Португалии, похоже, была против инквизиции. Поэтому заговоры и контрзаговоры продолжались в течение нескольких лет до такой степени, что генеральный инквизитор Диого де Сильва (назначенный самим папой) заявил, что не возьмет на себя столь большую ответственность, и подал в отставку со своего поста. Дуарте де Пас получил вторую чрезвычайно важную справку от папы Климента. Папа признал справедливыми и законными причины, на которых новохристиане настаивали, чтобы оправдать отсутствие у них привязанности к церкви.

"Поскольку их силой притащили креститься, они не могут считаться членами церкви, и наказывать их за ересь и рецидивы означало нарушать принципы справедливости. С сыновьями и дочерьми первых Маррано дело обстоит иначе, они принадлежат церкви как добровольные члены. Но, поскольку они были воспитаны своими родственниками в среде иудаизма и их пример постоянно был у них перед глазами, было бы жестоко наказывать их в соответствии с каноническим правом за то, что они придерживались еврейских обычаев и верований; они должны оставаться в лоне церкви посредством мягкого обращения".

Этим заявлением Климент VII отменил власть португальской инквизиции, приказал, чтобы донос на Марраноса был передан в его собственный трибунал, и даровал всем полное отпущение грехов или амнистию за прошлое отступничество от церкви. Те, кто томился в застенках инквизиции, должны были быть освобождены, изгнанным позволено вернуться, а тем, у кого отняли их имущество, - вернуть его. Климент заявил со свойственной папству лживостью, от которой не могли освободиться даже лучшие папы, что он издал это заявление по собственной воле, без подсказки Маррано, хотя весь мир знал обратное, и подсчитал, сколько скуди получил престол за это письмо. Климент также объявил, что все, кто должен сопротивляться этому брифингу, как духовенство, так и миряне, находятся под запретом, и срочно потребовал от своего посланника Марко делла Рувере, чтобы об этом стало известно по всей Португалии. Чтобы отдать справедливость папе Клименту VII, нужно сказать, что он стойко защищал дело человечности по отношению к несчастным Маррано от кровожадного духа христианства своего времени, хотя следует признать, что его действиями могли руководить другие и не совсем чистые мотивы, а именно ненависть к Карлу V, который поддержал предложение о португальской инквизиции, и жадность к денежным суммам, выплаченным ему и его вассалам. Мысль о том, чтобы отдать маррано на милость этих кровожадных негодяев в Португалии, была нелегкой. Хотя этот вопрос был тщательно обсужден, Климент назначил комиссию, состоящую из двух нейтральных кардиналов, Де Цезиса и Кампеджио, для повторного рассмотрения этого вопроса. Великий пенитенциарий Антонио Пуччи, кардинал де Сантискатро, не мог быть исключен, хотя и являлся сторонником португальского двора. Тем не менее, эта комиссия официально засвидетельствовала совершение инквизицией дьявольских зверств против псевдохристиан. В результате их доклада Климент VII (26 июля 1534 г.), чувствуя, что его конец близок, обратился к нунцию при португальском дворе с просьбой добиться освобождения и отпущения грехов заключенных Маррано. Их было около тысячи двенадцати сотен, и можно сомневаться, что это краткое сообщение привело к их освобождению. Смерть Климента (25 сентября 1534 г.) свела на нет его благие намерения и надежды Маррано.

Интриги, связанные с инквизицией, были сплетены заново при его преемнике Павле III Фарнезе (1534-1549), поначалу в ущерб Маррано, хотя этот папа принадлежал к старой школе мирских, дипломатических, ни в коем случае не фанатичных князей церкви. Он был тонким интриганом и уделял больше внимания земным силам, чем небесным. Павел III был особенно благосклонен к

евреям. Если описание, сделанное недалеким епископом (Садоле Карпантрасским), соответствует действительности лишь в малой степени, это все же доказывает, что это дружелюбие, должно быть, было замечательным. "Ни один папа никогда не оказывал христианам столько почестей, таких привилегий и уступок, сколько Павел III оказал евреям. Им не только помогают, но и положительно вооружают льготами и прерогативами". У Павла III был обычный врач-еврей Якоб Мантин, который посвятил ему некоторые из своих работ.

Как только Павел III взошел на папский престол, король Португалии считал крайне важным добиться отмены булл и записок Климента в пользу Марранов и выступить против инквизиции. Но Дуарте де Пас, адвокат Маррано, которому оказали помощь в деле Диого Родригеса Пинто, не жалел усилий, чтобы воспротивиться предполагаемому изменению политики. В золоте тоже не было недостатка. Дуарте де Пас, хотя и был явно вовлечен в предательскую переписку с королем доном Жуаном, предложил кардиналу Сантикатро, стороннику Португалии, ежегодную пенсию в размере 800 крестовых походов, если он окажет поддержку Маррано. Папа, каким бы дипломатически осторожным он ни был и не склонный связывать себя обязательствами, сначала решил (3 ноября 1534 г.), что послание Климента не должно быть обнародовано. Но когда он узнал, что постановление уже вступило в силу, он распорядился вновь рассмотреть дело и с этой целью назначил двух кардиналов, Гинуччи и Симонетту, из которых первый решительно высказался в пользу Маррано, опубликовав работу в их защиту. Результатом их расследования стало то, что Павел III решительно призвал португальский двор подчиниться булле Климента VII об отпущении грехов. Он был решительно против заключения Маррано в недоступные темницы и против конфискации их имущества. Но католические короли того времени проявляли послушание папскому престолу только до тех пор, пока это соответствовало им самим и их интересам; поэтому Жуан III почти не прислушивался к увещаниям папы. Его посланник даже посоветовал ему, чтобы продолжить инквизицию, порвать с Римской церковью, как это сделала Англия. Вокруг этого дела в Риме и Португалии была раскручена целая паутина интриг. В Португалии двор был на одной стороне, а лидеры маррано, Томе Сарран и Мануэль Мендеш, с папским легатом — на другой; в Риме Дуарте де Пас и Пинту выступали против португальского посла и кардинала Сантикатро или вместе с ними.

Испытавший отвращение и усталость Павел III, который не так-то легко отказался от однажды сформированного намерения, издал новую решающую буллу (2 октября 1535 г.), дарующую отпущение грехов маррано и защищающую их от всех церковных и гражданских наказаний за рецидив и ересь, при условии, что они не будут виновны в подобных преступлениях в будущем. Инквизиция в Португалии, которая для вида не могла действовать без разрешения папы римского, была в очередной раз арестована. Нунций энергично взялся за дело, сделал буллу известной по всей Португалии и довел дело до того, что даже враждебно настроенный инфант Дон Альфонсо открыл двери тюрьмы, чтобы освободить тех, чье освобождение было так настойчиво рекомендовано Римом. Всего было освобождено восемнадцать сотен маррано (декабрь 1535 г.).

Поначалу ошеломленный, как от внезапного удара, португальский двор позже снова привел в действие все рычаги, чтобы получить суверенную власть над Марранами и их собственностью. Оно не гнушалось убийств, чтобы добиться своих целей. Однажды на Дуарте де Пас напали наемные убийцы на большой дороге, и он остался лежать там мертвым, покрытый четырнадцатью ранами (январь 1536 года). Весь Рим считал убийц наемниками португальского двора. Папа был сильно раздосадован этим преступлением и послал врачей, чтобы они оказали

прокуратору всяческое внимание, который в конце концов выздоровел. Тем не менее, в отношении инквизиции папе пришлось подчиниться пожеланиям португальского двора, который наконец нашел правильный способ достичь своей цели. Оно обратилось к победоносному Карлу V с настоятельной просьбой разобраться с этим делом. Как раз в то время император вел тяжелую битву близ Туниса с магометанином Барбароссой, который при поддержке Турции вызвал беспокойство во всем христианском мире. После долгих сражений многочисленное воинство христиан, возглавляемое самим Карлом, одержало победу, и Барбаросса потерпел поражение.

Когда Карл прибыл в Рим после триумфального шествия по Италии, он попросил папу римского в награду за его победу во имя христианства санкционировать инквизицию в Португалии. Павел III не сдался без борьбы. Он всегда возвращался к утверждению, что португальских маррано изначально силой тащили креститься и что, следовательно, таинство не имело над ними никакой власти.

К несчастью для Марранов, их средства для удовлетворения жадности папского двора к золоту были исчерпаны. Их адвокат Дуарте де Пас пообещал непомерные суммы за срыв расследования инквизиции и незаконно присвоил себе часть доверенных ему денег. Таким образом, псевдохристиане оказались вынуждены, когда папский нунций потребовал оплаты, заявить, что они не в состоянии выполнить преувеличенные обещания Дуарте де Паса. Более того, эта торговля между нунцием и Маррано была предана, и последнему пришлось проявлять еще большую осторожность. Следовательно, интерес к Маррано при папском дворе постепенно остыл. По мере того как император оказывал все большее давление на Павла III, требуя санкционировать инквизицию в Португалии, папа наконец санкционировал трибунал для португальских доминионов (23 мая 1536 года). Папа, каким бы другом евреев он ни был, дал свою санкцию с тяжелым сердцем, вынужденный к этому давлением императора. Он добавил всевозможные ограничения, что в течение первых трех лет необходимо придерживаться метода судопроизводства в нынешних гражданских судах, *т.е.* открытой очной ставки со свидетелями — по крайней мере, в отношении того класса маррано, который не пользовался большим уважением, — и что конфискация имущества осужденных Маррано должна производиться только по истечении десяти лет. Лично папа рекомендовал мягкие меры в обращении с псевдохристианами. Радость дона Жуана от окончательного исполнения желания его сердца была так велика, что он принял условия. Но уступка была лишь притворством; на самом деле к португальским маррано применялась та же строгость, что и к испанцам. Опубликованное инквизицией предостережение о том, что долгом каждого является, под страхом отлучения от церкви или еще более сурового наказания, осуждать любые еврейские обряды или выражения новохристиан, ни в чем не отличалось от того, что было опубликовано первым кровожадным испанским инквизитором Торквемадой. В ноябре того же года, по истечении тридцати так называемых дней отсрочки, кровавый трибунал начал свою отвратительную деятельность, в очередной раз оскорбляя и бесчестя человеческую природу. Португальская инквизиция проводилась едва ли не с большей жестокостью, чем испанская, потому что, с одной стороны, ее введение стоило стольких хлопот, и общественное мнение было этим озлоблено; с другой стороны, потому что португальские марраны были более стойкими, чем их испанские братья, и, наконец, потому что простые люди поддерживали инквизицию и принимали участие в борьбе с новохристианами. Жуан III даже заставил их носить отличительный знак, чтобы заметно отличать их от других христиан.

Однако они не стали бездейтельно признавать свое поражение, а скорее принялись за работу со всей мыслимой энергией, чтобы добиться отмены буллы. При папском дворе снова завязались тончайшие интриги. Дуарте де Пас еще раз продемонстрировал свое дипломатическое мастерство. Марраны жаловались на жестокое обращение судей, которые пренебрегали указаниями папы римского. В частности, они жаловались на то, что им по-прежнему было отказано в свободе эмигрировать и распоряжаться своей недвижимостью.

В мемориале папе римскому они отважились на почти угрожающие высказывания:

"Если ваше Святейшество пренебрегает молитвами и слезами еврейской расы или, вопреки нашим надеждам, отказывается уладить наши обиды, как подобает наместнику Христа, тогда мы протестуем перед Богом, и со слезами и воплями, которые будут слышны издалека, мы протестуем перед лицом вселенной, что наши жизни, наша честь, наши дети, которые являются нашей кровью, само наше спасение стали мишенью преследований, мы, тем не менее, попытаемся держаться в стороне от еврейской веры; но если тирания не прекратится, мы сделаем то, чего никто из нас не сделал бы". иначе подумайте о том, чтобы, *то есть*, вернуться к религии Моисея и отречься от христианства, которое нас заставляют принять силой. Мы торжественно громко заявляем, что мы являемся жертвами по праву, которое дает нам этот факт — праву, которое признает ваше Святейшество. Покидая нашу родную землю, мы будем искать защиты у менее жестоких народов".

Вернувшийся из Португалии нунций, зная по многолетнему опыту положение людей и дела, сумел убедить папу в том, что его санкция инквизиции была ошибкой, и поскольку Павел III лишь уступил сиюминутному давлению, вскоре настроения изменились, и он раскаялся в содеянном. Он зашел так далеко, что снова передал свою буллу в комитет, который должен был проверить ее законность. В эту комиссию был избран друг Марраноса, кардинал Гинуччи, а также другой единомышленник, Якобачио. Они ухитрились настроить третьего члена совета, честного, но ограниченного кардинала Симонетту, против инквизиции, так что он умолял папу исправить положение, отменив свою прежнюю буллу. В Португалию был направлен другой нунций, наделенный полномочиями в определенных пределах аннулировать действия инквизиции против маррано, защитить последних и, в частности, облегчить их эмиграцию из Португалии. Папа направил нунцию краткое послание (датированное августом 1537 г.), уполномочивающее и, в некоторой степени, поощряющее всех оказывать защиту и помощь обвиняемому Марраносу — фактически, делать именно то, что в Португалии считалось попустительством ереси и участием в ней. Король, должно быть, был изрядно озадачен. Наконец—то у него были бык, трибунал, великий инквизитор и его коллеги - весь аппарат бойни во славу Божью, — а с таким же успехом у него могло вообще ничего не быть.

Инцидент снова изменил шансы в игре в пользу короля и фанатиков. Однажды (февраль 1539 г.) на двери Лиссабонского собора был обнаружен плакат: "Мессия еще не явился — Иисус не был Мессией, а христианство - ложь". Вся Португалия была возмущена таким богохульством, и было начато строгое расследование, чтобы найти преступника. Король предложил награду в 10 000 крузадо (дукатов). Нунций также предложил 5000 крестовых походов, поскольку он, как и многие другие, придерживался мнения, что это был удар какого-то врага Марранов, направленный на то, чтобы еще больше возбудить фанатизм короля и навлечь на нунция неприятности. Чтобы отвести подозрения, новохристиане разместили на том же месте объявление— "Я, автор, не испанец и не португалец, а англичанин, и хотя вы увеличите свою награду до 20 000 крестовых

походов, вы меня не раскроете". В конце концов, автором оказался маррано, некто Эмануэль да Коста. Он во всем признался, когда предстал перед инквизицией. Затем гражданский суд взял его под стражу и отправил на дыбу, чтобы заставить назвать своих сообщников. Наконец, после того, как ему отрубили обе руки, его сожгли заживо. Марраны предвидели дурные последствия для себя и обратились в бегство. Король наилучшим образом воспользовался этой возможностью, чтобы усилить строгость и кровожадность правил инквизиции и помешать усилиям нунция. Самые безумные фанатики были немедленно избраны инквизиторами, к великому гневу папы и его нунция. Жуан Соареш, которого сам папа однажды назвал "не образованным, а самым смелым и амбициозным монахом, с мнениями и идеями самого худшего толка, который гордится своей враждой к апостольскому престолу", теперь получил неограниченную власть над жизнями новохристиан, а его коллегой был Малло, заклятый враг новохристиан. Для маррано положение дел с каждым днем становилось все хуже. По трем пунктам папа проявил непоколебимую твердость: инфант Дон Энрике не должен оставаться великим инквизитором; Марранам, обвиняемым в ереси, должны быть объявлены имена свидетелей (то есть их обвинителей); наконец, после вынесения приговора им должно быть разрешено обратиться в папский апелляционный суд. Действительно, Павел III приказал составить новую буллу (12 октября 1539 г.) — дополнение к той, что была издана тремя годами ранее, — которая во всем была благоприятна для новохристиан и полностью подорвала бы инквизицию. Но и это тоже осталось мертвой буквой. После этого костры для упрямых еретиков разжигались чаще, чем когда-либо, и приносили больше жертв (от десяти до сорока в год), не разрешая им обращаться к папе. Осужденные и подозреваемые марраны заполнили тюрьмы.

Современный поэт Самуэль Уске рисует ужасающую картину пыток португальской инквизиции, которые он сам пережил в юности:

"Его учреждение лишало евреев душевного покоя, наполняло их души болью и печалью и уводило их от домашнего уюта в мрачные подземелья, где они жили среди мучений и вздохов тоски. Она (инквизиция) накидывает им на шею веревку и тащит их в огонь; благодаря ее указам они должны увидеть, как их сыновей убивают, мужей сжигают заживо, а братьев лишают жизни; должны увидеть, как их дети становятся сиротами, увеличивается число вдов, богатые становятся бедными, могущественные низвергаются, благородного происхождения превращаются в грабителей с большой дороги, целомудренные, скромные женщины попадают в непристойные, позорные жилища, из-за нищеты и дезертирства, которые последуют за этим. Он уничтожил цифры, но не одну за другой, а по тридцать, по пятьдесят за раз. Не довольствуясь простым сожжением и разрушением, это побуждает христиан хвастаться такими деяниями, радоваться, когда их глаза видят членов моего тела (сынов Иакова), сгорающих заживо в огне, зажженном хворостом, принесенным издалека на человеческих плечах. Те, кто крещен против своей воли, крадутся повсюду, охваченные страхом перед этим свирепым чудовищем (Инквизицией); они отводят глаза по сторонам, чтобы оно не схватило их. С неуверенными сердцами они ходят взад и вперед, дрожа как осиновый лист, их внезапно охватывает ужас, и они останавливаются, чтобы он не захватил их в плен. Когда они садятся вместе за стол, каждый кусочек они с тоской подносят ко рту. Час, который приносит покой всем остальным существам, только усиливает их беспокойство и истощение. Во время бракосочетания и рождения детей радость и пиршество оборачиваются скорбью и душевным беспокойством. Словом, нет ни одного момента, за который не было бы заплачено тысячей смертельных страхов. Ибо

недостаточно того, что они внешне называют себя христианами. В их сердцах бушует огонь, их мучения неисчислимы".

Не преувеличено ли это описание? Превратило ли воображение поэта мелкие страдания в муки мученичества? Каждое его слово подтверждается собранием кардиналов, официально собранным для расследования действий португальской инквизиции против Маррано.

"Когда псевдохристиан изобличается — часто лжесвидетелями, — инквизиторы уводят его в мрачное убежище, где ему не позволено видеть ни неба, ни земли, и уж тем более разговаривать со своими друзьями, которые могли бы ему помочь. Они обвиняют его на основании неясных показаний и не сообщают ему ни о времени, ни о месте, где он совершил преступление, за которое его обвиняют. Позже ему разрешают нанять адвоката, который часто, вместо того чтобы защищать его дело, помогает ему на пути к костру. Стоит несчастному существу признать себя истинно верующим христианином и твердо отрицать предъявленные ему обвинения в преступлениях, как они приговаривают его к сожжению и конфискуют его имущество. Пусть он признает себя виновным в таком-то поступке, пусть и совершенном непреднамеренно, они обращаются с ним подобным образом под предлогом того, что он упрямо отрицает свои злые намерения. Пусть он свободно и полностью признает то, в чем его обвиняют, он доведен до крайней необходимости и приговорен к вечному мраку темницы. И это они называют милосердным обращением с обвиняемым и христианским милосердием! Даже тот, кому удастся четко доказать свою невиновность, обречен на уплату штрафа, чтобы нельзя было сказать, что он был арестован без причины. Обвиняемые, находящиеся в заключении, подвергаются всем видам пыток, чтобы признать выдвинутые против них обвинения. Многие умирают в тюрьмах, а те, кого выпускают на свободу, вместе со всеми их родственниками несут клеймо вечного позора".

По мере того как инквизиция становилась все более суровой и кровожадной, португальские новохристиане со все возрастающим упорством цеплялись за последний оставшийся якорь надежды — за папу римского и других своих защитников. Они нашли нового защитника и посредника, который пообещал быть более честным и энергично действовать от их имени. Битва между португальским двором и папским престолом разгорелась с новой силой. Это была война не на жизнь, а на смерть, не для тех, кого это касалось непосредственно, а для несчастных существ, которые, несмотря на самоподавление, не могли примириться с христианством, но в то же время не были достаточно мужественны, чтобы пострадать за иудаизм, — которые не отказались бы ни от убеждений, ни от богатства, ни от положения. Чтобы повлиять на папу или, по крайней мере, на тех, кто был близок к нему, против маррано, инфант и великий инквизитор Энрике составили список правонарушений новохристиан и отправили в Рим (февраль 1542 г.). Марраны, также, чтобы вырвать оружие из рук своих противников в Риме и других местах и на все времена опровергнуть лживые сообщения и заявления португальского двора, составили объемистый мемориал (1544 г.), подробно описывающий их тяжелую судьбу со времен королей Жуана II и Мануэля, которые вынудили их принять христианство, до самых недавних времен, и подтверждающий их заявления документальными свидетельствами — памятник вечного позора той эпохи.

Однако эти взаимные обвинения ни к чему не привели. Наконец, когда они увидели, что ничто не остановит отвратительную деятельность инквизиции теперь, когда она когда-то была

вызвана к существованию, папа и Марраны почувствовали, насколько чрезвычайно важно для них добиться по крайней мере двух уступок. Во-первых, свободное право эмиграции из Португалии для новых христиан; во-вторых, общее отпущение грехов (Perdaõ) для тех, кто уже осужден или заключен в тюрьму, при условии, что они пообещают отказаться от своего еврейского вероисповедания и оставаться добрыми христианами в будущем. Но это были те самые пункты, по которым король и доминиканцы не хотели уступать. Словно бросая вызов папе, король издал указ (15 июля 1547 г.), согласно которому в течение еще трех лет ни один новообращенный христианин не мог покидать Португалию без специального разрешения или выплаты крупной суммы денег.

Павел III чувствовал себя искалеченным. Он мог содрогаться от жестокости португальской инквизиции — огромные суммы, которые Марраны тратили на него и его подхалимов, могли быть очень необходимы для проведения его политики в Италии и ведения войны против протестантов, и все же он не осмеливался проявлять слишком суровую решимость воспротивиться решению лиссабонского суда. Он тоже находился во власти католических фанатиков. Чтобы бороться с протестантскими еретиками и восстановить папское достоинство, он санкционировал учреждение ордена иезуитов (1540), которые начертали на своем знамени лозунг "Воинствующая церковь". Он согласился на предложение фанатичного Пьетро Караффы организовать инквизицию в Риме (1542). Теперь Лойола и Караффа правили Римом, а папа был всего лишь их орудием. Более того, должен был быть созван Тридентский собор для установления стандарта веры, посредством которого протестанты должны были быть смиренны, а их влияние подавлено. Павлу III нужны были пылкие фанатичные помощники, чтобы поддерживать теплоту духа на должном уровне. Таких людей могли предоставить только Испания и Португалия. В Португалии иезуитам был оказан самый дружелюбный прием. Таким образом, папа мог оказывать лишь умеренное сопротивление португальскому двору и обращаться с просьбами там, где он должен был отдавать приказы.

На соборе епископ Бальтазар Лимпо был достойным представителем фанатичного короля Португалии и осмелился использовать выражения против папы, которые должны были ясно показать ему, что он больше не хозяин в своем собственном доме. Епископ яростно просил Павла III окончательно санкционировать инквизицию против рецидивистов-новохристиан и осудил его сочувствие им. Он справедливо заметил:

"Как христиане и под христианскими именами они тайком покидают Португалию и забирают с собой своих детей, которых они сами взяли на руки для крещения. Как только они прибывают в Италию, они выдают себя за евреев, живут по еврейским обычаям и делают обрезание своим детям. Это происходит под присмотром папы римского и папского престола, в стенах Рима и Болоньи, и происходит это потому, что его Святейшество даровал еретикам привилегию, согласно которой в Анконе никто не может приставать к ним из-за их веры. При таких обстоятельствах король не может предоставить им право свободного выезда из страны. Возможно, его Святейшество просит об этом для того, чтобы они могли поселиться в его штатах как евреи, и папский престол извлек из этого выгоду. Вместо того чтобы препятствовать созданию инквизиции в Португалии, долгом его Святейшества должно было быть уже давно ввести ее в своих собственных владениях".

Папа мог бы ответить на такую речь, если бы у него была чистая совесть, и он действительно проповедовал христианство как религию мягкости и человечности. Но поскольку он нуждался в

слепом фанатизме, чтобы продолжать упорную войну с протестантизмом, и с началом войны против последнего издал смертоносную буллу ("О кресте"), в которой католики от имени наместника Христа призывались "поражать протестантов до смерти", он не мог ничего ответить, когда заговорил Лимпо. Он был пойман в свою собственную ловушку. Тем не менее, он пытался спасти одно - право Маррано на свободную эмиграцию из Португалии; при этом условии он уступит португальскому двору. Но новохристиане, желающие покинуть свою землю, должны будут предоставить гарантии того, что они не эмигрируют в неверные страны, такие как Турция или Африка. На это епископ Лимпо также дал убедительный ответ:

"Имеет ли тогда какое-либо значение, найдут ли эти еретики убежище у неверных правительств или прибудут в Италию? В Анконе, Ферраре или Венеции им делают обрезание, а затем отправляют в Турцию. У них, конечно, есть папские привилегии, так что никто не смеет спрашивать их, не евреи ли они! Они не носят никаких отличительных знаков и могут ходить неприкрытыми и свободными, где им заблагорассудится, могут соблюдать свои церемонии и посещать свои синагоги. О, сколько здесь тех, кто был крещен в юности в Португалии, или приговорен к смерти, или сожжен как чучело! Дайте им свободное право эмиграции, позвольте им ступить на землю неверных, и они смогут открыто признать себя евреями. Король никогда не допустит, ни один богослов — правильно ли я говорю "богослов"? — ни один простой христианин не смог бы посоветовать такого. Вместо того, чтобы его Святейшество прилагал все усилия для обеспечения безопасности тайных евреев, пусть он увеличит число инквизиций в своих собственных штатах и накажет не только еретиков-лютеран, но и еретиков-евреев, которые ищут убежища и защиты в Италии".

Еще одно обстоятельство вынудило Павла III проявить уступчивость. Карл V, вдохновленный на это своей победой над протестантами (апрель 1547 г.), стремился поставить себя выше папства и хотел бы видеть установленным новый ритуал, приемлемый как для протестантов, так и для католиков. Это было равносильно объявлению войны папе римскому. Таким образом, последний был вынужден порвать с императором, и, чтобы он не мог устоять без поддержки против столь могущественного врага, необходимо было привлечь на его сторону Португалию и центральные католические государства. Чтобы примирить Португалию, он отправил туда специального комиссара, снабженного буллами и протоколами, в которых он частично санкционировал инквизицию, хотя и просил, чтобы она применялась мягче. Однако прежде всего, новохристиане, обвиненные в ереси и так называемом рецидиве, не должны были быть приговорены в настоящее время, но должны были быть привлечены к ответственности за свое поведение в будущем. Даже тогда, в течение первых десяти лет, имущество закоренелых еретиков нельзя было трогать, оно переходило к их наследникам. Он согласился на ограничение эмиграции маррано, на котором так настойчиво настаивал португальский суд.

Тюрьмы инквизиции в Лиссабоне, Эворе и других городах были открыты в соответствии с общим отпущением грехов папой для новохристиан, и тысяча восьмьсот человек были освобождены (июль 1548 г.). Вскоре после этого всех маррано собрали вместе и заставили отречься от своих иудействующих наклонностей. Только с этого момента они были признаны полноценными христианами и подлежали наказанию в случае еретического проступка. Короче говоря, папа пожелал королю проследить за тем, чтобы трибуналы были милосердны даже к еретикам, поскольку они соблюдали еврейские обряды только по привычке. Таким образом, на протяжении всей своей жизни папа Павел III принимал сторону Маррано. Тем не менее, они

пали жертвами своей трагической судьбы. Было жестокой несправедливостью требовать от них открытого исповедания католицизма, когда они всем сердцем протестовали против этого, а затем наказывать их, когда их уличали в исполнении еврейских обрядов или церемоний. С другой стороны, государство никогда не могло допустить, чтобы целый класс населения, внешне принадлежащий к церкви, был в определенном смысле свободен выставлять церковь на посмешище. Справедливость, безусловно, требовала, чтобы Марраны имели свободу выбора: либо эмигрировать, либо признать себя подлинными членами церкви. Но, как признал суд, их потеря означала разорение государства, поскольку марраны еврейского происхождения составляли наиболее прибыльный класс городского населения. Их капитал и далеко идущие деловые операции увеличили доходы, вызвали общее денежное обращение и сделали доступным сырье, импортируемое из индийских и африканских колоний. Без них богатство всей страны превратилось бы в капитал, хранящийся праздно и нерентабельно. Марраны также были единственными ремесленниками, и от них зависело процветание промышленности. Очевидно, государство не могло позволить себе потерять их, и поэтому король пытался превратить их в добрых христиан с помощью ужасов инквизиции, чтобы сохранить определенную выгоду от их присутствия. Он трудился напрасно. Каждый год на костре гибли новые жертвы, но оставшиеся в живых не становились более преданными верующими. Португальский суд, в отличие от испанского, никогда не получал удовольствия от инквизиции. Португальские новохристиане, несмотря на свое исповедание, еще не были истинными христианами, на которых инквизиция могла легально, согласно каноническим законам, налагать наказание за ересь. После смерти Павла (ноябрь 1549 г.) к Юлию III было подано прошение о даровании отпущения грехов Маррано. Даже последующие папы, выступавшие за реакцию и преследования, позволили португальской инквизиции продолжаться скорее как свершившемуся факту, чем как правовому институту. Полвека спустя папа римский (Климент VIII) осудил судебные убийства инквизиции и еще раз объявил всеобщую амнистию осужденным Маррано.

ГЛАВА XVI. СТРЕМЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЕВРЕЕВ К ЕДИНСТВУ. СТРАДАНИЯ ЗАПАДА.

Усилия на пути к единству—Якоб Бераб предлагает восстановить раввинский сан в Палестине—Успешное противодействие Леви бен Шабиба—Джозеф Каро—Его связь с Соломоном Молчо и его мессианские видения—Религиозный кодекс Каро—Обращение в иудаизм в эпоху Реформации—Изгнание евреев из Неаполя и Праги—Их возвращение в последний город—Доктор Экк—Мартин Лютер и евреи—Мозес Хамон—Еврейские истории Джозефа Коэна, Ибн—Вергаса и Самуэля Уска—Элегия Самуила Уске—Реакция в католической церкви: Лойола учреждает Орден иезуитов—Цензура книг—Элиано Романо и Витторио Элиано—Новые нападки на Талмуд—Павел IV и его антиеврейские буллы—Преследование маррано инквизицией в Анконе—Джозеф Насси—Левантийские евреи—Изгнание евреев из Австрии и Богемии—Отношение пап Пия IV и V к евреям.

1538–1566 С.Е.

Каждый новый столб дыма, поднимавшийся от костров инквизиции в Испании и Португалии, гнал Маррано, поодиночке или группами, далеко на Восток, в Турцию, за пределы тени креста. Они больше не чувствовали себя в безопасности даже в Италии, поскольку папы, вопреки своим собственным высшим убеждениям, позволили переубедить себя в отношении инквизиции. Таким образом, в Турции постепенно сформировался маленький еврейский мирок, на который не посягало даже деспотическое правление султана, как бы сильно отдельные люди ни подвергались произволу. Здесь, как и в Палестине, где численность и процветание возвысили их в собственных глазах, они могли предаваться мечтам о получении некоторой степени независимости, могли стремиться к национальному и религиозному единству и надеяться реализовать свои дикие мессианские фантазии. Жизненный путь мантуанского мученика Соломона Молчо не преминул произвести впечатление; его слова эхом отдавались в ушах его братьев. В Сафете, крупнейшей общине в Палестине, где он пробыл долгое время, установив близкие отношения и пробудив надежды, исполнения его мессианских предсказаний ждали даже после его смерти. Завершение круглого числа 5300 от сотворения мира (1540) казалось подходящим годом для пришествия Мессии. Но мессианский период, согласно господствовавшим тогда представлениям, не наступил бы внезапно; израильтяне должны были внести свой вклад в подготовку пути. Маймуни, высший авторитет, учил, что мессианскому времени будет или должно предшествовать учреждение универсально признанного еврейского суда, или Синхедриона. Следовательно, ощущалась необходимость в наличии уполномоченных и должным образом назначенных судей, подобных тем, которые существовали во времена Храма и Талмуда в Палестине, и, по сути, в повторном введении давно вышедшего из употребления рукоположения (Семичах). Со стороны турецкого государства не было никаких препятствий, которых можно было бы опасаться. Как бы то ни было, раввины обладали своей собственной гражданской и даже уголовной юрисдикцией; но эти раввины (которые также были судьями), будучи назначенными общиной, не обладали полномочиями, требуемыми талмудическими правилами. Им было оказано послушание, но они также столкнулись с противодействием. Власть была общепринятой, не основанной на фундаменте талмудического иудаизма. Никакое единство законодательства и толкования Закона не было возможно, пока каждый раввин был абсолютен в своей собственной общине, не подчиняясь какой-либо высшей власти. Следовательно, в то время требовалось создать своего рода религиозный верховный суд, и где это можно было бы сделать, как не в Палестине? Священные воспоминания, связанные с этой страной, сами по себе могли бы придать коллегии раввинов достоинство Синхедриона. Учение, которое должно было получить всеобщее признание, могло исходить только с Сиона, а слово Божье - только из Иерусалима.

О том, насколько замечательно и необходимо было вновь ввести рукоположение раввинов высшим органом власти, говорили многие, но только у одного, острогоума, но упрямого и дерзкого Якоба Бераба, хватило энергии взяться за это дело. После долгого путешествия из Египта в Иерусалим, а оттуда в Дамаск Бераб на старости лет поселился в Сафете. Он был в хороших обстоятельствах и, благодаря своему богатству и уму, пользовался заметным уважением. Он решил придать определенное направление бесцельным идеям, витающим в умах людей относительно пришествия Мессии. Это, безусловно, была похвальная цель, но к его плану, несомненно, примешивалось какое-то небольшое честолюбие: самому стать высшим авторитетом, возможно, главой Синхедриона в Палестине, и, следовательно, почитаемым на всем Востоке и даже всей еврейской расой. Первый шаг был трудным. Рукоположение могло быть законно совершено только теми, кто сам был рукоположен, а такого не было уже очень

долгое время. Высказывание Маймуни, к счастью, послужило основанием для нового направления, а именно: когда мудрецы, собравшиеся вместе в Палестине, согласятся рукоположить одного из своего числа, они имеют на это право, и рукоположенный раввин также может рукополагать других. В то время ни одна община в Палестине по численности не могла сравниться с Сафетом, который вырос за счет частых иммиграций и насчитывал более 1000 еврейских семей. Таким образом, Сафет, или, скорее, талмудисты этого города, имели возможность восстановить достоинство Синхедриона, даже несмотря на противодействие других конгрегаций, потому что партия Сафет составляла большинство, если бы они только могли договориться. Исполняющие обязанности и не исполняющие обязанности раввины Сафета, люди без имени и славы, слишком высоко ценили интеллектуальную мощь Бераба, его талмудическую образованность и богатство, чтобы отвергать его предложение или чинить какие-либо препятствия на его пути. Одного его намека было достаточно, чтобы собрать двадцать пять человек, готовых присвоить ему звание рукоположенного судьи и раввина. Таким образом, рукоположение было восстановлено (1538), и был определен фокус для нового Синхедриона. Якоб Бераб имел право рукоположить столько коллег, сколько ему заблагорассудится. Исходя из принципов, изложенных в Талмуде, он продемонстрировал в лекции законность этого шага и опроверг все возможные возражения. Один за другим талмудисты из других конгрегаций в Палестине объявляли о своем согласии с этим нововведением. Этим шагом Бераб и его последователи думали, что достигли первого этапа подготовки к мессианской эпохе. На самом деле, это возобновление рукоположения, если и не смогло привести к наступлению мессианских времен, то вполне могло бы стать ядром еврейского единства. Восстановленный Синхедрион на Святой Земле имел бы громкое звучание в Европе, мог бы обладать особой привлекательностью и привлечь в Палестину еще больше иммигрантов. Преследования евреев в Италии и Германии, истребительная война против марранов в Испании и Португалии, жажда всего эксцентричного и необычного в эпоху, отличающуюся сильно возбужденным стремлением к Мессии, - всего этого было бы достаточным стимулом, чтобы привлечь богатых, образованных евреев из западных земель на Восток. С помощью их капитала и опираясь на авторитет Синхедриона, можно было бы организовать еврейскую общину, имеющую характер государства, и Бераб был подходящим человеком для осуществления столь грандиозного плана с настойчивостью, если не сказать упрямством.

Но сразу же возникли трудности. Следовало ожидать, что если с общиной в Иерусалиме и ее представителями не проконсультироваться относительно акта, чреватого столь серьезными последствиями, возникнет опасность того, что все соглашение будет объявлено недействительным, поскольку Святой Город должен иметь первый голос в вопросе, имеющем такое значение для Святой Земли. Якоб Бераб прекрасно понимал это и предложил в качестве первого проявления своего новоприобретенного сана рукоположить главу Иерусалимской коллегии раввинов. Леви бен Якоб Хабиб, который занимал эту должность, родился в Саморе и был примерно того же возраста, что и Бераб. В юности, во времена принудительного крещения при короле Мануэле, он стал псевдохристианином, получил имя при крещении, перекрестился и совершил другие церемонии католической церкви с сердцем, полным отчаяния. При первой же благоприятной возможности он бежал из Португалии, сбросил с себя принятые им христианские одежды, искал безопасности в Турции и, наконец, отправился в Иерусалим. Там, благодаря широкому спектру своих талмудических знаний, скорее обширных, чем глубоких, он стал раввином первым человеком в общине. Он заслужил ее благодарность, заботясь о

физическом и духовном благополучии своей паствы, особенно за то, что помог ей преодолеть беспорядочное состояние, в которое она рисковала снова впасть из-за вновь прибывших из разных стран, которые не были склонны подчиняться закону и порядку. Леви бен Хабиб также обладал некоторыми знаниями в области математики, астрономии и составления календаря. Между ним и Джейкобом Берабом, с которым он некоторое время жил в Иерусалиме, не было дружеских отношений. Несколько раз они вступали в столкновения, хотя Леви бен Хабиб всегда вел себя дружелюбно, непритязательно и избегал всего, что могло ранить его противника. В последние годы их отношения стали более близкими, но Леви бен Хабиб не мог забыть, как пренебрежительно Джейкоб Бераб относился к нему.

И теперь, как главному раввину Иерусалима, ему было предложено признать избрание Якоба Бераба первым законно рукоположенным раввином-судьей, членом Синхедриона, и с его согласия утвердить то же самое. Таким образом, Иерусалим был подчинен Сафету, а он сам - Иакову Берабу. Это было настоящим преступлением, поскольку Бераб не считал нужным заранее спрашивать согласия иерусалимской коллегии, но высокомерно обнародовал свое нововведение через указ, в котором, в силу присвоенного ему сана, он назначил Леви бен Хабиба рукоположенным судьей. В то же время он дал понять, что неодобрение из Иерусалима его мало беспокоит, поскольку это можно рассматривать только как противодействие меньшинства большинству в Сафете. Настал момент сделать важный шаг к еврейскому единству, и Леви бен Хабибу, чей голос в любом случае имел значение, не хватало великодушия. Негодование взяло верх; он забыл, что в прежние дни у него также было желание восстановить рукоположение раввинов. Как только до него дошло сообщение о теракте в Сафете, он немедленно и решительно заявил, что выступает против выборов. Однако его антагонизм, похоже, не нашел отклика в Иерусалиме, поскольку только один из его коллег-раввинов, Мозес де Кастро, принял его точку зрения, остальные молча согласились с действиями Бераба. В талмудическом и раввинском праве нельзя было не найти аргументов против возрождения рукоположения и Синхедриона. В нем существует такое запутанное множество мнений, что аргументы могут быть найдены практически за или против чего угодно. Бераб и избиратели, послушные его кивку, сами выдвинули своим оппонентам возражение. Раввинский иудаизм настолько практичен, что в нем нет места романтическому энтузиазму и сентиментальности. Евреи Сафета не осмеливались высказать вслух свою подспудную надежду на то, что через рукоположение мессианское время приблизится. Хотя раввины, возможно, были полны мессианских надежд, такой мотив для повторного введения рукоположения прозвучал бы слишком фантастично и нелепо в их собственных ушах. Других правдоподобных оснований как раз тогда найти было нельзя. Календарь праздников, который раньше составлялся посвященными членами коллегии, был установлен на тысячу лет, и теперь в него нельзя было вмешиваться. Другие случаи, когда Талмуд требовал рукоположения судьи, были слишком редкими, чтобы допустить, чтобы необходимость рукоположения была доказана на этом основании. Таким образом, жители Сафета максимально использовали причину, призванную казаться практичной и соответствующей времени, которая, тем не менее, была очень притянутой за уши. В Палестине можно было найти много марранов, которые во время своего внешнего принятия христианства были вынуждены совершать то, что, согласно Талмуду, считалось смертными грехами. С сокрушенными сердцами они раскаивались в своих прегрешениях и жаждали прощения и искупления — они не отказались от католической доктрины внешнего покаяния, когда сбросили маску христианства. Такое прощение грехов, однако (Бераб сделал вид, что это так), могло быть им даровано только тогда, когда было

применено бичевание, предписанное Законом (39 ударов); опять же, это наказание могло быть назначено только законно учрежденной коллегией. В этом заключалась необходимость рукоположения.

Если бы Леви бен Шабиб был склонен перенести свою антипатию с создателя на выполнение его работы, не составило бы труда доказать, что эта причина недействительности схемы. Не удовлетворившись этим, он выдвинул множество софизмов. Джейкоб Бераб не ожидал такого антагонизма в Иерусалиме от Леви бен Хабиба и его коллеги Мозеса де Кастро, потому что он приписывал им либо меньшее мужество, либо большее самоотречение, и это чрезвычайно озлобило его. Это было тем более болезненно для него, что их противодействие было рассчитано на то, чтобы сорвать все его начинание. Как он мог надеяться доказать, что это приемлемо для азиатских, европейских и африканских евреев, когда Иерусалим, Святой Город, не потерпел ничего подобного? А без такого признания, как он мог сделать это центральным пунктом реорганизации? Кроме того, его жизнь в Сафете была в опасности, вероятно, из-за доноса турецким властям, которые были готовы ухватиться за любую возможность завладеть его имуществом. Берабу пришлось на время покинуть Палестину. Он посвятил четырех талмудистов, как это сделал Иуда бен Баба во времена Адриана, чтобы практика рукоположения не была немедленно прекращена. Эти четверо были выбраны не из числа старших, а из числа младших раввинов, среди них Джозеф Каро, восторженный приверженец Соломона Молчо и его каббалистического мессианства, который вложил сердце и душу в схему рукоположения. Такое предпочтение, оказанное более молодым и податливым, хотя и более одаренным мужчинам, вызвало еще большую неприязнь в Иерусалиме. Два раввина Палестины в посланиях, которыми они обменивались по этому поводу (написанных с целью публикации), становились все более и более ожесточенными друг против друга, настолько оскорбительными, что самое страстное возбуждение не может оправдать их высказывания. В ответ на критическое замечание Леви бен Шабиба: "Тот, кто посвящен в сан, должен обладать не только ученостью, но и святостью", Джейкоб Бераб язвительно отозвался об обязательном принятии Леви христианства: "Я никогда не менял своего имени; посреди горя и отчаяния я всегда оставался на пути Господа". Он упрекнул Леви бен Хабиба в том, что тот все еще придерживается христианских догм. Этот удар достиг сердца его противника. Последний признался, что в день принудительных крещений в Португалии его имя было изменено, что он стал христианином и что он не смог умереть за религию своих отцов. Но в качестве оправдания он сослался на свою молодость; ему не было и двадцати лет, он оставался псевдохристианином едва ли год и надеялся, что поток слез, которые он пролил с тех пор и которые проливает до сих пор, смоев его грех перед Богом. После этого унижения жестокость Леви бен Хабиба по отношению к Берабу не знала границ. Он осыпал его самыми грубыми оскорблениями и заявил, что надеется никогда больше не встречаться с ним лицом к лицу. Из-за этого невозддержанного насилия главного раввина Иерусалима и смерти Бераба, последовавшей сразу после этого (январь 1541 г.), система рукоположения рухнула на землю.

Один только Джозеф Каро, один из посвященных, отказался сдаваться. Этот замечательный человек, впоследствии оказавший столь глубокое влияние на еврейскую историю (родился в 1488 году, умер в 1575 году), еще ребенком был изгнан из Испании вместе со своими родителями. Он рано усвоил горькие уроки страданий и после долгих странствий прибыл в Никополь в европейской части Турции. Он так усердно изучал текст Мишны, что знал его наизусть. Позже Каро покинул Никополь и поселился в Адрианополе, где из-за его выдающихся талмудических познаний на него смотрели с уважением, и он нашел учеников. На тридцатом

году жизни он предпринял гигантскую работу по снабжению Кодекса Джейкоба Ашери комментариями, авторитетными источниками и исправлениями, которой посвятил двадцать лет своей жизни (1522-1542). Еще двенадцать лет ушло на дальнейшую доработку (1542-1554). Его воображение, полностью бездействовавшее из-за такой сухой задачи, было возбуждено появлением Соломона Молчо. Этот молодой энтузиаст из Португалии произвел на него такое сильное впечатление, что Каро позволил посвятить себя в извилистые лабиринты Каббалы и разделить мессианские мечты Молчо. С тех пор его разум разрывался между сухой раввинской ученостью и фантастическими идеями Каббалы. Он поддерживал переписку с Молчо во время пребывания последнего в Палестине и строил планы относительно того, чтобы самому отправиться туда. Как и Молчо, он готовился к мученической смерти, "как к все소жжению, приношению, совершаемому огнем, в приятное благоухание Господу", и, как и Молчо, у него были странные видения, которые, по его вере, были вдохновлены неким высшим существом. Это высшее существо (Маггид) не было ангелом или воображаемым голосом, но — как ни странно — олицетворением Мишны, которая спускалась к нему и обычно по ночам нашептывала откровения, потому что он посвятил себя служению ей. Джозеф Каро имел эти видения (которые он по большей части записывал на бумаге) не на короткий промежуток времени, а с перерывами, до конца своей жизни, в течение почти сорока лет. Часть из них впоследствии была опубликована, и грустно видеть, какой хаос нанесла каббала интеллекту того времени. Высшее существо (или Мишна) наложило на Каро самые суровые епитимьи, запретило ему употреблять мясо и вино и дошло до того, что запретило много пить воды. Если он был виновен в какой-либо провинности, слишком долго спал, опаздывал на молитву или слегка пренебрегал изучением Мишны, появлялась мать Мишна и делала самые нежные увещания. Она, конечно, сделала ему удивительные открытия. Эти предсказания были далеки от простого обмана, они были побуждениями бурной эпохи или возбужденным воображением, которое чаще встречается на теплом, роскошном Востоке, чем на холодном, трезвом Севере.

Джозеф Каро был настолько полон мысли о том, что он призван сыграть свою роль в Палестине и умереть мученической смертью во время подготовки к приходу Мессии, начатой Соломоном Молчо, что покинул Адрианополь. Некоторое время он пробыл в Салониках, месте, кишавшем каббалистами. Наконец, он прибыл в Сафет, это гнездо каббалистов, со своим единомышленником Соломоном Алкабездом, скучным, бездуховным писателем, чья песнь приветствия субботней невесте (Леча Доди) стала более известной, чем ее автор. В Сафете Джозеф Каро испытал радость от того, что часть его фантастических мечтаний исполнилась; Бераб посвятил его в члены Синхедриона. После смерти Бераба Каро не мечтал ни о чем, кроме своего будущего величия; он должен был добиться рукоположения и быть признан мудрецами Палестины и зарубежных стран патриархом и лидером евреев Палестины. Он обучал бы лучших талмудистов, чтобы принимались только ученики его школы. Все оказывали бы ему почтение как святому подобию (Диокна Кадиша), и он творил бы чудеса. Как и Молчо, он должен был умереть мученической смертью, чтобы имя Бога могло быть освящено; но вскоре после этого должно было последовать его воскресение, и он войдет в Мессианское царство.

Все эти преимущества и прерогативы должны были быть завоеваны одним-единственным достижением, которое само по себе превратило бы евреев в единый великий народ и снискало бы ему всеобщее восхищение. Когда его подробный комментарий к Кодексу Джейкоба Ашери будет завершен, напечатан, издан и распространен, когда он разработает всеобъемлющий

кодекс религиозного права, основанный на этой работе, он, несомненно, будет признан патриархом и законодателем во всем Израиле. Его ангел-хранитель прошептал ему, что он будет достоин обучить множество учеников и увидеть, как его труды будут напечатаны и распространены по всему Израилю. Даже сверхъестественные миры спросили бы: "Кто этот человек, которым доволен Царь царей, патриарх Палестины, великий писатель Святой Земли?" Он получил бы возможность публиковать свои комментарии, разъяснения и решения без ошибок.

Преданное благочестие, фантастическое воображение и некоторая степень честолюбия вдохновили автора, который разработал для всей еврейской расы окончательный свод религиозных законов, призванный положить конец всяким колебаниям, неуверенности и антагонизму мнений. Каббалистический энтузиазм в сочетании с мессианскими надеждами, возбужденными Соломоном Молчо, и церемонией посвящения, проведенной Берабом, не давали Каро покоя до тех пор, пока посредством всеобъемлющей письменной работы он не осуществил эти надежды, по крайней мере в том, что касалось религиозного единства. И все же прошло несколько десятилетий, прежде чем еврейский мир получил этот дар - колоссальную работу, на завершение которой потребовались годы. Поразительному, непрестанному трудолюбию Джозефа Каро пришлось компенсировать недостаток гениальности. Такая работа могла быть выполнена только благодаря религиозной преданности и вдохновению в сочетании с фантастическим воображением. Из всех его возвышенных мечтаний на самом деле осуществилась только одна, что он станет главным раввином Сафета после смерти Якоба Бераба и будет признан раввинским авторитетом, причем последнее происходило лишь постепенно. Но его авторитет не был абсолютным; у него был соперник в лице лучшего ученика Бераба, Мозеса де Трани.

В то время как евреи Востока радовались миру и независимости, могли предаваться мессианским спекуляциям и пытались, хотя и ошибочными средствами, создать идеальное положение вещей, евреи Запада подверглись новым гонениям, возбужденным против них. Старые обвинения в их пагубном влиянии на человечество, в их детоубийстве, во враждебном отношении к христианству, которые на время прекратились во время волнений Реформации, были снова услышаны. Фанатичная церковная политика, проводимая теми, кто стремился сохранить свои позиции против постоянно набирающего силу лютеранства, отразилась на евреях и принесла им новые страдания, главным образом в католических странах. К старым обвинениям добавилось новое, которое также настроило против них лютеран. Лютеранская и кальвинистская реформация, распространившаяся на Англию и Польшу, открыла многим глаза на религию и христианство и заставила их обнаружить многое из того, что даже реформаторы считали основами христианства ложными, ошибочными и богохульными. Библия, переведенная на большинство европейских языков, дала вдумчивым читателям возможность сформировать для себя религиозную систему, полностью отличную от догм Рима, Виттенберга или Женева. При чтении Библии Ветхий Завет предшествовал Новому, и при переходе от одного к другому многие осознали, что многое в этих двух текстах несовместимо; что учение о единстве Бога в пророках прямо противоречит учению о Троице, выдвинутому Отцами Церкви. Кроме того, Реформация имела в виду не только религиозную свободу, но и политическое освобождение от железного ига князей, в глазах которых народ был ничем, важным только для уплаты налогов и принудительной службы рабов. Теперь многих поразило, что Еврейские Писания делают народ источником всей власти и осуждают деспотизм королей, в то время как евангельское христианство не признает народ, а только смиренных верующих, которых оно

призывает склонить шею под ярмо тиранов. Контраст между Ветхим и Новым Заветом, где один учит активной добродетели вместе с богобоязненной жизнью, а другой прославляет пассивную добродетель вместе со слепой верой, нельзя было не заметить глазами, обостренными глубоким изучением Библии.

Среди множества религиозных сект, вызванных Реформацией в первые десятилетия, возникли некоторые, которые почти приблизились к иудаизму, и приверженцы которых были заклеены правящей партией как полуевреи или иудействующие (*Judaizantes, Semijudæi*). Они считали доктрину Троицы камнем преткновения и утверждали, что Бога следует представлять как абсолютное Единство. Майкл Сервет, араговец, возможно, обученный Марраносом в Испании, написал брошюру об "Ошибках учения о Троице", которая произвела большую сенсацию и принесла ему несколько верных приверженцев; но Кальвин сжег его на костре в Женеве. Реформаторы сохранили фанатичную нетерпимость католической церкви! Несмотря на это, возникла секта верующих в Единство (унитарии, антитринитарии), которые отвергали отождествление Иисуса с Богом. В Англии, где католицизм был свергнут только по прихоти тирана Генриха VIII для удовлетворения своих чувственных желаний, начала формироваться религиозно-политическая партия, которая предлагала взять ветхозаветную систему правления и приспособить ее к английским условиям. Казалось, что она признает только ветхозаветные прообразы и не принимает во внимание молящихся братьев и сестер Нового Завета. Многие соблюдали субботу как день отдыха, назначенный Богом, но с закрытыми окнами. Некоторые эксцентричные христиане питали пристрастие к евреям как к преемникам патриархов, как к остатку того народа, к которому Бог некогда благоволил всей полнотой Своей благодати, как к прямым потомкам великих пророков, заслуживающим по этой причине высочайшего уважения.

Среди бесчисленных брошюр появилась одна - "Диалог между евреем и христианином", в которой основы христианских догм были опровергнуты текстами из Ветхого Завета. Публикации такого рода также способствовали тому, что евреи стали неприятны реформаторам. Приверженцы новой веры в определенной мере симулировали ненависть к евреям, чтобы отвести от себя подозрение в том, что они хотели подорвать христианство и водрузить на его место иудаизм. Таким образом, у евреев были враги с обеих сторон, и вскоре они были вынуждены отказаться от иллюзии, что католицизм свергнут и что новая религия им симпатизирует.

Когда крестьяне Южной Германии, Эльзаса, Франконии и других мест, слишком охотно поверив в евангелическую свободу, провозглашенную Лютером, попытались сбросить иго своих угнетателей, немногие евреи Германии оказались между двух огней. С одной стороны, дворянство и высшие классы обвиняли их в поддержке мятежных крестьян и горожан своими деньгами и подстрекательстве их; а с другой, крестьяне нападали на них как на сообщников и пособников богатых и знати. Фанатичный священник Бальтазар Хубмайер, который агитировал за изгнание евреев из Ратисбона, был советником крестьян Шварцвальда и, вероятно, автором двенадцати письменных требований (статей), которые предложили крестьяне. Вместо того чтобы стать мягче и гуманнее из-за своего отступничества от римско-католической веры, он стал еще более фанатичным приверженцем анабаптистской веры. Он, без сомнения, вызвал гнев горожан, желавших освободиться от долгов перед еврейскими кредиторами, и гнев крестьян, желавших обогатиться за счет имущества евреев. Провинция Рейнгау, среди прочего, потребовала, чтобы ни одному еврею не разрешалось оставаться в этом районе. Таким образом, летописи эпохи Реформации продолжают из года в год представлять отчеты об

изгнаниях, пытках и ограничениях. Но, в конце концов, времена улучшились. Больше не было внезапных нападений, массовых убийств — просто изгнания, простого изгнания в нищету. Здесь могут найти место только события глубокого и далеко идущего действия.

В Неаполе, где правили испанцы, ультракатолическая партия долгое время пыталась ввести инквизицию против проживавших там маррано. Когда Карл V вернулся из своего победоносного похода в Африку, эта партия пыталась убедить его изгнать евреев из Неаполя, потому что общение с марранами лишь укрепило их в своей неверии. Но донна Бенвенида, благородная жена Самуэля Абрабанеля, пользовавшаяся большим уважением испанцев, так горячо умоляла императора отменить указ об изгнании, а ее юная подруга, дочь вице-короля, так горячо поддержала ее просьбу, что он не смог им отказать. Возможно также, что деньги Абрабанеля имели к этому какое-то отношение. Но несколько лет спустя Карл приказал неаполитанским евреям носить знак позора на своей одежде и в случае проступка понести наказание лично и имуществом или покинуть страну. Они выбрали последний вариант, вероятно, по совету Самуэля Абрабанеля. Вероятно, они понимали, что преследования на этом не закончатся, но станут прелюдией к более суровому обращению. Но это добровольное изгнание было превращено в изгнание, и каждому еврею, который осмелился бы снова показаться в Неаполе, грозило суровое наказание (1540-1541). Многие повернули свои стопы в сторону Турции, некоторые отправились в Анкону, под защиту папы, или в Феррару, под власть герцога Геркулеса II, который считался другом евреев. Те, кто эмигрировал морем, испытывали много лишений, и многие из них были схвачены пиратами и доставлены в Марсель. Жившие там марраны многое сделали для них, и король Генрих II также относился к ним гуманно. Поскольку он не мог удержать их в своей стране, он отправил их на своих кораблях в Турцию. Самуэль Абрабанель также покинул Неаполь, хотя ему было предложено исключительное разрешение остаться там; но он отказался отделить себя от судьбы своих несчастных единоверцев. Он поселился в Ферраре и прожил там около десяти лет. Его благородная жена, пользующаяся большим уважением Леоноры, дочери вице-короля Неаполя, ныне герцогини Тосканской, пережила его.

Год спустя евреи Богемии испытали более мягкую, так сказать, пристойную форму ненависти. В городах было много пожаров, особенно в Праге. Евреев и пастухов обвинили в наеме поджигателей. Евреев также обвинили в том, что они выдали султану тайные приготовления к войне против турок. Поэтому богемский сейм постановил изгнать всех евреев из Богемии, и король Фердинанд, брат Карла V, дал свое согласие. Они были вынуждены отправиться в изгнание со всем своим имуществом (Адар, 1542), поскольку из многочисленных евреев Праги только десять человек или семей получили разрешение остаться там. Многие из них попали в Польшу и Турцию, тогда две самые толерантные страны. Невинность тех, кто претерпел смерть, и изгнанных евреев была установлена в течение того же года. Несколько знатных людей ходатайствовали об их отзыве, поскольку они были более необходимы, чем торговая зависть, фанатизм и расовая ненависть. Таким образом, те, кто поселился недалеко от границы с Чехией, смогли вернуться в свои дома. Но за эту услугу их обязали заплатить налог в размере 300 шок грошей и приказали носить значок из желтой ткани в качестве знака, по которому их можно было отличить.

В то же время два человека высокого ранга и большого влияния, один на стороне католиков, другой на стороне протестантов, нападали на евреев так безжалостно, что просто чудо, что они не были истреблены до единого человека. Причина провокации в одном случае была

следующей: — Накануне Пасхи был пропущен четырехлетний крестьянский мальчик из герцогства Нойбург в Баварии, и возникли подозрения, что он был с евреями. После Пасхи мальчик был обнаружен с помощью собаки, и враги евреев притворились, что увидели на его теле следы еврейских пыток. После этого епископ Эйхштедта приказал схватить нескольких евреев и притащить в свою резиденцию, чтобы их судили, и направил запрос соседним князьям о захвате евреев в их владениях. Но расследование не доказало вины евреев. В этот раз герцог Отто Генрих Нойбургский горячо поддержал дело евреев и использовал свое влияние, чтобы выступить против епископа Эйхштедта. Последний перевернул небо и землю, чтобы по крайней мере изгнать их. Отважный писатель, вероятно, по предложению герцога, смело защищал евреев от предрассудков христиан в памфлете. Это издание, "Маленькая книжка о евреях", автором которой был лютеранский пастор (возможно, Хосиандер), впервые выставило в ясном свете всю ложь и злобу обвинения в убийстве христианских детей. Автор, утверждавший, что много общался с евреями и досконально ознакомился с их языком, законами и обычаями, решительно заявил, что эти постоянные обвинения в детоубийстве были постыдной несправедливостью по отношению к евреям. Причинами были богатство и чистая вера евреев. С одной стороны, скупые и жестокие князья, или обедневшие дворяне, или горожане, которые были должны деньги евреям, придумывали такие сказки, чтобы иметь возможность применить против них насилие; а с другой, такие басни были придуманы монахами и светским духовенством, чтобы создать новых святых и святыни для поощрения паломничеств. За долгий период, прошедший с момента рассеяния евреев среди христиан, никто не утверждал, вплоть до последних 300 лет, что они убивали христианских детей. Эти досужие рассказы стали популярны только с тех пор, как монахи и священники стали так часто прибегать к обману с паломничествами и чудесными исцелениями. Ибо священники никого не боялись больше, чем евреев, потому что последние пренебрегали человеческими выдумками и понимали Писание лучше, чем священники, которые, следовательно, до крайности преследовали евреев, клеветали на них и вызывали к ним ненависть. Они даже хотели сжечь свои священные книги. Следовательно, справедливо предположить, что священники выдумали историю об убийстве ребенка в провинции Нойбург. Далее автор указывает, что до третьего века христиане считались детоубийцами и проливателями крови в языческом мире. Признания самих евреев, которые приводились в подтверждение обвинений, были сделаны под пытками и не могли быть получены в качестве доказательства.

Фанатичные католические священники, особенно епископ Эйхштедтский, с негодованием увидели, что евреи, вместо того чтобы вызывать отвращение и преследования, прославляются в этой книге, и поспешили стереть это впечатление. Доктору Джону Эку, столь печально известному в истории Реформации, фавориту епископа Эйхштедтского, было поручено написать ответ, чтобы доказать виновность в кровопролитии и опорочить евреев. Этот юрист-богослов, с широкими плечами мясника, голосом бунтаря и склонностью к спорам софиста, который своим тщеславием и неводержанностью дискредитировал католическую церковь, которую он намеревался защищать от лютеран, этот беспринципный спорщик с радостью взялся поносить евреев. В 1541 году он написал враждебный ответ на вышеупомянутый памфлет, в котором поставил перед собой цель доказать "зло и нечестивость, творимые евреями на всех немецких территориях и в других королевствах". Он возродил старые обвинения против крещеных евреев, собрал воедино бабушкины сказки о жестоком характере евреев, собрал ложные истории о Тренте и Ратисбоне, произнесенные евреями во время пыток, и добавил к ним свой собственный опыт. Эк был настолько бесстыден, что привел

доказательства жестокости еврейского характера из Ветхого Завета. Чтобы опорочить их, он даже оклеветал героев Ветхого Завета, которых церковь считала священными. Многословно и с напускной ученостью он утверждал, что евреи калечили детей христиан и использовали их кровь при посвящении своих священников, чтобы помогать своим женам при рождении детей и исцелять болезни; и что они осквернили обряд причастия. Он возмущенно воскликнул: "Это большая ошибка, что мы, христиане, оставляем евреям так много свободы и предоставляем им защиту и безопасность". Вероятно, по ходатайству евреев против этих обвинений император Карл V восстановил их привилегии и объявил их невиновными в пролитии крови христиан.

Нет ничего поучительного в том, что Лютер, борец с устаревшими предрассудками, основатель новой веры, полностью соглашался в вопросе о евреях со своим смертельным врагом доктором Эком, который с такой же наглостью использовал подобную ложь против самого себя. Эти два страстных противника были едины сердцем и душой в своей ненависти к евреям. С возрастом Лютер сильно ожесточился. Он многое потерял среди своих последователей из-за своего упрямства и постоянных придилок, нарушил единодушие сторонников того же образа мыслей и в своем собственном лагере создал брешь, которая на несколько столетий нанесла бесконечный вред Реформации. Его суровый нрав неуклонно брал верх над его мягкой религией и смирением, и его монашеская ограниченность совершенно не могла постичь иудаизм с его законами, которые порождали и развивали не веру, а нравственность и возвышение человека. Он пришел в ярость, когда его коллеги Карлштадт, Мюнцер и др. упомянули, например, Юбилейный год и предоставление избирательных прав рабам и крепостным. Теперь ему была прислана брошюра в форме диалога, в котором иудаизм был вовлечен в борьбу с христианством, вероятно, написанная христианином; это было уже слишком для него. Мог ли иудаизм быть настолько смелым, чтобы думать о том, чтобы сравнивать себя с христианством! Лютер сразу же приступил к написанию страстного, язвительного памфлета "О евреях и их лжи" (1542), который по злобности превзошел труды Пфефферкорна и Экка.

Лютер начал с того, что сказал, что он решил больше ничего не писать ни о евреях, ни против них, но поскольку он узнал, что "этот жалкий, порочный народ" осмелился заманивать христиан присоединиться к ним, он хотел предостеречь слабоумных людей, чтобы они не позволяли одурачить себя. Главный аргумент Лютера в доказательство истинности христианства против отрицания евреями мессианства Иисуса написан в очень монашеском стиле. Потому что христиане более тысячи лет отнимали у них все права человека, обращались с ними как с злыми зверями, топтали их ногами, терзали и убивали: одним словом, потому что они попали в бедственное положение из-за жестокости христиан, следовательно, они должны быть отвергнуты, и должен был явиться Спаситель мира!

Это средневековая логика. Но это выходит за рамки снисхождения к особенностям сильного характера, когда Лютер в своей безжалостности к евреям использует такие выражения, какие были обычны для тех, кто сжигал евреев на костре. "Почему евреи должны жаловаться на тяжелое положение среди нас?" он говорит. "Мы, христиане, терпели гонения и мученическую смерть от их рук в течение почти 300 лет, так что мы вполне можем жаловаться на то, что они взяли нас в плен и убили. И по сей день мы не знаем, какой дьявол занес их на нашу землю" (как будто евреи не жили в некоторых районах нынешней Германии задолго до того, как там появились немцы). "Мы не выводили их из Иерусалима; кроме того, их никто не удерживает: местность и дороги открыты для них, пусть они возвращаются в свою землю. Мы с радостью преподнесем им подарки, если только сможем избавиться от них, потому что они - тяжелое

бремя для нас, чума, мор, тяжкое испытание ". Лютер, как и Пфефферкорн и Экк, со злобным восторгом заявлял, что евреев часто насильственно изгоняли "из Франции и недавно из Испании нашим любимым императором Карлом (историческая ошибка); в этом году также из всего доминиона Богемия, хотя одно из их самых безопасных гнезд было в Праге; также из Ратисбона, Магдебурга и многих других мест в мое время".

Не оценив героического терпения, проявленного евреями в разгар вражды, и не наученный историей, Лютер не сделал ничего, кроме как повторил лживые обвинения мстительного Пфефферкорна, ложь и злодейство которого были наглядно доказаны гуманистами. В подражание этому заклятому врагу евреев он писал, что Талмуд и раввины учат, что нет греха убивать гоев, то есть язычников и христиан, нарушать данную им клятву или грабить их, и что единственной целью евреев было ослабить христианскую религию. Непостижимо, как Лютер, который так решительно встал на сторону евреев в разгар Реформации, мог повторять все эти лживые рассказы об отравлении источников, убийстве христианских детей и употреблении человеческой крови. Он также утверждал, соглашаясь с Эком, с которым в других отношениях он так сильно расходился, что евреи в Германии были слишком процветающими и, как следствие, обнаглели.

Что же делать с этой злой, проклятой расой, которую больше нельзя терпеть? спросили Лютера, и он дал ответ на вопрос, который свидетельствует о равном недостатке милосердия и мудрости. Прежде всего, виттенбергский реформатор рекомендовал обратить синагоги в пепел, "во славу Бога и христианства". Затем христиане должны были разрушить дома евреев и согнать их всех под одну крышу или в конюшню, как цыган. Все молитвенники и экземпляры Талмуда и Ветхого Завета должны были быть отобраны у них силой (как советовали противники Лютера, доминиканцы), и даже молитвы и использование имени Бога должны были быть запрещены под страхом смертной казни. Их раввинам было запрещено преподавать. Власти должны были запретить евреям путешествовать и перекрыть для них дороги, чтобы они оставались дома. Лютер посоветовал отобрать у них деньги и использовать это конфискованное богатство для создания фонда поддержки тех евреев, которые должны принять христианство. Власти должны были принуждать трудоспособных евреев и еврейниц к принудительному труду и строго следить за тем, чтобы они работали цепом, топором, лопатой, прялкой и веретеном, чтобы они могли зарабатывать себе на хлеб в поте лица, а не жить в праздности, пиршествах и великолепии. Христиане не должны были проявлять никакого нежного милосердия к евреям. Лютер призвал императора и князей без промедления изгнать их из страны и загнать обратно на их собственную землю. Но предвидя, что князья не согласятся на такую глупость, он призвал духовенство и народных учителей наполнить умы своих слушателей ненавистью к евреям. Он заметил, что если бы у него была власть над евреями, он собрал бы среди них лучших и наиболее образованных и под страхом отрезания им языков заставил бы их принять христианское учение о том, что нет *одного* Бога, но что есть *три* Бога. Лютер даже настроил против них дворян-разбойников. Он слышал, что богатый еврей путешествовал по Германии с двенадцатью лошадьми. Этот еврей был известен как богатый Михаэль Франкфуртский, протеже маркграфа Бранденбургского; если князья не закроют дорогу ему и его единоверцам, Лютер убедит рыцарей-разбойников сделать это, поскольку христиане могли узнать из его брошюры, насколько развращен еврейский народ. Эти абсурдные обвинения Лютер приписал никчемному новообращенному Антону Маргарите, сыну раввина из Ратисбона. Он стал католиком и, будучи наказан за клевету, перешел в лютеранство и написал глупую книгу против евреев, и из этой книги Лютер черпал свои несправедливые нападки на них.

Незадолго до своей смерти он призвал своих слушателей в проповеди изгнать евреев:

"Помимо всего этого, у вас все еще есть евреи, которые творят великое зло на земле. Если бы они могли убить нас всех, они бы с радостью это сделали, да, и часто это делают, особенно те, кто называет себя врачами — они знают все, что известно о медицине в Германии; они могут дать человеку яд, от которого он умрет через час, или через десять, или двадцать лет; они в совершенстве владеют этим искусством. Наконец, я говорю вам как соотечественник: если евреи отказываются обращаться, мы не должны больше терпеть их".

Таким образом, в лице реформатора и возрожденца Германии евреи имели едва ли не худшего врага, чем в лице Пфефферкорнов, Хогстратенов и Эков, и уж точно худшего, чем в лице пап до середины века. Но мало кто прислушивался к словам этих негодяев, известных как софисты и лжецы, в то время как жестокие высказывания Лютера почитались христианами новой веры как оракулы, и им слишком хорошо следовали. Как Иероним заразил католический мир своей открыто признаваемой ненавистью к евреям, так и Лютер долгое время отравлял протестантский мир своим завещанием о ненависти к евреям. Протестанты стали еще более ожесточенными по отношению к евреям, чем католики. Лидеры католицизма требовали абсолютного подчинения каноническому праву, но при этом давали им разрешение оставаться в католических странах; Лютер, с другой стороны, требовал их абсолютного изгнания. Папы часто призывали пощадить синагоги; но основатель Реформации настаивал на их осквернении и разрушении. Ему было поручено поставить евреев на один уровень с цыганами. Это различие проистекало из того факта, что папы занимали самое высокое положение в жизни и проживали в Риме, мировой столице, центре событий на четырех четвертях земного шара; таким образом, они не обращали внимания на мелкие события и обычно оставляли евреев незамеченными из-за их незначительности. Лютер, с другой стороны, живший в маленьком провинциальном городке в узком окружении, выслушивал все сплетни против евреев, судил о них по меркам деревенщины и подсчитывал каждый фартинг, который они зарабатывали против них. Следовательно, он был причиной их изгнания протестантскими князьями. В римско-католических государствах только доминиканцы были их смертельными врагами.

Эта ненависть преследовала евреев даже в Турции. Если там не было ни римско-католиков, ни протестантов, то были христиане-греко-католики. Турки и греки жили вместе в городах как Греции, так и Малой Азии. Последние, которые не отказывались от своего высокомерия, но и не осмеливались проявлять его по отношению к правящим туркам, преследовали евреев с молчаливой ненавистью и пользовались любой возможностью, чтобы навлечь на них преследования правительства. Однажды некоторые из них вызвали гонения в городе Амасия в Малой Азии. Они заставили исчезнуть бедного грека, который имел привычку общаться с евреями и пользовался их поддержкой, а затем обвинили нескольких евреев в его убийстве. После этого турецкие кади схватили обвиняемых, подвергли их пыткам и заставили признаться в убийстве. Они были повешены, а уважаемый еврейский врач Якоб Аби-Аюб был сожжен (около 1545 года). Несколько дней спустя еврей узнал грека, которого считали убитым, заставил его рассказать, как его заставили исчезнуть, и привел его к кади. Последний, справедливо разгневанный на злонамеренных греческих обвинителей, приказал казнить их. Аналогичное обвинение, ложность которого была выявлена, было выдвинуто против еврея из города Токат примерно в то же время.

Эти жестокие события побудили Мозеса Хамона, еврейского врача султана Солимана, добиться от султана указа о том, что обвинение евреев в Турции в убийстве христианина и другая злонамеренная клевета должны быть предъявлены не обычным судьям, а самому султану.

Ненависть к евреям, сдерживаемая в Турции, бушевала более открыто в христианских странах. Генуэзская республика долгое время не позволяла еврею оставаться в пределах ее границ более трех дней. Несмотря на это, беглецов из Испании или Прованса время от времени принимали в городе Нови, недалеко от Генуи; они входили в саму столицу и покидали ее, и им разрешалось оставаться там. Из-за партийных разногласий между патрицианскими семьями маленькая община, отвергнутая одной стороной, была взята на вооружение другой. Большинство из них были интеллигентными ремесленниками, капиталистами или врачами. Но доминиканцы снова настроили народ против себя и вызвали профессиональную зависть врачей-христиан. Вопреки воле дожа Дориа, евреи были изгнаны из Генуи (апрель 1550 г.), и, о чем возвестили звуки труб, было провозглашено, что отныне евреи не должны страдать. Это изгнание из Генуи имеет большое значение, потому что в нем участвовал умный еврейский историк, судьба которого в миниатюре представляет собой болезненный удел, выпавший на долю еврейской расы в больших масштабах.

Превратности в жизни наций, а также изменения в жизни еврейского народа, особенно после их жестокого изгнания из Испании и Португалии и бессердечного преследования маррано, в конце концов привели некоторых прозорливых евреев к убеждению, что историей правит не случай, но что ею руководит высшая рука, приводящая в исполнение predetermined события кровопролитием и слезами. Со времен крестовых походов ни одно столетие не было богаче переменчивыми, почти драматическими событиями, чем шестнадцатое, когда были открыты не только новые континенты, но и когда среди человечества начал преобладать новый дух, стремящийся к новым творениям, но всегда сдерживаемый свинцовой тяжестью существующих систем. Это богатство событий научило нескольких вдумчивых евреев, в основном сефардского происхождения, проследить работу Провидения в кажущемся причудливым и нерегулярным ходе всемирной и еврейской истории. Они считали историю утешением для той части человечества, которая была свергнута, подавлена и угнетена бурным ходом событий. И какая раса больше нуждалась в утешении, чем евреи, народ-мученик, очевидно, рожденный только для горя, всегда вкушающий свой хлеб в слезах? Почти в одно и то же время три просвещенных еврея взялись за изучение истории и представили еврейскому читающему миру ее бронзовые таблицы. Это были врач Джозеф Козэн, ученый талмудист Джозеф Ибн-Верга и поэт Самуэль Уске. Все три начинались с одной и той же фундаментальной идеи. Дух пророков, распознавший в ходе исторических событий наилучшие средства для обучения и совершенствования, снизошел на них, неопровержимо показав, что евреи даже в своей деградации не похожи на цыганский сброд, не имеющий и не знающий истории; что, на самом деле, они стояли выше тех, кто держал в руках скипетр и меч, дыбу и дубину для порабощения человечества.

Величайшим из этих историков был Джозеф бен Джошуа Козэн (родился в Авиньоне в 1496 году, умер в 1575 году). Его предки прибыли из Испании во время великого изгнания, его отец Джошуа эмигрировал в Авиньон, а оттуда перебрался в Нови, на генуэзскую территорию. Некоторое время он жил в Генуе, откуда был выслан. Джозеф Козэн изучал медицину, посвятив себя как теории, так и практике. Судя по всему, он был семейным врачом дожа Андреа Дориа. Его сердце трепетало за своих братьев-евреев, и он был ревностен в своих усилиях облегчить их

несчастливую участь. Однажды он приложил все усилия, чтобы добиться освобождения отца и сына, брошенных в тюрьму бессердечным Джаннеттино Дориа, племянником и предполагаемым наследником дожа. Но ему удалось освободить только отца, сын сбежал только в бурную ночь заговора Фиеско. Во время последнего изгнания из Генуи (1550) жители маленького городка Вольтаджио упростили его поселиться среди них в качестве врача, и он прожил там восемнадцать лет. Но история привлекала его больше, чем медицинская практика, и он начал искать хроники, чтобы написать своего рода всеобщую историю в форме анналов. Он начал с периода упадка Римской империи и образования современных государств и представил ход мировой истории как борьбу между Азией и Европой, между Полумесяцем и Крестом; первое было представлено тогдашним могущественным владычеством Турции; второе - Францией, которая возвела на престол Карла Великого, первого императора христианского королевства. Он связал всю европейскую историю с этими двумя группами наций. Он включил все события и войны христианского мира и магометанских стран в "Анналы королей Франции и Дома Османа", как называется его исторический труд. В истории своего времени, свидетелем которой он либо был сам, либо почерпнул из опыта современников, он является беспристрастным рассказчиком, и, следовательно, его работы являются заслуживающим доверия источником информации. Еврейский исторический стиль, заимствованный из лучших книг Библии, делает его рассказ наиболее убедительным. Библейский язык и драматический стиль придают произведению очарование и поднимают его над уровнем сухой хроники.

Джозеф Коэн представил историю различных преследований евреев в разные периоды, когда они происходили. Его главной целью было указать на справедливость Божью в ходе истории, показав, как насилие и коварство наткнулись на свою пустыню и были низвергнуты с достигнутой высоты. Он сочувствовал горестям, которые описывал; поэтому часто писал с сильной горечью.

Совсем другим является другой исторический труд того же периода, над которым работали три поколения - отец, сын и внук. Иуда Ибн-Верга, каббалист и астроном, член выдающейся семьи Ибн-Верга, связанной родственными узами с Абрабанелями, записал в книге некоторые из преследований, которым подвергались евреи в разных странах и в разное время. Соломон Ибн-Верга, который был свидетелем изгнания евреев из Испании и Португалии и который какое-то время притворялся христианином, а затем эмигрировал в Турцию как маррано, добавил несколько рассказов к записям своего отца. Он понимал латинский язык и поэтому заимствовал и добавлял свежий материал из различных латинских документов. Его сын, Джозеф Ибн-Верга, принадлежавший к коллегии раввинов в Адрианополе, завершил работу, добавив некоторые события своего собственного времени и непосредственно предшествующей эпохи, а затем опубликовал все под названием "Исправительный жезл Иуды" (Шебет Иегуда). Джозеф Ибн-Верга также был знатоком латыни и включил в себя многие повествования из латинских документов. Таким образом, этот мартиролог Ибн-Вергаса представляет собой не единое целое, а мешанину без плана или порядка, лишенную даже хронологической последовательности. Воображаемые беседы между евреями и испанскими или португальскими королями подаются как имевшие место в действительности. Но стиль иврита блестящий и изящный, без библейского колорита, как в исторических работах Элиаса Капсали и Джозефа Коэна. Ибн-Верга стремился (ближе к концу первой части) показать причину, по которой еврейская раса, прежде всего испанские евреи, подверглась стольким невыносимым испытаниям, и нашел ее в предпочтении, однажды проявленном к еврейской нации: "Кого Бог любит больше всего, того Он и наказывает больше всего". Но главные источники преследований можно было найти в

разделении между евреями и христианами в вопросах еды и питья, в мести христиан за распятие Иисуса Христа, в преступлениях испанских евреев против христианок, в зависти к их богатству и в ложных клятвах, в которых они были виновны. Ибн-Верга не скрывал недостатков своей расы; возможно, он их преувеличивал. Иосиф Ибн-Верга добавил сердечную молитву о многочисленных страданиях, которые претерпел и продолжает терпеть Израиль, причем последнее привело к тому, что первое было забыто. Все народы мира были объединены ненавистью к этой расе; все создания на небесах и на земле объединились во вражде против нее; прежде чем еврейский ребенок начинал лепетать, его преследовали ненависть и презрение. "Нас презирают, как самых низких червей; пусть Бог поскорее исполнит Свои обещания Своему народу".

Самым оригинальным из трех историков, а также из трех усков, вероятно, принадлежавших к одной семье, был Самуил, который, без сомнения, бежал от костра инквизиции в Португалии. Он поселился у своих родственников в Ферраре. Как и Соломон Уске, известный под своим испанским именем Дуарте Гомес, он был поэтом, но его муза не занималась иностранным материалом, имитациями и адаптациями, а создавала нечто оригинальное и своеобразное. Блестящая и трагическая история израильского народа имела для него большое значение; она не существовала просто как безжизненная масса знаний в его памяти, но жила в его сердце как свежий журчащий источник, из которого он черпал утешение и вдохновение. Библейская история с ее героями, царями и служителями Божьими, история, последовавшая за пленением, с чередованием блистательных побед и несчастливых низвержений, история с момента уничтожения еврейского правления римлянами - все события и перемены этих трех периодов присутствовали в сознании Сэмюэля Уска. Материал, собранный из многих источников, он преобразовал дыханием поэзии в длинную, самую трогательную жалобу и утешение на португальском языке, не в стихах, а в возвышенной прозе, более очаровательной, чем поэтическое облачение. Это беседа трех пастухов, Икабо, Нумео и Сикарео, первый из которых горькими слезами оплакивает трагическую судьбу Израиля с момента его появления на сцене истории; двое других вливают бальзам утешения в разбитое сердце несчастного пастуха и показывают ему, что эти страдания являются необходимыми шагами к достижению славной цели. Сэмюэль Уске назвал этот исторический диалог "Утешением в печалях Израиля". Своей яркой картиной еврейского прошлого он намеревался дать португальским беглецам в Ферраре и других местах, которые снова примкнули к иудаизму, утешение в их великой скорби и страданиях и побудить их надеяться на счастливое будущее.

Он представлял израильский народ то как скорбящую вдову, заламывающую руки в плаче и рыдающую день и ночь о страданиях своих сыновей на протяжении тысячелетий; то как вдохновенную Богом пророчицу, облаченную в сияющее одеяние, чей взор пронзает тьму и видит славное будущее, а уста изрекают мудрость и льют бальзам на горящие раны. Хотя он не был обычным историком, все же никто не представил основные черты еврейской истории с древнейших времен вплоть до его собственной с таким количеством света и жизни, как Самуэль Уск.

Внешняя форма этого историко-поэтического диалога такова: пастух Икабо (или Иаков, представитель еврейской нации) оплакивает в уединенном месте страдания своей паствы, рассеянной по всем частям света, униженной и разорванной на части. "В какую часть земного шара я должен обратиться и найти исцеление от своих ран, забвение своих печалей и утешение в этой тяжелой муке? Вся земля полна моих страданий. Я подобен бедному, тяжело

нагруженному паломнику посреди всех богатств и восторгов благословенной Азии. Среди богатства золота выжженной солнцем Африки я несчастный, умирающий от голода, падающий в обморок изгнанник. И Европа, Европа! мой ад на земле! что мне сказать о тебе, ты, украсивший свои величайшие победы членами моей паствы? Как я могу восхвалять тебя, Италия, богохульная и воинственная страна! Ты, который питался мясом моих ягнят, как хищный лев! Вы, проклятые пастбища Франции, которые давали моим стадам отравленную траву для пропитания! Ты гордая, суровая горная страна Германия, которая забрала моих детей и сбросила их на куски с вершин твоих диких Альп! И вы, сладкие, свежие ручьи Англии, от вас мои стада пили только горькую, солоноватую воду! Лицемерная, жестокая, кровожадная Испания, в тебе ненасытные и прожорливые волки пожирали и продолжают пожирать мои пушистые стада!" Два пастуха, Нумео и Сикарео, привлеченные душераздирающими причитаниями Икабо, долгими уговорами убеждают его рассказать им о своем горе и таким образом получить облегчение для своего измученного сердца. Но не без борьбы он заставляет себя сделать это. Затем он описывает двум своим друзьям бывшее величие своей паствы и таким образом представляет их глазам дни процветания Израиля. Затем он переходит к испытаниям, которые пришлось пережить Божьей пастве. В конце концов, мягкими уговорами Икабо был вынужден подробно рассказать историю своей несчастной расы, сначала о ее неблагоприятной судьбе и изгнании во время существования первого Храма; затем, во втором диалоге, о пережитой горечи и изгнании до второго разрушения Храма римлянами; и в третьем диалоге, о страданиях своего народа во время долгого изгнания; о первом принудительном крещении, которое Сисебут, король вестготов, навязал евреям Испании; изгнании евреев из Англии и Франции, Испании и Португалии; об ужасах войны за независимость. Инквизиция, свидетелем которой был сам Уске; и, наконец, осквернение синагоги в Пезаро (1552). Таким образом Икабо (или Самуэль Уске) проходит долгий путь еврейской истории. Он завершает это краткое изложение печалей так:

"Едва ты перестал пить из отравленной чаши вавилонян, которая едва не оказалась для тебя роковой, о Израиль, как ты ожил, чтобы выносить муки, причиненные римлянами; и когда это двойное несчастье, которое так жестоко разорвало тебя на куски, подошло к концу, ты действительно был еще жив, но крепко привязан к страданиям и невзгодам, терзаемый новыми муками. Это судьба всех сотворенных существ -испытывать перемены; только не твоя, ибо твоя несчастливая участь неизменна и не имеет конца".

Друзья утешают Икабо. Они говорят:

"Печали, какими бы великими и интенсивными они ни были, имеют цель. Частично они были вызваны греховой жизнью и отступлением от Бога и предназначены для исправления и очищения Израиля. Это также благословение, что твой народ рассеян по всем народам земли, чтобы нечестивым не удалось полностью уничтожить его. Когда испанцы изгнали тебя и сожгли твой народ, Бог predetermined, чтобы ты нашел страну, готовую принять тебя, где ты мог бы жить свободно, а именно Италию".

Говорили, что враги, которые так безжалостно обращались с Израилем, понесли свое наказание. Поэт сказал об испанцах, что Италия стала их могилой; о Франции, что Испания была ее исправительным жезлом; о Германии, что турки были ее палачами, которые превратили ее в стену, на которую можно было направить свои пушки; а об Англии, что дикая Шотландия была вечной занозой в ее боку. Большим утешением было то, что все эти страдания, печали и

испытания, обрушившиеся на еврейскую расу, были буквально объявлены и точно предсказаны пророками. Они служили только для возвышения Израиля, и поскольку пророчества о зле были подтверждены, они могли верить, что пророчества о добре не останутся неисполненными.

Диалоги заканчиваются утешительными пророчествами, выраженными прочувствованными словами Исаяи. Это поучительное описание, несомненно, укрепило маррано в их вновь обретенной вере и заставило переносить за нее всевозможные страдания, даже саму смерть.

Самуэль Уске придерживался мнения, что страдания еврейского народа скоро уменьшатся и что за ночной тьмой скоро наступит долгожданное утро. Но церковь показала ему, что это ожидание было необоснованным. Он дожил до того, чтобы увидеть, как в непосредственной близости от него возникают новые невзгоды и применяется на практике целая система новых преследований, которые еврейский историк Джозеф Коэн смог зафиксировать в своих "анналах еврейского мученичества". Эти новые проблемы были вызваны реакцией, которую Римско-католическая церковь страстно желала вызвать против постоянно растущей Реформации. Два человека стремились почти в одно и то же время, совершенно независимо друг от друга, восстановить приходящий в упадок католицизм и тем самым расставили ловушки на пути прогресса человеческой расы. Неаполитанец Пьетро Караффа и испанец Игнатий Лойола, оба люди усердия и готовые проявить инициативу, начали с самобичевания, а закончили тем, что поработали умами и телами других людей. Изъеденное червями папство, которое, как предполагалось, рушилось под смех и насмешки его противников, на что даже его друзьям не оставалось ничего, кроме пожатия плечами, было поднято этими двумя людьми почти на высоту, большую, чем во времена Иннокентия III и его непосредственных преемников, потому что оно покоилось не на шатком фундаменте мечтательной веры, а на твердой почве могучей убежденности и безрассудной решимости. Караффа, впоследствии папа Павел IV, и Лойола, основатель ордена иезуитов, столь могущественного и по сей день, очень серьезно стремились внушить верующим веру в верховенство папства и власть папы связывать и освобождать как на небесах, так и на земле, причем они сами были твердо убеждены в этом. Караффа восстановил ослабевшую церковную дисциплину, усилил ее суровость и вложил ей в руку железный прут. Он внедрил в католический мир в целом средства, которые Торквемада, Деза и Хименес де Сиснерос использовали в Испании, чтобы заставить евреев и мавров стать членами церкви, а именно кол. Все, кто придерживался веры, хотя бы на волосок отличавшейся от папской, должны были отречься от нее или быть сожженными. Безжалостная сила, которая не мыслит и уничтожает всякую независимую мысль, должна была восстановить доверие к опороченной церкви.

Чтобы вновь завладеть умами, которые стремились к эмансипации, и держать их в рабстве, инквизиция считала в высшей степени необходимым следить за прессой. Пресса принесла зло и раскол в церковь (так думали Караффа и его единомышленники); значит, прессе нужно заткнуть рот. Печататься должно было только то, что было одобрено папой римским и его последователями. Цензура прессы была введена предыдущими папами, но поскольку до сих пор все можно было получить путем подкупа, издатели могли печатать и распространять крамольные произведения, направленные против существующей церковной системы, либо с ведома духовенства, назначенного контролировать такие публикации, либо без него. Мятельные, противоречивые памфлеты в деле Рейхлина, знаменитые "Письма", нападки фон Гуттена на папство, первые памфлеты Лютера против римско-вавилонской блудницы, легковоспламеняющиеся материалы, которые, появляясь в быстрой последовательности, со

всех сторон воспламенили паклю, из которой был соткан церковный шатер, были результатом небрежной цензуры. Теперь это должно было измениться. Отныне цензура была доверена только священникам, верным папству, и либо по убеждению, либо из инстинкта самосохранения они исполняли свои обязанности без снисхождения.

Евреи вскоре ощутили на себе последствия этой яростной католической реакции, поскольку у них не было никакой защиты, и они были обязаны своим жалким существованием только пренебрежительному отношению к соблюдению канонических законов против них. Как только церковь начала всерьез приводить в исполнение эти враждебные декреты, существование или, по крайней мере, мир евреев оказался под угрозой. Прежде всего, снова был поднят вопрос о Талмуде, но уже не с той прохладцей, как сорок лет назад. В то время Пфепферкорн и доминиканцы Кельна не могли надеяться добиться слушания перед папской кафедрой своего предложения сжечь Талмуд, но были вынуждены прибегнуть ко всевозможным уловкам, чтобы склонить императора к своей политике. Теперь возобладал совершенно иной дух. Стоило только злонамеренным новообращенным намекнуть на всеобщий вред, причиняемый Талмудом, как сразу же был издан указ против него. Таким образом, был поднят новый протест против этого.

Элиас Левита, специалист по грамматике иврита, который долгое время жил в доме кардинала Эджидио де Витербо и обучил многих христиан ивриту, как лично, так и посредством своих трудов, а также передал некоторым поверхностные знания каббалы, оставил двух внуков, детей своей дочери, которые были приняты в христианских кругах. Один из них, Элиано, основательно выучил иврит и был корректором и переписчиком в нескольких городах Италии; его брат, Соломон Романо, много путешествовал по Германии, Турции, Палестине и Египту и понимал многие языки: иврит, латынь, испанский, арабский и турецкий. Элиано, старший, стал христианином под именем Виктор Элиано и был священником, позже даже каноником. Соломон Романо был так возмущен этим, что поспешил в Венецию, чтобы убедить своего брата вернуться в лоно иудаизма. Но вместо обращения он сам обратился в христианство. Венецианский патриций, очень привязанный к церкви, взялся за то, чтобы обратить его в христианство, и то, что начал он, завершил иезуит. Соломон Романо был крещен (1551) и принял имя Джон Баптиста, к великому горю своей матери, которая была еще жива. Он стал иезуитом, а затем церковным писателем, написал "Тайны христианской веры", катехизис на иврите и арабском и другие подобные произведения. Этот внук грамматика Элиаса Левиты вместе с двумя другими новообращенными, Джозефом Моро и Ананелем ди Фолиньо, не удовлетворившись отречением от своей религии, предстали перед папой, подобно Николасу Донину, чтобы осудить Талмуд и повторили ту же клевету, а именно, что книги Талмуда содержат оскорбления в адрес Иисуса, церкви, всего христианского мира и что они препятствуют обращению евреев в христианство в целом. Юлий III ни в коем случае не был фанатиком, и меньше всего он враждебно относился к евреям. Но решение относительно Талмуда больше не лежало на папе; эта задача была возложена на суд инквизиции, то есть на фанатичного Караффу, и Юлий III был вынужден одобрить и подписать указ, представленный ему генеральным инквизитором (12 августа 1553 г.) — еще одно доказательство тщетности хваленой непогрешимости папства. Лев X поощрял печатание Талмуда, и третий папа после него издал указ о его уничтожении. Офицеры инквизиции вторглись в дома римских евреев, конфисковали экземпляры Талмуда и сделанные на его основе компиляции и сожгли их с особой злобой в День еврейского Нового года (9 сентября), чтобы евреи острее почувствовали скорбь от уничтожения своих священных книг. Инквизиторы вели войну против Талмуда не только в Риме.

Копии были сожжены сотнями тысяч по всей Романье, в Ферраре, Мантуе, Венеции, Падуе и на острове Кандия, принадлежавшем Венеции. Офицеры инквизиции в своей ярости больше не делали различий между Талмудом и другими еврейскими писаниями. Все, что попадало к ним в руки, становилось добычей пламени; они даже захватывали экземпляры Священного Писания. Евреи всех католических стран были в отчаянии; они были ограблены этой конфискацией раввинских книг, которые содержат предписания религиозной жизни и в которых нет ни слова о христианстве. Поэтому они обратились к папе с просьбой отменить указ или, по крайней мере, разрешить им использовать эти безобидные раввинские труды. Юлий III согласился с этой последней просьбой и издал буллу (29 мая 1554 г.), согласно которой евреи должны быть вынуждены под страхом телесного наказания отдать все экземпляры Талмуда, но судебным приставам не разрешается изымать другие произведения на иврите или досаждают евреям. Нарушители этого указа должны были понести суровое церковное наказание. Отныне все еврейские книги подвергались проверке перед публикацией, чтобы они не содержали тени упрека в адрес христианства или Рима. Цензорами были в основном крещеные евреи, которые таким образом имели возможность мучить своих бывших братьев по вере.

Положение евреев ухудшилось после смерти Юлия III, поскольку коллегия кардиналов настаивала на том, чтобы все отныне избранные на папский престол принадлежали к самой строгой церковной партии и, по возможности, были монахами. Образованные сановники, интересовавшиеся гуманистическими исследованиями, любившие искусства и науки, если таковые еще существовали, попали в немилость.

Марцелла II, первого из реакционных пап, сменил на папском престоле фанатичный Караффа под именем Павла IV (май 1555-август 1559). В старости он сохранил всю жестокость и страсть своей юности и соответствующим образом выстраивал свою политику. Он ненавидел не только протестантов и евреев, но и испанцев, наиболее полезных орудий церковного фанатизма; он называл их и фанатичного короля Филиппа II "никчемным семенем евреев и мавров". Вскоре после своего восшествия на папский престол он издал буллу, которой каждой синагоге по всей Папской области предписывалось вносить по десять дукатов на содержание дома оглашенных, в котором евреи получали образование в христианской вере. Еще более суровой была его вторая булла против евреев (12 июля 1555 г.), которая с большой суровостью применяла к ним канонические законы. Они должны были оставаться запертыми в гетто и владеть только одной синагогой; остальные должны были быть разрушены. Имне разрешалось нанимать слуг-христиан, даже кормилиц, и вообще было запрещено вступать в сношения с христианами. Каждому еврею было приказано носить зеленую шапочку, а каждой еврейке - зеленую вуаль даже за пределами города. Христианское население не должно было обращаться к ним "сэр". Им было запрещено владеть недвижимостью, а тем, у кого она имелась, было приказано продать ее в течение шести месяцев; таким образом, они были вынуждены расстаться со своими землями стоимостью более 500 000 золотых крон за пятую часть их стоимости. Но самым серьезным ударом было то, что еврейским врачам было запрещено оказывать помощь христианам, хотя многие папы были обязаны им своим здоровьем. Нарушение этого эдикта предусматривало суровые наказания. Эти жестокие меры проводились с особой строгостью, и конфискация экземпляров Талмуда не прерывалась. Вслед за этим многие евреи покинули Рим, который стал так враждебно относиться к ним, и перебрались в более терпимые государства, но по пути подверглись жестокому обращению со стороны фанатичных толп. С теми, кто остался в Риме, папа обошелся самым недостойным образом. Сначала было сказано, что они всего лишь сделали вид, что продали свои земли, и совершили фиктивные сделки купли-продажи, за что

были заключены в тюрьму; затем папа объявил, что те евреи, которые не работали на общее благо, должны покинуть Рим в течение определенного времени. Когда перепуганные евреи попросили объяснить, что подразумевается под "работой на общее благо", они получили ответ, подобный фараоновскому: "Вы узнаете в свое время".

Павел IV заставлял их выполнять принудительные работы по ремонту стен Рима, которые он хотел укрепить против испанцев, которых он умышленно нажил врагами. Однажды тот, кого евреи не без основания называли Аманом, движимый своей лютой враждой к ним, приказал своему племяннику поджечь все их жилища под покровом ночной тьмы. Последний уже собирался выполнить приказ, хотя и неохотно, когда встретил благоразумного кардинала Александра Фарнезе, который посоветовал ему отложить исполнение бесчеловечного деяния, чтобы у папы было время подумать. Заказ был отменен на следующий день.

Фанатичный папа Павел IV таким образом жестоко обращался с евреями, но с еще большей яростью он обрушился на маррано в своих владениях. Многие, вынужденные стать христианами в Португалии, нашли убежище в Анконе и получили от папы Климента VII денежное возмещение, гарантирующее, что они не будут подвергаться преследованиям инквизиции, но смогут исповедовать иудаизм. Следующие два умеренных папы, Павел III и Юлий III, подтвердили эту привилегию Маррано, будучи убеждены, что крещение, совершенное насильственным путем, не может иметь сакраментального значения. Чем яростнее инквизиция, введенная теперь в Португалии, действовала против марранов, подобно инквизиции в Испании, тем больше беглецов находило убежище в Италии. На вырученное имущество они поселились в Ферраре и Анконе, полагаясь на привилегии, предоставленные им главой католического христианского мира. Но какое дело было мстительному папе Павлу IV до гарантий безопасности, предоставленных его предшественниками и какое-то время молчаливо признаваемых им самим, если это противоречило его понятию ортодоксии? Его порочный дух не мог допустить, чтобы те жили как евреи, которые были окроплены водой для крещения. Поэтому Павел издал секретный приказ о том, что все марраны в Анконе, которых уже насчитывалось несколько сотен, должны быть брошены в застенки инквизиции, начат судебный процесс над их ортодоксальностью и наложен арест на их имущество (Элул—август 1555 г.). Это был серьезный удар по маррано, некоторые из которых прожили там полвека и ублажали себя мечтой о безопасности. Даже те марраны, которые были турецкими подданными и лишь короткое время проживали в процветающем морском порту из-за своей торговли с Левантом, были обвинены в иудаизме и заключены в тюрьму, а их имущество, как само собой разумеющееся, конфисковано. Таким образом, разъяренный папа перекрыл значительный источник своих доходов в тот момент, когда он был готов ввязаться в дорогостоящую войну с Испанией.

Но очень немногим Маррано удалось скрыться от судебных приставов инквизиции. Все они были приняты герцогом Урбино Гвидо Убальдо и расквартированы в Пезаро, потому что он был тогда во вражде с папой и думал перенести торговлю Леванта из Анконы в Пезаро посредством связи марранов с Турцией. Герцог Феррары Геркулес II также предложил португальским и испанским евреям, из какой бы страны они ни бежали, убежище в своих владениях и официально пригласил их туда (декабрь 1555 г.). Среди тех, кто бежал в Пезаро, был человек, пользовавшийся в то время высокой репутацией, знаменитый врач Аматус (Чабиб) Лузитанус (родился в 1511 году, умер в 1568 году), здравомыслящий человек, искусный врач, известный ученый и человек такой же добросовестности и дружелюбия. Как мнимый христианин, он носил

имя Жуан Родриго де Кастель-Бранку. По-видимому, он был изгнан из своего дома введением инквизиции в Португалии. Некоторое время он жил в Антверпене, тогда самом важном городе Фландрии, впоследствии посетил Феррару и Рим, но надолго обосновался в Анконе (около 1549 г.), где открыто взял себе фамилию Шабиб и латинизировал ее в форме Аматаус Лузитанус. Хотя он открыто называл себя евреем, его часто вызывали ко двору папы Юлия III, чтобы помочь ему во время болезни. Страдальцы приходили к нему отовсюду. Искусство врачевания было для него священным служением, которое он выполнял всей душой в стремлении продлить человеческую жизнь. Аматаус смог принести торжественную клятву — Богом и Его святыми заповедями, — что он всегда трудился исключительно на благо человечества, никогда не заботился о вознаграждении, никогда не принимал ценных подарков, бесплатно лечил бедных и не делал различий между евреями, христианами и турками. Ничто никогда не мешало ему в его преданном призвании, ни семейные соображения, ни большие расстояния. У Аматауса было много учеников его искусства, которые были привязаны к нему и которых он считал своими детьми. В молодости он написал медицинские труды, пользующиеся таким большим уважением, что их часто печатали при его жизни. Наибольший интерес вызвали его семь "Столетий" (каждое посвящено сотне случаев болезни), в которых он подробно описал свои лекарства и их действие, а также дал характеристики своих пациентов. Эти "Лекарства" принесли ему очень широкую известность при жизни; они часто печатались в Италии, Франции, Германии и даже в Испании и использовались другими врачами в качестве учебников. Аматаус получил приглашение от короля Польши прибыть к его двору в качестве его личного врача, приглашение, которое он не принял.

Этот благодетель человечества, украшение своего времени, был вынужден бежать, как преступник, из Анконы в Пезаро, а затем отправиться еще дальше, потому что он отказался сделать нелепое исповедание веры перед кровожадной инквизицией Павла IV и не пожелал подвергать себя риску смерти на костре. Более сотни португальских маррано, не имея возможности бежать, были вынуждены томиться в застенках инквизиции, пока им не был объявлен приговор. Это означало, что те, кто с покаянием исповедал католическую веру, должны быть освобождены, но препровождены на остров Мальта и лишены всех почестей и достоинств. Шестьдесят Маррано согласились с этим лицемерием, но двадцать четыре из них, среди них пожилая женщина донна Майора, остались непоколебимы в вере своих отцов: "Господь, Бог наш, есть единый Бог", - и были сожжены на костре (май 1556 года). Большинство из тех, кого должны были перевезти на Мальту, бежали и нашли убежище в Турции. Крик ужаса раздался от всех евреев, когда новость об этой шокирующей катастрофе распространилась за границы. Приговор был столь же незаконным, сколь и жестоким, потому что, как уже было сказано, религиозная свобода маррано в Анконе была торжественно подтверждена тремя папами подряд. Португальские марраны в Турции были совершенно ошеломлены этим ударом, нанесенным их товарищам по несчастью. Они придумали, как отомстить безумно жестокому папе. Особое положение евреев в этом столетии дало им возможность лелеять идею борьбы со своим злостным врагом на кафедре святого Петра. Союз всех евреев Востока мог бы обеспечить эти средства.

В то время жила благородная еврейская леди, украшение своего пола и своего народа своей грацией, своим умом, своим характером и величием ума, одно из тех существ, которых Провидение, по-видимому, время от времени помещает в мир, чтобы сходство человека с Божественным Образом не было полностью забыто. Донна Грасия Мендесия - это было имя, которое ее еврейские современники произносили только с восхищением и любовью.

Наделенная достаточными средствами, которые она тратила мудро и только на благо других и на возвышение человечества, она пользовалась влиянием, равным влиянию принцессы, и властвовала над желающими сердцами сотен тысяч людей. Ее называли Эстер своего времени. Но какие душевные муки ей пришлось вынести, прежде чем она осмелилась открыто называть себя Грацией (Ханной)! Волны подлости и порочности вздымались вокруг нее, но не могли запятнать чистоту ее души. Родившаяся в Португалии (около 1510 г., умершая около 1568 г.) в семье маррано по фамилии Бенвенисте, она была замужем под христианским именем Беатрис за богатым участником той же несчастливой судьбы, одним из представителей дома Насси, принявшим при крещении имя Франсиско Мендес. Он основал обширный банковский бизнес, филиалы которого простирались по всей Фландрии и Франции. Германский император и правитель двух континентов Карл V, король Франции и многие другие принцы были должниками дома Мендесов. Младший брат, Диого Мендес, возглавлял филиал банка в Антверпене. Когда муж Беатриче умер (до 1535 года), оставив ей одну дочь по имени Рейна, а ужасная инквизиция, введенная в Португалии, угрожала ее имуществу и жизни ее самой и ее ребенка, она уехала к своему шурину в Антверпен в сопровождении младшей сестры и нескольких юных племянников. Она дала бедному Марраносу возможность спастись от костров инквизиции. Суммы, которые псевдохристиане платили эмиссарам и приспешникам папы римского, чтобы помешать инквизиции, проходили через ее руки и руки ее шурина. Семья Мендесов заняла высокое положение в Антверпене, где жило много маррано. Молодой, красивый и умный племянник Мендесии, Жуан Микеш, был связан с первыми лицами города и пользовался большой любовью Марии, правительницы Нидерландов, бывшей королевы Венгрии, сестры Карла V.

Беатрис отнюдь не чувствовала себя в своей тарелке в Антверпене. Привязанность к религии, в которой она родилась и которую была вынуждена отрицать, и ужас перед навязанной ей католической верой сделали Фландрию такой же ненавистной для нее, как и Португалию. Она мечтала о стране, где могла бы свободно следовать порывам своего сердца, пылая любовью к иудаизму. Поэтому она настаивала на том, чтобы ее шурин, глава банковского бизнеса, женившийся на ее сестре, либо поехал с ней в Германию, либо еще куда-нибудь, либо выплатил ее долю имущества. Диого Мендес назначил время для этого переезда, но умер до того, как оно наступило (1540-1546); он также оставил вдову и дочь Грасию младшую. Это было началом печальных дней для Мендесии. Согласно завещанию ее шурина, она была признана главой широко распространенного бизнеса, но не смогла уладить домашние дела достаточно быстро, чтобы иметь возможность последовать желанию своего сердца и уехать в какую-нибудь терпимую страну, где она могла бы открыто признать себя еврейкой. Кроме того, Карл V в своей алчности положил глаз на большое имущество дома Мендесов. Генеральный прокурор империи выдвинул обвинение в том, что покойный Диого Мендес тайно исповедовал иудаизм. Возможно, также стало известно, что он словом и делом поддерживал противников инквизиции. Поэтому было постановлено, что все его имущество, поскольку оно принадлежало еретику, должно быть конфисковано в казну. Был отдан приказ о том, чтобы товары и бухгалтерские книги дома Мендесии были изъяты и опечатаны. Но вдове Мендесии на какое-то время удалось удовлетворить алчность чиновников взятками и выдачей крупного займа. Но она не могла уехать из Антверпена, не возбудив против себя подозрений и не подвергнув еще большей опасности свое имущество. Таким образом, она была вынуждена оставаться там в сильном душевном смятении более двух лет, пока император не вернул ссуду.

Наконец, казалось, настал час избавления, когда она могла покинуть Антверпен и отправиться в Венецию. Ходила история о том, что ее племянник Жуан Микеш бежал в Венецию вместе с ее дочерью Рейной, руки которой добивались несколько христианских дворян. Возможно, семья Мендесов старательно распространяла эту историю, чтобы создать предлог для поездки в Венецию и чтобы не возникло никаких препятствий. Но эта предосторожность не увенчалась успехом. После ее отъезда Карл V снова отдал приказ наложить арест на ее имущество, насколько оно находилось в пределах его владений, потому что сестры были тайными еврейками, и Мендесия старшая (так ее называли) была вынуждена заплатить большие суммы, чтобы предотвратить это новое бедствие.

Но несчастье, более страшное, чем все, что она когда-либо испытывала, ожидало ее в Венеции оттуда, откуда она меньше всего этого ожидала, а именно от ее младшей сестры. Последняя, столь же безрассудная и легкомысленная, сколь старшая была благоразумна и уравновешенна, потребовала свою долю имущества и своей дочери, чтобы поступать с ней, как ей заблагорассудится.

Но донна Мендесия не могла и не хотела соглашаться на это, поскольку она была назначена единоличной управляющей имуществом, а также опекуном своей племянницы, еще не достигшей совершеннолетия. Раздраженная такой опекой и, вероятно, направляемая злыми советчиками, младшая сестра предприняла шаг, который обернулся в ее пользу. Она сообщила венецианскому правительству, что ее сестра собирается эмигрировать в Турцию и забрать с собой все свое состояние, чтобы возобновить там свою приверженность иудаизму, в то время как она сама и ее дочь желают остаться христианками; и она попросила венецианские власти помочь ей вступить во владение своей собственностью, чтобы она могла использовать ее как добрая христианка в Венеции. Правители Венеции, видя перспективу богатой добычи, без колебаний выдвинули обвинение, потребовали, чтобы обвиняемая предстала перед законными властями, и арестовали ее, чтобы предотвратить ее бегство. Ее опрометчивая или никчемная сестра также отправила алчного, ненавидящего евреев гонца во Францию, чтобы вступить во владение тамошним имуществом, принадлежащим семье Мендесов. Этот посланник, считая, что ему недостаточно заплатили за его поручение, объявил младшую сестру также тайной еврейкой, и французский суд конфисковал имущество Мендесов во Франции. Король Генрих II также считал себя освобожденным от уплаты своего долга семье. Тем временем несчастная Мендесия пыталась отвести эти удары, направленные против нее самой и ее собственности. Ее племянник, Жуан Микеш, оказал щедрую помощь, чтобы предотвратить потери и освободить своего благородного родственника. Либо он, либо его тетя нашли способ убедить султана Сулеймана принять их дело. Такие огромные богатства должны были вот-вот прийти в его владения, и Венецианская республика, которая существовала только благодаря его снисходительности, осмелилась лишить его их? Это привело его в ярость. Его личный врач, Мозес Хамон, еврей, который надеялся добиться руки богатой наследницы Рейны для своего сына, расположил султана в пользу семьи Мендесов. Порта отправила в Венецию специального государственного посланника (Цхаус) с инструкциями о том, что заключенная Маррано должна быть немедленно освобождена и ей будет позволено беспрепятственно отбыть в Турцию со всем ее имуществом. Вследствие этого возникли разногласия между турецким двором и Венецианской Республикой, которые впоследствии привели к вражде. Таким образом, этой бедной даме против ее воли была навязана важная роль.

Тем временем ей удалось — никто не знает, как — найти убежище в Ферраре под защитой либерально настроенного герцога Геркулеса Эсте, где она прожила несколько лет (примерно с 1549 по 1553 год) под своим еврейским именем, став благословением и утешением для своих братьев по несчастью за их веру. Здесь она впервые смогла открыто и непринужденно проявить свою возвышенную добродетель, свое живое сочувствие, свое великодушие, свое неподдельное благочестие — словом, все благородство своего сердца. Ее мудрость и благоразумие сослужили большую службу семье Маррано в Италии. Поэт Самуэль Уске, посвятивший ей свое прекрасное произведение, говорил о ней с энтузиазмом и глубоким уважением. Он заставляет своего Нумео, который играет роль утешителя в диалогах, среди прочих причин утешения страданиям израильтян произносить то, что они неожиданно получили помощь от этой доброй женщины:

"Кто не видел, как Божественное Милосердие проявляло себя в человеческом облике, как оно проявлялось и продолжает проявляться для тебя в качестве щита и защиты от твоего ничтожества? Кто не видел искреннего сострадания Мириам, снова пожертвовавшей собственной жизнью ради спасения своих братьев? Или великой мудрости Деборы в управлении своими ближними? Или бесконечная добродетель и святость Эстер в защите беззащитных? Или незабываемые усилия целомудренной вдовы Юдифи, направленные на то, чтобы избавить осажденных от ужаса? Господь ниспослал ее в наши дни из среды Своих святых ангелов и объединил все добродетели в одном лице, и к твоему счастью, Он поместил эту душу в прекрасный образ благословенной еврейки Насси. Она была той, кто в начале рассеяния (маррано) дала силу и надежду твоим погибающим сыновьям, лишила их надежды спастись от огня из-за нехватки средств и побудила их отправиться в свое паломничество. Щедрой рукой она помогала тем, кто уже отправился в свои странствия по Фландрии и другим частям, и кто, ослабленный нищетой и подавленный опасностями морского перехода, был в опасности не продвинуться дальше, и укрепляла их в их нужде. Она не отказывала в своей благосклонности даже своим врагам. Своей чистой рукой и своей небесной волей она освободила большую часть этого народа (Марранос) из глубин бесконечных страданий, бедности и греха, привела их в безопасные места и собрала их вместе в послушании заповедям истинного Бога. Так она стала твоей силой в твоей слабости".

Два редактора Испанской библии Феррары, Абрахам Уске и Атиас, посвятившие ее "Ее Высочеству сеньоре Донне Грасиа", в нескольких словах описали ее неоценимые заслуги:

"Мы хотим посвятить перевод вашей светлости, как человеку, чьи заслуги среди нашего народа всегда будут занимать первостепенное место. Пусть вам будет приятно принять это, благоволить и защищать с тем духом, который всегда благоволил тем, кто просил у вас помощи".

Поскольку она защищала всех троих усков, этот панегирик может показаться пристрастным из их уст; но все, даже самые добросовестные раввины того времени, были полны похвал ей и с таким же энтузиазмом, если не изяществом, описывали ее добродетели:

"Благородная принцесса, слава Израиля, мудрая женщина, которая строит свой дом в святости и чистоте, своей рукой поддерживает бедных и нуждающихся, чтобы сделать их счастливыми в этом мире и благословенными в мире грядущем. Многих из них она спасла от смерти и возвысила от унижения никчемной жизни, когда они томились в темнице и

были преданы смерти. Она основала дома, где все могут изучать закон Божий. Она дала многим средства, благодаря которым они могут не только жить, но и жить в достатке".

После того, как донна Грасия Насси примирилась со своей сестрой, которая, вероятно, поняла, что подвергает себя опасности, занимая враждебную позицию по отношению к Грасии, после того, как она увидела ребенка своей сестры, прекрасную юную Грацию, обрученную с ее племянником Самуэлем Насси в Ферраре, и после того, как она, как мать, заботилась обо всех членах своей семьи, она осуществила свое давнее намерение и отправилась в турецкую столицу, чтобы избежать многих неприятностей, которым она подвергалась на христианской территории. Ее одаренный племянник Жуан Микеш, который был помолвлен с ее дочерью Рейной и совершал длительные поездки в Лион, Марсель, Рим и Сицилию по деловым делам, благодаря своей ловкости подготовил ей хороший прием в Константинополе. С помощью искусной дипломатии, приобретенной в общении с христианскими государственными деятелями, он получил сердечную рекомендацию в Константинополь от г-на де Лансака, посла при французском дворе, с которым семья Мендес-Насси была во вражде, и поэтому встретил там благосклонный прием. В Константинополе Жуан Микеш открыто признал иудаизм, приняв имя Джозеф Насси и женившись на своей богатой кузине Рейне. Он отправился туда не один, но взял с собой множество последователей из 500 человек, испанских, португальских и итальянских евреев. Он появился там как принц; его такт, знание европейских дел и богатство обеспечили ему доступ в придворный круг и снискали расположение Солимана. Но его благородная теща оставалась главным распорядителем большого имущества семьи.

Еврейские жители Константинополя вскоре почувствовали благотворную руку донны Грации и ее зятя. Они помогали бедным, основывали молитвенные дома и школы, а также делали пожертвования для учителей Талмуда. Но их благосклонность не ограничивалась испанцами и португальцами, она распространялась на немцев и за пределы Константинополя.

Когда пришло известие о том, что папа Павел IV заключил в тюрьму Маррано из Анконы с намерением рано или поздно сжечь их, сердце донны Грасии сжалось от ужасной боли, как у матери, когда ее дети в несчастье, ибо она приняла их всех в свое сердце как своих сыновей и братьев. Она не стала предаваться бесполезным стенаниям, а сразу же присоединилась к своему зятю в принятии активных мер для их облегчения. Сначала она обратилась к султану Солиману, умоляя его потребовать, чтобы по крайней мере евреи-маррано из Турции, находившиеся в Анконе по делам, были переданы ему, и имела счастье видеть, что эта просьба выполнена. Султан Солиман обратился с письмом к папе римскому (9 марта 1556 г.) в надменном тоне, который турецкие правители, сознавая свое могущество, приняли по отношению к христианским князьям, ослабленным разобщенностью. Он жаловался, что его еврейские подданные были несправедливо заключены в тюрьму, в результате чего его казна понесла убытки в размере 4000 дукатов, помимо еще большего сокращения доходов из-за причинения вреда турецким евреям. Султан настаивал на том, чтобы папа немедленно освободил всех турецких марранов в Анконе, и намекнул, что в случае, если его представительство встретит неблагоприятный прием, репрессии будут применены к христианам, проживающим в его владениях. Павел IV был крайне неохотно вынужден подчиниться, освободить турецких евреев и позволить им уйти невредимыми. Остальные, у которых не было влиятельных сторонников, были, как уже было сказано, сожжены. Евреи

решили отомстить папе и надеялись на активную помощь донны Грации и ее зятя в достижении этой цели.

Герцог Урбинский Гвидо Убальдо принял маррано из Анконы в Пезаро только потому, что думал таким образом перенести левантийскую торговлю евреев в свой собственный порт. Поэтому община Пезаро разослала депешу всем турецким общинам, имевшим коммерческие отношения с Италией, с просьбой больше не отправлять свои товары в Анкону, а в Пезаро. Торговля турецких евреев была очень значительной; все проходило через их руки, они конкурировали с венецианцами и посылали свои собственные корабли и галеры. Еврейские левантийские купцы до сих пор делали Анкону основным портом для товаров, поставляемых из Турции в Европу, чтобы уменьшить влияние Венеции. В первом порыве негодования по поводу позорного поступка папы Павла IV многие левантийские евреи согласились с предложением евреев Пезаро (июль—август 1556 г.) и решили сурово наказать его, полностью перекрыв важный источник доходов от торговли в Леванте. Но поскольку эта мера была осуществима только в том случае, если все евреи, торгующие с Италией, были посвящены в нее, участники соглашения сначала согласились не вести торговлю с Анконой только в течение восьми месяцев (до марта 1557 г.).

Евреи Пезаро и маррано, ранее находившиеся в турецких владениях, конечно, приложили все усилия, чтобы вызвать всеобщее движение за то, чтобы запретить папу римского и его морской порт. Но проживающие в Анконе евреи, а не марраны, боялись, что их интересам будет нанесен ущерб переносом торговли из Леванта в Пезаро, и они, не теряя времени, разослали письма еврейским общинам в Турции, умоляя их не заключать никакого обязательного соглашения, потому что они подвергнутся большой опасности из-за страстного расположения папы, который, несомненно, доведет их до нищеты, если узнает, что евреи намерены отомстить ему.

Поэтому все взоры были устремлены на Константинополь, ибо туда представители торговых городов Салоники, Адрианополя, Бруссy, Анконы и Мореи прислали письма с просьбой тщательно взвесить этот вопрос и учесть их интересы. Донна Грасия и Джозеф Насси, конечно, имели главный голос, и они с самого начала были полны решимости сурово наказать бесчеловечного папу римского. Они проинструктировали своих агентов отправить товары, принадлежащие их дому, в Пезаро. Португальская и некоторые испанские общины в Турции согласились занять решительную позицию и запретить торговлю с Анконой под угрозой исключения из еврейских коммерческих кругов. Но в самом Константинополе возникло некоторое противодействие, многие купцы опасались, что предпочтение, отданное Пезаро, поставит под угрозу их интересы. Таким образом, дело находилось в руках константинопольских раввинов. Если бы они единодушно решили, что порта Анкона следует избегать из-за опасности, угрожавшей маррано из Пезаро, их авторитет упал бы на чашу весов и вопрос был бы решен. Таким образом, Грация и Джозеф оказали влияние на раввинов, так что они решили выступить против папы римского.

Однако два раввина были против этого решения. Поскольку в главной общине Константинополя не было принято единогласного решения, еврейские купцы из других турецких общин были избавлены от введения ограничений на их торговлю с Анконой. Напрасно донна Грасия, считавшая этот вопрос представляющим глубочайший интерес, требовала мнения раввинов общины Сафет, пользовавшейся высочайшим авторитетом среди евреев Востока, в лице двух ее представителей, Джозефа Каро и Мозеса ди Трани. Запрет раввинов против папы Павла IV не

был введен в действие. Пока раввины все еще совещались, произошло то, чего, к их великому сожалению, опасались донна Грасия и ее приверженцы. Герцог Гвидо Убальдо, разочарованный в своих ожиданиях увидеть, как его порт Пезаро станет центром еврейской левантйской торговли, и подвергшийся нападкам со стороны папы римского за его благосклонность к евреям, приказал маррано убраться из Пезаро (март 1558 г.). Следует считать его большой заслугой то, что он не сдал их офицерам инквизиции. Большинство изгнанников отплыли на восток на нанятых кораблях; но морская полиция папы поджидала их, и они с трудом спаслись. Некоторых взяли в плен, и с ними обращались как с рабами. Искусный и гуманный врач Аматаус Лузитанус, маррано, проживший короткое время в Пезаро, а затем в Рагузе, вернув многим христианам жизнь и здоровье, также был вынужден покинуть христианскую территорию и укрыться в городе Салоники, почти полностью населенном евреями (1558-1559). Этот же год, по-видимому, принес несчастье и феррарским маррано, и герцог лишил их своего покровительства, поскольку типография Абрахама Уске была закрыта, а с братом Джозефа Насси, доном Самуэлем Насси, герцог так плохо обращался, что ему пришлось обратиться за заступничеством к турецкому двору, чтобы тот позволил ему спокойно переехать в Константинополь. Один угрожающий взгляд неверного султана произвел на христианских принцев большее впечатление, чем голос справедливости и человечности.

Чем ближе Павел IV подходил к могиле, тем больше он приходил в ярость против евреев. Два крещеных еврея по имени Сикст Сененсис и Филипп или Джозеф Моро по его приказу путешествовали по еврейским общинам, расположенным в Папской области, и раздражали евреев своими крамольными проповедями. Последний однажды ворвался в синагогу в Реканате в День Искупления (1558) с распятием, которое евреи считали идолопоклонническим изображением, и с насилием поместил его в ковчег, где хранилась священная Тора. Когда евреи выгнали его за это оскорбление их святилища, он собрал разъяренную толпу вокруг дома Божьего, и два еврея, поднявших на него руку, были схвачены и подвергнуты бичеванию по приказу главного судьи. Папа Павел IV был больше всего разгневан марранами и Талмудом. Он пытался изгнать первых из их самых тайных убежищ Многие псевдохристиане Испании и Португалии, не имея возможности спастись бегством, вступили в орден и, так сказать, были вместе с волками, спасаясь от их нападения. Павел IV, которому были адресованы жалобы на то, что христиане-евреи вступили в монашеские ордена, запретил им принимать евреев в качестве членов.

Он еще более тщательно приступил к работе с Талмудом, копии которого не осталось ни в Папской области, ни на большей части Италии, а его владельцы подвергались самому суровому наказанию. Школы, по большей части, были закрыты. Если бы такое положение вещей стало всеобщим, среди итальянских евреев распространились бы глубокое невежество и застой, что способствовало бы достижению великой цели папы - их обращению. Но в это время в Кремоне, городе на севере Италии, принадлежащем Милану, возникла большая школа и приют для преследуемых талмудистов. Талмудист Джозеф Оттоленги из Германии открыл школу под покровительством губернатора Милана, где преподавал Талмуд и печатал раввинские труды. Каждыйвладелец экземпляра Талмуда тайно отправлял его в Кремону, и таким образом очень многие из них были собраны там, а оттуда вывезены в Германию, Польшу и на Восток. Эту скудную религиозную свободу евреи сохранили и при испанцах, которые были вынуждены вести войну с Павлом IV. После того как папа был вынужден заключить позорный мир, он планировал сжечь еврейские писания в Кремоне. Доминиканцы, которые действовали как папская полиция, влияли на народ, чтобы иметь возможность оказывать давление на

губернатора. В Кремоне были распространены подстрекательские документы, призывавшие народ убивать евреев (8 апреля 1559 года). Несколько дней спустя два доминиканца, одним из которых был крещеный еврей Сикст Сененсис, убедили губернатора соорудить погребальный костер, на котором можно было бы сжечь экземпляры Талмуда, поскольку, как утверждалось, он не содержал ничего, кроме богохульства в адрес Иисуса. Губернатор решил не верить обвинениям против евреев без дальнейшего подтверждения, поэтому против Талмуда выступили два свидетеля (17 апреля): крещеный еврей Витторио Элиано, внук от дочери еврейского грамматика Элиаса Левиты, и никчемный немецкий еврей Джошуа деи Кантори. Благодаря им испанский губернатор Милана убедился в пагубности Талмуда и отдал приказ своим солдатам обыскать евреев Кремоны и типографии от дома к дому, собрать все экземпляры, которые они смогут найти, и сжечь их в большом огне. По этому случаю было сожжено десять или двенадцать тысяч книг.

Витторио Элиано, злонамеренный прозелит, едва не попал в беду из-за этого сожжения Талмуда, поскольку испанские солдаты, получив приказ вести войну с писаниями евреев, почти не беспокоились о том, было ли содержание талмудическим или иным, и они чуть не сожгли "Зоар", каббалистический учебник, особенно любимый папством. После увлечения мистицизмом Пико ди Мирандолы, еще большего Рейхлина, кардинала Эджидио де Витербо и францисканца Галатино самые ортодоксальные из Отцов и князей церкви твердо верили, что Каббала содержит тайны христианства. Таким образом, приказ об уничтожении, изданный против Талмуда, не коснулся Зоара. Фактически, именно при папе Павле IV она была впервые напечатана с согласия инквизиции в Мантуе. Каббале предстояло подняться из руин Талмуда. Таким образом, было оказано содействие изданию книги, которая нанесла иудаизму более серьезный ущерб, чем любой удар, нанесенный ему до сих пор. Из зависти к мантуанским издателям христианский издатель по имени Винсент Конти из Кремоны напечатал "Зоар" в то же время, потому что продажа сулила очень большие прибыли в Италии и на Востоке, и он даже предложил выпустить книгу большего размера, чтобы бросить тень подозрения на мантуанское издание. Крещеный внук Элиаса Левиты, ядовитый каноник Витторио Элиано, отвечал за этот кремонский "Зоар", и он, не колеблясь, написал хвастливое предисловие на иврите, чтобы привлечь покупателей, и упомянул в связи с ним свое собственное имя. Пока она печаталась, испанские солдаты искали еврейские писания в Кремоне и нашли две тысячи экземпляров "Зоара", которые они собирались бросить в горящую кучу. Витторио Элиано и его партнеры едва не лишились своих расходов и прибыли, но другой новообращенный, вышеупомянутый Сикст Сиенский, которому папская инквизиция поручила помочь в уничтожении Талмуда в Кремоне, сдержал ярость испанских солдат и спас книгу Зоар. Таким образом, Талмуд был сожжен, а Зоар на какое-то время пощажен. Мудрый инстинкт врагов евреев побудил их пощадить этот ядовитый источник в надежде, что приверженцы Зоара скорее отрекутся от иудаизма.

Распространенная прессой за рубежом, "Зоар" стала считаться канонической книгой, и в течение некоторого времени ее цитировали так же часто, как стихи из Библии, и рассматривали наравне со Священным Писанием во всех еврейских произведениях, не являющихся строго талмудическими. Но любовь папства к каббале длилась недолго. Несколько лет спустя каббалистические труды были включены в каталог книг, подлежащих сожжению (Index expurgatorius).

Ненависть Павла IV к евреям и их писаниям не ограничивалась Италией, но, подпитываемая вызванным им фанатичным духом, распространилась повсюду. Крещеные евреи всегда были орудием, использовавшимся в этих преследованиях. Некто по имени Ашер из Удине выдвинул обвинения против еврейских произведений в Праге, и власти конфисковали их все до единого, даже молитвенники, и отправили в Вену (1559). Еврейские служители были обязаны повторять молитвы в синагоге наизусть. Пожар, вспыхнувший примерно в это время в еврейском квартале Праги и превративший в пепел большое количество их домов, еще яснее продемонстрировал фанатичную ненависть христиан к ним. Вместо того чтобы поспешить на помощь несчастным людям и присоединиться к их спасению, они бросали в огонь беспомощных женщин и детей и грабили имущество евреев. И как будто мера несчастья была недостаточной, Фердинанд I, избранный императором примерно за год до этого, начал изгнание евреев из Богемии и Праги по-настоящему серьезно.

Император Фердинанд на самом деле был мягким принцем, искренне желавшим поддерживать мир между католиками и протестантами, но испытывал непреодолимую неприязнь к евреям. Именно он первым ввел уведомительные билеты, или пропуска, для евреев Австрии. Он издал постановление, согласно которому каждый еврей, проживающий в Австрии и отправляющийся по делам в Вену, должен сразу по прибытии сообщить о себе маршалу округа и сообщить, что у него за дело и как долго он намерен оставаться в этом месте. К этому ограничению Фердинанд добавил другие и, наконец, приказал изгнать евреев вместе с их женами и детьми, их слугами и всем их имуществом из Нижней Австрии. Этот указ о высылке был отложен на два года, но в конце концов они были вынуждены покинуть страну.

Император Фердинанд обрекал древнюю общину Праги на ту же участь. Что могло быть причиной, нам легко или трудно понять, в зависимости от нашего образа мышления. Пражская конгрегация пользовалась очень дурной репутацией среди других еврейских общин, ее считали низкой, беспринципной, жестокой и сварливой. Регулярно возникали такие ожесточенные споры о назначении раввинов и выборе президента, что главные раввины Германии и Италии по наущению императора были вынуждены ввести систему выборов для общины Праги. Причина такого печального положения вещей, без сомнения, заключалась в том, что, когда евреи были отозваны после изгнания двадцатью годами ранее, вернулись только худшие, ни один из благонамеренных членов церкви. Христиане, без сомнения, подвергались сильному влиянию этого сброда, но христиане низшего класса, вероятно, были не лучше и не совестливее. Христиане относились к своим собственным братьям с величайшей снисходительностью, но требовали от евреев соблюдения строжайшей добродетели и прямоты. Дискуссии о втором изгнании евреев из Праги велись долго, поскольку даже эрцгерцоги, находившиеся тогда в стране, были против этого; и все же изгнание состоялось (1561). Изгнанники подверглись нападению и были разграблены рыцарями-разбойниками. Но тогда, как и после первого изгнания, было ясно, что христиане Праги или, по крайней мере, знать, тосковали по евреям. Едва они были изгнаны, как были предприняты шаги по их отзыву, и эта политика была одобрена князьями.

Но император Фердинанд отклонил просьбу разрешить евреям вернуться на том основании, подлинном или предполагаемом, что он поклялся изгнать евреев из Праги и не мог нарушить свою клятву. Вслед за этим знатный еврей из Праги предпринял поездку в Рим, чтобы добиться от нового папы римского Пия IV (ненавидевший евреев Павел IV был мертв) освобождения императора от его клятвы.

Этим благородным человеком был Мордехай Цемах бен Гершон, один из известной семьи печатников Сончин, чей предок, Гершон, или Джироламо Сончино, основал не только прекрасный ивритский, но и латинский шрифт и опубликовал как раввинские труды, так и стихи Петрарки. Члены этой семьи с большим успехом руководили еврейскими типографиями в нескольких городах Ломбардии, в Константинополе, и в Праге. Хотя Мардохей Цемах перенес грубые оскорбления своей чести от жителей Праги, а его замужняя дочь, вторая Сюзанна, была обвинена в прелюбодеянии лжесвидетелями и приговорена трусливыми раввинами, он все же показал, что готов пойти на величайшие жертвы ради блага жителей Праги. Он предпринял путешествие в Рим среди множества опасностей и трудностей с указанной выше целью, и его усилия увенчались успехом. Папа, в то время облеченный властью связывать и освобождать, освободил императора от присяги, и последний почувствовал облегчение своей совести. Его сын Максимилиан (впоследствии император) взял евреев Праги под свое особое покровительство, и таким образом указ об изгнании был отменен. Евреям снова было разрешено проживать в Праге и нескольких других городах Богемии, а также они были вновь допущены в Австрию. Но их существование было нелегким даже при лучших императорах, таких как Максимилиан II и Рудольф, поскольку официальная рука католической церкви была тяжела для них.

Первый последовательный представитель фанатичной и преследующей католической церкви, папа Павел IV, был мертв (1559), и народ Рима проклял его память и его систему. Люди стекались к Капитолию, как в старые времена Римской республики, пересекали вечный город, поджигали здания инквизиции, жестоко обращались с доминиканцами и судебными приставами этого трибунала, срывали гербы с папы римского, разрушали его статую и катали ее голову по улицам. Римляне с презрительным смехом смотрели, как еврей надел шапку, которую он и его братья были вынуждены носить, на статую того самого папы, который издал соответствующий приказ. Но к чему была эта детская ярость против мертвых? Система пережила своего сторонника на столетия. Иезуиты и партия строгой церкви взяли верх в католической церкви, и каждый папа, вольно или невольно, был вынужден подчиняться им. Именно при папе Пии IV, одном из лучших первосвященников Рима, принципы Тридентского собора были превращены в декреты, которые порабощают умы католиков по сей день.

Делегация римских евреев посетила новоизбранного папу, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, и в трогательных словах описала страдания, которые навлекли на них его предшественники. Пий IV пообещал им облегчение и издал буллу для евреев Папской области (27 февраля 1562 г.), что, безусловно, пошло им на пользу, но более мягкие правила только сделали ограничения, которые все еще оставались, более жесткими. Введение к булле интересно, потому что оно выявляет лицемерие папской курии:

"Правила вашего поведения, изданные моим высокочтимым предшественником из его религиозного рвения, (как нам сказали) послужили некоторым, кто жаждал ваших благ, предлогом для ложных обвинений против вас, и были истолкованы вопреки намерениям моего предшественника, что вызвало у вас досаду и беспокойство. Поэтому мы постановляем, принимая во внимание, что Святая Мать-Церковь дарует и уступает евреям многое для того, чтобы остаток их мог быть спасен, и в соответствии с примером наших предшественников" и т.д.

Однако все, что признал новый папа, заключалось в том, что евреям из римских владений за пределами города было разрешено снимать свой отличительный знак - желтую шапочку, приобретать землю стоимостью в 1500 дукатов, торговать другими вещами, помимо старой одежды, и вступать в сношения с христианами, но не содержать христианских слуг. Это было практически все, что даровал или осмеливался даровать один из лучших пап. Более важным для евреев Рима было то, что обвинения в нарушении суровых законов Павла IV не были услышаны, так же как и обвинения в мелком правонарушении против тех, кто не отдал свои экземпляры Талмуда. Итальянские евреи также предприняли попытку добиться от папы римского отмены интердикта против Талмуда. Но этот вопрос находился в руках кардиналов и епископов, заседавших в Тридентском соборе, и для достижения своей цели итальянские общины выбрали двух депутатов (октябрь 1563 г.). Поскольку собор лишь утвердил список запрещенных книг, ранее составленный в папской канцелярии, мнение папы римского и тех, кто его окружал, служило руководством при обращении с еврейскими писаниями. Решение по этому вопросу было оставлено на усмотрение папы римского, который впоследствии издал буллу о том, что Талмуд действительно был проклят — как и вся гуманистическая литература, включая "Аугеншпигеля и каббалистические сочинения" Рейхлина, — но что ему будет разрешено появиться, если название "Талмуд" будет опущено, и если перед его публикацией будут удалены отрывки, враждебные христианству, то есть если он будет передан цензуре (24 марта 1564 г.). Действительно, странно, что папа римский разрешил эту вещь и запретил ее название! Он боялся общественного мнения, которое сочло бы противоречие слишком большим между одним папой, который разыскал и сжег Талмуд, и следующим, который оставил его нетронутым. Во всяком случае, теперь появилась перспектива, что этому письменному памятнику, столь необходимому для всех евреев, снова будет позволено увидеть свет, хотя и в искаленном состоянии. На самом деле печатание Талмуда было начато несколькими годами позже в Базеле.

Но даже эта небольшая уступка была отменена у евреев Папской области, когда Пий IV сменил папа, который ценил мрачные, монашеские, нетерпимые институты выше, чем человеческое счастье и человеческую жизнь, и который довел церковные цели Караффы и его коллег до крайности. Пий V (1566-1572) превзошел своего предшественника Павла IV в любви к преследованиям и жестокости. Этот папа ненавидел евреев не меньше, чем швейцарских кальвинистов и французских гугенотов. Вскоре они ощутили суровость нового церковничества. Через три месяца после своего восшествия на престол (19 апреля 1566 г.) Пий V подтвердил во всех отношениях ограничения, которые Павел IV ввел в отношении евреев; он даже усилил их суровость и проигнорировал улучшения своего предшественника, как будто их никогда и не было. Таким образом, были введены в действие прежние правила: исключение из общения с христианами, запрет владеть землями или заниматься каким-либо бизнесом, кроме торговли старой одеждой, принуждение носить отличительный еврейский значок и отказ в разрешении посещать более одной синагоги. Но эти эдикты были изданы против евреев не только в Папской области; они распространились по всему католическому миру. Ибо в те дни, в период ожесточенной реакции против протестантизма, указы папы произвели совсем иное впечатление, чем они производили ранее, и нашли добровольных исполнителей. Таким образом, для евреев католических стран снова начались дни скорби.

Джозефу Коэну снова пришлось пройти испытания в своих "Анналах преследований", снова собрать слезы своего народа в своей "Долине плача" (Эмек ха-Бача). Церковный тиран Пий V часто предоставлял такую возможность. Под предлогом того, что евреи Папской области

нарушили его канонические законы, он приказал бросить некоторых из них в тюрьму, а их книги собрать и сжечь. Особенно сурово обошлись с процветающей общиной Болоньи, удар был нанесен по их собственности. Чтобы иметь законное основание для грабежа, на официальном слушании в трибунале инквизиции были заданы запутанные вопросы о христианстве; например, считали ли евреи католиков идолопоклонниками; относились ли формы проклятия минеям и "Царству греха" в молитвах к христианам и папству, и особенно к тому, имела ли в виду история в малоизвестном произведении о "Бастарде, Сыне отверженного" к Иисусу.

Крещеный еврей по имени Александр составил пункты обвинения, и заключенные были допрошены по ним с применением пыток. Некоторые из них не выдержали боли и признались во всем, о чем их спрашивал кровавый трибунал. Только раввин Болоньи Ишмаэль Чанина имел мужество заявить даже под пытками, что если бы он признался в чем-либо во время бессознательного состояния, которое могло наступить в результате его страданий, такое признание было бы недействительным. Однако, поскольку другие признавались в клевете, распространяемой евреями против христиан, у папской курии было оправдание для своих грабежей. Богатым и представителям высших классов было запрещено под страхом самых суровых наказаний покидать город. Но этот глупый запрет пробудил в умах евреев Болоньи идею покинуть это место полностью и навсегда. Подкупив привратника, они сумели вырваться со своими женами и детьми из расставленной для них сети и бежали в Феррару. Папа Пий V был настолько разгневан против евреев за этот поступок, что сообщил коллегии кардиналов, что все евреи должны быть изгнаны из Папской области. Напрасно некоторые церковные сановники протестовали, показывая, что кафедра Святого Петра с незапамятных времен защищала евреев, что она действительно обязалась защищать остальных евреев в надежде, что они могут быть спасены. Напрасно коммерческий мир Анконы умолял папу не разрушать своим поступком коммерческое процветание Папских государств; его ненависть к евреям заглушала голос здравого смысла, справедливости и заинтересованности. Была издана булла (26 февраля 1569 г.), согласно которой все евреи в Папской области, за исключением Рима и Анконы, должны были покинуть ее в течение трех месяцев; те, кто остался, должны были быть обращены в рабство и подвергнуты еще более суровому наказанию.

В то время в Папской области насчитывалось около 1000 еврейских семей и 72 синагоги, за исключением Рима, Анконы и Болоньи. Несмотря на грозившие им бедствия, почти все, кто был включен в этот указ, приняли решение об эмиграции, и лишь очень немногие стали христианами. Изгнанники также понесли потерю имущества, потому что у них не было времени продать свои поместья и взыскать причитающиеся им долги. Один только историк Гедалья Ибн-Яхья потерял более 10 000 дукатов из-за своих должников в Равенне. Изгнанники рассеялись и искали защиты в соседних маленьких штатах Пезаро, Урбино, Ферраре, Мантуе и Милане. Евреям Авиньона и Венассена, единственным общинам, оставшимся на территории Франции после изгнания евреев из Франции двести лет назад, также было приказано уехать. Реакционные князья церкви долгое время бросали на них недоброжелательные взгляды, поскольку они пользовались особым благоволением официальных лиц Папской области при папах-гуманистах Льве X, Клименте VII и особенно Павле III. Курия получала свой единственный доход от этого округа через свою торговлю. Евреи Авиньона, Карпантра и других городов владели огромным богатством и собственностью всех видов, а также владели землями.

Большинство евреев итальянских и французских церковных территорий, как и все изгнанные из христианских стран, отправились в Турцию и там встретили самый добрый прием, если им

удалось добраться так далеко, не подвергнувшись нападению и жестокому обращению со стороны рыцарей-разбойников Мальтийского ордена. Казалось, что евреям в христианской Европе скоро придет конец. Ненависть, преследования и изгнания царили повсюду. В католических владениях преобладал фанатизм папства, а в протестантских странах - узость лютеранства, опустившегося со своей прежней высоты до уровня детской ссоры.

Оба, казалось, желали претворения в жизнь часто высказываемой мысли заклятых врагов евреев о том, что евреи не имеют права жить на Западе.

ГЛАВА XVII. ЕВРЕИ В ТУРЦИИ. ДОН ДЖОЗЕФ НАССИ.

Благосклонность Джозефа Насси к султану Солиману—Его дружба с принцем Селимом—Враждебность Венеции и Франции к Насси—Джозеф Насси восстанавливает Тверию и становится герцогом Наксоса—Визирь Магомет Соколли—Турки по наущению Насси завоевывают Кипр—Восстание против Филиппа II в Нидерландах—Соломон Ашкенази—Избрание Генриха Анжуйского королем Польши—Ашкенази ведет переговоры о мире между Венецией и Турцией—Гедалья Ибн-Яхья и еврейская литература в Турции—Джозеф Каро составляет "Шулхан Арух"—Азария дель Росси—Исаак Лурья—Еврейский "Темный век"—Распространение каббалы—Ученик Лурьи, Хаим Виталь Калабрезе—Смерть Джозефа Насси—Эстер Кира и влияние еврейских женщин в Турции.

1566–1600 С.Е.

Снова, как часто бывало прежде, нити в паутине всеобщей истории были настолько запутаны, что уничтожить евреев христианского мира было невозможно даже путем систематических преследований. Солнце, скрытое на еврейском горизонте мрачными тучами на Западе, снова ярко взшло на Востоке. Благодаря благоприятному повороту событий в Турции началось время, которое поверхностному наблюдателю может показаться блестящей эпохой. Еврей, которого без всяких церемоний сожгли бы на костре в странах креста, занимал очень влиятельное положение в стране полумесяца, дослужился до звания герцога и правил многими христианами. Все евреи Турции, насчитывающие миллионы человек, поднялись вместе с ним до свободного и почетного положения, на зависть своим презираемым и менее многочисленным собратьям в христианской Европе. С яростью ненавидящие евреев христианские властители видели, как их планы то тут, то там срывались руками евреев, а их внутренние осложнения становились все более запутанными. Раздавленный червяк еще может стать досадой для своих мучителей. Жозеф Насси, или Жуан Микеш, объявленный португальским маррано вне закона, доставил немало хлопот многим христианским правителям и дипломатам, которые были вынуждены униженно льстить ему, хотя они забили бы его насмерть, как собаку, если бы он был в их власти. Прославленная Венецианская республика, могущественное королевство Испания, тщеславное правительство Франции и даже надменное папство - все видели, что он угрожает им.

Жуан Микеш, или дон Джозеф Насси, которого французские государственные деятели хорошо рекомендовали турецкому двору, когда он впервые приехал в Турцию, стал еще более

популярным благодаря своему приятному присутствию, своему изобретательному гению, своему опыту и знанию христианских стран Европы и их политической ситуации. Султан Солиман, который хорошо разбирался в людях, вскоре завоевал его расположение. Он разработал обширные планы по началу войны с Испанией и оказанию помощи магометанам на побережье Африки против тех, кто кормил кол. Джозеф Насси, благодаря своему богатству и привязанности своих единоверцев в христианских странах, был хорошо информирован о том, что происходило при христианских дворах, и мог сообщать султану о состоянии политических и военных дел, избавляя последнего от необходимости нанимать шпионов или позволять христианским послам при его дворе вводить себя в заблуждение. Дон Джозеф мог помочь ему мудрым советом и, таким образом, как франкский бей, вскоре стал очень важной персоной в Константинополе и смог оказывать материальные услуги последователям своей собственной религии. Благодаря счастливой случайности его значение еще больше возросло. Ненависть и зависть царили среди сыновей Солимана, и отец отдавал предпочтение младшему из-за его военных наклонностей. Придворные держались в стороне от отвергнутого принца Селима и не вступались за него перед его отцом. Только Джозеф Насси горячо настаивал на требованиях Селима к своему отцу, и когда последний захотел проявить свою благосклонность к сыну, сделав ему красивый подарок в размере 50 000 дукатов наличными и 30 000 ценных вещей, он выбрал своего любимца-еврея в качестве переносчика подарка в резиденцию Селима в Малой Азии. Принц, вне себя от радости как от подарка, так и от этого доказательства благосклонности, с этого момента стал очень дружелюбен по отношению к посланнику и заверил его в своей пожизненной благодарности. Он стал любимцем и доверенным лицом еврейского бея и назначил его членом лейб-гвардии (мутафаррика) - чести, к которой страстно стремились даже сыновья христианских князей и за которую полагалось большое жалованье.

Послы христианских дворов с досадой наблюдали растущее влияние еврейского фаворита, осведомленного обо всех их заговорах, на будущего султана и распространяли о нем самые лживые слухи. Они сообщили своим придворным, что Джозеф Насси вовлекал принца во всевозможные оргии и бесчинства и разорял его. Послы Венеции и Франции были настроены крайне враждебно, потому что он разгадал их коварные замыслы против турецкого двора и сумел сорвать их, и особенно потому, что у него были личные ссоры с ними. Правительство Венеции заключило в тюрьму его тещу, лишило ее части имущества, а также пренебрежительно обошлось с ним; французский двор задолжал огромную сумму (150 000 дукатов) дому Мендес-Насси и не думал ее возвращать. Французский посол, следовательно, очень желал разорения Иосифа; он написал Генриху II, чтобы тот проинформировал султана Солимана о том, что Иосиф Насси поставил в известность врагов Франции обо всех переговорах, которые велись при турецком дворе, и что, будучи испанцем, он делал это в интересах Испании. Но вместо того, чтобы наказать его, принц Селим и правящий султан вступились за Иосифа и настоятельно настояли, чтобы французский двор выплатил долг их еврейскому фавориту. Генрих II и его преемник выдвинули возражение против вполне обоснованного требования Джозефа, характерного для — скажем так, христианской? — морали того времени. Они утверждали, что и закон, и религия запрещали королю возвращать долг своему еврейскому кредитору, потому что евреям было полностью запрещено вести бизнес во Франции и что все их имущество могло быть конфисковано королем. Султан и его сын, конечно, не признавали этот кодекс морали и с полупонамеками настаивали на том, чтобы Джозеф Насси был удовлетворен. Иосиф Насси так высоко поднялся в глазах султана Солимана, что последний подарил ему участок земли в Палестине, на берегу Тивериадского моря, чтобы он восстановил город Тивериаду под своим

собственным правлением, с явной привилегией проживать в нем только евреям. Дарственная была подписана правящим султаном, Селимом, наследником престола, и его сыном Мурадом, чтобы сделать ее действительной в будущем и не подлежащей оспариванию. Селим предложил своему отцу еще больше вознаградить Иосифа за его услуги и сделать его полновластным правителем Наксоса и некоторых других островов. Но визирь Магомет Соколлы, христианский ренегат, ревниво наблюдавший за растущей властью еврейского фаворита, похоже, воспротивился этому и расстроил план.

После смерти Солимана, когда Селим II въехал в свою столицу, чтобы принять оммаж своих подданных (1566), а Джозеф также явился, чтобы присягнуть на верность новому суверену, он назначил его на месте герцогом Наксоса и Киклад, Андро, Паро, Антипаро, Мило, всего двенадцати островов, которые он отдал ему один за другим и за которые ему пришлось заплатить лишь небольшую дань. Он также предоставил ему право взимать пошлины, уплачиваемые в Причерноморье на импортные вина.

Таким образом, еврей смог отдавать свои приказы в следующем высокопарном стиле: "Мы, герцог Эгейского моря, владыка Андро". Иосиф не жил в столице своего герцогства, где он был бы слишком далеко от центра событий, а остался в своем красивом дворце Бельведер недалеко от Константинополя и передал управление островами испанскому дворянину, христианину по имени Коронелло, чей отец был губернатором Сеговии. Как ни ревниво христианские князья относились к этому еврейскому герцогу, поставленному наравне с ними, европейские дела были в таком состоянии, что они были вынуждены не только признавать его, но даже льстить ему. Если они хотели чего-то добиться при турецком дворе, то не осмеливались игнорировать его, зная, как высоко он пользовался расположением Селима и каким весом пользовалось его мнение в диване. Когда австрийское посольство от императора Фердинанда I прибыло в Константинополь (после новых побед, одержанных турками в Венгрии), чтобы просить мира и завоевать высших сановников подарками и ежегодными субсидиями, ему было поручено также заключить условия с Иосифом Наксосским. Его злейшие враги были вынуждены скрывать свою ненависть. Два государства, которые больше всего стремились противостоять ему, а именно Франция и Венеция, остро ощутили на себе власть еврейского герцога.

Король Франции отказался выплатить долг, заключенный с домом Маррано Мендесов и переданный Джозефу. Последний легко добился от султана фирмана, в силу которого ему разрешалось захватывать все корабли под французским флагом, заходившие в любую турецкую гавань. Иосиф Наксосский послал каперов до самого Алжира, чтобы совершить налет на французские торговые суда. Наконец ему удалось завладеть несколькими судами в порту Александрии, захватить все товары, находившиеся на борту, и продать их, чтобы выплатить причитающийся ему долг (1569). Французский двор поднял шум, протестовал, бушевал, но все было напрасно; Селим защищал своего фаворита. В результате в дипломатических отношениях двух стран возникло охлаждение, которое нанесло больший ущерб Франции, чем Турции.

Поэтому французский посол при Порте очень хотел добиться свержения Иосифа Наксосского. Речь шла не только о его собственной чести, но и о чести французской короны. Французы часто хвастались в европейских кабинетах министров, что их слово имеет наибольший вес и влияние при турецком дворе и что они в состоянии повести диван за собой для принятия решения о войне или мире по своему усмотрению. И теперь было доказано, что этим самым судом было нанесено грубое оскорбление французскому флагу, и что Франция даже не была в состоянии

требовать сатисфакции от еврея, нанесшего оскорбление. Французский посол, таким образом, направил свои усилия на то, чтобы превратить это свержение в триумф, усугубив падение влиятельного еврея. Вскоре появилась возможность выразить недовольство одному из агентов Джозефа. Врач-еврей по имени Давид или Дауд, один из ординарных врачей при турецком дворе, а также находившийся на службе герцога, посчитал, что его начальник пренебрег им, и между ними возникла ссора. Как только французский посол узнал об этом, он попытался раздуть пламя раздора, пообещал Дауду определенную сумму денег и место переводчика во французском посольстве с годовым жалованьем, а затем вступил с ним в отношения, чтобы получить секретную информацию об Иосифе Наксосском. В своем раздражении Дауд позволил увлечь себя поспешными выражениями. Он пообещал предоставить французскому послу полные доказательства того, что Иосиф Наксосский вел предательскую переписку с Портой. Он взялся представить документы, подтверждающие, что Иосиф ежедневно отправлял информацию папе римскому, королю Испании, герцогу Флоренции, Генуэзской республике, короче говоря, всем врагам султана и держал их в курсе всего, что происходило в Порте. Обрадованный возможностью свергнуть еврейского герцога, он шифром сообщил королю Франции и коварной королеве-матери Екатерине Медичи, что он вскоре будет в состоянии привести могущественного врага французского влияния при турецком дворе на эшафот (октябрь 1569 г.).

Еврейский герцог оказался в положении величайшей опасности, а вместе с ним, вероятно, и все евреи турецкой империи. Если бы Дауд смог довести свою ненависть до открытого обвинения, если бы французские деньги могли поддержать интригу, и если бы великий визирь Магомет Соколли, смертельный враг Иосифа, мог взять дело в свои руки, последнее было бы проиграно. Но французский посол счел разумным некоторое время держать этот вопрос в секрете.

Несмотря на эту секретность, интриги Дауда и французского посла были раскрыты Иосифу Наксосскому, и он смог заранее быть с ними. Ему было нетрудно убедить султана Селима в том, что он всегда служил ему верой и правдой и что из всех его придворных он был к нему наиболее искренне привязан. Он получил указ султана, по которому предатель Дауд был пожизненно сослан на Родос, криминальную колонию турецкой империи. Либо по наущению донна Джозефа, либо по собственному побуждению все раввины и общины Константинополя наложили на Дауда и двух его сообщников самую суровую форму отлучения от церкви. Раввинские коллегии крупнейших турецких общин во главе с Джозефом Каро в угодливой лести присоединились к ним, предварительно не убедившись в невиновности или виновности Дауда. Экстраординарные усилия французского посла и двора добиться свержения Жозефа, таким образом, потерпели полный провал и оставили в душе последнего чувство вполне оправданной горечи, которое побудило его еще больше стремиться помешать дипломатическим планам Франции.

Иосиф Наксосский еще более сурово обошелся с государством Венеция. Между еврейским герцогом и республикой царил тайная вражда, которую оба тщетно пытались скрыть комплиментами. Независимо от жестокого обращения, которому подверглась его теща со стороны венецианского правительства, оно отклонило просьбу Джозефа о безопасном проезде через свои владения для него и его брата. Селим, не очень хорошо настроенный по отношению к венецианцам, часто подвергался уговорам своего еврейского фаворита положить конец давно существовавшему миру между ними и приступить к завоеванию венецианского острова Кипр.

Несмотря на нежелание Магомета Соколли, первого визиря, который был благосклонен к венецианцам, война была начата.

Говорят, что султан пообещал Иосифу, что тот станет королем Кипра, если предприятие окажется успешным, а герцог Наксосский, как говорят, держал в своем доме наготове знамя с надписью "Иосиф, король Кипра". Его европейские союзы облегчили это начинание. В то время как Магомет Соколли все еще поднимал вопрос о согласии на морскую войну такого характера, Джозеф получил известие, что арсенал в Венеции был разрушен взрывом. Иосиф и группа в диване, которую он приобрел для войны, воспользовались затруднением, причиненным таким образом Венецианской республике, и убедили султана разрешить атакующему флоту немедленно отплыть. Никосия, один из главных городов Кипра, пал при первом же штурме, а другой, Фамагуста, был плотно осажден.

В этом случае, как часто бывало прежде, все евреи были привлечены к ответственности за действия одного человека. То, что венецианское правительство в начале войны заключило в тюрьму всех левантийских купцов в Венеции, по большей части евреев, и конфисковало их товары, было вполне естественным при варварском состоянии отношений между одним государством и другим. Но то, что сенат по наущению враждебно настроенного дожа Луиса Мочениго принял решение (декабрь 1571 г.) изгнать всех евреев из Венеции как соучастников заговора Джозефа Насси и турецкой империи, было результатом расовой ненависти, поощряемой христианством. К счастью, все зашло не так далеко. Несмотря на попытки фанатичного папы Пия V создать лигу христианских государств против Турции, организовать крестовый поход против так называемых неверующих и изгнать турецкий флот из вод Кипра, город Фамагуста был вынужден уступить турецкому командующему, и таким образом весь остров перешел в руки Турции. Венецианцы были вынуждены просить мира и всю свою надежду добиться его возлагали на влиятельного еврея, который должен был вести переговоры. Несмотря на торжественное решение венецианского сената о том, что никто не должен осмеливаться сказать ни слова в пользу евреев, их приходилось терпеть, потому что они не осмеливались полностью порвать с евреями в Турции.

Власть последних была, действительно, настолько велика, что христиане, как правило, просители, обращались к ним за помощью. В Нидерландах поднялось серьезное восстание против Испании и угрюмого короля Филиппа II, который хотел ввести кровавый трибунал инквизиции. Варварские альвы пытались подавить отступничество и вернуть заблудших в лоно католической церкви с помощью человеческих гекатомбов. Плаха должна была поддерживать крест. В этой крайней ситуации повстанцы обратились к Иосифу Наксосскому, который имел дела с некоторыми представителями знати Фландрии со времен своего пребывания там. Принц Вильгельм Оранский, вдохновитель восстания, отправил личного гонца к Иосифу Наксосскому, умоляя его убедить султана объявить войну Испании, что потребовало бы вывода испанских войск из Нидерландов. Австрийский император Фердинанд также снизошел до того, чтобы адресовать письмо с автографом еврейскому герцогу, чтобы заручиться благосклонностью Порты, что усилило зависть великого визиря. Сигизмунд Август, король Польши, который надеялся на важную услугу со стороны Порты, также обратился к нему, дал ему титул "Светлейшее высочество" и, что было более важно, пообещал благоприятные условия евреям в своей стране, чтобы обеспечить одобрение Иосифом его планов.

Мы можем почти сказать, что диван, или турецкий государственный совет, при султане Селиме состоял из двух партий, пытавшихся поставить друг другу мат: христианской партии, представленной первым визирем, и еврейской, возглавляемой Иосифом Наксосским. Через него и помимо него были другие евреи, которые, хотя и занимали лишь подчиненное положение, оказывали влияние — мужчины на должностных лиц, женщины — на дам гарема. Благоклонное отношение султана Селима к евреям было настолько очевидным, что распространилась история о том, что по рождению он был евреем, которого ребенком насильно поместили в гарем как принца. Даже великий визирь Магомет Соколли, хотя и был врагом Иосифа Наксосского и еврейского влияния, был вынужден нанять еврейского переговорщика и поручать ему важные поручения. Венецианский посланник, которому было приказано тайно действовать против евреев при турецком дворе, сам помог такому человеку обрести влияние.

Соломон бен Натан Ашкенази, который почти тридцать лет вел дипломатические дела Турции при христианских дворах и сменил Насси, был неизвестной личностью в Константинополе в тот период, когда герцог Наксосский обладал мощным голосом в совете. Происходя из немецкой семьи из Удине, он рано начал путешествовать и отправился в Польшу, где дослужился до первого королевского врача. Переехав в турецкую столицу, он объявил себя подданным венецианской республики под защитой дипломатических агентов Венеции. Соломон Ашкенази понимал Талмуд, и его называли раввином, но проявил величайший интеллект и мастерство в тонкостях дипломатической формальности, в распутывании запутанных вопросов, в переговорах, соглашениях и компромиссах. За эти качества его уважали сменявшие друг друга венецианские агенты в Константинополе. Первый министр турецкого двора признал его дипломатические способности, пристроил к себе на службу и доверял ему до конца его жизни выполнение таких поручений, выполнение которых требовало такта, мудрости и проницательности. В то время как турецкое оружие было поднято против венецианцев, Соломон Ашкенази начал плести паутину для будущего мирного договора.

Христианские кабинеты министров не подозревали, что ход событий, вынудивший их встать на сторону той или иной партии, был приведен в движение еврейской рукой. Особенно это было заметно при избрании польского короля. Смерть (июль 1572 г.) последнего польского короля из рода Ягеллонов Сигизмунда Августа, не оставившего наследника, потребовала подлинных выборов из неопределенного числа кандидатов, и это привело всю Европу, во всяком случае кабинеты министров и дипломатические круги, в крайнее возбуждение. Германский император Максимилиан II и русский правитель Иван Жестокий были наиболее тесно связаны с выборами как соседи Польши. Первый сделал все, что мог, чтобы обеспечить выбор своего собственного сына, а второй хвастался, что он или его сын будут избраны королем. Папа замыслил посадить на трон Польши католического принца; в противном случае следовало опасаться, что выбор короля в пользу Реформации, которая уже набирала обороты среди знати и горожан Польши, усилит движение и что страна освободится от папства. С другой стороны, протестантские страны Германии и Англии, и, прежде всего, приверженцы различных сект новой церкви в самой Польше, чувствовали величайший интерес в обеспечении избрания суверена их собственной веры или, по крайней мере, такого, который не был бы агрессивным католиком. К этому добавились личные амбиции могущественной французской королевы, которая вмешалась ловкой рукой. Овдовевшая королева Екатерина Медичи, столь же умная, сколь и лживая, которая верила в астрологию и которой было объявлено, что каждый из ее сыновей должен носить корону, хотела заполучить иностранный трон для своего сына, Генриха Анжуйского, чтобы астрологическое пророчество не исполнилось со смертью ее правящего

сына, Карла IX. Поэтому она и ее сын, король Франции, пустили в ход все рычаги, чтобы посадить Анжу на трон Польши. У Турции также были важные интересы и мощный голос при избрании короля Польши. В результате выборов сложился клубок заговоров и интриг. Каждый кандидат стремился создать сильную партию среди высшего и мелкого дворянства Польши, а также снискать расположение Порты. Поначалу казалось, что у Генриха Анжуйского есть некоторые шансы на успех, но этому помешала кровавая резня Святого Варфоломея во Франции, в ходе которой по намерению короля и королевы-матери сто тысяч гугенотов, великих и малых — мужчин, женщин и детей — подверглись нападению и были убиты (26 августа 1572 г.). Такое варварство, спланированное и хладнокровно осуществленное, было неслыханным в европейской истории со времен кровавого нападения на альбигойцев в XIII веке по приказу папы. Лютеране и другие приверженцы Реформации во всех странах были совершенно ошеломлены этим ударом. Кандидаты на польский престол стремились нажиться на этом против Анжу. Тем больше французский кандидат, его мать и его брат были вынуждены стремиться привлечь Порту на свою сторону. С этой целью в Константинополь был направлен чрезвычайный посол. Таким образом, выбор короля Польши пал на еврея, который был на заднем плане, поскольку Соломон Ашкенази полностью управлял великим визирем, подчинялся его воле и управлял иностранными делами от имени султана. Соломон принял решение в пользу Генриха Анжуйского и привлек на свою сторону великого визиря. Когда Генрих Анжуйский, благодаря стечению благоприятных обстоятельств, был наконец избран почти единогласно (май 1573 г.), французский посол хвастался, что он был не одним из последних, кто добился этого избрания. Но Соломон Ашкенази отважился написать королю Польши, впоследствии королю Франции под именем Генриха III, следующее: "Я оказал вашему величеству важнейшую услугу, обеспечив ваше избрание; я осуществил все, что было сделано здесь" (в Порту).

Большая сенсация поднялась по всей христианской Европе, когда Порта назначила этого еврейского врача и дипломата заключить мир, который он в течение нескольких лет пытался заключить с Венецией, и таким образом заявить о себе как о человеке высочайшего официального значения. Еврейский посол не был принят без сопротивления прославленной республикой. Этот вопрос горячо обсуждался в сенате, и члены правительства были против него. Но, с одной стороны, великий визирь Магомет Соколлы был настроен на это решительно, потому что Соломон пользовался его безоговорочным доверием и хотел через него установить дипломатические отношения для других целей. С другой стороны, слова венецианского консула Марка Антонио Барбаро, который неоднократно заверял свое государство в том, что еврейский дипломат питает самые теплые симпатии к Венеции, произвели большое впечатление. В этих обстоятельствах "раввин Соломон Ашкенази", как его называли, отправился в Венецию в качестве чрезвычайного посланника из Турции. Когда его признали, сановники республики, дож и сенаторы, оказали ему величайшие почести и внимание, потому что турецкий двор был очень чувствителен в этом вопросе и расценил бы отсутствие должного уважения к своему представителю как оскорбление. Таким образом, Соломон был принят на государственной аудиенции во дворце дожей, и там им был подписан мирный акт между Турцией и Венецией от имени первой. Синьория оказывала ему самое вежливое внимание во время его пребывания в Венеции (с мая по июль 1574 г.), и все европейские послы в Венеции оказывали ему знаки внимания.

Соломон был ангелом-избавителем для своих единоверцев в Венеции. Их радость по поводу чести, оказанной властями одному из представителей их расы, смешивалась с тревогой и

печалью из-за угрозы изгнания. Дожд Мочениго настоял на выполнении указа о высылке, ранее изданного против евреев. Многие еврейские семьи уже уехали, не дожидаясь истечения срока. Соломон договорился с Якопо Соранцо, венецианским агентом в Константинополе, принять этих несчастных. Вернувшись в Венецию, Соранцо сразу же вынес вопрос о евреях на рассмотрение совета дожей и Десяти. Он дал им понять, какой вред нанесет республике изгнание евреев. Те, кого изгнали из Испании и Португалии, производили ружья и другое вооружение для турок, и было бы серьезным делом нажить врагов у народа, который представлял собой силу в Турции. Поддерживать дружбу с этой страной было бы самой надежной гарантией мира, поскольку ни папе, ни Испании нельзя было доверять. Этот искренний призыв Соранцо в пользу евреев изменил отношение к ним дожа и диечи (десяти). Указ об изгнании был отменен (19 июля 1573 г.), и присутствие Соломона в Венеции усилило радость его единоверцев, поскольку он получил от них обещание, что им больше никогда не будут угрожать изгнанием. Осыпанный почестями и обогатившийся подарком в десять фунтов золота, Соломон вернулся в Константинополь, где его положение стало более уверенным, а значимость возросла как никогда. К его сыну, который получил образование в Венеции, дожд относился с величайшим уважением.

Вследствие влияния Иосифа Наксосского на султана Селима и Соломона Ашкенази на премьер-министра Магомета Соколли иностранные христианские дворы еще более усердно стремились добиться расположения турецких евреев в Стамбуле. Если кто-то из них хотел добиться чего-либо с Портой, он прежде всего искал еврейского посредника на переговорах, потому что без этой помощи не было никаких шансов на успех. Даже угрюмый Филипп II Испанский, этот воплощенный ненавистник евреев и еретиков, был вынужден обратиться к еврейским посредникам, чтобы добиться мира с турками. Таким образом, положение евреев в Турции, и прежде всего в столице, под самым присмотром их могущественных покровителей, было необычайно благоприятным. Они могли свободно использовать все свои силы и таким образом заработали богатство, которое тогда означало власть, как и сейчас. Оптовая торговля и таможенные сборы были в основном в их руках; они также занимались оптовыми перевозками и подражали венецианцам. Им принадлежали самые большие и лучшие дома с садами и киосками в Константинополе, равные домам великого визиря.

Это процветание, свобода и безопасность турецких евреев не могли не вызвать возвышенного настроения, открыть перспективу за пределами реального настоящего и побудить их умы к деятельности. Ментальная плодовитость испанских евреев, которая вынесла на свет божий так много прекрасного и истинного, не была исчерпана или угасла в Турции. Вкус к истории и событиям за пределами еврейского мира еще не был для них утрачен. Мозес Альмоснино, любимый проповедник в Салониках, находясь с визитом в Константинополе, чтобы добиться привилегий для общины Салоник, описал жизнь в турецкой столице с ее контрастами раскаленной жары и ошеломляющего холода, ее удивительного богатства и ужасающей бедности, ее изнуряющей роскоши и тяжелых лишений, ее экстравагантной щедрости и бессердечной жадности, преувеличенного благочестия и черствого безразличия, которые следовали одно за другим внезапно, без какого-либо постепенного перехода. В своей испанской работе "Контрасты и величие Константинополя" Альмоснино пером мастера описал мощь и развитие турецкой империи. У него был вкус к наукам и философии, и он излагал свои проповеди, а также Священные Писания в научной форме.

Врач Сэмюэль Сулам, тоже испанец по происхождению, также питал большой интерес к истории. Он вел жизнь, полную приключений, пока в Константинополе его не подобрала еврейка по имени Эстер Кира, пользовавшаяся большим расположением султанши. Он опубликовал бедную, но полезную хронику Закуто за ее счет (1566-1567). Этот любимец придворной еврейки также перевел с латыни интересную работу старого еврейского историка Иосифа Флавия "Против нападок Апиона, александрийского врага евреев", став первым еврейским писателем, использовавшим ее. Темная сторона еврейской истории, тысячелетнее мученичество еврейской расы, была в то же время описана более компетентным историком, ныне достопочтенным Джозефом Коэном испанского происхождения. Его "Долина плача" представляет собой длинный ряд скорбных сцен, пыток, смерти и страданий во всех формах, но он смог завершить свою историю радостной вестью о том, что венецианцы стремились, хотя бы из соображений политики, воздать почести еврею, турецкому послу Соломону Ашкенази.

Даже еврейская поэзия расцвела в этот период в Турции, и хотя это были всего лишь осенние цветы, со следами влажных туманов и бледного солнца, они составляли приятный контраст с безрадостной зимней пустошью других регионов и времен. Но нас больше интересует инициатор этих усилий, чем сами постановки. Им был некий Ибн-Яхья из турецкой ветви этой широко распространенной семьи. Эта семья сохранила благородство сердца и разума на протяжении длинной череды поколений. Прадед Джейкоб Там, дед Гедалья Ибн-Яхья, внук Моисей и правнук Гедалья Ибн-Яхья II, со всеми побочными ветвями, без исключения были друзьями учености и делились своим имуществом с бедными. Моисей Ибн Яхья не только потратил тысячи дукатов на больных во время чумы, но даже подвергся смертельному риску, ухаживая за больными. Его сын Гедалья, мудрый человек и приятный оратор, подражал своему отцу во всех его добродетелях и своей любовью к поэзии превосходил его в умственных способностях. Он создал своего рода школу или поэтический кружок, то есть время от времени собирал за свой счет всех, кто интересуется неоеврейской поэзией, для чтения своих стихотворений и убеждал тех, кто находился на расстоянии, присылать ему плоды своей музыки, чтобы поощрить их рвение к этому прекрасному, но заброшенному искусству. В этом многочисленном кругу выделились два поэта - Иегуда Зарко и Саадио Лонго. К ним мы можем добавить Израэля Наджару, плодовитого стихотворца, живущего в Дамаске. Это правда, что в стихах этих авторов не так уж много настоящей поэзии и что авторы заслуживают названия поэтов только из-за плавности и благозвучия своего стиля. Как само собой разумеющееся, эта группа поэтов превозносила в своих стихах Гедалью Ибн-Яхью, своего покровителя.

Турецкие евреи также писали латинские стихи в безопасности и комфорте своей нынешней жизни. Писателями были, конечно, иммигранты-марраны, которые выучили язык своих угнетателей в застенках Испании и Португалии. Когда добросовестный врач Аматус Лузитанус, к помощи которого обращались как короли, так и нищие, и который из-за нетерпимости реакционной политики эмигрировал из Италии в Салоники и там приобрел новых друзей и почитателей, пал жертвой своей самоотверженной энергии и умер от чумы, один из его друзей, маррано Флавио Якопо де Эвора, сочинил ему памятник в прекрасных латинских стихах следующего содержания:

Тот, кто так часто вспоминал дыхание, почти покинувшее умирающих, и поэтому был любим царями и народами, лежит далеко от земли своего рождения, под пылью Македонии.

Возвышение турецких евреев и их удовлетворенность своим нынешним положением вселили в них мысли о независимости. В то время как евреи христианского мира не имели такой мысли и с незапамятных времен считали себя в состоянии подчинения своим хозяевам, турецкие евреи привыкли считать себя независимыми людьми.

Иосиф Наксосский давно вынашивал мысль об основании еврейского государства. Еврей и государственный деятель в нем жаждали этого, и огромное богатство его тещи, над которым он имел контроль, должно было послужить ему средством для осуществления этого. Даже будучи беглым Маррано, он всерьез обратился к Венецианской республике с просьбой отдать ему один из своих многочисленных островов, чтобы он мог заселить его еврейскими жителями. Но в этом было отказано либо из-за ограниченности христиан, либо из-за боязни торговой конкуренции. Когда позже Иосиф оказался в большом фаворе у принца Селима, а также у султана Солимана, он получил от них, помимо семи деревень, руины города Тверии, чтобы маленькое еврейское государство было населено только евреями. Он послал одного из своих агентов проследить за восстановлением Тверии. Турецкий принц отдал египетскому паше строгий приказ оказывать всяческое содействие строительству. Арабские жители соседних деревень были вынуждены выполнять принудительные работы, и строительство новых красивых домов и улиц города Тверии было завершено за год. Иосиф Наксосский хотел превратить его в промышленный город, способный конкурировать с Венецией. Он посадил тутовые деревья для разведения шелкопрядов и ввел ткацкие станки для производства шелка; он также импортировал шерсть из Испании для изготовления тонких тканей.

Иосиф, похоже, не направлял всю свою энергию на маленькое еврейское государство; его планы были гораздо более масштабными, и поэтому Новая Тверия так и не стала важным местом. Затем он попытался получить остров Наксос в качестве герцогства вместе с прилегающими островами Эгейского моря, и когда ему посчастливилось быть назначенным герцогом султаном Селимом, он больше не думал о населении своего маленького островного государства евреями; возможно, это было невыполнимо. Следующим его намерением было стать королем Кипра. Вполне возможно, что он мог бы превратить этот остров богини красоты в еврейское государство, если бы завладел им, но его враг, великий визирь Магомет Соколли, воспрепятствовал этому. Таким образом, его мечты об основании независимого еврейского государства были развеяны. В действительности Иосиф Наксосский не сделал ничего существенного для иудаизма. Он предпринимал различные попытки, а затем расслаблялся в своих начинаниях или нерационально тратил свои средства.

Тот факт, что евреи занимали чрезвычайно привилегированное положение в Турции в течение столь длительного периода, не привел к соответствующему устойчивому прогрессу. Они не произвели на свет ни одного великого гения, который породил бы идеи, стимулирующие будущие эпохи, и не обозначили новое направление мысли для людей среднего интеллекта. Ни один из лидеров различных конгрегаций не был выше уровня посредственности. Раввины и проповедники были глубоко сведущи в своих конкретных предметах, но шли проторенной дорогой, не делая новых открытий и не внося оригинального вклада даже в свой собственный отдел. Только один раввин оставил потомкам эпохальный труд, который до сих пор обладает значением, каким бы спорным оно ни было; но даже этот труд не содержал ничего нового или оригинального. Джозеф Каро, главный раввин города Сафет в Палестине, после многих лет тяжелого труда завершил работу над новой книгой религиозных предписаний "Шулхан Арух". Религиозные импульсы, мистический фанатизм и честолубие в равной степени повлияли на

создание этой книги. Ибо Джозеф Каро все еще был подвержен странным видениям: он все еще верил, что его повсюду признают высшим авторитетом благодаря составлению его религиозного кодекса, нормы еврейской религиозной жизни; и что таким образом он осуществит возрождение раввинского рукоположения, в котором потерпел неудачу Якоб Бераб; фактически восстановит единство иудаизма, и тем самым ускорит приход Мессии. Он потратил всю свою жизнь на сбор обширного материала, на взвешивание аргументов "за" и "против", на то, чтобы делать выводы и расставлять их по своим местам. Тем самым он удовлетворил серьезную потребность. Не существовало руководства, охватывающего всю область религиозных обрядов. Поскольку Талмуд и более поздние религиозные кодексы в еще большей степени поощряли расхождения во мнениях почти по каждому пункту в вопросах религии, ритуалов, права и состояния брака, постоянно возникали споры, которые приводили к ссорам и расколу в общинах, поскольку редко случалось, чтобы два раввина соглашались по какому-либо вопросу, вынесенному на обсуждение. Каждый мог привести доводы за или против любого аргумента из огромной массы раввинской литературы.

Именно эту путаницу и расхождение во мнениях Джозеф Каро хотел устранить с помощью своего нового религиозного кодекса. Он охватил всю обширную область талмудической и раввинской литературы, хотя его интеллект не мог овладеть ею. Испанец по происхождению, он невольно предпочитал взгляды испанских властей взглядам французских и немецких писателей. Поэтому он позволил пристрастию проникнуть в свой сборник. Разумеется, Каро также допускал различные элементы мистицизма, хотя и весьма скуп, словно не желая ставить Зоар на один уровень с Талмудом в вопросах практического соблюдения религиозных обрядов. Он воплотил в своем Кодексе превосходные заповеди в отношении святости, целомудрия, братской любви, морали и честности в бизнесе, почерпнутые из Талмуда и раввинских писаний; но они исчезают в море казуистических деталей и простых внешних проявлений, в мешанине разделений, "если" и "но". В этой работе предстает совершенно иной вид иудаизма, чем тот, который был раскрыт на Синае, провозглашен пророками или даже преподан Маймуни. Но этот иудаизм полностью соответствовал идеям евреев того периода, и поэтому Кодекс Каро был немедленно с восторгом встречен, распространен и принят как непогрешимый авторитет в Турции, на всем Востоке, в Италии и даже в Польше.

Таким образом, религиозная жизнь получила определенную завершенность и единство, но в ущерб духовности и свободе мысли. От Каро иудаизм получил форму, сохраняемую до настоящего времени. Его мечта частично осуществилась. Его раввинские труды стали общим достоянием иудаизма и придали ему религиозное единство. Но сам он не стал лидером и главенствующим, как неоднократно обещал ему "Дух Мишны": его почитали лишь как одного из авторитетов среди многих других. Еще в меньшей степени он восстановил рукоположение раввинов-судей в члены Синhedриона или каким-либо образом ускорил пришествие Мессии.

В то время в Италии жил человек, который не только превзошел всех своих еврейских современников в своем духе исследования и стремлении к истине, но и который смог бы очистить иудаизм от налета многовековых лишней, если бы тенденции эпохи не противоречили этому начинанию, или если бы у него было больше мужества противостоять ему. Азарья бен Мозес деи Росси (родился в Мантуе около 1514 года, умер в 1578 году), происходивший из старинной итальянской семьи, так глубоко погрузился в книги, что на его теле остались следы тяжелых страданий от чрезмерной учебы. Немоощный, желтый, иссохший, страдающий лихорадкой, он ползал, как умирающий. И все же в этом живом трупе мощный и

здоровый ум работал с большой активностью. Он досконально изучил всю еврейскую литературу, помимо того, что был хорошо начитан в латинских исторических трудах, и он также практиковал медицину. В то же время он вел странствующий образ жизни. Некоторое время он жил в Ферраре, затем в Болонье, был вынужден покинуть этот город из-за преследований и изгнания евреев при Пии V и, наконец, снова навсегда поселился в Ферраре. Он общался с величайшими евреями, христианами и марраносами своего времени, и все с удивлением считали его чудом учености. Он не позволил сокровищам своих знаний мертво лежать внутри себя, но позволил им расти и пышно распространяться. Древняя история обладала для него особой привлекательностью. Но еще более замечательным, чем его обширная начитанность, было то, как он ее использовал. Он был первым, кто соприкоснул две области литературы, которые были далеко друг от друга — Талмуд и его ответвления, Филона, Иосифа Флавия и труды Отцов Церкви, доказав правдивость исторических повествований из уст многих свидетелей. Деи Росси тоже был единственным, кого не удовлетворяли данные традиции; он ничего не принимал за истину, пока не подвергал ее тщательному исследованию.

Случай выявил духовные сокровища Деи Росси. Феррара, где незадолго до этого он поселился после отъезда из Болоньи, подверглась страшному землетрясению (18 ноября 1570 г.), и жители были вынуждены покинуть свои разрушенные дома и искать убежища за пределами города. В одной из деревень Деи Росси случайно встретил ученого христианина, который пытался преодолеть мрачные мысли, вызванные землетрясением, читая греческую книгу еврейской древности. В разговоре Де Росси стало известно, что его единоверцы, даже те, кто обладал некоторой культурой, из-за их одностороннего погружения в Талмуд или устаревшие философские труды, ничего не знали о своей собственной блестящей литературе периода Второго Храма, в то время как христиане прибегали к ней, чтобы развеять меланхолические мысли. Воодушевленный своим другом-христианином, он решил перевести на иврит "Письмо Ариста", которое, как предполагалось, представляло собой речь греческого царя о мудрости евреев, чтобы сделать его доступным для своих единоверцев. Он выполнил это задание за двадцать дней. Это был первый плод его обучения, и он побудил его к дальнейшим начинаниям. Его главный труд, "Свет очей", состоит в основном из параллельных отрывков из талмудических и светских источников на те же темы. Отличие Деи Росси заключается в том факте, что он не придерживался традиции, а применял методы научного исследования к тому, что большинство считало неопровержимыми истинами, и что он использовал нечестивые источники для их разъяснения. Фактические результаты этого исторического расследования, по большей части, оказались несостоятельными. Каким бы сильным ни был Деи Росси в устранении мешающего мусора, его способность к реконструкции была невелика.

Ценность его усилий предстает в должном свете, только если мы сравним их с обстоятельствами его времени или с работами современных авторов на ту же тему, как, например, работы Гедальи Ибн-Яхьи; с ними они составляют полную противоположность.

Потомок итальянской ветви благородного рода Ибн-Яхья, Гедалья унаследовал вкус к знаниям. Он родился в 1515 году и умер в 1587 году. Его богатство позволило ему удовлетворить свой вкус, собрав великолепную библиотеку. В своих добровольных и принудительных путешествиях по северной Италии — поскольку он был проповедником и из-за нетерпимости пап вынужден был вести неустроенную жизнь — он много видел и читал, как священную, так и светскую литературу, но без независимого суждения, без разбора и без понимания сути истины. Сокращенная "История евреев" Ибн-Яхьи вместе с мировой хроникой под названием "Цепь

преданий", над которой он работал почти сорок лет, представляют собой путаную смесь подлинных исторических повествований и простых басен. Но, несмотря на свое легендарное содержание, а может быть, и благодаря ему, его книга нашла большее признание среди евреев, чем исследования Де Росси. Когда первое издание "Света очей" последнего попало в Сафет, ортодоксы этого города объявили его содержание еретическим. Джозеф Каро поручил Элише Галлайко, одному из членов своего раввинского колледжа, составить обвинительный акт, который должен был быть распространен среди всех евреев, с приказом сжечь работу Деи Росси. У жителей Сафетатоже была инквизиция. Но Джозеф Каро умер (в Нисане, т.е. в апреле 1575 г.) до того, как подписал обвинительный акт. Итальянские евреи не были настолько фанатичны, чтобы осуждать Деи Росси, поскольку знали, что он был набожным и чистокровным евреем. Но раввины Мантуи применили процедуру Бен Адрета в отношении изучения светской литературы, то есть они запретили чтение произведений Де Росси молодыми людьми моложе двадцати пяти лет. Вследствие этого полуофициального приговора о ереси книга оказала лишь небольшое влияние на еврейский мир того времени или на поколение, непосредственно следовавшее за ней, и была оценена по достоинству только в совсем недавнее время, когда она создала новый, просвещенный взгляд на историю в еврейских кругах. Но в христианском мире на работу Деи Росси обратили внимание гораздо раньше, она была снабжена комментариями и переведена на латынь.

Как, в самом деле, мог трезвый, критический метод исследования снискать популярность в эпоху, когда мистическая, ошеломляющая Каббала была первым авторитетом, побуждавшим людей ценить слепую доверчивость как высшую добродетель и возбуждавшим духовидческий энтузиазм до высшей степени фанатичного опьянения? Видения Соломона Молчо и Джозефа Каро и их искренний энтузиазм по поводу Мессии были трезвыми по сравнению с волнением, царившим после их смерти и превратившим празднование в настоящий Шабаш ведьм. В течение последних трех десятилетий шестнадцатого века каббала приобрела единоличное господство в Палестине, вызвала видения и поощряла мистические оргии. Оттуда она распространилась по всей Турции, Польше, Германии и Италии, затемняя и запутывая умы людей, оказывая дурное влияние даже на их сердца, не позволяя появиться ни одной здоровой мысли или клеймя такую мысль как еретическую и греховную. И снова, как и в первые дни христианства, Галилея, особенно район Сафет, стали ареной скопища злых духов, людей, одержимых бесами, которые бросали вызов мистическому экзорцизму и раскрывали глубокие тайны; и невозможно сказать, появились ли одержимые благодаря экзорцистам, или последние из первых. Это был период каббалистической мании, сопровождавшийся распутством и моральной деградацией, и ее жертвы презирали не только науки, но даже Талмуд с его призывами к трезвости. Тогда впервые еврейский мир вступил в свой собственный "темный век" со всей подобающей доверчивостью, в то время как в Европе в целом были видны только последние следы такого мрака. Эта тенденция была усилена двумя мужчинами, которые своим фанатизмом и дальновидной экстравагантностью заразили постоянно расширяющийся круг. Это были Исаак Лурья и его ученик Хаим Виталь Калабрезе.

Исаак Лурья Леви (родился в Иерусалиме в 1534 году и умер в 1572 году) происходил из немецкой семьи. Оставшись в раннем возрасте сиротой из-за смерти своего отца, юный Исаак приехал в Египет, в дом богатого дяди, Мардохея Франциска, сборщика налогов, и начал изучать Талмуд. Сухое изучение Талмуда, которое наполняло ум обширными знаниями,

бесплодным ломанием головы и простыми формулами, но не могло удовлетворить потребности сердца, по-видимому, стало отвратительным для Лурьи и привело его к фантастическому мистицизму. Он предпочитал ужасное одиночество страны Нила школьному шуму; абстракцию в мирах мистицизма и благочестивые молитвы решению интеллектуальных проблем. Его очень привлек "Зоар", который тогда был впервые напечатан и, широко распространившись за границей, стал доступен каждому. Чем больше он знакомился с Каббалой, погружаясь в звучащую пустоту Зоара, тем больше он искал уединения и тем меньше общался с мужчинами. Он даже пренебрегал своей молодой женой, посещал свой дом только из субботы в субботу и мало говорил, причем только на иврите. Говорят, что Лурья таким образом провел несколько лет в уединении, и в результате, как и все, чей разум слабее воображения, он стал убежденным провидцем. Мистическая книга "Зоар", его постоянный спутник в этом уединении, способствовала возбуждению его воображения. Твердо убежденный в его подлинности как работы Симона бар Йохая, а также в божественном характере всех раскрытых в нем фантазий и безумств, Лурья упорно видел в нем возвышенные аллюзии и глубокую мудрость. В своем разгоряченном воображении он даже увидел Илию, учителя тайн, лицом к лицу.

Но что открыл ему пророк Илия, или Зоар, или, скорее, его собственное разгоряченное воображение? Сначала он взял на себя труд внести систему, единство и логический порядок в путаницу и запутанность Зоара, как будто можно было ожидать связной мысли в пустой болтовне наполовину слабоумного. Каирский отшельник пытался вывести из этого, как Бог сотворил и упорядочил мир с помощью мистических чисел (Сфирот), или как Божество проявило себя в формах субстанций, или как оно сконцентрировалось внутри себя, чтобы спроецировать конечную природу сотворенных вещей из своей собственной бесконечности. Таким образом, он развил необычайно сложную систему сил и противостоящих им сил, принуждений и контрсил, форм и степеней (Парсофин) в четырех сферах Разделения, Творения, Формирования и Трансформации; и он облек эти пустые абстракции такими чудесными названиями, что впоследствии не без оснований жаловался, что никто не может понять его мистическую систему. И все же Лурья рассматривал эту запутанную теорию сотворения мира всего лишь как своего рода введение в то, что казалось ему гораздо более важной и практической частью Каббалы, посредством которой можно было установить божественный порядок в мире (Олам ха-Тиккун). Эта практическая Каббала Лурьи основывается на не менее удивительном учении о душах, также основанном на видениях Зоара.

Наши души, говорит он, отражают тесную связь между конечным и бесконечным и, следовательно, обладают многообразным характером. Весь душевный материал, который должен был проявиться во временной жизни, был сотворен вместе с Адамом, но каждая душа, в соответствии со своей высшей или низшей степенью, была сформирована в первом человеке, из него или вместе с ним, из высоких или низких органов и форм. Соответственно, существуют души мозга, глаз, рук и ног. Каждое из них должно рассматриваться как истечение, или искра (низуз), от Адама. Из—за первого греха первого человека - ибо Каббала считает первородный грех необходимым для своих причудливых творений — высшее и низшее, высшие и низшие души, добро и зло перепутались и смешались воедино. Даже самые чистые существа, таким образом, получали примесь зла и дьявольского элемента "шелухи" (келифа). Но моральный порядок мира или очищение первого человека не могут быть осуществлены до тех пор, пока не будут уничтожены последствия первородного греха, смешение добра и зла. Из самой злой части душевного материала исходит языческий мир; народ Израиля, с другой стороны, происходит из хорошей части. Но первые не совсем лишены примеси изначального добра, в то

время как вторые не свободны от примеси развращенного и демонического. Это несовершенство постоянно подталкивает к греху и мешает избранной части человеческого рода следовать закону Божьему, Торе. Мессианский период положит конец нарушению божественного порядка, возникшему из-за первого греха, или уничтожит беспорядок, который с тех пор вкрался внутрь, и введет или увидит, что он введен, божественность мира. Следовательно, должно произойти полное отделение добра от зла, и это может произойти только через Израиль, если он или каждый из его членов утратит или отбросит примесь зла. Для этой цели души людей (особенно израильтян) должны странствовать по телам людей и животных, даже по рекам, деревьям и камням. Учение о переселении душ составляет центр и основу Каббалы Лурья, но у него есть своеобразное развитие этой идеи. Согласно этой теории, даже души благочестивых людей должны претерпеть переселение душ, поскольку даже они не свободны от налета зла; на земле нет праведника, который творил бы только добро и не грешил. Таким образом, Лурья решил трудность, которую прежние авторы-каббалисты не могли преодолеть.

Но это разделение добрых и злых элементов в материале мировой души, искупление и уничтожение первородного греха или восстановление божественного порядка в Адаме потребовало бы длительного ряда веков из-за постоянно присутствующего импульса ко греху. Однако существуют средства ускорить этот процесс, и это была действительно оригинальная доктрина, которую сформулировал Лурья. Помимо переселения наших душ, греховных и подвластных демоническим силам, какими они являются, существует другой способ искупления - возвышение или оплодотворение души (*Иббур, superfœtatio*). Если очищенная душа пренебрегла различными религиозными обязанностями здесь, на земле, или не имела возможности выполнить их, она должна вернуться к земной жизни, прикрепиться к душе живого человека и соединиться с ней, чтобы восстановить это пренебрежение. Или же усопшие души людей, освобожденные от греха, снова появляются на земле, чтобы поддержать слабые и колеблющиеся души, которые не могут достичь добра собственными усилиями, укрепить их и привести к конечной цели. Эти чистые души объединяются с более слабыми душами, все еще борющимися, и образуют с ними союз, при условии, что они имеют некоторое сродство друг с другом, *т.е.*, если они происходят из одной и той же искры или органа Адама, поскольку, как правило, только похожие (однородные) души привлекают друг друга, в то время как, с другой стороны, непохожие (разнородные) души отталкивают друг друга. Согласно этой теории, изгнание и рассеяние Израиля преследуют своей целью спасение мира или человеческих душ. Очищенные души благочестивых израильтян соединяются с душами людей других национальностей, чтобы освободить их от демонической нечистоты, которая ими владеет.

Исаак Лурья представлял себе полную систему переселения и объединения душ. Ему также казалось важным знать пол души, поскольку женские души находятся в мужских телах, и *наоборот*, в зависимости от переселения душ и привлекательности в каждом конкретном случае. При заключении брака особенно важно знать, гармонируют ли души мужа и жены друг с другом в отношении происхождения и степени. Посредством этого секрета провидец из Каира надеялся разгадать другую тайну, а именно, каким образом добрые духи могут быть вызваны с небес и в какой-то мере принуждены входить в тела живых людей и, таким образом, разглашать откровения потустороннего мира. Таким образом, он верил, что у него в руках ключ к царству Мессии и возрождению мира. Лурья также верил, что он обладал душой Мессии из ветви Иосифа и что у него была мессианская миссия. Он видел духов повсюду и слышал их шепот в журчании вод, в движении деревьев и травы, в пении или щебетании птиц, даже в мерцании

пламени. Он видел, как после смерти души освобождались от тел, как они парили в воздухе или поднимались из своих могил. Он поддерживал тесные отношения со святыми Библии, Талмуда и раввинами, в частности с Симоном бар Йоханом. Короче говоря, Лурья был провидцем призраков и воскрешателем мертвых, вторым Авраамом Абулафией или Соломоном Молчо, пробуждавшим надежды на пришествие Мессии с помощью каббалистических фокусов, но при всем этом фанатизме он был трезв и софистичен. Он ввел казуистику Талмуда в Каббалу.

В Египте Исаак Лурья почти не пользовался благосклонностью своего "лабиринта высших миров" и своих теорий творения и искупления. Чтобы реализовать свой план искупления, он переехал со своей женой и ребенком в Сафет, Иерусалим мистицизма, где процветала мистическая доктрина, а "Зоар", фальшивое произведение Моисея де Леона, был возведен на тот же уровень, что и Закон Моисея бен Амрама. Почти вся коллегия раввинов и главные лидеры Сафета были каббалистами. В то время это место было процветающим городом, населенным только евреями. Члены общины мало что знали о притеснении или житейских заботах, и поэтому каббалисты могли плести мистические теории сколько душе угодно. Они чувствовали себя в такой же безопасности под покровительством султана, какое оказал еврейскому герцогу Наксосскому султан, как в собственном политически независимом государстве. Каббалисты зашли так далеко в своем подражании католицизму, что приняли аурикулярное исповедание и поклонение мученикам. И это была сцена, на которой Лурья, создателю новой Каббалы, предстояло породить новые аберрации.

Поначалу (около 1569 года) он, по-видимому, не привлекал особого внимания в городе каббалистов. Только благодаря своему знакомству и связи с еще более великим провидцем, возможно, не таким честным, как он сам, он стал влиятельной личностью и заразил всех своими мечтами наяву. Этим человеком был итальянец Хаим Виталь Калабрезе (родился в 1543 году, умер в 1620 году), чей отец, переписчик свитков Закона, приехал в Палестину из Италии. В молодости Виталь ничему основательно не научился; он лишь поверхностно изучил Талмуд и мистические знания. Он обладал диким, экстравагантным воображением и решительной склонностью к приключениям и сенсациям. В течение двух с половиной лет Виталь занимался алхимией и искусством изготовления золота. От этого мистического искусства он обратился к Каббале Лурьи. Неизвестно, кто из этих двух мужчин первым обратился к другому, но несомненно, что каждый, сам того не желая, обманул другого. Вместе они посетили заброшенные места и могилы, особенно могилу Симона бар Йохана, мнимого автора "Зоара", в Мейроне. Это было любимое место Лурьи, потому что там он воображал, что может низвести на себя дух этого предполагаемого вождя мистиков. Время от времени Лурья посылал своего ученика вызывать духов и с этой целью передавал ему определенные формулы, составленные из переставленных букв имени Божества. Конечно, злые духи разбегались перед взором Виталья, в то время как добрые духи привязывались к нему и делились своими секретами.

Именно Виталь распространял сенсационные сообщения об экстраординарных, почти божественных дарах своего учителя и о его власти над усопшими и живущими душами; делая это, как представляется, с искусным расчетом эффекта и огласки. Лурья, когда-то такой изолированный, теперь оказался окружен толпами посетителей; каббалисты, молодые и старые, пришли послушать новое откровение. К нему присоединилось несколько учеников, и он поделился с ними своими запутанными мыслями, приписав каждому изначальную адамитскую душу, обитавшую в нем, переселения, которым она подверглась до своего нынешнего материального существования, и ее функции на земле. Этим людям, уже опутанным

каббалистической сетью, никогда не приходило в голову сомневаться в истинности этих сообщений. Учеников, собравшихся вокруг него, Лурья разделил на два класса: "посвященных" и "послушников".

Мистические беседы и заметки, собеседования и вызывание духов были занятием Лурьи и его последователей. Короче говоря, Лурья был накануне основания новой еврейской секты. В субботу он одевался в белое и носил четырехслойную одежду, символизирующую четыре буквы имени Бога. Основополагающим фактом всех его откровений и усилий было то, что он был Мессией из рода Иосифа, предшественником Мессии из рода Давида. На это, однако, он лишь украдкой намекнул своим ученикам. Его заблуждение состояло в том, что мессианский период начнется в начале второй половины второго периода тысячелетия после разрушения Храма, *то есть* в 1568 году.

Внезапная смерть мистика в возрасте тридцати восьми лет еще больше способствовала его прославлению. Смерть имеет обыкновение преобразовать натуры, подобные его, и почитание их возрастает с годами. С восточным преувеличением, его ученики считали его даже больше, чем чудотворцем; они называли его "Святым и Божественным" и стремились, ради собственной славы, завоевать сторонников для него и его фантастических излишеств. Они заявили, что, если бы Лурья мог прожить всего на пять лет дольше, он бы так эффективно улучшил мир, что, несомненно, начался бы мессианский период. Авраам Абулафия, который развил каббалистическую смесь из своего собственного сознания, был объявлен еретиком и подвергся преследованиям. Исаак Лурья, который сделал то же самое с "Зоаром" в качестве основы, был почти обожествлен.

После смерти Лурьи на первый план вышел Витал Калабрезе. Он немедленно узурпировал своего рода власть над своими товарищами-учениками, притворился, что Лурья на смертном одре назначил его своим преемником, и, притворно повинувшись предсмертной просьбе своего учителя, забрал у них письменные записи, данные им Лурьей. Витал дал понять, что он был Мессией из рода Иосифа. Однако некоторые ученики не обратили на это никакого внимания и сразу же стали учить в разных странах тому, что они получили от самого Лурьи. Специально это сделал Исраэль Сарук в Италии, куда он ездил.

Вред, который каббалистические доктрины Лурьи причинили в еврейских кругах, невыразим. Иудаизм был окружен такой толстой оболочкой мистицизма, что ему даже еще не удалось полностью освободиться и показать свое истинное ядро. Под влиянием Лурьи бок о бок с иудаизмом Талмуда и раввинов сформировался иудаизм Зоара и Каббалы. Ибо именно благодаря ему поддельный "Зоар" был поставлен на один уровень со Священным Писанием и Талмудом, даже выше их.

Мистицизм Лурьи подчеркивал идею, которой странным образом пренебрегали в еврейских кругах, а именно, преданность в молитве, но даже эта преданность выродилась в каббалистическую мелочность. Над каждым словом и каждым слогом предписанных молитв следовало благоговейно размышлять, чтобы можно было размышлять о мирах Сфирот, о количестве имен Бога, скрытых в них, и о многих других вещах. Каббала Лурьи, безусловно, прививала сохранение невозмутимого характера и запрещала уныние или вспышки гнева и дурного настроения. Но эта безмятежность из-за своей мистической обстановки приобрела оттенок скованности и неприятности, как смех сумасшедшего. Суббота, с ее молитвами и трапезами, составляет центральную точку мистического учения Лурьи. Он рассматривал это как

видимое представление мира Сфирот, как воплощение Божественности (Шехина) в мирской жизни, и все действия, совершенные или оставленные невыполненными в тот день, оказывали влияние на высший мир. Последователи Лурьи приветствовали Шаббат, "мистическую невесту", песнопениями, и с этой целью Лурья сочинял халдейские песни, полные неясных и бессмысленных формул. Его Каббала также ввела второй день Искупления. "День Осанны", седьмой день праздника Кущей, ранее отмечался как праздничный день. Даже Джозеф Каро не рискнул в своем кодексе приписать этому дню более высокую, мистическую, религиозную функцию. Школа Лурьи впервые возвела его, опираясь на авторитет Зоара, в ранг второстепенного дня искупления, ввела практику проведения мистического бдения предыдущей ночью и усматривала в каждом листке ивовых ветвей и в семикратных процессиях вокруг свитков Закона более высокий, мистический смысл. Мистицизм Лурьи оказал разлагающее влияние и в отношении морали. Это требовало "гармонии душ" в качестве условия брака, и, следовательно, всякий раз, когда в супружеской жизни проявлялись разногласия, говорилось, что брак не был союзом, predetermined гармонией Сфирот. Поэтому каббалисты расставались со своими женами из-за малейших разногласий в супружеской жизни, чтобы найти гармоничную душу, предназначенную для них. Таким образом, разводы стали частым явлением в каббалистических кругах. Каббалисты часто оставляли своих жен и детей на Западе и, мигрируя на Восток, заключали новый брак или несколько новых браков, и дети от разных браков ничего не знали друг о друге.

Эти развращающие мистические доктрины не остались мертвой буквой, а были немедленно претворены в жизнь их приверженцами. Таким образом, блеск, пролитый еврейским герцогом Наксосским и другими влиятельными евреями при турецком дворе на своих единоверцев на Востоке, стал напоминать блуждающие огоньки, которые заставляют воды стоячего болота мерцать мерцающим светом. Религиозный застой в то время был действительно вопиющим; произошел полный рецидив язычества; и что еще хуже, не прозвучало ни одного предупреждающего голоса, который распознал бы зло или заклеил, хотя и очень слабо, коррупцию такой, какой она была на самом деле. Возможно, чувство полной безопасности, в котором евреи Турции пребывали под властью могущественных защитников своей собственной расы, способствовало этому религиозному беспорядку. Во всяком случае, она не уменьшалась по мере того, как эта защита постепенно исчезала, когда влияние Иосифа Наксосского прекратилось после смерти султана Селима в 1574 году. Его преемник, султан Мурад III (1574-1595), оставил еврейскому герцогу его звание и должности в соответствии с предсмертной просьбой его отца. Но он больше не имел прямого влияния на диван; его вытеснили его противник, великий визирь Магомет Соколли, и его соперник Соломон Ашкенази, и он ничего не мог добиться без интриг через посредство гарема. Джозеф Насси недолго пережил свою частичную опалу; он умер от арифметики 2 августа 1579 года, искренне оплакиваемый евреями. Накопленные им сокровища растаяли вместе с его амбициозными замыслами. Жадный султан Мурад, который спал на горах золота, чтобы их у него не украли, по совету Магомета Соколли конфисковал все его имущество, якобы для покрытия его долгов. Овдовевшая герцогиня Рейна Насси с трудом сохранила свое приданое в размере 90 000 дукатов из состояния своего мужа. Эта благородная женщина, хотя она определенно не обладала духом ни своей матери, донны Грации, ни своего мужа, решила подобным образом потратить свое состояние в интересах распространения еврейских знаний. Она установила еврейскую типографию в своем дворце Бельведер, а затем в деревне под названием Куру-Гисму, на европейской стороне недалеко от Константинополя. Но она была введена в заблуждение Джозефом Аскалони, коммерческим

менеджером, лишенным всякого вкуса, которому она доверила руководство своей типографией, так что в ее заведении (1579-1598) публиковались только незначительные произведения, которым гораздо лучше было бы оставаться в неизвестности. И вот эта благородная семья из двух мужчин и двух женщин, прославленная в свое время, не оставила достойного или прочного памятника; и их деяния, побуждаемые самыми благородными намерениями, сгинули в потоке веков.

После исчезновения герцога Иосифа со сцены возрос престиж еврейского государственного деятеля Соломона Ашкенази, миротворца между Турцией и Венецией. Но многого он смог добиться с помощью своего дипломатического искусства, он не стоял, подобно Иосифу Наксосскому, в авангарде событий как турецкий сановник, а скорее оставался на заднем плане как мудрый и молчаливый посредник. Соломон Ашкенази не имел доступа к самому султану, а лишь поддерживал тайные сношения со сменявшими друг друга великими визирями, правой рукой которых он был. Переговоры между Турцией и Испанией по установлению мира или, по крайней мере, *способа жизни*, желаемого обеими сторонами, из-за гордыни обеих сторон, откладывались, прерывались и возобновлялись. Эти дипломатические переговоры вел Соломон, который обладал большей квалификацией для этой цели, чем кто-либо другой, и спорные вопросы были частично решены им. Он особенно заботился о поддержании хорошего взаимопонимания между Портой и Венецией, и за это был вознагражден дождем: его сыновьям было разрешено жить в Венеции за счет государства.

Также мудрые и здравомыслящие еврейские женщины, обладающие навыками в медицине, приобрели большое влияние благодаря гарему при султанах Мураде III, Магомете IV и Ахмеде I. Среди этих женщин особенно выделялась Эстер Кира, вдова некоего Элиаса Чендали. Она была большой фавориткой султанши Баффы, самой любимой жены Мурада, которая влияла на политику при своем муже, а затем во время правления своего сына. Если христианское государство хотело добиться чего-либо от Порты, оно должно было сначала привлечь на свою сторону еврейского посредника Киру. Венецианцы особенно хорошо знали, как обратить этот факт в свою пользу. Все амбициозные люди, стремившиеся занять высокий пост, проявляли уважение к Кире и обращались к ней с лестью. Естественно, она обогатилась за счет своей тайной власти, как и все в Турции, кто, каким бы сильным или слабым он ни был, был одной из спиц в колесе государства. Она проявляла большой интерес к своей расе, поддерживала бедных и страждущих, кормила голодных и утешала скорбящих. Ее щедрая рука помогла еврейской науке. История Закуто, как упоминалось ранее, была опубликована за ее счет. Естественно, ее положение вызывало зависть. Эстер Кира неосмотрительно позволила вовлечь себя в процесс назначения кавалерийских офицеров, сначала пообещав одному человеку высокий пост, а затем передав его другому. Турецкие спахи, самый гордый класс солдат, очень плохо восприняли это обращение, составили заговор и потребовали ее головы. Заместитель великого визиря Халил пожелал спасти ее и ее сыновей и позволил им укрыться в его дворце. Но на самых ступеньках Эстер Кира и трое ее сыновей были схвачены спахи, разорваны на куски, и их конечности повисли на дверях привилегированных магнатов, получивших свои должности благодаря ее влиянию.

При султани Ахмеди I большим уважением пользовалась другая еврейка, вдова государственного деятеля Соломона Ашкенази. Ей посчастливилось вылечить молодого султана от оспы, которая вскоре после его восшествия на престол угрожала его жизни и от которой турецкие врачи не знали лекарства. Она была щедро вознаграждена за то, что

ухаживала за ним, возвращая ему здоровье. Но подобные знаки благосклонности к евреям становились в Турции все реже и, наконец, прекратились совсем, поскольку империя впала в упадок, и каждый султан стал Сарданапалом; в то время как гарем, с одной стороны, и спахи и янычары, с другой, удерживали бразды правления. Слава турецких евреев погасла, как метеор, и погрузилась в кромешную тьму, время от времени озаряемую причудливыми видениями. Вымогательство, грабеж и открытые акты насилия со стороны пашей по отношению к евреям стали происходить ежедневно, поскольку теперь они были лишены могущественного покровителя в лице султана. Центр иудаизма был перенесен на другую стадию.

ГЛАВА XVIII. ЕВРЕИ В ПОЛЬШЕ.

Состояние Польши—Благоприятное положение евреев в этой стране—Антиеврейская партия в Польше—Еврейские общины—Поляки—иудействующие—Изучение евреев—Талмуд в Польше—Соломон Лурья—Моисей Иссерлес—Историк Дэвид Ганс—"Цемах Давид"—Верховенство польских властей в раввинских вопросах—Еврейские семинарии в Польше—Диспуты на ярмарках—Хиддушим и Чиллуким—Стефан Батори—Его доброта по отношению к своим еврейским подданным—Сигизмунд III—Ограничение на возведение синагог—Еврейские синоды—Ваад Арба Аразот—Мордехай Яфа—Христианские секты в Польше—Социнианцы или унитарии—Симон Будный—Реформаторы и евреи—Исаак Троки—"Укрепление веры".

1566–1600 С.Е.

Польша, которая в этом столетии стала великой державой благодаря союзу с Литвой при сыновьях Казимира IV, как и Турция, была убежищем тех, кто был объявлен вне закона или подвергался преследованиям. Каноническое христианство с его любовью к преследованиям еще не пустило там прочных корней; и монархический деспотизм, поощряемый священниками в своей упрямой решимости добиваться всех своих целей, невзирая на последствия, не мог одержать верх над независимым духом польской знати. Старосты бесконтрольно правили в своих провинциях, подобно английским и шотландским лордам и кланам, и могли отразить посягательства королевской семьи. Реформатская вера, то есть учение Кальвина, была с готовностью принята дворянством и средними классами. Таким образом, Польша и в этом столетии была второй Вавилонией для евреев, в которой в целом они были защищены от кровавых преследований, где некоторые из них могли занять респектабельное положение и где им было позволено беспрепятственно развивать свою индивидуальность. Когда евреи были изгнаны из Богемии и направили свои стопы в Польшу, их приняли доброжелательно. Действительно, они ценились так высоко, что считалось, что народ не может без них обойтись. Когда, привлеченные благоприятным положением их братьев в Турции, многие приготовились переселиться туда, король приложил все усилия, чтобы удержать их в своей стране либо убеждением, либо принуждением. Очень мало имело значения, каковы были отношения короля к ним; ибо независимо от того, был ли он доброжелательно или недоброжелательно настроен, дворяне защищали тех, кто жил в их поместьях, от любых нападков, поскольку это не ущемляло их собственные интересы. При одних царях евреи получали милости, при других подвергались

ограничениям, в зависимости от того, преобладали ли враждебные или дружественные влияния.

Но в Польше была партия, враждебная евреям. Оно недовольно смотрело на их более благоприятное положение в этой стране по сравнению с остальным христианским миром и попыталось отменить статут Казимира IV, все еще действующий, дающий защиту от чрезмерно суровых преследований. Она состояла, с одной стороны, из католического духовенства, которое сожалело об отсутствии в польском законодательстве канонических ограничений в отношении евреев; с другой стороны, из немецкого купечества и ремесленничества, которые опасались еврейской конкуренции.

Оценки количества евреев в Польше в то время не существует. Говорят, что взрослых было 200 000 человек. Община в Познани насчитывала 3000 членов, и примерно столько же было в Кракове, или, скорее, в пригороде Казимеж, куда они ранее были сосланы. Третья по численности община находилась в Люблине. Евреям приходилось платить много налогов под разными предлогами. Действительно, с этой целью они были приняты, и по этой причине их терпели в стране, и их защищали короли и знать, поскольку они были почти единственными в этой бедной стране, у кого были деньги. Также по этой причине короли поощряли их коммерческие предприятия. Когда Сигизмунд Август вскоре после своего восшествия на престол вел переговоры о продлении мира с русским царем Иваном IV, прозванным "Грозным", он поставил условие, что евреям Литвы будет разрешено, как и раньше, свободно вести торговлю с Россией. Но Иван категорически отказался от этого условия; он не желал видеть никаких евреев в своем королевстве. "Нам не нужны эти люди, - сказал он, - которые принесли нам яд для наших тел и душ; они продавали нам смертоносные травы и хулили нашего Господа и Спасителя". Иудействующая секта была основана около семидесяти лет назад евреем по имени Захария, к этой секте принадлежали даже некоторые священники и митрополит по имени Зосина. Эта прозелитическая секта продолжала существовать до начала шестнадцатого века, но ее приверженцы подверглись жестоким преследованиям, когда их обнаружили. По этой причине евреям не разрешалось въезжать в Россию.

В результате Реформации, которая проникла в Польшу, там развились более чистый вкус и любовь к науке и литературе. Польские дворяне, любившие путешествовать, привезли из Германии интерес к этим вопросам и отправили своих сыновей учиться в реформированные университеты Виттенберга и Женевы. В Польше возникли школы, где еврейские мальчики и юноши обучались вместе с христианами. Польские евреи, это правда, не посвящали себя науке в заметной степени, но они ни в коем случае не были так лишены ее, как их немецкие братья.

Аристотель, этот философский авторитет, столь знакомый еврейскому миру и так тесно связанный с еврейским духом, нашел поклонников и среди польских евреев. Даже философские и религиозные труды Маймуни нашли мало читателей. Астрономию и медицину, две любимые науки евреев с незапамятных времен, изучали также польские евреи. Вообще говоря, они не разделяли интеллектуальной деградации еврейских жителей Германии. Среди них изучение Талмуда получило импульс почти больший, чем во Франции во времена тоссафистских школ. Из всех евреев Европы и Азии евреи Польши последними познакомились с Талмудом; словно желая наверстать упущенное, они лелеяли его с чрезмерной привязанностью. Казалось, что глубокие тайны Талмуда должны были быть правильно поняты, полностью разгаданы и оценены по достоинству только в Польше. Всесторонняя эрудиция и

поразительная проницательность удивительным образом соединились в польских читателях этой книги, и каждый, кого природа не обделила талантом, посвятил себя ее изучению. Мертвая буква получила новую жизнь благодаря пылкому вдохновению еврейских сынов Польши; на этой земле она оказала влияние огромной силы, высекая искры интеллектуального огня и создавая непрерывный поток мысли. Талмудические школы в Польше с тех пор стали самыми знаменитыми во всем европейском иудаизме. Все, кто стремился к разумному обучению, направлялись туда. То, что он получил образование в колледже польских евреев, само по себе было достаточной рекомендацией; и все, кто не обладал этим преимуществом, считались неполноценными.

Славой раввинские школы Польши были обязаны трем мужчинам: Шалому Шахне, Соломону Лурье и Мозесу Иссерлесу. Соломон Лурья (родился в Позене около 1510 года, умер около 1573 года) происходил из семьи немецких иммигрантов. Если бы он родился в лучшую, более интеллектуальную эпоху, он был бы одним из создателей иудаизма, возможно, еще одним Маймуни. Но, будучи сыном эпохи упадка, он стал всего лишь глубоким и скрупулезным знатоком Талмуда в высшем смысле этого слова, не довольствуясь традиционными данными, но исследуя каждый отдельный пункт и взвешивая его на золотых весах критической точности. Тщательному и критическому исследованию великой области Талмуда была посвящена вся его умственная деятельность, и он обладал величайшими природными качествами для такой критической работы. Со своим смелым духом исследования, безжалостно подвергая все самой суровой проверке, Лурья в любую другую эпоху вышел бы за рамки Талмуда, если бы его противоречия стали ему очевидны. Но этот сын эпохи веры рассматривал всю книгу как действительное продолжение откровения, сделанного на Синае, как непререкаемый авторитет, который требовал лишь правильного понимания или, возможно, небольшого исправления кое-где, но в целом содержал истину. Лурья был ярко выраженным персонажем, обладавшим всей той резкостью и угловатостью, которые обычно с этим ассоциируются. Несправедливость, продажность и лицемерие были ему настолько ненавистны, что он впадал в то, что иногда было опрометчивым избытком ревностного негодования. В силу своей ярко выраженной индивидуальности и твердости, которые он желал отстаивать повсюду, Соломон Лурья оскорбил самолюбие многих. Он в резких выражениях обрушивался на тех ученых-талмудистов, чьи действия не соответствовали их учению, и посвящал себя изучению раввинской литературы только ради дискуссии или для того, чтобы завоевать репутацию. Отсюда у него появилось много врагов, и в свое время его больше боялись, чем любили. В полемических спорах он был безрассуден и беспощаден и, вполне естественно, навлек на себя возмездие, которое только еще больше озлобило его. Затем он пожаловался на преследования и даже на неблагодарность своих учеников, которые, по его словам, отвернулись от него и смотрели на все в мрачном свете. Он нападал на изучающих Талмуд, потому что, по его словам, невежд было так много, а обладателей знаний так мало, в то время как их высокомерие постоянно росло, и никто не был доволен тем, что занял положение, которое по праву принадлежало ему. Как только один из них был посвящен, он напускал на себя вид мастера, собирал вокруг себя отряд учеников за деньги, как люди высокого положения нанимают телохранителя. "Есть, - жаловался он, - седовласые раввины, очень мало знающие Талмуд, которые властно обращаются с конгрегациями и с людьми подлинного знания, отлучают от церкви и вновь принимают в нее членов, рукополагают учеников — и все это в своих собственных эгоистичных целях". Соломон Лурья выразил саркастическую горечь своего презрения немецким экспертам по Талмуду, "которые, в случае с людьми богатыми и авторитетными, проявляют снисходительность к нарушению раввинских

предписаний, в то же время распространяя злые слухи о людях со средним достатком и незнакомцах, виновных в незначительных нарушениях, таких как хождение с непокрытой головой".

Однако в еврейском обществе все было не так плохо, как изображено горьким юмором Лурьи; и это самым убедительным образом подтверждается признанием, которое получил сам этот угрюмый критикан. Ученики-талмудисты, как молодые, так и старые, еще при его жизни были полны восхищения его достижениями. Находясь еще на рубеже юности и среднего возраста, он приступил к своей основной работе по разъяснению и сортировке талмудических дискуссий с целью установления религиозной практики, и он продолжал эту работу до конца своей жизни, так и не завершив ее. Соломон Лурья выполнил эту задачу с большей тщательностью, ясностью и глубиной, чем его современники и предшественники. Но если он надеялся, как, похоже, и надеялся, положить конец всему разнообразию и путанице мнений, он совершил ту же ошибку, что и Маймуни и другие. Он только способствовал дальнейшему запутыванию узла. Его многочисленные другие работы несут на себе тот же отпечаток тщательности и критического проникновения, но он не смог проникнуть в суть проблемы больше, чем другие, предпринявшие такую попытку; она лежала слишком глубоко.

В силу своих критических способностей Лурья делал упор на то, чем его польские и немецкие сокурники пренебрегали как слишком незначительным, а именно на грамматическую правильность и точность в различении форм речи. С другой стороны, он был объявлен врагом схоластической философии. Она казалась ему опасной и фатальной для веры.

Другим ведущим раввином Польши был Моисей бен Исраэль Иссерлес из Кракова (родился в 1520 году, умер Ияром в 1572 году). Сын очень уважаемого отца, занимавшего пост президента общины, он отличался скорее не по годам развитым способностям и всесторонней образованностью, чем яркой ментальной индивидуальностью. Унаследовав от своей семьи столько имущества, что посвятил один из своих домов синагоге, Иссерлес смог с легкостью и комфортом следовать направлению своего гения, посвятить себя Талмуду и ознакомиться с его лабиринтами. Вскоре он приобрел такую репутацию, что, будучи еще почти юношей, был назначен раввином-судьей в Кракове. В тридцать лет он изучил всю область талмудической и раввинской литературы так же основательно, как Джозеф Каро, человек вдвое старше его.

Иссерлес также чувствовала необходимость собрать и дополнить широко разрозненные материалы раввинского иудаизма. Но поскольку Джозеф Каро опередил его, составив свой Код, ему оставалось только исправить его и прокомментировать. Ибо он сожалел об упущении нескольких элементов в этой работе, особенно о пренебрежении немецкими раввинскими властями и обычаями. Это продолжение Кода Каро, или "Таблицы", он назвал "Марра" или "Скатертью". Поскольку евреи в Германии всегда были более щепетильны в соблюдении своих обрядов, чем в других странах, дополнения, сделанные Иссерлес, оказались обременительными. Его решения немедленно получили признание и по сей день составляют религиозный стандарт, официальный иудаизм, немецкой и польской общин и тех, кто с ними связан. Нельзя с полной уверенностью сказать, что он способствовал ее окостенению, поскольку он не изобретал и не вводил эти тяготы, а только отмечал и кодифицировал их; он следовал общечеловеческой тенденции. Если бы Иссерлес не свела их в религиозный кодекс, это сделал бы кто-нибудь другой.

У Иссерлеса был вкус и к другим предметам, помимо Талмуда, особенно к астрономии. Он составил комментарий к астрономическому труду Фробаха "Теория". У него также была склонность к философии, и он довольно глубоко изучал этот предмет, хотя и только с помощью трудов на иврите. "Гид" Маймуни был и его гидом. Из-за этого ему пришлось подвергнуться резкому упреку со стороны гордого Соломона Лурьи. У Иссерлеса также был некоторый вкус к истории, что побудило его побудить одного из своих учеников серьезно заняться ею. Давид Ганс (родился в Вестфалии в 1541 году, умер в Праге в 1613 году) юношей приехал в Краков, чтобы учиться там в раввинской академии; но его естественный вкус к научным предметам, истории, географии, математике и астрономии, невольно пробудился у Иссерлес, которая воспитала его и руководила его учебой. Ганс посвятил себя этим предметам и познакомился с двумя великими лидерами в математике и астрономии, Кеплером и Тихо де Браге. Он написал несколько работ по этим предметам, конечно, на иврите. Его хроника (Цемах Давид), состоящая из анналов еврейской и всеобщей истории, стала знаменитой. Для немецкого еврея было очень важно посвятить себя исследованиям, выходящим за рамки обычного. Но исторический труд Давида нельзя назвать великим. Он ввел среди евреев сухую, голую форму исторического повествования, ранее использовавшуюся монахами, которая в то время уже уступила место более художественному методу. Однако, какой бы неважной ни была хроника Давида, она обладает некоторыми достоинствами, потому что она напоминала тем, кто был погружен в изучение Талмуда, что они были последними звеньями длинной исторической цепи. На недостаточное уважение немецких евреев к истории указывает краткая надпись, помещенная на могиле Ганса, в то время как панегирикам, прославляющим память какого-то малоизвестного раввинского сановника, не было предела. Изучение Талмуда, осуществляемое просто как упражнение в запоминании, снискало своим приверженцам большую известность, чем преданность какой-либо отрасли науки, какой бы глубоко она ни была изучена.

Три великих раввинистических светила, первые как по рангу, так и по приоритету времени, Шахна, Соломон Лурья и Иссерлес, заложили фундамент необычайной эрудиции польских евреев. Любой сложный или вообще интересный вопрос, возникающий в Германии, Моравии, Богемии, даже в Италии и Турции, передавался им, особенно Иссерлес, для окончательного решения. Возмутительно вульгарные действия общины в Праге, против которых местная коллегия раввинов была бессильна, были доведены до сведения раввинов Польши и подвергнуты с их стороны яростной критике. Страстные споры во Франкфурте-на-Майне, которые грозили привести к преследованиям или изгнанию, были улажены, и в Польше было достигнуто примирение. Таким образом, этот раввинский триумвират установил своего рода верховенство Польши над евреями Европы, признанное всеми сторонами, и польские раввины сохраняли свое положение лидеров вплоть до конца восемнадцатого века.

Триумвират, многочисленные ученики которого соперничали друг с другом в изучении Талмуда, постепенно заставил почти всех польских евреев ознакомиться с этой книгой и получить право занимать раввинские должности. Даже в небольших общинах, насчитывавших всего пятьдесят членов, было по меньшей мере двадцать знатоков талмуда, которые, в свою очередь, обучали по меньшей мере тридцать учеников. Повсюду возникали школы с раввинами во главе в качестве учителей, главной обязанностью которых было читать лекции, а все остальное имело второстепенное значение. Молодые люди толпились в этих заведениях, где они могли жить без опеки, их содержание оплачивалось из казны общины или богатыми частными лицами. Детей приобщали к изучению Талмуда в нежном возрасте, безусловно, в ущерб естественному развитию их ума. Руководить раввинской школой было высшей честью, и их честолюбие

поощрялось стремиться к этой цели. Были назначены кураторы, которые следили за трудолюбием студентов (бачурим) и детей. Постепенно для лекций по Талмуду в летнем и зимнем семестрах был введен своеобразный учебный план с чередованием тем, который использовался до недавнего времени.

В конце семестра учителя и их многочисленные ученики отправлялись на великие польские ярмарки, летом в Заслав и Ярославль, зимой в Лемберг и Люблин. Таким образом, встретились несколько тысяч изучающих Талмуд, и последовал оживленный обмен замечаниями и тонкими диспутами по предмету раввинского и талмудического изучения. Проводились публичные диспуты, в которых мог принять участие любой желающий. Самые умные люди получали богатых невест в награду за свои умственные усилия. Богатые родители гордились тем, что их зятья получили образование в талмудических школах, и искали их на ярмарках. Польские евреи, по причине этого пылкого рвения, приобрели, так сказать, талмудические манеры поведения, которые проявлялись в каждом движении и каждом высказывании, в нелюбезном пожатии плечами и своеобразном движении больших пальцев. Каждый разговор, будь то совершенно безразличного характера или даже о деловых вопросах, напоминал диспут по Талмуду. Талмудические слова, обозначения, фразы и намеки вошли в народную речь и были понятны даже женщинам и детям.

Но это чрезмерное изучение Талмуда в Польше не принесло никакой реальной пользы иудаизму. Это было сделано не для того, чтобы получить правильное представление о книге, а просто для того, чтобы найти что-то уникальное, редкое, остроумное, поразительное, что-то, что пощекочет интеллектуальный вкус. На этих собраниях тысяч изучающих Талмуд, мастеров и учеников, учителей и учениц, на больших ярмарках каждый человек прилагал все усилия, чтобы открыть что-то новое, поразительное и казуистическое, выдвигая это только для того, чтобы превзойти всех остальных, не заботясь о том, выдержало ли это проверку доказательствами или было лишь относительно правдивым, но просто для того, чтобы завоевать репутацию остроумца. Главное усилие студентов-талмудистов Польши было направлено на то, чтобы выявить что-то новое в талмудической критике или изобрести что-то (Чиддуш). Лекции руководителей школ и всех раввинов преследовали только эту цель — создать нечто доселе непревзойденное, сплести сеть софистических талмудических положений и пойти еще дальше в процессе непостижимого расщепления волос (Чиллуким). Следовательно, вся еврейская мысль в Польше развивалась в неправильном направлении. Язык евреев особенно пострадал по этой причине, выродившись в нелепый жаргон, смесь немецких, польских и талмудических элементов, неприятное заикание, ставшее еще более отталкивающим из-за вынужденных попыток остроумия. Эта продажная речь, презиращая все формы, могла быть понятна только евреям, коренным жителям страны. Вместе со своим языком польские евреи потеряли то, что действительно составляет человека, и, таким образом, подверглись презрению нееврейского общества. Библия постепенно отошла на задний план в ходе развития со времен Маймуни; теперь в Польше знание о ней было полностью утрачено. Если кто-то и занимался ею, то лишь для того, чтобы почерпнуть на ее страницах материалы для остроумия, или ложного остроумия.

Обстоятельства того времени были таковы, что евреи Польши смогли, в определенной степени, сформировать независимое государство внутри польского государства. Несколько королей подряд были благосклонны к ним, предоставляя им обширные защитные привилегии и следя, насколько позволяла их власть, за тем, чтобы эти права соблюдались. После смерти последнего короля династии Ягеллонов Сигизмунда Августа (1572) евреи Польши извлекли выгоду из

выборной монархии. Каждый новоизбранный король прежде всего нуждался в деньгах, которые могли быть предоставлены только евреями; или ему нужна была партия среди знати, и этот орден, в целом преданный евреям, приобрел преобладающее влияние по сравнению с узколобым немецким средним классом, враждебным евреям.

После тринадцатимесячного междуцарствия, занятого переговорами о выборах и интригами, проницательный принц Трансильвании Стефан Батори занял польский трон не без содействия еврейского агента Соломона Ашкенази, поскольку Турция поддержала его избрание. Вскоре после своего восшествия на престол он направил добрые послания евреям, защитил жителей Литвы от ложных и клеветнических обвинений в убийстве христианских детей и выразил свое убеждение в том, что евреи добросовестно соблюдали еврейский закон о недопущении пролития человеческой крови. Его почти двенадцатилетнее правление (1575-1586) является счастливым эпизодом в истории евреев Польши. Более того, Стивен Батори не позволил привилегиям остаться мертвой буквой, а сохранил их в полной силе. Он разрешил евреям (в 1576 году) заниматься всеми видами торговли без ограничений, даже покупать и продавать по христианским праздникам, пожелал, чтобы убийство еврея, как и убийство христианина, каралось смертью, и возложил на городские магистратуры ответственность за беспорядки и увечья, причиненные толпами христиан в синагогах, на кладбищах и на еврейских похоронах. Зачинщики беспорядочных нападений на евреев, которые происходили главным образом в наполовину немецком городе Познань, должны были быть оштрафованы на десять тысяч польских марок, а магистрат, не выполнивший свой долг по защите евреев, должен был быть оштрафован на аналогичную сумму. Правление Батори, однако, не было лишено клеветнических нападок на евреев. Была ли в то время в христианской Европе хоть одна страна, в которой враги евреев не нападали на них? Польский поэт Клонович излил свое презрение к их торговле, ростовщичеству и высокомерию в латинских стихах; правители, по его словам, грабили евреев только для того, чтобы быть ограбленными ими в свою очередь.

В период долгого правления Сигизмунда III (1587-1632), шведского принца, избрание которого дало повод для внутренних раздоров и гражданских войн, польским евреям жилось лучше, чем можно было ожидать от ученика иезуитов и ревностного католика. Хотя он подвергал поляков-инакомыслящих жестоким преследованиям, евреи под его правительством отнюдь не были несчастны. На сейме в Варшаве (1592) он подтвердил древние привилегии Казимира, которые считались в их пользу. Однако Сигизмунд III ввел один закон, очень невыгодный для евреев и раскрывающий церковный склад его ума. Он постановил, что для строительства новых синагог необходимо получить разрешение духовенства - постановление, которое, конечно же, ставило отправление еврейской религии в зависимость от церкви, жаждущей преследований.

При этом короле евреи в Польше ввели (1586-1592) институт, который в такой конкретной форме не существовал в еврейской истории. Это придало польским общинам необычайное единство, твердость и силу и, следовательно, обеспечило уважение как со стороны их членов, так и со стороны посторонних. До сих пор естественным образом получалось так, что на встречах раввинов и руководителей школ со своими последователями на больших ярмарках обсуждались важные вопросы, решались судебные дела и проводились общие консультации. Полезность таких встреч, возможно, стала совершенно очевидной и породила идею организации регулярных конференций глав сообществ для выработки окончательных, обязательных к исполнению решений. И лидеры, и сообщества, должно быть, руководствовались здоровым духом, соглашаясь на совместные действия. Общины главных

провинций, Малой Польши, Великой Польши и России, были первыми, кто объединился для организации конференций (Vaad), которые проводились через регулярные промежутки времени на больших ярмарках в Люблине и Ярославе. Общины прислали делегатов, ученых мужей, доказавших свое превосходство, которые имели место и голос в синоде. Они выбрали президента, который руководил обсуждением вопросов и составил отчет о работе сессии. Споры в общинах, вопросы налогообложения, религиозных и социальных норм, предотвращения угрожающих опасностей и помощи братьям, попавшим в беду, были основными пунктами, рассмотренными синодами и окончательно урегулированными. Синоды также осуществляли литературную цензуру, разрешая печатать и продавать определенные книги и отказывая в этом в случае других, которые казались им вредными. Вероятно, литовские евреи были представлены в более поздний период, и синоды назывались Синодами Четырех стран (Ваад Арба Аразот). Эти конференции оказали очень благотворное воздействие: они предотвратили давние разногласия, предотвратили или наказали акты несправедливости, поддерживали чувство единства среди общин, направляя их к совместным действиям, тем самым противодействуя узости и эгоизму чисто местных интересов, которые так сильно способствовали расчленению и изоляции общин, как, например, в Германии. По этой причине синод польских евреев пользовался уважением даже за границей; и отдаленные немецкие общины или частные лица, у которых была какая-либо жалоба, обращались к этим верховным собраниям, чтобы наверняка получить облегчение. К чести людей, которые на протяжении почти двухсот лет председательствовали в синодах, их имена, достойные памяти потомков, оставались в неизвестности, как будто они сознательно подавляли свою индивидуальность в пользу общества в целом. Еще меньше известно об основателях этого института, которые преуспели в трудной задаче преодоления анархических тенденций людей, таких как евреи и поляки, и побудили их подчинить себя одной великой цели. Предполагается, что организатором этих регулярных конференций был Мордехай Яфа, раввин из Богемии (родился около 1532 г., умер в 1612 г.), совершивший много путешествий и перенесший много горя. В юности он был вынужден принять посох странника. Таким образом, он попал в Венецию; здесь он занялся составлением религиозного кодекса, более удобного, чем кодекс Джозефа Каро. Очевидно, поиски инквизицией копий Талмуда сделали его пребывание в Венеции неприятным, и он снова отправился в Польшу. Там, наконец, он исполнял обязанности раввина, сначала в Гродно, затем в Люблине, примерно с 1575 по весну 1592 года. В Люблине, одном из больших ярмарочных городов, обычно собирались многие тысячи евреев, и всегда оставались нерешенные судебные иски и споры, требующие разрешения. Вполне возможно, что Мордехай Джафа почерпнул из этого идею превратить эти случайные синоды в регулярные конференции и разработать для них правила. Его авторитета было достаточно, чтобы добиться принятия его предложений, которые удовлетворяли насущную потребность. Когда в преклонном возрасте он покинул Люблин, чтобы занять должность раввина в Праге, пост председателя синода, по-видимому, занимал Джошуа Фальк Коэн, глава школы в Лемберге (1592-1616), чья великолепная академия содержалась его богатым и уважаемым тестем. Частые встречи реформаторов в Польше, лютеран и унитариев, с их соответствующими сектами, по-видимому, послужили образцом для еврейских собраний. Только последние не обсуждали ошеломляющие догмы, как остальные, а решали практические вопросы повседневной жизни.

Польша и Литва, при поверхностном рассмотрении, представляли собой страну, пронизанную религиозными разделениями, из которых должна была возникнуть новая форма христианства. В то время как в Германии реформаторское движение и оппозиция ему затихали, в то время как

Титаны, штурмовавшие врата рая, превращались в обычных священников; в то время как новая церковь, в свою очередь, вступала в процесс окостенения и, после короткого периода юношеского пыла, впадала в немощь старости; волны религиозного и сектантского разделения только сейчас поднимались в польских странах и угрожали всеобщим наводнением. Немецкие колонии в Польше перенесли с собой Реформацию, и польское дворянство сочло необходимым отдать дань уважения этому антипапскому нововведению. Христианство в Польше и Литве, будь то новая или старая церковь, было слишком молодым, чтобы прочно укорениться; и поэтому Реформация, не встретив особого сопротивления, быстро завоевала признание среди знати и буржуазии, что почти привело ее в замешательство. Сигизмунд Август позволил движению свободно действовать; более того, под влиянием литовских Радзивиллов, которые стояли близко к его трону, он почти полностью отрекся от папства. Таким образом, Польша стала свободным государством в самом широком смысле этого слова и ареной для нового учения монаха-августинца из Виттенберга. Даже те мыслители или энтузиасты в Италии, Швейцарии или Германии, которые хотели продвигать религиозное движение, но подвергались преследованиям либо со стороны католиков, либо со стороны реформаторов, находили радушный прием и защиту у польской знати, которая была вполне независима в своих округах.

Так в Польше возникла секта, которая, будучи логически развитой, могла бы нанести смертельный удар христианству в целом. Прах Сервета Арагонского, сожженного на костре в Женеве, автора трактата "Об ошибках Троицы", по-видимому, стал семенем новых разногласий в церкви. Ряд его учеников, Социнус, Бландрата и Парута, итальянцы смелого ума, которые подорвали основы христианства и были объявлены вне закона как католиками, так и реформаторами, перешли польскую границу, и им было позволено не только жить там свободно, но и свободно говорить. Нападки социнянцев или пинчовинянцев (как называли эту секту, процветавшую в Польше) были направлены в основном против Троицы как формы политеизма. Отсюда они получили название унитариев или антитринитариев. Возникло множество сект, которые встречались на синодических съездах, чтобы найти основания для объединения, но разделялись из-за еще больших разногласий.

Среди унитариев, или неверующих в Троицу, были такие, кто частично приближался к иудаизму, отвергая почитание Иисуса как божественной личности. Различные противники насмехались над ними как над "полуевреями" (*semi-judaizantes*). К самой строгой секте унитариев в Польше принадлежал Симон Будный из Мазовии, кальвинистский священник, основавший собственную секту "буднианцы". Он умер после 1584 года. Он обладал большей образованностью, чем другие основатели сект, а также немного владел ивритом, которому, вероятно, научился у евреев. Симон Будный прославился своим простым переводом Ветхого и Нового Завета на польский язык (опубликован в Заславе в 1572 году). О его общении с евреями свидетельствует его уважение к всеми презираемому Талмуду.

Хотя движение за религиозную реформу в Польше, несмотря на частые синоды, диспуты и протесты, не проникло очень глубоко, оно не прошло бесследно для евреев. Они любили вступать в дискуссии с лидерами или приверженцами различных сект, если не для того, чтобы обратить их в иудаизм, то все же для того, чтобы показать свое собственное превосходство в библейских знаниях. Разговоры о религии между евреями и "раскольниками" (так называли всех поляков, отделившихся от Римского католицизма) были частым явлением. Унитариян Мартин Чехович (родился около 1530 г., умер в 1613 г.) из Великой Польши, человек с запутанным интеллектом, прошедший через все фазы религиозных движений того времени и в конце

концов ставший раскольников, отвергал крещение младенцев и утверждал, что христианин не может занимать никакой государственной пост. Этот Мартин Чехович написал работу, опровергающую возражения евреев против мессианских притязаний Иисуса, и боролся против сохраняющейся обязательности иудаизма старым и ржавым оружием. Еврей-раввинит Якоб из Белжице в Люблине (1581) написал опровержение, настолько эффективное, что Чехович оказался вынужден обосновать свой тезис в ответном письме.

Исаак бен Авраам Троки из Троки, близ Вильны (родился в 1533 г., умер в 1594 г.), караим, еще активнее, чем Яков Бельжицкий, участвовал в диспутах с приверженцами польских и литовских сект. Он имел доступ к знати, князьям церкви и другим христианским кругам, был глубоко знаком с Библией, начитан в Новом Завете и в различных полемических, религиозных трудах своего времени и, таким образом, мог давать совершенно точные утверждения. Незадолго до своей смерти (1593) Исаак Троки собрал результаты своих религиозных бесед в труде, который впоследствии послужил арсеналом разрушительного оружия против христианства. Он озаглавил свой труд "Укрепление веры". Он не просто ответил на многочисленные нападки христиан на иудаизм, но и перенес войну в лагерь христианства. Обладая большим мастерством и глубоким знанием своего предмета, он обратил внимание на противоречия и несостоятельные утверждения в Евангелиях и других оригинальных христианских документах. Это единственная книга караимского автора, которую стоит прочитать. Это, конечно, не содержит ничего особенно нового; все, что выдвигалось в защиту иудаизма и против христианства, было гораздо лучше сказано испанскими авторами предыдущего периода, особенно талантливым Профиатом Дюраном. Однако работа Троки имела большой успех, поскольку у книг своя судьба. Эта книга была переведена на испанский, латинский, немецкий и французский языки и приобрела еще большую известность из-за нападков на нее христиан. Один из герцогов Орлеанских взялся опровергнуть натиск этого польского еврея на христианство. И когда Разум, пробудившись и окрепнув, применил рычаг, чтобы поколебать основы христианства и разрушить всю надстройку, именно в эту кладовую она обратилась за своими инструментами.

ГЛАВА XIX.

ПОСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ГОЛЛАНДИИ. — СЛАБЫЕ ПОПЫТКИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ.

Возрождение католицизма—Упадок европейской культуры—Жестокое обращение с евреями в Берлине—Австрийский император Рудольф II—Уменьшение числа итальянских евреев—Папа Григорий XIII—Конфискация экземпляров Талмуда—Энергичные попытки обращения евреев—Папа Сикст V—Еврейский врач Давид де Помис—Возобновление преследований Климентом VIII—Изгнание из различных итальянских государств—Цензоры и Талмуд—Евреи Феррары—Поселение евреев в Голландии—Самуэль Паллаче—Якоб Тирадо и Маррано в Амстердаме—Терпимое обращение—Поэт Дэвид Джесурун—Мозес Ури—Типография на иврите в Амстердаме.

1593–1618 С.Е.

Свободный дух народов Европы, который в начале века совершил столь смелый взлет, разорвал древние узы, которыми церковь долгое время держала умы в плену, и бросил тень сомнения на доселе священный авторитет носителя римского пурпура — этот дух, обещавший возродить цивилизованное человечество и политическую свободу, казалось, во второй половине столетия был совершенно повержен. Папство, или католицизм, оправилось от своего первого чувства ужаса и взяло себя в руки. Необычайно усиленный Тридентским собором, он выковал новые цепи, которым охотно подчинились народы, оставшиеся верными. Орден иезуитов, неугомонные и неутомимые поборники, которые не только разоружали своих противников, но даже привлекали их в свои ряды, уже отвоевал много утраченных позиций в результате своих широко распространенных заговоров и задумал новые меры, чтобы с удвоенной выгодой отыграть то, что они потеряли. Италия, значительная часть южной Германии и австрийских провинций, Франция — после долгих гражданских войн и потрясений, после кровавого кануна Святого Варфоломея и убийства двух королей, а также в значительной степени Польша и Литва — снова стали католическими, такими же фанатично католическими, как Испания и Португалия, пылающие ады инквизиции. В лютеранской и реформатской Германии господствовало другое папство, папство сухих формул веры и подчинения букве закона. Византийская ссора из-за темных догм и бессмысленных слов разделила евангелические общины на столько сект и вспомогательных подразделений, сколько было спорных вопросов, и оказала пагубное влияние на политическое развитие. Классическая филология, поначалу либеральная и наводящая на размышления, была заброшена из-за чрезмерной веры в Библию одной стороны и влияния авторитета другой, и выродилась в причудливый дилетантство или ученую чушь. Изучение еврейского языка, которое какое-то время вызывало большой энтузиазм, было точно так же принижено или велось лишь поверхностно в целях церковных пререканий. Знание иврита всегда считалось, во всяком случае сейчас, в ортодоксальном католическом обществе, настоящей ересью. И то же самое было еще более справедливо в отношении раввинской литературы. Ученый испанский богослов Ариас Монтано опубликовал первую полную Библию на нескольких языках в Антверпене на средства Филиппа II. Он также составил грамматики и словари иврита и родственных языков, в чем обращался с уважением к старшим еврейским толкователям. Он, фаворит Филиппа II, который сам составил список еретических книг, был обвинен иезуитами и инквизицией в пособничестве ереси, подозревался в тайном обращении в иудаизм и заклеен как раввин. Таким образом, Европа, казалось, действительно совершала ретроградное движение, только с одним отличием — то, что раньше было веселой, наивной доверчивостью, теперь стало зловещим, агрессивным фанатизмом.

Утонченный церковный дух, приведший к напряженности, которая впоследствии ослабла в результате общей разрушительной Тридцатилетней войны, превратил пребывание евреев, как в католических, так и в протестантских странах, в постоянную пытку. Последователи Лютера в Германии забыли, что Лютер так искренне говорил в их пользу, помня только о тех отвратительных вещах, в которых он с горечью обвинял их. Перед евреями Берлина и провинции Бранденбург, например, была поставлена печальная альтернатива - креститься или быть изгнанными. Еврейский финансист, врач Липпольд, фаворит курфюрста Иоахима II и его правая рука в его коррумпированных финансовых схемах, допрошенный и замученный на дыбе преемником Иоахима, Джоном Джорджем, признался, хотя впоследствии и отрекся, что отравил своего благодетеля. Евреи также были изгнаны из Брауншвейга герцогом Генрихом Юлиусом. У католических народов и князей не было причин упрекать своих протестантских противников в терпимости или гуманности по отношению к евреям.

Евреям Германии и Австрии в некотором отношении повезло, что правящий император Рудольф II, хотя и был учеником иезуитов, получившим образование в стране, где всегда дымились костры, и смертельным врагом протестантов, не испытывал большого предубеждения против евреев. Слабый и колеблющийся, он был не в состоянии остановить направленные против них гонения, но, по крайней мере, не поощрял их. Он издал указ одному епископу (Вюрцбургскому) о том, что евреи не должны быть лишены своих привилегий, а другому (Пассаускому) - о том, что их не следует пытать на дыбе. Но, чтобы не быть осужденным своими современниками или потомками как благодетель евреев, он не только сохранял высокие налоги на евреев в своей коронной земле, Богемии, но и время от времени увеличивал их. Он также приказал изгнать евреев из австрийского эрцгерцогства в течение шести месяцев.

В этом положении, ограбленные как католиками, так и лютеранами, растоптанные или доведенные до нищеты, едва защищенные императором, но обложенные налогами под предлогом того, что пользуются этой защитой, разорение и деградация немецких евреев достигли еще меньших глубин. Они были так сильно озабочены сиюминутными заботами, что пренебрегли изучением Талмуда, который когда-то был их духовной пищей.

В то время евреям Италии жилось еще хуже, и они тоже погрузились в нищету и разложение. Италия была главным очагом злобной и неумолимой церковной реакции, движимой мыслью стереть противников католицизма с лица земли. Факел гражданской войны был переброшен из Ватикана в Германию, Францию и Нидерланды. А поскольку евреи со времен Павла IV и Пия V числились в списке еретиков или врагов церкви, их участи нельзя было позавидовать. С потерей независимости их численность также сократилась. На юге Италии евреев не было. В северной Италии крупнейшие общины, в Венеции и Риме, насчитывали всего от 1000 до 2000 душ; в общине в Мантуе было всего 1844 человека; а во всем округе Кремона, Лоди, Павия, Алессандрия и Казальмаджоре проживало всего 889 евреев. Пия V, по натуре зловещего церковника, наслаждавшегося преследованиями, который относился к евреям как к проклятым детям Хама, сменил Григорий XIII (1572-1585), которого иезуиты и монахи-театинцы умело довели до фанатизма. Что касается евреев, то Григорий был самым последовательным последователем жестокости своего предшественника. Несмотря на неоднократные предупреждения, в Италии все еще оставалось много христиан, которые в своей слепоте предпочитали выдающихся врачей-евреев, таких как Давид де Помис или Элиас Монтальто, христианским шарлатанам. Грегори хотел запретить им наниматься на работу. Он обновил старый канонический закон о том, что пациенты-христиане не должны лечиться у еврейских врачей; он не только сурово наказывал христиан, нарушивших это предписание, но и еврейских врачей, если они осмеливались продлить жизнь пациента-христианина или даже облегчить его страдания. Его строгость увенчалась успехом. Другой эдикт Григория относился не к какой-то одной профессии, а к еврейской расе в целом. Он поместил их под пристальное внимание инквизиции. Если кто-либо из них поддерживал или учил тому, что было еретическим, *то есть*, противным церкви; если он поддерживал связь с еретиком или отступником, помогал ему или проявлял к нему сочувствие, он должен был быть вызван инквизицией и, согласно ее вердикту, должен был быть приговорен к конфискации своего имущества, наказанию галерами или даже к смертной казни. Таким образом, если беженец маррано из Испании или Португалии был пойман в Италии и было доказано, что брат-еврей дал ему еду или кров, оба могли ожидать, что их схватит неумолимая рука итальянской инквизиции. Гнев папы Григория XIII был излит также против Талмуда. Евреев еще раз призвали отказаться от Талмуда и других произведений, подозреваемых во враждебности церкви. Инквизиторы и другие духовные власти были

назначены для повсеместного розыска этих книг. Любой, у кого впоследствии обнаруживали их наличие, даже после заявления о том, что оскорбительные отрывки были удалены, подлежал суровому наказанию. Самые ревностные усилия папы Григория XIII были направлены на обращение евреев. Этот папа, который самым искренним образом поощрял иезуитов и их прозелитическую школу мысли, учредил пропагандистскую семинарию всех наций — учебная программа включала двадцать пять языков - под названием "Collegium Germanicum", издал указ, согласно которому по субботам и святым дням христианские проповедники должны читать лекции о христианском учении в синагогах, по возможности на иврите, и что евреи обоего пола старше двенадцати лет, по крайней мере треть общины, должны посещать эти проповеди. Католических князей призвали поддержать эту энергичную попытку обращения в христианство. Таким образом, указ полубезумного папы-раскольника Бенедикта XIII, изданный в момент страстного возбуждения, был санкционирован и даже хладнокровно преувеличен главой объединенной католической церкви, осуществляя тем самым религиозное принуждение, не очень отличающееся от акта Антиоха Епифана по посвящению Храма единого истинного Бога Юпитеру. Характерно для господствовавших тогда взглядов, что евреи должны были выплачивать жалование проповедникам в обмен на насилие над их совестью! Как и его предшественник, Пий V, Григорий не жалел средств, чтобы привлечь на свою сторону евреев. Многие позволили обратить себя либо из страха, либо ради собственной выгоды; ибо эдикты Григория не остались мертвой буквой, но исполнялись со всей строгостью. Следствием этого стало то, что многие евреи покинули Рим.

Положение евреев в Риме, по-видимому, изменилось при преемнике Григория, Сиксте V (1585-1590), который поднялся с должности пастуха свиного стада до должности пастыря католического христианского мира, и чья неустрашимая энергия в правительстве Папской области сделала его оригинальным типом характера. Он позволял евреям находиться рядом с ним и укрывал Лопеса, еврейского беженца из Португалии, который вносил различные предложения относительно улучшения финансового положения. Он пошел еще дальше; он издал буллу (22 октября 1586 г.), которая отменила почти все ограничения, введенные его предшественниками. Сикст не только разрешил евреям проживать во всех городах Папской области, но и разрешил им вступать в сношения с христианами и нанимать их в качестве помощников в бизнесе. Он защитил их свободу вероисповедания специальными положениями и распространил на них амнистию за прошлые преступления, т.е. за осуждение за хранение религиозных книг. Более того, он запретил мальтийским рыцарям обращать в рабство евреев, путешествующих морем из Европы в Левант, или наоборот, - практика, к которой эти посвященные поборники Бога до сих пор были пристрастны. Папа Сикст знал, как добиться повиновения своему приказу, когда он стал законом, и евреи, ранее изгнанные, теперь вернулись в папские владения. При нем еврейская община в Риме насчитывала двести членов. Наконец, он отменил запрет, который не позволял еврейским врачам посещать пациентов-христиан. Обязательные службы, установленные его предшественником, были единственными постановлениями, которые Сикст V позволил сохранить.

Столь важное в то время разрешение еврейским врачам иметь доступ к пациентам-христианам, вероятно, было получено для него и его коллег знаменитым в то время врачом Давидом де Помисом (родился в 1525 году, умер в 1588 году). С медицинскими знаниями он сочетал лингвистические познания и знакомство с ивритом и классической литературой, изящно написав как на иврите, так и на латыни. В течение своей жизни он остро ощущал изменения в политике папы. Он потерял все свое имущество из-за враждебных указов Павла IV, был

обласкан Пием IV и получил разрешение в виде исключения практиковать среди христиан после великолепной речи на латыни, произнесенной перед папой и коллегией кардиналов. Но он снова был подвергнут раздражающим ограничениям со стороны Пия V, и ему пришлось применить свое мастерство на службе у мелких, капризных дворян. Чтобы развеять непреодолимые предубеждения против евреев, особенно против еврейских врачей, Де Помис написал на латыни труд под названием "Еврейский врач", который является благоприятным свидетельством его благородного ума и обширной культуры. С немалым красноречием Де Поми утверждал, что еврей обязан своей религией любить христианина как своего брата, и что врач-еврей, далекий от желания причинить вред своему пациенту-христианину, имеет обыкновение обращаться с ним с величайшей осторожностью. Он перечислил различных еврейских врачей, которые лечили князей церкви, кардиналов и пап, восстанавливали их здоровье и получали отличия от них и от городов. В заключение Де Помис привел несколько пословиц из Талмуда в латинском переводе, чтобы показать, что эта сильно оклеветанная книга не была такой вредной и порочащей, как утверждали враги евреев. Эта апология иудаизма и еврейских врачей, посвященная принцу Франческо Марии Урбинскому, элегантный латинский стиль которой был высоко оценен опытным критиком того времени, по-видимому, произвела впечатление на папу Сикста. Де Поми, несомненно, был близок с ним, поскольку ему разрешили посвятить ему свое второе важное литературное произведение - словарь Талмуда на трех языках.

Папа римский строго наказал христианина Шейлока за то, что он потребовал фунт мяса у римского еврея в результате пари. Этот христианин по имени Сече заключил пари с евреем по имени Сенедда, что Сан-Доминго будет завоеван, и, выиграв пари, потребовал пенальти. Узнав об этом, Сикст приговорил его к смерти, но впоследствии смягчил наказание изгнанием и уготовил ту же участь Сенедде за то, что она поставила на кон его тело, собственность своего государя.

Благосклонное отношение Сикста к евреям вселяло в них надежду — для них это было делом совести, самой жизни, — что запрет, направленный против Талмуда и еврейских Писаний, будет снят навсегда. При двух последних папах ни одному экземпляру Талмуда не разрешалось появляться без того, чтобы владелец не подвергся опасности со стороны бдительной инквизиции. Не было без риска и обладание другими совершенно безобидными произведениями на иврите, поскольку инквизиторы и клерикальные власти ни в малейшей степени не понимали их, они осуждали всех без исключения как враждебных церкви, что давало достаточно простора для осуждения. Должен ли обладатель книги на иврите быть приговорен к потере своего имущества или отправлен на галеры, зависело, в последней инстанции, от решения крещеных евреев, знакомых с раввинской литературой. Чтобы избежать этих неприятностей, общины Мантуи, Феррары и Милана обратились к Сиксту V с просьбой разрешить евреям владеть экземплярами Талмуда и других книг при условии, что из этих произведений были предварительно удалены отрывки, неугодные христианству. Они ссылались на решение папы Пия IV о том, что Талмуд не может быть полностью осужден, но что в нем содержатся отрывки, достойные порицания, которые должны быть вычеркнуты цензорскими пометками. Еврейский делегат Бецалель Массерано отправился в Рим, получив 2000 скуди, чтобы возложить просьбу евреев к ногам его Святейшества. Это было разрешено буллой от 22 октября 1586 года. Сикст разрешил перепечатывать Талмуд и другие труды, хотя и только после цензуры. Для этой цели были назначены две комиссии, в состав которых, естественно, были

включены крещенные евреи в качестве экспертов. Итальянские евреи начали радоваться тому, что им разрешили владеть даже изуродованным Талмудом. Но едва комиссия договорилась об условиях цензуры (7 августа 1590 г.), как мудрый папа умер, и только что начатое дело по перепечатке искаженного Талмуда было немедленно прекращено.

Уважение, которое Сикст V проявлял к евреям, проистекало не из какого-либо чувства справедливости, а из его страстного желания накопить сокровища. "Этот папа пускал христианам кровь из горла, - говорит его биограф, - но он пустил кровь евреям из всех их конечностей". Они часто оказывались вынуждены вносить огромные суммы в папскую казну.

Однако при Клименте VIII (1592-1605) система нетерпимости, практикуемая Павлом IV, Пием V и Григорием XIII, снова вошла в моду. Он повторил эдикт об изгнании евреев из Папской области (25 февраля 1593 г.) и разрешил им проживать только в Риме, Анконе и Авиньоне. Если еврея ловили в каком-либо другом папском городе, он должен был искупить свой проступок потерей имущества и наказанием галерами. Климент вновь ввел старые ограничения для евреев в трех упомянутых городах, запретив им читать Талмуд и другие раввинские писания или владеть ими. Евреи, изгнанные из Папской области, по-видимому, были приняты Фердинандом, герцогом Тосканским, который выделил им Пизу в качестве места жительства (июль 1593 г.). Он разрешил им владеть книгами всех видов и на всех языках, включая Талмуд, но сначала копии должны были быть изъяты в соответствии с правилами комиссии, учрежденной Сикстом V. Фанатизм апостольского престола был настолько велик, что даже благородные князья, такие как Фердинанд Медичи из Тосканы и Виченцо Гонзаго из Мантуи, не решались ослабить его. Даже в тех местах, где в качестве одолжения евреям разрешалось владеть изъятыми книгами, они подвергались всевозможным неприятностям и вымогательствам. Им приходилось платить цензорам, в основном крещеным евреям, за искажение этих произведений, и при этом они не были уверены, что даже тогда их книги снова не будут конфискованы, а владельцы наказаны просто за то, что какое-нибудь неприятное слово осталось незапятнанным. Горе тем, кто стер одну из цензурных пометок! Чтобы не подвергаться досаде, евреи сами наложили руки на свою священную литературу и вычеркнули не только все, что относилось к идолопоклонству, но и все, что прославляло еврейскую расу или упоминало о Мессии и его будущем пришествии. Поскольку Италия в то время была главным рынком сбыта печатных произведений на иврите, евреи в других странах получали только изуродованные экземпляры, из которых были полностью стерты открытые или скрытые протесты против Рима.

Изгнание евреев из всех итальянских городов было обычным делом в правление этого папы. Таким образом, евреи были изгнаны (весной 1597 г.) из Миланского округа, *то есть* из городов Кремона, Павия, Лоди и других, числом около тысячи. Они были вынуждены просить убежища в Мантуе, Модене, Реджо, Вероне и Падуе. Во время миграции они были ограблены бессердечными христианами. Меч церкви некоторое время витал также над евреями в Ферраре, городе, который всегда был надежным убежищем для них и даже для новохристиан из Испании. Герцогский род Де Эсте, представители которого соперничали с Медичи в великодушии и культуре, вымер. Евреи Феррары чувствовали себя настолько причастными к судьбе этого княжеского дома, что возносили публичные молитвы в синагоге по случаю тяжелой болезни вдумчивой принцессы Леоноры, которую два великих поэта обессмертили, поместив ее на прославленные небеса поэзии. Она сама была благодетельницей евреев и часто защищала их. Но теперь последний представитель этой расы, Альфонсо II, умер, не оставив наследников (1597), и, вопреки его последней воле, Феррара была включена Климентом VIII в

состав Папской области. Еврейская община, состоявшая в основном из беженцев-маррано, была готова вынести изгнание, поскольку не могла ожидать пощады от этого папы. Они только попросили Альдобрандини, родственника папы римского, который завладел Феррарой, предоставить им отсрочку, чтобы они могли подготовиться к отъезду. Поскольку Альдобрандини увидел, что значительная часть торговли города находится в руках евреев, у него хватило благоразумия не причинять им вреда, он разрешил им остаться на пять лет и привел этот указ в исполнение, несмотря на фанатичные пожелания Климента VIII, который надеялся изгнать их. Однако ни один беглый новохристианин теперь не мог остановиться в Ферраре, не попав в лапы кровавой инквизиции. Таким образом, последнее убежище в Италии для этого класса евреев было уничтожено, и во всем христианском мире для них больше не было безопасного места.

Кажется providением, что еврейская раса, которая в конце шестнадцатого века, собственно говоря, больше не имела опоры ни в Европе, ни в Азии, ни при христианстве, ни при исламе, пустила прочные корни в империи своего упрямого врага, испанского короля Филиппа II, и смогла с этой выгодной позиции занять равноправное положение. Действительно, в цепочке причинно-следственных связей именно кровавая инквизиция помогла им обрести свободу. Голландия, земля, вырванная у моря, стала для преследуемых жертв ужасного, утонченного фанатизма местом отдыха, где они могли осесть и развить свои национальные особенности. Но какие перемены и превратности судьбы им пришлось претерпеть, прежде чем эта почти немыслимая возможность смогла стать реальностью! Северо-западный уголок Европы до сих пор населяло всего несколько евреев. Они страдали, как и их собратья, от сумасбродства возбужденного фанатизма, были выслежены и истреблены во времена крестовых походов и Черной Смерти, переноса все в молчаливой безвестности и терпении. Когда страна под названием Нидерланды, находящаяся под далеко простирающимся скипетром Карла V, была объединена с Испанией, испанский принцип враждебности к евреям был перенесен и на нее. Император отдавал приказ за приказом о том, что евреи в городах Нидерландов, какими бы малочисленными они ни были, должны быть изгнаны. Каждый гражданин был обязан сообщать королевским чиновникам о присутствии евреев вопреки закону. В результате введения инквизиции в Португалии несколько еврейских семей со всем своим богатством, трудолюбием и умениями перебрались в процветающие города Нидерландов, Брюссель, Антверпен и Гент, чтобы вести религиозную жизнь, защищенную от опасностей. Суровый эдикт Карла V и его неоднократный приказ не допускать их присутствия распространялись и на них. Магистраты должным образом выполнили приказы своего правителя в этом вопросе, потому что они боялись, что присутствие новых христиан приведет к введению инквизиции — зла, которое, как казалось их встревоженным сердцам, предвещало большую опасность для них самих.

Народ Нидерландов не смог избежать инквизиции. Хотя они были придатком Испании, разве они не были окружены еретиками-лютеранами, и разве они не жили в самой их среде? Таким образом, этот институт должен был быть введен и среди них. Это было одной из главных причин восстания в Нидерландах и той длительной войны, такой незначительной по своему началу и такой великой по своим результатам, которая обессилела мощь Испании и возвела крошечную Голландию в ранг державы почти первого ранга. Казалось, что из каждой головы, которую Алва отрубил в Нидерландах, вырастали сотни других, как из древней Гидры. Само собой разумеется, что в этой кровопролитной борьбе, превратившей всю землю в арену сражений, евреям не было места. По совету Арнгейма и Зютфена Алва издал указ, согласно которому, если там будут обнаружены евреи, они должны содержаться под стражей до тех пор, пока он не вынесет над ними приговор. Было хорошо известно, что это означало из его уст.

Португальские марраны, или новые христиане, которые даже в третьем поколении не могли забыть и не хотели отрицать свое еврейское происхождение, обратили свои взоры на Нидерланды, теперь борющиеся за свободу, тем более что инквизиция свирепствовала сильнее, чем когда-либо, и тащила их в темницу или на костер. С тех пор, как появились первые признаки упадка благосостояния Испании, с тех пор, как потерпела крах непобедимая армада, с помощью которой Филипп II думал сбросить цепи фактического и духовного рабства не только с Англии, но, если возможно, и на край света, в сердцах псевдохристиан, находящихся под железным правлением этого тирана, зародилось страстное желание свободы. Поскольку Италия была закрыта для них из-за политики преследований реакционных пап, их единственной надеждой на убежище были Нидерланды.

Выдающийся еврей Самуэль Паллаче, посланный королем Марокко в качестве консула в Нидерланды (около 1591 г.), предложил магистрату Мидделбурга, что в провинции Зеландия, принять португальских маррано и предоставить им свободу вероисповедания. Взамен они превратили бы город в процветающий коммерческий центр за счет своего богатства. Мудрые отцы города охотно согласились бы с этим планом, но война за религию и свободу, столь яростно ведущаяся против двуличного деспотизма Испании, сделала фанатичными и нетерпимыми даже проповедников-реформаторов. Они были против допуска евреев в Зеландию.

Но португальские новохристиане не отказались от идеи искать безопасности в провинциях Нидерландов, уже освобожденных от испанского ига. Они чувствовали, что их тянут к этой республике могучие узы; они разделяли ее яростную ненависть к Испании с ее жаждой человеческих жертвоприношений и к ее фанатичному королю Филиппу II. Великий Защитник Вильгельм Оранский, душа борьбы за независимость, выдвинул идею взаимной терпимости и дружественных отношений между различными религиозными партиями, вероисповеданиями и сектами. Хотя этот первый зародыш подлинной человечности поначалу упал на землю, марраны цеплялись за него, как за надежду на освобождение от своих ежедневных мук. Отважная женщина из племени маррано, мэр Родригес, похоже, разработала план поиска убежища для своей семьи в Голландии. Она, ее муж Гаспар Лопес Хомем, двое ее сыновей и две дочери, а также несколько других членов этой богатой и уважаемой семьи были преданно привержены иудаизму и устали от притворства о следовании христианским обычаям, которое, в конце концов, было бессильно защитить их от ужасов инквизиции. Когда корабль отплыл из Португалии с грузом беглых маррано под руководством некоего Джейкоба Тирадо, мэр Родригес доверил этому судну свою очаровательную и красивую дочь Марию Нуньес, а также своего сына. Мать, по-видимому, полагалась на магию обаяния своей дочери; необычайная красота Марии Нуньес должна была послужить эгисом для этих странников, окруженных опасностями со всех сторон, и обеспечить им убежище. На самом деле, ее красота помогла предотвратить первую опасность, которая угрожала группе беженцев, состоящей из десяти человек, мужчин, женщин и детей. Они были захвачены английским кораблем, совершавшим налеты на суда, плававшие под испано-португальским флагом, и доставлены в Англию. Мария Нуньес так околдовала капитана, английского герцога, что он предложил ей руку, думая, что она принадлежит к рангу португальских грандов; но она отказалась от этого почетного предложения, потому что хотела жить как еврейка. Красота белокурой португальской пленницы произвела такую сенсацию в Лондоне, что королеве-девственнице Елизавете было любопытно познакомиться с этой прославленной красавицей, недоступной даже для любви герцога. Она пригласила ее на аудиенцию и проехала с ней в открытом экипаже по улицам столицы.

Вероятно, благодаря посредничеству Марии Нуньес беглым евреям было разрешено невредимыми покинуть Англию и отплыть в Голландию. Выдержав самое бурное плавание, они смогли добраться до гавани Эмдена, где, как и в остальной Восточной Фрисландии, проживало несколько немецких евреев.

Как только маррано узнали по еврейским буквам и другим знакам о присутствии братьев в этом городе, Якоб Тирадо, самый выдающийся из них, отправился к Моисею Ури Халеви, который имел репутацию образованного человека и на доме которого были замечены буквы на иврите. Он открыл ему свое собственное намерение и намерение его товарищей отказаться от псевдохристианства и быть принятым полностью и, по возможности, немедленно в иудаизм. Но Мозес Ури испытывал угрызения совести по поводу столь решительного курса, очевидного обращения христиан в иудаизм, в маленьком городке, где ничто не могло долго оставаться скрытым. Поэтому он посоветовал беглецам перебираться в Амстердам, где пользовались большей терпимостью, и пообещал приехать к ним со всей своей семьей, остаться с ними и обучить их еврейским доктринам. Соответственно, Марраны во главе с Тирадо прибыли в Амстердам (22 апреля 1593 г.), искали пристанище, которое позволило бы им оставаться вместе, и были приняты обратно в иудаизм, как только Моисей Ури и его семья переехали к ним.

Мозес Ури и его сын устроили молитвенный дом для Маррано и руководили богослужениями. Большое рвение проявил не только Якоб Тирадо, но и консул Самуэль Паллаче, а также поэт-маррано Якоб Израэль Бельмонте, приехавший сюда с Мадейры, который изобразил пытки инквизиции в стихах, дав своему стихотворению соответствующее название "Иов". Молодежная община была усилена численностью и авторитетом за счет новых прибывших. Английский флот, который под командованием графа Эссекса застал врасплох крепость Кадис и нанес серьезные повреждения испанцам (летом 1596 г.), доставил в Голландию нескольких маррано, среди которых был человек большой оригинальности, не лишенный значения для потомков. Алонсо де Эррера происходил из еврейских и старинных испанских семей. Его предком был великий Гонсалво де Кордова, завоеватель Неаполя для Испании. Сам он был испанским резидентом в Кадисе, а при взятии этого города был взят в плен англичанами. После освобождения он уехал в Амстердам, стал евреем и принял имя Абрахам де Эррера (ошибочно называемый Ирира).

Марранам в Амстердаме было нелегко исповедовать свою религию. Когда эта первая португальская община тайно праздновала свой четвертый пост Искупления (октябрь 1596 г.), их соседи-христиане были удивлены тайным собранием переодетых личностей в одном доме; они заподозрили предательские собрания католических заговорщиков и донесли на них магистратам. Пока евреи были заняты молитвой, вооруженные люди внезапно ворвались в дом и посеяли ужас среди собравшихся верующих. Поскольку большинство из них, помня о жестокостях инквизиции и опасаясь подобной участи в Амстердаме, пытались спастись бегством, подозрения амстердамских чиновников усилились. Последний искал распятия и облатки и повел Мозеса Ури и его сына, руководителей службы, в тюрьму. Однако Якобу Тирадо, который умел изъясняться на латыни, удалось убедить власти в том, что собрание состояло не из папистов, а из евреев, бежавших от Молоха инквизиции. Более того, что они привезли с собой много богатств и, наконец, что они побудят многих единоверцев приехать из Испании и Португалии со своими богатствами и таким образом придадут импульс торговле Амстердама. Речь Тирадо произвела большое впечатление. Заключенных освободили, и перепуганные португальские евреи смогли завершить службу Искупительного поста. Теперь, когда их религия стала известна, они отважились на шаг и обратились к мировому судье с просьбой разрешить

им построить синагогу для проведения своих религиозных служб. После долгих размышлений просьба была удовлетворена. Джейкоб Тирадо купил участок, и в 1598 году построил первый еврейский храм на севере Европы, получивший название "Дом Иакова" (Beth Jacob). Он был освящен при энтузиазме маленькой общины.

Благоприятные новости о колонистах-маррано, тайно доставленные в Испанию и Португалию, послужили дополнительным стимулом к эмиграции. Мэр Родригес Хомем, первый организатор этого курса, также нашел возможность сбежать из Португалии и присоединиться к своей прекрасной дочери Марии Нуньес (около 1598 года). Она привезла с собой своих младших сына и дочь; ее муж, вероятно, умер еще до этого. Одновременно, едва избежав инквизиции, из Португалии прибыла другая выдающаяся семья, Франко Мендеш, включая родителей и двух сыновей, Франсиско Мендеса Медейроса, образованного литератора, взявшего еврейское имя Исаак, и Крестовала Мендеса Франко, богатого и доброжелательного, который называл себя Мордехаем. Оба играли важную роль в амстердамском сообществе, но впоследствии вызвали раскол.

Филипп II дожил до того, чтобы увидеть, как две расы, которых он яростно ненавидел и преследовал, голландцы и евреи, в какой-то мере объединили свои усилия, чтобы разрушить то, что он создал, поскольку Голландия извлекала выгоду из еврейских поселенцев из Португалии. Раньше это было одно из беднейших государств, а ожесточенные, разрушительные войны сделали страну еще беднее. Капитал, привезенный Марранами в Амстердам, был очень приемлем и принес пользу всей стране. Голландцы теперь могли заложить основы своего процветания, забрав индийскую торговлю из рук португальцев, которые были связаны с Испанией невыгодным союзом. Столица беглых евреев позволила основать крупные трансмаринские компании и снарядить торговые экспедиции, в которых они участвовали. Связи португальских евреев со своими тайными единоверцами в португальских владениях в Индии также способствовали начинаниям голландских купцов.

Филипп II умер в сентябре 1598 года, став грозным предупреждением упрямым, беспринципным деспотам. Его тело было покрыто нарывами и паразитами, что делало его таким объектом ужаса, что его дрожащие слуги приближались к нему только с отвращением. Великая империя, которую он завещал своему немощному сыну Филиппу III, также была больна. Она уступала своим недостаткам и больше не обладала влиянием в советах Европы. Бразды правления были ослаблены, и, таким образом, новохристианам стало еще легче вырваться из лап инквизиции. Теперь у них была цель, к которой они могли направить свои шаги. Экстраординарное событие в Лиссабоне побудило самых равнодушных евреев-отступников вернуться в иудаизм.

Францисканский монах Диого де ла Асумсао, происходящий из древнего христианского рода, убедился в истинности иудаизма и ложности христианства, прочитав Библию — чтение Библии таит в себе свои опасности — и открыто высказал свои убеждения другим монахам своего ордена. С какой целью была учреждена инквизиция, если она должна была оставить подобные преступления безнаказанными? Диого бросили в темницу; но не было необходимости вымогать признание, ибо он открыто и безоговорочно признал свой проступок - любовь к иудаизму. Трибуналу понадобилось предать его дыбе только для того, чтобы побудить его выдать своих сообщников, поскольку он утверждал, что несколько его собратьев-монахов разделяют его убеждения. Некоторым ученым богословам было поручено разубедить францисканца-отступника в его вере и смыть столь темное пятно с ордена и христианского мира в целом; но тщетно. Диого остался верен своей вере в истинность иудаизма. После того, как он провел

около двух лет в застенках инквизиции, его, наконец, сожгли заживо на торжественном аутодафе в Лиссабоне в присутствии регента (август 1603 г.).

Тот факт, что христианин по происхождению, вдобавок монах, пострадал за иудаизм и умер непоколебимым в вере, произвел сильное впечатление на португальских евреев-отступников и побудил их публично вернуться к вере своих отцов. Инквизиция перестала внушать им ужас. Они вернулись в иудаизм, не обращая внимания на то, спешат ли они навстречу смерти. Давид Жезурун, молодой поэт, любимец Муз с детства, которого по этой причине знакомые называли "маленьким поэтом", воспел сожжение мученика Диого де ла Асумсао в пламенном португальском сонете:

"Ты был золотом, погребенным в темных подвалах кровавого трибунала;
И подобно тому, как золото очищается от шлака огнем,
Так и ты будешь очищен огнем.
Ты был фениксом, обновляющим его жизнь,
Презирая оставаться рабом смерти.
Ты был сожжен в огне.
Только для того, чтобы воскреснуть из твоего пепла,
Как жертва все소жжения,
Принесенная Богу в пламени.
На небесах ты смеешься над теми, кто мучил тебя;
И никто больше не зовется Братом Диого,
А Золотой Феникс, Ангел, Жертва".

Этому пылкому молодому поэту посчастливилось избежать инквизиции, и он поспешил в Амстердам. Он сочинил сильное стихотворение на испанском, увидев этот город, который показался ему новым Иерусалимом. Другой молодой поэт-маррано также обратился к иудаизму после трагической смерти францисканца Диого. Поль де Пина, человек с некоторым поэтическим талантом, был склонен к религиозному энтузиазму и собирался стать монахом. Этот шаг причинил большое горе его родственнику Диого Гомесу Лобато, в глубине души верному иудаизму, и он хотел удержать его от отступничества. Поэтому, когда он собирался совершить путешествие в Италию, Диого дал ему письмо, адресованное знаменитому еврейскому врачу Элиасу Монтальто, известному как Феликс Монтальто, когда он исповедовал христианство. Письмо было следующего содержания: "Наш кузен, Поль де Пина, едет в Рим, чтобы стать монахом. Ваша светлость окажет мне услугу и отговорит его".

Если бы это письмо попало в руки римской или португальской инквизиции, это стоило бы жизни и автору, и его корреспонденту. Элиас Монтальто пытался отговорить молодого Де Пину от его намерения и вернуть его к религии его отцов. Похоже, ему это удалось лишь настолько, что Де Пина отказался от своего путешествия в Рим, уехал в Бразилию, а затем вернулся в Лиссабон. Мученическая смерть Диого де ла Асумсана, по-видимому, окончательно настроила его против христианства. Он поспешил в Амстердам с печальной новостью (1604), страстно обратившись в иудаизм, и принял еврейское имя Рохель Иисурун. Он стал самым восторженным евреем, украшением амстердамской общины.

Верность иудаизму, проявленная португальскими марраносами независимо от последствий, естественным образом увеличила число жертв инквизиции. Вскоре после этого сто пятьдесят

из них были брошены в мрачные подземелья, подвергнуты пыткам и вынуждены признаться. Даже регент Португалии не решился сжечь такое большое количество. Более того, новохристианские капиталисты обладали определенной властью над испанским двором, которому после объединения двух королевств теперь принадлежала Португалия. Суд задолжал им крупные суммы, которые он не мог выплатить из-за растущей бедности в обеих странах. Марраны предложили освободить Филиппа III от этого долга и, кроме того, преподнести в подарок 1 200 000 крестовых походов (120 000 фунтов стерлингов), если заключенные евреи будут помилованы. Они также потратили 150 000 крестовых походов, чтобы убедить советников заставить короля оказать эту милость. Поэтому суд проявил склонность к милосердию и обратился к папе Клименту VIII с просьбой уполномочить инквизицию мягко обращаться с грешниками в этом случае. Папа помнил или ему напомнили, что его предшественники, Климент VII и Павел III, даровали отпущение грехов португальским маррано. Он сделал то же самое и издал буллу о помиловании заключенных евреев (23 августа 1604 г.). Инквизиция удовлетворилась лицемерным раскаянием своих заключенных. Несколько сотен из них, одетых в одежды кающихся, были приведены на аутодафе в Лиссабоне (10 января 1605 г.), однако не для того, чтобы взойти на костер, а для публичного признания своей вины и осуждения на лишение всех гражданских прав. Все или значительная часть освобожденных вернулись в свое новое убежище. Среди них был Джозеф бен Израэль, который трижды подвергался пыткам и сбежал с подорванным здоровьем и потерей своего имущества. Он взял с собой своего сына Манассию — или как там его звали в качестве псевдохристиана, - тогда еще ребенка, которому впоследствии суждено было сыграть выдающуюся роль в еврейской истории.

Моисей Ури (родился в 1544 году, умер в 1620 году) в разное время принял в иудейскую веру двести сорок восемь человек, настолько сильно увеличилась численность общины в Амстердаме. Они послали в Салоники за раввином сефардского происхождения по имени Джозеф Пардо, который хорошо понимал характер полукатолических членов общины. Он дал им в руки книгу, написанную на испанском языке, скорее христианском, чем еврейском по тону. Синагоги Бет-Якоб, построенной Тирадо, больше не хватало для размещения ее прихожан, и в 1608 году пришлось построить новую, названную "Неве-Шалом". Он был основан Исааком Франсиско Мендесом Медейросом и его родственниками. Как первооткрыватели новой страны считают важным и достойным памяти каждый шаг, который они в ней делают, каждый новый путь, на который они вступают, и каждого выдающегося участника своего предприятия, так и молодая амстердамская община с радостью записывала все, что происходило в их среде в начале их карьеры.

Приезд Исаака Узиэля (умер в 1620 году) стал большой удачей для этого уникального сообщества. Очевидно, этот раввин из семьи беженцев мог искренне посочувствовать своим товарищам по несчастью в Амстердаме. Он был поэтом, грамматиком и математиком, но, прежде всего, проповедником редкой силы и влияния, первым, кто осмелился пробудить своим могучим голосом совесть своих слушателей, убаюканных соблюдением католических обычаев, и предостеречь их, чтобы они не верили, что они купили индульгенцию или отпущение своих грехов, безумств и пороков бездумно соблюдаемыми религиозными обрядами. Исаак Узиэль не щадил даже самых уважаемых и могущественных в общине, хотя тем самым навлек на себя их ненависть, которая зашла так далеко, что вызвала раскол; с другой стороны, он приобрел преданных последователей, которые прославляли его в вдохновенных стихах.

Таким образом, поощрялся религиозный союз и укреплялась вера среди португальских беглецов, которые настолько деградировали в религиозных вопросах. Но до сих пор не было принято никаких мер для надлежащего погребения их умерших. Они были вынуждены похоронить их далеко от города, в Грееде, на севере Голландии. Усилиями ведущих членов общины им удалось получить место для захоронения недалеко от Амстердама, в Удеркерке, недалеко от Муйдерберга (в апреле 1614 г.), чему они очень обрадовались. Первым человеком, похороненным там, был Мануэль Пиментель, или, по его еврейскому имени, Исаак Абенакар, которого французский король Генрих IV называл "королем игроков", поскольку у него была привычка играть с ним. Два года спустя тело выдающегося и благородного человека, Элиаса Феличе Монтальто, было привезено издалека, чтобы похоронить в этом тихом месте. Раньше он исповедовал христианство, но впоследствии стал правоверным евреем, был умным врачом и элегантным писателем, жил в Ливорно, Венеция, и, наконец, в Париже в качестве личного врача королевы Марии Медичи. Он умер в Туре во время путешествия с французским двором 16 февраля 1616 года. Королева приказала забальзамировать его тело и отвезти на кладбище в Удеркерке в сопровождении его сына, дяди и ученика Сауля Мортейры.

Евреи Амстердама долгое время были вынуждены платить налог за каждый труп церквям, мимо которых его проносили. В целом, поначалу их официально не терпели, их присутствию только потворствовали. Им не доверяли как католическим шпионам на службе Испании, замышлявшим государственную измену под видом евреев. Даже когда власти и население в целом убедились в своей искренней ненависти к Испании и Португалии, они все еще были далеки от того, чтобы их признавали и терпели как независимую религиозную организацию. На короткое время синагоги были закрыты, а публичные богослужения запрещены. Еврейские беженцы с испанского полуострова, прибыв в Гавр, были брошены в тюрьму. Эта нетерпимость в стране, которой было суждено стать первой страной, где свобода вероисповедания должна была воздвигнуть свой храм, была вызвана главным образом страстным конфликтом между двумя партиями реформаторов — Протестантами и Контрамонстрантами. Первые были более мягкими в изложении и практическом применении христианства, чем их оппоненты, мрачные кальвинисты, голландские независимые деятели. В Амстердаме преобладала последняя партия, которая преследовала своих противников, считавшихся тайными, вероломными приверженцами Испании. Хотя у протестантов были причины добиваться терпимости ко всем сектам, именно они выступили обвинителями евреев. Они пожаловались главному судье Амстердама на то, что в столице Голландии терпимо относятся ко всем сектам, даже к евреям, и они являются единственным исключением.

Губернатор, принц Морис Оранский, безусловно, благосклонно относился к евреям, но он ничего не мог поделать с духом нетерпимости и независимостью городов и штатов. Следовательно, даже в Голландии еврейский вопрос был вынесен на обсуждение, и для его урегулирования была назначена комиссия. Наконец, было решено (17 марта 1615 г.), что каждый город, как в случае с Амстердамом, может издать специальное постановление о евреях, либо терпимо относиться к ним, либо изгонять их; но в тех городах, куда они были допущены, их нельзя было заставлять носить значок. После неоднократных жалоб протестующих бургомистр Рейнье Пау поставил перед советом (15 октября 1619 г.) вопрос о том, что следует делать в случае многочисленных беглых португальских евреев, которые вступили в браки с дочерьми страны, вызвав тем самым большой скандал и раздражение. После этого было решено (8 ноября), что половые сношения между евреями и христианками, даже проститутками, должны

быть строго запрещены. С другой стороны, евреям было разрешено свободно признавать свою религию.

Поскольку Амстердам не был таким богатым, каким стал впоследствии, он не мог обойтись без евреев, которые передали ему свое богатство и свои знания в делах. Устоявшиеся предубеждения против них все больше и больше исчезали при более близком знакомстве. Евреи из Португалии ни своим культурным языком, ни поведением, ни манерами не выдавали своей принадлежности к презираемой касте; напротив, их осанка была осанкой людей высокого положения, познакомиться с которыми было честью для многих христианских бюргеров. Поэтому к ним относились с определенной долей уважения. Вскоре их число увеличилось до четырехсот семей с тремя сотнями домов в городе, и вскоре в Амстердаме была установлена типография на иврите, не опасаясь пристального взгляда цензора.

Процветание Амстердама, вызванное притоком португальских евреев, возбудило зависть многих христианских князей, и они пригласили евреев в свои владения. Кристиан IV, король Дании, направил письмо Еврейскому совету Амстердама (25 ноября 1622 г.) с просьбой побудить некоторых своих членов поселиться в его государстве. Он пообещал им свободу вероисповедания и другие благоприятные привилегии. Герцог Савойский пригласил португальских евреев приехать в Ниццу, а герцог Моденский предложил им право проживания в Реджо, предоставив им обширные привилегии. Таким образом, в разгар мрачных преследований христианского мира, две религиозные фракции которого обнажили меч друг против друга в Тридцатилетней войне, евреи нашли, так сказать, приятные маленькие оазисы, откуда они могли вернуть себе утраченную свободу и постепенно освободиться от своего тяжелого рабства.

ГЛАВА XX. ГОЛЛАНДСКИЙ ИЕРУСАЛИМ И ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.

Еврейская община Амстердама — Ее богатство, культура и почетное положение—Закуто Лузитано—Внутренние разногласия—Школа Талмуд-Торы—Сол Мортейра, Исаак Абоаб и Манассия бен Израэль—Португальская община в Гамбурге—Первая синагога—Лютеранская нетерпимость—Джон Миллер—Еврейская колония в Бразилии—Главные общины Германии—Преследования во Франкфурте—На-Майне—Доктор Хемниц—Венская конгрегация—Липман Хеллер—Рвение Фердинанда II к обращению евреев —Влияние Тридцатилетней войны на судьбы евреев.

1618–1648 С.Е.

Еврейскую расу во время ее рассеяния, длившегося почти две тысячи лет, с полным основанием можно сравнить с полипом. Хотя его часто ранили и разрезали на куски, части, отделенные от целого, не погибали, а начинали самостоятельное существование, органически развивались и образовывали новый подвой. Изгнанные из своего первоначального палестинского дома, разрозненные члены этого своеобразного национального организма собрались на берегах Евфрата и Тигра и в пальмовом районе Аравии. Обреченные там на разорение, они эмигрировали в Испанию вместе с арабами, самым культурным народом

средневековья, и стали учителями Европы, затем погрузившейся в варварство. Изгнанные оттуда, ослабленные духом и численностью, они двинулись на восток, и, поскольку снова не нашли места для отдыха, они поселились на севере, всегда следуя за развивающейся цивилизацией. Прием евреев в Голландию был первым трепещущим рассветом ясного дня после густого мрака. Амстердам, северная Венеция, в начале семнадцатого века стал новым центром для евреев; они справедливо называли его своим новым великим Иерусалимом. Со временем этот город стал ковчегом-убежищем для еврейской расы во время нового всемирного потопа. С каждым судебным процессом, проводимым инквизицией в Испании и Португалии в связи с иудаизирующими практиками маррано, с каждым сожжением костров для осужденных или подозреваемых лиц, численность амстердамской общины увеличивалась, как будто фанатики стремились обезлюдить католические страны, чтобы сделать еретические государства Нидерландов густонаселенными и богатыми. Португальская община Амстердама, состоящая из более чем четырехсот членов, уже владела тремя сотнями величественных домов и дворцов в этом городе, превращенных ими в процветающий центр торговли. Их капитал позволял им вести торговлю, по большей части в больших масштабах, и они были заинтересованы в Ост- и Вест-Индских компаниях или владели банковскими домами. Но для ростовщичества, которое вызывало такую ненависть у евреев других стран, они были заклятыми врагами. Синагогальные сборы, взимаемые с них самих, дают приблизительное представление о размерах их капитала и торговли. За каждый фунт экспортируемых или импортируемых ими товаров они привыкли платить подоходный налог, и эти налоги, за исключением налогов на квитанции купцов, заинтересованных в торговых компаниях, составляли 12 000 франков ежегодно.

Не только благодаря своему богатству они заняли выдающееся положение в новом торговом центре Батавии. Иммигранты-марраны принадлежали по большей части к образованному классу; в Испании или Португалии, их неестественной метрополии, они занимали должности врачей, юристов, правительственных чиновников, офицеров или священнослужителей и были знакомы с латинским языком и литературой не меньше, чем с *художественной литературой*, и были привычны к обычаям общества. В Нидерландах, в то время самой цивилизованной части Европы, гуманистическая культура сама по себе была рекомендацией. Следовательно, в Голландии культурные евреи общались с образованными христианами на условиях равенства и уничтожали предрассудки против еврейской расы. Некоторые из них приобрели европейскую репутацию и были связаны с высокопоставленными лицами. Абрахам Закуто Лузитано (родился в 1576 году, умер в 1642 году), правнук Закуто, историка и астронома, был одним из самых знаменитых врачей своего времени. Он переписывался с Фридрихом, принцем Пфальцским, и его ученой женой, несчастной парой, которая ненадолго заняла трон Богемии и стала причиной Тридцатилетней войны. Хвала Закуто звучала в стихах и прозе как христианских, так и еврейских профессиональных братьев. Штатгальтеры Нидерландов, принцы Оранско-Нассауского дома Морис, Генрих и Вильгельм II, как и основатель их расы Вильгельм I, были хорошо расположены к евреям и относились к ним как к полноправным гражданам. Даже испанский и португальский короли, преследователи маррано в своих собственных странах, снизили до того, чтобы проявить уважение к потомкам своих преследуемых жертв, назначить их на должности и доверить им консульские функции в своих государствах.

Привязанность амстердамских евреев к их вновь принятой религии, приобретенная столькими опасностями, была глубокой и возобновлялась при каждом появлении новых беглецов и каждом

сообщении о мученической смерти их братьев на костре инквизиции. Эта преданность нашла отражение в их поведении и воплотилась в стихах, написанных на языке их преследователей.

Поль де Пина, или Руэль Хесурун, поэт, который когда-то собирался стать монахом, сочинил для части священного праздника песни на португальском языке, которые исполнили семь юношей в честь первой синагоги (Бет-Иаков) в 1624 году. Горы Святой Земли Синай, Ор, Нево, Герисим, Кармил и Зетим (Елеонская гора) в мелодичных стихах прославляли превосходство еврейской религии, еврейского закона и еврейского народа. Они восхваляли тысячи милосердных путей, которыми Бог вел Свой народ с древнейших времен до наших дней. Единство Бога, святость Закона и ожидания мессианской эпохи благодати, тем более глубоко ощущаемые сефардскими марранами, что это были новоприобретенные и дорого приобретенные убеждения, — таковы были неисчерпаемые темы их поэзии. Но на заднем плане великолепной картины всегда были ужасная темница, жрецы Молоха и пылающее пламя инквизиции.

В таком настроении, воодушевленные воспоминаниями о перенесенных страданиях и пытках, члены амстердамской общины от всего сердца и щедрой рукой основали всевозможные благотворительные учреждения, сиротские приюты, благотворительные общества (братства) и больницы, каких не существовало ни в одном из старых сообществ. У них были средства и расположение духа. Их благочестие проявлялось в благотворительности и великодушии. Но, какими бы возвышенными ни были их настроения, они были страстными людьми, и в молодом сообществе возникли разногласия. Многие прихожане, родившиеся и воспитанные в католицизме, принесли с собой и сохранили свои католические взгляды и обычаи; они думали, что смогут объединить их с иудаизмом. "Можно ли носить угли за пазухой, не подпалив одежду?" С детства Марраны слышали и видели, что человеку позволено грешить, если время от времени он примиряется с церковью. Католические священники всех рангов были под рукой, чтобы осуществить примирение и церковными средствами отвлечь будущее наказание от грешника. В глазах большинства маррано обряды и церемонии иудаизма заняли место католических таинств, а раввины - отцов-исповедников. Они верили, что тот, кто добросовестно соблюдает еврейские обряды и вдобавок делает еще несколько вещей, может уступить своим желаниям, не теряя при этом душевного благополучия. Во всяком случае, раввины могли дать ему отпущение грехов. Следовательно, Марраны вели жизнь, далекую от совершенства, особенно в том, что касалось целомудрия. Первые два раввина амстердамской общины, Джозеф Пардо и Джуда Вега, учитывая обстоятельства, снисходительно относились к этим слабостям и недостаткам. Но третий, Исаак Узиэль, не сдержался; с неумолимой строгостью он бичевал с кафедры дурные привычки полуевреев и полукатоликов. Эта жестокость ранила подвергшихся нападению, но вместо того, чтобы исправиться, они разозлились на проповедника, и несколько человек покинули общину и синагогу и объединились, чтобы основать новую (третью) в 1618 году. Во главе отколовшихся стоял Дэвид Осорио; возможно, он был наиболее глубоко уязвлен суровыми проповедями Узиэля. Для новой синагоги (Бет Израэль), которую построили сепаратисты, они выбрали Дэвида Пардо, сына Джозефа Пардо, раввином и проповедником. Он защищал принятие этой должности в новом органе, основанном в некоторой степени вопреки Исааку Узиэлю, утверждая, что он хотел уменьшить разногласия. Однако напряженность длилась двадцать лет (1618-1639).

Тем временем немецкие евреи, которых разрушительные последствия Тридцатилетней войны выгнали из их гетто, искали убежища в Амстердаме, и их приняли в это убежище. Если Амстердамский совет сначала просто потворствовал иммиграции и расселению евреев, то в

более поздний период он решительно способствовал их приему, поскольку понимал важное преимущество, которое они приносили государству. Немецкие евреи-иммигранты, естественно, не могли тесно сплотиться с португальской общиной, потому что они отличались не только языком, но и поведением и манерами. Огромная пропасть отделяла португальцев и немцев одной расы и религии друг от друга. Первые надменно смотрели на последних свысока, как на полуварваров, а последние не считали первых настоящими евреями. Как только собралось достаточное количество евреев, немецкие евреи основали синагогу со своим собственным раввином. Их первым главой был Мозес Вайль. Раскол внутри португальской общины болезненно ощущался. Якоб Куриэль, выдающийся человек, впоследствии резидент португальского двора в Гамбурге, величайшими усилиями добился примирения, и только после объединения трех синагог в одно корпоративное тело в апреле 1639 года португальская община, благодаря гармоничному сотрудничеству своих сил, предстала во всем своем великолепии и превзошла всех своих старших сестер в трех частях земного шара. Амстердамская община в чем-то напоминала древнюю александрийскую еврейскую общину. Как и последний, он обладал большим богатством, культурой и определенным своеобразием характера; но, как и он, страдал от недостаточного знания еврейской религиозной и научной литературы. Почти всем членам маррано пришлось начинать изучать иврит в преклонном возрасте!

При объединении трех общин, для которых были приняты законы, представители приложили все усилия, чтобы устранить это незнание иврита. Они основали институт (Талмуд-Тора), в котором дети и молодежь могли обучаться полезным разделам еврейской теологии. Возможно, это было первое подобное учебное заведение среди евреев. Сначала он состоял из семи классов. Учеников можно было провести от низшей ступени, еврейского алфавита, до высшей ступени Талмуда. Это была одновременно начальная школа и колледж для получения высшего образования. Там также преподавали основательную еврейскую филологию, ораторское искусство и современную еврейскую поэзию, чего не было в других еврейских школах. В высших ведомствах наставления давали первые раввины, или Хахамим, в то время Саул Мортейра и Исаак Абоаб. Эти два человека, вместе с Манасией бен Израэлем и Дэвидом Пардо, основали первый раввинский колледж. Этот богато оснащенный институт стал центром подготовки раввинов для амстердамской общины и ее дочерей в Европе и Америке. Из него вышли ученики, которые трудились в более широких сферах; среди них можно упомянуть, для контраста, запутавшегося каббалиста Моисея Закуто и ясноголового Баруха Спинозу.

К несчастью для амстердамской общины, ее первые духовные наставники, оказавшие огромное влияние, обладали лишь посредственными талантами, им в какой-то степени не хватало душевного равновесия. С огромными ресурсами, которыми располагала эта первая голландская община, с культурным фондом, характеризующим ее членов, и их преданностью иудаизму, ее лидеры могли бы добиться замечательных результатов, если бы обладали большей независимостью, более глубоким интеллектом и большей гениальностью. В первом амстердамском раввинском колледже всего этого не было. Дэвид Пардо, по-видимому, не имел большого значения. Саул Леви Мортейра (родился около 1596 г., умер в 1660 г.) даже не был выдающимся проповедником; его коллеги, Абоаб и Манассия бен Израэль, намного затмили его. Его проповеди, единственные печатные издания его литературной деятельности, имеют философский оттенок, но лишены глубины мысли. Мортейра шел широкими, проторенными путями, повторяя то, что было продумано и указано до него. Даже в раввинском знании он не был мастером, и современные талмудисты не считали его авторитетом. Его коллега, Исаак

Абоаб де Фонсека (родился в 1606 году, умер в 1693 году), отличился еще меньше. Он тоже был португальцем по происхождению и, кажется, приехал в Амстердам ребенком вместе со своей матерью, которой на момент его рождения было пятьдесят лет. Он обучался у Исаака Узиэля и приобрел у него красноречие с кафедры, если этому можно научиться. Абоаб стал превосходным и любимым проповедником. Его манера говорить была очень хорошо описана Антонио Виейрой из Лиссабона, мудрым иезуитом, доброжелательно относившимся к евреям. Однажды в Амстердаме он услышал проповедь Абоава и Манассии бен Исраэля, и когда его спросили, понравились ли они ему, он ответил: "Один (Манассия) говорит то, что знает, а другой знает, что говорит". Но хорошо организованная, впечатляющая, привлекательная проповедь не всегда является плодом твердых знаний и ясной убежденности. Во всяком случае, так было не с Абоабом. По характеру он был нерешительным, покорным влиянию других, открытым для лести, следовательно, не независимым. Этому человеку было доверено управлять амстердамским сообществом почти семьдесят лет. Абоаб был суеверен, как и толпа, и вместо того, чтобы руководить, был ведомым.

Гораздо более выдающимся был Манассия бен Исраэль (родился в 1604 году, умер в 1657 году), выходец из амстердамской общины, куда его отец попал сломленным пытками инквизиции и лишенным всего своего имущества. Молодой Манассия, стремившийся к знаниям, обучался у Исаака Узиэля, и хотя его знания Библии и Талмуда не достигли совершенства, они были обширными и готовыми. Направленный личными обстоятельствами к изучению десяти языков, включая португальский как свой родной и латынь как литературный— Манассия научился более или менее безупречно выражать себя устно и письменно на всех этих языках и в возвышенном стиле. Готовый оратор по натуре, он выучился на проповедника, демонстрируя все достоинства своей профессии. Он стал плодовитым писателем и, хотя умер молодым, добился несравненно большего, чем его коллеги. В случае с этим дружелюбным человеком, оказавшим существенную услугу иудаизму, нам не следует становиться на сторону суровых критиков или интересоваться, насколько велика была доля энтузиазма и определенного тщеславия в его работе. Но история - суровый судья. То, чем его современники восхищались в Манассии, было не его глубоким интеллектом, не его всепоглощающим, далеко идущим величием, а его тихим, уступчивым, скромным поведением и его простым характером. Он правильно и кратко описал себя, не преуменьшая и не переоценивая: "Я радуюсь скромному, но счастливому таланту описывать с определенной степенью упорядоченности объекты, которые воля представляет уму". Он не принес в мир великих и плодотворных мыслей, но воспитывал интеллектуальных отпрысков других, относясь к ним как к своим собственным. Он скорее знал, чем много думал. Хотя он был знаком с мирской литературой и христианским богословием, он твердо придерживался не только традиционного иудаизма, представленного раввинской системой, но и Каббалы, и, подобно своим менее образованным коллегам, считал каждое слово в Талмуде и Зоаре глубокой истиной. Как и другие, Манассия бен Исраэль был подвержен суевериям, которые оказали на него сильное влияние и подстегнули его волю.

Таков был характер людей, призванных направлять и наставлять молодую, невежественную, обращающуюся в католицизм и послушную амстердамскую общину. В их руках была великая сила. Важные дела обсуждались и решались на открытых заседаниях раввинов (Маамад) с участием попечителей, избираемых членами совета. В религиозных вопросах решения принимались только Хахамим, потому что миряне не доверяли своему собственному суждению. Решения раввинов были обязательны для членов церкви. Никто не мог им противостоять, потому что правительство имело деспотический характер. Власти предоставили

попечительскому совету и коллегии раввинов полную свободу применять духовные наказания к непослушным членам. Этой свободой и этой властью лидеры пользовались слишком широко. Они привезли из Испании пагубное рвение в поддержании чистоты веры и искоренении ереси. Амстердамские раввины ввели новшество - выносить религиозные мнения и убеждения на суд своих судей, создавать своего рода инквизиционный трибунал и устанавливать самовыдвижение, которое, даже если и было бескровным, не было менее болезненным для страдальцев. Характер и организация крупнейшей португальской общины в Европе оказали мощное влияние на ход еврейской истории. Были сформированы отраслевые сообщества, которые взяли за образец не только организацию, достоинство, преданное благочестие и доброжелательность, но и безумства и извращенности своей матери. Вторая община на голландской земле постепенно сформировалась в Роттердаме. Два брата, столь же набожных, сколь и богатых, Авраам и Дэвид Пинто, заложили фундамент этой общины и избрали Хачаком и директором основанного ими института (Хесиба де лос Пинтос) молодого человека Джосайю Пардо, сына Дэвида Пардо и зятя Мортейры, который, однако, ничем не отличился.

В Харлеме евреи также были близки к получению разрешения на поселение. Гуманисты и сторонники терпимости, такие как Джозеф Скалигер, принц филологов, уже ликовали; но, в конце концов, нетерпимость восторжествовала, и из движения ничего не вышло. Вместо этого португальские общины возникли в Северной Германии за морем, а постепенно и в других городах Нидерландов.

Затем в Гамбурге образовалась важная колония амстердамской общины. Но были трудности с преодолением немецких предрассудков и немецкого педантизма. Против преимуществ, вытекающих из поселения богатых и умных евреев, которые жители Амстердама быстро осознали, жители Гамбурга боролись по рукам и ногам. Для свирепых лютеран было мерзостью иметь евреев среди себя. Еврейский ювелир по имени Исаак из Зальцуфлена в Липпе с двенадцатью своими единоверцами, вынужденными отправиться на поиски нового дома, предпринял попытку обосноваться в Гамбурге. Он подал в сенат петицию о получении их на двенадцать лет, предложив сумму в 9000 марок и ежегодный налог в размере 400 марок. Участник переговоров, Исаак, исчерпывающе изложил все возможные причины приема евреев и заявил, что они готовы подчиниться любым условиям. Он указал, что евреев терпели не только в католических, но и в евангелических странах, как на Западе, во Франкфурте и Вормсе, так и в северной Германии, в Ганновере, Миндене, Хильдесхайме, Геттингене, Нордене, Дортмунде, Хамме, Липпе и Эмдене. Все было напрасно. Гамбург, тогда наслаждавшийся папистскими спорами о ортодоксальности и ереси, отказал евреям в приюте.

Любопытно, что Гамбург, в то самое время, когда он так решительно выступал против временного приема евреев, приютил некоторых в своей среде, сам того не подозревая. С ними, под маской португальских папистов, православные христиане имели ежедневные сношения. Беглецы-маррано бежали от инквизиции, поселились в северогерманском городе свободная Ганза и выдавали себя за португальских "торговцев". Услышав, что их собратья в Амстердаме, с которыми они поддерживали связь, открыто исповедовали иудаизм, и их терпели, они также сняли свои маски и пожелали, чтобы их признали евреями, но продолжали крестить своих детей. Строгие граждане-лютеране подняли громкий протест и потребовали от сената, чтобы от богатых евреев, изгнанных из Португалии и других мест, избавились, а не терпели. Но сенату не хотелось соглашаться с этим; им было стыдно обращаться с этими португальцами благородного поведения и интеллигентного характера как с бродягами или евреями. К тайным евреям

Гамбурга принадлежал в то время любимый и всеми востребованный врач Родриго де Кастро (родился около 1560 года в Лиссабоне, умер в 1627 или 1628 году), который в разгар эпидемии с самопожертвованием поспешил к постелям тех, кто был поражен чумой, и спас жизни многих. Де Кастро также был искусным врачом для женщин и завоевал расположение слабого пола, сильного в симпатиях и антипатиях. Способных врачей было немного, особенно в Северной Германии. Другие "португальцы", как называли себя переодетые маррано в Гамбурге и как их называли, владели капиталом или, будучи агентами, вели важные дела для испанских или португальских домов. Короче говоря, отослать этих португальцев казалось нецелесообразным. Поэтому сенат сначала оттолкнул граждан официальным отрицанием того, что среди них были евреи; а затем признал присутствие меньшего числа, чем было указано на самом деле, — примерно семи португальских евреев, "у которых здесь есть огонь и дым", то есть домашние хозяйства. Но лютеранское духовенство в Гамбурге вело себя крайне нетерпимо, возбуждало народ против португальских евреев и обвиняло сенат в пренебрежении долгом. Этот орган, охранявший только коммерческие интересы, не желал обходиться без евреев, но, не желая обременять свою совесть или, скорее, навлекать на себя упрек в нехристианских чувствах, обратился от гамбургского духовенства—министерства — к высшей инстанции, к теологическим факультетам Франкфурта-на-Одере и Йены. Теологические основания, которыми сенат воспользовался для веротерпимости евреев, очень смехотворны и доказывают окостенение лютеранства в то время. Решение франкфуртского суда исходит из этих соображений и позволяет надеяться, что португальские евреи, которые ради своих убеждений отказались от почестей, состояния и любимого дома, будут обращены в христианство в Гамбурге. Решение йенского факультета выглядит так, как будто его написал профессор доминиканской теологии столетием раньше, во времена Хогстратена, и как будто стрелка на циферблате истории остановилась. Подобно нетерпимым папистам, лютеранский богословский факультет хотел заставить евреев слушать христианскую проповедь.

Сенат, достаточно защищенный с церковной стороны этими двумя судебными решениями, в феврале 1612 года, с ограничениями, вытекающими из немецкого духа или немецкой ограниченности того времени, предоставил португальским евреям свободное проживание в Гамбурге, с педантичной скрупулезностью избегая рассмотрения последствий с обеих сторон. Они действительно стали защищенными евреями (*Schutz-juden*), которые должны были платить ежегодный сбор за защиту в размере 1000 марок. Им не разрешалось иметь синагоги или проводить частные религиозные службы в соответствии с еврейскими обычаями, или практиковать обрезание, но они могли хоронить своих умерших на собственном кладбище в Альтоне. В то время в Гамбурге насчитывалось 125 взрослых людей маррановского происхождения, среди которых были десять капиталистов, два врача и три ремесленника. Важной статьей соглашения было то, что вновь прибывшие могли получить допуск, "если высший и мудрый совет сочтет их квалификацию такой, что у него не будет возражений взять их под свою защиту". Таким образом, молодая, полутерпимая гамбургская община росла из года в год, и в течение десятилетия к ней добавилось несколько капиталистов. Увеличение общины за счет присоединения таких поселенцев, которых открыто признавали евреями, а не маскировали под португальцев, в 1617 году сделало необходимым новое соглашение с сенатом, расширяющее их привилегии в коммерческом отношении, но ограничивающее их в плане гражданства. Они не могли владеть домами или землей и должны были распоряжаться всем, что им могло принадлежать. Исключение было сделано в пользу врача Родриго де Кастро,

учитывая его многолетнюю добросовестную службу, но даже он не мог завещать свой дом наследнику.

Чем больше португальские евреи, благодаря своему капиталу и деловым связям, набирали вес у коммерческих людей в сенате, тем больше они нарушали границы, установленные узколобым законодательством. Когда был основан банк в Гамбурге, которому этот город был обязан своим коммерческим процветанием (1619-1623), не менее двенадцати еврейских капиталистов поддерживали его своими средствами и усилиями, как это сделали амстердамские португальцы при создании голландских компаний, торгующих за морем. Португальские еврейские поселенцы в одиночку основали важную торговлю Гамбурга с Испанией и Португалией. Следовательно, они могли предположить, что сенат, в руках которого находились бразды правления, будет потворствовать нарушениям статей. Они особенно хотели, чтобы им разрешили собираться для публичного богослужения, а это было прямо запрещено. Полагаясь на свою незаменимость, они тихо построили синагогу примерно в 1626 году. Именно Элиху Абоаб Кардозо рискнул на это предприятие. Они назвали это "Талмуд-тора" и назначили Хахамом Исаака Афиаса из Амстердама, ученика Исаака Узиэля.

Эта, вероятно, простая синагога, состоящая из двух больших комнат, вызвала большие разногласия и вызвала много горечи. Император Фердинанд II, террор протестантов, возмущенный тем, что архилютеранский город на Эльбе не позволил католикам построить церковь, 28 июля 1627 года направил в сенат письмо с угрозами, поскольку ради торговли евреям открыто разрешалось строить синагогу, в то время как римским католикам было запрещено исповедовать свою религию. Больше ничего не требовалось, чтобы возбудить лютеранских фанатиков. По их словам, если евреям была предоставлена свобода исповедовать свою религию, то она должна быть предоставлена и католикам, и даже кальвинистам. Поистине ужасные последствия! Когда министерство, или духовное собрание, имевшее большую власть в Гамбурге, упрекнуло сенат в нарушении статей соглашения с евреями, а этот орган, в свою очередь, обвинил евреев, последние заявили, что у них нет синагоги, а просто места собраний для чтения Закона Моисея, Псалмов, Пророков и других книг Ветхого Завета; если они и молились там, то только о благополучии города и правительства. Сенат не пошел дальше, потому что евреи пригрозили, что в случае отказа им в поклонении Богу они всем скопом покинут Гамбург и перенесут свой капитал и деловые связи в соседнее место. Этот аргумент возобладал. Но духовенство требовало не чего иного, как назначения христианского раввина для проповеди христианства евреям в синагоге или где-либо еще. Врачи также с негодованием относились к популярности своих коллег-евреев и стремились поставить под подозрение не только их, но и евреев в целом и настроить людей против них.

Но процветание общины росло год от года, и сенат с радостью принимал тех, кто приезжал с капиталом и деловыми связями. Даже если описания Джона Миллера, заклятого врага евреев, кажутся преувеличенными, все же из них можно составить представление о богатстве португальских евреев Гамбурга. - Они расхаживают с важным видом, украшенные золотом и серебром, дорогим жемчугом и драгоценными камнями. На своих свадьбах они едят и пьют из серебряной посуды и разъезжают в таких экипажах, какие подобают только особам высокого ранга, и, более того, имеют сопровождающих и многочисленную свиту". Чрезвычайно богатая семья Тексейра, обосновавшаяся в Гамбурге, жила в княжеской роскоши. Основателя этого банкирского дома, Диего Тексейру де Маттоса, называли в Гамбурге, как и Иосифа Наксосского в Константинополе, "богатым евреем". Он был португальского происхождения, носил высокий

дворянский титул и ранее проживал в Испании во Фландрии. В возрасте более семидесяти лет он перенес операцию обрезания, чтобы на самом деле стать евреем. Благодаря своему богатству и связям как со знатью, так и с капиталистами, Диего Тексейра мог играть роль аристократа. Он ездил в экипаже, обитом атласом, и у него были слуги в ливреях.

У португальских евреев уже было три синагоги, вторую построил Абрахам Абоаб Фалеро, третью - Давид де Лима. Немецкая община также постепенно собралась в Гамбурге и построила молитвенный дом. И могли ли верные последователи Лютера спокойно взирать на это, хотя почти на смертном одре он приказал обращаться с евреями как с цыганами, а раввинам отрезать языки? Гамбургские пасторы не могли этого вынести, они надавили на сенат и побудили граждан отказаться даже от этой небольшой доли религиозной терпимости. Среди них выделялся закоренелый фанатик Джон Миллер, настоятель церкви Святого Петра, протестантский инквизитор и главный гонитель, жестокий человек, склонный к скандалам, который клеветал на своих преподобных братьев с кафедры и в клеветнических сочинениях. Для этого злобного пастора, считавшего себя столпом лютеранской ортодоксии, было делом совести досконально ненавидеть и унижать евреев. В письмах и разговорах, с кафедры и в кругу своих учеников, в частных беседах и в официальных обращениях его любимой темой были евреи и их унижение. Все в евреях раздражало его: их радость и пиршество в Пурим, их траур по случаю годовщины разрушения Храма, их одежда, их дружба с христианами и их похороны. Фанатик не был неправ в некоторых моментах, как, например, в своем осуждении наследственного порока португальских маррано, о чем свидетельствует их неподобающее поведение по отношению к христианкам, и того, как некоторые из них бросали вызов христианству. Еврейский писатель (Джейкоб Иегуда Леон?) написал работу под названием "Коллоквиум Миддельбургенсе", латинский диалог между раввином и христианином о ценности или никчемности христианских доктрин, Евангелий и церковных писаний, в котором были обнажены слабые стороны христианства. Миллер сочинил защиту, или, скорее, клевету, озаглавленную *"Иудаизм, или еврейская доктрина"*, полный отчет о неверии, слепоте и упрямстве еврейского народа (1644). Это не было продиктовано ни Святым Духом, ни христианской любовью. Язвительные высказывания Лютера против евреев показались пастору неоспоримым откровением. Из него возникло лютеранство, чистое и неподдельное, в котором было так же мало сердечности, как и в папстве, на которое оно нападало, и суть которого состояла из сухих формул веры. Абсурдность и безжалостность Миллера принадлежат не ему; они являются неотъемлемой частью коррумпированной лютеранской церкви того времени. Три теологических факультета, архилютеранский факультет Виттенберга, а также Страсбург и Росток, в ответ на запрос Миллера решили, что врачей-евреев никогда не следует допускать к пациентам-христианам. Таким образом, перед лицом семнадцатого века, когда Тридцатилетняя война железным прутом учила веротерпимости, лидеры лютеранства издавали новую редакцию декретов вестготских соборов против евреев. Но, в конце концов, времена изменились. Кристиан IV, король Дании, Шлезвига и Гольштейна, после Густава Адольфа, защитника протестантов, которому Миллер посвятил свою книгу, назначил своим санитаром Бенджамина Мусафию, врача-еврея.

Даже в Гамбурге фанатичное рвение Миллера не увенчалось большим успехом. Горожане постепенно привыкли к евреям и научились уважать их. Некоторые из них были назначены деловыми агентами или резидентами даже высокопоставленными католическими властителями. Король Португалии сначала назначил Дуарте Нуньеша да Кошту, а затем Якоба Куриэля своими агентами, а его католическое величество Филипп IV возвел Эммануэля

Росалеса, еврейского писателя португальского происхождения, в достоинство графа палатина. Португальские евреи, находящиеся в более выгодном положении, чем их немецкие собратья, чувствовали себя настолько счастливыми в Гамбурге, что называли его своим "маленьким Иерусалимом".

Колония амстердамской материнской общины была образована в Бразилии, Южная Америка, открыта и заселена португальцами, а некоторые поселились в городе Пернамбуку. Туда португальское правительство часто перевозило еврейских преступников, т.е. марранов, которых оно не хотело предавать сожжению вместе с проститутками и прочим сбродом. Эти опальные марраны помогли голландцам завоевать Бразилию, которая стала голландской колонией с собственным штатгальтером, интеллигентным Джоном Морисом из Нассау (1624-1636). Сразу же были установлены связи между амстердамской и бразильской общинами, которые сбросили маску христианства и были почти испорчены благосклонностью голландцев. Евреи в Ресифи, недалеко от Пернамбуку, называли себя "святой общиной" (Кахал Кадос) и имели руководящий орган, состоящий из Дэвида Сеньора Коронеля, Абрахама де Монкадо, Джейкоба Мукате и Исаака Катуньо. Несколько сотен амстердамских португальцев либо по приглашению, либо по собственному желанию отплыли в Бразилию, чтобы наладить деловые связи с колонией, и взяли с собой Чачама Исаака Абоаба. Он был первым бразильским раввином, обосновавшимся, вероятно, в Ресифи. В Тамарике была сформирована община, у которой был свой собственный хачам, Якоб Лагартто, первый автор талмуда в Южной Америке. Конечно, бразильские евреи пользовались совершенным равенством в правах с другими гражданами, поскольку они оказывали голландцам важнейшие услуги в качестве советников и воинов. Когда коренные португальцы, нетерпеливо переносившие голландское иго, организовали заговор с целью избавиться от голландских властей на банкете в столице и напасть на колонию, лишенную правительства, еврей предупредил и спас колонию от неминуемого уничтожения. Позже, в 1646 году, когда между португальцами и голландцами разразилась открытая война и измученный голодом гарнизон Ресифи был на грани безоговорочной капитуляции, евреи призвали губернатора к смелому сопротивлению.

Фанатичная расовая и религиозная война между португальцами и голландцами опустошила справедливую Бразилию, и последовал голод. Евреи соперничали с голландцами в страданиях и храбрости. Исаак Абоаб, чачам бразильской общины, рисует страдания войны, которые он сам пережил, в зловещих красках:

Томов не хватило бы, чтобы описать наши страдания. Враг распространился по полям и лесам, ища здесь добычу, а там - жизнь. Многие из нас погибли с мечом в руке, другие от нужды; теперь они покоятся в холодной земле. Мы, выжившие, сталкивались со смертью во всех ее проявлениях; те, кто привык к роскоши, были рады перекусить заплесневелым хлебом, чтобы утолить голод.

Наконец, Генеральные штаты были вынуждены из-за европейских войн передать колонию португальцам. Самоотверженное рвение евреев к политическому благополучию голландцев было прочной связью, которая впоследствии никогда не разрывалась, между ними и республикой. Терпимость и равное положение евреев в Нидерландах были обеспечены навсегда.

В то время как первый луч лучших времен забрезжил в Голландии, остальная Европа все еще была полна тьмы для евреев. Особенно в Германии еврей даже в семнадцатом веке продолжал

оставаться изгоем, к которому не было сочувствия. Его забросали грязью, опалили бороду, и с ним обращались едва ли не хуже, чем с собакой. В Германии было всего три или четыре важных общины: Франкфурт-на-Майне, насчитывавший более 4000 душ; Вормс, насчитывавший 1400; Прага, насчитывавшая не более 10 000 человек; и Вена, насчитывавшая 3000: остальных было немного. Гамбург был все еще молодым сообществом. В западногерманских вольных городах Франкфурте и Вормсе преобладала едва ли не более сильная антипатия к евреям, чем в Гамбурге, коренящаяся в ограниченности обывательских граждан и гильдий, а не в религиозной антипатии. Оба города относились к евреям в своих стенах как к "servi camerae" и со всей серьезностью апеллировали к акту императора Карла IV, заявляя, что они были проданы им лично и имуществом. Когда португальцы Марранос, желая переехать из Нидерландов во Франкфурт и превратить его в первоклассный коммерческий центр, подобный Амстердаму и Гамбургу, попросили разрешения построить там молитвенный дом, совет решительно отказал. Затем еврейские капиталисты обратились к правителю Ханау и получили очень выгодные условия.

Ожесточение жителей Франкфурта по отношению к своим еврейским соседям выразилось в самом отвратительном и абсурдном законодательном акте, озаглавленном "Разрешенное проживание евреев" (Judenstätigkeit) и определяющем, при каких условиях или ограничениях евреи могут дышать воздухом Франкфурта, или, скорее, гнилой атмосферой еврейского квартала. Город, в основном протестантский, сохранил все канонические ограничения, введенные папством с целью клеймения евреев, такие как запрет им иметь христианских слуг или сиделок и требование носить позорный значок. С ними обращались точно так же, как с преступниками. Евреи не могли выходить за пределы своего квартала, за исключением необходимых дел, и двое не могли гулять вместе, конечно, не по соседству с ратушей, и особенно не во время христианских праздников или свадеб, или если в городе останавливались принцы. От них также требовалось соблюдать тишину в своем гетто, не оскорблять слух христиан какими-либо пронзительными звуками и следить за тем, чтобы посещающие их странные евреи вовремя ложились спать. На самом деле, они не могли ни приютить у себя незнакомцев без ведома магистрата, ни даже принять пациента в свою больницу. Они не могли покупать продукты на рынке в то же время, что и христиане. Хотя их бизнес строго ограничивался, они были вынуждены платить больше налогов, чем жители-христиане. Как они были обязаны носить специальные значки на своей одежде, так и от них требовалось иметь на своих домах щиты со странными фигурами и названиями, такими как "чеснок", "осел", "зеленый или белый щит", "красный щит", "черный щит". В честь этих фигур на щитах жители были названы "Еврей N осла", "Еврей N дракона". При поступлении еврея он был обязан клятвенно пообещать подчиняться этим глупым и бессердечным указаниям. Даже это жалкое существование зависело от благосклонности магистрата, поскольку в одном параграфе совет оставлял за собой право в любое время лишить еврея права проживания. В таком случае человек или семья должны были покинуть город в течение определенного периода времени.

Поскольку магистрат был уполномочен лишить права проживания одного еврея, он мог изгнать из города всех. Это было выведено и потребовано гражданами или гильдиями, не согласными с советом. Они стремились расширить свои свободы за счет ограничения аристократической власти патрициев в магистратуре, и начали с евреев. Причина заключалась в том, что советники, в обмен на существенную благодарность евреев, были снисходительны к исполнению законов, изданных против них; иначе они не смогли бы существовать под давлением порицания и "разрешенного проживания". Но эта снисходительность магистратуры

к евреям была вдвойне ненавистна гильдиям. Поэтому они стремились всеми возможными средствами добиться изгнания евреев из Франкфурта. Евреи получили гарантии своей безопасности как общины по хартии от императора, но на указы и угрозы императора в то время мало обращали внимания. Во главе недовольных членов гильдии стоял кондитер Винсент Феттмильх, который вместе со своими рабочими принадлежал к реформаторам, секте, лишенной гражданских почестей, и который стремился утолить свой гнев против лютеранских властей, отомстив евреям. Он был смелым человеком, который держал членов совета в страхе и открыто называл себя "новым Аманом евреев". Граждане избрали его своим представителем и главарем, и он заслужил это лидерство, поскольку осуществлял свои планы с большой осмотрительностью.

В назначенный день (27 июля == сентября 1614 года по новому стилю), когда община собралась в молитвенном доме, удар следовал за ударом, толчок за толчком, сопровождаемые яростными криками, в дверь еврейского квартала. Вслед за этим последовали крики боли со стороны евреев, которые метались туда-сюда в отчаянии и рассеянном бегстве. Смелые юноши и мужчины схватились за оружие, чтобы отразить нападения или мужественно умереть. С обеих сторон падали раненые и убитые, пока численное превосходство и отвага отряда Феттмильха не решили исход битвы. Затем всю ночь до следующего дня с жестокой яростью следовали грабежи, осквернения и разрушение священных мест. Имперские комиссары ничего не могли сделать, чтобы пресечь беспорядки; они были даже вынуждены вывесить объявление о том, что банда убийц не подлежит наказанию. Большинство евреев, не получивших приюта у филантропически настроенных граждан, с трепетом ожидали смерти на кладбище, скорчившись, многие из них в саванах. Чернь намеренно оставила их в неопределенности относительно судьбы, которая им уготована — жизнь, смерть или изгнание, — так что евреи расценили это как милость Божью, когда днем 24 августа (по новому стилю) ворота рыбака были открыты, и им было разрешено уйти, числом 1380 человек, но без какого-либо имущества. Прогресс человечества по сравнению с предыдущими эпохами виден в том обстоятельстве, что сострадательные христиане давали хлеб и другие припасы тем, кто уезжал совершенно обездоленным, а небольшие города и деревни давали им приют, хотя Феттмильх и враги евреев предостерегали их от приема изгнанников.

Прошло много времени, прежде чем франкфуртские евреи получили компенсацию за эти зверские увечья. Магистратура и император Матиас были одинаково бессильны. Сброд Феттмильха в течение целого года так тиранствовал над советом, что тот ничего не мог сделать для евреев. Некоторые юридические факультеты защищали грабителей, высказав мнение, что их нападения на собственность евреев не могут рассматриваться как кража, поскольку они были совершены днем или при свете факелов. Только аналогичные события в Вормсе ускорили окончание франкфуртской смуты.

Там ожесточение против одной из старейших немецко-еврейских общин, возникшее из ненависти к евреям и торговой зависти, приняло иной оборот. Не гильдии, а некоторые члены магистратуры настаивали на изгнании евреев, и главный враг евреев, вместо того чтобы быть жестоким, но прямолинейным рабочим, был хитрым защитником и извращенцем закона. Здесь, как и во Франкфурте, главным мотивом была оппозиция магистратуре, но члены гильдии действовали с большей решимостью и единодушием. Лидером, советником и директором

комитета граждан был ученый юрист доктор Хемниц (Хемнитиус), который думал, что с помощью юридических уловок он сможет добиться изгнания евреев с меньшей опасностью, чем жители Франкфурта подверглись жестокому насилию. Сначала в ход пошли придирки и всякого рода оскорбления. Комитет не стремился применять насилие, но стремился измотать их. Он закрыл для них торговые точки в городе, помешал им покупать продукты, согнал их скот с лугов и не разрешил доставлять молоко для еврейских детей в еврейский квартал.

После различных перемещений вормсские гильдии, по совету Хемница, собрались без оружия на рыночной площади, чтобы посоветоваться, и послали депутацию к евреям, приказав им "удалиться из города с вещами" в течение часа. Депутация упрекала их в том, что они навлекли на граждан подозрение императора, возбудили его ненависть к ним и лишили их всех средств добиться правосудия. Магистраты протестовали, но безрезультатно, и поэтому евреям ничего не оставалось, как уехать в предпоследний день Пасхи (20 апреля 1615 года по новому стилю). Фанатизм не мог удержаться от того, чтобы излить свою ярость на святыни евреев, разрушить синагогу, которая простояла тысячу лет, осквернить место захоронения и разбить вдребезги несколько сотен надгробий, некоторые из которых свидетельствовали о глубокой древности общины. Архиепископ Майнца и граф Луи Дармштадтский предоставили изгнанникам место жительства в небольших городах и деревнях, и таким образом некоторые из изгнанников встретились со своими страждущими братьями во Франкфурте.

Но ликование врагов евреев в Вормсе длилось недолго. Совет, униженный комитетом граждан, тайно провел переговоры с Фридрихом, курфюрстом палатинским, и примерно через десять дней после изгнания евреев он ввел в город пехоту, кавалерию и пушки, несмотря на тщетный протест комитета, и это вскоре положило конец беспорядкам. И все же прошло почти девять месяцев, прежде чем вормсские евреи были вновь приняты по приказу курфюрста палатинского и епископа Шпейерского (19 января 1616 года по новому стилю). Два месяца спустя франкфуртские евреи были с триумфом уведены обратно под звуки труб и трубящих рожков уполномоченными электората Майнца и Дармштадта (20 адара == 10 марта). Здесь бунтовщики были наказаны более сурово, чем в Вормсе, потому что они вызвали разрушения, грабежи и кровопролитие. Винсент Феттмильх, кондитер франкфуртского ресторана Напан, был повешен и четвертован, его дом сровняли с землей, а семью изгнали. Император оштрафовал город на 175 919 флоринов в качестве компенсации за грабежи, совершенные на еврейской собственности. В память об этом экстраординарном освобождении и почетном восстановлении, которое не является повседневным явлением в Германской империи, община Франкфурта назначила день своего возвращения (20 адара) отмечаться как праздник, называемый Пурим-Винцент, за день до которого соблюдался пост в память об их страданиях.

Старое "разрешенное проживание" евреев в Вормсе и Франкфурте было отменено Матиасом, который ввел новые правила, рекомендованные комиссарами в 1617 году. Это новое устройство все еще несло на себе отпечаток средневековья. Старые ограничения евреев в отношении одежды, занятий и передвижения были сохранены и, по возможности, в некоторых отношениях ужесточены. Евреи по-прежнему считались изгоями, даже императором Священной Римской империи и его советниками. "Поскольку они пользуются привилегиями императора, совет должен защищать их и больше не имеет права изгонять тех, кто получил "разрешение на проживание". Франкфуртским евреям, повторно принятым в то время, не нужно было продлевать свое право на проживание каждые три года, как раньше, и они передали его своим потомкам. С другой стороны, число евреев было зафиксировано на уровне 500. Не более шести

новых семей в год могли получать "разрешение на проживание", и только двенадцать пар в год могли вступать в брак. Еще одно ограничение заключалось в том, что евреев нельзя было называть гражданами Франкфурта; они были только наследственными иждивенцами, находящимися под защитой совета. В дополнение к старой пошлине за защиту, существовал налог на брак и наследование. Ограничения, предусмотренные новым еврейским законом для Вормса, оказались, если это было возможно, еще более жесткими.

Изгнание евреев из двух городов западной Германии и их восстановление имели благоприятный результат для немецких евреев. То, что император решительно настаивал на безопасности евреев и силой оружия подтвердил это, было преимуществом для всех немецких общин. Император Фердинанд II, хотя и был учеником иезуитов и истребителем протестантов, подтвердил неприкосновенность евреев по всей империи, особенно во Франкфурте и Вормсе, когда жители этих мест снова подумали о преследовании их. Отсюда и получилось, что разрушительная, жестокая Тридцатилетняя война затронула евреев в Германии не так сильно, как можно было бы ожидать. Конечно, они не преминули разделить страдания немецкой нации, которая, разделившись на два лагеря, приставила меч к собственной груди и опустошила свою собственную землю. Евреям, как и остальному населению, пришлось смириться с грабежами и опустошениями, которым один за другим подвергали цветущие города военачальники армий, такие как Мансфельд, Тилли и Валленштейн.

Многие еврейские общины были уничтожены яростью войны. Но, по крайней мере, евреям нечего было бояться внутреннего врага, и в уединении своих гетто они были в полной безопасности от любых нападений. Католические генералы получили приказ императора сохранять жизнь и имущество евреев, чтобы многие протестанты могли поселиться и спасти свое имущество в еврейском квартале. До того, как Валленштейн сделал открытие, что война поддерживается войной и что большая армия может добывать средства для себя, война, которую вел Фердинанд II против протестантской половины Германии, требовала много денег, а имперская казна всегда была бедной. Но наличные деньги были в основном в железных сундуках еврейских капиталистов. Следовательно, финансовые источники, евреи, должны были быть защищены, если война должна была продолжаться успешно. Следовательно, император, действуя с осторожностью, убедил своих генералов избавить евреев от всех тягот войны, включая расквартирование войск. Неизвестно, насколько дорого обходилось общинам это нежное обращение. Чешские евреи заплатили значительную сумму и обязались ежегодно вносить 40 000 флоринов на покрытие военных расходов.

Венский двор изобрел еще один способ заставить евреев участвовать в войне. Он назначил еврейских капиталистов придворными евреями, предоставил им самую широкую свободу торговли, освободил их от ограничений, которым подвергались другие евреи, даже от ношения желтого значка, одним словом, предоставил им и их семьям исключительно привилегированное положение.

Еврейская община Вены пользовалась большим уважением во время этой войны или, возможно, в связи с ней. Из-за безразличия Испании центр католицизма был перенесен в то время из Мансанареса на Дунай, из Мадрида в Вену. Евреи, которые постепенно вновь собрались в Вене, несмотря на неоднократные изгнания императорами, вступили в тесные отношения с важными европейскими делами. Придворные евреи и еврейские врачи отправились в Вену со своей свитой, *то есть* людьми, зависящими от них или

притворяющимися зависимыми. Венские евреи в то время считались чрезвычайно богатыми. Поскольку они жили разбросанно в разных кварталах города, они чувствовали необходимость собираться вместе и иметь общее место для молитвы. Они обратились к императору, и он предоставил им участок на территории нынешнего Леопольдштадта, освободил их от юрисдикции муниципальных властей и даже освободил от ношения значка. В то самое время, когда протестантские граждане Гамбурга ревностно следили за тем, чтобы португальским евреям не была предоставлена синагога, архикатолический император разрешил им построить в своей столице новую синагогу со всеми ее принадлежностями (декабрь 1624 г.). Его "освобожденные", *то есть* привилегированные евреи не были обязаны расквартировывать войска или вносить свой вклад в расходы на войну. Магистраты, конечно, возразили против благосклонности, оказанной евреям, и пожелали изгнать весь "рой евреев" из города. Придворные советники, желавшие вымогать деньги, дали горожанам понять, что за 20 000 флоринов они могли бы получить удовольствие от того, что евреи будут изгнаны; но в то же время они шепнули евреям, что, если они ожидают выплаты этой суммы, они могут остаться в Вене. Вероятно, евреи одержали верх.

Объединенная и процветающая община искала раввинского лидера и в феврале 1625 года сделала счастливый выбор в пользу Липмана Хеллера, дружелюбного и образованного человека, в то время раввина Никольсбурга. Он не был выдающейся личностью, но его таланты заметно выделяются на темном фоне того времени. Он составляет исключение среди раввинов того времени, по крайней мере, в Германии и Польше. Он не только занимался изучением талмуда, но и был знаком с отраслями знаний за пределами раввинской области. Например, Хеллер изучал не только еврейскую литературу, но и хорошо разбирался в математике. В талмудическом отделе он не мог сравниться с современными выдающимися учеными, с Сэмюэлем Эдлесом в Остроге, Джошуа Фальком в Лемберге, Джоэлем Серкесом в Кракове и многими другими. Но если он уступал им в остроте, точнее, в тонкости, то он превосходил их глубиной и ясностью мышления.

Хеллер (родился в 1579 г., умер в 1654 г.) обладал мягким характером, привлекательной внешностью и искусной речью и, следовательно, мог часто посещать христианские кружки. Далекий от тщеславия, не терпящего противоречий, — недостатка большинства представителей раввинского учения в Польше, — он расположил всех в свою пользу и покориł все сердца своей скромностью. Он один из тех, кого мы невольно жалеем за то, что они жили в такие варварские времена. В лучшие времена они могли бы с большим успехом трудиться на благо иудаизма. На тридцатом году жизни, в том же возрасте, что и Маймуни, он завершил гигантский труд - всеобъемлющий комментарий к Мишне (Тоссафот Йом-Тоб, 1614-1617). Это потребовало гораздо большего объема работы, чем был вынужден посвятить ей его великий предшественник, или Обадия ди Бертиноро, если мы примем во внимание, насколько увеличилось количество материалов, подлежащих рассмотрению и тестированию, за этот промежуток времени.

Будучи вызван в Вену на должность раввина, он с пользой трудился для этой молодой общины. Он составил ее конституцию, и за короткое время его официальной карьеры она стала уважаемой и любимой. С его миролюбивым нравом ему следовало остаться в Вене, вместо того чтобы позволять привлекать себя кажущимися превосходными качествами пражского сообщества, где все еще преобладали вульгарность и низость, зависть и злоба. Для этого круга Хеллер был совершенно непригоден, но его привлекала столица Богемии, где было

несравненно больше изучения Талмуда и где он мог надеяться насладиться обменом мыслями. Только слишком скоро у него появился повод пожалеть о том, что он согласился занять этот пост. Как исполняющий обязанности раввина, Хеллер был президентом комиссии, на которую возлагалась неблагодарная задача распределения большого ежегодного военного налога в размере 40 000 талеров среди членов пражской общины и сельских общин. Учитывая честный характер Хеллера, можно предположить, что он действовал с предельной добросовестностью и сознательно никого не перегружал. Тем не менее, некоторые члены жаловались на неправильное распределение средств, подняли ссору в сообществе и собрали большое количество последователей, которые угрожали комиссии обвинениями. Напрасно Хеллер возвышал свой предостерегающий голос против господствующих разногласий, выступая с кафедры то в мягких, то в суровых выражениях. Упрямство сочеталось с завистью, и недовольная сторона обвинила его и старейшин комиссии перед гражданскими властями в том, что они пристрастно щадили богатых и возлагали бремя налога на плечи тех, у кого было меньше средств, заставляя выплачивать долю, налагаемую угрозами отлучения от церкви, тюремного заключения и других наказаний. Обвинения против Хеллера, должно быть, носили еще более ненавистнический характер. Суть заключалась в том, что в одной из своих работ он использовал оскорбительные выражения против христианства. Чтобы подчеркнуть свою клевету, они сообщили человеку, близкому к императору, который очень гордился своими богословскими познаниями, что Хеллер хвастался на слушаниях у штатгальтера Праги, что он победил его в диспуте. В то же время клеветники намекали, что обвиняемый раввин владел большим имуществом, которое перейдет в императорскую казну в случае, если его признают виновным. Стремясь удовлетворить свою месть или злобный дух, доносчики совершенно упустили из виду тот факт, что таким образом они могли вызвать преследование не только пражских евреев, но и всех немецких евреев.

Их клевета была встречена слишком бурным вниманием. Штатгальтер Праги получил официальное распоряжение императора отправить раввина Липмана Хеллера в цепях в Вену. Ввиду военной суровости, обычной во время Тридцатилетней войны, даже невинным людям приходилось опасаться худшего. Однако Хеллер был настолько высоко оценен даже христианскими чиновниками, что начальник полиции, которому было поручено его содержание под стражей, отнесся к нему с необычайной снисходительностью, и ему разрешили поехать в Вену только под залог. По прибытии он зашел к канцлеру, чтобы узнать подробности относительно выдвинутого против него обвинения. Канцлер сурово заявил, что именно это заставило Хеллера опасаться худшего — что он написал статью против христианской религии. После этого Хеллер был заключен в тюрьму вместе с уголовными преступниками, и была назначена комиссия из духовенства для установления его вины как богохульника. Приговор состоял в том, что Хеллер должным образом заслуживал смерти, но император был готов проявить милосердие и позволить заменить смертную казнь штрафом в размере 12 000 талеров, подлежащим немедленной выплате, и что инкриминируемые записи должны были быть уничтожены. Пражские клеветники, недовольные приговором, не успокоились до тех пор, пока император не лишил Хеллера должности раввина в Праге и не объявил его недостойным занимать раввинскую должность везде, где господствовал императорский скипетр. Наконец, после сорокадневного заключения он был освобожден с потерей должности и имущества и без всякой надежды на назначение в другое место. Очернение Липмана Хеллера не прошло совсем бесследно для евреев. Фанатичный император и многие представители духовенства, которые были вынуждены заметить отношение евреев к христианству, задумали представить в Вене план

папы Григория XIII по произнесению проповедей об обращении евреев. В феврале 1630 года император издал указ, согласно которому евреев принуждали слушать проповеди об обращении в веру каждую субботу утром между восемью и девятью часами, при этом должно присутствовать не менее 200 представителей обоего пола в равном количестве, среди них сорок молодых евреев в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Каждый, кого вызывали послушать проповедников, должен был быть оштрафован на талер в случае неявки и на более высокую сумму, если нарушение повторялось. Сон и разговоры во время проповеди наказывались. Штрафы должны были использоваться в поддержку обращенных евреев. Обращение евреев было делом, которое император принимал близко к сердцу, и он возлагал большие надежды на эти принудительные меры. Однако осуществить этот план было нелегко. Придворные советники, которым император поручил это дело, не были защищены от подкупа и последовали за иезуитами, которые придавали меньшее значение поимке еврейских душ, чем притеснению протестантов и усилению своей собственной власти.

В анналах Тридцатилетней войны нет записей об особых страданиях еврейской расы. Создается впечатление, что с евреями обращались почти лучше, чем с христианами. По крайней мере, в Майнце шведы, прожившие там более четырех лет, с конца 1631 по 1636 год, вели себя с ними более доброжелательно, чем с другими. Они не сильно обеднели, поскольку смогли через три года после ухода шведов построить синагогу в Майнце и таким образом расширить свою общину, оказав услугу, которой они не могли пользоваться более 150 лет. Тридцатилетняя война закончилась, как хорошо известно, в Праге, на том самом этапе, на котором она началась. Шведский генерал осадил город на Молдау и уже захватил один квартал. Но жители храбро сопротивлялись, и евреи не отставали от других, если не с оружием в руках, то с трудом, в траншеях и с огнетушащими средствами. Это был еврей, который доставил императору разведданные из осажденного города, чтобы получить подкрепление. Из-за своей привязанности к императорской семье чешские евреи добились от Фердинанда III расширения своих прав, которое заключалось в привилегии проживать во всех королевских городах и владениях и в том, что они не были изгнаны без ведома императора. Можно предположить, что евреи не так уж много потеряли в этой опустошительной войне. В то время как христианское население было совершенно обнищавшим и вынуждено было бороться с нуждой — главным обстоятельством, побудившим правителей заключить Вестфальский мир, — евреи кое-что сохранили. Добыча многих городов проходила через их руки, и, даже если их облагали непомерными налогами и заставляли платить большие суммы, они все равно получали некоторую выгоду. Следовательно, сразу после окончания Тридцатилетней войны, когда большое количество их братьев-беглецов прибыло из Польши через Германию, они могли по-братски рассчитывать на поддержку со стороны немецких общин; ибо евреи Польши впервые подверглись длительному кровавому преследованию. Чаша страданий не должна была миновать их.

КОНЕЦ ТОМА IV.

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Непоследовательное использование заглавных букв и букв собственного имени в именах без изменений.

Непоследовательное использование точек после порядковых номеров не изменено.

Из-за светлого или выцветшего шрифта ссылки на некоторые страницы в Указателе разделялись пробелом, а не запятой или тире. Переписчики пытались исправить это, обычно с помощью тире, путем изучения текста, на который даны ссылки.

Индекс не был проверен на наличие правильных ссылок на страницы.

В тексте двенадцатый месяц на иврите пишется как "Элул" и как "Эллул".

Страница 77: "Неизвестно, в какой степени" было напечатано именно так.

Страница 173: "Если бы было собрано сто евреев", вероятно, следовало бы начинать со слов "Если бы сто".

Страница 175: "удерживаемый в воротах", возможно, должно быть "тюрьма".

Страница 205: "мирской" заменено на "мирской"; последнее встречается в другом месте этого текста.

Страница 331: "Франсиско де Санта-Фе" было напечатано как "Sante-Fé", но было изменено, чтобы соответствовать всем подобным конструкциям в этой книге.

Страница 419: "Хотя и ограниченная" было подчеркнуто именно так.

Страница 718: "Эстер (Эстерка), жена Казимира Великого" была указана на странице 122; правильная страница - 112, и здесь она была изменена.

Страница 710: В указателе указано "Альбасси, Джейкоб", но на указанной странице (60) имя пишется как "Абасси". Здесь не было изменено ни то, ни другое.

Страница 721: "Гонзага, Людовико" было напечатано как "Гонзаго", но здесь изменено, чтобы соответствовать написанию на странице 287. Следующая запись "Гонзаго, Виченцо" не была изменена, так как на странице 659 написано "Гонзаго". В современных источниках оба имени пишутся как "Гонзага".

Страница 721: "Gratiño" пишется как "Gatiño" на странице, на которую оно ссылается; здесь ничего не изменилось. Указатель содержит аналогичные расхождения, большинство из которых не упомянуты в этих примечаниях.

Страница [723](#): "Ибн-Гебириоль" в оригинале писался как "Ибн-Гебриоль", но был изменен, чтобы соответствовать написанию на трех страницах, на которые ссылается эта запись.

Страница [738](#): "См. Евреи Испании, Африки, Италии и Востока". и несколько других записей в Указателе содержат неопределенные ссылки, на которые нет ссылок.